КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXIV.

1891 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 10-го іюля 1891 г.

Библиотека "Руниверс"

ІОСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,[1]

ПОСЛѢДНІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО „МЕТРИКА“.

(ОКОНЧАНІЕ).

III.

„Метрика“ Шумлянскаго имѣетъ значительный историческій и литературный интересъ. Это не покажется преувеличеннымъ, когда мы разсмотримъ ея текстъ. Но прежде всего, именно въ виду этого интереса, желательно было бы констатировать, вся ли книга написана Шумлянскимъ, или только нѣкоторыя ея части и какія. Мы знаемъ, что Шумлянскій обыкновенно говорилъ и писалъ по польски, и вотъ является первое затрудненіе, которое можно устранить развѣ допустивъ, что Шумлянскій велѣлъ написанное имъ по польски перевести на русскій языкъ. Что нѣкоторыя части Метрики, какъ формулы крещенія, вѣнчанія и святцы, были взяты Шумлянскимъ изъ книгъ церковныхъ или редактированы кѣмъ нибудь изъ состоявшихъ при немъ священниковъ по его повелѣнію и согласно потребностямъ сельскаго духовенства, это, мнѣ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ Шумлянскій, въ качествѣ военнаго человѣка, въ богословіи и обрядности смыслилъ очень немного. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что все прочее въ книгѣ, житейскія наставленія, обличенія и историческія воспоминанія принадлежатъ перу Шумлянскаго, которому та-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г., № 6.

Библиотека "Руниверс"

кимъ образомъ нужно отвести нѣкоторое, хотя и скромное, мѣсто въ исторіи южнорусской литературы.

Въ началѣ первой части Шумлянскій говоритъ, что „Метрика“ есть первая книга, выходящая изъ новооснованной типографіи епископской во Львовѣ (стр. 1). Затѣмъ слѣдуетъ пространное поученіе о томъ, что такое метрическія книги и какая отъ нихъ польза для мірской и духовной администраціи. Авторъ опровергаетъ мнѣніе закоснѣлыхъ консерваторовъ, что, „не бы́ло въ церквѣ нашой тои́ кни́ги Ме́трики, а по ста́рому отправля́лися сакраме́нта святыи“ (стр. 7). Онъ доказываетъ противное: „возми́ собѣ Тре́бникъ вели́кій Могиля́нскій, а та́мъ оба́чишъ при концу́ кни́ги тои́, на кàртѣ ѵ҃к҃ѣ выразную о ты́мъ нау́ку... же́ не новàя то ре́чъ въ церквѣ Божой Ме́трика“. „Пра̀вда—прибавляетъ авторъ,—же передъ небо́жчикомъ блаже́ннои па̀мяти Петромъ Моги́лою я́кось ся была̀ кни́га та̀я затлуми́ла въ Ро́ссіи нашой, а̀ле не ди́въ, зна̀ті, для́ вели́кого та̀мтыхъ ча̀совъ на церковъ Божію преслѣдова̀ня, бо не ты́лько не мѣлъ дру́гій ча̀су тогды́ въ Ме́трику кого́ впи́совати, а̀ле и церкве не еди́нъ отбѣга̀ти му́сѣлъ, а затымъ при утраче́ню церкве, му́сѣли и Ме́трики ги́нути“. Але въ Богу зе́шлый преосвященный архіепископъ и митропо́лита кіевскій Пе́тръ Моги́ла, яко чу́лый церкве Христовы па̀стыръ, презрѣвшися до́бре въ порядкахъ духо́вныхъ и чи́ну церко́вномъ, до́йзрѣлъ и того́ до́бре, же духове́нству на̀шему россійскому я́ко нау́ка и інформа̀ціа о Сакраме́нтахъ святыхъ, та̀къ и Ме́трика е́стъ потре́бная, для́ чого́ въ ро́ку а҃х҃м҃ѕ (1646) мѣсяца дека̀мврія ѕ҃і҃ (16) дня́ мѣлъ въ Кіевѣ, въ церквѣ святы́я Со́фіи катедра́льнои метрополитанской собо́ръ духо́вный, на кото́ромъ... доло́жено и того́, а̀бы и Ме́трику кни́жку ко́ждый священникъ мѣлъ въ церквѣ сво́ей“ (стр. 9—11).

Далѣе авторъ разсказываетъ, что „по Могилянской смерти въ нѣкоторыхъ церква̀хъ а̀лъбо діецѣзіахъ и кни́га та̀я Ме́трика пра̀ве ю́жъ бы́ла уме́рла... и я́кобы въ Моги́лѣ пе́рстю недба̀лъства па̀стырского и пѣско́мъ лѣни́вства осо́бъ духо́вныхъ та̀къ бы́ла загрома̀жена, и́жъ розумѣли нѣкоторіи, же тои́ кни́ги нѣгды не бы́ло на̀ свѣтѣ“ (стр. 12). Это именно побудило Шумлянскаго издать настоящую книгу. „И я́—пишетъ онъ—сми-

Библиотека "Руниверс"

ре́нный и недосто́йный церкве Христовы па̀стыръ, презъ двадесятъ лѣтъ наслу́хавшися на помѣ́стныхъ собо́рахъ мно́го о тымъ самы́хъ честностей вашихъ жа̀лобы и ска̀рги, я́ко обѣща̀лемъ честностямъ вашимъ въ ты́мъ угоди́ти..., та̀къ ско́ро ми да̀лъ Господь Богъ... тυпографію а̀льбо друка̀рню но́вую пра̀цею и ко́штомъ вла̀снымъ споряди́вши (sic), заразъ обѣ́тницы моѐи и жада̀ню вашему... до́сыть чиню́“ (стр. 12—13).

Въ „Предмовѣ“ къ третьей части „Метрики“ мы находимъ интересную картину безурядицы, какая произошла въ Польшѣ послѣ введенія григоріанскаго календаря въ церкви латинской. „Привела̀ мя (къ включенію святцевъ въ Метрику) жа̀лость и ча̀стая ска̀рга людій праця̀ови́тыхъ посѣ́лныхъ, и убо́гихъ ремесника́въ по мѣстахъ и мѣсте́чкахъ живу́чихъ. Наслу́халемся бовѣ́мъ того́ мно́го, же лю́де працови́тіи по се́лахъ, а реме́сники уб̀о́гіи по мѣстахъ, у̀скаржаются не ти́лько на пано́въ и ура́дниковъ по́льскихъ, а̀ле те́жъ и на духовныхъ сво́ихъ ру́скихъ. На пано́въ жа̀луются дла́ того́, же и́мъ по се́лахъ ка̀жут въ свои́ свята по́льскіи па́нщизну отбыва́ти; на духовныхъ зась, же и́мъ ча̀стыи свята въ ты́ждню заповѣда̀ютъ и не ка̀жутъ робо́ити. Ремесники́ зась по мѣстахъ и свои́ свята зъ повинности христіа̀нскои, и по́льскіи зъ росказа̀ня ура́дового му́сятъ святи́ти. А кото́рій для заро́бку собѣ́, жонѣ́ и дѣ́темъ на хлѣ́бъ поважится въ по́льское свято що зроби́ти, а̀жъ оскаржо́ный до ура́ду му́сить дава̀ти гри́вны а̀бо вязе́нье сѣдѣ́ти. Не послу́хаетъ же кто́, лю́бъ ремесни́къ въ мѣ́стѣ, лю́бъ працови́тый чло́векъ на селѣ́ духовнаго зака̀зуючого свята въ церквѣ,... грѣ́шитъ смерте́льне“ (ч. III, стр. 3—5). Вотъ почему Шумлянскій издаетъ святцы, въ которыхъ обозначены праздники, въ которые совсѣмъ нельзя работать, а также меньшіе праздники, въ которые съ полдня „могу́тъ про́стіи працови́тіи лю́де, убо́гіи ремесники́ бе́зъ скру́пулу роби́ти, меновите о́выи, кото́рій не зароби́вши на хлѣ́бъ, не мѣлъ бу́детъ що и́сти, а̀льбо мѣлъ бы кто́, не ро́бячи того́ дня́, въ по́ли а̀льбо въ до́му шко́ду понести́“ (стр. 6). Конечно, тому, чтобъ „убогіи ремесники“ по городамъ не были принуждаемы праздновать и по русскому, и по латинскому календарю, Шумлянскій своими святцами помочь не могъ.

Библиотека "Руниверс"

Самая обширная и самая интересная статья въ Метрикѣ Шумлянскаго, это „Нравоученіе мірскимъ іереомъ“, составленное по показанію самого автора для того, чтобъ указать, „якіе персо́ны и яки́мъ спо́собомъ а̀льбо поря́дкомъ, я́ко до ста̀ну архіере́йскаго, та̀къ іере́йскаго, і діа̀конскаго промова̀тися и вступ̀овати ма́ютъ, а освящшеся, я́ко въ то́мъ „священномъ чи́ну а̀льбо ста̀ну до́лжни су́ть жи́ти“ (стр. 22). Программа эта въ самомъ сочиненіи не выполнена настолько, что авторъ ограничился наставленіями однимъ іереямъ, объ архіереяхъ по легко понятнымъ причинамъ умолчалъ. Поученія, данныя Шумлянскимъ мірскому духовенству своей епархіи, составляютъ драгоцѣнный памятникъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, мы видимъ незавидное состояніе мірскаго православнаго духовенства южнорусскаго во второй половинѣ XVII в., а также тѣ идеалы, къ какимъ старались направлять его развитіе люди въ родѣ Шумлянскаго.

Прежде всего авторъ считаетъ нужнымъ указать на то, что поученіе, какое онъ здѣсь преподаетъ, не есть что нибудь новое, но тоже самое, „я́же мы̀ са̀ми отъ першаго ро́ку нашего епископства... я́ко на помѣстныхъ, та̀къ и на енера̀льныхъ собо́рахъ все́гда ва̀мъ... предлагахомъ и кро́тцѣ моля́ще учи́хомъ“ (стр. 24). Поэтому „для́ снаднѣйшаго ко́ждому выразуме́ня не *слове́нскимъ язы́комъ, а́ле на́шимъ прирожо́нымъ Російскимъ діале́ктомъ изволи́хомъ писа́ти*“ (стр. 25).

Рѣшеніе это было весьма кстати, такъ какъ большинство мірскаго духовенства въ то время было едва грамотное; по крайней мѣрѣ Шумлянскій, вычисляя условія, необходимыя для священническаго сана, хотя и пишетъ, что „повинен таковы́й ко́ждый мѣти въ себѣ нау́ку зго́дную, и овше́ки священникомъ потре́бную“ (стр. 27), но какая это наука и гдѣ можно было ее получить, объ этомъ онъ не говоритъ. Съ своей стороны Шумлянскій, какъ мы уже сказали, не сдѣлалъ почти ничего для поднятія уровня этой „науки“. Все, что онъ сдѣлалъ, по его собственнымъ словамъ, состояло въ томъ, что „е҃ѕамѣна̀тора назнача̀емъ и приходя́щихъ на посвященіе до́брѣ е҃ѕамѣнова̀ти ка̀жемъ, подча̀съ (иногда) и сами́ е҃ѕамѣну́емъ“ (стр. 27). При

Библиотека "Руниверс"

недостаткѣ какихъ бы то ни было правилъ для этихъ „еѳамѣнаторовъ“ могли, разумѣется, проскальзывать въ іереи люди совсѣмъ неспособные, такъ что еще въ 1722 г. монахи Супрасльской обители, издавшіе „Леѳіконъ сирѣчъ Словесникъ Славенскій имѣющъ въ себѣ словеса первѣе славенскія азбучныя, по семже польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ Славенскихъ обрѣтающихъся въ книгахъ церковныхъ, (Супрасль, 4⁰, 32 листа), въ предисловіи къ этому изданію писали: „съ неисчетною болестію сердца, и язвою утробы неудобъ исцѣлимою изобрѣли искусителіе или еѳаминаторове поставляемыхъ въ іерейство людей, яко *сотный іерей едва славенскій языкъ разумѣетъ, невѣдай что чтетъ въ Божественной службѣ*“ [1]). Правда, ниже Шумлянскій убѣждаетъ священниковъ, чтобы посылали своихъ дѣтей въ школы, но нигдѣ мы не видимъ, чтобы для достиженія іерейскаго сана необходимо было *школьное* образованіе, не говоря уже о спеціальной, богословской подготовкѣ.

Затѣмъ Шумлянскій переходитъ къ праву патроната, которое для мірскаго сельскаго духовенства состояло въ томъ, что желающій вступить въ санъ священническій долженъ былъ постараться, чтобъ его избрала громада и чтобы выборъ его подтвердилъ панъ-землевладѣлецъ. Конечно, Шумлянскій, который только благодаря этому праву сдѣлался епископомъ, далекъ былъ отъ всякой мысли объ его измѣненіи или упраздненіи; онъ настаиваетъ только на его точномъ исполненіи. „А же тутъ въ Коронѣ и державѣ... короля польскаго... панове дѣдичніе, якотежъ земскихъ доброъ поссессорове, албо панове старостове доброъ его королевской милости, где которій зъ нихъ пануетъ, тамъ надъ подданствомъ маючи владзу, часомъ предъ посвященіемъ, часомъ по посвященію не тылько тыхъ, которіи ся безъ вѣдомости и волѣ ихъ на священство становятъ, але и громады и насъ епископа частокротне турбуютъ; прето пастырско наказуемъ, абы отъ сего часу безъ волѣ цѣлои громады (sic) и безъ кон-

[1]) См. Приручный словаръ славено-польскій, или собраніе реченій славенскихъ неудобъ разумѣтелныхъ обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ, на языкъ польскій толкованыхъ. Львиородъ. 1830. Предисловіе, стр. 5—6.

Библиотека "Руниверс"

сéнсу àльбо писмà пàна влàсне належúтого не вàжился жàденъ къ нàмъ приходúти, подъ утрàтою кондúціи àльбо парохіи, на котóрую бы ся мѣлъ посвятити“ (стр. 27—28). Наблюденіе за этимъ онъ поручаетъ протопопамъ или намѣстникамъ, которые должны „гóдніе и спосóбніе осóбы на священство усмотрѣвàти, и до нàсъ епископа, порядне вúписавши о егó урожéню и повожéню, и присылати. А же катéдра наша лвовская—скромно прибавляетъ Шумлянскій—по благодáти Божіей естъ то еднó свѣтило всéя Рóссіи, прéто тíи осóбы, котóріе промовуютъ ся на священство, мàючи пúсмо отъ пáна належúтого и намéстника своéго, еслú мóщно двóхъ чл҃ковъ àльбо принáмнѣй еднóго зъ громàды, àльбо тéжъ писàнье отъ громады вúправивши собѣ, въ пристóйнымъ одѣню, вчéсне двóма недѣлми до тоей же катéдры лвовской мàютъ приходúти, чогó всегó отцéве протопóпове àльбо намéстникове пúлне мàютъ и дóлжни сутъ дойзрѣти и испрàвити. А ежéли бы котóрій зъ акколúтовъ бéзъ такóвои наместнúчои інформàціи, àльбо безъ пúсма пàнского, въ грýбомъ одѣню, въ непристóйномъ обýвю мѣлъ прійти до катéдры нашой, такóвый наместникъ на енерàльномъ соборѣ суждéнъ бýдетъ, и еслú за егó стàнетъ ся тó небрежéніемъ, публúчную отнесéтъ покýту“ (стр. 29—30).

Упоминаніе о „грубомъ одѣню“ и „непристойномъ обувю“, которыя ставятся „акколиту“ въ столь тяжкую вину, что за него долженъ быть наказанъ даже протопопъ, можетъ показаться здѣсь логическимъ скачкомъ, но оно составляетъ существенную часть философіи Шумлянскаго. Ниже мы увидимъ, что разумѣетъ Шумлянскій подъ „грубымъ одѣньемъ“ и „непристойнымъ обувьемъ“ и почему они такъ сильно не нравятся ему.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія, на какихъ можно было въ то время достигнуть сана православнаго священника, Шумлянскій переходитъ къ перечисленію обязанностей священника, какъ онъ ихъ понималъ. Первая и самая главная обязанность священника, это—*трезвость*. „Любѣте сію добродѣтель пàче злàта и топàзія“, восклицаетъ Шумлянскій (стр. 36), ибо „трéзвость éстъ родúтелькою и фундàментомъ всякого добрà.

Библиотека "Руниверс"

Трезвéнный священникъ“ кромѣ всякихъ другихъ добродѣтелей, „мóжетъ до чи́таня кни́гъ и пи́сма святого спосóбнымъ бы́ти, а зъ чита́ня (sic) кни́гъ чогó нѣгды не вѣдалъ, довѣда́тися, чогó нѣгды не умѣлъ, научи́тися, и другóго научи́ти мóжетъ“. „Трезвéнна священника,—прибавляетъ Шумлянскій,—я́ко всѣ лю́де лю́бятъ, я́ко сами́ панóве хва́лятъ и поважа́ютъ, наслу́халемся тогó вла́снымъ слу́хомъ“ (стр. 35—36). Вообще поучая свое духовенство о трезвости, Шумлянскій употребляетъ самые сильные резоны и впадаетъ въ концѣ даже въ лирическій пафосъ, подражая стилю акафистовъ не хуже галицкихъ одокропателей XIX в.: „О трезвéніе, мáти добродѣтелей! восклицаетъ онъ.—О трезвéніе, ѧнгельская дѣтели! О трезвéніе, души́ и тѣлу украшеніе! О трезвéніе, всѣхъ тебé любя́щихъ непостыдное къ спасéнію упова́ніе“. (36).

Очевидно, добродѣтель эта должна была среди современнаго ему духовенства быть большой рѣдкостью, когда ее нужно было такъ расхваливать и пропагандировать. Въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующее поученіе Шумлянскаго о пьянствѣ, самое обширное во всемъ сочиненіи. Въ пьянствѣ Шумлянскій видитъ „кóрень всему́ злу́“ (37); „пія́ный, посполи́те мóвимо, вѣршовъ не склада́етъ“ (40). Пьяный священникъ дѣлаетъ противъ своей присяги пропуски въ богослуженіи, „бо вечéрни, пѧвечерни не прочитѧетъ, на полу́ночницу не встѧнетъ, у́трню хóчъ то и́ въ церкви спячи́ отпрѧвитъ“, и даже „слу́жбу Божію не ты́лько въ повше́дныи, а́ле и въ неде́льніе, и́ въ святочніи дни частокроть опускѧетъ, ѧльбо тéжъ зъ велúкою неспосóбностю и піанствомъ посквернéнного тѣла своéго отправу́етъ“(41—42). Іерей пьяница не можетъ исполнять и другихъ своихъ обязанностей. „Придáсть ся якій зъ парохіи, чіей на когó нѧглій припѧдокъ, же трéба въ ночи́, о пóлночи порвѧтися, встѧти и пойти́, ѧльбо дитя́ крестити, ѧльбо рождшую лю́бъ тѧмъ когó и́ншого нѧгле безгóдне умира́ючого диспоповѧти, а священникѣ на ногѧхъ не встóитъ, о себѣ не памятѧетъ, нехѧйже тѧмъ ктó зъ такóвыхъ припѧдковъ умретъ въ грѣху смертéльномъ бéзъ спóвѣди, безъ раздрѣшéнія, а за твоúмъ, о Іерéю пія́нствóмъ, вѣдайже, вѣдай запéвне, же згинéня егó зъ ру́къ твои́хъ отъ тебé реквѣровѧти бу́дутъ“ (42—43). Въ концѣ Шумлянскій ссылается

Библиотека "Руниверс"

на то, что „отправу́ючи поме́стніи собо́ры въ диецезіей нашой, признаете мнѣ то сами́, же если́ о́ що, я́ко о пія́нство упоминаемъ священниковъ, абы ся его́ хорони́ли, въ корчмахъ зъ поспо́литыми людьми́ не засѣдали и на оказіяхъ, я́ко то на крести́нахъ, шлю́бахъ а́льбо весе́ляхъ и по́минкахъ абы такъ осторо́жными были́, же́бы тре́звыми отходи́ли, да не да́сться кому́ претика́ніе въ со́блазнь". (44).

Тема о пьянствѣ непосредственно вяжется съ другой темой—объ обществѣ, въ какомъ должны держаться священники. „Упоминалемъ и о то-говоритъ дальше Шумлянскій,-абы на я́рмарки на торги́ и на пра́здники въ ку́пѣ съ подру́жіи свои́ми на едно́мъ во́зѣ не и́здили, а то для того́, же ся невѣрніи жидо́ве зъ того́ насмѣва́ютъ и поруга́ютъ, зъ поспо́льства мно́гіи соблазня́ются, пано́ве въ ле́гкомъ поваже́ню ма́ютъ, православная Ру́сь, и́ле ува́жный, и пова́жніи лю́де за то встыда́ются, а на́мъ па́стыревѣ слышачи́ то сердце болѣзну́етъ. Вымовля́лися не́которіи на собо́рахъ поме́стныхъ, же то на́съ до того́ приво́дитъ на́ше убо́зство, тяжа́ры па́нскіи и отъ громадъ неушанова́нье. Але я́ко за́разъ на ты́хъ же собо́рахъ мо́вилемъ же то неслу́шніи вымо́вки, такъ и тепе́ръ си́мъ писмо́мъ га́нячи то́ мо́влю та́къ: Даре́мная то́, че́стніи отце́ве, ска́рга ва́ша. Мѣй ты́лко ко́ждый тре́звость, око́ло се́бе опа́трность, присто́йное оде́ня, въ набоже́нствѣ пи́льность, око́ло сакраме́нтовъ святы́хъ умѣ́тность, в науче́ню люде́й горли́вость, въ припа́дкахъ лю́дцкихъ чу́йность и готово́сть, до того́ въ дома́хъ корче́мныхъ не засѣда́й, зъ людми́ не своеи кондиціи кро́мѣ потре́бы ну́жнои не переставай, и зъ ро́вными себѣ при слу́шной ока́зіи зостаючи́ статку́й, сло́въ пра́здныхъ и́ле гнилы́хъ зъ у́стъ не выпуща́й, а ему́ же честь, честь и ему́ же да́нь, да́нь воздава́й, то естъ Бога бо́йся, церкве и набоженства пильнуй, болшого тебе́, я́ко то епископа и его наместника послушай, па́на належи́того я́ко па́на поважай и молися о немъ, ровныхъ себѣ братій братерско, меншихъ же парохіяновъ я́ко ча́дъ своихъ духовныхъ духовне люби́, домъ свой до́брѣ управляй, а вѣру ми йми́, же и отъ па́на ла́ску и пова́гу, отъ грома́ды ушанова́нье, отъ насъ па́стыра любовь, и отъ Господа милость имѣти бу́деши". (44—47).

Библиотека "Руниверс"

Читатель вполнѣ пойметъ значеніе этихъ и слѣдующихъ поученій Шумлянскаго, когда вспомнитъ тотъ крайне низкій уровень просвѣщенія и общественнаго значенія, на какомъ стояло православное мірское духовенство въ южной Руси въ XVI и XVII, и даже еще въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Мы не намѣрены здѣсь развертывать полную картину этого состоянія, но укажемъ только на нѣкоторые менѣе извѣстные факты. Такъ, въ „Реестрѣ преступниковъ, которые судились за уголовныя преступленія саноцкимъ гродскимъ судомъ въ 1554—1638 годахъ“, мы нашли не менѣе 20 поповъ и поповичей, обвинявшихся въ кражѣ, разбоѣ, укрывательствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были допрашиваемы на пыткѣ и кончили позорной смертью [1]). Вотъ для примѣра разсказъ одного свидѣтеля (№ 11): „Однажды въ русское „середопистье“, въ понедѣльникъ, 1606 г. былъ Иванъ Яворницкій (разбойникъ) въ с. Творильномъ съ творильницкимъ попомъ и пьянствовали до вторника. Во вторникъ, къ вечеру пошли оба съ тѣмъ же попомъ и его сыновьями въ Полянки и пьянствовали тамъ до пятницы. Потомъ попъ въ воскресеніе во время богослуженія погрозилъ пальцемъ Сенькѣ Шашковяту и сказалъ такія слова: „Небоже Сеньку, маешь ты пятьдесятъ золотыхъ, але ихъ не уживешъ. Але знай о тимъ, що на три домы буде сичка“. Послѣ этого попъ пошелъ въ кабакъ и, пьянствуя тамъ, приступилъ къ Савкѣ (онъ же Сенько), обнялъ его и молвилъ къ нему: „Бидна голова, будешъ въ великій биди“. Тотъ отвѣтилъ ему: „Што, попе, жартуешъ?“ А попъ ему сказалъ: „Не бійся, небоже, поки я ту живу въ Творильнимъ, поты тоби ничого не буде. А коли я пиду зъ коршмы, то ты иды передо мною“. А недѣлю спустя напали на того самого Сенька-Савку, зятя моего, убили его и все побрали, мучили и жгли и проч.“ [2]). Болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ спустя мы читаемъ въ рукописной книгѣ „Acta Revisionis Ecclesiarum intra decanatum Pruchnicensem consistentium“, которую деканъ (намѣстникъ) Да-

[1]) Regestr złoczyńców grodu sanockiego 1554—1638, wydał Oswald Balzer. Lwów. 1891, № № 3, 4, 6, 10, 27, 29, 33, 39, 40, 58, 67, 75, 105, 111, 113, 144, 150.

[2]) Regestr, стр. 158.

Библиотека "Руниверс"

ніилъ Затварницкій началъ писать въ 1765 г. [1]), слѣдующее: „Въ 1763 году судился судомъ духовнымъ Григорій Терлецкій, приходникъ кашицкій за то, что прибѣгалъ къ ворожеямъ, предавался пьянству, въ пьяномъ видѣ обзывалъ другихъ ворами и проч.“ Въ 1748 г. деканъ, осматривая церковь въ Рѣплинѣ, пишетъ: „Священникъ не только ad administranda sacramenta, но даже и къ св. Богослуженію неспособный“. Тоже повторяется въ 1749 году. Въ 1750 деканъ замѣчаетъ: „Въ церкви болото было, какъ на дорогѣ грязь. Никакимъ образомъ нельзя позволить, чтобы въ ней отправлялось богослуженіе“. Въ другомъ селѣ Сѣнновѣ въ 1754 году деканъ заноситъ въ свою книгу слѣдующее: „О. Антоній въ пьяномъ видѣ дѣлаетъ scandala, пренебрегаетъ властями, въ дворѣ играетъ роль шута. Брагу въ дворѣ съ нюхательнымъ табакомъ in ludibrium насыпаннымъ пьетъ. Вмѣсто цыплятъ воронъ и сорокъ жареныхъ ѣстъ, и въ настоящемъ году велѣли ему изжарить ворону, подать на столъ въ присутствіи многихъ достойныхъ господъ, а когда онъ ѣлъ, то гости кричали: кра, кра! Это мнѣ самъ о. Антоній, во время настоящей визитаціи безъ моего разспроса разсказывалъ“. Въ запискахъ деканові, какія встрѣчаемъ на метрическихъ книгахъ въ XVIII в., почти постоянно встрѣчается роковая фраза: „Parochus ebrius inventus est“. Скорбная исторія о. Маркевича въ Красноставцахъ, коломыйскаго округа въ 1719—1767 годахъ, разсказанная мною по такимъ деканскимъ запискамъ [2]), была, кажется, типическимъ явленіемъ тѣхъ временъ.

Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, когда экономическое положеніе и умственное развитіе русскаго духовенства почти ничѣмъ не отличалось отъ крестьянскаго, кромѣ развѣ того, что священникъ не былъ обязанъ работать на барщинѣ. Еще въ 1786 году писалъ одинъ нѣмецкій путешественникъ о галицко-русскомъ духовенствѣ: „Сельскій священникъ своей наружностью и обычаемъ мало отличается отъ крестья-

[1]) Книга эта, вмѣстѣ съ грамотами деканальными, хранится въ селѣ Розборѣ Округломъ, повѣта ярославскаго. За выписки изъ нея приношу благодарность о. Мих. Зубрицкому.

[2]) „Зоря“, письмо литературно-наукове. Львовъ. 1886, стр. 67 68.

Библиотека "Руниверс"

нина. Живетъ онъ въ жалкой лачугѣ, какъ и тотъ, пашетъ землю, пьетъ, терпитъ недостатокъ, какъ и тотъ. Доходы греческихъ приходовъ даютъ часто въ годъ едва 15—20 злотыхъ польскихъ, священнику приходится самому пахать поле, чтобы прокормиться. Нѣтъ ничего необыкновеннаго, видѣть сельскаго священника въ оборванной одеждѣ, съ „обойчикомъ“ на шеѣ, съ трубкой во рту, съ хлыстомъ въ рукѣ бредущимъ около своихъ лошадей или воловъ. Большинство пьетъ водку, какъ воду, пьяно почти ежедневно и дѣлаетъ всякія гадости. Я очень хотѣлъ увидѣть священника. Управляющій имѣніемъ R... повелъ меня къ священнику своего села. Было послѣ обѣда. Густой водочный паръ такъ и ударилъ намъ въ носъ, когда мы отперли дверь комнаты. Почтенный пастырь былъ уже довольно на веселѣ, но все таки могъ говорить нѣсколько понятно, принялъ насъ съ какимъ то рабскимъ подобострастіемъ, и хотѣлъ во чтобы ни стало возложить свое пастырское цѣлованіе на наши ноги. Управляющій увѣрялъ меня предварительно, что это одинъ изъ лучшихъ и болѣе ученыхъ священниковъ, или, какъ онъ выразился, епископъ въ сравненіи съ другими,—понимаетъ нѣсколько по латыни и въ пьяномъ видѣ не дѣлаетъ никакихъ безобразій. Онъ поставилъ передъ нами бутылку водки, заткнутую сѣномъ. Устройство его комнаты показывало бѣдность и неряшливость, одежда была грязная и противная, а зся его библіотека состояла изъ букваря, по которому обучались его дѣти, метрическихъ книгъ и евангелія. Я старалси завести разговоръ о разныхъ предметахъ, о религіи, нравственности, духовныхъ обязанностяхъ, обученіи, просвѣщеніи, новыхъ распоряженіяхъ,—онъ ничего не понималъ, его отвѣты были глупы и невѣжественны. Я польстилъ ему надеждой, что греческіе приходскіе священники скоро поставлены будутъ въ болѣе сносное положеніе, и онъ понялъ меня сейчасъ“ [1]).

Переходя къ причинамъ этихъ прискорбныхъ явленій, Шумлянскій прежде всего указываетъ на невѣжество право-

[1]) Briefe über den ietzigen Zustand von Galizien, ein Beitrag zur Staatistik und Menschenkenntniss. Leipzig. 1786, t. II, стр. 1—3.

Библиотека "Руниверс"

славнаго духовенства. „Наслухалемся и того часто — пишетъ онъ,—же намъ панове духовенство рымское, а часомъ и ляда кто примовляютъ простотою, называютъ насъ неуками, а то для того самого, же латинского писма альбо польского многіе не разумѣютъ, а языкомъ латинскимъ альбо польскимъ мовити не умѣютъ, хочай другій священникъ въ словенскомъ языку и писмѣ будетъ добре учоный и умѣетный, и большъ умѣти бы неповиненъ, только кождій своего власного языка добре писмо, але же латинского языка альбо польскаго не умѣетъ, то ужъ у пана простакъ“ (47). Потому, заключаетъ Шумлянскій, что „и сама слушность альбо потреба духовная того по насъ вытягаетъ, илье (особенно) тутъ въ краяхъ коропы польской, абы духовенство наше, россійское православное духовенству рымскому языкомъ принамнѣ корреспондовало, жебы священникъ зъ паномъ полѣтичне моглъ ся розмовити и на заданье яки трудности умѣтне отповѣдити. Прето потреба овшеки духовенству нашему тутейшому не только словенского, але и польскаго писма, а можна и латинского, быти умѣтному. Зачимъ здалося намъ пастыреви за речъ слушную въ той книжцѣ нашей и то тыпомъ изъобразити и пастырско васъ пречестніи и честніи отцеве упомнѣти“ (48—49). Сообразно съ тѣмъ, Шумлянскій наставляетъ священниковъ, чтобы они заботились о приличномъ обученіи своихъ дѣтей. „А жебысте домъ свой добре правячи, особливе въ томъ закохатися и въ звычай собѣ взяти хотѣли, абысте сыновъ своихъ зъ молодыхъ дитинъскихъ лѣтъ заправовали, первѣй своего словенскаго писма и языка добре научивши, потомъ до школъ польскихъ и латинскихъ не забсронялн, и овшемъ отцевско ихъ промововали. Сутъ зъ ласки Божои школи не только тутъ въ Львовѣ, въ Ярославю, въ Краковѣ, але и въ Кіевѣ, еще за державы наяснѣйшихъ монарховъ кролювъ польскихъ, а за особливымъ стараньемъ блаженнои памяти преосвященнаго метрополити кіевскаго и всея Россіи г-на отца Петра Могили зафундованніе, а теперъ за держави благочестивыхъ царей и великихъ князей россійскихъ повеленіемъ и скарбомъ ихъ ново реставрованніе альбо отновленніе; сутъ и ближши насъ школи въ

Библиотека "Руниверс"

Го́йщи [1]), доро́га те́жъ за успокое́ніемъ мона̀рховъ христія́нскихъ хва̀ла Богу во́льная, та̀къ зъ Кі́ева до насъ, я́ко и отъ на̀съ до Кі́ева. Та̀мъ же честь отце́ве сыно́въ свои́хъ дл́я нау́ки посыла̀йте, ко́шту не жа̀луйте, а есл́и нема̀ешь що да̀ти да̀й же му отце́вское наказа̀ніе, кажи́ ему́ дл́я нау́ки гдѣ хо́четъ вендрова̀ти и мно́го утерпѣти, го́рекъ бо ко́рень учѐнія, а̀ле напото́мъ сла̀докъ, и бу́дешъ мѣти зъ не́го утѣху. А есл́и того́ сынови забора́нишъ, то и ему́ форту́ну, щастя, доро́гу загоро́дишъ, и са̀мъ Богу даси́ отвѣтъ, же боронѝлесь сы́нови того́, чи́мъ ся мо́глъ Богу и це́ркви его́ свято́й прислужи́ти. А еже́ли кому́ здае́тся до Кі́ева дале́ко, посыла̀й те́ды до Го́йщи, мо́жетъ и ту́тъ поучи́тися до́бре та̀къ ру́ского словенскаго, я́ко и по́льскаго и латинскаго пи́сма и язы́ка. Я са̀мъ мѣю и мѣти обѣцу́ю на тако́выхъ мое́ па̀стырское ласка̀вое о́ко“ (49—51). Слова эти показываютъ, что Шумлянскій, повидимому, интересовался просвѣщеніемъ низшаго духовенства и желалъ видѣть его на болѣе высокомъ уровнѣ развитія. Но цитированное нами предисловіе супрасльскаго Лексикона 1722 г., равно какъ и многіе другіе документы XVIII в. указываютъ на то, что и въ этомъ отношеніи владыка львовскій не достигъ ничего, вѣроятно потому, что никогда серьезно не принимался самъ за развитіе школьнаго образованія въ своей епархіи.

Продолжая свои наставленія, Шумлянскій убѣждаетъ духовенство, чтобъ „не вѣрило жа̀днымъ забабо́намъ и ба̀бскимъ ба̀снемъ я́ко дѣломъ неподо́бнымъ: я́ко то о́вымъ на псалты́ри а̀лбо на евангеліи святомъ приключи́ церко́вномъ воро́жкамъ, и и́ншимъ ты́мъ подо́бнымъ ба̀снемъ“ (52—53). Наставленіе это показываетъ, что и въ отношеніи вѣрованій духовенство православное тѣхъ временъ почти ничѣмъ не отличалось отъ простаго народа. Гаданіе по псалтыри или евангелію до сихъ поръ употребляется среди простого народа въ Галиціи; занимаются имъ преимущественно дьячки старой школы. Гаданіе произво-

[1]) Свято-Михайловскій монастырь въ Гощѣ на Полѣсьѣ, основанный въ XV ст. семействомъ князей Кердеевъ—Гойскихъ; о школѣ, существовавшей въ томъ монастырѣ, ничего ближе неизвѣстно, см. *М. Н. Коссакъ*, Шематизмъ монастырей св. Василія В. Львовъ, 1867, стр. 108.

Библиотека "Руниверс"

изводится такимъ образомъ, что особа, желающая узнать будущее или сокровенное, кладетъ руки на книгу, а „ворожбитъ“, нашептывая молитву, вводитъ въ книгу ножъ остріемъ, потомъ открываетъ ее этимъ ножемъ; какія попадутся слова на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилось остріе, тѣ и толкуетъ кабалистическимъ образомъ, какъ ему нужно. Замѣчу, что народъ считаетъ этотъ родъ „ворожбы“ менѣе грѣховнымъ, чѣмъ другіе роды, или даже совсѣмъ дозволеннымъ, вѣроятно потому, что еще до недавнихъ поръ этой ворожбой занимались нѣкоторые священники старой школы.

Не останавливаясь долго на этой интересной темѣ, Шумлянскій переходитъ къ своимъ излюбленнымъ наставленіямъ— о внѣшнемъ видѣ священниковъ: наружность, лоскъ и опрятность для него самая важная сторона цивилизаціи, самое вѣрное мѣрило достоинства человѣка. А такъ какъ духовенство, по понятіямъ Шумлянскаго, должно было быть отлично отъ мужика и стоять гораздо выше его, то естественно, что, между прочимъ, оно должно было отличаться отъ него наружностью. И вотъ въ своей книгѣ онъ дважды возвращается къ этой темѣ, останавливаясь на ней очень подробно. „Опѣство тѣла àльбо охендóжность на тымъ налéжитъ — пишетъ онъ,—àбы священиикъ зàвше, а особли́ве ґды до церкве божои на служéніе идéтъ, на собѣ мѣлъ сукмàну пристóйную, не захля́панную, гóлову и бóроду учéсаную, ру́ки умы́тіи, пàзури обрѣзаніи, да и у́сы если́ въ котóрого сýтъ велúкіи навѣслыи на устà, могýт бы́ти бéзъ сумнѣнія на перéдѣ пристри́женіи, и обу́вя на ногàхъ нехàй бу́детъ чúстое, и не дегтя́ное, à нѣ ходакú àбо постоли́ лычàніи, àле овшéки бóти, àльбо принàмнѣй сандàлія папýцѣ (валенки) повúненъ священникъ кóждый мѣти до служéнія осóбніи, и прóчая“ (55—56).

Той же темѣ объ опрятности духовенства посвященъ обширный postscriptum подъ заглавіемъ: „Супплемéнтъ àльбо придáтокъ до тогóжъ наказàнія“. „Любо ю́жъ намѣни́лося и я́сне описàлося— говоритъ тамъ Шумлянскій,—àбы духовенство нàше россійское мéжи и́ншими, и́мъ згóла потрéбными обы́чаями взяли́ то собѣ въ обы́чай, àбы пристóйное стàновѣ своéму духовному

Библиотека "Руниверс"

одѣня и обу́вя носи́ли, еднàкъ ещé и ту́тъ о тымъ же здало́ся нàмъ за ре́чъ слу́шную выразнѣ́й написàти, и яко́е влàсне мàютъ одѣня священници и обу́вя носи́ти, наказàти. Поне́важъ те́ды за недойзре́ньемъ и за недба́ньемъ ѥ҃пскъ пре́шлыхъ предъ нàми бу́дучихъ, духове́нство на сво́й стàнъ взгля́ду не мàючи, тако́го собѣ́ одѣня мно́гіи позволя́ли, въ кото́ромъ отъ про́стого челове́ка, наймнѣ́й ся не розни́ли, бо едни́ въ сермяжискахъ бѣ́лыхъ, другіи хочай то въ сукмàнахъ, але я́сныхъ е́ще зъ ґу́зѣками вмѣ́сто сре́брныхъ цино́выми звы́кли ходи́ти, на головѣ́ àльбо ку́чмиско яко́е, або ґарло́вую, àбо барàннюю шàпку цàле простàцкую, а на ногàхъ àльбо дегтя́нii чо́боты àльбо шпе́тнии ходаки́ носячи́, въ тако́мъ одѣ́ню не ты́лко въ до́му́ привàтне, àле и ме́жи людьми́ публи́чне не встыдàются ходи́ти. Пре́зъ що само́ же ся не помàлу трàтитъ и ги́нетъ повàга духове́нству нàшему, такъ у пàновъ, я́ко и у поддàныхъ: пре́то отсе́лѣ мѣ́ти хо́чемо, и пàстырско розскàзуемо, абы́сте че́стнii отце́ве таковы́хъ нече́стныхъ и безче́стныхъ стро́евъ понехàли, а я́ко и́менемъ е́сте че́стни, такъ и одѣ́ня вàше нехàй бу́детъ че́стно. Найпе́рвѣй те́ды жадàемо и пàстырьско роскàзуемо, àбы жàденъ зъ духове́нства нàшего не вàжилъся нѣгдѣ́ на пу́блику въ едно́й ты́лко сукмàнѣ я́къ снопъ подпасàвшися зъ до́му выходи́ти, àле повúненъ ко́ждый принàмнѣ́й для́ церкве и пу́блѣки двѣ́ сукмàнѣ, спо́днюю и ве́рхнюю ря́су мѣ́ти присто́йную, а тàя повúнна бы́ти если́ не фалендишо́вая, то тузѣнко́вая àльбо паклако́вая, àле влàсне чо́рная, àльбо принàмнѣ́й те́мно лязуро́вая, àльбо те́жъ у убо́жшого изъ габи́ зро́бленая, а пiенкне чо́рно уфабо́ваная, ґузѣковъ сре́брныхъ а нѣ́ цѣно́вых, àнѣ шну́рковъ фàрбы барщо́вои, черво́нои и я́снои жàднои не мàючая, тылько по́длугъ чо́рного ко́льору и потре́бы потре́ба прибирàти чо́рніе. Шапка если́ не мо́жетъ бы́ти у кого собо́лемъ, о҃го́нками, бобро́мъ, то принàмнѣ́й куно́ю пiенкне перо́ко обложенная, а кому́ бы на тако́вую не ставàло, нехай же кàжетъ собѣ́ по старожúтному обы́чаю зъ во́лны фре́нзлѣ уткàти чúли увязàти и уфарбовàти чо́рно, до шапки прищúти; а если́ бы кото́рому и на то́мъ сходи́ло, нехай же само́ю суконную шнурко́мъ ти́лько обложе́нную шàпку на

Библиотека "Руниверс"

кшта̀лтъ черне́цкого подка̀пка но́ситъ, а̀ле ли́сомъ, бара̀номъ а̀льбо и́ншимъ чи́мъ обши́тои жа̀дною ме́рою ша̀пки не позволя́ю заживà ти отсе́лѣ жà дному. Ходако́въ зà сь а̀льбо постоло́въ если́ бы кто́ зъ духове́нства въ диецезіи на̀шой ва̀жилъ ся отсе́лѣ уважива̀ти, звла̀ща до церкве а̀льбо на пу́блѣку где́ въ ни́хъ вы́йти, за пе́ршимъ донесе́ньемъ пре́зъ інстиґа̀тора духовнаго обѣцу́емъ тако́ваго суро́вне кара̀ти. А если́ бы кто́ зъ ва̀съ хотѣлъ вы́мовитися недоста̀ткомъ, мы́ той вы́мовки не приймуемъ, бо ве́даю до́бре, и́жъ въ мое́й диецезіей по ла̀сцѣ Божой нѣма̀шъ жà дного духовнаго та̀къ недоста̀тного, кото́рому бы на бо́ты не ста̀ло. Не для́ моего́ то, а̀ле ра̀чей для ва̀шего пожи́тку, то́е ва̀мъ даю́ наказа̀ніе, бо чува̀ете то честность ва̀ша, же лю́де я́ко тя ви́дятъ, та̀къ те́жъ и пи́шутъ, та̀къ тебе́ су́дятъ, та̀къ и поважа̀ютъ. ґды те́ди и ва̀съ оба̀чатъ чи́нно, честно ходя́чихъ, то те́жъ и ва̀съ не ты́лько парохія́не ва̀шѣ, а̀ле и посторонніи лю́де, и сами́ пано́ве я́ко честныхъ честно поважа̀ти бу́дутъ. Ва̀мъ те́ди то, мо́влю, бу́детъ пожите́чно, а Богу ми́ло, и намъ па̀стыревѣ потѣшно“ (68—73).

Въ связи съ этимъ наставленіемъ стоитъ и слѣдующее о благопристойномъ поведеніи духовенства: „Доходятъ насъ пастыря слухи, же духовенство наше зобравшеся где на праздникъ, не празднославятъ, але празднословятъ много, байки собѣ повѣдаютъ, загадки вымышляютъ, а що большая и горшая, попившися альбо еденъ другого зневажаетъ, альбо еденъ зъ другого безъ студно насмѣвается. Що мы, епископъ, чуючи, и встыдатися и поболѣвати мусимо“ (61).

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ уже, что преобладающей нотой во всѣхъ этихъ наставленіяхъ является желаніе Шумлянскаго, чтобы духовенство имѣло—„повагу у пановъ“. Желаніе это очень понятно: паны, шляхта, это былъ единственный полноправный и всемогущій общественный слой въ Польшѣ, сближеніе съ которыми могло поднять значеніе загнаннаго и пренебрегаемаго православнаго духовенства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ, что Шумлянскій ставилъ своему духовенству безъ всякой оговорки, какъ образецъ достойный подражанія или даже какъ предметъ подобострастія, тотъ

Библиотека "Руниверс"

общественный классъ, который въ то время быстро клонился къ нравственному и политическому разложенію, доведшему до паденія Польши, и который былъ главнымъ виновникомъ той забитости и того униженія, въ какомъ находилось православное мірское духовенство. Какой поразительный контрастъ представляетъ въ этомъ отношеніи Шумлянскій съ строгимъ аскетомъ Іоанномъ Вишенскимъ, который училъ своихъ соотечественниковъ „не надѣяться на пановъ даже русскаго рода“, пренебрегать внѣшнимъ блескомъ, и самъ своимъ „невытертымъ черевичищемъ“ потопталъ все то, что составляло современную польскую цивилизацію. Ежели считать Іоанна Вишенскаго типическимъ представителемъ южнорусской интеллигенціи конца XVI вѣка, а Шумлянскаго такимъ же представителемъ конца XVII вѣка, то отношеніе ихъ къ польской цивилизаціи указываетъ намъ коренную перемѣну понятій и направленій, какая въ теченіи столѣтія произошла въ средѣ южнорусской интеллигенціи. Аскетическая простота и презрѣніе ко всему мірскому смѣнились желаніемъ во чтобы то ни стало сравняться съ панами и занять мѣсто въ ряду польскихъ привилегированныхъ классовъ. Школа должна теперь давать не одно знаніе догматовъ и ученій, но и свѣтскій лоскъ, умѣніе обращаться и говорить съ панами. Для Вишенскаго православное ученіе, догматы и обряды—все; къ духовенству низшему и высшему онъ относится критически, почти съ пренебреженіемъ. У Шумлянскаго въ головѣ носится образъ духовенства богатаго, организованнаго и пользующагоси всѣми шляхетскими привилегіями.

Нельзя однакоже сказать, чтобы Шумлянскій въ одной только одеждѣ видѣлъ признаки культурности. Мы уже привели то мѣсто, гдѣ онъ уговариваетъ духовенство отдавать своихъ сыновей въ школы, хотя нѣтъ сомнѣнія, что школьное дѣло не было очень близко его сердцу. Въ его „нравоученіи“ есть еще одно мѣсто, которое указываетъ, что онъ нѣсколько шире глядѣлъ на призваніе духовенства, желалъ видѣть его классомъ дѣйствительно интеллигентнымъ, просвѣтителемъ народа. Конечно, какъ человѣкъ практическій, онъ считался съ данными

Библиотека "Руниверс"

состояніемъ духовенства, и потому его требованія въ этомъ отношеніи были болѣе чѣмъ скромныя. „По божествéнной литýргіи, звлàща въ недѣлю àбо въ свято знàчное не отпущàти людéй, àжъ ихъ пéрвѣй чогó дóброго науúшь; àже нѣмашъ нѣчóго лѣпшого кóждому человѣку христіанскому, я́ко умѣти въ Бога вѣрити и емý молитися, прéто повúненъ священникъ своимъ пароѳіяномъ напéрвѣй Вѣрую въ едúнаго Бога: всé порядне зъ книжки выразне прочитàти, потомъ Отче нашъ: также и Богородице Дѣво промóвити, и наказàти, àбы ся того конéчне всѣ малúи и велúкіи, мущúзни и невѣсты учúли, звлàща въ днú святые. А еслú тéжъ мàетъ ктó книгу якýю учúтельную, отъ церкве святои принятую, то нехàй не лѣнýется слóво якóе душепóлезное, звлàща днюú и святу служàщее прочитàти. А хочàй бы парохіàне и тескнúли, слýхати тя не хотѣли, еднакъ же тебѣ, о іерéю, честú и учúти подобàетъ. Пóйдутъ лю́де, остàнутъ стѣны церковныя, тúмъ повѣдàй слóво Божіе, а тіи тéбѣ на стрàшномъ сýдѣ свѣдительствовàти бýдутъ, же бúлесъ благимъ и нелѣнúвымъ рабóмъ Господа своего“ (59—60). Далѣе, онъ рекомендуетъ духовенству книгу, имъ самимъ изданную, какъ самое лучшее и необходимое чтеніе. „Мàетежъ вúы честніи священницы чúмъ úншимъ, а лѣпшимъ, нѣжъ загàдками, бàвитися такъ въ домý, я́ко и на прàздникахъ, ґдыжъ крóмѣ úнлыхъ мнóгихъ богодухновенныхъ книгъ мàете чести вàша отъ менé вамъ умыслне для духóвнои забàвы и наýки вúданную зъ úневскои друкàрнѣ книжку, названную Зверцàдло, въ котóрой дóсыть потрéбная, лю́бо вкорóтце, еднàкъ выразне описàлася вàмъ наýка о сéдми сакраментамъ святúхъ, о десятéромъ бозскомъ приказàню и о артикýлахъ вѣры святои православ̀но-каѳолúческой; тýюжъ читàйте, зъ тоú зъ собóю диспутýйте, àле не попúвшися“. (61—62).

Мы исчерпали все содержаніе „Нравоученія“ Шумлянскаго и надѣемся, что по сдѣланнымъ нами выпискамъ читатель и самъ убѣдится въ важности этого сочиненія для исторіи общественнаго развитія южной Руси. Намъ остается только привести еще интересное окончаніе, въ которомъ Шумлянскій говоритъ о своей типографіи, и о „Метрикѣ“, которую онъ рекомендуетъ

Библиотека "Руниверс"

духовенству. „Сію же кни́жку реко́мую ме́трика ю́жъ зъ нашеи катедрàльнои лво́вскои но́во-зафундовàнои тѵпоґрафіи àльбо друкàрнѣ вы́далисмо на свѣ́тъ для́ попрàви обы́чаевъ необычàйныхъ то естъ священниковъ непристо́йныхъ, за кото́рыхъ попрàвою мо́жетъся и́мъ попрàвити на то́мъ, що сами́ собѣ́ необы́чностю своéю зопсовàли. Не лѣнýйтежъ ся éй собѣ́ причитàти, а узнàешъ и признàешъ, же то всé потрéбно, що ся тýтъ написàно. Не утыскýй на то, же тýю кни́жку ме́трику приказуемъ и хо́чемо цàлье у кàждого зъ васъ мѣ́ти и чàсу пéвного ви́дѣти éй схо́чемо: бо я́ко ся зъ нéю обезнàешъ, признàешъ, же éстъ вельми потрéбна“.

„А лю́бо трéба éй заплати́ти, и тому́ не дивýйтеся честніи отцéве, бо вѣ́даете до́бре, же и нàмъ друкàрня не пришлà дàромъ. Мýсѣлисмо éй до́бре оплати́ти. А же тую друкàрню не на свою́ яку́ю прывàту àнѣ примноженье до́бръ на крéвныхъ мои́хъ постарàлемся вы́ставити, ты́лько найпéрвѣй для́ умноженія книгъ ку помноженю хвàлы Божой служàчихъ, повто́ре для́ попрàви и оздоби церкве святой великомученика Христова Геóргія катедрàльнои, и для́ выживлéня при то́й же церквѣ святой зостаю́чихъ законныковъ священниковъ, діàконовъ, монàховъ, ґдыжъ жàднои и́ншои до тои́ церкве нѣмàшъ маѣ́тности. Анѣ́ на свой тéди пожи́токъ, àнѣ на крéвныхъ своихъ, ты́лько на поменéнную церковъ и при нéй зостаю́чихъ людéй духовныхъ всю́ интрáту оберта́ти хочý, и обѣцýю. Аже бы то́ и по смéрти мóей непорýшно трва́ло, и отъ катéдры на́шой лвовской не отходи́ло, тестаме́нтомъ мои́мъ и а́ктами ґродзкими ствердити того́ не понеха́ю, фунда́ментъ тéжъ тоéйже друка́рнѣ ма́ю: Привѣльей наяснѣ́йшаго мона́рхи Іоана трéтего кро́ля па́на, на́мъ щасли́ве пануючого, з кото́рого ла́ски по ла́сце Божой, ма́ю и бе́зъ друка́рнѣ хлѣ́ба до́сытъ на мою́ потрéбу.

„Неха́й тéды сія кни́га назва́нная ме́трика, не бу́детъ вамъ честніи отцеве тя́жесная, вша́къ не вели́кая а мно́го потрéбная. Не жа́луетъ дру́гій на кварту и на ґа́рнецъ заразли́вого тру́нку, кото́рій мо́жетъ обезуми́ти, а чему́жъ ма́ешъ жа́ловати на кни́жку, кото́рая тя мо́жетъ умудри́ти о Господѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Прошу́ те́ды и па́стырско жа́даю, пріймѣ́те ю́ я́ко пе́ршое дѣ́ло пра́цы и стара́ня тупографіи на́шой, гды да́сть ли Господь Богъ дочека́ти ча́су помѣ́стныхъ собо́ровъ, схо́чемо сами́ ва́съ посѣщати и ко́ждого зъ ва́съ схо́чемо ви́дѣти, а́ще пребу́дете въ семъ наказа́ніи въ любвѣ́ къ на́мъ па́стыреви своему́, и въ своѣ́мъ священническомъ зва́ніи и послуша́ніи святомъ, кото́рое же въ пи́смѣ Божомъ называется живото́мъ, а преслуша́ніе сме́ртію. Жи́чу те́ди ва́мъ, о всечестніи отцѣ́ве и бра́тія о Христѣ, ту́тъ вре́меннаго на земли́, а вѣ́чнаго живота́ въ небѣ́. Послуша́нія святого цно́ту, при концу́ сего́ наказанія моего́ па́стырского залѣца́ю. А я́ко нача́лемъ сіе моё архіере́йское и па́стырское къ вамъ наказа́ніе отъ словесъ царству́ющаго пророка Давида, такъ и кончу́ его́ зъ ты́мъ же пророкомъ святы́мъ, его́ святы́ми сло́вы до васъ мовячи: Пріймѣ́те наказа́ніе, да не ко́гда прогнѣва́етъ ся Господь: Емуже честь и держава вѣ́чная. Аминь“ (63—68).

Если сравнить это посланіе воина и шляхтича Шумлянскаго съ тѣми безтолковыми и очень часто безграмотными пастырскими посланіями, какія издаютъ уніатскіе галицко-русскіе владыки въ XIX вѣкѣ, то намъ придется признать за сочиненіемъ Шумлянскаго несравненно болѣе жизненности, практичности, теплоты и даже литературныхъ достоинствъ, чѣмъ за всѣми современными изданіями этого рода. И потому намъ кажется, что „Метрикѣ“ Шумлянскаго должно быть отведено свое, хотя бы и скромное, мѣсто въ исторіи южнорусской литературы XVII вѣка.

Что касается языка „Метрики“, то по сдѣланнымъ нами извлеченіямъ изъ этой книги читатель, надѣюсь, будетъ имѣть возможность составить себѣ о немъ достаточное понятіе. Замѣчу только, что, не считая примѣсей польскихъ и церковнославянскихъ, довольно, впрочемъ, незначительныхъ, языкъ этотъ вообще довольно близокъ къ народному нарѣчію червоннорусскому. Ударенія скопированы нами со всей точностью потому, что въ нихъ мы замѣчаемъ особенности, не встрѣчающіяся въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ (грѣхъ—грѣха, пи́смо и проч.), или же особенности, свойственныя нарѣчіямъ подольскому и

Библиотека "Руниверс"

украинскому (того́, сего́, выживле́ня и проч.). Правописаніе, въ подлинникѣ очень непослѣдовательное, отчасти сглажено въ нашей транскрипціи; конечно, мы удержали все, что можно считать хоть сколько нибудь характернымъ (смѣшеніе ы съ и, напр. оздоби, которіе, вымишляютъ и проч.). Равнымъ образомъ и знаки препинанія разставлены нами болѣе сообразно нынѣшнимъ требованіямъ, такъ какъ въ подлинникѣ они перепутаны до того, что иногда смыслъ текста становится неудобопонятенъ.

Миронъ.

Библиотека "Руниверс"

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

VI.

Кременчугъ.

На другой день послѣ свиданія съ королемъ польскимъ, 26 апрѣля, въ 4 часа утра, по сигналу съ галеры Днѣпра флотилія снялась съ якоря и до 11 часовъ прошли только 30 вер. Послѣ стола, по случаю противнаго вѣтра, плаваніе было очень затруднительно и, пройдя только 2 версты, принуждены были остановиться на ночлегъ, близъ мѣстечка Домантова.

Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „26 апрѣля. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства. Кн. Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 3, на 2 дни или хотя для обѣда на другой день“.

Императрица 26-го же апрѣля писала къ графу Брюсу: „Вчерашней день моя галера была грузна, мы цѣлый день стояли на якорѣ противу Канева, мои шлюбки посланы были въ 11 часовъ по короля польскаго и онъ съ своею свитою чрезъ часъ пріѣхалъ на мою галеру и мы были вмѣстѣ часовъ девять, потомъ шлюбки мои отвезли паки его величество, а сего утра на разсвѣтѣ мы паки подняли якори и пошли въ путь. А сегодня послѣ обѣда я чаю Левъ Александровичъ (Нарышкинъ) отъ трусости занеможетъ, понеже вѣтръ сдѣлался такой крѣпкой,

[1]) „Кіевская Старина“, 1891 г., № 5.

Библиотека "Руниверс"

что послѣ обѣда, прошедъ верстъ съ пять, принуждены стать на якори и Днѣпръ сильно волнуется и непріятный аспектъ имѣетъ. Мы всѣ здоровы, нечего дѣлать то пишу къ вамъ. Скажите Аннѣ Никитишнѣ (Нарышкиной), что король польскій у меня спрашивалъ объ ней и я ему сказывала, comme on l'a purgée depuis le premier de janvier jusqu'au dernier de decembre. Только онъ такъ перемѣнился, что его узнать нельзя, я чаю онъ тоже скажетъ. Я нахожу, что Днѣпръ бурлитъ болѣе Невы и Волги. Прощайте, Богъ съ вами. Съ галеры Днѣпръ, на Днѣпрѣ 26 апрѣля 1787 года".

27 апрѣля, въ день рожденія великаго князя Константина Павловича, противный вѣтеръ продолжался; утромъ съ 5 часовъ до 10 проплыли только 21 версту и, миновавъ польскій городъ Черкасы, остановились къ обѣду въ виду острова Корчиватаго.— По желанію императрицы, приглашены были къ обѣду на галеру Днѣпръ: статсъ-дамы Браницкая и Скавронская, Нарышкинъ, гр. Ангальтъ, принцъ де-Линь и посланники; остальная свита обѣдала на галерѣ Десна. Тостъ за здравіе новорожденнаго былъ провозглашенъ императрицею, при чемъ съ галеры Днѣпръ сдѣлано 15 пушечныхъ выстрѣловъ. Весь день былъ сильный противный вѣтеръ, почти буря, которая стихла только къ 6 часамъ; тогда рѣшились пуститься въ путь, но пройдя 9 верстъ, въ 8 часу остановились на ночлегъ противъ польскаго села Измагайловки. Въ 9 часовъ вечера, по сигналу съ галеры Днѣпръ, приглашены были къ императрицѣ на „*партію*" кн. Потемкинъ и гр. Кобенцель.

Въ этотъ день многіе изъ путешествовавшихъ были безъ обѣда. Вотъ что случилось: придворный главный кухмистеръ доложилъ еще въ Кіевѣ, что кухонныя барки такъ дурно построены, что неизбѣжно должны сгорѣть; но его докладъ не повелъ ни къ чему. Когда обѣ барки стояли близъ города Черкасъ на якорѣ, загорѣлось на обѣихъ. Одна, первая, сильно пострадала, вторая менѣе. Слуги пассажировъ съ одного бичеваго судна, отправляясь за кушаніемъ для своихъ господъ, достигли первыми до горѣвшей кухни и увидѣли множество людей, кричавшихъ о помощи и требовавшихъ, чтобы ихъ взяли на служительскую

Библиотека "Руниверс"

шлюпку. Но слуги были на столько осторожны, что поскорѣе удалились, боясь, что слишкомъ много народа, спасаясь къ нимъ въ шлюпку, потопитъ ее.

Но тутъ со всѣхъ сторонъ подоспѣли другія шлюпки и грузъ, такимъ образомъ, раздѣлили. Понятно, что по этому случаю вся флотилія должна была довольствоваться обѣдомъ весьма скуднымъ [1]).

28 апрѣля, по утру въ 3 часу снялись съ якоря; въ исходѣ 12 часа, проѣхавъ 28 верстъ, становились къ обѣду противъ острова Желтенки. Послѣ обѣда проѣхали 17 верстъ и на ночлегъ въ 7 ч. вечера стали на якорь противъ села Яленцы. Въ этотъ день императрица писала къ Брюсу: „Вчерашній день мы не болѣе отошли какъ верстъ тритцать и теперь верстъ 90 отъ Кременчуга находимся; тутъ я получила ваше письмо отъ 15 апрѣля. Мы всѣ здоровы. Обходя непрестанно косъ и отмели при крѣпкихъ всякихъ вѣтрахъ, никто смѣшнѣе при сихъ обстоятельствахъ не бываетъ, какъ Левъ Александровичъ; онъ переселился ко мнѣ на галеру и спитъ въ моей передней каютѣ и думаетъ, что тутъ ему лучше, нежели на той, гдѣ былъ съ оберъ-камергеромъ (И. И. Шуваловымъ). Сей еще болѣе труситъ, нежели самъ оберъ-штальмейстеръ, впрочемъ всѣ веселы и здоровы, mais nous sommes contrariés et retardés par les vents. Надѣемся со всѣмъ съ тѣмъ быть завтра или послѣ завтра рано въ Кременчугѣ. Причину вѣтровъ урывистыхъ, кажется, съ вѣроятностію приписать можно польскому берегу, который весьма высокъ, а между вышинъ заразы, отъ чего вѣтры аки сквозные дуютъ, когда противу нихъ сравняемся“.

Весь день 28 апрѣля свирѣпствовала буря; а между тѣмъ приходилось плыть между пороговъ; гребцы выбились изъ силъ, чтобы избѣгнуть ихъ; графъ Ангальтъ, Безбородко и другіе принялись помогать гребцамъ и только этимъ избавились отъ опасности. (См. Сбор. р. истор. об. т. 26).

Храповицкій же объ этомъ обстоятельствѣ, подъ 29 апрѣля, отмѣтилъ: „Вычернено изъ Журнала, что вчера по утру при-

---

[1]) Смот. Taurische Reise, стр. 99.

Библиотека "Руниверс"

жало къ берегу галеру „Днѣпръ“, на которой находилась императрица, для того дабы не вышло пустыхъ разглашеній и толковъ“.

29 апрѣля, снялись съ якоря въ 4 часа; обѣдъ не доходя польскаго села Липова. На ночлегъ остановились ниже устья рѣки Тясмина, протекающей противъ мѣстечка Крылова и составляющей границу Польши съ намѣстничествомъ екатеринославскимъ. Здѣсь, на легкихъ судахъ, выѣхали на встрѣчу флотиліи екатеринославскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, губернскій предводитель, бригадиръ Лалошъ, уѣздные предводители и дворянство. Народъ съ криками „ура!“ выбѣжалъ толпами на берегъ.

Потемкинъ постарался украсить берега Днѣпра. Иногда появлялись въ виду проходившей флотиліи крестьяне съ пѣснями и музыкою, выходило духовенство и козаки гарцовали на проворныхъ своихъ скакунахъ, или отряды вновь образованной Потемкинымъ кавалеріи въ новой легкой формѣ. Иностранцы писали даже басни о какихъ то декораціяхъ, изображавшихъ постройки, для очарованія днѣпровскихъ путешественниковъ. (См. Смоленскія Губ. Вѣд. 1871 г. № 10—14).

30 апрѣля въ 5 часовъ утра пустились въ путь и въ 9 часовъ стали на якорь противъ города Кременчуга. Пушечная пальба съ городской батареи загремѣла, когда флотилія была еще за двѣ версты отъ города, а когда галера „Днѣпръ“ легла передъ городомъ, то съ нея салютовали городу 9-ю выстрѣлами. Когда императрица сѣла въ шлюпку, то началась снова пальба, а въ церквяхъ колокольный звонъ. На пристани встрѣтили императрицу: Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсонесотаврическій съ крестомъ и князь Потемкинъ, какъ генералъ-губернаторъ екатеринославскаго намѣстничества, съ „генералитетомъ“.

Приложившись ко кресту, предшествуемая духовенствомъ, императрица шла пѣшкомъ до тріумфальныхъ воротъ, на которыхъ помѣщены были музыканты съ трубами и литаврами; пѣвчіе въ это время пѣли: „*Воспойте людіе богольпно въ Сіонѣ*“ и молитву „Воздадите Христу во Іерусалимѣ, Самъ грядетъ во

Библиотека "Руниверс"

славѣ со областію". (См. К.-ф. журналъ 1787 г. стр. 353). За императрицею шла вся ея свита, посланники и генералитетъ; у воротъ встрѣтили императрицу магистратъ и купцы съ хлѣбомъ и плодами; здѣсь императрица сѣла въ двухмѣстную карету, въ которой и слѣдовала въ приготовленный для нея домъ генералъ-губернатора. Вновь выстроенный губернаторскій домъ, точно дворецъ, имѣлъ по обѣ стороны двѣ площадки и громадныя тріумфальныя ворота. Входъ съ рѣки передъ домомъ былъ выстроенъ въ видѣ театра, но такъ не прочно, что чрезъ четыре недѣли все провалилось. Собственно до дворца или дома генералъ-губернатора было около трехъ верстъ отъ берега. Тамъ были устроены громадный залъ, большой апартаментъ для императрицы, спальня съ колоннами, за которыми скрывалась кровать, такъ точно какъ въ Царскомъ Селѣ. Все это было воздвигнуто въ шесть недѣль. Такъ, напр., было выписано съ экстренной почтой около 20,000 оконныхъ стеколъ, для того только, чтобъ найти между ними хоть нѣсколько сотенъ цѣлыхъ [1]). По обѣ стороны пути, по которому проѣзжала императрица, стояли *легкоконные* полки: сумской, ахтырскій, изюмскій, харьковскій, павлоградскій и маріупольскій, батальонъ екатеринославскій гренадерскій и четыре батальона бугскаго егерскаго корпуса; къ самому же дому генералъ-губернатора примыкалъ екатеринославскій кирасирскій. Передъ каретою императрицы верхами ѣхали: городничій, городская команда и дворяне; возлѣ кареты—фельдмаршалъ князь Потемкинъ, генералъ-аншефы: кн. Ю. В. Долгоруковъ и Текелли; генералъ-поручики: Гейкинъ, гр. Румянцевъ и Левашевъ; генералъ-маіоры: Дунинъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Аршеневскій, баронъ Ферзенъ и Волковъ; затѣмъ штабъ и оберъ-офицеры. Шествіе замыкалъ екатеринославскій кирасирскій полкъ съ штандартомъ и обнаженными палашами. Когда карета императрицы приблизилась ко дворцу, изъ поставленныхъ передъ нимъ пушекъ произведена пальба; на подъѣздѣ встрѣтилъ императрицу гофмаршалъ кн. Барятинскій. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, въ тронной залѣ былъ концертъ,

[1]) См. Taurische Reise. Koblenz, 1799, стр. 103.

Библиотека "Руниверс"

исполненный 186 пѣвцами и музыкантами кн. Потемкина; они исполняли итальянскую кантату, сочиненную къ пріѣзду императрицы въ Кременчугъ капельмейстеромъ Сартіемъ. Концертъ продолжался часъ времени и потомъ во внутреннихъ покояхъ императрица забавлялась игрою въ карты. Домъ и садъ генералъ-губернатора были иллюминованы.

Въ тотъ же день, 30 апрѣля, императрица писала изъ Кременчуга къ Брюсу:

„Сего утра, часу въ осмомъ, мы кинули якорь предъ здѣшняго города и къ обѣду я поѣхала на берегъ и обѣдала въ здѣшнемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, который при прекрасной дубовой рощѣ и фруктовомъ регулярномъ садѣ; всѣ деревья, даже и дубъ раскинулся и тепло такъ, какъ у насъ въ іюлѣ; вообще съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали въ екатеринославское намѣстничество воздухъ и всѣ вещи и люди перемѣнили видъ и все кажется живѣе. Сегодня я имѣла удовольствіе видѣть на лицо то, про что старушечки всѣ твердили въ обѣихъ столицахъ будто только это находится на одной бумагѣ, то есть легкая конница. Я васъ могу увѣрить, что треть ее находится здѣсь не бумажная, но прекраснѣйшее какое только видѣть можно. Мы всѣ здоровы. Половина Польши и сюда прискакала и Кременчугъ еще люднѣе гораздо и если смѣть сказать лучше Кіева, по крайней мѣрѣ мѣстоположеніе веселѣе“.

Въ письмѣ къ Еропкину въ Москву императрица въ тотъ же день писала гораздо подробнѣе:

„Петръ Дмитріевичъ! сего утра я благополучно и здорова пріѣхала на галерѣ сюда, въ Кременчугъ. Здѣсь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую нѣкоторые незнающіе люди твердили до нынѣ, будто она лишь счисляется на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ее нѣтъ, однако же она дѣйствительно на лицо и такова, какъ можетъ быть, еще никогда подобной не бывало, въ чемъ прошу, разсказавъ любопытнымъ, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду, а отдавали бы справедливость усердно мнѣ и имперіи въ семъ дѣлѣ служащимъ. Здѣсь всѣ деревья безъ изъятіи раскинулись и тепло какъ у насъ въ іюлѣ. Здѣшній городъ веселѣе Кіева.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ-губернаторскій домъ, въ которомъ теперь нахожусь, съ пріятной дубовой рощей и фруктовымъ садомъ; домъ великъ и прекрасно расположенъ; зала обширна. Здѣсь людство необычайное и многіе поляки и сюда за нами послѣдовали. Въ здѣшней губерніи трудъ и прилежность вездѣ ощутительны, что мнѣ весьма пріятно. Третьяго числа мая думаю ѣхать отселѣ паки водою до днѣпровскихъ пороговъ. Пребываю къ вамъ доброжелательною. Кременчугъ, апр. 30, 1787 г. [1]).

На другой день, 1 мая, въ 10 часовъ утра, въ тронной залѣ собрались представиться императрицѣ всѣ знатныя особы и духовенство; во главѣ первыхъ былъ князь Потемкинъ, во главѣ духовенства архіепископъ Амвросій. Передъ обѣдомъ Потемкинъ представлялъ императрицѣ трехъ депутатовъ отъ осетинскаго народа; депутаты отъ племенъ туюганскаго, кубаданскаго и карабусинскаго, желавшихъ принять св. крещеніе. Къ столу приглашенъ былъ, между прочими, и знаменитый впослѣдствіи Суворовъ; во время стола была инструментальная и вокальная музыка—и, между прочимъ, исполнена была кантата, сочиненная придворнымъ капельмейстеромъ Сартіемъ на случай прибытія императрицы въ Кременчугъ. Вечеромъ, поигравши въ карты, императрица пѣшкомъ осматривала иллюминацію передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ [2]).

Въ этотъ день императрица писала къ Салтыкову:

„Николай Ивановичъ! Вчерашній день по утру я пріѣхала сюда благополучна и здорова и нашла все здѣсь въ самомъ лучшемъ виду, погода самая лѣтняя, всѣ деревья и самые дубы распустились. Здѣсь я нашла три легкоконные полка, т. е. треть тѣхъ, про которыхъ покойный Панинъ и многія иныя старушенки говорили, что они только на бумагѣ, но вчерась я видѣла своими глазами, что тѣ полки не карточные, но въ самомъ дѣлѣ прекрасные. Князь Юрья Владимировичъ здѣсь не одинъ. Я ему говорила, что если онъ къ Натальи Влади-

---

[1]) См. Сочиненія Екатерины II, изд. Смирдина, Спб. 1850.

[2]) Щитъ, представлявшій въ „прорѣзи [храмъ, съ приношеніемъ жертвы и съ разными по сторонамъ изображеніями“ (К.-ф. журналъ 1787, стр. 368).

Библиотека "Руниверс"

мировнѣ или къ вамъ писать хочетъ, что я письмо перешлю, что удетъ, то незнаю, есть ли пришлетъ, то получите съ симъ курьеромъ". (См. Р. Архивъ. 1864, стр. 966).

2 мая утромъ, передъ выѣздомъ императрицы къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, представлялись ей купечество елисаветградское, крюковское и крыловское и поднесли хлѣбъ-соль, апельсины, лимоны, яблоки, банки съ разными вареньями и фруктами.

Въ Успенскомъ соборѣ передъ литургіею, въ присутствіи императрицы, было совершено посвященіе нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря архимандрита Дорофея въ епископы ѳеодосійскіе и маріупольскіе.

Обѣдъ въ Кременчугѣ въ этотъ день былъ на 62 персоны; къ столу приглашены были: духовенство, высшіе гражданскіе и военные чины, между которыми былъ и Суворовъ. Вечеромъ былъ балъ, передъ началомъ котораго статсъ-дама графиня Браницкая представила императрицѣ „дамъ знатнаго генералитета, чиновниковъ и дворянъ, въ Кременчугѣ находившихся". (К.-Ф. Ж.)

Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ, посланный въ маѣ 1787 г. гр. Войновичемъ къ Потемкину съ важными депешами, записалъ слѣдующія очень любопытныя подробности о пребываніи императрицы въ Кременчугѣ [1]):

„По пріѣздѣ моемъ въ Кременчугъ, князь приказалъ мнѣ отдохнуть; это было подъ вечеръ и въ тотъ самый день, когда дворянство дѣлало великолѣпный балъ въ галлереѣ, нарочно построенной для сего празднества. Я былъ тогда молодъ, здоровъ и, несмотря на то, что въ два дня проскалалъ 300 верстъ верхомъ, на летучей казачьей почтѣ, и столько жъ верстъ сдѣлалъ на перекладныхъ дрянныхъ повозкахъ, разсудилъ, что высплюсь еще дорогою и на мѣстѣ, а теперь останусь во дворцѣ позѣвать (на балѣ я не могъ быть дѣй-

[1]) Сенявинъ, Дмитр. Николаев., адмиралъ, родился 1763 г. въ селѣ Комлевѣ, боровскаго уѣзда калужск. губерн., ум. 5 апр. 1831 г.. Отецъ его Николай Ѳедор. служилъ въ морской службѣ. Родоначальникъ фамиліи Сенявиныхъ польскій дворянинъ Рафаилъ Грановскій. (См. Морской Сборникъ 1855 г. № 4).

Библиотека "Руниверс"

ствующимъ, потому что не было со мной изъ платья ничего кромѣ дорожнаго); въ восемь часовъ вечера государыня изволила выйти изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ залу и, лишь только подошла къ среднему открытому окну, какъ въ самый тотъ моментъ упалъ занавѣсъ, закрывающій вдали и прямо предъ нею тріумфальныя ворота, и тріумфъ сей показался ей во всемъ блестящемъ сіяніи. Народъ, во множествѣ окружавшій дворецъ, прокричавъ нѣсколько разъ „ура!“, умолкъ. Императрица, любуясь и похваляя какъ будто въ огнѣ сіяющія тріумфальныя ворота, изволила сказать: „все очень хорошо, очень хорошо, но чего то недостаетъ“; князь тотчасъ понялъ, что недостаетъ, приказалъ музыкѣ играть и пѣсни пѣть и въ тоже время отвѣчалъ: „виноватъ, государыня, недоразумѣніе случилось“ (все это было приготовлено, но было приказано не начинать прежде, пока приказано будетъ); вдругъ музыка заиграла, пѣсни въ разныхъ мѣстахъ запѣли и народъ заплясалъ. Государыня, услышавъ музыку, пѣсни и увидѣвъ движеніе народа, показала себя, какъ будто тѣмъ была обрадована“.

„На другой день князь, апробовавъ распоряженія графа на принятіе государыни по прибытіи ея въ Севастополь, приказалъ мнѣ ѣхать обратно“ [1]).

На слѣдующій день (3 мая), въ исходѣ 12 часа утра, императрица въ двумѣстной каретѣ, посадивъ съ собою графиню Браницкую, отправилась къ пристани; передъ каретою ѣхали верхами городничій, дворяне и эскадронъ кирасирскаго полка съ штандартомъ, трубами и литаврами; за каретою слѣдовали верхами кн. Потемкинъ и всѣ генералы; съ батареи стрѣляли изъ пушекъ и въ городѣ въ церквахъ звонили въ колокола.

На пристани ожидало духовенство съ крестомъ и св. водою; у тріумфальныхъ воротъ императрица вышла изъ кареты, приложилась ко кресту и, пожаловавъ духовенство къ рукѣ, на шлюпкѣ переѣхала на галеру „Днѣпръ“. Пушечная пальба и колокольный звонъ не прекращались до вступленія императрицы на галеру; къ обѣду всѣ были приглашены на столовую галеру

---

[1]) См. Морской Сборникъ 1855 г., № 4, стр. 139.

Библиотека "Руниверс"

„Десна“, въ продолженіи стола игралъ придворный оркестръ. Послѣ обѣда императрица возвратилась на галеру „Днѣпръ“ и въ два часа данъ сигналъ подняться съ якоря. При сильномъ и противномъ юго-западномъ вѣтрѣ галеры едва могли двигаться, но въ 6 часу погода стихла и, проѣхавъ отъ Кременчуга всего 17 верстъ, остановились на ночлегъ противъ слободы Свято-Троицкой.

Выѣхавъ изъ Кременчуга, императрица писала къ Салтыкову: „На галерѣ „Днѣпръ“ на Днѣпрѣ, веретахъ въ осми отъ Кременчуга мая 3 ч. 1787, стоя на якорѣ по причинѣ сильнаго урывистаго вѣтра.

Николай Ивановичъ! Сего дня, передъ тѣмъ, чтобъ ѣхать изъ Кременчуга, я получила ваши письма отъ 22 апрѣля; радуюсь, что вы съ великими князьями здоровы. Съ симъ же курьеромъ получила подтвержденіе отъ вел. княгини, что въ газетахъ ложно напечатано о ея беременности. Въ Кременчугѣ намъ всѣмъ весьма понравилось, наипаче послѣ Кіева, который между нами не единаго не получилъ партизана, и естьли бъ я знала, что Кременчугъ таковъ, какъ я его нашла, я бы давно переѣхала въ немъ жить вмѣсто кіевскаго пребыванія. Домъ генералъ-губернаторской прекрасной, веселой и покойной. Вчерашній день былъ балъ, и я нашла людство превеликое, между прочими княгиня Катерина Александровна Долгорукова, и понеже уже давно, десять лѣтъ прошло, и сей бракъ закономъ покрытъ, то и не усумнилась по сему обстоятельству ее принять, и она крайне казалась признательна, и мы обошлись весьма ласково и пріятно. Князь Юрій же Владиміровичъ таковъ веселъ, какъ я давно его не видала; онъ проводилъ меня на галеры и съ нами обѣдалъ. Чтобъ видѣть, что я не попусту имѣю довѣренность къ способности фельдм. князя Потемкина, надлежитъ пріѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены какъ возможно лучше и порядочнѣе: войска, которыя здѣсь таковы, что даже чужестранные оныя хвалятъ не ложно; города строятся, недоимокъ нѣтъ. Въ трехъ же малороссійскихъ губерніяхъ, оттого что ничему не дано движенія, недоимки простираются до милліона, города мерзкіе, и ничто не дѣлается. Здѣшній климатъ прекрасный: всѣ деревья въ цвѣтахъ. Я отъ роду не

Библиотека "Руниверс"

видала такія грушевыя деревья, охвата въ два, какъ въ моемъ саду въ Кременчугѣ. Посылая подарки къ тѣмъ, кои трудились усердно около великихъ князей, могла ли я забыть горячее ваше объ нихъ попеченіе, и посылая къ другимъ, совѣстно бы было мнѣ не показать онымъ, что вы у меня первой въ спискѣ усердныхъ по сему случаю, а дружескія ваши объясненія пріемлю, какъ знакъ вашей ко мнѣ откровенности. Сіе письмо отправлю не прежде какъ изъ Кайдаковъ. До Кременчуга съ нами ѣхалъ маленькой Браницкой, и онъ тамо будетъ ждать моего возвращенія; у насъ съ нимъ дружба крайняя, и онъ такъ ко мнѣ привыкъ, что гдѣ только можетъ, то покинувъ родителей и хожатыхъ, ко мнѣ прибѣжитъ и безъисходно у меня, и мы съ нимъ по саду въ Кременчугѣ безъ хожатыхъ, безъ людей за просто хаживали, какъ съ большимъ человѣкомъ, и этотъ мальчикъ безцѣнной, уменъ, послушливъ, веселъ и забавенъ до крайности; естьлибъ былъ на улицѣ, а не графъ Браницкой, ябъ его не отпустила. Видно, что сіе письмо на досугѣ писано. Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ доброжелательна [1]).

Мы кончимъ о пребываніи императрицы въ Кременчугѣ, свѣдѣніями, отмѣченными посланникомъ графомъ Сегюромъ въ его запискахъ:

„30 апрѣля мы благополучно прибыли въ Кременчугъ.

Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцева расположили къ грусти веселую императрицу. По высадкѣ нашей въ Кременчугѣ иная картина представлялась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья; прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водою; 12,000 вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и

---

[1]) Русскій Архивъ 1864 г., стр. 966.

Библиотека "Руниверс"

купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ повсемѣстное движеніе послѣ трехмѣсячнаго покоя и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы, вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища. Удовольствіе Екатерины, при ежедневномъ видѣ новыхъ, занимательныхъ предметовъ, высказалось ясно. Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими то чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всевозможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки, обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно песчаныя равнины, дать пищу уму на пространствѣ долгаго пути и придать видъ жизни степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться: флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюпокъ съ парнями и дѣвушками, которыя пѣли простонародныя пѣсни, однимъ словомъ, ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкинъ былъ плохой полководецъ, своенравный дипломатъ и далеко не великій государственный человѣкъ, но за то былъ самый замѣчательный, самый ловкій царедворецъ. Впрочемъ, если бы и снять искусственную оболочку съ его созданій, то осталось бы все-таки много существеннаго. Когда онъ принялъ въ управленіе эти огромныя области, въ нихъ было только 204,000 жителей; а подъ его управленіемъ населеніе въ нѣсколько лѣтъ возрасло до 800,000,— число, впрочемъ, еще незначительное для пространства на 800 верстъ въ длину и 400 въ ширину.

Приращеніе это составляли колонисты греческіе, нѣмецкіе, польскіе, инвалиды, уволенные солдаты и матросы. Одинъ французъ, поселившійся здѣсь за три года до нашего пріѣзда, сказалъ мнѣ, что, проѣзжая ежегодно эту страну, онъ находитъ новопостроенныя, богатыя селенія тамъ, гдѣ за годъ были пустыни.

Библиотека "Руниверс"

Въ Кременчугѣ Потемкинъ доставилъ намъ зрѣлище большихъ маневровъ, въ которыхъ участвовали 45 эскадроновъ конницы и многочисленная пѣхота. Я рѣдко видывалъ такое прекрасное и блестящее войско. Движенія ихъ могли дать намъ понятіе объ этой тактикѣ, страшной для турокъ, хотя, можетъ быть, и недостаточной противъ другихъ войскъ. Впослѣдствіи мы дали имъ славные уроки, которыми они прекрасно воспользовались. Вся ихъ тактика въ то время, какъ я ихъ видѣлъ, состояла въ движеніи четырьмя колоннами съ цѣпью стрѣлковъ впереди, предшествуемыхъ козачьимъ отрядомъ. Предположивъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ, колонны строились въ четыре большіе трехшеренговые карре; козаки отступали за колонны и, построясь фронтомъ въ одну шеренгу, становились въ ихъ интервалы такимъ образомъ, что весь боевой порядокъ имѣлъ видъ четырехъ бастіоновъ и двухъ куртинъ; артиллерія становилась въ углахъ карре. Въ эту минуту, предполагая, что карре окружены непріятелемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ сраженіяхъ съ турками, вдругъ открывался сильный огонь, послѣ котораго, если непріятель приведенъ въ замѣшательство, карре двигалось, стрѣлки высылались впередъ, а козаки, опустивъ пики, съ гикомъ бросались на опрокинутаго непріятеля, чтобы довершить его пораженіе.

Послѣ блистательнаго осмотра войскъ, императрица, чтобы выразить князю свое удовольствіе, въ порывѣ искренней радости сказала ему: „Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія: здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи“.

Слѣдуя непремѣнной привычкѣ своей, императрица и здѣсь принимала духовенство, мѣстное начальство и купцовъ, потомъ пригласила все дворянство на вечеръ, кончившійся баломъ и вслѣдъ за тѣмъ возвратилась на свою галеру“.

Въ Кременчугѣ, къ пріѣзду императрицы, мѣстный поэтъ Завьяловъ написалъ огромную, торжественную *пѣснь*, которая была написана въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* 1788 г. (іюньская кн., стр. 69 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

VII.

Отъѣздъ изъ Кременчуга. Свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II.

3-го мая въ 2 часа по полуночи флотилія начала сниматься съ якоря, но съ большими неудачами по случаю сильнаго противнаго вѣтра. При самомъ отъѣздѣ изъ Кременчуга одно судно сѣло на мель, матросы работали по колѣна въ водѣ и успѣли освободить его. Въ 3 часа принуждены были опять остановиться; одинъ трешкоутъ также попалъ на мель, а въ это время на него налетѣло было судно съ живою съѣстною провизіею: съ курами, утками и др. птицами. Матросы и солдаты опять поработали. Въ 8 часу вечера прибыли на ночлежную станцію противъ слободы Свято-Троицкой [1]), отъ Кременчуга въ 17 верстахъ.

Отъ слободы Свято-Троицкой флотилія, 4 мая, по сигналу съ галеры „Днѣпръ“, въ 3 часа ночи снявшись съ якорей, пошла въ путь и въ началѣ 11-го часа стала на якорь въ виду мѣстечка Переволочны, проплывъ 32 версты.

Отъѣзжая изъ Кременчуга, съ галеры императрица писала графу Брюсу: „Здѣшній климатъ почитаю лучшимъ въ имперіи; здѣсь безъ изъятія всѣ фруктовые деревья ростутъ на вольномъ воздухѣ, я съ роду не видала грушевыя деревья величиною и толщиной съ самаго большаго и толстаго дуба; воздухъ самый пріятнѣйшій; cette contrée est en verité un paradis... жаль очень, что несчастные времена и тогдашнее до моего царствованія положеніе границы не дозволяло оными пользоваться съ тѣми выгодами, кои имѣть могли; ici, sans forcer la nature, avec fort peu de soin et moins de depenses on aurait eu tout ce qu'on aurait voulu; quelle différence avec ce Kioff, si triste, si vilain, si sale et où à chaque pas l'on lit les malheurs qu' il a souffert depuis sa fondation.

Сіе письмо отправлено будетъ не преждѣ Кайдаки; я чаю, теперь мы проѣхали мѣстечко Калиберды; мы всѣ здоровы, какъ большіе, такъ и малые, и хотя со мною двѣ тысячи семьсотъ

[1]) См. Taurische Reise. Koblenz. 1799, стр. 190.

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ, но больныхъ только по вчерашній день шесть человѣкъ, слабыхъ же съ десяткой, то есть сегодня голова болитъ, а завтра паки здоровъ, и слѣдовательно и считать нечего, думаю, что и на мѣстѣ живучи не менѣе бываетъ, а весьма часто и болѣе. На галерѣ Днѣпръ. Мая 4 ч. 1787 г.“ [1]).

Послѣ обѣда, плаваніе было чрезвычайно затруднительно; по причинѣ противнаго вѣтра не могли проплыть болѣе 7 верстъ въ теченіе трехъ часовъ, и принуждены были остановиться не тамъ, гдѣ было предположено по маршруту, а легли на якорь близь слободы Чичиринской. На галерѣ Днѣпръ выкинули сигнальный флагъ „къ собранію“ на эту галеру. Императрица вышла въ залу, бесѣдовала и играла въ карты съ Мамоновымъ, Браницкимъ и Фицъ-Гербертомъ.

Сегюръ сообщилъ интересныя подробности о плаваніи отъ Кременчуга: „Несмотря на то, что рѣка становилась все шире и шире, плаваніе наше затруднялось. Часто противные или слишкомъ слабые вѣтры прибивали насъ къ островамъ или останавливали на мели; иногда мы принуждены были стоять на якорѣ цѣлыя сутки. Но видъ незнакомыхъ мѣстъ, любопытство при поѣздкѣ черезъ страну, гдѣ недавно еще жили запорожскіе козаки, разбойники и враги всякаго труда, а теперь поселились люди мирные и трудолюбивые, наконецъ удобства при жизни на нашихъ галерахъ, чтеніе и бесѣды, все это сокращало время такъ, что незначительныя остановки на этомъ дальнемъ пути доставляли намъ развлеченіе. Даже императрица, повидимому, была такъ довольна собою и нами, что съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ ожидала скораго окончанія нашего водянаго путешествія по Днѣпру; но вмѣстѣ съ тѣмъ она принуждена была поспѣшать, чтобы не заставить долго ждать императора, который тогда, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, уже прибылъ въ Херсонъ.

Де-Линь, будучи двадцатью годами старше меня, удивлялъ меня живостью своего воображенія и юношескимъ умомъ. Рано утромъ будилъ онъ меня стукомъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромпты въ

[1]) Изъ приложеній къ Камеръ-фурьер. журн. 1787 г.

Библиотека "Руниверс"

стихахъ и пѣсенки, только что имъ сочиненныя. Немного погодя, его лакей приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы были всѣ перемѣшаны очень оригинально. Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Ничего не могло быть послѣдовательнѣе и точнѣе этой странной, ежедневной переписки, которую вели между собою австрійскій генералъ и французскій посланникъ, лежа стѣна объ стѣну въ галерѣ, недалеко отъ повелительницы сѣвера, на волнахъ Борисѳена, въ землѣ козаковъ и на пути въ страны татарскія! Множество разнообразныхъ забавъ, любопытные и остроумные разсказы Екатерины, дѣльные, хотя нѣсколько грустныя, разсужденія Фитцъ-Герберта, шутки Нарышкина и неутомимая веселость Кобенцеля, который заставлялъ насъ разыгрывать пьески въ спальнѣ государыни, все это пріятно разнообразило наше время.

Между тѣмъ, препятствія и задержки на пути умножились, нетерпѣніе государыни возрастало, какъ вдругъ мы получили извѣстіе, что императоръ, на другой день по пріѣздѣ въ Херсонъ, выѣхалъ оттуда и поспѣшилъ въ Кайдакъ, отъ котораго мы были недалеко. Императоръ намѣревался выѣхать на встрѣчу царской галерѣ“ [1]).

Дѣйствительно, это извѣстіе получено было во флотиліи во время обѣда (К.-Ф. ж.). Тотчасъ послѣ обѣда, по приказанію императрицы, поѣхали на встрѣчу императору генералъ-поручикъ графъ М. П. Румянцевъ, а съ нимъ отправился и посланникъ австрійскій графъ Кобенцель.

Свиданіе съ Іосифомъ II во время крымскаго путешествія было условлено еще въ 1780 году, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, а въ августѣ 1786 г. императрица увѣдомила Іосифа II о путешествіи черезъ Кіевъ. Императоръ въ декабрѣ 1786 года отвѣчалъ императрицѣ, что онъ пріѣдетъ непремѣнно въ Кіевъ [2]).

На слѣдующій день, 5-го мая, опять противный вѣтеръ былъ еще сильнѣе вчерашняго, такъ что, проплывъ 6 верстъ,

[1]) См. Записки графа Сегюра.

[2]) Госуд. арх., IV, 12.

Библиотека "Руниверс"

остановились на якорѣ въ виду мѣстечка Орлика, на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Флотилію привѣтствовали съ берега: духовенство съ крестами и хоругвями, народъ бросалъ вверхъ шапки. Послѣ обѣда, въ половинѣ 3-го часа, попробовали подняться и въ теченіе трехъ часовъ прошли всего 10 верстъ и стали на якорь противъ села Глинскаго на правой сторонѣ по теченію Днѣпра.

6 мая еще хуже—прошли съ 4-хъ часовъ ночи до 8 часовъ утра 9 верстъ и здѣсь пробыли весь день и ночевали у слободы Григорьевки.

7 мая, неожиданно для всѣхъ, пріостановилось и затѣмъ прекратилось путешествіе императрицы водою на галерахъ. Въ 4-мъ часу утра, едва тронулась флотилія въ путь отъ слободы Григорьевки, какъ черезъ часъ времени на берегу показался экипажъ; закричали, чтобъ подали къ берегу шлюпку — и на ней пріѣхалъ прямо на галеру „Днѣпръ“ графъ М. П. Румянцевъ, посланный, какъ мы видѣли, 4-го мая на встрѣчу императору. Не смѣли долго будить императрицу, но наконецъ при содѣйствіи Мавры Савишны Перекусихиной, доложили о пріѣздѣ Румянцева съ извѣстіемъ, что графъ Фалькенштейнъ еще вчера вечеромъ пріѣхалъ въ Новые Кайдаки и ѣдетъ на встрѣчу императрицѣ. Было уже 11 часовъ утра—надо было спѣшить и началась суматоха: надо было притянуть къ берегу конюшенную галеру, надо было свезти на берегъ экипажи, лошадей; все было исполнено очень удачно и скоро. Императрица сѣла въ свою шлюпку съ графинею Браницкою, Мамоновымъ и принцемъ де-Линемъ, переѣхала на берегъ, и пересѣла съ ними же въ четырехмѣстную карету. Въ шестимѣстной каретѣ поѣхали: камеръ-фрейлина А. С. Протасова, оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, гр. Безбородко, гр. Ангальтъ и гр. М. П. Румянцевъ.

О свиданіи съ Іосифомъ II императрица разсказала барону Гримму подробно въ письмѣ своемъ изъ Херсона отъ 15 мая (см. Русскій Арх. 1878. Апрѣль).

„Седьмого этого мѣсяца, находясь на своей галерѣ за Кайдаками, я узнала, что графъ Фалкенштейнъ скачетъ ко мнѣ

Библиотека "Руниверс"

на встрѣчу во весь карьеръ. Я тотчасъ вышла на берегъ и тоже поскакала ему на встрѣчу, и оба мы такъ поусердствовали, что съѣхались въ чистомъ полѣ носъ съ носомъ. Первое слово его было, что вотъ де въ какой просакъ попались всѣ дипломаты: ни одинъ не увидитъ нашей встрѣчи. При немъ находился его посланникъ, при мнѣ принцъ де-Линь, красный кафтанъ и графиня Браницкая. Ихъ величества, помѣстившись въ одномъ экипажѣ, однимъ духомъ, безъ остановки, проскакали 30 верстъ до Кайдаковъ; но прискакавъ такимъ образомъ одни одинешеньки по полю (при чемъ онъ разсчитывалъ обѣдать у меня, я же разсчитывала найти обѣдъ у фельдмаршала князя Потемкина, а сей послѣдній вздумалъ поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку новаго города), мы нашли князя Потемкина только что возвратившимся изъ своей поѣздки и обѣда не оказалось. Но такъ какъ нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными, то князь Потемкинъ затѣялъ самъ пойти въ повара, принцъ Нассаускій въ поваренки, генералъ Браницкій въ пирожники, и вотъ ихъ величествамъ никогда еще, съ самаго дня ихъ коронаціи, не случалось имѣть такой блистательной прислуги и такого плохого обѣда, не взирая на то кушали, много смѣялись и удовольствовались обѣдомъ, приготовленнымъ пополамъ съ грѣхомъ".

Императоръ Іосифъ II также оставилъ намъ описаніе свиданія его съ императрицею и любопытныя свѣдѣнія о Херсонѣ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ передъ этимъ свиданіемъ. Эти свѣдѣнія сохранились въ напечатанныхъ его письмахъ къ фельдмаршалу графу Ласси [1]).

Императоръ Іосифъ II прибылъ въ Херсонъ 3 мая, сухимъ путемъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна—до прибытія туда императрицы. Осматривалъ со вниманіемъ всѣ строенія, корабли, дома, казармы; онъ особенно любопытствовалъ объ образѣ жизни солдатъ, употребляемыхъ для работъ и въ тоже время готовыхъ въ строй. Племянникъ Потемкина, А. Н. Самойловъ въ оставленныхъ имъ запискахъ сообщаетъ: „Осмотръ гошпи-

[1]) См. книжку Arneth. Joseph II und Katharina von Russland.

Библиотека "Руниверс"

тали, съ какимъ приличіемъ они устроены и съ какимъ раченіемъ, императоръ изъявилъ командовавшему въ Херсонѣ корпусомъ генералъ-поручику Самойлову свое удивленіе, отдавая въ полной мѣрѣ справедливость мудрымъ распоряженіямъ и заведеніямъ князя Потемкина-Товрическаго“ [1]).

Императоръ хитрилъ съ Потемкинымъ—хвалилъ въ глаза его распоряженія, а писалъ другое къ фельдмаршалу Ласси.

„Койдакъ 19 мая 1787. Любезный маршалъ, пишу это письмо, пользуясь свободнымъ временемъ,—пишу изъ запорожской деревни.

Императрица вчера не могла продолжать свое путешествіе водою по Днѣпру, вслѣдствіе бурной погоды; галера ея сѣла на мель и она рѣшилась ѣхать далѣе сухимъ путемъ.

Я въ это самое время ѣхалъ ей на встрѣчу, и мы съѣхались на разстояніи всего четверти часа отъ ея судовъ; она посадила меня въ свой экипажъ, и мы вмѣстѣ прибыли обратно въ Кайдакъ. Здѣсь оказалось, что вся ея прислуга отстала и потому некому было ни приготовлять кушанья, ни подавать на столъ. Тогда князь Потемкинъ, который обогналъ насъ вмѣстѣ съ принцемъ Нассаускимъ, и польскій генералъ Браницкій затѣяли стряпать сами. Со мною былъ поваренокъ; я послалъ было за нимъ, но они не допустили его ни до чего, и благодаря этому, обѣдъ представлялъ смѣсь блюдъ, очень невкусныхъ.

Вообразите себѣ, что я встрѣчалъ императрицу въ извѣстной каретѣ принца де-Линя, такъ какъ у Кобенцеля другой не имѣется. Это настоящій курятникъ.

Вчера было такъ холодно, что мы всѣ надѣли шубы, а вечеромъ ея в-во приказала затопить каминъ. Я нахожу, что она только похудѣла немного, а впрочемъ пользуется превосходнымъ здоровьемъ. Съ моей стороны было бы слишкомъ большимъ хвастовствомъ повторять все, что она мнѣ наговорила: но все, что она говорила, было искренно и дружелюбно. Составъ ея спутниковъ довольно хорошій; де-Линь въ большомъ

---

[1]) См. Русскій Архивъ, 1867, стр. 1233.

Библиотека "Руниверс"

почетѣ и очень любезенъ. Галеры, на которыхъ ѣхала вся свита, красивы, очень удобны, но немножко велики и грузны.

На Днѣпрѣ слишкомъ много отмелей, и потому онъ неудобенъ для плаванія въ большихъ судахъ.

Войско обмундировано заново; мундиръ, какъ у нашихъ уланъ: короткій, безъ камзола, безрукавный жилетъ, суконные шаровары, въ которыхъ на ногахъ извнутри кожанный подбой, вродѣ сапога. Обувь—короткіе полусапожки, которые поддѣваются подъ штаны. Штаны лѣтомъ изъ бѣлой холстины, какъ у кавалеріи, такъ и у пѣхоты. Пѣхота теперь уже не имѣетъ ни кирасъ, ни шпагъ, ни сабель. Сабли у кавалеріи довольно плохи, а также приборъ и замки у ружей. На головахъ у всѣхъ что то вродѣ круглой войлочной шапки съ жесткимъ кожаннымъ козырькомъ для защиты отъ солнца, приблизительно какъ у нашихъ понтонеровъ. Съ этой шапки свѣшивается короткій кусокъ сукна, какъ бывало прежде у гренадерскихъ шапокъ, а поверхъ шапки полукругомъ облегаетъ что то въ родѣ бѣлаго лисьяго хвоста, который безполезенъ и въ холодъ, и въ дождь, а только давитъ спереди на носъ и не защищаетъ отъ сабельнаго удара. Несмотря на стужу, предполагается, что теперь лѣто, и солдаты щеголяютъ въ холстинныхъ шароварахъ и холстинныхъ камзолахъ, а подъ ними одна рубашка; они стучатъ зубами отъ холода, многіе заболѣваютъ лихорадкою, но не жалуются. Всѣ полки гусарскіе и часть козацкихъ переформированы и изъ нихъ составили новые полки и назвали конными егерями; потомъ сформировали батальоны егерей, у которыхъ такое же вооруженіе, кромѣ унтеръ-офицеровъ, имѣющихъ нарѣзные мушкеты; ихъ набираютъ изъ разныхъ полковъ, и князь Потемкинъ хочетъ составить изъ нихъ легкую инфантерію, вродѣ нашихъ кроатовъ. Сверхъ того изъ гренадерскихъ полковъ тоже отдѣлили въ армію, отчего полки въ настоящее время очень слабы, и вмѣсто 100,000 войска, о которыхъ говорили, на самомъ дѣлѣ во всей этой области едва наберется и 40,000. Не знаю, каково то въ другихъ областяхъ, которыхъ я не видѣлъ. Всю легкую кавалерію принуждены продовольствовать однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе,

Библиотека "Руниверс"

и это въ степяхъ, гдѣ почти нечего ѣсть; за то у лошадей подвело порядочно животы.

Князь Потемкинъ дѣлаетъ все, что ему вздумается. Ангальтъ очень остороженъ и никому не высказываетъ своего мнѣнія. Онъ на хорошемъ счету при дворѣ, но его считаютъ мелочнымъ за то, что онъ говоритъ съ рядовыми и бываетъ самъ при смѣнѣ часовыхъ. Херсонская крѣпость, въ большей части совершенно отстроена, вся сооружена изъ земли или, вѣрнѣе, изъ песку, который даже не утрамбовываютъ, а верки при очень незначительномъ скатѣ. Приготовлялись при встрѣчѣ императрицы стрѣлять изъ пушекъ, стоящихъ на валу, но по случаю бывшей на этихъ дняхъ грозы опасались, чтобы при первомъ же выстрѣлѣ, всѣ укрѣпленія вмѣстѣ съ артиллеріей не сползли бы въ свои собственные рвы, такъ какъ четыре дня тому назадъ отъ одного удара грома крѣпость такъ была потрясена, что цѣлый фасъ съѣхалъ въ ровъ. Въ артиллерійскомъ паркѣ 160 орудій, но почти нѣтъ пороху и зарядовъ; всѣ орудія большаго калибра и при этомъ ни одного заттель-вагена; даже на походѣ 24-фунтовыя орудія перевозятся на лафетахъ; можете судить, въ какомъ положеніи они доѣдутъ до траншеи. Сооружаются три военные корабля, но лѣсъ до такой степени сыръ, мачты до того плохи, что, полагаю, послѣ императорскаго смотра они пойдутъ на сломъ, за негодностію въ какое бы то ни было дѣло. Построенные въ прошедшемъ году въ Севастополѣ корабли отданы на съѣденіе червямъ. Торговля пока совершенно ничтожна, особенно для Россіи; весь Херсонъ и живетъ и обстраивается тѣмъ, что получается изъ Польши, и существуетъ только тѣмъ, что привозятъ изъ-за-границы.

Нагруженныя купеческія суда до города не доходятъ; имъ приходится останавливаться за тридцать верстъ ниже, въ одной мѣстности, называемой Клобокъ, гдѣ бы собственно и слѣдовало построить городъ. При этомъ, если бы туркамъ вздумалось затопить въ днѣпровскомъ устьѣ, которое находится въ ихъ рукахъ, хотя одну изъ своихъ каравеллъ, нагруженную камнемъ, то они могутъ остановить всю навигацію и не пропустить ни одной лодки въ Днѣпръ. Тогда не ладно для Херсона.

Библиотека "Руниверс"

Безпорядокъ во время этого путешествія происходитъ невообразимый. Высадка на берегъ, какъ оказывается на дѣлѣ, сопряжена съ большими затрудненіями; вещей и людей на судахъ больше, чѣмъ сколько могутъ вмѣстить приготовленные экипажи и для этихъ экипажей недостаетъ лошадей. Одинъ поскакалъ впередъ, а другіе поспѣвай, какъ знаютъ. Я съ большимъ любопытствомъ ожидаю посмотрѣть, какъ все это наконецъ устроится. Одинъ князь Потемкинъ, помѣшанный на музыкѣ, везетъ съ собою 120 музыкантовъ, а съ этимъ вмѣстѣ одному бѣдному офицеру, который страшно обжегъ себѣ руки порохомъ, четыре дня не подаютъ помощи. Такъ какъ этотъ несчастный живетъ въ одномъ домѣ со мною, то я взялъ на себя обязанности хирурга и посовѣтовалъ, что́ ему дѣлать; я отыскалъ, наконецъ, одного хирурга, состоящаго при императрицѣ, но у этого не оказалось медикаментовъ.

Путешествіе по сухому пути исполняется такъ безпорядочно, что трудно составить себѣ объ этомъ понятіе; часть экипажей еще на водѣ, каждый спѣшитъ захватить кибитку чтобы накидать въ нее, какъ попало, свой багажъ. На этихъ неизмѣримыхъ равнинахъ всѣ скачутъ въ перегонку, шесть, восемь каретъ рядомъ, и хотя въ сутки дѣлаютъ только четыре перегона, два — до и два послѣ обѣда, много экипажей ломается, и посуда, матрацы, багажъ все такъ и остается валяться въ степи, а послѣ во всемъ оказывается недостатокъ. Мой багажъ, весь уложенный въ одной колескѣ, всегда поспѣваетъ. Столъ обильный, но большею частію скверно приготовленный; все холодное, черствое; наконецъ, не будь императрицы, которая очень любезна, и нѣкоторыхъ спутниковъ, которые могутъ считаться сносными собесѣдниками, особенно иностранцевъ, мое настоящее житье было бы сущимъ наказаніемъ. Что касается Потемкина, то его положеніе при дворѣ лучше, чѣмъ когда нибудь и власть его не имѣетъ границъ. Бѣдный фельдмаршалъ Румянцевъ въ опалѣ.

Новый фаворитъ (Дмитріевъ-Мамоновъ) довольно красивъ, самъ, кажется, не вѣритъ своему счастью, и умомъ недалекъ. Французскій посланникъ, графъ Сегюръ, любезенъ; но и онъ,

Библиотека "Руниверс"

кажется, теряетъ терпѣніе. Англичанинъ Фицъ-Гербертъ человѣкъ очень образованный и не скрываетъ испытываемой имъ страшной скуки. Генералъ Ангальтъ, котораго вы видѣли въ нашихъ лагеряхъ, и здѣсь держитъ себя совершенно также. Онъ до свѣта на ногахъ, говоритъ со всякимъ солдатомъ, ласкаетъ ихъ, что́ очень ихъ удивляетъ, такъ какъ они не пріучены къ подобному обращенію. Онъ развѣ тайкомъ только позволяетъ себѣ покритиковать, а въ глаза увивается какъ за императрицею, такъ и за княземъ Потемкинымъ, кредитъ котораго очень великъ. Новый фаворитъ—молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, безъ образованія, совсѣмъ дитя. Линь пользуется отличнымъ расположеніемъ и держитъ себя очень хорошо въ отношеніи къ моимъ интересамъ".

Въ Россію также дошли скоро слухи о свиданіи императрицы съ Іосифомъ II и о любопытномъ ужинѣ; бывшій канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, жившій въ это время на покоѣ въ своемъ селѣ Пахоркѣ, писалъ къ брату своему, князю Дмитрію Михайловичу, въ Вѣну 31 мая 1787 года:

„Весьма любопытный анекдотъ пишутъ оттуда сюды послѣдовавшій при свиданіи государыни императрицы съ императоромъ. Ея величество, получа отъ кн. Потемкина изъ Кайдака извѣстіе, что императоръ, свѣдавъ о ея путешествіи, поѣхалъ сухимъ путемъ ей на встрѣчу. Государыня, услыша о его приближеніи, оставя свою галеру, поѣхала къ нему въ каретѣ съ малымъ числомъ первыхъ людей своей свиты и, встрѣтясь съ нимъ въ деревнѣ одного купца, не имѣя съ собою ни поварни, ни услуги, ѣхать же туда, гдѣ вся свита императорская находилась, уже было поздно, такъ и расположено было въ оной деревнѣ имѣть вечерній столъ. Но какъ тутъ находился только одинъ хозяйскій поваренный малой, то и представилъ себя способнымъ князь de-Ligne, который, будучи на всякую руку къ стряпанію въ поварнѣ, и сварилъ ужинъ, за которымъ сіи оба великіе государи и присутствовали, будучи услужены первѣйшими особами ея императорскаго величества. Таковое происшествіе и пріятельское и дружеское ихъ императорскихъ величествъ между собою блистательно изображено и представлено

Библиотека "Руниверс"

быть можетъ въ журналахъ и періодическихъ листахъ съ прибавленіемъ разныхъ гаданіевъ и заключеніевъ и о причинѣ сихъ государей свиданіевъ и переговоровъ“ [1]).

Оффиціальныя свѣдѣнія о свиданіи съ Іосифомъ II, записанныя въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ 1787 года, слѣдующія:

„За три версты, не доѣзжая до Кайдакъ, послѣдовало радостное свиданіе ея императорскаго величества съ графомъ Фалькенштейномъ, которое тѣмъ болѣе ощутительно было видѣть, что когда высокіе путешественники едва издали примѣтили слѣдовавшіе одинъ къ другому на встрѣчу экипажи, не соединяя оныхъ, чрезъ довольное разстояніе остановясь, вышли изъ своихъ экипажей и слѣдовали другъ къ другу пѣша, а соединившись, сдѣлавъ взаимность дружественнаго привѣтствія, обще сѣли въ карету ея императорскаго величества“.

Въ карету тогда же былъ приглашенъ графъ Кобенцель, а Мамоновъ и принцъ де-Линь пересѣли въ карету австрійскаго императора.

При приближеніи къ Кайдакамъ, здѣсь началась пушечная пальба и колокольный звонъ; у церкви св. Николая встрѣтилъ архіепископъ Амвросій, а у дворца, на подъѣздѣ, князь Потемкинъ, прискакавшій сюда ранѣе. Тутъ же былъ представленъ императрицѣ австрійскій генералъ, графъ Кинскій, сопутвавшій императору.

За обѣдомъ были слѣдующіе: графъ Фалькенштейнъ, графиня Браницкая, А. С. Протасова, князь Потемкинъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ А. А. Безбородко, графъ Ангальтъ, Мамоновъ, графъ М. П. Румянцевъ, принцъ де-Линь, графъ Кобенцель и графъ Кинскій.

Къ вечеру съѣхалась въ Кайдаки вся остальная свита и расположилась на квартирахъ по избамъ.

Вечеромъ передъ дворцомъ и по улицамъ горѣла иллюминація; также были иллюминованы тріумфальныя ворота, построенныя на берегу Днѣпра, на судахъ, въ ожиданіи пріѣзда императрицы.

---

[1]) Изъ писемъ кн. А. М. Голицына, хранящихся въ главномъ арх. мин. и. д.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдующій день, 8-го мая, императрица оставалась въ Кайдакахъ [1]). По утру собрались въ дворецъ преосвященный архіепископъ Амвросій и екатеринославское именитое гражданство, чиновники екатеринославскаго намѣстничества и военные чины. Именитые граждане поднесли хлѣбъ и соль и разные фрукты на фаянсовыхъ блюдахъ. Всѣ жалованы были къ рукѣ [2]).

8 мая изъ Кайдаковъ императрица писала къ Еропкину: ... „Завтра ѣдемъ сухимъ путемъ въ Хортицу, дорогою же заложимъ новый намѣстническій городъ Екатеринославль и сіе будетъ происходить въ самый Николинъ день. Съ третьягоднешняго вечера здѣсь стало такъ студено, что мы вечеръ вчерашній проводили передъ каминомъ съ огнемъ и всѣ ходимъ почти въ зимней одеждѣ. Я здорова“ [3]).

Отставшіе суда флотиліи къ вечеру пришли къ Кайдаку; императрица очень была довольна видѣть, что они не были повреждены. Но судамъ предстояло еще впереди пройти черезъ знаменитый порогъ *Ненасытецъ*. Это былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ днѣпровскихъ пороговъ—простирался вдоль рѣки до 700 сажень и на этомъ разстояніи паденіе рѣки было на 6 футовъ... [4]) До этого страшнаго порога надобно было пройти шесть пороговъ: 1) Кайдакскій, 2) Волосскій или Яцкая забора, 3) Сурскій, названный по впаденію близь него въ Днѣпръ рѣчки Суры; 4) Лохань, 5) Стрѣльча, 6) Звонецъ, 7) Княгинецъ,—а за 8) *Ненасытцомъ* до слободы Хортицы оставалось еще пять пороговъ: Воронова забора, Вольный, Будыльскій, Лышній и Вильнянскій. — Императрица поручила Потемкину спросить старыхъ новокайдацкихъ и каменскихъ лоцмановъ, могутъ ли суда флотиліи царской пройти безвредно сквозь пороги. Лоцманы, получивъ дозволеніе освидѣтельствовать каждое судно и осмотрѣвъ ихъ,

---

[1]) Необходимо было дождаться если не всѣхъ судовъ, потому что многіе изъ нихъ сѣли на мель, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, на которыхъ находились люди и вещи, необходимыя для дальнѣйшаго путешествія.

[2]) Изъ Камеръ-Фурьерскаго журн. 1787 г. и изъ записокъ Сегюра.

[3]) См. Дѣянія Екатерины II. Колотова. Стр. 122.

[4]) См. Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи въ 1787 г. Печат. при Горномъ училищѣ въ 1786 г., стр. 50.

Библиотека "Руниверс"

донесли, что суда могутъ пройти сквозь пороги съ тѣмъ только, чтобъ отбросить рули, а вмѣсто ихъ поставить стерны, которые были похожи на широкую, длинную деревянную лопату изъ одного бревна вытесанную. Императрица изъявила согласіе и 9 мая утромъ, безъ рулей со стернами, суда поплыли изъ Кайдака внизъ по Днѣпру, а императрица выѣхала сухимъ путемъ въ 9 часовъ утра въ сельцо Половицу, гдѣ назначено было положить основаніе новому городу.

Императрица выѣхала въ шестимѣстной каретѣ, въ которую были приглашены графъ Фалькенштейнъ, графиня Браницкая, князь Потемкинъ, Мамоновъ и графъ Кобенцель.

„Въ 8-ми верстахъ отъ Кайдакъ, на возвышенномъ берегу Днѣпра, съ котораго видны были излучины онаго съ лѣсистыми островами, на мѣстоположеніи очаровательномъ, зеленью и цвѣтами покрытомъ, гдѣ слѣдовало быть постановленою святынѣ Господней, разбита была императорская палатка съ походною при ней полковою церковью, и преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсонисо-таврическій, встрѣтивъ государыню императрицу съ крестомъ и со святою водою, отслужилъ въ церкви Божественную литургію, въ присутствіи императрицы. По литургіи преосв. Амвросій прочиталъ обыкновенныя, на случай основанія храма, молитвы, окропилъ ровъ, вырытый для фундамента, святою водою; императрица сошла туда же по приготовленнымъ для нея ступенькамъ, коврами обложеннымъ. Приложась къ животворящему кресту, поднесенному ей преосвященнымъ, и поклонясь на обѣ стороны народу, какъ самовидцы живые еще свидѣтельствовали, она положила первый камень собственными руками, присовокупя нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ, начиная съ полуимперіала до гривенника. Спросили, говоритъ живое преданіе: нѣтъ ли пятачка? поданъ, и присоединенъ былъ къ прочимъ драгоцѣнностямъ. Все это покрыто было мѣдною густо вызолоченною доскою съ надписью: „Екатерина императрица всея Россіи въ основаніи храма Преображенія Господа Спасителя нашего первый положила камень 1787 г.“ Плиту съ надписью, для положенія въ основаніе, подалъ императрицѣ князь Потемкинъ, причемъ участвовалъ

Библиотека "Руниверс"

и графъ Фалькенштейнъ, положившій въ мѣсто основанія кирпичъ и известь.

Простившись съ преосвященнымъ, при громкихъ крикахъ народа „ура“, императрица съ прежними своими спутниками въ шестимѣстной каретѣ продолжала путь къ станціи *Ненасытецкій порогъ*.

Послѣ отъѣзда императрицы, подполковникъ Фалѣевъ, любимецъ Потемкина, угощалъ на чистомъ воздухѣ духовенство, дворянъ, купечество и весь народъ“ [1]).

На станцію *Ненасытецкій* порогъ императрица прибыла во 2-мъ часу, въ домъ екатеринославскаго губернатора Синельникова; хозяинъ встрѣтилъ съ хлѣбомъ и солью, а крестьяне его поднесли только что пойманнаго ими въ Днѣпрѣ осетра.

До начатія обѣденнаго стола, для удостовѣренія возможности проходить судами черезъ пороги, въ присутствіи императрицы произведенъ былъ опытъ. Вотъ какъ описываетъ это современникъ этихъ событій маститый старецъ, архіепископъ екатеринославскій Амвросій, въ своемъ предсмертномъ сочиненіи:

„При шумѣ Ненасытинскихъ пороговъ Днѣпра, государыня императрица на мызѣ генералъ-маіора Синельникова, бывшаго тогда правителемъ екатеринославскаго намѣстничества, изволила обѣдать. Между тѣмъ, сколько съ любопытствомъ, столько же и со страхомъ смотрѣла, какъ проходили чрезъ пороги царскія ея императорскаго величества суда. Будто звѣремъ какимъ то, въ одно мгновеніе ока они поглащались бездною клокочущихъ волнъ Днѣпра, и въ то же мгновеніе, будто изъ чрева, извергаемы были на поверхность тихихъ водъ рѣки, чтобы плыть впередъ путемъ, для нихъ назначаемымъ. При семъ случаѣ немало дивилась государыня ловкости, искусству и неустрашимости лоцмановъ, препровождавшихъ чрезъ пороги флотилію, изъ которыхъ старшаго называли Полтарацкій; потребовала ихъ къ себѣ на лицо и, удостоивъ лестнаго личнаго разговора, наградила каждаго весьма щедро, пожаловавъ, говорятъ, упомянутаго старшаго лоцмана чиномъ поручика, а сына его, 13 лѣтъ

---

[1]) См. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Одесса 1863 г., т. V.

Библиотека "Руниверс"

мальчика прапорщикомъ, съ обѣщаніемъ прислать имъ грамоты на чины и потомственное дворянство.

Осчастлививъ же столь неожиданно вѣрноподданныхъ своихъ, осыпавъ ихъ неизреченными милостями, государыня императрица немедленно и быстро отбыла далѣе“ [1]).

Графъ Сегюръ, очевидецъ прохожденія судовъ черезъ пороги, описалъ его тоже подробно:

„Мы остановились въ усадьбѣ губернатора Синельникова. Она была расположена по берегу рѣки, въ виду главнѣйшаго порога, который долго считался непреодолимымъ препятствіемъ для прохода торговыхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ во всю свою ширину загроможденъ цѣпью скалъ, изъ которыхъ однѣ равны съ водою, а другія высятся надъ ея уровнемъ и мѣстами образуютъ нѣсколько столь шумныхъ водопадовъ, что мы не могли разслышать словъ другъ друга. Потокъ здѣсь съ яростью и пѣною бьется о скалы. Съ перваго взгляда кажется, что невозможно проѣхать между этими скалами на самомъ легкомъ челнѣ, и съ самыми отважными гребцами. Однакожъ невдалекѣ стояло на якорѣ большое судно и лодка, назначенныя для проѣзда черезъ пороги. Князь Потемкинъ, принцъ Нассау и я хотѣли было отважиться на эту поѣздку, но насъ остановило рѣшительное запрещеніе императрицы.

Суда въ виду насъ счастливо прошли опасный проливъ съ быстротою стрѣлы. Но ихъ такъ сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могутъ разбиться или исчезнуть въ волнахъ: особенно мелкія лодки безпрестанно исчезали изъ виду. Намъ сказали, что при полной водѣ проѣздъ этотъ удобнѣе, особенно при помощи ловкихъ старыхъ запорожцевъ, привыкшихъ къ такимъ опаснымъ подвигамъ. Князь Потемкинъ такъ полагался на ихъ опытность, что предположилъ спустить до Херсона всѣ суда, на которыхъ мы плыли изъ Кіева до Кайдака...“

9 мая послѣ обѣда, проѣхавъ 51 версту, остановились для ночлега въ слободѣ Хортицѣ, принадлежавшей камергеру Черткову.

---

[1]) См. Записки Одесскаго Общества истор. и древностей, т. V.

Библиотека "Руниверс"

Въ понедѣльникъ 10 мая, въ 10 часовъ утра въ 6-мѣстной каретѣ съ прежними лицами переѣхали въ г. Никополь. За 6 верстъ до города, новопоселенные тутъ отставные военные съ семействами встрѣтили съ хлѣбомъ и солью. Послѣ обѣда, передъ отъѣздомъ изъ Никополя, на подъѣздѣ священникъ Знаменской церкви поднесъ хлѣбъ и соль, а князь Потемкинъ представилъ переселенцевъ изъ Польши. Черезъ подставу Базавлукъ, для ночлега пріѣхали въ слободу Грушевку, принадлежавшую генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому. Крестьяне и деревенскій священникъ встрѣтили императрицу съ хлѣбомъ и солью.

Вечеромъ вся слобода была иллюминована плошками.

11-го мая въ 10 ч. утра императрица выѣхала изъ Грушевки въ 6-ти-мѣстной каретѣ; съ ней сидѣли: гр. Фалкенштейнъ, графиня А. В. Браницкая, А. Д. Мамоновъ, принцъ де-Линь и гр. Кобенцель.

Обѣдъ былъ на станціи въ дер. Насаковкѣ, принадлежавшей карабинернаго нѣжинскаго полка бригадиру Перету.

Хозяинъ дома съ женою встрѣтили императрицу, и были приглашены къ столу. Отсюда на ночлегъ пріѣхали въ городъ Бериславль; за 6 верстъ до города съ хлѣбомъ и солью выѣхалъ на встрѣчу изъ Мокорвенской пустынѣ архимандритъ съ монашествующими. Въ Бериславль императрица прибыла въ половинѣ 7-го часа вечера. Отдохновши во внутреннихъ комнатахъ, императрица пришла въ залу и сѣла у окна. „Графъ же Фалкенштейнъ въ сіе время, прохаживаясь по улицѣ, смотрѣлъ мѣстоположеніе города; также и ея императорское величество изволила смотрѣть въ зрительную трубку на островъ Тавань и протекающія около онаго рѣку Днѣпръ и Конскіе воды и на прочее мѣстоположеніе; въ это время прибылъ гр. Фалкенштейнъ и, сѣвши близь ея величества, продолжалъ разговоръ“. Такъ записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ. 1787 года.

Между тѣмъ въ той же комнатѣ знатнѣйшія особы и господа чужестранные министры играли въ шахматы и карты, а въ половинѣ 9 часа вечера императрица удалилась во внут-

Библиотека "Руниверс"

ренніе покои; вскорѣ и графъ Фалькенштейнъ отбылъ въ свою квартиру [1]).

Императрица была очень довольна своею поѣздкою. 12 мая она писала въ Москву генералу Еропкину изъ Бериславля: „Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами; намъ сказали, что наѣдемъ на жары, несносные человѣчеству, а мы наѣхали на воздухъ теплый и вѣтръ свѣжій, весьма пріятный и самый весенній; степь, правда, что безлѣсная, но слой земли самый лучшій и такой, что безъ многаго труда все на свѣтѣ произведетъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ. Сравнивая здѣшнюю губернію, которая при мирѣ Кайнарджійскомъ не существовала, исключая уѣзды: елизаветградскій, кременчугскій и полтавскій, съ тѣмъ, что с.-петербургская была по десяти или шестилѣтнемъ заведеніи или заложеніи оной, думаю, что здѣсь все дѣлается и успѣваетъ съ меньшей хотя силой, издержками, отягощеніемъ противу той; польза окажется современемъ, какъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, которыя пользы не всегда въ началѣ паче открыты понятію множества. С.-Петербургская губернія составляетъ осьмую часть доходовъ имперіи; она существуетъ 84 года и дворъ тамо имѣетъ свое пребываніе. Посмотримъ, каковы доходны будутъ здѣшніе порты чрезъ короткое время; еще скажу, что здѣшніе жители, всѣ безъ изъятія, имѣютъ видъ свѣжій и здоровѣе, нежели кіевскіе, и кажутся работящѣе и живѣе. Всѣ эти примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, знавъ оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину ко опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда въ умахъ людскихъ. Все вышеписанное оспаривать можетъ лишь слабость, либо страсть, или невѣдѣніе“ [2]).

Изъ Бериславля выѣхали 12 мая въ 10 ч. утра—въ три четверти втораго часа пріѣхали обѣдать въ село Никольское. Здѣсь встрѣтили генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Энгель-

[1]) Камеръ-Фурьерскій журналъ, 1787 г.

[2]) Соч. Екатерины изд. Смирдина, III, 344—345.

Библиотека "Руниверс"

гардтъ, генералъ-маіоръ Яковъ Николаевичъ Рѣпнинскій, Давыдъ Гавриловичъ Неранжичъ и бригадиръ Гедеоновъ.

Отъѣхавъ 17 верстъ, въ слободѣ Николаевкѣ, принадлежавшей генералъ-маіору Рѣпнинскому, владѣлецъ просилъ императрицу посѣтить его домъ на берегу р. Ингула. Императрица удостоила его посѣщеніемъ, потомъ переѣхала на катерѣ черезъ рѣку Ингулъ на другую ея сторону, гдѣ ожидали уже экипажи; здѣсь встрѣчали херсонскіе мѣщане и эскадронъ легкоконнаго александрійскаго полка. Императрица пересѣла въ 6-ти-мѣстную карету съ гр. Фалькенштейномъ, Мамоновымъ, принцемъ де-Линь, гр. Кобенцелемъ и графинею Браницкою, и императорскій поѣздъ поскакалъ въ Херсонъ; впереди ѣхали верхами мѣщане и эскадронъ. Оставалось 17 верстъ до Херсона.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

АЗОВЦЫ.[1]

I.

Переходъ русскихъ запорожцевъ за Дунай. Жизнь задунайскихъ запорожцевъ въ турецкой имперіи.

1775 годъ былъ роковымъ годомъ для запорожскаго козачьяго войска. Въ этомъ году по высочайшей волѣ государыни императрицы Екатерины II Запорожская Сѣчь была уничтожена, а съ ней вмѣстѣ пало и Запорожье.

Послѣдняя сѣчь войска запорожскаго находилась на р. Подпольной въ мѣстечкѣ Красномъ Кутѣ; она служила укрѣпленной резиденціей кошеваго атамана запорожскаго войска, съ генеральной старшиной войсковаго управленія. Тамъ чинился судъ и расправа надъ козаками, по обычному войсковому праву; тамъ же собиралась козацкая рада, трактовавшая о политическихъ и внутреннихъ дѣлахъ войска. Запорожское войско, хотя и составляло какъ бы провинцію россійскаго государства, но оно пользовалось широкой автономіей, и нерѣдко не только не подчинялось распоряженіямъ русскаго правительства, и не исполняло русскихъ законовъ, но даже само вступало въ политическія сношенія съ иностранными державами. Болѣе всего приходилось

[1]) При составленіи настоящей статьи авторъ пользовался:

1) *Скальковскій*. Исторія запорожской сѣчи.

2) *Эварницкій*. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа.

3) Черты изъ жизни и царствованія императора Николая (Воен. Сборн. 1868, № 7).

4) *Кондратовичъ*. Задунайская сѣчь

Библиотека "Руниверс"

драться и мириться съ пограничнымъ ханствомъ крымскимъ, находившимся въ вассальной зависимости отъ турецкаго императора. Сопредѣльныя съ Крымомъ турецкія области постоянно находились предъ глазами запорожцевъ и они, какъ безстрашные моряки, на своихъ *човнахъ* не разъ смѣло пускались по волнамъ Чернаго моря и внезапными стремительными набѣгами опустошали прибрежные турецкіе города.

Такіе набѣги не выражали собою злобы и ненависти запорожцевъ противу турокъ, а скорѣе носили характеръ удальства и отваги козаковъ и турецкое правительство это хорошо понимало. Оба народа скорѣе симпатизировали другъ другу, чѣмъ враждовали. Это доказывается тѣмъ, что турецкій султанъ уважалъ запорожцевъ и въ тяжелое время ихъ жизни въ Россіи не разъ давалъ пріютъ въ своихъ земляхъ запорожскимъ козакамъ.

Такъ было и въ тотъ роковой годъ, когда генералъ Текели, обложивши русскими войсками Запорожскую Сѣчь, въ 1775 году, потребовалъ ея сдачи.

. . . . .	Ой ужежъ наши славни запорожци
. . . . .	Тай не веселы сталы,
Ой у суботу у полудни	Ой облягли ихъ облягли москали
Москва наступыла;	Та всима сторонамы.
А въ недилю до схидъ сонця	Ой кругомъ церкви, церкви сичевои
Лагери розбыла.	Ой караулы сталы.
. . . . .	Ой священнику отцу Владымеру
. . . . .	Та служыты не далы.

Такъ описывается въ народной пѣснѣ осада русскими войсками Запорожской Сѣчи. Запорожцы, не ожидавшіе ничего подобнаго, были поражены этимъ событіемъ до крайности. Они хотѣли защищаться оружіемъ противъ русскихъ, пришедшихъ внезапно разорить ихъ родную дорогую Сѣчь,—вполнѣ сознавая,

---

5) Разныя статьи въ журналѣ „Кіевская Старина“ 1889 г. № 1 и 2 и нѣкоторыя мелкія печатныя извѣстія о задунайскихъ запорожцахъ.

6) Матеріалы, добытые изъ дѣлъ, хранящихся въ кубанскомъ войсковомъ архивѣ.

7) Личные разсказы двухъ бывшихъ турецкихъ запорожцевъ и другихъ старыхъ черноморцевъ, знавшихъ какъ запорожскаго кошевого атамана Гладкаго, такъ и жизнь азовскихъ козаковъ.

Библиотека "Руниверс"

что если русскія войска восторжествуютъ надъ ними, то съ паденіемъ Сѣчи падетъ и все войско запорожское; а вмѣстѣ съ нимъ улетитъ и вся свобода и вольность козацкая. Поднялась смута въ Сѣчи, большинство козаковъ не желало подчиниться русскому правительству и требовало военной обороны. Но кошевый атаманъ Калнишевскій съ духовенствомъ успѣли уговорить суровыхъ рыцарей не поднимать оружія на своихъ братьевъ русскихъ—христіанъ. До оружія дѣло не дошло, но многіе запорожцы были этимъ недовольны и говорили, какъ передается въ народной пѣснѣ:

Хоть не станемъ съ палашами,
Станемъ съ кулаками,
Нехай наша слава пиде
Промежъ козаками.
. . . . . .
. . . . . .

Благоразумное кошевое начальство и рукопашной схватки здоровенныхъ своихъ завзятыхъ сичевиковъ съ русскими войсками не допустило, а напротивъ встрѣтило Текелія съ хлѣбомъ солью, и вмѣстѣ съ этимъ привѣтомъ навсегда схоронило знаменитое въ исторіи Запорожье.

Запорожская Сѣчь была разорена, кошевый атаманъ сосланъ въ заточеніе на Бѣлое море, въ Соловецкій монастырь, войско запорожскихъ козаковъ политически умерло, но не умерли самые запорожцы. Часть изъ нихъ впослѣдствіи, при содѣйствіи свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, составила черноморское козачье войско, а часть буйныхъ, не захотѣвшихъ подчиниться Россіи, при самомъ разореніи Сѣчи, обманувъ бдительность генерала Текели, добралась до войсковыхъ лодокъ и ушла въ Турцію, искать счастія и воли у бусурманскаго государя. Оставляя свой родной край, угрюмые запорожцы сильно тосковали объ участи, постигшей ихъ войско, навсегда уничтоженное однимъ почеркомъ пера монархини. Скорбь ихъ вылилась въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Чорна хмара наступае,
Лыбонь дощыкъ буде.
Вжежъ нашого Запорожжа
До вику не буде!

Бо царыця маты наша
Напустъ напустыла,
Славне войско запорожське
Тай запапастыла.....

Библиотека "Руниверс"

До 5,000 т. запорожцевъ отправилось изъ Россіи въ турецкіе предѣлы за Дунай и, остановившись тамъ, просило турецкое правительство принять ихъ въ подданство султана и дать имъ подъ поселеніе землю.

Это тяжелое для козаковъ время и послѣдствія просьбы о принятіи ихъ подъ покровительство или подданство Турціи выразились въ слѣдующей пѣснѣ:

Ой прийшлы до Дунаю
Тай у голосъ гукнулы,
Ой напьялы паруса
Тай за Дунай махнулы.
Прыйшлы до Тураса
Тай вклонылыся нызько:
Ой дай же намъ землю
Тай коло гряныци блызько.

Якъ будете хлопци
Мини вирно служыты,
То дамъ я вамъ землю
Та по прежнему жыты [1]).
Дарую вамъ землю,
Щей обыдва лыманы,
Ловить хлопци рыбу
Та справляйте жупаны.

И дѣйствительно, турецкій султанъ принялъ козаковъ благосклонно, далъ имъ землю при Георгіевскомъ устьи Дуная, а когда у нихъ зашли споры съ некрасовцами, то перевелъ ихъ вверхъ по Дунаю выше крѣпости Гирсова въ урочище Сеймены.

Въ турецкой землѣ, съ позволенія султана, запорожцы основали свой кошъ, по примѣру бывшаго въ Россіи, выбрали общей радою кошеваго атамана и прочихъ старшинъ и завели по управленію войскомъ тѣ же порядки, какіе существовали въ русской землѣ. Турецкій императоръ, надѣясь на полезную государству службу новыхъ своихъ подданныхъ, запорожцевъ, даровалъ имъ отъ себя многія права и вольности, какими они пользовались въ прежнемъ своемъ отечествѣ, и благодарные запорожцы, не измѣняя ни обычаевъ, ни вѣры, ни языка отцовъ своихъ зажили въ новомъ своемъ отечествѣ на долгіе годы.

По разсказамъ турецкихъ запорожцевъ имъ жилось тамъ хорошо и привольно. Турки ихъ не обижали, не обременяли податями и не стѣсняли службою; иногда только запорожцы ходили въ походъ отрядами, вмѣстѣ съ турецкими войсками.

[1]) Этотъ стихъ напоминаетъ вольную жизнь запорожскаго войска въ прежнія времена въ Турціи, откуда они обратно возвратились въ Россію и основали новый кошъ запорожскаго войска.

Библиотека "Руниверс"

на египтянъ, грековъ и другіе подвластные султану народы, но большею частью жили мирно и занимались преимущественно рыболовными промыслами.

Мы не станемъ слѣдить за исторической жизнью задунайскихъ запорожцевъ, описанною г. Кондратовичемъ и другими, такъ какъ задача нашей статьи совсѣмъ иная, но не можемъ пройти молчаніемъ тѣхъ случаевъ изъ ихъ судьбы, которые близко соприкасаются съ интересами русскаго государства.

Во время войны Россіи съ Турціей, начавшейся въ 1787 году, когда остатки русскихъ запорожцевъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ были призваны подъ русскія знамена и образовали изъ себя вѣрное войско черноморское, императрица Екатерина II вызывала изъ Турціи невѣрныхъ запорожцевъ въ Россію, даровала имъ полную амнистію, съ правами данными черноморцамъ, если только они возвратятся въ прежнее свое отечество и примутъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но на этотъ вызовъ задунайскіе запорожцы въ Россію не пошли. Были, правда, случаи, когда они въ одиночку, или по нѣсколько товарищей вмѣстѣ перебѣгали на нашу сторону, поступали къ черноморцамъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность, но это были скорѣе убѣгавшіе кары за свои поступки, или почему либо недовольные своимъ начальствомъ, чѣмъ искренно раскаявшіеся измѣнники. Все войско запорожскихъ козаковъ за Дунаемъ вѣрно служило турецкому султану и участвовало въ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, вмѣстѣ съ турецкими войсками. Турецкіе запорожцы при встрѣчахъ не щадили даже своихъ братьевъ черноморцевъ, убивали и брали ихъ въ плѣнъ. Они много вредили русскимъ еще и тѣмъ, что подъ видомъ черноморцевъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отличались, высматривали расположеніе русскихъ войскъ, узнавали намѣренія нашихъ военачальниковъ и потомъ всѣ свѣдѣнія о нашей арміи передавали туркамъ. Когда это было открыто, то генералъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ приказалъ черноморцамъ носить на правой рукѣ перевязи изъ бѣлыхъ платковъ, въ отличіе отъ невѣрныхъ запорожцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдующее показаніе турецкаго шпіона, пойманнаго черноморцами въ іюлѣ 1790 года, Леонтія Скика, нѣкоторымъ образомъ обрисовываетъ тогдашнее положеніе задунайскихъ запорожцевъ. Послѣ объясненія своего имени и похожденій на рыбныхъ промыслахъ въ русскихъ и турецкихъ предѣлахъ, Скикъ говоритъ: послѣ послѣдняго годоваго служенія по найму на рыбныхъ заводахъ у бѣлгородскаго неводничего евреина Гершка Крывого „на другій годъ, согласясь съ прочими лямчиками, пошелъ для продолженія службы къ турецкимъ запорожцамъ въ городъ Бѣлгородъ, гдѣ принявши, бывшій тогда у нихъ есаулъ Яковъ Гончарь семь праперей выступилъ по лѣвую сторону Бѣлогородскаго лимана въ селеніе Калаглаи и тамъ дожидали идущихъ къ нимъ съ Барвинковой — стѣнки, состоящей на правой сторонѣ р. Дуная, 200 чел. запорожцевъ же; когда жъ пришли и тѣ къ нимъ, то находящійся при нихъ старшиною Иванъ Иванко началъ приглашать ихъ о дачѣ имъ и туркамъ противу Россіи вспомоществованія и соглася оныхъ шестьдесятъ человѣкъ и испросивши отъ бѣлогородского паши одно судно, называемое піадю, пошли онымъ и 14-ю дубами Чернымъ моремъ къ Березанскому острову, и не доѣзжая до оного, пріостановились въ трехъ верстахъ; тутъ, съ острова пріѣхавши къ нимъ чрезъ семь дней, турковъ и запорожцевъ человѣкъ до 15 начали также приглашать ихъ къ вспомоществованію, говоря при томъ, что они за ихъ службу не будутъ оставлены отъ султана выдѣломъ къ прожитію земли. Послѣ переговору, чрезъ четыре дня, по утру бѣлогородскій паша, услыхавши пальбу, произведенную на Аджидолѣ съ россійскаго флота, велѣлъ имъ туда приближаться, но поколь они достигли, то и пальба уже почти совсѣмъ окончена Ноября же 6 дня прошедшаго 1788 года также получили повелѣніе о слѣдованіи лодкою подъ Очаковъ, которая съ *войсковыми старшинами: судьею Яковомъ Гончаремъ, писаремъ Иваномъ Иванкомъ, хорунжимъ Григоріемъ Тараномъ* и сороку человѣками тогда состояла. Онъ же, Скикъ, и другіе съ нимъ бывшіе товарищи остановились на прежнемъ ихъ мѣстѣ; когда же судно россійское начало приближаться къ нимъ, то они, снявшись съ яко-

Библиотека "Руниверс"

рей, отошедши въ море за пять верстъ, бросили якоря, а на пятый день послѣ сего пошли въ Днѣпровскіе гирла, а оттоль чрезъ скорое время и въ Дунай, гдѣ и нынѣ находится подъ Киліей 18 лодокъ, съ 8 орудій и принадлежащими припасами, дубовъ 20 и на всѣхъ судахъ запорожцевъ состоитъ *тысячь до четырехъ*, кои намѣрены идти къ Смаилову, для защиты турковъ; до сего жъ 790 года апрѣля послѣднихъ числъ избраны онъ, Скикъ, и монахъ Андрей тамошнимъ *кошевымъ* Григоріемъ *Абдулою*, вышереченными войсковыми старшинами, съ согласіемъ общества—первый съ нихъ для развѣдыванія обрядовъ войскъ, состоящихъ въ Аккерманѣ, Бендерахъ и количества ченоморскаго войска козаковъ, а монахъ Андрей въ Молдавію для узнанія тамъ главнокомандующаго и арміи, состоящей подъ начальствомъ его, съ тѣмъ что бы они, свѣдавши обо всемъ томъ обстоятельно, дали имъ знать въ непродолжительномъ времени...“

Задунайскіе запорожцы и въ слѣдующую затѣмъ войну съ Турціи участвовали, вмѣстѣ съ турецкими войсками, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ въ эту войну перебѣгали на нашу сторону къ черноморцамъ, бывшимъ на Дунаѣ въ составѣ 9 пѣшаго полка войска черномо рскаго, куда они по распоряженію генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, по приведеніи къ присягѣ на вѣрность службы русскому государю, зачислились подъ надзоръ полковаго командира; а при блокадѣ и взятіи крѣпости Браилова, въ 1808 году, несмотря на свободный пропускъ по капитуляціи защитниковъ крѣпости, цѣлая партія недовольныхъ запорожцевъ, болѣе 50 чел., отдѣлилась отъ турецкаго гарнизона Браилова и передалась русскимъ, заявивъ желаніе вступить въ черноморское войско. Принявшій этихъ выходцевъ генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ не нашелъ возможнымъ зачислить столь большое число въ названный черноморскій полкъ, а отправилъ чрезъ генерала дюка де-Ришелье на Одессу прямо въ Черноморію,—куда прибыло только 27 чел., а остальные то умерли, то остались въ госпиталяхъ, а быть можетъ, кто и обратно ушелъ въ Турцію; козакъ же Игнатъ Щербина признанъ черноморцемъ, бѣжавшимъ изъ войска за Дунай, и отданъ подъ

Библиотека "Руниверс"

судъ. Невѣрные запорожцы, прибывши въ Черноморію, приведены къ присягѣ на подданство Россіи и причислены къ черноморскому козачьему войску,—съ водвореніемъ на жительство на общихъ войсковыхъ правахъ.

Такъ текла жизнь невѣрныхъ запорожцевъ въ Турціи до турецкой войны 1828 года.

II.

Атаманъ Гладкій.

Въ одной бѣдной малороссійской семьѣ родился Осипъ Гладкій. Народное южнорусское преданіе, какъ передаетъ г. Кулишъ, относитъ рожденіе Гладкаго къ 1792—1795 г. г. Тогда, по сказанію народа, *вся земля стряслась*, иначе сказать, поднялась страшная буря, что, по народному повѣрью, означало: *народился какой нибудь лыцарь*, т. е. необыкновенный человѣкъ. Дѣйствительно, если этотъ случай относился къ рожденію *Осипа Гладкаго*, а не другаго, то народъ былъ правъ. Легендарныя похожденія возмужавшаго Осипа Гладкаго, и историческія о немъ сказанія ставятъ его на ряду со многими героями своего времени. Но мы не станемъ увлекаться фантазіей беллетриста, а скажемъ нѣсколько словъ о Гладкомъ изъ болѣе вѣрныхъ историческихъ источниковъ и разсказовъ людей, видѣвшихъ Гладкаго лично и знавшихъ его жизнь по родственнымъ связямъ.

Осипъ Гладкій родился въ селѣ Мельниковѣ, полтавской губерніи, золотоношскаго уѣзда, отъ малороссійскаго козака Михаила Гладкаго и матери Ѳедосіи, польскаго происхожденія, изъ фамиліи Мазуръ. Рожденіе его относится къ 1787 году. Во время молодости Осипа отецъ его, Михаилъ Гладкій, былъ сельскимъ головой, что указываетъ на его грамотность и болѣе или менѣе выдающееся положеніе среди односельчанъ; если же принять въ соображеніе польское происхожденіе матери, то можно безошибочно заключить, что молодой Осипъ росъ въ далеко незаурядной семьѣ и что обстановка должна была способствовать развитію въ немъ честолюбія. Достигши извѣстнаго возраста,

Библиотека "Руниверс"

Осипъ Гладкій женился на казачьей дочери въ селѣ Краснохижинахъ. Но могла ли тихая и скромная сельская жизнь удовлетворить заронившимся въ душу молодаго козака честолюбивымъ замысламъ, не имѣвшимъ на дѣлѣ никакихъ примѣненій. Осипъ Гладкій не выдержалъ: широкая козацкая натура въ немъ развернулась и онъ загулялъ.... Кончилось тѣмъ, что Осипъ Гладкій, оставивъ въ бѣдности любимую свою жену и четырехъ дѣтей—двухъ сыновей и двухъ дочерей, отправился на чумацкіе промыслы, имѣвшіе въ Малороссіи большое значеніе, свою исторію и свою поэзію.

Не имѣя собственныхъ средствъ, Гладкій нанялся батракомъ у богатаго козака и, при своей смышленности и природномъ умѣ, скоро овладѣлъ довѣріемъ хозяина, который, поручивши ему воловъ и возы, отправилъ въ дорогу чумаковать.

Случилось, что у Гладкаго въ Крыму всѣ волы отъ болѣзни пали и онъ побоялся возвратиться къ хозяину съ однимъ *батогомъ*.

Такъ передавала своей семьѣ тетка Гладкаго г-жа Чис—кова. Она, понятно, не была личной свидѣтельницей чумацкаго приключенія своего племянника, а слышала это отъ другихъ. Могло быть такъ, могло быть и иначе. Трудно предположить, чтобы Гладкій, при твердомъ и честномъ характерѣ своемъ, испугался падежа быковъ и вслѣдствіе этого не воротился къ своему хозяину, продавъ оставшееся на его рукахъ чумацкое имущество, или передавъ оное другимъ чумакамъ; самая чумацкая артель поддержала бы въ несчастномъ случаѣ своего товарища,—какъ это у нихъ всегда водилось. Скорѣе можно думать, что удалому чумаку Гладкому приглянулась какая нибудь шинкарочка съ карыми очима и черными бровями, ради которой онъ загулялъ и спустилъ все съ рукъ. А это бывало съ чумаками не разъ и даже вошло въ чумацкую пѣсню:

Пропывъ волы, пропывъ возы,
Пропывъ ярма и запозы,
Пропывъ все добро!
. . . . . .
. . . . . .

Библиотека "Руниверс"

Но такъ или иначе, Осипъ Гладкій, какъ передавала г-жа Чис—кова, очутился въ Новороссіи, и уже не чумакомъ, а мастеромъ по плотничьей части. Онъ взялся у одного владѣльца выстроить водяную мельницу. Не зная основательно строительнаго искусства и надѣясь только на свою смѣтливость, онъ чего то не досмотрѣлъ, не разсчиталъ, и незаконченную еще мельницу первымъ весеннимъ половодіемъ разбило и разнесло въ щепки. Боясь чтобы панъ погибшей мельницы не надавалъ въ расплату своему мудрому архитектору батоговъ въ спину, вмѣсто ожидавшихся карбованцевъ, Гладкій, не долго думая, далъ тягу. По разсказу Савича, Осипъ Михайловичъ былъ въ Одессѣ, гдѣ занимался бондарнымъ мастерствомъ, а потомъ, бросивши это занятіе, нанялся къ одному пану въ работники, тамъ сошелся онъ съ панской горничной, хотѣлъ на ней жениться, но священникъ, не приступая къ вѣнчанію, началъ собирать справки съ мѣста родины Гладкаго. Понятно, что при такомъ оборотѣ дѣла нельзя было ожидать на мѣстѣ результата справокъ, надѣлавшихъ переполоху въ семьѣ этого авантюриста. Гладкій бѣжалъ въ Керчь. Какъ видно онъ много шатался по Новороссіи, покуда очутился за Дунаемъ у турецкихъ запорожцевъ.

Красивый, разумный и статный здоровякъ Гладкій не могъ остаться незамѣченнымъ въ запорожской сѣчи. Онъ скоро выдвинулся на почетныя должности между товариществомъ. Участвуя вмѣстѣ съ другими запорожцами въ турецкихъ войскахъ при усмиреніи бунтовавшихъ грековъ, онъ геройскими подвигами обратилъ на себя особенное вниманіе какъ турецкаго начальства, такъ и самихъ запорожцевъ, слѣдствіемъ чего было избраніе его куреннымъ атаманомъ одного изъ козачьихъ куреней. На этомъ посту Гладкій еще болѣе съумѣлъ выказать свои достоинства. Въ январѣ 1827 года Осипъ Михайловичъ Гладкій на общей войсковой радѣ былъ единогласно выбранъ кошевымъ атаманомъ запорожскаго козачьяго войска въ Турціи. Выборъ этотъ турецкій султанъ утвердилъ съ присвоеніемъ Гладкому званія двухъ-бунчужнаго паши турецкой службы. Кромѣ того султанъ подарилъ Гладкому за его отличную службу дорогую

Библиотека "Руниверс"

саблю съ рукояткою изъ слоновой кости, ножнами изъ массивнаго серебра и съ арабской, на полоскѣ, надписью изъ корана.

Взявши въ руки судьбу запорожскихъ козаковъ, Гладкій задумалъ осуществить давно назрѣвавшую мысль о возвращеніи на родину, по которой онъ—при всѣхъ удачахъ и почестяхъ—тосковалъ, вспоминая на чужбинѣ любимую свою семью. Но тутъ уже къ нѣжнымъ чувствамъ присоединялись честолюбивые замыслы объ удержаніи за собою власти и славы, которыхъ онъ такъ упорно добивался и наконецъ добился. Теперь уже Гладкій думалъ воротиться въ Россію не простымъ козакомъ—батракомъ, а лицемъ властнымъ, особенно если ему удастся вмѣстѣ съ собою вывести на родину турецкихъ запорожцевъ, и такимъ образомъ извлечь изъ этого отважнаго поступка и свою личную выгоду и пользу русскому правительству. При счастливомъ исходѣ задуманнаго предпріятія Гладкій надѣялся, что русскій царь не отвергнетъ его—бѣглеца изъ отечества, фигурировавшаго въ чужой сторонѣ въ качествѣ не простой *райи*, а виднаго въ турецкомъ государствѣ лица, и проститъ его преступленіе.

Не разъ мечталъ объ этомъ Осипъ Михайловичъ Гладкій, держа крѣпко въ рукахъ атаманскую булаву въ кругу своихъ суровыхъ совѣтниковъ—старшинъ войска запорожскаго. Ему все какъ то не удавалось привести въ исполненіе завѣтное свое желаніе. Онъ долженъ былъ хитрить и весьма искусно вести опасную игру: съ одной стороны онъ не довѣрялъ своихъ мыслей войсковому товариству, вообще не имѣвшему расположенія къ русскимъ, съ другой—боялся, чтобы намѣренія его не дошли до свѣдѣнія турецкаго правительства. Въ первомъ случаѣ онъ могъ только потерять свою власть въ запорожскомъ войскѣ, а въ послѣднемъ могъ лишиться не только власти, но и самой жизни. Турецкій султанъ не любилъ шутить съ подобной игрой своихъ подданныхъ; онъ не преминулъ бы въ возмездіе за измѣну прислать своему двухъ-бунчужному пашѣ Гладкому прекрасный шелковый шнурокъ, или прямо отрубить ему голову. Самъ Гладкій единолично, конечно, могъ найти средства убѣжать въ Россію, но чѣмъ?... простымъ козакомъ, безъ знаковъ достоинства

Библиотека "Руниверс"

и безъ подчиненныхъ лицъ. Это значило промѣнять атаманскую булаву въ Турціи на солдатскій штыкъ въ Россіи, или, того еще хуже, познакомиться съ русскимъ военнымъ судомъ.... Нѣтъ!— на это Гладкій не былъ согласенъ. Ему хотѣлось возвратиться въ Россію властнымъ лицомъ, способнымъ обратить на себя вниманіе русскаго царя, для чего требовался съ его стороны великій подвигъ, который не только затмилъ бы всѣ его преступленія предъ отечествомъ, вѣроломно имъ оставленнымъ, но и доставилъ бы еще почесть и извѣстность. Онъ слѣпо вѣрилъ въ блестящую свою звѣзду, которая ему постоянно сопутствовала.

Не разъ Гладкій зондировалъ чувства запорожскихъ козаковъ на счетъ согласія ихъ воротиться въ Россію и сдаться на милость русскаго царя. Но всякій разъ получались результаты отрицательные. Молодежь выказывала нѣкоторую склонность вернуться на родину своихъ предковъ, гдѣ, по разсказамъ, запорожцы жили когда то какъ въ Божьемъ раю, но старые сѣчевики и слушать о томъ не хотѣли. Они знали, что той жизни, какой жили прежде запорожцы въ Россіи, уже не будетъ и что оставшіеся тамъ братья ихъ черноморцы не пользуются тѣми правами и вольностями, которыя были въ Запорожьи и которыми они сами пользуются у турецкаго султана.

Какъ искусный ловецъ, забросивъ удочку, терпѣливо выжидаетъ рыбу, такъ и Гладкій, пустивши изподтишка между козаками мысль о переходѣ въ Россію, терпѣливо выжидалъ покуда она мало по малу созрѣвала подъ вліяніемъ поэтическихъ думъ мечтательной молодежи и предательскаго хмеля старыхъ запорожцевъ. Истинныя намѣренія Гладкаго знали немногія приближенныя къ нему лица, имѣвшія вліяніе на толпу необузданныхъ сѣчевиковъ.

Какъ ни шатка была почва подъ ногами кошеваго атамана, но медлить было нельзя, нужно было на что нибудь рѣшаться: быть или не быть. И онъ дѣйствительно рѣшился на поступокъ самый смѣлый и отчаянный; въ случаѣ удачи онъ выигрывалъ все о чемъ мечталъ, при неудачѣ же терялъ все—и власть и жизнь.

Наступила война Россіи съ Турціей въ 1828 году. Запорожскому войску предстояло готовиться въ походъ съ турками

Библиотека "Руниверс"

противъ русскихъ. Гладкій, все еще не раскрывая своихъ картъ покуда не будутъ на рукахъ козыри, по предложенію турецкаго начальства дѣятельно готовилъ отрядъ козаковъ для дѣйствій противъ Россіи. Снарядивши войсковыя лодки и посадивши на нихъ около 1500 запорожскихъ козаковъ, кошевой атаманъ двинулся въ походъ подъ видомъ непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Вскорѣ онъ былъ уже за Прутомъ, направляясь къ русскимъ берегамъ и, только достигши Измаила, объявилъ всѣмъ своимъ спутникамъ принятое имъ твердое рѣшеніе вступить въ службу единовѣрной христіанской Россіи и стать врагомъ невѣрныхъ бусурманъ турокъ, отдавшись на милость Бога и русскаго царя.

Нечего и говорить, что такой поступокъ кошеваго атамана турецкихъ запорожцевъ какъ громомъ поразилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не знавшихъ настоящихъ мыслей Гладкаго при выходѣ отряда изъ запорожской сѣчи. Они плыли спокойно по Дунаю, воображая, что подбираются къ нашимъ берегамъ съ враждебной цѣлью, которую таилъ отъ нихъ атаманъ, не любившій дѣлиться своими мыслями въ военныхъ предпріятіяхъ съ подчиненными, но каково же было ихъ удивленіе, когда они вмѣсто враговъ являлись къ русскимъ покорными слугами.

Всѣ запорожскіе козаки и знавшіе рѣшеніе атамана Гладкаго передаться русскимъ, и не знавшіе безпрекословно повиновались своему вождю. Они его любили и уважали, какъ заботившагося объ ихъ благосостояніи *батька* и боялись, какъ строгаго начальника; его воля для козаковъ была закономъ.

Въ Измаилѣ атаманъ Гладкій поступилъ съ своими запорожцами въ карантинъ.

О прибытіи изъ Турціи кошеваго атамана Гладкаго съ отрядомъ войска запорожскаго измаильскій комендантъ генералъ Тучковъ донесъ государю императору. Его величество, получивъ такое извѣстіе на возвратномъ пути изъ подъ Браилова, осажденнаго русскими войсками, проводилъ императрицу изъ Бендеръ въ Одессу и 18 мая былъ уже въ Измаилѣ. Когда государь прибылъ въ карантинъ, то всѣ бывшіе тамъ задунайскіе запорожцы пали ницъ передъ его величествомъ, крестясь

Библиотека "Руниверс"

и читая моливы. Николай Павловичъ приказалъ имъ встать и выстроиться въ линію. Тогда атаманъ Гладкій съ 17-ю почетнѣйшими запорожцами приблизился къ монарху съ повинною головою. Сложивъ къ ногамъ государя атаманскую булаву, шашку и шапку, Гладкій съ депутатами палъ на колѣни и просилъ у государя себѣ и всѣмъ вышедшимъ съ нимъ изъ Турціи запорожцамъ прощенія и принятія въ русскую службу. Императоръ, принявъ ласково невѣрныхъ запорожцевъ, простилъ ихъ измѣну отечеству,—сказавши при этомъ, какъ передаетъ г. Эварницкій, знаменательныя слова:—„*Богъ васъ прощаетъ, отчизна прощаетъ и я прощаю*“. Послѣ сказанныхъ государемъ остальнымъ запорожцамъ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ козаки обнажили сабли и торжественно клялись служить вѣрою и правдою православному царю.

Въ то время, какъ государь разговаривалъ съ Гладкимъ, одинъ генералъ, изъ свиты его величества, обратился съ вопросомъ къ стоявшему къ нему поближе запорожскому депутату, старому съ сѣдою чуприною угрюмому козаку: „По какой причинѣ и чрезъ кого именно запорожцы оставили Россію и перешли въ Турцію?“ Суровый запорожецъ, не моргнувъ долгимъ усомъ, отвѣтилъ—„черезъ такихъ якъ ты!“

Николай Павловичъ, услыхавъ, что сѣдой запорожецъ буркнулъ что то себѣ подъ носъ спросилъ: „Что онъ говоритъ?...“ Генералъ поспѣшилъ отвѣтить: „Ничего, ваше величество,—такъ себѣ глупость“. Государь не обратилъ вниманія и продолжалъ вести съ Гладкимъ важный и интересный разговоръ о переходѣ его изъ Турціи. Слова эти слышалъ черноморскій офицеръ Завгородній, бывшій въ то время при государѣ, и послѣ разсказывалъ другимъ черноморцамъ, какъ весьма замѣчательный случай, что у старыхъ запорожцевъ при всей любви къ отчизнѣ, родному краю и православному государю, не угасала старая ненависть къ вельможамъ, бывшимъ, по понятіямъ ихъ, главной причиной уничтоженія въ Россіи войска запорожскаго ради того, чтобы воспользоваться даромъ богатыми запорожскими землями, кото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ, дѣйствительно, много было подарено разнымъ сановникамъ императрицей Екатериной II.

Императоръ Николай Павловичъ такъ былъ доволенъ поступкомъ запорожскаго кошеваго атамана Гладкаго, что въ знакъ монаршаго къ нему благоволенія тутъ же пожаловалъ ему золотую медаль, на андреевской лентѣ, съ своимъ портретомъ. Изъ вышедшихъ турецкихъ запорожцевъ тогда же былъ сформированъ дунайскій козачій полкъ, командиромъ котораго назначенъ атаманъ Гладкій.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ лагерѣ при Сатуновѣ 27 мая 1828 года, Осипъ Михайловичъ Гладкій за особенное отличіе, оказанное въ тотъ день при переправѣ русской арміи чрезъ Дунай, на турецкій берегъ, произведенъ въ чинъ полковника.

По окончаніи съ Турціей войны въ 1829 году государь императоръ за усердную и ревностную службу полковника Осипа Гладкаго возвелъ его въ дворянское Россійской имперіи достоинство. При этомъ утвердилъ ему слѣдующій достопримѣчательный гербъ: щитъ раздѣленный на двѣ половины; въ верхней половинѣ на голубомъ полѣ изображенъ орденъ Георгія Побѣдоносца, внизу лодка съ поднятымъ флагомъ и россійскимъ гербомъ; въ нижней половинѣ на красномъ полѣ изображена луна съ крестомъ надъ ней и двумя бунчуками по бокамъ креста; сверху щитъ увѣнчанъ дворянской короной, а на бокахъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ.

Въ этомъ щитѣ нарисована историческая картина перехода кошеваго атамана турецкихъ запорожцевъ двухъ-бунчужнаго паши Гладкаго изъ за Дуная въ Россію и честь, оказанная ему въ отечествѣ за этотъ важный подвигъ.

Война съ Турціей кончилась. Дунайскій козачій полкъ превратился въ азовское козачье войско и Гладкій по волѣ государя назначенъ былъ наказнымъ сего войска атаманомъ; онъ награждается чиномъ генерала и живетъ въ полномъ удовольствіи среди почестей и богатства въ кругу своей семьи, въ которой принималъ участіе самъ благодарный императоръ Николай Павловичъ, высоко цѣнившій заслуги Гладкаго Россіи.

Библиотека "Руниверс"

Но запорожцы—азовскіе козаки не валюбили своего атамана. Причины этому объяснимъ ниже, а теперь скажемъ только, что при такомъ неловкомъ своемъ положеніи среди бывшаго товарищества, дѣлившаго нѣкогда съ своимъ любимымъ атаманомъ радости и горе и при старыхъ своихъ лѣтахъ Осипъ Михайловичъ Гладкій вышелъ въ отставку и зажилъ на покоѣ въ своемъ имѣніи—хуторѣ Новопокровскѣ, находившемся въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи и на 79 году отъ роду скончался отъ холеры.

Осипъ Михайловичъ Гладкій въ жизни своей достигъ всего, чего желалъ—знатности, почестей и богатства; но достигъ ли онъ душевнаго мира, про то вѣдалъ онъ да Богъ.

Въ то время, какъ Гладкій торжествовалъ въ Россіи свою славу, въ Турціи сыпались на его голову проклятія оставленнаго имъ запорожскаго народа. За измѣну Гладкаго турки истребили много *раіи*, разорили Запорожскую Сѣчь, уничтожили кошевое управленіе, раскассировали все войско запорожское и разогнали этотъ несчастный народъ въ разныя мѣста турецкаго государства (въ Добруджѣ). Отъ такого погрома турецкіе запорожцы лишились не только своихъ правъ и вольностей, которыми пользовались до того по милости турецкаго императора, но и самой своей національности не могли уже удерживать во всей чистотѣ и неприкосновенности по козачьимъ традиціямъ. Съ того времени, подъ давленіемъ турецкой ненависти, запорожцы потеряли Сѣчь и общественное свое единство, которымъ они цѣлые вѣка были крѣпки. Не стало Сѣчи, не стало и запорожцевъ, они разбрелись въ разныя стороны, отуречились и затерялись.

Одинъ турецкій запорожецъ, жившій послѣ за Кубанью, изъ азовскихъ переселенцевъ, разсказывалъ мнѣ такъ: Когда турки узнали объ измѣнѣ Гладкаго и переходѣ его съ частью козаковъ въ Россію, то набѣжали изъ разныхъ мѣстъ и начали рѣзать остальныхъ запорожцевъ, гдѣ только они встрѣчались. Убивали съ большимъ ожесточеніемъ всѣхъ, кто попадался подъ руку, никому пощады не было, кровь рѣкою лилась; отчаянные крики, раздирающіе душу вопли и стенанія не унимали разсви-

Библиотека "Руниверс"

рѣпѣвшихъ изувѣровъ. Несчастные запорожцы проклинали Гладкаго—виновника ихъ бѣдствій и гибели. Такая ожесточенная бойня продолжалась, среди споровъ турецкихъ чиновниковъ, изъ которыхъ одни удерживали убійцъ, а другіе еще болѣе подстрекали ихъ, пока не прибылъ паша и не прекратилъ кровопролитія. Тамъ же былъ убитъ и отецъ разсказчика, а самъ онъ, бывши съ матерью въ то время по дѣлу въ Тульчѣ, спасся отъ смерти. Тогда же было слышно,—добавилъ онъ, что русскій царь, узнавши, что турки рѣжутъ русскихъ христіанъ, прислалъ бусурманамъ сказать, что если они не прекратятъ этой безбожной рѣзни, то онъ на другой день двинетъ на турокъ всю русскую армію и въ пухъ ихъ разобьетъ. Поэтому турецкій паша, испугавшись угрозы русскаго царя, и поспѣшилъ унять разсвирѣпѣвшихъ османовъ.

Быть можетъ, разсказъ этотъ и преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ турки жестоко расправились съ оставшимися послѣ ухода Гладкаго запорожцами за Дунаемъ.

Заканчивая краткій обзоръ жизни Осипа Михайловича Гладкаго, нельзя умолчать и о семейныхъ добродѣтеляхъ этого знаменитаго по романическимъ приключеніямъ человѣка. Извѣстно, что Гладкій, промотавши свое имѣніе, бросилъ жену съ дѣтьми въ самой крайней бѣдности, такой, что дѣти шли служить въ наймы простыми работниками; извѣстно также и то, что онъ, шатаясь по бѣлу свѣту, не чуждъ былъ нѣжныхъ чувствъ къ прекрасному полу и въ Россіи, и въ Турціи, но извѣстно и то, что, какъ только Гладкій возвратился въ Россію и управился съ своими служебными дѣлами, то, несмотря на высокое свое воинское званіе и почетное общественное положеніе, немедленно отправился къ своей убогой семьѣ и поставилъ ее въ положеніе, соотвѣтственное своему званію.

По традиціямъ войска запорожскаго, семейные козаки не имѣли права продолжать службу въ козачьей сѣчи; всякое сообщеніе сѣчевика съ женщинами считалось большимъ преступленіемъ и строго наказывалось. Поэтому и Гладкій, находясь за Дунаемъ въ Запорожской Сѣчи, скрывалъ отъ товарищества семейное свое положеніе и даже не сказалъ этого русскому

Библиотека "Руниверс"

государю при первомъ представленіи въ Измаилѣ, боясь потерять ту власть надъ своими козаками, какою онъ пользовался въ Турціи, и только впослѣдствіи Николай Павловичъ, узнавъ о семейномъ положеніи Осипа Михайловича, высочайше повелѣлъ принять его дѣтей, годныхъ по возрасту, въ учебныя заведенія для воспитанія на казенный счетъ.

III.

Поселеніе запорожскихъ выходцевъ въ Россіи и образованіе изъ нихъ азовскаго козачьяго войска.

По окончаніи турецкоой войны государь императоръ Николай Павловичъ былъ такъ доволенъ службою вышедшихъ изъ Турціи задунайскихъ запорожцевъ, находившихся въ составѣ дунайскаго полка, что предоставилъ ихъ командиру, бывшему кошевому атаману турецкихъ запорожцевъ Гладкому, выбрать для поселенія ихъ свободную землю въ южныхъ предѣлахъ Россіи, гдѣ окажется удобнымъ.

На войсковой радѣ запорожцы рѣшили: по прежнему своему согласію присоединиться къ черноморскому козачьему войску, происходящему изъ одного съ ними Запорожья. Гладкій не противорѣчилъ козакамъ, но былъ другаго мнѣнія, какъ укажутъ послѣдствія.

Въ 1830 году Гладкій поѣхалъ на Кавказъ для осмотра и выбора мѣста подъ поселеніе задунайскихъ запорожцевъ. Прибывши въ Черноморію, Гладкій представился наказному атаману черноморскаго войска, генералу Безкровному, который въ честь дорогаго гостя далъ балъ. На этомъ пиру Гладкій привлекалъ взоры всѣхъ своей статной мужественно-суровой, но красивой атлетической фигурой и еще болѣе исторической своей извѣстностью. На Гладкомъ былъ богатый запорожскій костюмъ и полковничьи эполеты;—такой же здоровенный саженный гайдукъ въ яркомъ кармазиновомъ кафтанѣ, носилъ за своимъ атаманомъ *люльку и кисетъ съ тютюномъ*.

Изъ Екатеринодара Гладкій поѣхалъ далѣе на кавказскую линію, но нигдѣ подходящихъ земель для поселенія своихъ за-

Библиотека "Руниверс"

порожцевъ не нашелъ, или не желалъ найти. Возможно думать то и другое. На Кавказѣ вдоль правой стороны Кубани были уже поселенія: въ низовьяхъ этой рѣки черноморское козачье войско, а въ верховьяхъ кавказскіе полки, семейно поселенные на границѣ противъ закубанскихъ горцевъ. Если бы запорожцы перешли въ кавказскій край, то должны были въ первомъ случаѣ войти въ составъ войска черноморскаго, имѣвшаго уже свою организацію, а въ послѣднемъ поселиться отдѣльнымъ полкомъ, по примѣру другихъ полковъ. А чѣмъ же могъ быть Гладкій?—Въ Черноморіи, не получивши научнаго образованія, онъ могъ занять только постъ, не требовавшій личной письменной работы, но какой?... Должность наказнаго атамана—генералъ Безкровный ему уступить не могъ, безъ распоряженія высшей власти, надѣяться же на эту принудительную мѣру было болѣе чѣмъ сомнительно; остаются должности полковыхъ командировъ,—которые въ то время могли быть и малограмотны; поселившись на кавказской линіи полкомъ, онъ могъ оставаться командиромъ своего же дунайскаго полка и только...

Но Гладкій былъ не такой человѣкъ, чтобы однимъ неосторожнымъ поступкомъ утерять первенство власти надъ своимъ войскомъ, хотя и маленькимъ, состоявшимъ изъ одного только полка, а все же войскомъ, по милости Государя, не бывшимъ еще въ зависимости отъ иного начальства, кромѣ его же самаго Гладкаго. Если онъ не задумался ради своей личной славы пожертвовать въ Турціи, быть можетъ, тысячами душъ своихъ братьевъ христіанъ, загубленныхъ турками, то что ему было дорожить мнѣніемъ подчиненной ему горсти казаковъ, на которыхъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ и національныхъ ихъ склонностей, онъ имѣлъ такое вліяніе.

Такъ или иначе думалъ Гладкій, но онъ предпочелъ поселиться съ своими запорожцами отдѣльно отъ другихъ областей, на свободной землѣ западной стороны Азовскаго моря, между Бердянскомъ и Маріуполемъ. На эту землю Гладкій привелъ своихъ козаковъ въ концѣ года, и они, ставши здѣсь лагеремъ, зазимовали.

Библиотека "Руниверс"

По представленію Гладкаго, государь императоръ высочайше соизволилъ изъ задунайскихъ запорожцевъ образовать азовское козачье войско, съ отведеніемъ оному для поселенія избранной Гладкимъ земли въ сказанномъ мѣстѣ и съ назначеніемъ самаго Гладкаго наказнымъ этого войска атаманомъ.

Тогда только запорожцы увидѣли, что ихъ мечты о соединеніи съ черноморскимъ войскомъ не сбылись. Они были крайне недовольны своимъ атаманомъ, дѣйствовавшимъ самовольно, въ разрѣзъ съ ихъ желаніями. Нѣкоторые изъ козаковъ, чувствуя себя обиженными Гладкимъ, не перенесли такой несправедливости и насилія съ его стороны; *подяковавши батьку атаману за хлибъ, силь и ласку*, такіе упорные и своевольные запорожцы бѣжали обратно въ Турцію; всѣ же остальные козаки основали на указанной землѣ двѣ станицы Никольскую и Покровскую, но прочнаго домашняго устройства не заводили, а большею частію жили въ землянкахъ. Проходили десятки лѣтъ, а нѣкоторые изъ козаковъ все еще имѣли какую то надежду на соединеніе съ черноморцами, не хотѣли производить болѣе прочныхъ построекъ, продолжали жить въ прежнихъ землянкахъ,—въ ожиданіи новыхъ переселеній въ Черноморію. Предчувствіе ихъ отчасти сбылось, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Вслѣдствіе малочисленности вновь образованнаго азовскаго козачьяго войска, по распоряженію правительства, были причислены къ нему смежные съ отведенной войску землей: Петровскій мѣщанскій посадъ надъ самимъ морскимъ берегомъ и Новоспасовское селеніе государственныхъ крестьянъ, переименованное въ станицу; затѣмъ по высочайшей волѣ былъ добавленъ къ азовскимъ войсковымъ дачамъ свободный участокъ казенной земли и на немъ поселена изъ переселенцевъ черниговской губ. Стародубовская станица. Такимъ образомъ въ составъ азовскаго войска вошли: двѣ станицы Николаевская и Покровская изъ коренныхъ запорожцевъ, одна станица изъ казенныхъ крестьянъ, одна новая станица изъ малороссійскихъ переселенцевъ и посадъ Петровскій изъ мѣщанъ, всего пять поселеній, изъ которыхъ послѣднее—посадъ служилъ мѣстопребываніемъ наказнаго атамана съ войсковымъ управленіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Возникавшія въ разныхъ мѣстахъ Россійской имперіи козачьи войска съ древнихъ временъ заселяли окраины государства; задача козачьихъ войскъ состояла въ охраненіи пограничныхъ мѣстъ своего отечества отъ вторженія непріятелей, причинявшихъ своими набѣгами русскому народу великое разореніе. Противъ этихъ то враговъ Россіи козаки всегда составляли надежную стѣну на границахъ и заслоняли своею грудью мирныхъ жителей Россіи. Атаманъ Гладкій почему то уклонился отъ этого вѣками установившагося правила козачьихъ поселеній и поселилъ свое азовское войско не на границахъ Кубани, гдѣ въ то время много было свободныхъ земель и чувствовался крайній недостатокъ въ народонаселеніи, пополнявшемся для увеличенія войска переселенцами изъ малороссійскихъ губерній, а въ мирномъ уголку Россіи, прикрѣпивъ козаковъ къ казенной землѣ, съ податнымъ населеніемъ, которое было обращено въ козачье званіе вопреки его желанію. Большинство гражданскаго населенія поглотило меньшинство военнаго элемента и впослѣдствіи изъ азовскаго войска, составившагося изъ слившихся въ одно цѣлое козаковъ, мѣщанъ и крестьянъ, образовался какой то округъ, похожій болѣе на небольшой уѣздъ внутренней русской губерніи съ гражданскимъ населеніемъ, чѣмъ на самостоятельное козачье войско.

Такъ какъ азовское козачье войско составилось большею частью изъ крестьянскаго сословія, то внутренняя жизнь козаковъ складывалась въ формы быта мирнаго гражданскаго населенія и протекала въ обыкновенныхъ сельскихъ занятіяхъ. Никакихъ пограничныхъ треволненій азовцы не испытывали, жили себѣ въ станицахъ покойно, занимались хлѣбопашествомъ, обрабатывая по 15 дес. на душу; избытокъ отъ своихъ трудовъ сбывали въ ближайшіе портовые города, преимущественно въ Бердянскъ, а о козачьей военной жизни и рѣчи не было; одни только природные козаки запорожцы, доживая свой вѣкъ, вспоминали про свои невозвратные молодецкіе годы, проведенные въ далекомъ задунайскомъ краѣ. Старые запорожцы, будучи несклонными къ семейной жизни, большею частію оставались сиромами, а молодое поколѣніе коренныхъ козаковъ было на

Библиотека "Руниверс"

столько малочисленно, что незамѣтнымъ образомъ сливалось съ гражданскимъ населеніемъ и воспринимало характеръ преобладающей мѣщанской и крестьянской среды, совсѣмъ чуждой воинскому духу истыхъ козаковъ и въ концѣ концовъ принимало весь складъ крестьянскаго люда. Одна только государственная служба, передававшаяся отъ отцовъ къ дѣтямъ, поддерживала тотъ замѣчательный духъ козацкой удали и отваги, который запорожцы, какъ настоящіе козаки, всегда умѣли передавать не только природнымъ козакамъ, но даже и пришельцамъ къ нимъ, принимавшимъ козачье званіе.

П. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ).

Мнѣ кажется, наступило время отвести страницы „Кіевской Старины“ для помѣщенія на нихъ матеріаловъ по составленію болѣе полной біографіи нашего вѣщаго историка, покойнаго Н. И. Костомарова. Нѣсколько изданныхъ его біографій, а также помѣщенная въ „Литературномъ наслѣдіи“ съ значительными пропусками его автобіографія, не могутъ обрисовать вполнѣ личность великаго нашего историка. Онѣ освѣщаютъ ее тусклымъ свѣтомъ и имѣютъ нѣкоторое сходство съ обычнымъ формулярнымъ о службѣ спискомъ служащаго лица. Въ нихъ почти нѣтъ интимныхъ сторонъ покойнаго, которыя могли быть подмѣченными только близко знакомыми съ нимъ. Пусть эти знакомые его сообщаютъ на страницы вашего почтеннаго журнала письма Н. И. Костомарова, воспоминанія о немъ и т. п.

Признавая подобнаго рода матеріалы имѣющими существенное значеніе, я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ нѣкоторыя воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ и сохранившееся у меня одно его письмо, которое и прилагаю при этомъ.

Знакомство мое съ нимъ началось съ переписки его со мною въ бытность мою еще студентомъ кіевскаго университета. Вотъ то письмо, снятое съ детальною точностью, которое я имѣлъ счастье получить въ Кіевѣ и которое принесло мнѣ столько радостей, что и до сихъ поръ я храню его какъ святыню:

„Одибравъ я, шановный добродію, вашъ листъ. Ариѳметику взявсь написати К—ій и написавъ багато и прислав, а

Библиотека "Руниверс"

кинець шче не дославъ. Теперъ его зослано у Вологду, але винъ мини звидты пысавъ и обицявъ дослаты кинець. Іи отъ дожидаю; тымъ и не выпущаю.

„Вашу изминить коли хочете. Я николы не выкладавъ дѝтямъ сеи науки, тымъ и не берусь на увагу браты чы добра ваша буде, чы ни. А отдамъ ій кому звелите, якомусь мистцеви, хочъ, прыкладомъ, Савичеви, професорови астрономіи и землякови нашому. Якъ хочешь, такъ и робыть.

„Чувъ я у васъ у Кіеви шчось учене для нарида збираються друковаты. Колы сіому правда, то слѣдъ бы вамъ бувъ объ симъ укупи зо мною помирковатысь, шчобъ мы одно у другого не перебывалы и одны другымъ на перешкоди не становылысь. Бо колы мы тутъ, а вы тамъ одне и тежъ выпущчатымемо, то тилки соби сылы збавлятымемо. И колы у васъ тамъ есть якій збиръ, то треба булобъ и вамъ у газетахъ звишчаты людъ хрещченый, шчо тамъ у васъ е и шчо вы робыты думаете, якъ я роблю, бо у мене шчо мисяцъ друкуется и тайного ничого нема.

„Бувайты здорови. Дай Боже вамъ усякого добра. Н. Костомаровъ. Марта 21, 1863, С. П. Б., Васильевск. остр. 18 линія, д. Карманова“.

Приписка: „Кланяйтесь усимъ громадянамъ вашымъ. Пошлы имъ, Господи, совитъ и волю крипку“.

Если не ошибаюсь, я не получалъ больше ни одного письма до осени 1868 г., когда въ первый разъ воочію узрѣлъ изрѣзанную морщинами, живую, съ искрящими глазами, физіономію историка. У него были уже тогда нервныя подергиванія въ правомъ глазѣ, не укрывавшіяся подъ золотыми очками. По пріѣздѣ въ Питеръ, я счелъ своимъ долгомъ отправиться къ нему съ поклономъ въ домъ Карманова. До этого времени мнѣ пришлось напечатать нѣсколько произведеній, утратившихъ уже всякую цѣну. Съ усиленнымъ біеніемъ сердца я поднялся на 3-й этажъ и позвонилъ, прочитавши на дверяхъ съ лѣвой стороны ств лѣстницы визитную карточку историка. Слуга его, имя котораго я забылъ, хотя знаю, что онъ давно служилъ у Н. И. Костомарова, пустилъ меня въ переднюю и хотѣлъ было по-

Библиотека "Руниверс"

мочь мнѣ снять верхнее платье. Я попросилъ его доложить хозяину о моемъ приходѣ. Не прошло минуты, слышу изъ сосѣдней комнаты хриплый голосъ: „Земляче, любый земляче". Передо мною на порогѣ появилась старая, изможденная фигура историка съ дѣтскою радостью.—„Отъ колы довелось побачыты васъ". Двумя фразами и дѣтски-горячимъ поцѣлуемъ онъ сразу понизилъ біеніе моего пульса. Начался разговоръ. — „Ходимо пидъ древеса". Въ углу на лѣво въ первой комнатѣ стояли тропическія растенія съ громадными вѣтвями, подъ которыми стоялъ диванчикъ съ круглымъ предъ нимъ столикомъ. Хозяинъ потребовалъ два стакана кофе. Онъ не могъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, постоянно вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ, или приносилъ изъ сосѣдней комнаты—своего рабочаго кабинета, то папиросы, то сигары и предлагалъ ихъ мнѣ. Мнѣ крайне приходится сожалѣть теперь, что я не записалъ дня этой встрѣчи, а разговоръ нашъ изгладился изъ моей старой головы. Содержаніе его касалось кіевлянъ и разныхъ мѣстъ въ самомъ городѣ. Костомаровъ старался мнѣ объяснить, гдѣ стоялъ тотъ домъ, въ которомъ онъ жилъ въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Кіевѣ, передъ арестомъ.

Выпивши кофе, Н. И. повелъ меня въ свой кабинетъ, одинъ внѣшній видъ котораго возбудилъ у меня благоговѣніе. Посрединѣ—большой рабочій столъ, заваленный книгами и исписанною бумагою, вокругъ стола лежали толстые фоліанты въ одиночку и кучами. Вдоль всей стѣны передо мною красовались полки съ массою старыхъ и новыхъ книгъ. Между двумя окнами стоялъ высокій на 4-хъ ножкахъ столъ, съ поднимающеюся доскою и съ ящикомъ, гдѣ хранились курительныя принадлежности. На этомъ столикѣ стояло металлическое распятіе. Въ углу справа стояло подъ образами вольтеровское кресло, а между нимъ и дверью шкафчикъ съ книгами, игравшій также роль стола. По другую сторону дверей стояли два шкафа тоже съ книгами. На полкахъ сверху сидѣлъ старый любимый котъ историка—Васька.

— „Сидайте ось тутъ", показалъ мнѣ Н. И. на кресло въ правомъ углу. „Це для землякивъ мисто", пояснилъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

Я боялся утомлять его и нѣсколько разъ порывался уйти, но чувствовалъ будто-бы привинченъ къ креслу. Н. И. все время ходилъ взадъ и впередъ. Онъ позвалъ „Ваську съ высотъ", познакомилъ меня съ нимъ, посадилъ къ себѣ на плечо и ходилъ и все ходилъ по кабинету, разспрашивая меня то о Кіевѣ, то о кіевлянахъ.

Я просидѣлъ долго, хотя время пронеслось для меня мгновеніемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, о своихъ текущихъ работахъ.

Провожая меня въ переднюю, онъ снова обнялъ меня и сказалъ:—„Дывиться-жъ, якъ хочете до мене йти, то приходьте що вечора по вторкамъ. У мене збираються добри люде и земляки". Я поблагодарилъ его и вышелъ изъ передней сіяющимъ отъ радости.

Выѣзжая съ родины въ столицу, я получилъ отъ сестеръ вышитую и мереженую сорочку, ни разу мною не надѣванную. Мнѣ пришло на мысль отнести ее въ первый же вторникъ историку „видъ землячекъ". Этого вторника я ожидалъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ, но не зналъ въ которомъ часу идти на вечеръ, не зналъ порядковъ въ столицѣ, прибывши въ нее изъ благословенной Малороссіи всего 2—3 дня. Дождавшись вторника, я пошелъ въ домъ Карманова довольно поздно. Я засталъ у Н. И. человѣкъ десять гостей. Войдя въ кабинетъ, я представилъ ему измышленный мною „отъ землячокъ", а не отъ самаго себя подарокъ. Онъ тутъ же развернулъ его и стрѣлою выбѣжалъ въ дверь на лѣво. Я остался среди незнакомой компаніи. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ благообразный батюшка, около рабочаго стола стоялъ маленькій человѣчекъ съ жидкою выцвѣтшею уже бородкою, на диванчикѣ я замѣтилъ развалившагося человѣка среднихъ лѣтъ, который и не думалъ измѣнять своей позы. Кровь прилила мнѣ къ лицу, хотя мнѣ было тогда уже 27 лѣтъ. Но не прошло 2—3 минутъ растворяется дверь и въ кабинетъ входитъ Н. И., надѣвши сверхъ сюртука принесенный мною подарокъ отъ „землячокъ".

— Отъ, дывиться, точно я ксендзъ въ своей рубашкѣ.

Онъ меня подвелъ къ батюшкѣ, сказавъ:

Библиотека "Руниверс"

— Мой духовникъ, мой землякъ и мой другъ сердечный отецъ Степанъ Опатовичъ.

За тѣмъ, онъ подвелъ меня къ маленькому человѣчку и сказалъ мнѣ:

— А отце мой другъ и мой издатель Дмитрій Ефимовичъ Кожанчиковъ, а по нашому—кажанъ (летучая мышь).—„А это", сказалъ онъ другу, показывая на меня... и запѣлъ малороссійскую думу о козакѣ, носившемъ мою фамилію. Послѣ пѣсни онъ сталъ знакомить меня съ остальными своими друзьями—извѣстнымъ профессоромъ Савичемъ, Бѣловымъ, Никитскимъ и нѣсть имъ числа. Сознавая себя мнимою величиною, выраженіемъ, которымъ подписывалъ всегда мои статьи въ кіевской газетѣ Юнга, я не зналъ теперь, за кого меня принимаютъ: за мнимую ли величину, или же за того голову въ малороссійской опереткѣ, который поетъ:

Тутъ въ мене не клочче,
Про се знае всякъ,
Бувъ я головою—се вже не пустякъ!
Пипъ мене шануе,
Кланяетця дякъ,
Жидъ шапку здіймае,
Се вже не пустякъ!

Въ Петербургѣ пришлось мнѣ прожить до самаго марта 1868 г. Кажется, я не пропустилъ ни одного вторника. Кого-кого я не встрѣчалъ у нашего историка, его гости друзья приходили поклониться его великому генію. Всѣ были у него, какъ у себя дома, безъ всякой церемоніи, хотя достаточно было ему произнести одно слово, разговоры смолкали и каждый представлялъ собою подобіе Лотовой жены. Такое отношеніе, видимо, нравилось покойному историку. Кабинетъ его въ это время принималъ характеръ святилища. Нерѣдко онъ пѣлъ, декламировалъ стихи; стихотворенія Шевченка онъ зналъ всѣ на память. Да и чего онъ не зналъ?... Въ моихъ ушахъ и теперь раздается его голосъ и два стихотворенія Шевченка:

И на апостольскомъ престолѣ
Чернецъ годованый сидитъ,
Людскою кровію торгуе (Иванъ Гусъ)

Библиотека "Руниверс"

и

Храмы, иконы и капища,
И ставники, и мура дымъ,
И передъ образомъ Твоимъ
Неутомленные поклоны и т. д.

Всѣ слушали, благоговѣли и сознавали, что передъ ними стоитъ

Апостолъ правды и науки!

Въ Петербургъ я пріѣхалъ искать должности, имѣя въ карманѣ около трехъ тысячъ, заработанныхъ по окончаніи университета воспитаніемъ Грыцька, сына богатыхъ родителей. По истеченіи двухлѣтней педагогической дѣятельности я рѣшилъ оставить Полтаву. Отецъ и мать моего питомца любили меня всею душою, предлагали мнѣ по двѣ тысячи рублей въ годъ на всемъ готовомъ, начиная отъ кареты до мойки бѣлья, и даже сколько я пожелаю тысячъ, но я не согласился. Я чувствовалъ необходимость въ отдыхѣ, не видѣлъ толку въ своей работѣ, считалъ себя богачемъ. Заѣхалъ въ х. Рогозки, черн. губ., обрадовалъ дорогую мою старуху-матушку и дорогихъ мнѣ сестеръ. Хотѣлъ было погостить 2—3 дня, но сестры взяли лукаво съ меня слово обождать окончанія ими двухъ „вышиваныхъ сорочекъ“ для меня, и продержали меня болѣе двухъ недѣль. Два года я не посѣщалъ свой родной очагъ и теперь все мнѣ казалось новымъ или обновленнымъ: и раскоряковатая груша въ громадномъ саду какъ будто бы помолодѣла, и старуха Домна, жена повара, тоже помолодѣла, и бывшіе крѣпостные матери, инвалиды—Степанъ—скотникъ и Кирикъ—телятопасъ, можно сказать, тоже помолодѣли: „Здоровеньки булы, паниченько; отце ще й не надывылысь на ихъ, а воны вже й кидати насъ хочутъ“. А Яковъ—кучеръ, стоявшій сбоку, почесавши затылокъ, пробормоталъ сквозь зубы: „Куды воны поидуть? возьму, та коней усихъ и позаганяю у болото, нехай попереду отпасуться“. Изъ строгаго педагога я превратился въ ребенка. Я всю дворню перецѣловалъ и даже Пегаса, сторожившаго день и ночь красную кладовую съ запасами лѣсныхъ орѣховъ въ бочкахъ, домотканки, сушеныхъ грибовъ и всѣхъ вообще земныхъ произведеній, спустилъ съ желѣзной цѣпи. Громадный песъ узналъ

Библиотека "Руниверс"

меня, бросился на грудь и сталъ лизать мнѣ лицо. Сборы въ дорогу начались, нужно заѣхать къ сестрѣ въ Нѣжинъ, а тамъ и гайда въ Питеръ. Матушка призвала Якова и приказала ему приготовлять экипажъ, провожать меня до Нѣжина.

— Якъ це? И до папеньки не поидуть? Хыба це такъ слѣдъ?

А тутъ и мать, и сестры, и баба Ганна, „що тебе нянчила, якъ ще ты тильки молоко ссавъ“, и вся многочисленная челядь пристала, чтобы ѣхать на могилу отца „до церкви у Сахнивци“ и отслужить у отца Хведора и напутственный молебенъ, и „панихвиду“. А меня тянуло на сѣверъ, жаждалось новыхъ ощущеній. Я метался, я не спалъ все время моего пребыванія въ родительскомъ домѣ. Мое воображеніе раскинулось широко. Я не былъ при похоронахъ отца. Говорятъ, всѣ крѣпостные отца, и старъ, и младъ, человѣкъ до 300, несли на плечахъ его гробъ за семь верстъ и плакали. Каждый праздникъ онъ собиралъ народъ въ большую залу и „правивъ службу“. Я помню эти службы, помню ужасный запахъ въ залѣ отъ ладана, восковыхъ свѣчей, которыя молельщикамъ выдавались даромъ, по одной на душу. Меня тянула и дорогая могила отца. Я помню, какъ послѣ смерти отца убитая горемъ мать разсылала повсюду циркуляры, предлагая премію за надгробные стихи. Наслали ей ихъ много, но она остановилась на стихахъ учителя какого-то приходскаго училища и выдала ему за нихъ 100 р. Я помню эти стихи и буду помнить до могилы. Вотъ они:

Прими, о милый прахъ,
Въ даръ памяти твоей
Слезу жены, возлюбленныхъ дѣтей,
И тамъ, въ жилищѣ божьемъ, въ небесахъ,
Молись за нихъ и жди семьи своей!

Простите меня, что я началъ объ одномъ, а говорю другое, точно хочу сказать о самомъ себѣ, хотя, въ дѣйствительности, такого желанія мнѣ и не приходило никогда.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я направился бить челомъ о казенномъ мѣстѣ къ N., занимавшему и въ то время высокое положеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; я надѣялся на него, какъ на каменную гору. Я зналъ отлично

Библиотека "Руниверс"

его родителей, отца, мать, добрѣйшаго и благороднѣйшаго старшаго брата Николая. Помню его матушку и теперь съ „очипкомъ“ на головѣ. Вельможа принялъ меня яко подобаетъ джентельмену, но въ предоставленіи мнѣ мѣста, хотя бы своего курьера, отказалъ, несмотря на мой кандидатскій дипломъ. Я вышелъ отъ него и сказалъ себѣ въ умѣ: „хай тоби сто кипъ чортивъ“.

Я не заботился о мѣстѣ. Мнѣ нужно было отдохнуть послѣ тяжкаго двухлѣтняго безплоднаго труда съ дорогимъ мнѣ и по нынѣ Грицькомъ. Но фортуна повернула свое колесо иначе: во вторникъ вечеромъ пришелъ къ Н. И. какой то молодой, красивый и симпатичный мужчина высокаго роста съ черными, какъ смоль, волосами. Какъ свой человѣкъ, я бывалъ у нашего историка, когда вздумается. Костомаровъ представилъ меня гостю и я онѣмѣлъ, услышавши, что это—собиратель былинъ П. Н. Рыбниковъ. Мнѣ казалось, что это нашъ братъ „козачого роду“, а это—вотъ кто! Какъ человѣкъ „богатый“, я обѣдалъ часто въ нѣмецкомъ клубѣ, что былъ въ Демидовскомъ переулкѣ. На другой день послѣ моего посѣщенія историка я пошелъ „къ нѣмцамъ“ и тамъ встрѣтился съ милѣйшимъ, умнѣйшимъ образованнѣйшимъ и несчастнѣйшимъ Павломъ Николаевичемъ. Мы сѣли рядомъ за столъ, весь обѣдъ проговорили, а черезъ нѣсколько дней поѣхали вмѣстѣ въ вагонѣ на границу Россіи и Германіи, въ калишскую губернію, гдѣ онъ занималъ должность вице-губернатора. Умеръ этотъ драгоцѣннѣйшій для Россіи человѣкъ молодымъ, и слава Богу. Какъ живетъ родная мнѣ его семья, къ стыду моему, не знаю, такъ какъ переписку прекратилъ годъ спустя послѣ пріѣзда моего въ Тифлисъ въ 1876 г.

Какъ то мнѣ пришлось поѣхать изъ Калиша въ Петербургъ. Я захватилъ у моего добраго друга, грека Шимановскаго, вѣроятно, давно превратившагося въ неорганическія вещества, въ его винномъ погребѣ бутылки 2—3 стараго венгерскаго для Костомарова. Я нашелъ его „недужимъ“ въ постели. Возлѣ него сидѣла старушка—матушка. Меня впустили въ спальню. Николай Ивановичъ обрадовался моему

Библиотека "Руниверс"

пріѣзду, начались разсказы. „Та йдить соби, вже годи!“ сказала матушка. Я самъ чувствовалъ необходимость уйти отъ слабаго больнаго. Вставши со стула и подавши руку, я рѣшился сказать о винѣ. Николай Ивановичъ началъ метаться и кричать: „Венгржина, венгржина!“ Я выскочилъ стрѣлою изъ комнаты. На другой день я зашелъ рано утромъ освѣдомиться о здоровьи больнаго. Вѣрный слуга его впустилъ меня въ переднюю, молча заперъ дверь, вынулъ ключъ и заявилъ: „Я васъ не пущу, идите къ Николаю Ивановичу“. Я боялся его потревожить, но вѣрный слуга рѣшительно сказалъ мнѣ: „Какъ угодно, сидите здѣсь и день и ночь, а я васъ не выпущу“. Скрѣпя сердце, тихонько я вошелъ къ больному, онъ вскочилъ съ постели и крикнулъ мнѣ: „Ты мнѣ не венгржины принесъ, а лѣкарства, я чувствую отъ рюмочки этого лѣкарства и силу, и бодрость“.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Николая Ивановича въ Тифлисѣ на археологическомъ съѣздѣ. Я его встрѣтилъ на порогѣ приготовленной ему квартиры во дворцѣ великаго князя намѣстника Михаила Николаевича. Можно сказать, все время пребыванія его здѣсь я былъ его тѣнью, я подходилъ къ его двери и ожидалъ, когда онъ проснется, я отходилъ отъ этой двери, когда онъ уже лежалъ раздѣтымъ въ постели.

Помню ужасную сцену. Я повелъ историка къ его соученику, почтенному Николаю Ивановичу Гулаку, доживающему здѣсь свой старческій вѣкъ. Друзья, не видѣвшіе другъ друга много лѣтъ, встрѣтились молча, молча обнялись и горько зарыдали. Я бросился за водою. Выпивши по глотку воды, Н. И. Костомаровъ спросилъ своего тезку: „Помнишь какъ ты на очной ставкѣ увѣрялъ меня, что предъявленная намъ тетрадка изъ синей почтовой бумаги—твое твореніе?“—„Я не помню, да и что тяжелое прошлое вспоминать“. Всѣ трое замолкли. Пауза и—пошли воспоминанія о прошломъ. Бесѣда шла въ маленькой бѣдной комнатѣ, заваленной книгами чуть ли не на языкахъ всѣхъ народовъ земнаго шара. Я былъ нѣмымъ слушателемъ. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ родовъ сценическихъ произведеній. Бесѣда шла долго, но насталъ таки конецъ ей. Друзья обнялись,

Библиотека "Руниверс"

расцѣловались. Гулакъ остановилъ своего соузника: „Обожди, Николай, я тебѣ подарю мою книжку, изданную французскою академіею“. Изъ кучи книгъ онъ нашелъ, наконецъ, свою книжку. Историкъ еще разъ обнялъ автора и крѣпко поцѣловалъ. Посмотрѣвъ затѣмъ заглавіе книги (кажется, геометрія 4-хъ измѣреній), нашъ историкъ торжественно воскликнулъ: „Другъ мой, сія книга мною читаема не будетъ!“ Гулакъ улыбнулся святою улыбкой и отвѣчалъ:—„Я очень радъ!“.

На прощаньи я обнялъ Костомарова и отскочилъ отъ него стрѣлою въ дворцовый садъ—слезы меня совсѣмъ задушили!.

Вѣчная тебѣ память, нашъ возлюбленный „апостолъ правды и науки“.

д. к. м.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Вступленіе во владѣніе новыми имѣніями послужило поводомъ къ поѣздкѣ на контракты, которые происходили ежегодно въ Кіевѣ съ 15 января до 26 февраля. Прежніе дубенскіе контракты тогда совершенно упали, а кіевскіе славились во всѣхъ славянскихъ земляхъ.

Поѣхали мы большой компаніей: я, мой зять Сосницкій, Янъ Омецинскій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій и мой двоюродный братъ Іосифъ Гленбоцкій. Въ нашемъ поѣздѣ было около десятка саней, запряженныхъ четверками; за санями шло нѣсколько верховыхъ лошадей; въ саняхъ были ружья и борзыя; по дорогѣ мы охотились и намъ было очень весело. На отдыхахъ и на ночлегахъ играли въ карты и болтали.

Мы спѣшили пріѣхать къ вечеру 5 января въ Кіевъ, чтобы присутствовать при освященіи воды на Днѣпрѣ — *водохрестьи*. Чтобы побывать на этомъ торжествѣ, стоило пріѣхать за девять дней до открытія контрактовъ. На этомъ торжествѣ парадировала мѣстная конная милиція, существовавшая до 30-хъ годовъ.

Для всей нашей компаніи мы наняли обширный домъ на Подолѣ; хозяйка переселилась съ дочерьми въ маленькій домикъ на томъ же дворѣ, а мы расположились въ огромныхъ покояхъ, убранныхъ по старинному.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 6.

Библиотека "Руниверс"

Въ день Крещенья была прекрасная погода. Морозило, солнце свѣтило ярко. Изо всѣхъ кіевскихъ церквей потянулось духовенство съ хоругвями и цеховыми значками; кругомъ проруби расположилось восемь эскадроновъ городской милиціи: лошади были въ стальныхъ панцыряхъ, съ султанами изъ страусовыхъ перьевъ на головахъ; всадники были въ алыхъ атласныхъ жупанахъ и свѣтло-зеленыхъ саетовыхъ кунтушахъ съ отворотами, въ бѣлыхъ шапкахъ съ барашковой опушкой и пером цапли, съ золотыми украшеніями; вооружены они были копьями со значками и обоюдоострыми мечами.

Конные музыканты, въ числѣ 72 человѣкъ, играли въ то время, когда митрополитъ съ безчисленнымъ духовенствомъ подошелъ къ проруби. „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный“ разносилось далеко, ко всѣмъ славянскимъ странамъ. Митрополитъ освятилъ воду и окропилъ всѣ славянскія страны. Это было славянское urbi et orbi, ибо Кіевъ всеславянская столица. У меня захватило духъ отъ этого зрѣлища. Съ какой бы радостью я утопилъ въ этой днѣпровской проруби все, что было и могло быть врагомъ славянства.

Это было въ 1830 году. У насъ, подъ Бердичевомъ и въ Житомирѣ, никому и не снилось и не грезилось ни о какомъ заговорѣ, ни о какомъ возстаніи. Вѣсти изъ Варшавы были такъ недостовѣрны и фантастичны, что ихъ однимъ ухомъ слушали, а въ другое выпускали, и никто не придавалъ имъ большого значенія. Дѣйствительно, это были скорѣе анекдоты, чѣмъ политическія извѣстія. Въ Кіевѣ было совершенно иначе; здѣсь допускали возможность возстанія, хлопотали о томъ, чтобы столковаться, прійти къ соглашенію...

Изъ польскихъ фамилій кіевской округи выдѣлялись двѣ — Росцишевскіе и Залѣскіе. Они находились въ близкихъ отношеніяхъ съ кіевскимъ мѣщанствомъ. Другіе поляки, жившіе въ Кіевѣ и пріѣхавшіе туда, сторонились отъ мѣщанства, вслѣдствіе религіозныхъ и національныхъ предразсудковъ. Два представителя этихъ фамилій играли въ то время видную политическую роль — Іосифъ Залѣскій, бывшій уланскій офицеръ, а потомъ капитанъ конныхъ стрѣлковъ польскихъ войскъ, и Эд-

Библиотека "Руниверс"

мундъ Росцишевскій, служившій подпоручикомъ въ тѣхъ же конныхъ стрѣлкахъ. На свое несчастье они избрали повѣреннымъ нѣкоего Голеевскаго, бывшаго гусарскаго офицера, сидѣвшаго въ то время въ кіевской крѣпости за жестокое обращеніе со своими крестьянами; это былъ исправный и энергическій офицеръ, но, къ сожалѣнію, онъ не былъ ни хорошимъ человѣкомъ, ни хорошимъ полякомъ, какъ оказалось впослѣдствіи.

На этихъ контрактахъ, которые были очень многолюдны и привлекали большіе капиталы, помѣщики трехъ преднѣпровскихъ губерній (т. е. кіевской, подольской и волынской), старые и молодые, знакомились между собою, сближались тѣснѣе прежняго, но всѣ сторонились какъ отъ помѣщиковъ изъ Заднѣпровья, которыхъ съѣхалось на контракты очень много, такъ и отъ кіевскихъ мѣщанъ. Съ заднѣпровскими помѣщиками играли въ карты, потому что это были самые извѣстные игроки во всей россійской имперіи. Генералъ Завадовскій, впослѣдствіи атаманъ черноморскихъ козаковъ, генералъ Исленьевъ, кавалергардскій ротмистръ Чорба, ротмистръ Черникъ, черноморецъ, артистъ-художникъ, цѣлое семейство Нечаевъ изъ херсонской губерніи, разные предводители дворянства, совѣтники и полковники—все это вело игру на тысячи и десятки тысячъ; съ ними водились поляки, какъ напр. полковникъ Денбовскій, въ то время владѣлецъ Стараго Константинова и Гончарихи, его зять Витославскій, двое Собанскихъ, Александръ и Исидоръ, полковникъ Млокосевичъ и др. Къ нимъ же примыкали курляндцы и великоросы, изъ которыхъ первую роль игралъ кн. Голицынъ, женатый на Ходкевичъ. Золото текло, какъ вода.

Картежная игра вошла въ такую моду, что не было дома, гдѣ бы нельзя было застать играющихъ. Едва только кто нибудь появлялся, едва успѣвалъ поздороваться, какъ его усаживали за карты. Не было никакихъ развлеченій, кромѣ картъ, никакихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ о картахъ.

Выѣхать изъ Кіева было гораздо труднѣе, чѣмъ собраться ѣхать туда, хотя и ѣхали домой. То тамъ еще не успѣлъ побывать, то того не успѣлъ купить, а надо было закупить и чаю, и конфектъ, и маринадовъ и всего на цѣлый годъ. Отъ-

Библиотека "Руниверс"

ѣздъ откладывался со дня на день, а тутъ наступала оттепель и санная дорога могла совсѣмъ пропасть. Пріѣхали мы вмѣстѣ, надо было вмѣстѣ и возвращаться, а между тѣмъ проходилъ день за днемъ — нельзя было собраться. Но Омецинскому пришла однажды счастливая мысль:

— Ѣдемъ въ Брусиловъ.

— Превосходно!—закричали всѣ:—и маленькая головка у пана Яна, а разуму въ ней не оберешься! Да здравствуетъ панъ Янъ! Ѣдемъ въ Брусиловъ!

Начали собираться и выѣзжать одинъ за другимъ. Брусиловъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Мы съ Омецинскимъ остались еще на два дня въ Кіевѣ, а потомъ отправились въ тотъ же Брусиловъ. Добро бы это былъ Чернобыль, столица чернобыльскаго округа, гдѣ гордая шляхта охраняла польскую границу, съ одной ногой, обутой въ сапогъ со шпорой, а другой въ лыковый лапоть, въ знакъ того, что готовы выйти на службу пѣшими и конными на зовъ короля и Рѣчи-Посполитой, я еще понялъ бы, что это было посѣщеніе священнаго шляхетскаго мѣста, такъ сказать, шляхетскій отпустъ, но въ Брусиловѣ такихъ воспоминаній не было. Мы застали нашихъ товарищей и еще втрое болѣе иной доброй шляхты въ корчмахъ за столами, на которыхъ стояли четырехгранные штофы съ гольдвассеромъ, сверкавшимъ золотомъ и серебромъ, гданской, ратафіей, кальмусовкой, тминной и другими славными водками, приготовляемыми въ Брусиловѣ. Закупали ихъ для домашняго обихода на цѣлый годъ, но прежде пробовали по цѣлымъ недѣлямъ, чтобы разобрать вкусъ и привезти домой уже испробованныя.

Таковы то были воспоминанія о Брусиловѣ и потому то такъ пріятно звучало въ ушахъ: „Въ Брусиловъ, въ Брусиловъ!“

VIII.

Русская гвардія.—Положеніе русскихъ земель.—Старинные роды.—Извѣстія изъ-за Дуная.—Выступленіе гвардіи въ Петербургъ.

Въ то время въ нашихъ мѣстахъ зимовала гвардія, возвращавшаяся изъ Надднѣстровья, гдѣ она находилась въ качествѣ

Библиотека "Руниверс"

резервнаго корпуса во время войны съ Турціей. Война была уже окончена, адріанопольскій миръ заключенъ. Послѣ смотра вел. князя Михаила Павловича, эти блестящіе полки должны были возвратиться въ Петербургъ, но ради масляницы они остались на зимнихъ квартирахъ и масляница была отпразднована такъ шумно, какъ нигдѣ.

Въ Коднѣ у генерала Корженевскаго были самыя многолюдныя собранія и самые блестящіе балы. Тамъ знакомились и сходились гвардейцы съ помѣщиками, съ молодежью, съ офицерами польскаго войска, которые всегда бывали въ окрестностяхъ Бердичева для ремонта. Моя тетка, Станислава Гленбоцкая, умерла послѣ кратковременной болѣзни, и ген. Корженевскій, по истеченіи половины срока траура, женился на другой моей теткѣ, Аннѣ Гленбоцкой, вдовѣ маршалка Викентія Ледоховскаго. Какъ первая жена Корженевскаго любила домашнюю жизнь, хозяйство, книги и добрыя дѣла и была благочестивой женщиной, такъ вторая любила развлеченія, наряды, движеніе, словомъ, была женщиной свѣтской. Очень веселились тогда въ Коднѣ, и балы слѣдовали за балами.

Мы жили съ гвардейцами очень дружно, въ особенности съ донскими козаками. Отъ нихъ мы узнавали о придворныхъ и политическихъ новостяхъ; они показывали намъ нѣмецкія газеты, въ которыхъ писалось объ этомъ и которыя получались въ большомъ числѣ гвардейскими офицерами, такъ же какъ французскія и англійскія. Офицеры выписывали и русскія изданія, съ которыми такимъ образомъ знакомились и мы. Гвардейцы были очень трудолюбивы и любознательны, охотно читали наши книги, и я зналъ только очень немногихъ, которые не говорили по польски. Мы сближались на почвѣ литературы, науки и политики, но особенно близко не сходились. И смѣло можно сказать, что это пребываніе гвардіи было очень полезно для нашей молодежи, особенно для молодежи бердичевской околицы, потому что эта молодежь наиболѣе сошлась съ русскими офицерами. Насколько я могъ замѣтить въ то время, католическое духовенство наиболѣе старалось воспрепятствовать сближенію между поляками и русскими. Гдѣ только были піары, доминиканцы и

Библиотека "Руниверс"

даже базиліане, люди воспитанные, ученые и уважаемые, имѣющіе вліяніе на помѣщиковъ, тамъ помѣщики избѣгали общенія съ русскими. Въ бердичевской округѣ были босые кармелиты, но съ туго набитыми карманами; гречкосѣи и волопасы, они хозяйничали въ Скрыгловкѣ и въ Скоморохахъ, имѣли большія мельницы на Гнилопяти и на Гуйвѣ, погреба подъ костеломъ и лавки возлѣ костела, гдѣ и торговали, а вся ихъ духовная мощь, весь ихъ разумъ заключались въ бердичевскомъ календарѣ и въ астрономическихъ предсказаніяхъ математика Кисловскаго, не кармелита, и не босого.

Мы охотились на лисицъ въ камышахъ оо. кармелитовъ и отдавали имъ лисьи шкурки на шубы, занимали у ксендза Даніэля полновѣсные червонцы и елизаветинскіе рубли на проценты и подъ залоги, пили шампанское съ ксендзомъ-провинціаломъ Романовскимъ, но между нами не было иныхъ отношеній, какъ между добрыми сосѣдями.

Въ Коднѣ были августинцы, которые жили славой прежней своей образованности. Бернардины въ Чудновѣ умѣли великолѣпно приготовлять осетрину и штокфишъ. Капуцины въ Ходорковѣ умѣли варить превосходный медъ и продавали его по рублю серебромъ за бутылку. Все это не могло способствовать имъ пріобрѣсти вліяніе среди помѣщиковъ и они, дѣйствительно, таковымъ не пользовались.

Іезуиты, которыхъ императоръ Александръ I, послѣ изгнанія ихъ изъ всей страны, оставилъ здѣсь какъ бы на забаву старому сенатору Илинскому, пытались было устроить школы, собрали даже нѣсколько молодыхъ людей, но Антонъ Бардецкій и Янушъ Вороничъ убѣжали оттуда съ ранами отъ побоевъ. Вѣсть объ этомъ варварствѣ быстро распространилась; родственники учениковъ взяли ихъ изъ школъ и школы прекратили свое существованіе, а вскорѣ и сами іезуиты, не знаю вслѣдствіе какихъ причинъ, должны были, по распоряженію правительства, покинуть край.

Доминиканецъ Фальковскій былъ присланъ въ юго-западный край для поднятія значенія и вліянія католическаго духовенства, но этотъ проповѣдникъ, не только пламенный, но даже

Библиотека "Руниверс"

бѣшеный и необузданный, первые свои громы направилъ на женщинъ: сталъ порицать одну дѣвушку, называя ее язычницей, а не христіанкой, и такъ ее поносилъ, что всѣ вышли изъ костела, а ругающагося проповѣдника должны были свести съ амвона. Обидѣлъ онъ и другую уважаемую женщину за то, что она, будучи въ разводѣ съ первымъ мужемъ и имѣя отъ него трехъ сыновей и дочь, вышла замужъ за другого. Онъ выносилъ домашнія дрязги на амвонъ и разглашалъ ихъ во всеуслышаніе. Его отовсюду гнали, какъ дикаго волка, а въ бердичевской округѣ не позволили ему даже вступить на каѳедру. Такіе апостолы, конечно, не были способны внушить уваженіе къ духовенству и распространить его вліяніе. Ксендзъ Фальковскій обидѣлъ прекрасный и слабый полъ и эта обида вызвала непріязненное отношеніе къ духовенству.

Уже второй разъ въ моей жизни русскіе пробуждали общественную жизнь въ юго-западномъ краѣ. Нужно признаться, что не было никакой связи между различными частями Польши. Цѣпь была порвана и не было никакихъ усилій со стороны поляковъ, чтобы спаять разбитыя звенья. Царство Польское, такъ называемая конгрессовка, замкнулось въ самомъ себѣ, какъ черепаха въ панцырѣ, и не хотѣло даже знать, что дѣлается тамъ внѣ панцыря. Западная Русь и Литва стали для него пріятнымъ воспоминаніемъ. Русь знали по пирогамъ, а Литву по колдунамъ, а такъ какъ и татары претендовали на изобрѣтеніе колдуновъ, то литовцевъ и смѣшивали съ татарами. Русь представлялась въ образѣ гайдамаковъ и козаковъ. Литва, какъ и всегда, была благоустроена, велика, крѣпка духомъ. Двое Снядецкихъ и Адамъ Мицкевичъ поставили ее высоко. Одако произведенія Снядецкихъ были слишкомъ мудры для поляковъ; нѣмцы и французы понимали ихъ, переводили на свои языки, для поляковъ же это была Зендъ-Авеста, которой удивлялись, но которой не могли понять. О такомъ исполинѣ, какъ Адамъ Мицкевичъ, Людвигъ Осинскій продекламировалъ: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, głupie było, głupie będzie“ и закрылъ книжку, и книжка лежала закрытой въ Польшѣ,—поляки ее не раскрывали. Лишь тогда, когда русскіе стали чтить и

Библиотека "Руниверс"

прославлять Мицкевича, когда, вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ, провозгласили, что онъ великій поэтъ и нашъ „славянинъ“, лишь только тогда и у насъ, въ юго-западномъ краѣ, признали это, по примѣру русскихъ, и съ тѣхъ поръ слава Мицкевича стала проникать въ Царство Польское, въ Галичину и даже въ Познань и тамъ съ изумленіемъ стали говорить, что на Литвѣ и въ западной Руси читаютъ и пишутъ по польски.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Познани только гораздо позднѣе было открыто существованіе поляковъ въ восточной и западной Пруссіи и слѣды славянъ по Эльбѣ. Послѣ такого открытія, равнаго открытію Христофора Колумба, надо было отдохнуть, чтобы умъ не раздулся и не лопнулъ, какъ мыльный пузырь. Оставили позднѣйшимъ поколѣніямъ изслѣдовать, есть ли еще поляки гдѣ нибудь въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ (Познани), въ Гнѣзенѣ, надъ озеромъ Гопла, или ихъ съѣли мыши, какъ короля Попеля.

Въ Галичинѣ Габсбурги и Меттернихъ тѣшили шляхту красными мундирами, золотымъ шитьемъ, золотыми шпорами, титулами графовъ, бароновъ и кавалеровъ и сеймомъ, чтобы она не развѣдывала, что дѣлается въ другихъ частяхъ Польши; она объ этомъ и не знала, и знать не хотѣла,

Единственнымъ звеномъ, связывавшимъ насъ съ Польшей, были офицеры польскихъ войскъ, присылаемые въ наши мѣста для ремонта, но намъ казалось, что это войско составляетъ особую часть народа, чуть не отдѣльный народъ цесаревича Константина Павловича, потому что было предано ему тѣломъ и душей; я не преувеличу, если скажу, что оно боготворило своего вождя. Мы были тогда въ близкихъ отношеніяхъ съ польскимъ войскомъ; молодежь отовсюду шла служить въ это войско, и составляли лучшую часть его офицеровъ. И у насъ хотя и боялись царскаго брата, но любили его, и мы думали, что онъ лучшій полководецъ въ свѣтѣ и любитъ поляковъ, какъ своихъ дѣтей. И въ польскомъ войскѣ, и между помѣщиками югозападнаго края, особенно между молодежью, цесаревичъ, а также, могу утверждать это, и императорское правительство пользовались большою популярностью. Помню, какъ

Библиотека "Руниверс"

однажды на собраніи въ Коднѣ, на которомъ присутствовали почти всѣ офицеры-ремонтеры, когда Генрихъ Ржевускій порицалъ поляковъ, которые такъ охотно шли воевать съ турками, единственными союзниками древней Польши, маіоръ Гужковскій, признававшій только свою саблю и своего коня, отвѣтилъ, что напрасно цесаревичъ не послалъ всего польскаго войска на бусурманъ, можетъ быть, ему удалось бы снискать царскую милость и оно не лишилось бы лампасовъ, которые были замѣнены тогда выпушками.

Что же дѣлала въ это время польская аристократія?

Незнаю, что дѣлалъ князь Адамъ Чарторыйскій въ царствѣ польскомъ; мы постоянно читали въ газетахъ, что онъ жилъ заграницей и только по временамъ, да и то не надолго, пріѣзжалъ въ Варшаву, но о его дѣятельности мы ничего не знали. Этотъ великій государственный мужъ, казалось, забылъ о юго-западной Руси, которая была колыбелью его рода. Въ Межибожѣ было тихо; владѣльца не было видно и его не надѣялись увидѣть, а между тѣмъ народъ и шляхта любили этого потомка генерала земель подольскихъ, который предсѣдательствовалъ нѣкогда среди нихъ. Сенявщина была распродана и говорили о предстоящей продажѣ Межибожчины; въ Грановщинѣ хозяйничали нѣмцы, а грановскіе козаки, славные своими кунтушами изъ телячьей кожи, перелетавшіе на своихъ добрыхъ коняхъ степи Украины и Буджакъ, слуги короля и Рѣчи Посполитой, теперь мыли испанскихъ мериносовъ, откармливали американскихъ свиней и воздѣлывали картофель. Не было и признака, что князь Адамъ возвратится въ юго-западный край и заживетъ тамъ жизнью своихъ предковъ.

Напрасно Падура пѣлъ князю Евстафію Сангушку:

Ой колы бъ еще война була,
Тобъ побачыла тебе ула.

Сангушки, искренніе и добрые люди, казалось, забыли, что между ними былъ князь Романъ, водившій при свѣтѣ мѣсяца козацкіе полки...

Рюриковичи Четвертинскіе носили придворные мундиры, а не военное платье.

Библиотека "Руниверс"

Раздивиллы не имѣли даже высокихъ фантазій Пана-Кохапка. Старшій изъ нихъ, подлужанскій, занимался болѣе швейцарцами и бердичевскими евреями, чѣмъ польскими дѣлами.

Что же дѣлали Ржевускіе—этотъ ходячій разумъ польской шляхты? Одинъ изъ нихъ разыгрывалъ эмира въ Саврани, точно въ аравійской пустынѣ, но являлся эмиромъ—цивилизаторомъ. Жеребцы и кобылы пяти породъ стояли у него на паркетѣ, у мраморныхъ яслей, и передъ каждымъ было зеркало, чтобы они могли любоваться собой, а не скучать какъ одалиски гарема. Самъ онъ возсѣдалъ на тигровой шкурѣ, тянулъ трубку и попивалъ кофе, а вокругъ него козачата, какъ арабы, сидя неподвижно, играли на теорбанахъ и распѣвали козацкія думы. Козачата кричали, люди кричали, а эмиръ сидѣлъ, думалъ и ничего не говорилъ.

Генрихъ Ржевускій говорилъ иногда о Польшѣ, о битвѣ подъ Лейпцигомъ, о рыцаряхъ Іосифа Понятовскаго, но чаще всего только отпускалъ остроты. Такъ напримѣръ, когда Бутурлина, уроженная Понятовская, дочь Понятовскаго изъ Таганчи, богача, державшаго на откупѣ кіевскую губернію, попросила его однажды написать ей въ альбомъ какіе нибудь стихи, прославляющіе имя Понятовскихъ и ихъ стремленіе къ славѣ, Ржевускій написалъ:

O Poniatowscy, jakież wasze losy głupie—
Jeden siedział na tronie, drugi na otkupie [1])

Въ другой разъ Марія Гленбоцкая показала ему свой альбомъ, въ которомъ были стихотворенія разныхъ знаменитыхъ поляковъ—людей сабли и пера,—написанныя въ ея честь. Эти стихи были не особенно хороши, большею частью въ нихъ фигурировали ангелы и демоны. Ржевускій прочелъ, усмѣхнулся и потомъ написалъ:

Aniel, diabel, Maryś, ilez to tu rzeczy
Ale precz Marysi, wszystko nie do rzeczy [2]).

---

[1]) Т. е. „О Понятовскіе, какъ глупа ваша судьба: одинъ сидѣлъ на тронѣ, другой занимается откупами.“

[2]) Т. е. „Ангелъ, демонъ, Марыся—сколько здѣсь предметовъ, но кромѣ Марыси всѣ они неумѣстны“.

Библиотека "Руниверс"

Все онъ обращалъ въ шутку и отъ него ничего нельзя было добиться кромѣ остроумныхъ выходокъ.

Въ это время я познакомился въ Пилипахъ съ генераломъ Витте, начальникомъ военныхъ поселеій на Украинѣ, сыномъ прекрасной Софьи Потоцкой отъ ея перваго брака, и съ его адъютантомъ Адамомъ Ржевускимъ, братомъ Генриха. Генералъ Витте былъ кокетливый старичекъ, веселый и казавшійся добрымъ человѣкомъ. Адамъ же Ржевускій произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, которое не изгладилось и до сихъ поръ.

Возвращаюсь къ старинным и славнымъ родамъ въ юго-западной Руси.

Потоцкіе не раздѣлались еще съ Тарговицей, а Браницкіе съ послѣднимъ гетманствомъ. Сапѣгъ не принимала ни Литва, ни Червонная Русь, и они тоже не шли въ счетъ.

Коммиссаръ Микульскій, который во время войны былъ командированъ на Дунай для переговоровъ съ Гладкимъ, атаманомъ запорожцевъ, жившихъ въ началѣ этой войны надъ Дунайцемъ подъ властью турецкаго султана, и со старшиной другихъ козаковъ, описывалъ намъ этотъ запорожскій копъ, какъ сборище бурлаковъ и гайдамаковъ со всего свѣта, а Гладкаго какъ простодушнаго человѣка, который будто бы не былъ въ состояніи справиться съ этимъ сбродомъ и для управленія имъ прибѣгалъ къ помощи евреевъ, что будто и онъ, Микульскій, для переговоровъ съ козаками также пользовался преимущественно посредничествомъ евреевъ, будто евреи болѣе, чѣмъ Гладкій, способствовали образованію между запорожцами партіи сторонниковъ перехода на лѣвый берегъ Дуная, будто не болѣе 3000 человѣкъ было выведено оттуда для поселенія надъ Азовскимъ моремъ, а большая часть запорожцевъ разсѣялась по всей Турціи. О другихъ козакахъ онъ разсказывалъ, что некрасовцы остались вѣрными Турціи и пользовались у турокъ прекрасной репутаціей, что добруджскіе старовѣрцы были взяты въ качествѣ заложниковъ турецкимъ правительствомъ и не перешли въ Россію, хотя ихъ старшина и толковала объ этомъ.

Эти разсказы служили поводомъ къ разсужденіямъ о назначеніи козачества, которыя велись у насъ.

Библиотека "Руниверс"

Такъ жили мы шумно въ нашей пышной округѣ, и хотя это была жизнь разсѣянная, не направленная по опредѣленной дорогѣ, къ ясно намѣченной цѣли, но все же это была жизнь, которая въ высшей степени способствовала сформированію молодежи, которая приготовляла ее къ дѣятельности, гдѣ она нашла бы путь, указывающій цѣль стремленій, и волю, которая помогла бы ей дойти до этой цѣли.

Время текло весело, летѣло быстро, каждый былъ доволенъ собой, какъ вдругъ пришелъ приказъ о выступленіи гвардіи въ Петербургъ. Мы прощались съ гвардейцами сердечно, какъ съ родными, какъ съ побратимами, членами одной семьи. И дѣйствительно, мы были побратимами, но вскорѣ, по волѣ судьбы, между нами произошелъ разладъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в.

Скудость матеріаловъ по школьному дѣлу въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII вѣка даетъ намъ смѣлость привести здѣсь содержаніе нѣсколькихъ документовъ, относящихся къ этому времени и заключающихъ въ себѣ біографіи нѣсколькихъ лицъ, получившихъ образованіе въ ту тяжелую пору. Въ документахъ этихъ мы находимъ свѣдѣнія не столько объ устройствѣ тогдашнихъ школъ, сколько о томъ—какого рода вліяніе оказывали онѣ на своихъ питомцевъ. Въ виду того, что складъ этихъ школъ болѣе или менѣе извѣстенъ по даннымъ XVII вѣка, когда онѣ были такими же, какъ и въ разсматриваемую пору, означенный характеръ нашихъ документовъ не дѣлаетъ ихъ менѣе цѣнными и даетъ возможность судить о степени пригодности тогдашнихъ школъ для жизни. Для уясненія заключающихся въ документахъ фактовъ мы позволимъ себѣ привести рядъ предварительныхъ свѣдѣній.

Пора широкаго распространенія просвѣщенія въ Рѣчи Посполитой, совпадавшая съ господствомъ въ ней полной вѣротерпимости не только по отношенію къ греко-восточному православію, но и къ гонимымъ тогда западно-европейскимъ сектамъ, до социніанства включительно, надолго прервалась съ установленіемъ въ государствѣ строгаго католическаго режима, исключавшаго всякую мысль о проведеніи въ жизнь иныхъ взглядовъ и ученій, кромѣ католическихъ. Замѣчательныя по

Библиотека "Руниверс"

своему времени реформатскія и социніанскія школы, возникшія было въ самой Польшѣ, и въ южной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, одна за другой стали исчезать, лишая тѣмъ возможности получать болѣе или менѣе основательное образованіе не только дѣтей тѣхъ родителей, которые сами держались реформатскихъ ученій, но и дѣтей католиковъ и православныхъ, также пользовавшихся названными школами въ виду ихъ довольно высокаго значенія въ педагогическомъ отношеніи. Только православныя школы, организованныя по западно-европейскому католическому школьному типу, нѣсколько дольше могли продержаться на свѣтѣ въ условіяхъ государственой жизни Рѣчи Посполитой XVII вѣка. При значительной численности православнаго населенія въ государствѣ даже самъ Сигизмундъ III не могъ стереть ихъ съ лица земли. Поднявъ вмѣстѣ съ іезуитами самую ожесточенную борьбу католичества противъ православія, стремясь всѣми средствами къ поддержанію мнимой уніи 1596 года, король-католикъ однако не счелъ удобнымъ преслѣдовать дѣятельность церковныхъ православныхъ братствъ, и послѣднія имѣли въ Вильно, Львовѣ, Минскѣ, Луцкѣ, а съ 1615 года и въ Кіевѣ свои братскія школы, служившія долго серьезнымъ противовѣсомъ іезуитской педагогической дѣятельности, всецѣло проникнутой католической исключительностью. Энергія же такихъ русскихъ дѣятелей, каковы были гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, митрополитъ Іовъ Борецкій и, наконецъ, въ особенности митрополитъ Петръ Могила, оказали самое широкое противодѣйствіе католическому наступленію на православіе и русскую народность. При нихъ братскія школы множились въ числѣ, а кіевская братская школа стараніями Петра Могилы превратилась въ коллегію съ программою не менѣе широкою, чѣмъ программы тогдашнихъ высшихъ іезуитскихъ коллегій. Стараніямъ же Петра Могилы всецѣло должно быть приписано и открытіе винницкой братской школы.

О степени пригодности такихъ православныхъ школъ для противодѣйствія іезуитамъ можно судить хотя бы по слѣдующимъ даннымъ. По уставу первой по времени львовской брат-

Библиотека "Руниверс"

ской школы, утвержденному патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 году, учитель школы долженъ былъ не только обучать чтенію и письму, но и грамматикѣ, реторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ, св. евангелію, книгамъ апостольскимъ и по всѣмъ этимъ предметамъ выдавать ученикамъ записки; кромѣ того, послѣ обѣда учитель обучалъ воспитанниковъ „пасхаліи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію". По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенныя на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ, и называлась она „школой греческаго и славянскаго письма", а не болѣе обычнымъ впослѣдствіи названіемъ братскихъ школъ „греко-латино-словенской". Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, такую школу нужно признать среднею. Но въ нѣкоторыхъ изъ братскихъ школъ, „высшихъ", курсъ преподаванія, повидимому, расширялся даже до полнаго объема такъ называемыхъ „семи свободныхъ наукъ", т. е. тамъ преподавали trivium (грамматику, реторику, діалектику) и quadrivium (ариѳметику, геометрію, астрологію и музыку). Вообще же главнѣйшее вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. писанія, изученіе твореній отцовъ церкви, церковнаго устава, чтенія и пѣнія. Съ XVII вѣка и особенно со временъ Петра Могилы повсюду въ братскія школы проникъ и латинскій языкъ, и ему удѣляли тамъ не меньше времени, чѣмъ въ іезуитскихъ школахъ [1]).

Конечно, въ западной Европѣ въ это время классическое образованіе начало заступать мѣсто схоластическаго, которое поддерживалось іезуитами и по типу котораго слагались программы и нашихъ братскихъ школъ. Стало быть, не лучшее позаимствовали тогда наши школы изъ западной Европы; тѣмъ не менѣе уровень преподаванія въ нихъ для тогдашнихъ полемическихъ и религіозныхъ цѣлей былъ далеко не ничтожнымъ, и братскія школы поэтому имѣли огромное значеніе для края.

[1]) Линчевскій. Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древне-кіевской академіи. „Труды Кіевск. Дух. Академіи" 1870. Т. III, стр. 104—154.

Библиотека "Руниверс"

Но усилившіяся посягательства поляковъ и противъ православія, и противъ русской народности въ связи съ грубымъ соціальнымъ гнетомъ шляхетства на русское поспольство—все это неминуемо должно было повести къ вооруженному протесту гонимыхъ противъ своихъ гонителей; насталъ вѣкъ козацкихъ возстаній. Не время теперь было для серьезнаго школьнаго ученія гонимымъ православнымъ, а католическій польскій фанатизмъ и вовсе уничтожилъ въ это время братскія школы православныхъ, и только кіевская коллегія продолжала свѣтить среди наставшаго сумрака, но и то, давая отъ себя въ концѣ XVII в. свѣтъ меньшей силы, такъ какъ высшіе и даже средніе классы ея оставались лишенными питомцевъ, отдававшихъ теперь свои силы на военные подвиги. Впрочемъ возможность сохраненія кіевской коллегіи обусловливалась только тѣмъ, что съ 1667 г. Кіевъ съ ближайшей округою отошелъ отъ Рѣчи Посполитой, а новымъ московскимъ вершителямъ судебъ его, хотя кіевская коллегія съ латинскимъ языкомъ и западно-европейской латинской наукой не вполнѣ была симпатична, сила вещей указала на необходимость согласиться съ желаніемъ мѣстныхъ южнорусскихъ дѣятелей не только возстановить исчезнувшіе въ смутную пору высшіе и даже средніе классы коллегіи, но и вообще мирволить этому благому учрежденію [1]). Равнымъ образомъ та же необходимость вызвала въ это время возникновеніе въ лѣвобережной Украинѣ, въ гетманщинѣ цѣлаго ряда школъ при церквахъ и единственной въ то время въ присоединенной къ московскому государству Малороссіи переяславской семинаріи, не имѣвшей впрочемъ тогда философскаго и богословскаго классовъ [2]) Въ виду существованія названныхъ учрежденій даже въ смутное время Руины могли появиться въ Кіевѣ такіе серьезные литературные дѣятели, какъ Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Лазарь Барановичъ, а позднѣе Дмитрій Туптало. Правда, всѣмъ имъ не легко жилось и не легко писалось при

[1]) П. И. Житецкій. Очеркъ литер. исторіи малорус. вѣрѣчія въ XVII и XVIII в. стр. 153—154.

[2]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. февральская. Статья г. П. Левицкаго. Прошлое переяславскаго духовн. училища.

Библиотека "Руниверс"

новомъ строгомъ, хотя и православномъ, режимѣ, но все же они высоко держали знамя своей вѣры и народности, причемъ эту послѣднюю не смѣшивали ни съ польской, ни съ родственной великорусской [1]).

Иначе стояло дѣло православія, православной науки и писательства въ разгромленной, истерзанной въ то время правобережной Украинѣ. На смѣну исчезнувшихъ во время козацкихъ войнъ школъ, заведенныхъ православными братствами, новыя православныя школы не могли явиться въ эпоху господства въ религіозной политикѣ Рѣчи Посполитой іезуитской идеи львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго († 1708). Слишкомъ извѣстно, что самъ Шумлянскій, приставъ къ уніи, не обнаруживалъ этого открыто и вообще старался не поднимать и не дебатировать вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Остальнымъ епископамъ указано было то же направленіе для ихъ дѣятельности. Повсюду тогда въ юго-западной Руси въ сельскихъ приходахъ были поставлены уніатскіе пастыри, и имъ обязаны были подчиняться прихожане, независимо отъ вѣроисповѣдной розни, всякое же неповиновеніе со стороны православныхъ уніатскому духовенству разсматривалось, какъ неповиновеніе предержащей власти [2]). Только въ самомъ небольшомъ числѣ приходовъ водворяются въ это время такіе священники, которые прикидывались уніатами, оставаясь въ душѣ и передъ паствой православными. Открыто же православнымъ занятіе приходовъ было обставлено большими трудностями [3]). Немногіе православные священники въ это время дерзали развѣ заводить временныя школки и то кой-гдѣ. Учили въ такихъ школкахъ часто дьячки, и называлось это у нихъ „прыймать до себе школярив на выслухы“. Являлись на эти „выслухы“ дѣти мѣстныхъ жителей, и такіе были приходящими, являлись и ученики изъ сосѣднихъ

[1]) П. И. Житецкій. Очеркъ литер. исторіи малорус. нар. въ XVII и XVIII в. Глава послѣдняя: Схоластич. наука на южно-рус почвѣ во второй половинѣ XVII в. стр. 149, 161—162.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по ист. зап. и юго-зап. Россіи. Очеркъ сост. правосл. церкви въ ю.-з. Руси съ половины XVII в. до конца XVIII в. Стр. 294—295.

[3]) Арх. ю.-з. Р. ч. I, т. II. Предисловіе Ѳ. Г. Лебединцева, стр. LXI.

Библиотека "Руниверс"

селъ, часто сироты; эти, конечно, помѣщались у дьяковъ въ своеобразныхъ бурсахъ, изъ которыхъ ихъ нерѣдко брали для работъ и у самого дьяка въ его небольшомъ хозяйствѣ, и у батюшки. Такого рода свѣдѣнія даетъ намъ одинъ изъ ниже приводимыхъ нами документовъ.

Но, конечно, „выслухами“ у дьяковъ не всѣ довольствовались. Люди средняго достатка, попы, мѣщане, мелкая шляхта, а подчасъ и люди „верхней верствы“ поневолѣ поэтому отдавали сыновей своихъ въ коллегіи, разумѣется, схоластическаго типа, имѣвшіяся и въ Умани, и во Владимірѣ, и въ Любарѣ, и въ Шаргородѣ, и въ Львовѣ и въ Барѣ, заведенныя уніатскимъ монашескимъ орденомъ — базиліанами[1]). Этотъ орденъ возникъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. отъ преобразованія по католическому образцу православныхъ монастырей, по иниціативѣ втораго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго или, быть можетъ, самого Ипатія Поцея, перваго уніатскаго митрополита. Въ своей педагогической дѣятельности базиліане соревновали іезуитамъ, тѣмъ болѣе, что сами они воспитывались въ іезуитскихъ заведеніяхъ, напр. въ Вильно въ іезуитской академіи, а также въ греческой коллегіи въ Римѣ или у театиновъ во Львовѣ. При обученіи базиліане, конечно, всячески вытравляли въ православныхъ ученикахъ православныя мнѣнія и все преподаваніе вели въ исключительно уніатскомъ духѣ. Но православные ученики не всегда послѣ окончанія ученія въ такихъ школахъ уходили въ унію или католичество. Приводимыя ниже данныя изъ документовъ указываютъ намъ на одинъ примѣръ такого рода стойкости. Интересно, что цѣлей своихъ католическое духовенство при обращеніи къ своей церкви православныхъ не всегда достигало и при болѣе серьезныхъ усиліяхъ, чѣмъ обнаруживавшіяся въ уніатскихъ и католическихъ коллегіяхъ Рѣчи Посполитой. Извѣстно, что въ Римѣ была учреждена особая коллегія св. Аѳанасія со спеціальною цѣлью распространять католичество между послѣдователями

[1]) Lukaszewicz I. Historya szkòl w koronie i w wielkiem księstwie litewskiem od najdawniejszych czasow aż do roku 1791. T. IV, str. 263—275.

Библиотека "Руниверс"

восточнаго православія въ Греціи и славянскихъ земляхъ. Для обученія въ этой коллегіи избирались лучшіе ученики мѣстныхъ католическихъ и уніатскихъ школъ изъ числа православныхъ. Между такими воспитанниками, какъ извѣстно, оказался и знаменитый потомъ Ѳеофанъ Прокоповичъ [1]). Передъ отправленіемъ въ Римъ въ коллегію св. Аѳанасія онъ обучался однако не въ одной только уніатской коллегіи; еще раньше онъ былъ въ коллегіи кіевской. Во время пребыванія его въ польской школѣ его успѣли совратить въ унію и послали его въ Римъ, какъ уже обрѣтеннаго уніата и притомъ такого, который, благодаря своимъ способностямъ, могъ, увлекшись новой вѣрой, стать ревностнымъ ея поборникомъ. Между тѣмъ именно этого то и не случилось. Присмотрѣвшись въ Римѣ къ строго католической церкви и увлекшись тамъ изученіемъ совершенно не входившихъ въ его коллегіатскій курсъ классическихъ древностей, Ѳеофанъ, или тогда еще Елисей—такъ какъ въ монашество онъ постригся позже,—не только не оказался ревностнымъ поборникомъ уніи, какъ этого ждали отцы базиліане, спровадившіе его въ Римъ, но даже вовсе отрекся отъ нея. Заявилъ онъ впрочемъ о своемъ отреченіи, уже вернувшись въ юго-западную Русь, въ Почаевскомъ монастырѣ, гдѣ имъ было принято монашество по православному обряду. Какъ видимъ, и римская коллегія св. Аѳанасія въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалось безсильной для одолѣнія въ южно-руссахъ православія. Неудивительно поэтому, что болѣе слабыя мѣстныя юго-западныя школы и подавно не всегда достигали окатоличенія своихъ православныхъ питомцевъ.

Ревность между тѣмъ уніатское духовенство обнаруживало большую. Оно стремилось, между прочимъ, къ тому, чтобы питомцы ихъ школъ получали удовлетвореніе на всякій свой спросъ. Въ виду этого, напримѣръ, уніатскіе радомысльскіе митрополиты, величавшіеся кіевскими, такъ сказать in partibus infidelium, позаботились имѣть въ Радомыслѣ школу, въ которой до извѣстной степени пополнялся курсъ коллегій для тѣхъ, кто же-

[1]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. VI (XVIII столѣтіе), стр. 867.

Библиотека "Руниверс"

лалъ посвятить себя священству. Такія школы такъ и называ лись школами, приготовляющими na kaplanstwo. Курсъ въ нихъ, конечно, былъ спеціальный, практическій и притомъ вполнѣ въ уніатскомъ духѣ. Въ приводимыхъ ниже документахъ мы опять встрѣтимъ точное указаніе на существованіе въ XVIII в. такой приготовительной уніатской школы na kaplanstwo. Еще въ XVI в. подобныя семинаріи для приготовленія католическаго бѣлаго духовенства были устраиваемы по разнымъ епархіямъ въ силу распоряженія тридентскаго собора. Подражаніемъ католическимъ семинаріямъ такого рода и были уніатскія школы, готовившія на kaplanstwo. Курсъ въ католическихъ ксендзовскихъ семинаріяхъ длился три или четыре года. Учили тамъ богословію пастырскому, догматическому, полемическому, логикѣ, метафизикѣ, костельнымъ порядкамъ, гомилетикѣ, катихетикѣ, церковной исторіи. Но при такой широкой программѣ на дѣлѣ мало чему научались въ этихъ ксендзовскихъ школахъ. Все обученіе держалось на усвоеніи церковнаго ритуала. Уніатскія школы, имъ соотвѣтствующія, стояли еще ниже [1]). Первую уніатскую семинарію такого рода открылъ въ 1594 году въ Вильно Ипатій Поцей [2]).

Могли, наконецъ, попадать многіе изъ православныхъ, стремившихся къ среднему и высшему образованію, и въ собственно католическія коллегіи іезуитовъ, широко раскинувшихъ свою педагогическую дѣятельность [3]), и въ учебныя заведенія ордена піаровъ, которые въ первое время послѣ своего водворенія въ Рѣчи Посполитой (въ 1641 г.) ставили своею цѣлью заботу объ элементарномъ образованіи, а потомъ стали явно конкуррировать на педагогическомъ поприщѣ съ іезуитами и, наконецъ, пріобрѣли большое значеніе, какъ педагоги, послѣ уничтоженія іе-

---

[1]) Lukaszewicz Ios. Historya szkół w Koronie i w wielkiem księstwie Litewskiem. T. I, str. 304—309.

[2]) Ibidem. T. I, str. 353

[3]) Коллегіи іезуитскія въ предѣлахъ южно-русской части тогдашней Рѣчи Посполитой имѣли слѣд. города: Баръ, Каменецъ-Подольскъ, Кіевъ, Кременецъ, Люблинъ, Луцкъ, Львовъ, Станиславовъ; кромѣ того низшія школы іезуитскія были въ Овручѣ, Виннницѣ и Житомирѣ (Lukaszewicz. Historya szkół. T. IV, 47—195).

Библиотека "Руниверс"

зуитскаго ордена въ 1772 г. [1]) Въ научномъ отношеніи школы піаровъ не стояли выше іезуитскихъ, какъ и школы базиліанъ. Прежде всего и іезуиты, и піары, и базиліане учили въ классѣ „грамматики“ говорить по латыни, потомъ въ классѣ поэзіи—писать латинскіе стихи и въ классѣ реторики—писать рѣчи. При чтеніи въ коллегіяхъ классическихъ авторовъ больше всего обращали вниманіе на форму произведеній, а не на духъ. Въ классахъ же „философіи“ и „богословія“ научали не нравственной сторонѣ христіанства, а предразсудкамъ и ханжеству [2]).

Но какъ бы ни было практически удобно православнымъ людямъ праваго берега Днѣпра обучать своихъ дѣтей въ католическихъ и уніатскихъ мѣстныхъ коллегіяхъ, все же наиболѣе ревностные изъ нихъ предпочитали возить дѣтей своихъ за границу въ кіевскую коллегію, а еще чаще въ переяславскую семинарію. Подтвержденіе этому мы встрѣтимъ ниже. Случаи такіе были нерѣдки, хотя, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, когда православная пропаганда въ правобережной Украинѣ, благодаря тогдашнему переяславскому епископу Гервасію Линцевскому и игумену Матронинскаго монастыря Мельхиседеку Значко-Яворскому, приняла широкіе размѣры, сношенія съ Переяславомъ и даже Кіевомъ были всячески затруднены для православныхъ, и только сильная ревность въ вѣрѣ давала смѣльчакамъ охоту преодолѣвать эти трудности.

Нерѣдко также случалось, что болѣе состоятельные люди, одинаково какъ православные, такъ и католики, брали для обученія дѣтей своихъ домашнихъ учителей. Такими домашними учителями, или, какъ ихъ тогда называли dyrectorami dzieci, были обыкновенно воспитанники названныхъ выше польскихъ коллегій, не получившіе мѣстъ въ школахъ, у болѣе же образованныхъ и разборчивыхъ при выборѣ учителей—студенты кіевской коллегіи. Понятное дѣло, что послѣднихъ брали въ учителя почти исключительно состоятельные священники, не впавшіе въ унію.

---

[1]) Піарскія коллегіи въ южн. Руси были въ Львовѣ и въ Межирічахъ Корецкихъ (Ibidem. T. IV, str. 209, 217).

[2]) Lukaszewicz. T. I, str. 252 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Обращаясь за симъ къ документамъ, давшимъ намъ поводъ затронуть въ предъидущихъ строкахъ вопросъ о школахъ въ правобережной Украинѣ, мы прежде всего извлечемъ изъ этихъ актовъ свѣдѣнія объ учебной карьерѣ священника Ивана Старшевскаго, которому въ періодъ его служенія довелось попасть въ самый водоворотъ разыгравшихся страстей гонимыхъ православныхъ и гонителей уніатовъ и католиковъ [1]).

Родомъ Иванъ Старшевскій былъ изъ села Вакулинцевъ, что близъ Богуслава. Въ селѣ этомъ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ, продолжая такимъ образомъ традицію отца своего, дѣда и прадѣда. Первоначальное образованіе Иванъ получилъ въ мѣстной церковной школѣ въ Вакулинцахъ, оставаясь тамъ до 15 лѣтъ. По всей вѣроятности, это и была одна изъ тѣхъ школокъ, куда священники и дьяки „пріймалы дитей на выслухы“. Когда же ему исполнилось 15 лѣтъ, то отецъ отвезъ его въ переяславскую семинарію. Очевидно, будучи въ душѣ православнымъ, отецъ Ивана Старшевскаго не могъ отказать себѣ въ желаніи воспитать сына въ учебномъ заведеніи православномъ, хотя самаго его житейская нужда и заставляла оставаться уніатскимъ священникомъ, такъ какъ православнымъ, державшимся православія открыто, въ іерархическомъ строѣ первой половины XVIII вѣка, какъ уже сказано, со времени Іосифа Шумлянскаго, почти не было мѣста. Въ переяславской семинаріи Иванъ Старшевскій съ успѣхомъ прошелъ фару, инфиму, грамматику, синтаксиму и поэтику, на что пошло цѣлыхъ пять лѣтъ. Дальнѣйшее же прохожденіе курса (оставался, впрочемъ, при тогдашней организаціи переяславскаго училища, еще одинъ классъ реторики) было, очевидно, затруднительно по недостатку средствъ у отца. Надо было вернуться домой и думать о своемъ кускѣ хлѣба. И тутъ то вновь при тогдашнихъ іерархическихъ порядкахъ радомысльскихъ митрополитовъ пришлось и отцу, и сыну пойти на компромиссы. Обучавшемуся въ переяславской семинаріи священническаго мѣста, очевидно, дать не

[1]) Кодненская книга. Стр. 99—101. Настоящимъ документомъ мы пользовались уже въ нашемъ „Очеркѣ коліивщины“ въ главѣ 1-й.

Библиотека "Руниверс"

хотѣли. Годъ ждалъ Иванъ Старшевскій возможности попасть на какой-нибудь приходъ, живя все это время при родителяхъ въ Вакулинцахъ. Наконецъ, отецъ его рѣшилъ, что и сыну надо покориться тяжелой судьбѣ и отвезъ его въ Радомысль къ инстигатору русской (уніатской) консисторіи „do Jmc. xiędza Lubinskiego", который приготовлялъ молодыхъ людей „na kaplanstwo". Это приготовленіе длилось только одинъ годъ. Затѣмъ Старшевскій женился и, уже какъ уніатъ, былъ въ Радомыслѣ посвященъ въ попы. За неимѣніемъ свободнаго прихода, сперва онъ былъ викаріемъ при отцѣ своемъ въ Вакулинцахъ, а потомъ получилъ и самостоятельный приходъ въ с. Березнякахъ въ ключѣ Мошенскомъ, гдѣ и оставался четыре года. Въ полученіи этого мѣста ему посодѣйствовалъ тогдашній уніатскій оффиціалъ Примовичъ.

Не трудно замѣтить, конечно, что при подобной учебной карьерѣ, при двойственности вліяній, охватывавшихъ душу, молодой Старшевскій не смогъ стать человѣкомъ убѣжденнымъ; во все продолженіе своей дѣятельности, насколько ее касается документъ, которымъ мы руководствуемся, Старшевскій выступаетъ то уніатомъ, то вновь ревностнымъ православнымъ, то опять уніатомъ. Забота о сохраненіи куска хлѣба была для него единственною путеводною нитью—и онъ плылъ всегда по теченію.

Краткій пересмотръ дальнѣйшей судьбы Старшевскаго убѣдитъ насъ въ этомъ. Въ 1767 г., когда громады сельскія порѣшили ревностно отстаивать свою вѣру отъ дальнѣйшихъ притязаній уніатовъ и отовсюду попрогоняли уніатскихъ поповъ, прогнанъ былъ изъ Березняковъ и Старшевскій. Обратился онъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ къ тогдашнему оффиціалу Мокрицкому, заступившему мѣсто Примовича, но Мокрицкій не захотѣлъ даже слушать его и велѣлъ дать ему 700 розогъ, почему-то вообразивъ, что онъ, какъ бывшій священникъ Мошенскаго ключа, состоитъ православнымъ, подобно другимъ священникамъ этой мѣстности, наиболѣе рѣзко заявившей себя противъ уніи. Тогда отвергнутый Мокрицкимъ и уніей Старшевскій рѣшилъ въ силу необходимости отправиться въ Пере-

Библиотека "Руниверс"

яславъ, гдѣ, конечно, сталъ православнымъ и въ самомъ дѣлѣ. Но въ лѣвобережной Украинѣ не находилось для него прихода, и онъ за 5 р. въ годъ остался священникомъ при Михайловскомъ монастырѣ близъ Переяслава. Вспомнилъ о немъ архіерей Гервасій однако довольно скоро: когда явились въ Переяславъ посланцы отъ громады села Завадовки (черкас. у.) и стали просить себѣ православнаго попа на мѣсто попа Фалинковскаго, отъ котораго, по ихъ выраженію, смердѣло уніатомъ, несмотря на видимое обращеніе его къ „благочестію", Гервасій указалъ имъ на Старшевскаго. Послѣдній отправился тогда въ Завадовку, но не сразу удалось ему получить церковь отъ уніатскаго попа. Пришлось ему даже претерпѣть побои и всякія оскорбленія отъ сына Фалинковскаго. Только съ появленіемъ въ ближайшей округѣ гайдамакъ Желѣзняка рѣшились завадовцы силой отобрать у Фалинковскаго церковь и отдать Старшевскому. Впослѣдствіи Старшевскому приходилось даже ѣздить въ Корсунь на поклонъ къ Желѣзняку съ выборными отъ громады и вмѣстѣ съ ними поднести ему хлѣбъ-соль. Когда же потомъ, по поводу убійства Желѣзнякомъ Фалинковскаго, Старшевскій былъ обвиненъ предъ военно-судной кодненской коммиссіей въ содѣйствіи этому убійству, то онъ, этотъ ревностный православный во время гайдамацкихъ удачъ, желая выпутаться изъ бѣды, православіе называлъ предъ судьями схизмой и самое свое обращеніе къ нему объяснялъ только необходимостью какъ-нибудь поддержать свое существованіе.

Какъ видимъ, школа, пройденная Старшевскимъ, человѣкомъ среднихъ силъ, не дала ему стойкихъ убѣжденій и готовности крѣпко стоять за правое дѣло въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Но вотъ передъ нами человѣкъ съ иной учебной карьерой, судившійся, какъ и Старшевскій, въ 1771 г. въ той же Коднѣ [1]). Это новое лицо — Янъ Барковскій-Дунинъ-Градовскій. Отецъ его былъ полякъ и католикъ, мать русская и православная. Дѣдъ Яна со стороны матери настоялъ на томъ, чтобы первый

[1]) Коднен. кн. Стр. 175—177.

Библиотека "Руниверс"

внукъ былъ окрещенъ по „русскому“ обряду. Потому то Янъ, какъ старшій между братьями, былъ православнымъ, остальные же всѣ католиками. Родители Яна были люди не бѣдные: отецъ состоялъ намѣстникомъ трехъ селъ—Яблоновки, Палаиичинецъ и Пилиповъ, находящихся въ бѣлоцерковскомъ ключѣ Въ Яблоновкѣ и родился интересующій насъ Янъ. Желая дать сыну образованіе, родители отдали его въ Бѣлую Церковь въ частную школу, или, вѣрнѣе, пансіонъ директора, т. е. учителя Ичаецкаго. Четыре года учился тамъ Янъ Градовскій и затѣмъ для продолженія курса былъ отвезенъ въ Житомиръ въ тамошнюю коллегію отцовъ іезуитовъ, которую оставилъ послѣ смерти отца, закончивши классъ поэтики [1]). Необходимость въ заработкѣ заставила его отправиться искать себѣ мѣста писаря или домашняго наставника. Въ мѣстечкѣ Кошеватомъ губернаторъ (управитель), панъ Раецкій, предложилъ ему быть у него писаремъ и въ то же время учителемъ его дѣтей—„dyrectorem dzieci“. Градовскій согласился и прослужилъ въ Кошеватомъ, живя въ домѣ губернатора, три года. По прошествіи же трехъ лѣтъ, когда губернаторскія дѣти, его питомцы, подросли, панъ Раецкій отправилъ дѣтей, вмѣстѣ съ Градовскимъ, въ Умань въ тамошнюю базиліанскую коллегію, ученики и ректоръ которой (Костецкій) потомъ въ 1768 г., во время уманской рѣзни, были перебиты [2]); на обязанности Градовскаго лежало слѣдить за занятіями маленькихъ Раецкихъ. Самъ Градовскій, сохранивъ стремленіе къ знанію, счелъ необходимымъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и закончить курсъ коллегіи, поступивъ въ классъ реторики, не пройденный имъ раньше по случаю смерти отца. Въ такомъ положеніи ученика и учителя Градовскій оставался въ Умани полтора года. Когда же въ 1766 г. на Рождественскіе праздники онъ привезъ дѣтей Раецкаго въ Кошеватое и узналъ тутъ, что въ Богуславѣ открывается хорошо оплачива-

---

[1]) У Lukaszewicza (T. IV, str. 195) сказано, будто въ Житомирѣ іезуиты имѣли только три класса грамматичныхъ: fara, infima и grammatika. Изъ нашего же документа выходитъ, что тамъ былъ и классъ поэтики.

[2]) Lukaszewicz. T. IV, стр. 265.

Библиотека "Руниверс"

емая должность писаря—онъ отправился туда, оставивъ Раецкихъ и педагогическую дѣятельность.

Являясь послѣ ученія въ коллегіяхъ православнымъ даже въ такіе моменты, когда это было не выгодно, какъ напр. во время суда надъ гайдамаками, Градовскій тѣмъ самымъ обнаружилъ значительную религіозную стойкость. Личныя же его способности, знаніе имъ педагогическаго дѣла—все это, очевидно, даже поляковъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, заставляло забывать его иновѣріе. Школа, пройденная имъ, не навязавъ ему католичества, не дала однако никакого критерія и для того, чтобы разобраться—какими путями идти въ жизни въ тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, когда дѣйствовали одновременно въ Украинѣ и барскіе конфедераты, и гайдамаки.

Оставленный въ Богуславѣ бѣжавшими панами для охраненія имущества, котораго они не успѣли отправить въ Бѣлостокъ, мѣсто своего убѣжища, Градовскій не успѣлъ угодить имъ—ничего сохранить ему не удалось, когда въ Богуславъ нагрянулъ Желѣзнякъ съ своей ватагой. Ему пришлось быть только молчаливымъ свидѣтелемъ дѣлежа гайдамакъ панскимъ добромъ и оригинальной продажи всего награбленнаго какому-то купцу изъ г. Острога, Тарану, бывшему при Желѣзнякѣ, причемъ всѣмъ вещамъ производилась вполнѣ основательная оцѣнка. По уходѣ же Желѣзняка изъ Богуслава, Градовскій, видя, какое броженіе вызвало появленіе его среди богуславскихъ крестьянъ и какъ много ихъ пошло въ гайдамаки, счелъ за болѣе удобное для себя и семьи своей скрыться за границу, въ предѣлы гетманщины, въ слободу Чумаки, отстоявшую въ двухъ миляхъ отъ Переяслава. По успокоеніи же бури, когда въ Богуславъ вернулись паны, поспѣшилъ туда и Градовскій. Но тутъ его постигла непріятность: его стали судить за слишкомъ подозрительную слабость при охраненіи панскаго добра во время прихода Желѣзняка. Страннымъ и подозрительнымъ казалось и то, что онъ, панскій писарь и какъ будто сторонникъ панскихъ интересовъ, остался въ живыхъ въ ту антипанскую пору. Градовскій тѣмъ не менѣе ловко опровергъ взведенныя на него обвиненія, а въ добавокъ защитилъ и сотника богуславскихъ

Библиотека "Руниверс"

надворныхъ козаковъ Шелеста, который успѣлъ нагрѣть руки на панскомъ добрѣ, хотя и выступилъ наружно героемъ при защитѣ панства въ то время, какъ большинство надворныхъ козаковъ, по примѣру Гонты, шло въ гайдамаки.

Такимъ образомъ Янъ Барковскій-Дунинъ-Градовскій съумѣлъ воспользоваться полученнымъ образованіемъ, очевидно, для практическихъ мелкихъ нуждъ, но широкаго идеала, которымъ могла бы быть освѣщена его жизнь, школа ему не дала. Въ то время, когда надо было опредѣленно стать въ періодъ борьбы народностей на ту или другую сторону, онъ предпочелъ эмигрировать и остаться внѣ всякихъ политическихъ связей. Только традиціонное православіе не оставлялъ онъ и притомъ даже во время кодненскаго суда надъ нимъ. Въ этомъ его единственное достоинство, но не школой было оно дано ему.

Не всегда однако выходили изъ тогдашнихъ школъ люди уравновѣшенные, хотя бы въ практической жизни, вродѣ Яна Градовскаго. Подчасъ питомцамъ уніатскихъ и католическихъ коллегій не оказывалось подходящаго мѣста въ кадрахъ Рѣчи Посполитой—и они гибли, какъ бродяги, попадая изъ тюрьмы въ тюрьму. Такимъ неудачникомъ въ документахъ нашихъ предстаетъ шляхтичъ Мартынъ Цыбульскій-Островскій, судившійся въ Коднѣ въ томъ же 1771 году. Отецъ его Францишекъ, владѣлъ небольшимъ имѣніемъ близъ села Демковецъ. Когда сынку его Мартыну исполнилось 8 лѣтъ, онъ отвезъ его въ базиліанскую коллегію въ Любаръ[1]). Мартынъ пробылъ въ ней до класса реторики, и заняло это у него цѣлыхъ 9 лѣтъ. Въ реторикѣ же онъ не пожелалъ оставаться и безъ позволенія отца вернулся домой въ Демковцы. Въ виду категорическаго отказа сына учиться, Францишекъ Островскій рѣшилъ отправить его во Львовъ—чтобы онъ тамъ себѣ пріискалъ работу. Какъ разъ въ это время ѣхалъ на львовскіе контракты знакомый Островскихъ, панъ Куклярскій. Онъ охотно взялся подвезти Мартына во Львовъ и, живя тамъ три недѣли, во все продолженіе конт-

[1]) Коллегія эта считалась высшей школой и была при базиліанскомъ монастырѣ (Lukaszewicz. T. IV, стр. 265—206).

Библиотека "Руниверс"

рактовъ, держалъ Мартына при себѣ, зная, что денегъ у него отъ отца немного. Мѣсто, между тѣмъ, для Мартына не отыскивалось, чему немалой помѣхой служило отсутствіе у него свидѣтельства изъ любарской базиліанской коллегіи о пройденномъ имъ значительномъ курсѣ ученія. Наконецъ, панъ Куклярскій уѣхалъ и Островскій, все еще надѣясь на полученіе работы во Львовѣ, съ мѣсяцъ жилъ тамъ, благодаря поддержкѣ бывшихъ своихъ товарищей по любарской коллегіи, успѣвшихъ уже размѣститься въ качествѣ dyrectorow dziecі [1]) то въ школахъ, то въ частныхъ богатыхъ домахъ; были между этими товарищами и такіе, которые, неудовольствовавшись любарской наукой, пріѣхали продолжать ученіе въ разныхъ львовскихъ учебныхъ учрежденіяхъ (были тамъ двѣ коллегіи—іезуитская и піарская). Но, конечно, молодые люди не долго могли на свои скудныя средства содержать Мартына—и онъ въ одинъ прекрасный день отправился на дешевый рынокъ (tandyt), продалъ тамъ свою порядочную одежу, замѣнивъ ее худшей (podleyszą), и пріобрѣвъ такимъ образомъ 12 злотыхъ, жилъ на эти деньги и пилъ. Исчезъ однако скоро и этотъ капиталъ. Сталъ тогда Мартынъ поживляться мелкимъ воровствомъ, и когда однажды онъ напился, его арестовали, подозрѣвая въ какомъ то, кажется несовершенномъ имъ, преступленіи. Потомъ его и выпустили бы изъ кордегардіи, куда онъ попалъ и гдѣ тогда держали плѣ-

[1]) Dyrectorami dziecі бывали въ коллегіяхъ ученики высшихъ классовъ, юноши бѣдные, отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ. Они жили обыкновенно на одной квартирѣ съ учениками, надъ которыми надзирали; они обязаны были репетировать школьные уроки своихъ питомцевъ, сопровождать ихъ въ школу и уводить изъ школы. Получали они за это столъ, квартиру и опредѣленную сумму деньгами. Еще во времена Августа III директора изъ піарскихъ школъ, какъ люди бѣдные, имѣли право присутствовать при свадьбахъ въ качествѣ дружковъ и ораторовъ при брачной церемоніи. За подобную услугу на свадьбѣ такой панъ дружка бралъ отъ невѣсты деньгами талеръ и платокъ—co dla chudego pachołka było niezłą gratką. Послѣ „директорства“ пристраивались такіе бѣдные люди, въ качествѣ цеховыхъ писарей, въ большихъ городахъ въ разныхъ цехахъ, особенно рѣзницкомъ, пекарскомъ и шевскомъ (Lukaszewicz Ios. T. I, str. 297—298). Но, какъ видимъ изъ нашихъ документовъ, dyrectorami dziecі назывались и учителя въ частныхъ домахъ и надзиратели и туторы въ школахъ, окончившіе коллегіи или только поэтику.

Библиотека "Руниверс"

ненныхъ гайдамакъ, но за нимъ никто въ тюрьму не приходилъ,— безъ этого же условія обыкновенно подозрѣваемыхъ въ бродяжничествѣ изъ тюрьмы не выпускали. Не малую бѣду пришлось ему перенести тогда: его, какъ преступника, заковали въ кандалы, и гоняли вмѣстѣ съ гайдамаками работать на фабрику вельможнаго пана генерала Корытовскаго. И такое положеніе дѣлъ длилось бы и для Островскаго столько же, сколько и для его неожиданныхъ товарищей гайдамакъ. Имѣя послѣднихъ въ своемъ распоряженіи въ количествѣ 60 душъ, промышленный генералъ успѣлъ ихъ силами, во-первыхъ выстроить себѣ во Львовѣ „jedną z najpiękniejszich kamienic“ на львовскомъ рынкѣ, да и на фабрикахъ своихъ ихъ руками передѣлалъ дѣла немало. Доставлялъ онъ имъ за это якобы хорошую пищу и помѣщеніе, вполнѣ предупреждавшее возможность всякихъ съ ихъ стороны попытокъ къ побѣгу. Польскій мемуаристъ конца прошлаго вѣка, Адамъ Мощинскій, съ сердечнымъ умиленіемъ говоритъ объ этой мѣрѣ Корытовскаго, усматривая въ его поведеніи относительно массы подлежавшихъ смерти (и подчасъ вполнѣ невинныхъ) гайдамакъ государственную мудрость, которой должны были бы воспользоваться и другіе жестокіе вершители гайдамацкихъ судебъ того времени[1]). Отъ милостей Корытовскаго или другими словами отъ безконечной каторги избавилъ гайдамакъ только наступившій вскорѣ раздѣлъ Польши, послѣ котораго австрійское правительство нашло возможнымъ въ своей долѣ, въ Галиціи, отпустить заключенныхъ гайдамакъ на волю[2]).

Пришлось бы до этого благого момента ждать воли и мало въ чемъ повинному Островскому, еслибы въ концѣ девятой недѣли его работы на фабрикѣ Корытовскаго не увидѣлъ его тамъ случайно пришедшій „товарищъ“ полковъ королевскихъ, Ивиковскій, подъ „директорствомъ“ котораго онъ ходилъ въ Любарѣ въ школу. Ивиковскій узналъ своего бывшаго ученика и посодѣйствовалъ его освобожденію. Ушелъ тогда Островскій къ отцу въ Демковцы, но у отца не остался: пришлось снова

[1]) Adam Moszczynski. Pomiętnik do historyi polskiey, str. 149—150.

[2]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

искать мѣста. На этотъ разъ онъ, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, очутился въ Лабуни, надѣясь тамъ наняться у пана Урбанскаго. Когда же пана въ селѣ не оказалось и возвращенія его пришлось Мартыну долго ждать, надо было заложить снова хорошее платье ради покупки хлѣба. У одного жида онъ за три злота заложилъ кунтушъ „sagalesowy, gryszpanowy“, а у другого за 4 злота штаны „sukiene niebieskie“. Самъ онъ при этомъ остался „bez żadnych spodni“, разсчитывая тотчасъ же пріобрѣсти за два злотыхъ съ половиной самое простое платье. Прежде однако, чѣмъ это случилось, оригинальнымъ костюмомъ своимъ онъ привлекъ къ себѣ вниманіе коменданта стоявшей въ Лабуни хоругви, пана Зборовскаго; послѣдній, узнавъ въ немъ бывшаго львовскаго арестанта, потребовалъ отъ него выпускнаго билета изъ тюрьмы, а когда послѣдняго не оказалось, то арестовалъ его и отправилъ въ Кодню. Военно-судная коммиссія была поставлена въ необходимость не только наводить справки объ Островскомъ во Львовѣ, но ей пришлось въ добавокъ обсуждать, зачѣмъ Островскій какимъ то страннымъ, трудно-разборчивымъ почеркомъ написалъ изъ Лабуни письмо съ извѣщеніемъ о расположенной въ этомъ селѣ хоругви польскаго войска. Письмо это могло казаться тѣмъ болѣе страннымъ, что, по утвержденію самого Островскаго, оно предназначалось будто бы отцу его, притомъ же и отправить это письмо по назначенію онъ вздумалъ чрезъ какую то подозрительную личность, съ которой много пьянствовалъ. Пришлось коммиссіи имѣть въ виду въ добавокъ и случившееся близъ Лабуни ограбленіе купца-грека тремя какими то злоумышленниками; причемъ два изъ грабителей были пойманы, третьимъ подозрѣвали Мартына Островскаго. Но послѣдній кой-какъ освободился отъ подозрѣній въ шпіонствѣ по поводу письма, относительно котораго думали, что написано оно для какой то шайки гультаевъ, разсчитывавшихъ напасть на Лабунь и интересовавшихся поэтому расположенными тамъ военными силами; освободился онъ и отъ подозрѣнія, будто участвовалъ въ грабежѣ грека. Личность, черезъ которую онъ собирался отправить письмо свое и которая казалась какъ-то поспѣшно скрывшеюся, онъ назвалъ: это де былъ

Библиотека "Руниверс"

dyrector dziecі Барцинскій, состоявшій въ такой роли у п. Ходоровскаго въ с. Вржеснювкѣ. Какъ человѣкъ не лишенный образованія, Островскій оказался пригоднымъ Барцинскому для совмѣстной пріятной вышивки. Приговоръ надъ Островскимъ въ Коднѣ не отмѣченъ. Дальнѣйшая судьба его также неизвѣстна. Во время суда въ 1771 г. ему было всего 24 года.

Конечно, такихъ неудачниковъ, какъ Мартынъ Островскій, выходитъ много изъ всякихъ школъ, но это однако не выгораживаетъ школъ базиліанскихъ половины XVIII в. отъ упрека въ недостаточной ихъ пригодности для жизни. Воспитывали базиліанскія и иныя коллегіи своихъ питомцевъ для занятія духовныхъ, педагогическихъ и писарскихъ должностей, и разъ питомцамъ этимъ не удавалось стать kapłanami, dyrectorami dziecі и писарями—они вовсе оказывались выбитыми изъ жизненнаго строя; таковъ былъ и являющійся въ дѣлѣ: dyrector dziecі Барцинскій: очутившись педагогомъ, онъ началъ пить, быть можетъ томимый несродностью для него выпавшихъ на его долю занятій, перемѣнить которыя онъ былъ не въ силахъ, благодаря особенностямъ пройденной имъ школы.

Отмѣтимъ теперь еще характеръ начальнаго обученія у православныхъ дьяковъ той поры. Матеріалъ для этого даетъ намъ біографія двухъ юношей Тхоржевскихъ, бывшихъ на судѣ въ Коднѣ по совершенно случайному поводу [1]).

Старшему изъ Тхоржевскихъ, Захару, было во время суда 17 лѣтъ, меньшому, Омельку,—15. Были они дѣти приходскаго священника с. Ольшанки, что въ бѣлоцерковскомъ ключѣ, вблизи самой русской границы. Отецъ и мать ихъ сперва отдали ихъ для ученія въ мѣстную ольшанскую школку, а потомъ въ Любаръ въ коллегію къ отцамъ базиліанамъ. Въ Любарѣ они ходили цѣлые полгода въ инфиму, но когда ихъ родители оба умерли въ теченіи одного года, дядя взялъ ихъ къ себѣ, разсчитывая обучить ихъ дома. Вскорѣ однако и дядя умеръ, и дѣти сами, будучи въ возрастѣ 10—12 лѣтъ, рѣшили отправиться въ село Гусачевку „на выслухи“ къ мѣстному дьяку.

[1]) Кодн. кн. стр. 113—115.

Библиотека "Руниверс"

разсчитывая у него чему-нибудь научиться. Въ школѣ этой пробыли они затѣмъ нѣсколько лѣтъ до самаго своего арестованія.

Насколько однако тяжело жилось тамъ мальчикамъ, можно видѣть изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ ихъ арестовали.

„Состоя у дьяка въ услуженіи — читаемъ въ показаніяхъ старшаго изъ нихъ, Захара,—мы были однажды зазваны имъ къ мѣстному протопопу Зражевскому для работы на винницѣ (винокурнѣ). Работали мы тамъ напролетъ цѣлую ночь. Утромъ только вышли мы оттуда въ плебанію (домъ священника)— чтобы поѣсть. Но тутъ насъ арестовали и увезли изъ Гусачевки". Причина ареста была, повторяемъ, случайная. Дѣло въ томъ, что Зражевскій былъ ревностный православный, вернувшій, въ качествѣ протопопа, къ благочестію изъ уніи нѣсколько бѣлоцерковскихъ приходовъ. И вотъ въ то время, какъ онъ мирно пребывалъ въ своемъ домѣ въ сообществѣ съ двумя монахами изъ Волощины и dyrector'омъ dziecі своего отца, Стефановичемъ, на его усадьбу напалъ польскій отрядъ, устроивъ при этомъ правильную осаду. Всѣмъ взрослымъ пришлось отстрѣливаться для того, чтобы отразить врага. Нападавшіе, въ виду своей слабой численности, отступили, послѣ чего Зражевскій съ писаремъ своимъ, приглашеннымъ изъ Переяслава, торопливо оставилъ Гусачевку. Но отступившіе, не зная этого послѣдняго обстоятельства, призвали въ Гусачевку свѣжія силы и тогда то, несмотря на значительное сопротивленіе, всѣ бывшіе въ усадьбѣ протопопа были арестованы, а въ томъ числѣ и маленькіе Тхоржевскіе, принятые за сыновей Зражевскаго. Ученіе свое имъ пришлось такимъ образомъ заканчивать до суда, наступившаго нескоро, въ кодненской ямѣ (тюрьмѣ).

Тасканье школяровъ изъ дьячковскихъ школъ на работу въ винницахъ въ данномъ случаѣ практиковалось въ приходѣ вполнѣ убѣжденнаго православнаго священника, безстрашно отстаивавшаго свою вѣру и бывшаго даже протопопомъ! Можно же судить, что представляло собою хожденіе къ дьякамъ на „выслухи" въ приходахъ, гдѣ священники могли менѣе основательно понимать значеніе школьной науки для православныхъ въ моменты суровыхъ наступленій на нихъ католической пропаганды!

Библиотека "Руниверс"

А какъ высоко въ средѣ Зражевскаго ставили воспитаніе дѣтей въ православномъ русскомъ духѣ — вполнѣ выясняется хотя бы изъ выбора отцомъ протопопа Василія Зражевскаго—Мойсеемъ Зражевскимъ, который былъ приходскимъ священникомъ въ с. Салтановкѣ бѣлоцерковскаго ключа, въ dyrectory dziecі своихъ, братьевъ отца Василія, не человѣка изъ католическихъ или уніатскихъ коллегій, а студента кіевской коллегіи, да еще изъ послѣдняго ея класса—теологіи. Біографія и личность этого студента, въ виду интересующаго насъ вопроса о школахъ и учителяхъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVШ вѣка, не могутъ быть здѣсь опущены.

Студентъ этотъ былъ Петръ Стефановичъ. Родился онъ въ Кіевѣ. Родители его были кіево-подольскіе мѣщане. Исповѣданіе и ихъ, и сына было православное. Дѣтство провелъ онъ при отцѣ и матери и, какъ только сталъ входить въ школьный возрастъ, тотчасъ былъ отданъ въ кіевскую коллегію. „Русскую“ первоначальную науку онъ усвоилъ себѣ до 14 лѣтъ, а латинскими науками занимался цѣлыхъ 12 лѣтъ и достигъ послѣдняго класса коллегіи—класса теологіи—на 27 году своей жизни. Не закончивъ этого послѣдняго класса, Стефановичъ для поправленія своихъ матеріальныхъ средствъ согласился временно принять на себя kądycyą dyrectorską—и попалъ въ домъ названнаго священника Мойсея Зражевскаго, старшій сынъ котораго, Василій, состоялъ, какъ уже сказано, протопопомъ въ Гусачевкѣ и былъ ревностнымъ возстановителемъ благочестія въ краѣ. Учить Стефановичу пришлось двухъ маленькихъ поповичей—Ѳедора и Ивана. При его православныхъ убѣжденіяхъ ему легко было жить въ православной семьѣ Зражевскихъ, и онъ, очевидно, искренно интересовался движеніемъ, въ которомъ ревностное участіе принималъ старшій братъ его учениковъ, протопопъ гусачевскій. Этотъ интересъ его выразился, между прочимъ, въ посѣщеніяхъ протопопа, у котораго онъ всегда могъ и новинки узнать по дѣлу религіозной борьбы, и встрѣчаться съ людьми, живо относившимися и къ политическимъ, и къ религіознымъ вопросамъ того времени, а не то и съ монахами изъ далекой православной Волощины.

Библиотека "Руниверс"

Даже быть арестованнымъ пришлось Стефановичу изъ за этихъ его сношеній съ протопопомъ Зражевскимъ. Случилось это тогда же, когда были взяты поляками и братья Тхоржевскіе—во время внезапнаго наѣзда польскаго отряда на усадьбу протопопа съ цѣлью арестовать его. Стефановичъ, спавшій съ бывшими тогда у протопопа двумя волошскими монахами по случаю лѣтней поры въ сараѣ, не слышалъ перваго нападенія, а когда утромъ онъ всталъ и пришелъ въ плебанію и въ этотъ моментъ вновь произошло нападеніе со стороны поляковъ, незнавшихъ, что Василій Зражевскій съ своимъ переяславскимъ писаремъ успѣлъ убѣжать, ему вовсе не было охоты отстрѣливаться, и онъ хотѣлъ было незамѣтно черезъ балконъ уйти отъ нападавшихъ, но не успѣлъ: былъ ими раненъ и затѣмъ арестованъ. На судѣ затѣмъ Стефановичъ держалъ себя, какъ человѣкъ, вполнѣ понимавшій положеніе тогдашнихъ дѣлъ, такъ что, очевидно, Мойсей Зражевскій, выбирая его въ наставники своимъ дѣтямъ, не ошибся въ его достоинствахъ. Онъ не далъ на судѣ никакихъ показаній, компрометировавшихъ Зражевскаго въ глазахъ поляковъ. На вопросъ, въ чемъ заключались секретныя сношенія протопопа съ Кіевомъ и Переяславомъ, онъ прямо отвѣчалъ, что ни въ какія секретныя дѣла оба Зражевскіе его не посвящали, и онъ, Стефановичъ, живя у нихъ, былъ исключительно занятъ дѣломъ обученія поповичей. Изъ показаній Стефановича видно затѣмъ, что, оторвавшись на время изъ коллегіи ради „директорской кондиціи“, онъ все же не бросилъ мысли окончить и послѣдній классъ теологіи. Прямо отъ протопопа Зражевскаго, гдѣ разсчитывалъ прогостить три дня, собирался онъ направиться въ Кіевъ въ коллегію, но злая судьба закинула его вмѣсто кіевской коллегіи въ кодненскую яму, откуда не скоро удалось высвободиться.

Этимъ мы закончимъ изложеніе имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ о школьномъ и домашнемъ обученіи въ правобережной Украинѣ въ половинѣ прошлаго вѣка.

Я. Шульгинъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Дѣятельность кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782 г.). Въ январѣ мѣсяцѣ 1782 года, съ учрежденіемъ кіевскаго намѣстничества, открытъ былъ въ Кіевѣ и совѣстный судъ, на который, кажется, составители «Учрежденія о губерніяхъ» возлагали большія надежды, какъ на такой институтъ, который долженъ «доставить спорющимся честную и безтяжебную жизнь, злобы, распри и ссоры прекратить, доставить каждому ему принадлежащее и облегчить судебныя мѣста *примиреніемъ* споровъ».

Въ составъ этого суда входили выборные отъ сословій засѣдатели (дворянскіе, отъ гражданства и сельскіе) и судья, избранный верхнимъ земскимъ судомъ. Въ составъ засѣдателей кіевскаго совѣстнаго суда вошли: Ѳедоръ Корбе, Стефанъ Барановскій, Алексѣй Дмитровичъ, Илія Скрѣбицкій, Михаилъ Александровскій и Григорій Слива.

Верхній земскій судъ въ засѣданіи 14 января, согласно предложенію графа Румянцева объ избраніи въ судьи совѣстнаго суда «къ тому способнаго, совѣстнаго, разсудительнаго и безпорочнаго человѣка», единогласно избралъ таковымъ Демьяна Оболонскаго.

Въ протоколахъ этого новаго учрежденія, которые мнѣ случайно удалось прочитать за весь этотъ первый годъ его существованія, ясно сказалось пониманіе задачи, возложенной на него законодателемъ, и стремленіе «сопрягать милость и судъ во едино», «внимать купно гласу закона и гласу человѣколюбія». Не могъ я не обратить вниманія еще на одну особенность этихъ протоколовъ: сравнительно съ журналами обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда за тотъ же 1782 годъ, равно и съ журналами намѣстническаго правленія за 1787 годъ, какіе мнѣ пришлось перечитать, эти протоколы совѣстнаго суда, всегда подписанные Оболонскимъ и по крайней мѣрѣ четырьмя засѣдателями (большею частію пятью), отличаются необыч-

Библиотека "Руниверс"

ною краткостію и складностію изложенія существа дѣла, замѣчательною грамотностью и, такъ сказать, литературностью, а равно присутствіемъ мотивировки, совсѣмъ не похожей на обычную канцелярскую.

Всѣхъ протоколовъ 172, при чемъ къ одному и тому же дѣлу относится два-три и больше, такъ что собственно «дѣлъ», подлежавшихъ разбирательству этого суда и вызвавшихъ его «рѣшительныя опредѣленія», было около 50-ти.

Дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію этого суда, уголовныя и гражданскія, довольно разнообразны, но многія изъ нихъ (по крайней мѣрѣ четвертая часть), попадая въ совѣстный судъ, не вызывали его «рѣшительныхъ опредѣленій», такъ какъ не было согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ на разбирательство именно въ этомъ судѣ, каковое согласіе являлось и по закону необходимымъ условіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (по дѣламъ гражданскимъ). Кромѣ того, на первыхъ порахъ дѣятельности новыхъ учрежденій, многія дѣла вступали, такъ сказать, «ненадлежаще» въ совѣстный судъ. По нѣкоторымъ вступавшимъ сюда дѣламъ вся роль суда ограничивалась утвержденіемъ «собственною печатью» приговора, постановленнаго «посредниками», которыхъ избирали спорящія стороны.

Привожу нѣсколько дѣлъ, которыя были въ разсмотрѣніи совѣстнаго суда и, какъ мнѣ кажется, представляютъ нѣкоторый мѣстный интересъ.

На проживавшаго въ Кіевѣ премьеръ-маіора Савича [1]) жаловалась мѣщанка Евдокія Кудрявцева, дочь толмача Василія Юрьева, за «причиненныя ей въ возвращеніи наслѣдства затрудненія и волокиту». Савичъ былъ ея опекуномъ. Съ него же взыскивалъ деньги сначала въ уѣздномъ судѣ, а затѣмъ въ совѣстномъ, послушникъ Кіево-Никольскаго монастыря Иванъ Данилевскій. Оба эти иска совѣстный судъ долженъ былъ отклонить, такъ какъ не послѣдовало обоюднаго согласія обратиться къ его разбирательству. Городовой докторъ Равичъ обратился къ правителю намѣстничества Ширкову съ просьбой взыскать съ находившагося тогда въ Кіевѣ бунч. тов. Ивана Каталѣя 150 р., завѣщанныхъ Равичу и братьямъ его ихъ дѣдомъ Пантелеймономъ Каталѣемъ. Ширковъ препроводилъ это прошеніе въ совѣстный судъ, который и пригласилъ Каталѣя черезъ городничаго въ свое

[1]) Объ этомъ сербскомъ маіорѣ, обывателѣ г. Кіева, приходившемъ въ непріязненныя столкновенія съ магистратомъ и нѣкоторыми обывателями, имѣются свѣдѣнія въ моемъ сборникѣ „Ист. мат., изъ архива Кіев. Губ. Прав.," вып. 10-й.

Библиотека "Руниверс"

засѣданіе. Каталѣй и явился, но затѣмъ только, чтобы заявить, что онъ, проживая въ нѣжинскомъ уѣздѣ, здѣшнему суду не подчиненъ и отвѣчать по предъявленной къ нему претензіи здѣсь не желаетъ, а потому судъ и постановилъ: «предоставить спорющимся развѣдаться, гдѣ по законамъ надлежитъ».

Мѣщанинъ Ананій Лятушевичъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1778 г. выдалъ райцѣ Николаю Леонтовичу довѣренность на полученіе отъ владѣлицы г. Заславля княгини Сангушко денегъ, которыя были въ разное время пересланы отцемъ Лятушевича и дядею, бывшимъ епископомъ вологодскимъ Серапіономъ, на постройку каменной церкви въ г. Заславлѣ, но остались неизрасходованными. За отысканіе этихъ денегъ, «сколько по вѣрной выправкѣ окажется въ остаткѣ отъ расхода денегъ», Леонтовичъ долженъ былъ изъ нихъ получить въ свою пользу третью часть, покрывъ предварительно изъ полученной суммы расходъ «на судей или кому потребно будетъ».

«По двукратной многотрудной его, Леонтовича, въ Варшаву и въ другія весьма отдаленныя мѣста поѣздкѣ, наконецъ, выискалъ отъ оной Сангушковой, по вѣрной съ кѣмъ возможно было выправкѣ, оставшихся за употребленіемъ въ строеніе той церкви, 18,000 злотыхъ польскихъ, т. е. считая по 18 злотыхъ голанской червонецъ по тамошнему курсу, всѣхъ тысяча червоныхъ и 180 злотыхъ» [1]).

На расходы по взысканію этихъ денегъ Леонтовичъ употребилъ $163^1/_2$ червонца; остальныя деньги, считая червонецъ на русскую монету по 2 р. 70 к., раздѣлили, согласно договору, на три части, и Ля-

[1]) При полученіи денегъ отъ кн. Сангушко въ Любартовѣ 16 февраля 1779 г. Леонтовичъ выдалъ квитанцію, въ которой прописано было: „понеже умершій г. Лука Лятушевичъ, обыватель кіевскій, отъ 1757 до 1761 годовъ разными времени на виполненіе своихъ намѣреній къ незабвенной памяти сумму 24,830 злотыхъ и грошей 22 польскихъ, за документами трома мѣщанъ заславскихъ и четвертымъ г. Міановскаго, вложилъ, и отъ расходу по намѣренію его, г. Лятушевича, чиненного осталось въ наличности злотыхъ 18180, которая сумма единственно для одной безопасности въ казнѣ волынской сіятельной княгини г-жи Варвары Сангушковой положена и до селѣ не взятою и не издержанною (для того что намѣреніе его, Луки Лятушевича, отмѣнилось) показалась; сынъ же помянутаго Луки Лятушевича Ананій Л—чъ, кіев. маг—та инстигаторъ, меня повѣреннымъ чинилъ...“ а потому де представляя довѣренность и удостовѣреніе маг—та, что Ананій Лятушевичъ есть дѣйствительный наслѣдникъ, всякія „подписки чіи нибудь на отдачу суммы по частямъ или пообще въ казну сіятельной княгини или въ г. Заславль, хотя чрезъ преосв. Серапіона Лятушевича, еп. вологодскаго, или чрезъ г. Луки Лятушевича, кассую и уничтожаю“ и т. д. Эту квитанцію затѣмъ формально въ магистратѣ утвердилъ Ананій Лятушевичъ.

Библиотека "Руниверс"

тушевичу досталось 557 червонцевъ, а Леонтовичу за труды 279. При этомъ Лятушевичъ выдалъ Леонтовичу формальную квитанцію, что всѣ разсчеты между ними окончены и что никто изъ другихъ наслѣдниковъ «и малѣйшей претенсіи до его Леонтовича имѣть не будутъ».

Но претензія такая явилась отъ родной сестры Лятушевича Елены Прокофьевой, которая и заявила въ магистратѣ по этому поводу жалобу на своего брата. Въ магистратѣ они заключили мировую, причемъ Ананій Лятушевичъ выдалъ сестрѣ 260 рублей, а такъ какъ она откуда то «извѣстилась», что Леонтовичъ получилъ отъ княгини Сангушко не 18, а 20 тысячъ злотыхъ, то братъ «уступилъ ей на немъ Леонтовичу доискивать и что выищетъ она, онъ, Ананія, онихъ интересоваться не будетъ».

Съ этимъ то доискиваніемъ и обратилась Прокофьева въ совѣстный судъ, прося взыскать съ Леонтовича какъ недоданныя имъ якобы брату ея двѣ тысячи червонцевъ, такъ равно и извѣстную часть изъ тѣхъ денегъ, какія получилъ Леонтовичъ за труды, на которые де она его не уполномочивала.

Совѣстный судъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства этого дѣла, 2-го марта опредѣлилъ «дать Леонтовичу присягу, въ томъ только, что онъ отъ княгини Сангушко не болѣе получилъ 18-ти тысячъ, за виконаніемъ коей истицѣ въ искѣ ея отказать».

Мужъ Елены по этому поводу просилъ внесть въ «роту присяги» и то, что Леонтовичъ «взялъ отъ брата жены его Ананія Лятушевича извѣреніе на доискъ онихъ денегъ подступно, съ согласія только тестя его Кувѣчинскаго, потому что въ то время Лятушевичъ былъ обдержимъ болѣзнію, а не въ полномъ здравіи и чувствіи»; но судъ отказалъ въ этомъ Прокофьеву, возвративъ и самое его доношеніе, «яко неподлежаще поданное».

15-го марта Леонтовичъ заявилъ совѣстн. суду, что хотя онъ уже совсѣмъ было себя «въ присутствіи священника изготовилъ» къ присягѣ, но истица Елена Прокофьева и мужъ ея, «отъ оной присяги его увольняя, не допустили съ объявленіемъ суду, что они и безъ присяги совѣсти его вѣрятъ и дѣло вѣчному забвенію предаютъ». Судъ, по просьбѣ Леонтовича, выдалъ ему выпись изъ своего рѣшенія по этому дѣлу.

14-го марта совѣстный судъ слушалъ жалобу секундъ-маіора Димитрія Бессарабскаго на предсѣдателя губернскаго магистрата бунч. тов. Якова Давидовскаго [1]). Бессарабскій заявилъ, что въ мартѣ мѣ-

[1]) Этотъ Давидовскій былъ писаремъ магистрата кіевскаго во время войтовства Сычевскаго (съ 1757 г.).

Библиотека "Руниверс"

сяцѣ 1780 года онъ засваталъ дочь Давидовскаго Анастасію, причемъ въ замѣнъ полученныхъ отъ невѣсты платка и шелковаго кошелька поднесъ ей «шесть золотыхъ старинныхъ, именно два царей Константина и Елены, два жъ Александра царя македонскаго, два жъ неизвѣстныхъ древнихъ царей, также серьги золотыя съ жемчугомъ и штучку сребреную визолоченую, сдѣланную полукрежемъ для дамской головы; а нынѣ оной Давидовскій, неизвѣстно ему почему, отъ отдачи за него дочери отказывается и, по требованію его, не возвращаетъ вышеписанныхъ вещей».

Черезъ два дня однако Бессарабскій и Давидовскій подали въ судъ мировое доношеніе, заявляя, что «истецъ за полученіемъ отъ отвѣтчика подлежащихъ ему вещей, не долженъ ни въ какомъ судѣ на него, Давидовскаго, искать». Совѣстный судъ опредѣлилъ утвердить это «примиріе» своею печатью.

Жена полковника кіевскаго Лукашевича Агриппина Евстафьевна предъявила въ совѣстный судъ жалобу на своего мужа «о удаленіи ея отъ записанныхъ отъ него ей имѣній и о протчемъ». На вызовъ суда Лукашевичъ отвѣчалъ, что явиться къ разбирательству онъ не можетъ — «первѣе будучи объятъ должностію воинской его службы, второе по слабости его здоровья и третье — не имѣя согласія здѣсь (т. е. въ совѣстн. судѣ) принять разбирательство».

По этому поводу въ совѣстномъ судѣ 8 декабря состоялось такое постановленіе:

«Предложить козелецкому нижнему земскому суду, чтобы отъ оного полковнику Лукашевичу было объявлено слѣдующее: отзывъ его, изъясняющій невозможность явиться ему въ совѣстномъ судѣ по причинѣ его должности, заключаетъ сущее неуваженіе узаконенной сему мѣсту власти, ибо онъ могъ испросить у команды своей безпрепятственное на то позволеніе; относительно извиненія его слабостію здоровья, оно неосновательно тѣмъ паче, что когда въ состояніи онъ исправлять занимающую его должность, которою также защищается, то конечно уже со стороны здоровья имѣлъ онъ свободу повиноваться призыву сего суда; касательно же объявленнаго имъ несогласія его на разбирательство здѣсь объявленной противу его жалобы, то совѣстный судъ внушаетъ ему, Лукашевичу, высочайшее изображающееся въ учрежденіяхъ намѣреніе, съ коимъ установлено сіе мѣсто, тщащееся по правиламъ своимъ доставить спорющимся честную и безтяжебную жизнь, злобы, распри и ссоры прекратить, доставить каждому ему принадлежащее и облегчить судебныя мѣста примиреніемъ спо-

Библиотека "Руниверс"

ровъ». Неизвѣстно, внялъ ли Лукашевичъ этому внушенію совѣстнаго суда.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ засѣдатель губернскаго магистрата Романъ Чишиничъ жаловался на брата своего Ивана, такого же засѣдателя, «за недопущеніе въ обопольной винокурнѣ, въ купленномъ ими хуторѣ состоящей, производить винокуреніе въ подлежащій на его мѣсяцъ и произнесеніе похвалокъ бить его, Романа, съ оной винокурни дрекомъ». Романъ Чишиничъ просилъ призвать брата въ совѣстный судъ и «учинить, какъ въ захваченныхъ имъ безъ вѣдома его деньгахъ, такъ и въ сложенной имъ, истцемъ, совмѣстно съ отвѣтчикомъ на покупку хутора съ винокурнею и прочихъ къ ней припасовъ суммѣ, разсчетъ, а по оному повелѣть означенный хуторъ одному изъ нихъ за откладомъ половинной части денегъ отдать». По призыву въ судъ братья избрали для разбирательства своей распри посредниковъ, которые ихъ и примирили, а судъ утвердилъ постановленіе посредниковъ своею печатью (самое постановленіе въ протоколъ не вошло).

Всѣ вышеизложенныя дѣла поступили въ совѣстный судъ по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ, причемъ, какъ упомянуто выше, только въ случаѣ согласія обѣихъ сторонъ подвергнуть свою тяжбу разбирательству совѣстнаго суда, послѣдній вступалъ въ это разбирательство. Но нѣкоторыя дѣла поступали изъ другихъ судовъ, нижнихъ земскихъ, изъ магистратовъ и расправъ, и непремѣнно подлежали сужденію совѣстныхъ судовъ. Таковы, сколько мнѣ извѣстно, всѣ дѣла по обвиненіямъ въ «волшебствѣ и колдовствѣ» и по преступленіямъ, совершеннымъ несовершеннолѣтними.

Перваго рода дѣлъ, по обвиненіямъ въ «волшебствахъ», въ протоколахъ совѣстнаго суда за 1782 годъ, я нашелъ четыре. «Рѣшительныя опредѣленія» по этимъ дѣламъ выражаютъ просвѣщенный взглядъ на нихъ и гуманное отношеніе суда къ лицамъ, подвергавшимся со стороны низшихъ учрежденій довольно тяжелой «волокитѣ».

1) Изъ кіевскаго нижняго земскаго суда была доставлена крестьянка с. Стараго Евдокія Дубогрѣенкова, которая показала о себѣ, что, проживая у своего двоюроднаго брата, она «производила морозы, какъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнемъ лѣтѣ, повредившіе посѣянной хлѣбъ, и о таковомъ вымороженіи извѣстны всѣ тамошніе жители». Совѣстный судъ предложитъ нижн. земскому собрать на мѣстѣ «обстоятельныя и вѣрныя выправки» отъ мѣстныхъ жителей: въ чемъ именно состояли «волшебства» Дубогрѣенковой, — «а особливо, мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ ли кто утвердить, чтобы вымороженію хлѣба, а потому и неурожаю въ ономъ были причиною употребленныя каковы либо отъ нея посредства».

Изъ доставленныхъ свѣдѣній совѣстный судъ усмотрѣлъ, что Дубогрѣенкова, «будучи въ великомъ помѣшательствѣ ума, ходила недѣль съ двѣ въ селѣ Старомъ и въ окружающихъ оное гаяхъ и полѣ, гдѣ ночь постигнетъ ее, и при таковомъ ея состояніи произносила угроженія въ лѣтнее время морозами вредить хлѣбу, произвесть морозъ и голодъ, однако того ничего отъ нея не послѣдовало и волшебствъ за нею никакихъ не примѣчено; показаніе же ея самой о томъ совѣстный судъ видитъ происшедшимъ отъ помѣшательства ея ума, тѣмъ паче что она на увѣщаніе здѣсь священника о признаніи истины точностію въ обстоятельствахъ ея показанія, не могши ничего объяснить, отвѣчала одними увѣщевавшему ее священнику укореніями», а потому судъ и опредѣлилъ препроводить ее въ домъ умалишенныхъ.

2) Въ с. Бобровицѣ, козелецкаго уѣзда шинковалъ подсусѣдокъ Гаврило Кошикъ. Дѣла его шли плохо. Однажды пришла къ нему одна баба и за кварту горѣлки сообщила секретъ для привлеченія въ его шинокъ большаго числа потребителей. Она рекомендовала ему достать земли изъ подъ пчелинаго улья и, растворивши ее въ водѣ, перемыть этою водою всю шинковую посуду, а затѣмъ полить ею же полъ въ избѣ и сѣнихъ: тогда де будутъ въ шинокъ идти люди такъ, какъ пчелы въ улей. Гаврило Кошикъ повѣрилъ бабѣ и поручилъ сыну своему Тарасу, служившему наймитомъ въ г. Козельцѣ у мѣщанина, приготовить означенное полосканіе. Тарасъ взялъ такой земли въ саду своего хозяина, отъ котораго не скрылъ и самой цѣли, и передалъ отцу. Отецъ однако скоро увидѣлъ, что указанное средство не помогло, такъ какъ «въ продажѣ горѣлки не лучшую прежней удачу имѣлъ». Между тѣмъ хозяинъ Тараса бургомистръ Гонтаровскій, видѣвшій въ этомъ «волшебство», обвинилъ обоихъ Кошиковъ, отца и сына, въ томъ, что они, взявши въ его саду изъ подъ улья землю, хотѣли этимъ волшебствомъ причинить ему «безвременную смерть или разореніе въ имѣніи». Въ качествѣ обвиняемыхъ въ волшебствѣ и предстали Кошики въ кіевскомъ совѣстномъ судѣ, который однако призналъ не только ихъ, но и обвинителя легкомысленными и суевѣрными людьми, «весь проступокъ Гаврила Кошика происшедшимъ отъ простоты и невѣжества», а потому и постановилъ: освободивъ обоихъ Кошиковъ изъ заключенія, «предать Гаврила Ко-

Библиотека "Руниверс"

шика публичному церковному покаянію, чтобы явное предъ народнымъ собраніемъ признаніе сего его проступка служило предметомъ страха для другихъ во избѣжаніе отъ подобныхъ дѣйствій?»

3) Въ м. Борисполѣ проживала въ качествѣ «подданной» протопопа Яворскаго ворожка Ирина Ошумчиха, «упражняясь заимствованнымъ ею отъ умершей своей матери ворожбитствомъ». Ворожбу эту она производила «по просьбамъ имѣющихъ утрату вещей посредствомъ частей житнаго хлѣба, въ глиняномъ сосудѣ на воду бросаемыхъ, коихъ плаваніе на оной или потопленіе знаменуетъ въ одномъ случаѣ по числу частей число похищеннаго и возвратно ли оно, а притомъ—утвержденіе вины подозрѣваемаго въ такомъ похищеніи, въ другомъ же случаѣ напрасную жалобу подозрѣвающаго и невинность подозрѣваемаго». Къ этому «знанію ворожбитства» Ирины Ошумчихи прибѣгали и самъ владѣлецъ ея протопопъ Яворскій и войсковой товарищъ Афендикъ наравнѣ со многими другими мѣстными жителями. По жалобѣ одной изъ этихъ жительницъ, Ирина Ошумчиха привлечена была къ отвѣтственности въ остерскій нижній земскій судъ, отъ котораго съ однимъ лишь ея собственнымъ показаніемъ и была препровождена въ Кіевъ въ совѣстный судъ. Послѣдній потребовалъ производства на мѣстѣ надлежащаго слѣдствія, при которомъ бы допрошены были обращавшіеся къ ворожкѣ лица: «могутъ ли утвердить, что предсказанія ея покраденныхъ вещей однихъ возвращеніемъ, а другихъ утратою точно сбылись?»

Мѣсяца два сидѣла ворожка Ирина подъ стражею въ Кіевѣ, пока доставленъ былъ суду обычный «обыскъ», учиненный мѣстнымъ жителямъ подъ присягою и засвидѣтельствовавшій, что «при случаяхъ покражи у однихъ лошадей, а у другихъ денегъ и вещей, она ворожбитствовала и что въ томъ о совершившихся ея предсказаніяхъ они извѣстны», причемъ «не показали отъ признаннаго ею ворожбитства злыхъ дѣйствій и одобрили ея состояніе».

Совѣстный судъ нашелъ, что «ворожбитство» Ирины Ошумчихи «заключаетъ единственно легкомысліе, питаемое легковѣріемъ прибѣгающихъ къ помощи таковаго ея знанія, сопряженнаго съ обманомъ, глупостію и невѣжествомъ; преступленія же противу законовъ, вреда общему благу не открывается; слѣдовательно, снисходя слабости человѣчества, на основаніи предписанныхъ для совѣстнаго суда человѣколюбивыхъ правилъ, за неосновательныя ея дѣйствія, могущія однакожъ нарушить иногда добрый порядокъ общежитія утвержденіемъ часто невинности чрезъ подложные способы въ подозрѣніи,—въ

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторое ей наказаніе вмѣнить содержаніе ея до сего подъ стражею, къ отвращенію же впредь отъ признаваемаго ею въ ворожбитствѣ суевѣрія, а простолюдиновъ отъ прибѣжища искать у нея помощи, означенную Шумчиху предать одиножды церковному публичному покаянію съ признаніемъ предъ народнымъ собраніемъ ея погрѣшности, а затѣмъ отдать ее на поруки съ обязательствомъ, чтобы она отъ ворожбитства впредь навсегда воздержалась».

4) Въ декабрѣ мѣсяцѣ представлена была изъ козелецкой нижней расправы обвиняемая въ колдовствѣ женщина Прасковья Кордашевна-Пруска, «причинствовавшая обезумленію козака Трофима Плюща дачею зловреднаго зелія». Но совѣстный судъ не нашелъ въ присланномъ дѣлѣ «ни колдовства, ни суевѣрія, ни другихъ относящихся къ рѣшенію совѣстнаго суда преступленій», а потому и возвратилъ это дѣло и обвиняемую обратно въ нижнюю расправу «для надлежащаго тамо въ разсужденіи преступницы на основаніи законовъ поступленія».

Дѣлъ по обвиненію несовершеннолѣтнихъ было два. Одинъ мальчикъ 10-ти лѣтъ нечаянно убилъ служанку изъ ружья, за что совѣстный судъ, обслѣдовавши дѣло, рѣшилъ сдѣлать выговоръ отцу и старшему брату мальчика, оставившему ружье заряженнымъ. Другое дѣло по обвиненію въ святотатствѣ уже 16-лѣтняго юноши, который въ одной церкви отрѣзалъ у иконы серебряную привѣску, а въ другой—двѣ серебряныя кисти, и продалъ мастеру Іогану Доминику. Послѣдній, заподозрѣвъ воровство, представилъ юношу въ магистратъ, который и препроводилъ его въ совѣстный судъ. Здѣсь оказалось, что этотъ юноша, сынъ мѣщанина Петръ Сѣнниченко, уже два года тому назадъ попадался въ подобнаго рода «святотатствѣ», т. е. воровствахъ въ церкви: такъ однажды онъ былъ пойманъ на воровствѣ денегъ въ пещерахъ, за что лаврскіе монахи и наказали его розгами, а въ другой разъ онъ вмѣстѣ съ товарищемъ укралъ въ Софійскомъ монастырѣ серебряной и золотой монеты на 54 р., которые были затѣмъ возвращены, а самъ онъ въ магистратѣ наказанъ розгами.

Въ опредѣленіи совѣстнаго суда по этому дѣлу читаемъ: «хотя оказавшійся неоднократно въ дерзновенныхъ поступкахъ святотатства Петръ Сѣнниченко своими злодѣяніями подвергаетъ себя жестокой казни, положенной Правъ Магд. въ книгѣ практики криминальныхъ дѣлъ ч. 2 въ вопросѣ 89 статьею 17-ю, изъясняющею — «всякаго святотатца, похищающаго изъ церкви вещи, во славу Божію посвященныя, колесовать надлежитъ»; но употребляя человѣколюбивое погрѣшностямъ младолѣтняго снисхожденіе, соотвѣтствующее правиламъ долж-

Библиотека "Руниверс"

ности совѣстнаго суда, умѣрить здѣсь строгость закона въ чаяніи, что сіе облегченіе участи виновнаго подѣйствуетъ къ исправленію его поступковъ на предбудущее». Ссылаясь на указъ пр. сената 1765 г. іюня 26 ч., сов. судъ «предалъ» его тѣлесному наказанію плетьми, а затѣмъ отдалъ отцу на поруки съ обязательствомъ удалять его отъ дурной компаніи.

Въ концѣ 1782 года графъ Румянцевъ потребовалъ отъ всѣхъ вновь открытыхъ въ кіевскомъ намѣстничествѣ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣнія о томъ, какіе въ теченіи перваго года они «узнать могли нужды и недостатки и въ исполненіи съ совершеннымъ успѣхомъ опредѣленныхъ имъ должностей препятствія». Совѣстный судъ, обсуждая этотъ вопросъ, занесъ въ свой протоколъ 13 декабря для представленія нам. правленію слѣдующіе пункты:

1) «Нерѣдко случалось, что призываемые по роду гражданскихъ дѣлъ къ разбирательству показываемыхъ на нихъ жалобъ, убѣгая примиренія кратчайшимъ здѣсь образомъ споровъ съ намѣреніемъ подвергнуть обидимаго крайности искать справедливости въ другихъ судахъ, а между тѣмъ воспользоваться продолженіемъ времени въ законномъ удовольствіи, являясь предъ совѣстнымъ судомъ, иные же и того не дѣлая, безъ всякой причины отказываются отъ согласія вступить въ разбирательство.

2) Нѣкоторыя нижнія мѣста принадлежащихъ къ сужденію здѣсь преступниковъ присылаютъ съ одними взятыми тамъ у нихъ допросами, не производя открывающихъ основательно содержаніе и доказательства преступленія на мѣстѣ, гдѣ оное учинено, изслѣдованій и по жительству обвиняемыхъ о состояніи ихъ обысковъ; а въ такомъ случаѣ между перепиской съ нарочитымъ требованіемъ о выполненіи и между производствомъ того навлекаемая медленность удерживаетъ рѣшеніе уголовнаго дѣла долѣе узаконеннаго срока, сопрягаясь при томъ съ отягощеніемъ, которое обвиняемые, меньше иногда по слѣдствіямъ заслуживая истязаніе, долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею претерпѣваютъ.

Совѣстный судъ, сообразуясь начертаннымъ ему въ высоч. учрежд. правиламъ кротости и человѣколюбія, во отвращеніе таковыхъ неудобствъ полагаетъ способы: касательно призываемыхъ для примиренія и неповинующихся; являющихся здѣсь, а не являющихся чрезъ предложенія въ нижнія мѣста, увѣщевать къ согласію на прекращеніе распри; а буде и за таковымъ увѣщаніемъ кто окажется преслушенъ,

Библиотека "Руниверс"

то для отличія его въ сообществѣ благомыслящихъ людей, яко человѣка худыхъ свойствъ, предъосужденіе ему изъяснить въ вѣдомостяхъ предъ публикою; такимъ образомъ другіе, если не будутъ подвигнуты справедливостію, то по меньшей мѣрѣ тронуты стыдомъ быть признаны удаляющимися отъ правосудія, поспѣшатъ представить свои оправданія тутъ, гдѣ сопрягается милость и судъ во едино и гдѣ внемлется купно гласъ закона и гласъ человѣколюбія».

Относительно же устраненія затрудненій, указанныхъ во 2-мъ пунктѣ, совѣстн. судъ находилъ необходимымъ, чтобы нижнія мѣста доставляли ему всѣ необходимыя данныя о преступленіи, подлежащемъ суду совѣстн. суда, собирая ихъ на мѣстѣ.

А. Андріевскій.

Кіевскій вооруженный мѣщанскій корпусъ въ 1790-мъ году.

Въ 1790 году 8-го іюня малороссійскій генералъ-губернаторъ М. Н. Кречетниковъ далъ кіевскому губернатору С. Ширкову нижеслѣдующее предложеніе:

«Обстоятельства настоящаго военнаго времени обязываютъ меня, какъ постановленнаго по высоч. волѣ е. и. в. въ губерніяхъ малороссійскихъ начальника, предварительную на всякой неожидаемой случай имѣть предосторожность и особенно въ мѣстахъ наче пограничныхъ, какъ то наиболѣе въ семъ губернскомъ городѣ Кіевѣ; по поводу чего и рекомендую в. п. немедленнѣйше приступить къ освидѣтельствованію: сколько есть здѣсь въ городѣ мѣщанъ кіевскихъ такихъ, кои въ случаѣ нужды или необходимости могли бы употреблены быть на защищеніе и охраненіе города будучи вооружены? а сдѣлавъ такимъ образомъ свидѣтельство, сочинить всѣмъ оказавшимся на таковый случай готовыми именной списокъ и потомъ, раздѣливъ ихъ на хорунги, назначить изъ нихъ же командировъ со внушеніемъ, чтобъ каждый имѣлъ у себя въ надлежащей исправности ружье, пистолетъ и пику, заимствуя послѣднія изъ оставшихъ отъ прежнихъ хорунгихъ служебъ, пріучаясь по временамъ и стрѣлять изъ ружьевъ, а въ сохраненіе надлежащаго при семъ порядка назначить для стрѣльбы сей одинъ день въ недѣлю, о чемъ градскому головѣ съ думою и лично отъ меня сдѣлано уже внушеніе. Остается затѣмъ сказать в. п. чтобъ все оное исполнить изволили къ возвращенію моему изъ городовъ сей губерніи, подавъ тогда же мнѣ и вышеизъясненной имен-

Библиотека "Руниверс"

ной списокъ съ показаніемъ уже въ немъ подѣленія мѣщанъ сихъ на хорунги и означеніемъ командировъ ихъ».

Немедленно исполнивъ это порученіе, Ширковъ при представленіи требуемой вѣдомости доносилъ, что «сіи граждане по заведенному издревле порядку, вооружились точію пѣшіе саблями и ружьемъ, а конные саблями и пистолетами, пикъ же вовсе не было, почему, какъ городская дума представляетъ, и нынѣ вооружиться не могутъ.

Въ вѣдомость вошло наличныхъ купцовъ и мѣщанъ 1996 пѣшихъ и 140 конныхъ.

Первые раздѣлены по ремесленнымъ управамъ, что даетъ возможность судить о численности каждой управы. Самымъ многолюднымъ было вѣдомство управы сапожниковъ—428 человѣкъ, въ томъ числѣ 367 мастеровъ и 61 подмастерьевъ, управскій старшина—Семенъ Буренокъ, затѣмъ слѣдуютъ:

2) упр. мелочью торгующихъ—225, старшина Романъ Несторовскій.

3) упр. плотниковъ—221, старшина Трофимъ Лобъ.

4) » портныхъ—218 (въ томъ числѣ 38 подмастерьевъ), старшина Александръ Петровскій.

5) упр. хлѣбниковъ—151, старш. Сава Мартиновскій.

6) » кузнецкой—138 (подм. 27), старш. Яковъ Степуренко.

7) » шапочниковъ—124 (подм. 20), старш. Никита Захаріевскій.

8) » рыболововъ—113, старш. Филипъ Сичъ.

9) » иконописной—85 (подм. 20), старш. Павелъ Коробкинъ.

10) » мясниковъ—84, старш. Павелъ Смолякъ.

11) » ткацкой—83 (подм. 4), старш. Іосифъ Вѣшковскій.

12) » гончарской—54, старш. Леонтій Кващенко.

13) » дилюрниковъ—31 (подм. 18), старш. Федоръ Салникъ.

14) » музыкантовъ—27, старш. Степанъ Кузмичъ.

Послѣднимъ въ спискѣ конныхъ «почетнѣйшихъ гражданъ» стоитъ бывшій бургомистръ Яковъ Гудимъ, который, какъ сказано въ заключеніе списка, командуетъ конницею и пѣхотою, а ему въ помощь опредѣлены ремесленной глава Александръ Барскій и купцы Иванъ Прилуцкій, Петръ Барщевскій и Иванъ Иванскій.

Кромѣ вышеписаннаго числа людей, оказалось въ отлучкѣ, въ болѣзняхъ, въ услуженіяхъ и въ престарѣлости состоитъ всего 473 человѣка. Главнымъ «региментаремъ» вооруженнаго мѣщанскаго корпуса избранъ былъ затѣмъ думою 2-го іюля городской голова «именитый гражданинъ» Григорій Радзицкій. Кречетниковъ, донося князю

Библиотека "Руниверс"

Потемкину объ этомъ выборѣ, писалъ, что Радзицкій «и въ составленіи сего корпуса трудился и оказалъ себя довольно прилежнымъ, а посему, слѣдуя повелѣнію вашей свѣтлости, и медаль, ко мнѣ присланную, возложилъ на него со внушеніемъ, что при усмотрѣніи больше попеченія его во обученіи корпуса мѣщанъ цѣльной стрѣльбѣ можетъ надѣяться на благоволеніе в. с. и въ дальнѣйшемъ отличеніи его».

Кречетниковъ командировалъ 16-го іюня кіев. маг. ратмана Ѳедора Невадовскаго въ г. Переяславль, чтобы и тамъ онъ съ городскимъ головою и членами магистрата составилъ двѣ хорунги по образцу кіевскихъ. Іюня 21-го это распоряженіе было уже исполнено и составленъ списокъ изъ 200 человѣкъ, вошедшихъ въ составъ двухъ пѣшихъ хорунгъ.

А. Андріевскій.

Судьба кіевскихъ водяныхъ мельницъ. Въ прошломъ столѣтіи существовали еще въ Кіевѣ на берегу Днѣпра такія же плавучія мельницы, устраиваемыя на двухъ «дубахъ» (байдакахъ или баржахъ), какія до настоящаго времени встрѣчаются во многихъ мѣстахъ по нижнему теченію р. Днѣпра преимущественно на правомъ берегу его. Въ 1745 году такихъ мельницъ на кіевскомъ берегу было около тридцати, и всѣ онѣ въ этомъ году были въ одинъ прекрасный день переведены на лѣвый берегъ Днѣпра, согласно состоявшемуся о томъ 10-го мая 1745 г. высоч. указу [1]).

Посѣщеніе Кіева императрицей Елисаветой Петровной въ 1744 году вызвало вообще нѣсколько крупныхъ мѣръ по части городскаго благоустройства. Такъ, между прочимъ, въ ожиданіи этого посѣщенія, когда строились противъ кіевскихъ воротъ к.-печерской крѣпости тріумфальныя ворота, энергическій инженеръ подполковникъ Дебоскетъ, по распоряженію генералъ-губернатора Леонтьева, перенесъ на другое мѣсто находившійся подлѣ крѣпости на Печерскѣ базаръ со всѣми его торговыми лавками, прилавками и шалашами, мѣшавшими главному проѣзду [2]).

[1]) Указъ этотъ былъ напечатанъ мною въ 7-мъ вып. „Истор. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр.," стр. 57; переписка же объ исполненіи его найдена мною недавно въ Центр. Арх.; она и послужила матеріаломъ для настоящей замѣтки.

[2]) См. въ томъ же вып. „Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр." статьи „О перенесеніи Печерскаго рынка", „О постройкѣ въ 1745 г. новыхъ лавокъ въ Старо-

Библиотека "Руниверс"

Послѣ же посѣщенія Кіева императрицей былъ приведенъ въ порядокъ базаръ старокіевскій, построены были на немъ новыя лавки К.-Софійскимъ монастыремъ; тогда же исправленъ былъ основательно и наводной мостъ на Днѣпрѣ.

Сама императрица, во время пребыванія своего въ Кіевѣ (съ 25-го августа по 12-е сентября 1744 г.), обратила вниманіе на то, что «рѣка Днѣпръ теченіе свое взяла подъ самыми кіевскими горами и отъ великаго стремленія тѣ горы, а паче гдѣ угодники Божіи въ пещерахъ преопочиваютъ, вредитъ и осыпаетъ». Полагая, что на такое направленіе въ теченіи Днѣпра вліяютъ находившіяся на кіевскомъ берегу его водяныя мельницы, государыня именнымъ указомъ на имя генералъ-губернатора Леонтьева повелѣла «тотчасъ всѣ тѣ мельницы, которыя по кіевскому берегу поставлены, съ тѣхъ мѣстъ свесть, дабы ни одной на томъ берегу не осталось».

Указъ этотъ полученъ былъ въ Кіевѣ 6-го іюня, и въ тотъ же день Леонтьевъ предписалъ оберъ-коменданту генералъ-маіору Степ. Алексѣевичу Юрьеву «тотчасъ отправить самыхъ добрыхъ одного штабъ, а другаго оберъ-офицеровъ съ пристойною командою и велѣть всѣ помянутыя мельницы, не оставливая ни одной, чьи бы ни были, съ сей на ту сторону рѣки Днѣпра при себѣ каждому владѣльцу своимъ коштомъ перевесть». Командированный для этого подполковникъ Нейманъ того же числа донесъ, что райца кіев. магистрата Лавренъ Гуриновичъ и другіе хозяева мельницъ на объявленное имъ требованіе заявили, что исполнить его немедленно по случаю большаго вѣтра никакъ не возможно, а когда де вѣтеръ утихнетъ, то мельницы тотчасъ переведены будутъ на ту сторону. Самъ же Нейманъ своею командою перевелъ все таки вечеромъ того же дня изъ казенныхъ и частныхъ мельницъ пять на ту сторону Днѣпра, а восемь на Трухановъ островъ, гдѣ и раньше стояли двѣ мельницы. Генералъ-губернаторъ потребовалъ однако, чтобы на островѣ эти мельницы не оставлялись, а всѣ бы переведены были на лѣвый берегъ Днѣпра.

На другой день, 7-го іюня копія высочайшаго указа препровождена и въ магистратъ съ требованіемъ о немедленномъ его исполненіи. Магистратъ въ тотъ же день и отъ себя распорядился перево-

---

кіев. крѣпости". Къ посѣщенію Кіева императрицей Елисаветой Петровной относится также замѣтка въ 5-мъ вып. „Ист. мат.," стр. 162—168 объ удаленіи изъ города больныхъ разнаго рода заразительными болѣзнями.

Библиотека "Руниверс"

домъ мельницъ. Вѣдомости о числѣ переведенныхъ мельницъ были представлены 9-го іюня въ губ. канц. и магистратомъ и оберъ-комендантомъ, но въ показаніяхъ своихъ эти вѣдомости нѣсколько расходятся, какъ въ итогѣ, такъ и въ фамиліяхъ владѣльцевъ. Въ вѣдомости оберъ-коменданта всѣхъ мельницъ показано 25, а въ магистратской 28, въ томъ числѣ мѣщанскихъ 18 и принадлежащихъ гарнизоннымъ полкамъ и великороссіянамъ 10 [1]). Всѣ эти мельницы поставлены были, какъ сказано въ магистратской вѣдомости, «въ пробытцу въ островѣ Трухановѣ».

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ (черновомъ), которымъ Леонтьевъ 10-го іюня увѣдомлялъ объ исполненіи высоч. указа, въ заключеніи читаемъ: «а противъ пещеръ, гдѣ угодники Божіи преопочиваютъ, какъ прежде тѣхъ мельницъ не было, такъ и нынѣ нѣтъ».

Надо думать, что этотъ внезапно послѣдовавшій переводъ водяныхъ мельницъ отозвался весьма чувствительно на хозяйственномъ обиходѣ мѣстныхъ обывателей, не говоря уже объ интересахъ самихъ владѣльцевъ. Пользованіе этими мельницами было теперь крайне затруднено, такъ какъ для доставки къ нимъ хлѣба потребовались новыя приспособленія и лишніе расходы. По всей вѣроятности, съ этого времени и совсѣмъ прекратилъ свое существованіе въ Кіевѣ этотъ типъ мельницъ, столь популярный у приднѣпровскихъ малороссіянъ.

А. Андріевскій.

Переселеніе запорожцевъ на Тамань. Послѣ разгрома Сѣчи въ 1775 г. запорожцы разбрелись въ разныя стороны—кто въ Туреччину, кто куда пришлось. Скоро, однако, тотъ, кого запорожцы считали главнымъ виновникомъ постигшаго ихъ несчастья— «Грыцько Нечоса», Потемкинъ пытается собрать разошедшихся сѣчевиковъ и образовать изъ нихъ новое козачье войско. «Въ томъ же 1787 г. и тѣ-же козацкіе старшины», говоритъ г. Щербина, «Сидоръ Бѣлый, Захарій Чепѣга и Антонъ Головатый окончательно сформировали вольныя козачьи команды. Собранные имъ козаки получили названіе «войска

[1]) Въ числѣ послѣднихъ значатся: голова кабацкій Василій Герасимовъ съ товарищи имѣлъ двѣ мельницы, капитанъ Довбиловъ и полицмейстеръ Якимъ Кононовичъ—тоже по двѣ. Вмѣсто имени послѣдняго въ вѣдомости оберъ-коменданта значится „гарнизонный квартермистръ Якимъ Литвиновъ“: по всей вѣроятности, это одно и то же лицо.

Библиотека "Руниверс"

вѣрныхъ козаковъ» и были разбиты на двѣ группы—на конницу, подъ начальствомъ Чепѣги, и на пѣхоту, подъ командою Головатаго; общее же начальствованіе надъ козаками было поручено Потемкинымъ первому кошевому атаману возродившагося войска—Сидору Бѣлому» [1]).

Благодаря цѣлому ряду богатырскихъ подвиговъ во время 2-й турецкой войны, запорожцы покрыли себя громкой славой, и Потемкинъ, какъ бы желая загладить свою вину передъ войскомъ, постарался вознаградить труды его на пользу русскаго государства. Ордеромъ отъ 19 апрѣля 1790 г. Потемкинъ увѣдомляетъ о послѣдовавшей высочайшей милости войску. Ему отводятся для поселенія на Кинбурнской сторонѣ земли, не принадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра линіею, на картѣ означенною, и къ тому добавляется «округъ Еникольскій съ Таманомъ». Отъ себя князь даритъ войску принадлежащія ему на Тамани «мѣста съ рыбными ловлями, самыми изобильными» [2]). Козаки старались воспользоваться оказанной милостью и стали обзаводиться хозяйствомъ на отведенныхъ имъ между Бугомъ и Днѣстромъ земляхъ. Но не долго пришлось имъ тутъ оставаться. Въ августѣ 1792 г. довольно значительная часть ихъ очутилась уже на новыхъ земляхъ.

Въ письмѣ отъ 11 мая 1792 г. къ вице-адмиралу Мордвинову, главнокомандующему черноморскимъ флотомъ и портами, ген.-аншефъ Каховскій сообщаетъ о послѣдовавшемъ на его имя высоч. указѣ, которымъ повелѣвается отправить черноморскую козачью флотилію до «Тамана», куда, для исправленія тамошняго укрѣпленія и вооруженія его артиллеріею, Каховскій съ своей стороны отправилъ одинъ батальонъ егерей.

Еще до полученія этого письма Каховскаго, Мордвиновъ 28 апрѣля 1792 г. послалъ ордеръ бригадиру, флота капитану Павлу Пустошкину, предписывая «для конвоированія флотиліи козачей черноморской до о—ва Тамана назначить нужное число судовъ, изготовивъ оныя къ походу» [3]). Пустошкинъ принялся за исполненіе порученнаго ему дѣла и благополучно довелъ его до конца—препроводилъ до Тамани черноморскую козачью флотилію съ находившимися на ней и на сопровождавшихъ ее судахъ запорожцами.

Объ этомъ переселеніи моремъ запорожцевъ, насколько мнѣ извѣстно, говорится только вскользь у историковъ черноморскихъ ко-

[1]) Кубанское козачье войско. Е. Д. Фелицына, стр. 36—37.

[2]) Куб. козачье войско, стр. 424.

[3]) Николаевскій портовый архивъ. Письма Каховскаго.

Библиотека "Руниверс"

заковъ. Мнѣ же пришлось ознакомиться въ николаевскомъ портовомъ архивѣ съ дѣломъ, въ которомъ подробно описанъ этотъ «вояжъ», приложены вѣдомости съ указаніемъ на численный составъ какъ всего черноморскаго войска, такъ и той части его, которая совершила «вояжъ» на судахъ до Тамани, названы нѣкоторые войсковые старшины. Это дѣло и послужило матеріаломъ для настоящей замѣтки. Письма и рапорты Пустошкина Мордвинову, находящіеся въ этомъ дѣлѣ, даютъ нѣкоторую возможность судить о томъ, какъ отнеслись запорожцы къ переселенію ихъ на Тамань. Дѣло это носитъ въ описи не совсѣмъ вѣрное заглавіе: «Рапорты и письма к. адм. Пустошкина по предмету препровожденія отъ Дуная въ Тамань козачьей флотиліи 25 лодокъ» (1792 г., на 87 лист.).

Въ силу повелѣнія Мордвинова отъ 6 іюля 1792 г., бригадиръ Пустошкинъ отправился изъ Николаева въ Слободзѣю (на Днѣстрѣ), мѣстонахожденіе Коша и черноморской козачьей флотиліи, бывшей въ то время подъ управленіемъ полковника Саввы Бѣлого.

Прибывъ въ Слободзѣю, Пустошкинъ нашелъ тамъ 25 лодокъ и 6 баркасовъ; 22 же лодки флотиліи были отправлены съ провіантомъ въ Аджидеръ (при устьѣ Днѣстра), гдѣ, кромѣ того, находились еще 25 новыхъ лодокъ, построенныхъ къ этому времени въ Фальчѣ (на Прутѣ) и предназначавшихся для той же черноморской козачьей флотиліи. Пустошкинъ принялся за снаряженіе въ путь лодокъ и сборъ запорожцевъ. Послѣднее дѣло, однако, оказалось не изъ легкихъ; по крайней мѣрѣ, въ рапортѣ Мордвинову, отъ 12 іюля, Пустошкинъ пишетъ вотъ что: «Касательно людей, то всѣхъ оныхъ в скорости собрать никакъ не можно: поелику находятца въ разныхъ раскомандировкахъ, какъ то: при осадной артиллеріи, на сенокосахъ и въ другихъ тому подобныхъ расходахъ, съ которыхъ и назначилъ я онымъ собратца уже въ Аджидеръ, где не оставлю учинить и лодкамъ разсортированіе, которыя взять съ собою, и которыя тамъ оставить, теперь же желательно мне только тронутца съ места коша, где ежечасно случаютца разныя затрудненія».

Какъ бы то ни было, но флотилія 13 іюля двинулась въ Аджидеръ. Медленно шла она и только черезъ 4 дня прибыла туда и была встрѣчена Пустошкинымъ, раньше ея пріѣхавшимъ въ Аджидеръ на почтовыхъ. Еще до прибытія флотиліи, Пустошкинъ послалъ 15 іюля Мордвинову письмо и рапортъ. Въ первомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки: «Флотилію козачью черноморскую изъ Слободзѣи отъ коша я отправилъ и уповаю въ скорости прибудетъ

Библиотека "Руниверс"

къ Аджидеру. Некоторыя изъ черноморцовъ, особливо конныя и те которыя живутъ съ женами домами, въ слободахъ, не очень охотно думаютъ итти на опредѣленную имъ въ Тамане землю; служащіе же на лодкахъ полковники и старшины желаютъ въ Тамань, и всячески стараются уговарпвать казаковъ; но что какое въ томъ могло произойти препятствіе и до сего времени ничего не слышно». Къ рапорту приложены составленныя Саввою Бѣлымъ и Захаріемъ Чепѣгою вѣдомости, «сколько въ черноморскомъ войскѣ находится какъ на лодкахъ, такъ равно пешихъ и конныхъ старшинъ и казаковъ». Оказывается, что по списку—въ гребной флотиліи, пѣхотныхъ полкахъ и командахъ числилось козаковъ и старшинъ 7239 ч., конныхъ— 2183, всего 9422 чел.; но на лицо, ко времени составленія вѣдомостей, было всего лишь 4143 человѣка.

18 іюля Пустошкинъ доноситъ Мордвинову о прибытіи въ Аджидеръ 17 іюля изъ Слободзѣи запорожской флотиліи и о своемъ намѣреніи разсортировать лодки, а затѣмъ уже слѣдовать изъ Аджидера въ Николаевъ: «Потомъ буду старатца всячески поспешить отправленіемъ отъ сюда.... Бывшую при осадной артиллеріи команду пешихъ казаковъ ожидаю въ скорости въ Аджидеръ и съ прочихъ же мѣстъ збираются, но не все еще прибыли, а хотя малое число и не дойдутъ ожидать не буду».

Пустошкинъ сдѣлалъ сортировку лодкамъ флотиліи:—11 старыхъ запорожскихъ, такъ называемыхъ, кременчугскихъ (построенныхъ, по повелѣнію кн. Потемкина, въ Кременчугѣ) и 9 канонерскихъ (а также 1 чектырму) онъ рѣшилъ оставить въ Аджидерѣ; причемъ даже 10 изъ лодокъ приказалъ разломать на дрова и проч. [1]).

---

[1]) Къ рапорту Пустошкина приложена вѣдомость, „сколько какихъ послѣдуетъ со мною лодокъ и какихъ будетъ состоять старшинъ и казаковъ".

Учинена іюня дня 1792 г.

На канонѣрскихъ лодкахъ старшины полковые хорунжіе арміи прапорщики: Кислякивской Мойсей Рева старш.—1, козак.—41. Коневливской Кононъ Запорожченко — 1, — 50. Канивской Максимъ Писаной — 1, — 51. Криливской Матвѣй Блоха—1, — 41. Канѣвской же поручникъ Федоръ Яповскій—1, — 34. Тимошивской Пилипъ Половый—1, — 61. Ілатунивской Федоръ Таранъ—1, —72. Дядкивской Василь Малюченко—1, —57. Леушкивской Романъ Шелестъ —1, —49. Величкивской поручикъ Василь Каменецкій—1, —56. Дядкивской Ефимъ Завалюра —1, —42. Переяславской Пантелимонъ Чухно —1, —46. Деревянкивской Иванъ Холодъ — 1, — 69. Корсунской Олексѣй Гасанъ —1, —61. Полтавской Иванъ Бѣлій —1, —50. Калниболоцкой Петръ Шило —1, —92. Джереливской Антонъ Волошинъ —1, —45. Ирклі-

Библиотека "Руниверс"

21 іюля Пустошкинъ двинулся въ путь изъ Аджидера, но выйти въ море за противнымъ вѣтромъ не могъ и вынужденъ былъ простоять въ устьѣ Днѣстровскаго лимана до 23 іюля. Отсюда 22 іюля онъ пишетъ Мордвинову:

«Вчерашній день со всеми лодками числомъ фальченскихъ 25 и старыхъ 26, всего 51, на нихъ казаковъ всехъ 2863, съ ватагъ съ неводами до ста, и всехъ же до трехъ тысячъ человекъ, и больше набралось, отправясь отъ Аджидера до устьевъ лимана днестровскаго, где теперь стою, за противнымъ NO ветромъ; скорея сего времени никакъ не могъ слацить, хлопотъ истинно много. Сколько могъ я уверять хорошимъ местомъ Тамана, казаки оказываютъ свое желаніе, но ропчутъ крайне, што не получали жалованья больше нежели за годъ: изъ коша требовано, и посланъ пріемщикъ къ Михайле Васильевичу

евской Улась Красинскій —1, —79. Коренѣвской Илко Малый —1, —46. Поповичевской Иванъ Арестовъ —1, —37. Незамаевской Савва Секретъ —1, —37. Татаревской Яковъ Тригубъ —1, —48. Рогивской Иванъ Чернеда —1, —49. Коренѣвской Николай Плакса —1, —40. Корсунской Василь Чорный —1, —20. Ирклѣевской Улась Красинскій —1, —30. Платнѣревской Иванъ Страдь —1, —31. Брюховецкой Дмитрій Гачжеевъ —1, —34.

На Кременчугскихъ лодкахъ полковіе хорунжіи арміи прапорщики: Мишастивской Федоръ Задирака старш.—1, козак.—43. Ивонивской Семенъ Безкровный —1, —52. Сергѣевской Иванъ Станкевичъ —1, —40. Кущивской Данило Яненко —1, —52. Динской Иванъ Третякъ —1, —31. Батуринской Иванъ Жвачка —1, —68. Пашкивской Иванъ Губа —1, —57. Ведмедивской Гаврила Свѣчкарь —1, —40. Мѣнской Улась Стрижченко —1, —32. Уманской Максимъ Чернишевъ —1, —64. Вышестеблѣевской Иванъ Пихна—1,—43. Нижестеблѣевской Михайло Терновскій—1,—47. Васюринской Данило Бабыченко —1, —53. Шкуренскій Тарасъ Сташевскій —1, —65. Васюринской малой поручикъ Иванъ Радкевичъ —1, —29. Поповичивской Петръ Кирияковъ—1, —38. Рогивской Григорій Касяненко—1, —45. Низамаивской Петръ Збарахъ (?) —1, —42. Баркасъ Васюринской Яковъ Харченко —1, —20. Джерелиевской Федоръ Зубъ —1, —53. На флагманскомъ суднѣ поручикъ Семенъ Паливода —1, —60. При немъ полковіе старшины: Яковъ Животивскій—1. Федоръ Данильченко —1. Прапорщики: Семенъ Кудимъ —1 Корнѣй Жаданъ —1, Григорій Лозинскій —1, Михайло Кифа —1. Старшины: Олексѣй Горбъ —1, Данило Пѣсоцкій —1. При ономъ суднѣ выездной катеръ, на немъ старшина Гаврило Зѣнченко—1, козак.—13.

Да на вышеписанныхъ лодкахъ сверхкомплектныхъ старшинъ: Гордѣй Бубліевскій, Петръ Чорный, Федоръ Подсканскій (?), Григорій Матвѣевъ, Трофимъ Малый, ... Куцюбинскій, Андрей Жигалло, Максимъ Грековъ, Петръ Ляшко, Федоръ Кравчина, Семенъ Бѣлый, Семенъ Нещоретскій, Трофимъ Малый, Яковъ Соломка, Илья Бабенко, Павелъ Высочинъ, Сымонъ Порохня. Итого всѣхъ старшинъ 90, коз. 2463; да сверхъ оныхъ прибывшихъ отъ осадной артиллеріи козаковъ 400, старшинъ 5.

Библиотека "Руниверс"

Каховскому, въ Польшу, тому уже мѣсяцъ; многія открыто сказали: когда не пришлютъ въ Николаевъ, то разбегутца. Я же сообщилъ кошевому Чепеге, когда привезутца денги и съ Польши, прислать скорея въ Николаевъ».

Въ 6 час. по полудни 23 іюля флотилія снялась съ якорей и 24 къ 7 час. по полудни была уже на Очаковскомъ рейдѣ, откуда прослѣдовала на Станиславскую косу. Здѣсь 26 старыхъ запорожскихъ лодокъ были вытащены на берегъ, и мастера, прибывшіе къ этому времени изъ Херсона, занялись ихъ исправленіемъ. Тутъ, въ Станиславѣ, запорожцы, служившіе въ артиллеріи, заявили Пустошкину свою жалобу на неполученье слѣдуемаго имъ жалованья, и тотъ вынужденъ былъ по этому поводу писать Мордвинову, прося его объ удовлетвореніи запорожцевъ:

«Бывшія при осадной артиллеріи войска черноморскаго, атаманы и казаки, поданнымъ ко мне прошеніемъ, заявляютъ, что находились оне при оной артиллеріи въ прошломъ 791 году въ пяти стахъ, а въ семъ 792 годехъ въ трехъ стахъ семидесяти девяти человекахъ, не получали противъ бывшихъ въ 790 г. казаковъ же сверхъ жалованья порціонныхъ на каждаго въ мѣсяцъ по одному рублю по 50 копеекъ, а слѣдовало было получить на вышезаявленное число людей 791 года за шесть, 4500, да сего года, за $2^1/_2$ мѣсяца 1705 р. 50 к., какъ и обещался артиллеріи господинъ генералъ порутчикъ и кавалеръ Толстовъ, выдать, и прося дабы оне противъ прежнихъ не были обижены, о выдаче тѣхъ денегъ учинить разспоряженіе».

7 августа Пустошкинъ увѣдомилъ Мордвинова, что козачья флотилія изъ 51 лодки и сопровождающія ее суда къ 8 августа будутъ въ готовности выйти въ море.

По приказанію Мордвинова, Пустошкинъ отошелъ 9 августа отъ Станислава; 11—былъ уже въ Севастополѣ, гдѣ пробылъ до 17 авг., занимаясь исправленіемъ незначительныхъ поврежденій на 19 лодкахъ, а 25 того же августа благополучно прибылъ къ Тамани, высадилъ бывшихъ на транспортныхъ судахъ черноморцевъ и готовился приступить къ выгрузкѣ съ тѣхъ судовъ провіанта и пушекъ.

«Коммиссія» была чрезвычайно трудная, и, удачно выполнивъ ее, Пустошкинъ могъ съ облегченнымъ сердцемъ писать Мордвинову:

«Благодареніе Богу! Коммисія вашего в. пр—а исполнена; со всеми лодками и транспортными судами сего 25 числа къ Таману пришли весьма благополучно; во время следованія хотя и были некоторыя поврежденія въ реяхъ и въ прочемъ, но зашедъ 13 числа

Библиотека "Руниверс"

въ Севастополь, исправлены и симъ временемъ переждали крепкія NW вѣтры, по отправленіи же 17 числа изъ Севастополя шли з благополучіемъ, но три дни простояли не доходя еникальскаго пролива верстъ до 30 у горы Капчегира за противнымъ ветромъ, лодки были заведены за гору подъ берегъ и оне стояли спокойно; теперь стоимъ со всеми судами у самаго Тамана, и у козаковъ радость великая, найдя здѣсь хорошую землю, и мѣсто.

Теперь я съ гружаю съ транспортныхъ судовъ провіантъ и артиллерію, по згруске же оставлю для перевоски артиллеріи изъ Керчи два транспортныя судна, да еще пришлю изъ Севастополя для оной же два оката, и одно судно Полоцкъ; и на сихъ пяти судахъ уповаю всю артиллерію изъ Керчи заберутъ...

Сего числа изволилъ пожаловать ко мнѣ на бригантину его прев—ство Семенъ Семеновичъ Жегулинъ (прав. таврич. обл.) и спрашивалъ о числе лодокъ, казаковъ и провіанте и я ему донесъ о благополучіи лодокъ и казаковъ равно и о морскомъ провіанте, што его будетъ и на сентябрь мѣсяцъ; онъ отбылъ и обещался прибыть сюды въ Таманъ чрезъ 5 дней».

Такое трудное дѣло Пустошкину удалось хорошо выполнить, благодаря усердному исполненію своихъ обязанностей и распорядительности подчиненныхъ ему офицеровъ, а также содѣйствію козацкихъ старшинъ. Въ письмѣ своемъ и рапортѣ отъ 26 авг. онъ и выставляетъ на видъ это обстоятельство, въ надеждѣ, что Мордвиновъ достойнымъ образомъ наградитъ всѣхъ этихъ лицъ. Такъ, относительно старшинъ, въ рап. отъ 26 авг., Пустошкинъ пишетъ: «За долгъ мой почитаю в. в. пр-у донести вѣрныхъ черноморскихъ козаковъ о господинѣ полковн. и арм. прем. маіорѣ Саввѣ Бѣломъ, полковникѣ и арміи кап. Іванѣ Куликѣ, полковникѣ и арміи порутчикѣ Иване Чернышевѣ, полков. и арм. прапорщикѣ Петрѣ Кіянице, что оныя вслѣдованіе флотиліи изъ Днѣстра и при работахъ на станиславской косѣ и во время слѣдованія отъ Очакова до самаго Тамана имели крайнее усердіе къ службѣ Ея И. В—а, исполняли повеленія и приказанія по сигналамъ с точностью и доволно исправно».

Выгрузивъ провіантъ, пушки и проч., Пустошкинъ, по повелѣнію Мордвинова,—«для обеспечиванія о-ва Тамана со стороны черкесъ и защищенія производимой тамъ казаками рыболовли, изъ числа черноморской флотиліи лодокъ часть, подъ командой полков. арміи господина порутчика Чернышева, состоящая въ 12 лодкахъ, 3 го числа сего сентября мѣсяца въ Кизельтасской лиманъ отправлена, г

Библиотека "Руниверс"

оной и для зимняго времени стоять будетъ безъопасно: прочимъ-же всемъ лодкамъ, для зимовки найдено место, при конце сѣверной косы... къ продовольствію черноморскаго войска казаковъ отпущено морскаго провіанта по 27 число сего мѣсяца». Пустошкинъ уже изъ Севастополя писалъ Мордвинову въ письмѣ отъ 8 сентября 1792 г.:

«Коммисія черноморской флотиліи слава Богу кончена; въ Бугасъ и Кизельтасскій лиманъ часть лодокъ въ числе 12 подъ командою полковника Чернышева отряжена, где оне и зимовать будутъ безъопасно: равно и для прочихъ въ енпкольскомъ проливе о-ва Тамана у N косы отыскана хорошая бухта, безъопасная ото льду и ветровъ; казаки провіанту себѣ изъ Керчи на зимнее время доставили 3700 четв., и въ половине сего мѣсяца зделаютъ еще такой же транспортъ; Семенъ Семеновичъ господинъ губернаторъ (Жегулинъ) даетъ 1000 бревенъ, на первый случай на достройку; казаки весьма довольны мѣстомъ, только есть еще роптанье о жалованье, поелику оне голы, а настаетъ зимнѣе время; но какъ слышно, что кошевой Чапега и господинъ судья Головатой уже изъ Слободзеи тронулись и идутъ къ соединенію, то уповаю и жалованьемъ по прибытіи удовольствуютъ.... Планъ Таману и со окружающими его местами равно и кубанской линіи по зделаніи буду имѣть честь препроводить» [1]).

Въ томъ же 1792 г., какъ сообщаетъ г. Щербина, въ октябрѣ Чепѣга съ другой частью войска прибылъ къ р. Еѣ и расположился на зимовку при Ейской косѣ, въ Ханскомъ городкѣ, и только лишь съ прибытіемъ въ 1793 г. третьей части козаковъ, бывшей подъ начальствомъ войск. судьи Головатаго, произошло соединеніе козаковъ и занятіе ими Таманскаго края «съ его окрестностями».

Однако, не всѣ черноморскіе козаки перебрались на Тамань, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго рапорта Де-Рибаса Мордвинову, отъ 14 авг. 1794 г. (изъ Гаджибея):

«Е. С. гр. А. В. Суворовъ Рымникскій, по сплѣ повелѣнія Е. С. высокоповелительнаго г. генералъ фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа П. А. Румянцова Задунайскаго, предписываетъ войска вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ, оставшихся въ здѣшнихъ мѣстахъ отъ переселенія въ Таманъ всего войска, собирать и употре-

[1]) Въ письмѣ, между прочимъ, находимъ такое извѣстіе: „Въ Таганрогъ на транспортномъ судне имею честь послать в. в. пр-у большую мраморную доску съ надписью рукою—*при князе глебе*, которая весьма любопытна, но считаю што не застанетъ оная васъ въ Таганрогѣ; когда же прибудутъ сюды, буду имѣю честь доставить ее къ вамъ въ Николаевъ".

Библиотека "Руниверс"

бить на службу въ гребномъ флотѣ при Гаджибеѣ на лодкахъ, производя провіантъ изъ сухопутныхъ магазеиновъ, а жалованье изъ оберъ-штеръ кригсъ-коммисарской коммиссіи на щотъ екстраординарной суммы. Во исполненіе онаго повелѣнія тѣхъ казаковъ уже нѣсколько партій сюда и прибыло; лодки же для нихъ назначены состоящія въ днѣстровской ескадрѣ» [1]).

П. Ивановъ.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ [1]). *VI. Письмо А. Ф. Шафонскаго къ генералъ-аншефу П. Д. Еропкину.* Генералъ-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ (род. 1724 г. † 1805 г.) извѣстенъ по своей дѣятельности въ Москвѣ въ тяжкую пору 1771-го года, во время свирѣпствовавшей тамъ чумы. Онъ былъ назначенъ въ концѣ марта 1771 г. въ помощь тогдашнему главнокомандующему Москвы фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову и пробылъ до прибытія въ Москву въ сентябрѣ графа Григорія Орлова, не теряя присутствія духа въ страшные моменты распространенія эпидеміи и народнаго бунта, дошедшаго до убіенія архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго. Свидѣтель этихъ мрачныхъ событій, А. А. Саблуковъ, говоритъ, что въ Москвѣ «только одинъ изъ господъ находился П. Д. Еропкинъ». По его словамъ, послѣдній сдѣлалъ все, что было возможно при его недостаточныхъ средствахъ (Рус. Арх. 1866, 331—333). Губернаторъ Юшковъ и оберъ-полиц. Бахметевъ заперлись въ своихъ домахъ, никого не пуская къ себѣ и сами не выѣзжая никуда (Арх. истор. свѣдѣній, Калачова, годъ II, кн. 2, стр. 27 и 37—38). Въ награду за свою дѣятельность въ Москвѣ во время чумы Еропкинъ получилъ 20000 р. и орденъ Андрея Первозваннаго. Впослѣдствіи Еропкинъ былъ московскимъ главнокомандующимъ, съ 1786 г. по 1790 г. Сохранилось 114 писемъ императрицы Екатерины II къ нему за это время его служебной дѣятельности (Рус. Арх. 1872, столб. 273—336).

Съ Аѳанасіемъ Филимоновичемъ Шафонскимъ Еропкинъ былъ знакомъ по Москвѣ.

Шафонскій, получивъ въ галльскомъ, лейденскомъ и страсбургскомъ университетахъ дипломы на степень доктора правъ, философіи

[1]) Николаев. порт. архивъ.

[2]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 5.

Библиотека "Руниверс"

и медицины, по возвращеніи въ Россію, былъ подъ особымъ покровительствомъ графа Петра Ивановича Панина и, по его приглашенію, въ 1763 г. началъ служить по медицинской части въ Сарептѣ. Чрезъ пять лѣтъ Шафонскій былъ опредѣленъ генеральнымъ штабъ-докторомъ во вторую армію, а въ 1769 г. переведенъ въ Москву въ генеральный госпиталь, и тамъ первый убѣдился въ существованіи моровой язвы и первый принялъ противъ нея мѣры предосторожности. Первое время его настоянія оставались безуспѣшными, такъ какъ совѣтъ врачей не пришелъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Манифестъ Екатерины, вышедшій наканунѣ 1771 г., глухо говоритъ объ эпидеміи, хотя и призываетъ общество содѣйствовать правительству въ принятіи охранительныхъ мѣръ. Сенатъ опубликовалъ частныя мѣры предосторожности (Иконниковъ. Время Екатерины Второй, литограф. записки, вып. II, Кіевъ. 1882. Стр. 134). Когда эпидемія распространилась, Шафонскій былъ назначенъ именнымъ указомъ въ члены коммиссіи, учрежденной тогда въ Москвѣ, для предохраненія и врачеванія отъ моровой язвы, и написалъ, по порученію коммиссіи, сочиненіе — «Описаніе о бывшей въ Москвѣ язвѣ и о всѣхъ средствахъ, употребленныхъ для ея прекращенія». Оно было напечатано въ 1774 г. по высочайшему повелѣнію (Топографическое описаніе etc. Стр. VI).

Помѣщаемое нами ниже письмо Шафонскаго сохранилось въ черновой въ яготинскомъ архивѣ князя Николая Васильевича Репнина. Вся рукопись писана рукою Шафонскаго. Сверху написано слѣдующее: «Къ отставному генералъ-аншефу, всѣхъ россійскихъ орденовъ и голштинскаго св. Анны 1 й степени кавалеру, Петру Дмитріевичу Еропкину, въ Москву изъ Чернигова іюня 8 дня 1804 года, на его письма отъ 2 декабря 1802 года, того жъ декабря 15 подъ № 258, и отъ 10 генваря 1803 года, того же генваря 19 подъ № 25, полученные. Послано по почтѣ съ посылкой «Описанія черниговскаго намѣстничества и города Чернигова», 1786 г. мною сочиненнаго»; затѣмъ слѣдуетъ письмо:

«Милостивый государь, Петръ Дмитріевичъ! Выполняя вашего высокопревосходительства волю въ доставленіи вамъ свѣдѣній о происхожденіи боярина Ѳедора Михайловича Бяконта отъ черниговскаго князя Мстислава Владимировича, Владимира Святославича седмаго сына, произшедшаго, который Ѳедоръ Михайловичъ Бяконтъ въ 6800 г. отъ сотворенія міра, или въ 1292 г. отъ Р. Х. изъ Чернигова въ Москву съ супругою своею Маріею выѣхалъ и былъ у

Библиотека "Руниверс"

московскаго великаго князя въ почетныхъ боларахъ и отцемъ святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Россіи, отъ котораго боларина Ѳедора Михайловича Бяконта происходитъ родъ россійскихъ дворянъ Плещеевыхъ, я вашему высокопревосходительству на высокопочтеннѣйшее ваше отъ 2 декабря 1802 года письмо того же 27 мѣсяца донести честь имѣлъ, что въ Черниговѣ нигдѣ о томъ боларинѣ никакого не находится свѣдѣнія и что я тогда же писалъ къ своимъ знакомымъ въ Кіевѣ, чтобы тамъ по архивамъ о томъ же поискать извѣстія. Долго я не получалъ на то отвѣта, а по сей причинѣ и оставался въ молчаніи съ моимъ вашему высокопревосходительству донесеніемъ. Въ семъ молчаніи было и то причиною, что когда мой пріятель далъ мнѣ знать, что по многимъ его стараніямъ никакого въ Кіевѣ не могъ отыскать о Бяконтѣ свѣдѣнія, то вскорѣ я долженъ былъ изъ Чернигова во мѣсто здѣшняго г. гражданскаго губернатора въ два уѣзда для набора рекрутъ отлучиться и, по окончаніи онаго, въ городѣ Суражѣ открыть вновь возобновившіеся присутственные мѣста, 1797 года уничтоженные, что все не прежде прошлаго генваря мѣсяца кончить могъ. Сіи то причины и вступившіе важные криминалные дѣла, занимающіе меня поутру и послѣ обѣда присутствіемъ, лишили меня исполнить мой долгъ поздравленіемъ вашего высокопревосходительства съ наступленіемъ настоящаго года и дать отчетъ въ возложенномъ на меня препорученіи, за какое упущеніе всепокорнѣйше васъ прошу меня милостиво простить и съ обыкновенною вашею ко мнѣ милостію принять мое достодолжное высокопочитаніе и мою преданность и ту къ особѣ вашей приверженность, съ которою я всегда непрерывно продолженія вашего здоровья и удовольствія искренно желалъ и желаю.

Когда я въ 1779 году, по препорученію мнѣ бывшей государственной медицинской коллегіи, ѣздилъ изъ Москвы въ Кіевъ, то по всѣмъ тамошнимъ монастырямъ старался отыскать записки, изъ которыхъ бы можно получить свѣдѣнія о исторіи Кіева и Малороссіи, во время владѣнія въ нихъ кіевскими великими князьями, о преселеніи многихъ княжескихъ и дворянскихъ россійскихъ фамилій изъ Кіева и Чернигова въ Великую Россію, о разореніи Кіева и всего южнаго края въ 1240 году отъ татарскаго хана Батія, о смертоубійствѣ симъ ханомъ, въ 1243 году, послѣдняго черниговскаго князя Михаила Всеволодовича и боларина его Ѳедора, о завладѣніи въ 1320 году литовскимъ княземъ Гедиминомъ всею южною Россіею, о присоединеніи ея и всей Литвы въ 1471 году къ поль-

Библиотека "Руниверс"

ской коронѣ и о пребываніи оной до 1654 года подъ польскимъ владѣніемъ. Изъ всего сего не могъ я ничего отискать, кромѣ описанія козацкого противъ Польши смятенія, ихъ съ поляками войны и отдачи въ 1654 году себя въ россійское подданство. Есть ли до нашествія татаръ и были въ монастырякъ какія историческія записки, то всѣ оныя опустошеніемъ его и послѣ самыхъ поляковъ и бывшими между тѣмъ многими пожарами истреблены.

Въ Бозѣ поживающая блаженной и вѣчно достойной памяти императрица Екатерина Великая, устроивши, по премудрымъ и кроткимъ своимъ для управленія губерній всероссійской имперіи, 1775 года ноября 7 дня изданнымъ, учрежденіямъ, обширную свою имперію и желая имѣть о всѣхъ намѣстничествахъ или губерніяхъ обстоятельное топографическое или мѣстное описаніе, въ 1784 году всѣмъ своимъ намѣстникамъ или генералъ-губернаторамъ указать изволила, чтобы они по посланнымъ къ нимъ начертаніямъ препоручили способнымъ людямъ сдѣлать для собственнаго ея величества употребленія такое описаніе о губерніи вообще, а объ уѣздахъ и городахъ особо. Для первыхъ предписано 28, для вторыхъ 24, а для послѣднихъ 18 статей, которыми въ сочиненіи того описанія руководствоваться должно.

Его сіятельство россійскій генералъ-фельдмаршалъ, кіевскій, черниговскій и новгородъ-сѣверскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій препоручилъ, чрезъ умершаго черниговскаго губернатора, генералъ-поручика и кавалера Андрея Степановича Милорадовича, такое о черниговскомъ намѣстничествѣ описаніе мнѣ. Въ вышеупомянутыхъ вопросахъ между прочимъ спрашивается о намѣстничествѣ вообще: изъ какихъ прежнихъ уѣздовъ намѣстничество составлено? равномѣрно въ запросахъ объ уѣздѣ во второй статьѣ сказано: изъ какихъ прежнихъ уѣздовъ оный составленъ? а въ десятомъ запросѣ о городѣ, между прочимъ, требуется—подъ чьимъ владѣніемъ былъ, кѣмъ и какъ втеченіе времени управляемъ. Всѣ великороссійскія губерніи были уже до открытія, по высочайшему о губерніяхъ учрежденію, на уѣзды и провинціи или области раздѣлены и имѣли гражданское правленіе и гражданскихъ начальниковъ и судей, слѣдственно и легко было сочинителямъ топографическаго тѣхъ губерній описанія на вышеупомянутые вопросы сдѣлать отвѣты такъ, какъ и о губерніяхъ бѣлорусскихъ, лифляндской, эстляндской и финляндской, которыя гражданское, какъ земское, такъ и городское имѣли правленіе и начальство. Что же принадле-

Библиотека "Руниверс"

житъ до трехъ малороссійскихъ губерній, то они до 1764 года и до введенія въ нихъ въ 1782 году высочайшаго о губерніяхъ учрежденія совсѣмъ не похожее съ прочими губерніями имѣли раздѣленіе и земское и городское начальство и судопроизводство.

Во время пребыванія Малой Россіи по обоимъ сторонамъ р. Днѣпра съ 1320 по 1648 г. подъ польскимъ владѣніемъ была она по общему польскому бывшему учрежденію на воеводства, повѣты и староства раздѣлена, имѣла особое отъ военной части, земское и гродское управленіе, и особые уголовные и гражданскіе суды. Когда же въ 1648 году малороссійская чернь подъ предводительствомъ козацкаго гетмана Зиновія Хмельницкаго, сообщась съ козаками по Днѣпру ниже пороговъ, запорожскими называмыми, и съ нѣкоторыми городовыми козаками же, которыхъ тогда только нѣсколько полковъ изъ охотниковъ набираемыхъ было, противъ Польши взбунтовалась, своихъ дворянъ поляковъ истребила, то и весь польскій гражданскій порядокъ уничтожила, и помянутаго чигринскаго сотника Хмельницкаго, подъ именемъ Богдана, всея Малыя Россіи гетманомъ, то есть головою, или генералъ-капитаномъ, надъ собою сдѣлала. Сей гетманъ, имѣя личную противъ чигринскаго старосты Ивана Даниловича Конецпольскаго и его подстаросты Чаплинскаго злобу, возмутя всѣхъ въ Малой Россіи крестьянъ, истребивъ ихъ владѣльцовъ, обратилъ большую часть крестьянъ въ козаки и, раздѣля всю Малую Россію на полки и сотни, учредилъ изъ тѣхъ же козаковъ надъ ними полковниковъ и сотниковъ, а при себѣ изъ оныхъ же опредѣлилъ, подъ названіемъ генеральной старшины, разныхъ чиновниковъ, и, уничтожа польскіе гродскіе и земскіе суды, отдалъ весь судъ и расправу полковникамъ и сотникамъ. Хотя же нѣкоторые въ весьма маломъ количествѣ изъ шляхетства благочестиваго россійскаго исповѣданія не истреблены и остались въ Малой Россіи, то единственно потому, что по недостаточному своему состоянію къ тѣмъ же козакамъ пристали и съ ними сообщниками учинились. Ярость крестьянъ до того возросла, что названіе пана и шляхтича было смертоносно и званіе козака предпочиталось шляхтичу и приносило такія права и преимущества, какихъ само шляхетство не имѣло. Сіи козаки, разобравъ по себѣ своихъ изгнанныхъ владѣльцовъ имѣнія, обогатясь противъ поляковъ войною и оказавъ въ слѣдующія времена уже и россійскимъ государямъ разныя услуги, получили отъ сихъ почести и деревни и сдѣлались такими же дворянами, какими ихъ польскіе были помѣщики.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ начало теперешняго малороссійскаго благородства и дворянства, котораго однако же число до 1765 года весьма невелико было.

Чтобы ясное дать о семъ козацкомъ военномъ цѣлаго края раздѣленіи и о козацкихъ чиновникахъ, о правленіи ихъ и о ихъ судахъ понятіе и отвѣтъ на предложенные вопросы, то и заставило меня для ясности и связи сдѣлать прежде о Малой Россіи вообще географическое и историческое краткое описаніе, изъяснивъ ея начало, ея владѣніе кіевскими великими князьями, ея состояніе подъ польскимъ владѣніемъ, ея присоединеніе по прежнему къ Россіи и ея военное козацкое по войску и по земству правленіе, ея чиновниковъ, ея обычаи и ея одѣянія. На сей конецъ долженъ былъ я, по дозволенію вышепомянутаго покойнаго генералъ-губернатора, объѣхать всю черниговскую губернію и многія части кіевской и новгородъ-сѣверской и старался лично ея положеніе и особливо состояніе черниговской губерніи узнать, выискивалъ по монастырямъ и по архивамъ присутственныхъ мѣстъ разныя записки и свѣдѣнія, принадлежащія до малороссійской исторіи. По собраніи всѣхъ таковыхъ свѣдѣній и особо до топографическаго о черниговской губерніи описанія относящихся, приступилъ къ дѣйствительному онаго сочиненію, раздѣля его на двѣ части. Первая часть о Малой Россіи вообще, изъ четырехъ частей состоящая, съ пріобщеніемъ географической о Малой Россіи карты на десять полковъ, и генеральной карты на три намѣстничества раздѣленной, и двадцати шести изображеній малороссійскаго одѣянія. Вторая часть особенно о черниговской губерніи, на двѣнадцать главъ раздѣленная, и тѣмъ порядкомъ сочинена, каковъ въ присланныхъ вопросахъ предписанъ, къ которой и особая карта о сей губерніи пріобщена.

Все прописанное описаніе, изъ двухъ книгъ состоящее, и географической всѣхъ черниговской губерніи уѣздовъ атласъ и особую почтовую карту, съ описаніемъ почтовыхъ становъ, по черниговской губерніи тогда учрежденныхъ, я имѣлъ щастіе поднесть ея императорскому величеству 1787 года генваря 23 дня въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, во время ея величества высочайшаго шествія изъ Петербурга въ Кіевъ, Херсонъ и Таврію.

Я осмѣливаюсь вашему высокопревосходительству изъ вышепомянутаго топографическаго описанія, при семъ поднести описаніе черниговской губерніи вообще такъ, какъ она съ 1782 г. по 1791 г. состояла, и описаніе города Чернигова, о которомъ я все то помѣстилъ, что только изъ разныхъ записокъ почерпнуть могъ. Съ вели-

Библиотека "Руниверс"

чайшимъ удовольствіемъ сообщилъ бы для вашего любопытства и все то моихъ трудовъ описаніе, естьли бы мнѣ время дозволило оное повѣрить и набѣло списать.

Искренно соболѣзную, что ваше высокопревосходительство почтеннаго своего родственника Ивана Васильевича Плещеева лишились, котораго ласки и угощенія я всегда помню и крайне жалѣю, что я не въ силахъ по его записѣ о происхожденіи его фамиліи отъ боларина Бяконта его желанію удовлетворить. Я слышу, что будто и почтенный его сынъ, адмиралъ Сергѣй Ивановичъ, умеръ.

Да укрѣпитъ и продлитъ Всевышній ваше для меня драгоцѣнное здоровье и жизнь и я бы имѣлъ щастіе ваши повелѣнія выполнять и пользоваться вашими высокими милостями и покровительствомъ, которымъ вручивъ себя, честь имѣю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданнѣйшимъ благоговѣніемъ быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшимъ и всепреданнѣйшимъ слугою Аѳанасій Шафонскій. Черниговъ, іюня 8 дня 1804 года».

Настоящее письмо, помимо свидѣтельства о пріязненныхъ отношеніяхъ между Шафонскимъ и Еропкинымъ, сохранившимся до послѣднихъ лѣтъ ихъ жизни со времени пережитой ими совмѣстно тяжкой поры 1771 года, имѣетъ еще интересъ исторіографическій, дополняя свѣдѣнія по исторіи составленія «Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества», сообщенныя нами въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1886 г. и опредѣляя тогдашнія знанія по малороссійской исторіи.

Что касается его справокъ о боярынѣ Бяконтѣ, то онѣ еще разъ подтверждаютъ научную добросовѣстность Шафонскаго. Сравнивъ годъ прибытія Бяконта въ Москву (1292 г.) съ мнѣніемъ по этому вопросу Карамзина, высказаннымъ въ прим. 324 и въ прим. 367 къ IV тому его «Исторіи», мы убѣдимся, что Шафонскій опредѣлилъ этотъ годъ правильно. Карамзинъ пишетъ: «Житіе св. Алексія было вкратцѣ описано епископомъ пермскимъ Питиримомъ, въ 1455 г. убитымъ вогуличами; а въ Степ. книгѣ оно предложено гораздо обстоятельнѣе. О родителяхъ Алексіевыхъ сочинитель говоритъ: «Нѣкто отъ славныхъ бояръ черниговскихъ, именемъ Ѳеодоръ, съ женою своею Маріею преселишася въ градъ Москву, идѣже тогда скиптродержавствуя в. князь Даніилъ Александровичъ» († 1303 г.).

Н. В. Стороженко.

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ. Заботясь о составленіи русской исторіи, Петръ В. въ декабрѣ 1720 года издалъ указъ, которымъ повелѣвалось: «во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихся въ россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя. также книги историческія, рукописныя и печатныя, какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся» [1]). На основаніи этого указа кіевскій губернаторъ отнесся съ предложеніемъ къ катедрѣ кіевской, а эта разослала 30 января 1720 года указъ, помѣщаемый ниже. Такъ какъ книги требовалось собрать какъ можно скорѣй, а обычный путь разсылки указовъ изъ монастыря въ монастырь, къ протопопамъ и священникамъ, о которомъ говорится въ указѣ катедры, могъ затянуть до безконечности дѣло, то 5 февраля съ указомъ былъ посланъ «рейтаръ» Бершовъ. Ему была дана подорожная, которую мы печатаемъ ниже, и въ которой приказывалось монастырямъ и приходамъ не задерживать Бершова, давать ему содержаніе и подводу до ближайшаго пункта. Конечно, это значительно должно было сократить процедуру. Книги отправлялись въ Кіевъ монастырями и протопопами черезъ особыхъ нарочныхъ.

Несомнѣнно, книги и рукописи были собраны и притомъ *подъ рядъ*, безъ осмотра и различія тѣхъ, «какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся»; какова ихъ дальнѣйшая судьба, гдѣ онѣ дѣвались—мы не знаемъ, хотя трудно думать, чтобы они были возвращены назадъ монастырямъ. При этомъ собраніи книгъ и документовъ для цѣли, которой никогда не суждено было осуществиться. пропало, навѣрно, не мало цѣнныхъ памятниковъ нашей южно-русской старины. Не здѣсь ли нужно искать объясненія того факта, что мы имѣемъ такъ мало свѣдѣній по исторіи лѣваго берега Днѣпра въ XVII и предыдущихъ вѣкахъ, а также и въ первой четверти XVIII вѣка? **Н. В.**

Катедри Киевской указъ о собраніи древнихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ куріозныхъ оригиналныхъ писемъ и книгъ историчныхъ, рукописныхъ и печатныхъ, какие, гдѣ суть, собравъ прислать в киевогуберскую канцелярію.

Вамъ, превелебнимъ и пречестнымъ отцамъ игуменамъ, честнимъ отцамъ протопопамъ, строителемъ, намѣсникомъ и честнимъ отцамъ

---

[1]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи (1-е изд.), т. XVI, стр. 317. П. С. З. № 3693.

Библиотека "Руниверс"

презвитеромъ катедри митрополіи киевской подсутствующимъ симъ катедралнимъ писаніемъ извѣстно творимъ: сего настоящаго 1721 году генваря 30 дня получили ми, все духовенство консистору митрополіи киевской, его царскаго пресвѣтлаго величества указъ, з' губернской киевской канцеляріи до катедри святософѣйской за подписомъ собственной руки сиятелнѣйшаго превосходителнѣйшаго его милости г-на князя Петра Алексѣевича сенатора и губернатора киевскаго присланний. в которомъ превисокомъ указѣ повелѣвается намъ, дабисмо во всю епархію киевскую по всѣмъ монастырямъ, якъ найскорѣй, немедля и мало, оние розислали, властию катедралною приказуючи, подлугъ монаршаго царского пресвѣтлаю величества указу, осмотрѣть и избрать во всѣхъ монастирахъ и соборѣхъ обрѣтаючіеся древніе жалованіе грамоти и другіе куріозніе оригиналніе писма, такожде книги историческіе рукописніе и печатніе, какіе гдѣ обрѣтаются, и тѣ би всѣ немедленно собравши, чрез нарочного своего законника честнаго и знатного всякъ з своего монастира отецъ игуменъ найбардзо в киево-губерскую канцелярію присилалъ по указу. О чемъ превелебніе отци игумени, строители монастирей заднѣпрскихъ и честніе отци протопопи извѣстившеся, чрезъ сей катедри архиерейской ординансъ изволте, якъ найскорѣй мощно, монаршій премощнѣйшій указъ исполнячи, вѣрно и ненарушимо и повинаходивши, гдѣ обрѣтаются всѣ вышеписание древніе жалованніе грамоти, куриозние писма и книги историчніе, присилайте по вишписаномъ чрезъ своихъ законниковъ въ киевопечерскую канцелярию; при сем же ординансѣ превелебнимъ отцомъ игуменомъ предлагается, даби всякъ, по одебраню сего писма заразъ себѣ списокъ списавши, без всякого и малаго задержанія отсилалъ нарочнимъ своимъ посланнимъ до другого по трактѣ недалече отстоящого монастиря, а списка би своего коммунѣковалъ, гдѣ близкой есть отецъ протопопъ того города, якого именемъ монастиръ именуется. Аще же кто умедлитъ за нетщаніемъ своимъ монастиръ и не исполнитъ вскорѣ монаршого царского пресвѣтлаго величества превисочайшаго указу, таковій, яко противникъ царскому велѣнію, понесетъ штрафъ и непоблажное безотпустно пріймет наказаніе. Для лучшаго же извѣстнѣйшаго вирозумѣнія при семъ же писаніи катедралномъ прилагаемъ и присланного до катедри з губернской канцеляріи списокъ указу. Данъ катедри святософѣйской митрополитанской киевской. 1721 г. Генваря 30 дня.

Библиотека "Руниверс"

Списокъ указу, в' катедру Святософѣйскую присланного о вишписанномъ.

Сего 26 генваря в указе великаго государя и канцеляріи правительствующаго сената, печатномъ в Санкпетербурхѣ 26 декабря 1720 году, ко мнѣ написано: Великій государь указалъ, по имянному своему великаго государя указу, во всѣхъ монастирехъ обрѣтающіеся в россійскомъ государствѣ осмотрѣть, изобрать древніе жалованніе грамоти и другие куриозніе писма оригиналніе, такъ же историческіе рукописніе и печатніе книги пересмотрѣть и переписать, къ губернаторамъ и вѣцегубернаторомъ и воеводамъ, и тѣ переписніе книги прислать въ канцелярию правительствующаго сената; и того ради о собраніи онихъ жалованнихъ грамотъ и протчаго для осмотрѣнія и переписки и о присилке отъ себя знатними из монаховъ особи въ киевскую губернскую канцелярію изволте учинить по вишписанному Его Царского Величества указу, немедля. По немъ оніе пошлются, о томъ пришлѣте доношеніе которіе.... къ вамъ з тѣми жъ присланними возвратится въ киево-печерскомъ [1]). 30 генваря 1721 г. Справилъ Семенъ Муратовъ.

Іеромонахъ Христофоръ, игуменъ Свято Николскій Киевскій Пустинного монастыра.

Іеромонахъ Григорій Гошкевичъ, намѣстникъ Святософѣйскій Кіевскій.

Іеромонахъ Иоанникій Феодоровичъ, консисториста М. К.

Іеромонахъ Іосифъ Волчанскій, префектъ Киевского Брацкого могилевского.

Іеромонахъ Берло митрополіи Киевской.

Архидіаконъ Іосафъ Сенятовичъ, метрополіи Киевской ексаменаторъ.

Іеромонахъ Іона Мокрицкій, М. К. консисториста.

Елиферій Ладинскій, виценотарій консисториста М. К.

Указъ катедралній о тихже куриозних писмах и, у райтара Григория Бершова Государевъ указъ наскоро переписавъ и его самаго вскорѣ уѣстивши, честно отсилать игуменомъ.

Всемъ обще духовнаго чина начальствующимъ и подначальнимъ особамъ катедрѣ киевской митрополіи подсутствующимъ, а именно монастирямъ козелецкому, нѣжинскому, максаковскому, ба-

[1]) Смыслъ, очевидно, извращенъ переписчикомъ.

Библиотека "Руниверс"

туринскому и глуховскому монаршій его царского пресвѣтлаго величества указъ и повелѣніе сіятельнѣйшаго превосходительнѣйшаго его милости г-на князя Петра Алексѣевича сенатора и губернатора киевскаго властію и повагою катедри святософѣйской м: к: предлагается: даби всякъ превелебній въ Богу отецъ игуменъ в своемъ монастирѣ, за прибитьемъ посланного з симъ нашимъ писаніемъ отъ канцелярии кгубернской киевской, имѣчого з собою указъ монаршій, при катедралномъ же патентѣ вираженній, райтара Григория Бершова честно принявши и по обыкновенію угостивши, переписованъ присланній черезъ оного указъ безъ всякаго отлагателства и исправлялибъ якъ написано въ указѣ без жадного и малаго замедлѣнія, присилаючи указніе русскіи, латинскии, рукописніи и печатніи книги и писма куриозніе вканцелярию киевскую черезъ своихъ нарочнихъ, где тилко винайдутся книги, грамоти жалованіе и писма, а посланнаго райтара Григория Бершова ни мало удержаючи в монастирѣ, по переписцѣ указу, заразъ немедленно черезъ свою подводу монастирскую до другого монастира отсилать, яко же по тракту в указѣ положилося. Такожде и пречестнімъ отцемъ протопопомъ и честнимъ иереомъ, до катедри киевской належащимъ, приказуемъ, аби и они для скорости дѣла государственнаго давали посланному райтару подводу и кормъ, понеже сие дѣло есть монаршое. О чомъ всѣмъ превелебнимъ отцемъ началнимъ духовнимъ, властию катедри м: к: предложивши, желаемъ скорого в указѣ монаршомъ управленія. Данъ з' Святой Софіи року 1721 февр: 5 дня. Такожъ и назадъ возвращающося г-ну райтару в Киевъ, такъ по монастирямъ, якъ и по священникомъ на трактѣ, даби давано подводи пилно приказуется, под штрафомъ. Іеромонахъ Григорій Гошкевичъ намѣсникъ Святософѣйскій со всѣмъ консисторомъ. (Мѣсто печати митрополитанской киевской).

(Изъ Архива Есманской церкви, глуховскаго уѣзда, черниг. губ).

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Н. В. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888). Историческій очеркъ. Томъ первый. Воронежъ. 1888—1890. Стр. IV+623+XXXII. Цѣна 1 р. съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Слишкомъ узкое заглавіе труда г. Воскресенскаго даетъ мало представленія о содержаніи книги, которая является не только историческимъ очеркомъ Воронеж. Губ. Вѣд., но и составляетъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу, какъ матеріалъ для исторіи умственнаго движенія въ провинціи за послѣднія *сто* лѣтъ. Авторъ не ограничивается судьбой Вѣдомостей и перечнемъ статей, помѣщенныхъ въ нихъ, но и старается ввести читателя въ кругъ исторіи русской умственной жизни, отмѣтить, какъ умственное движеніе центровъ отражалось въ провинціи, въ Воронежѣ, что мѣшало здѣсь ея развитію, и съ этой цѣлью, напримѣръ, подробно останавливается на шестидесятыхъ годахъ, дѣлаетъ большія выписки изъ Губерн. Вѣдомостей, характеризующія съ одной стороны требованія, предъявляемыя къ провинціальной газетѣ редакторами, публикой и столичной печатью, а съ другой и тѣ неблагопріятныя цензурныя и житейскія условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать провинціальной прессѣ вообще и оффиціальной въ особенности. Съ этой же цѣлью онъ помѣщаетъ «Краткій обзоръ умственной дѣятельности въ воронежскомъ краѣ за послѣднія 20 лѣтъ». «Обзоръ» этотъ занимаетъ 200 послѣднихъ страницъ труда и даетъ понятіе о томъ, сколько за послѣднее время сдѣлала и дѣлаетъ провинція, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ «Обзорѣ» можно найти свѣдѣнія о воронежской печати, о типографіяхъ, школьномъ дѣлѣ въ воронежской губерніи, библіотекахъ, разныхъ обществахъ, дѣя-

Библиотека "Руниверс"

тельности и изданіяхъ статистическаго комитета, земскаго статистическаго бюро и т. д.

Обозрѣніе Губернскихъ Вѣдомостей г. Воскресенскій дѣлаетъ по редакторамъ и это, конечно, самый правильный способъ. Воронежскія Губернскія Вѣдомости, за исключеніемъ развѣ шестидесятыхъ годовъ, не имѣли какой-либо опредѣленной физіономіи, въ выработкѣ которой мы могли бы отмѣтить извѣстныя эпохи, но физіономія ихъ мѣнялась съ перемѣной редакторовъ. До 60-хъ годовъ Губернскія Вѣдомости мало даже занимались современной имъ жизнью провинціи; и это вполнѣ понятно, такъ какъ о томъ, что составляетъ содержаніе провинціи – о жизни сельскихъ сословій совсѣмъ нельзя было и писать. Въ это время Губернскія Вѣдомости даютъ массу историческаго и этнографическаго матеріала, и для Воронежскихъ Вѣдомостей особенно счастливы въ этомъ отношеніи года 1847—1849, когда редакторомъ былъ А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, а также и начало 50 хъ годовъ, когда въ Воронежѣ жили извѣстные издатели «Воронежскихъ актовъ», Второвъ и Александровъ-Дольникъ.

Въ первое время своего существованія (1838—1846 г.) «Воронежскія Вѣдомости» отличаются скудностью содержанія. Это отчасти объясняется, конечно, временемъ, въ которое возникали они, а отчасти и неумѣніемъ взяться за дѣло, чисто-казеннымъ отношеніемъ къ нему какъ со стороны редакторовъ, такъ и администраціи. Большія техническія затрудненія представляло и приведеніе въ болѣе или менѣе сносное положеніе воронежской губернской типографіи. Чрезвычайно поучительна и любопытна судьба этой типографіи. Основаніе ея относится къ концу XVIII вѣка и стоитъ въ связи съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ русскаго общества, которое, благодаря вліянію французской энциклопедической литературы и поддержкѣ, оказываемой императрицей Екатериной II, началось сначала въ центрахъ, а затѣмъ проникло и въ провинцію[1]). Въ концѣ XVIII ст. въ Воронежѣ существовалъ уже свой литературный кружокъ, группировавшійся около протоіерея Евфимія Болховитинова, впослѣдствіи знаменитаго митрополита кіевскаго Евгенія; другимъ выдающимся дѣятелемъ этого кружка былъ Г. П. Успенскій, потомъ

[1]) Характеристику воронежской губерніи въ этомъ отношеніи даетъ *Е. Ф. Шмурло* въ своемъ трудѣ объ Евгеніи Болховитиновѣ. Ср. также *Н. И. Костомаровъ*. Литературное наслѣдіе.—Автобіографія стр. 4—6.

Библиотека "Руниверс"

профессоръ харьковскаго университета. Подъ вліяніемъ кружка въ 1798 г. была основана типографія и ему главнымъ образомъ она обязана своимъ развитіемъ: за первые 6—7 лѣтъ типографія выпустила до 30 изданій. Въ 1806 г. дѣятельность ея сразу обрывается; кружокъ распался, Евгеній Болховитиновъ и Г. П. Успенскій оставили Воронежъ. Типографія начала приходить въ упадокъ, и уже въ 1811 году улучшеніе ея могло стоить больше, чѣмъ ея первоначальное заведеніе; она стала считаться лишнею, потому что нѣтъ «никакой выгоды печатать здѣсь книги *по неимѣнію цензуры и трудности сбывать напечатанныя книги*». До тридцатыхъ годовъ, т. е. до изданія положенія о Губернскихъ Вѣдомостяхъ, никто не обращалъ вниманія на типографію, и она пришла въ такой упадокъ, что «не могла производить не только хорошаго, но даже сноснаго печатанія». Большихъ усилій стоило привести ее въ надлежащій видъ, и усилія эти увѣнчались успѣхомъ. Послѣднія воронежскія изданія, а также и изданіе книги г. Воскресенскаго можно назвать образцовыми.

Мы, конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтили содержаніе книги г. Воскресенскаго; противъ нѣкоторыхъ мнѣній, напр. относительно «строго выдержанной программы» Губерн. Вѣд. и ихъ преимущества въ этомъ предъ частными изданіями (стр. 15) можно бы и поспорить, но мы считаемъ неумѣстнымъ это въ «Кіевской Старинѣ».—Въ заключеніе не можемъ не пожелать болѣе широкаго распространенія интересному труду г. Воскресенскаго, съ одной стороны потому, что онъ даетъ матеріалы для исторіи умственнаго движенія въ провинціи, а съ другой—является и полезнымъ указателемъ къ неоффиціальной части Воронежскихъ Губ. Вѣд. за послѣднія 50 лѣтъ. Во второй томъ труда нашего автора «должны войти біографіи нѣкоторыхъ редакторовъ и сотрудниковъ, а равно лѣтописныя свѣдѣнія за 50 лѣтъ, составленныя на основаніи оффиціальнаго отдѣла Губернскихъ Вѣдомостей и другихъ данныхъ». Томъ долженъ быть чрезвычайно интересенъ. Остается только желать, чтобы трудъ г. Воскресенскаго не остался безъ подражанія и надѣяться, что мы получимъ когда-нибудь историческіе очерки и другихъ Губернскихъ Вѣдомостей, напр., Черниговскихъ, которыя содержатъ богатый печатный матеріалъ для исторіи и этнографіи края и прошли все-таки не безслѣдно для умственной жизни Черниговщины 50-хъ и 60-хъ годовъ. **Н. В.**

Библиотека "Руниверс"

Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890).—Составленъ по порученію николаевской городской думы къ празднованію юбилея николаевскимъ городскимъ секретаремъ Г. Н. Ге.—Николаевъ 1890. Стр. V+122.

Во время осады Очакова дѣятельный помощникъ Потемкина, Фалѣевъ, отыскалъ при устьѣ Ингула прекрасное мѣсто для верфи. Князь пришелъ отъ этого мѣста въ восторгъ. Начались подготовительныя сооруженія; затѣмъ верфь была переименована въ городъ Николаевъ, а въ 1790 началось оффиціальное существованіе города.

Прошло сто лѣтъ, и г. Ге разсказываетъ намъ исторію Николаева. Поучительная это исторія и не мало въ ней интересныхъ фактовъ, особенно изъ до-реформеннаго періода.

Такъ г. Ге сообщаетъ намъ, что вплоть до 60-хъ годовъ о Николаевѣ, какъ городѣ, никто не думалъ. Николаевъ—это такъ—придатокъ, слободка при адмиралтействѣ,—таковъ былъ господствующій взглядъ. Съ 1805 г. городъ окончательно становится флотскимъ и подпадаетъ вполнѣ подъ опеку губернатора-адмирала. Дѣло города ограничивалось организаціей раскладки и исполненіемъ повинностей. Заботы о благоустройствѣ взяла на себя администрація. Поступала она при этомъ очень рѣшительно: адм. Грейгъ дѣйствуетъ въ городскихъ дѣлахъ безъ посредства думы, пользуясь лишь иногда городскимъ капиталомъ (24); вице-адмиралъ Лазаревъ устраивалъ, что нужно, а затѣмъ просто приказывалъ думѣ внести деньги (27). При этомъ администрація не находила нужнымъ особенно заботиться объ интересахъ города: установлена была т. сказ. флотская точка зрѣнія на дѣло; и вотъ у города отбирается въ пользу морского вѣдомства земля (болѣе 1000 дес.), строенія, городскимъ капиталомъ распоряжается черноморское казначейство, раздаетъ деньги въ ссуду адмиралтейскимъ подрядчикамъ и проч. (9—11). А между тѣмъ, если нужно было заботиться, такъ кой о чемъ другомъ: внутренняя жизнь до-реформеннаго Николаева представляла мало утѣшительнаго. Такъ, первая школа открывается только въ 1827 г. и то послѣ какихъ усилій со стороны тогдашняго головы Кустова! (12—13). Къ этой школѣ, преобразованной въ 1833 г. въ уѣздное училище, прибавилось въ 1843 г. женское училище, а затѣмъ дѣло образованія остановилось и стояло вплоть до 60-хъ годовъ.—Управлялся городъ тоже довольно своеобразно. Выборы должностныхъ лицъ происходили такъ: дума «обще съ магистратомъ» рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шала, кого изъ обывателей допустить къ участію въ выборахъ; а затѣмъ приглашались, по благоусмотрѣнію, избиратели (33). Какъ велись дѣла въ думѣ, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1872 г. въ Николаевѣ было введено новое городовое положеніе; единственное наслѣдство, которое получила новая дума отъ старой, заключалось въ 425 полулистахъ стараго кровельнаго желѣза, 16 негодныхъ получетвертевыхъ посудинахъ и 61 чугунномъ ядрѣ (70). Ревизія сиротскаго суда (происходившая въ 60-хъ годахъ) обнаружила слѣд. картину: въ прихожей была найдена постель сторожа съ оригинальной подушкой,—огромнымъ дѣломъ нѣкоего Климова, на которомъ сторожъ спалъ уже два года; на полу валялись кучи разорванныхъ дѣлъ; приходо-расходныхъ книгъ не было никакой возможности распутать (57—59). На стр. 14 — 16 г. Ге разсказываетъ намъ исторію городскаго банка, такъ назыв. Городоваго Комитета (учрежденнаго въ 1821 г.). Въ этомъ комитетѣ «система помоганія другъ другу нашла себѣ широкое примѣненіе»; служилъ банкъ главнымъ образомъ «людямъ, которые никакими дѣлами не занимались», а кромѣ того выдавалъ ссуды и «по предложенію начальства, безусловно, безъ всякаго рѣшительно соображенія». 48 лѣтъ тянулось это безцеремонное хозяйство. Счета свои банкъ «до того запуталъ, что назначенная начальствомъ коммиссія... 3 года напрасно старалась уразумѣть, распутать ихъ». Тѣмъ не менѣе, какимъ-то чудомъ кое-что уцѣлѣло.

Началась крымская война. Послѣ ея окончанія адмиралтейство прекратило свое существованіе. Адмиралтейскій придатокъ, Николаевъ, былъ наканунѣ смерти.

Но вотъ хлынула свѣтлая волна 60-хъ годовъ, и городъ оживился. Благодаря энергической дѣятельности адмирала Глазенапа (1860—1871 г.) дѣло реформы пошло быстро впередъ: строится желѣзная дорога, иностранныя суда получаютъ доступъ въ Николаевъ, возникаютъ гимназіи, цѣлый рядъ школъ грамотности, городская больница, появляется мѣстный органъ печати. При адм. Аркасѣ городъ становится постепенно теперешнимъ Николаевомъ.

О «новѣйшей» такъ сказать исторіи г. Ге говоритъ мало. Разсказавши о провалившемся къ счастью проектѣ г. Печковскаго, начальника харьково-николаевской ж. д., по которому вся роль портоваго города должна была перейти къ этой дорогѣ (75—77), а также сообщивши нѣсколько не безъинтересныхъ данныхъ о контрахъ города съ таможней (80—82), г. Ге кончаетъ съ исторіей и

Библиотека "Руниверс"

переходитъ къ современному положенію вещей; онъ сообщаетъ, что въ Николаевѣ ок. 80 тыс. жителей, 41 учебное заведеніе, двѣ библіотеки, около 3000 ремесленниковъ и пр. и пр. Книга г. Ге, вообще, очень богата фактами и нельзя не поблагодарить автора за этотъ добросовѣстный трудъ. Г. Ге вѣрно понялъ свою задачу и разсказалъ намъ о городѣ, а не о строеніяхъ да деревьяхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи,—вотъ хоть-бы другой николаевецъ, помѣстившій въ Морскомъ Сборникѣ (1861 г., № 9) статью подъ заглавіемъ «Николаевъ».

С. Е.

Dr. Antoni I. Opowiadania historyczne, serya siódma. Lwów, 1891, c. 340.

Неутомимый dr. Antoni выпустилъ недавно седьмую серію своихъ «Историческихъ разсказовъ». Авторъ и его манера хорошо извѣстны читателямъ Кіевской Старины, въ которой не разъ помѣщались переводы его разсказовъ; посвященныя преимущественно судьбамъ шляхетскаго сословія, его работы однако представляютъ не мало интересныхъ данныхъ и для нашей исторіи, тѣмъ болѣе, что основываются зачастую на неизданныхъ и малодоступныхъ архивныхъ данныхъ.

Изъ разсказовъ настоящей книги (всего разсказовъ помѣщено въ ней семь) наиболѣе историческаго интереса представляетъ «Каменецкая измѣна» и «Львовскіе заложники»—оба относятся къ знаменитой польско турецкой кампаніи 1672 г., закончившейся Бучацкимъ миромъ. Въ первомъ разсказѣ читатель найдетъ не мало интересныхъ подробностей о состояніи польской военной границы передъ кампаніею, объ осадѣ и взятіи Каменца и возникшихъ затѣмъ обвиненіяхъ противъ мѣстныхъ сановниковъ и даже самого Собѣскаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками, подкупѣ и измѣнническій сдачѣ Каменца; главнымъ иниціаторомъ этихъ обвиненій авторъ считаетъ Феликса Потоцкаго, впослѣдствіи польнаго гетмана. Между бытовыми подробностями, во множествѣ вплетенными въ разсказъ, отмѣчу напр. описаніе средствъ, какими выкупались въ тѣ времена плѣнники изъ татарской неволи. Второй разсказъ относится къ осадѣ Львова турками (1672 г.); героемъ ея въ разсказѣ является извѣстный исторіографъ Львова, членъ городскаго магистрата Вар-

Библиотека "Руниверс"

ѳоломей Зиморовичъ. Какъ извѣстно, осада была прервана, благодаря бучацкимъ переговорамъ, но на городъ была наложена контрибуція въ 80 т. талеровъ. Изъ нихъ Львовъ, истощенный предшествующими контрибуціями, оставленный большинствомъ богачей, могъ выплатить только 5000; въ обезпеченіе остальной суммы было дано десять заложниковъ, судьбѣ которыхъ и посвященъ собственно этотъ разсказъ. Неволя оказалась тяжелою, нѣкоторые умерли, не дождавшись освобожденія; нѣкоторые возвратились на свободу только въ 1679 г. Самопожертвованіе заложниковъ однако не нашло достойной оцѣнки; даже родной городъ обнаружилъ по отношенію къ нимъ очень сомнительную признательность: онъ, правда, просилъ у короля для нихъ наградъ, но когда нѣкоторые изъ нихъ получили право безпошлинной торговли и сдѣлались опасными конкуррентами для своихъ сотоварищей,—городъ сталъ ходатайствовать объ уничтоженіи этой привилегіи. Авторъ приходитъ къ заключенію, что и «drobiazg», остававшійся внѣ привилегированнаго сословія, любилъ свой край и готовъ былъ жизнью жертвовать для его спасенія, но эти жертвы привилегированное шляхетское сословіе плохо цѣнило».

Два другихъ разсказа «Наслѣдство Гумецкихъ» и «Наслѣдство принца Нассаускаго» тоже касаются одного и того же предмета, мѣстами даже повторяютъ другъ друга: принцъ Нассаускій, знаменитый эмигрантъ и авантюристъ конца прошлаго столѣтія, былъ женатъ на одной изъ внучекъ Стефана Гумецкаго, воеводы подольскаго, владѣвшаго большими помѣстьями въ Подоліи, и такимъ образомъ обратился въ концѣ концовъ въ подольскаго помѣщика. Оба разсказа посвящены судьбѣ принца и оставленнаго имъ наслѣдства, перешедшаго, впрочемъ въ весьма уменьшенномъ объемѣ, затѣмъ въ руки пріемыша—гречанки Елизаветы Экомонъ. Въ интересахъ бо́льшей послѣдовательности разсказа автору слѣдовало бы эти два разсказа переставить одинъ на мѣсто другого.

Слѣдуетъ упомянуть еще о разсказѣ «Фатьма», такъ какъ онъ составляетъ дополненіе къ болѣе раннему разсказу автора—«Судьба красавицы» (Софіи Витте, потомъ жены Щенснаго Потоцкаго), помѣщенному въ переводѣ и въ нашемъ журналѣ [1]). Въ настоящемъ разсказѣ авторъ сообщаетъ подробности о прибытіи Софіи Глявове въ Подолію и жизни въ Каменцѣ и о судьбѣ старшей сестры ея—Фатьмы, впослѣдствіи жены очаковскаго паши. М. Г.

[1]) За 1887 г., кн. I.

Библиотека "Руниверс"

Dr. L. Finkel. Okopy świętej Trójcy, dwa epizody z dziejów Polski. We Lwowie, 1889. 69 стр.

Это небольшое изслѣдованіе, составляющее оттискъ изъ львовскаго Przewodnika Naukowego i Literackiego, прошло у насъ, кажется, незамѣченнымъ, хотя представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ предметъ его касается нашего края. Окопы св. Троицы—это упраздненная теперь крѣпость между устьями Днѣстра и Збруча, устроенная въ 1692 г. коронным гетманомъ Яблоновскимъ съ цѣлью блокады Каменца; исторіи этой крѣпости и посвящена брошюра—поводомъ къ ея составленію послужилъ проектъ реставраціи разрушеннаго костела св. Троицы, находящагося въ бывшей крѣпости.

Авторъ начинаетъ съ очерка отношеній, созданныхъ Бучацкимъ и Жоравинскимъ трактатами и послѣдующей борьбы Польши за Подолье; здѣсь интересъ новизны представляютъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сеймиковыхъ постановленій подольской шляхты, извлеченныя изъ книгъ гродскихъ галицкихъ и львовскихъ (подольскіе сеймики до возвращенія Каменца собирались въ Галичѣ, а потомъ во Львовѣ). Затѣмъ слѣдуетъ исторія самой крѣпости св. Троицы; по мысли Яблоновскаго, она должна была служить опорнымъ базисомъ противъ Каменца, безпокоить партизанскою войною его гарнизонъ, опустошать его окрестности и препятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ, доставлявшихся изъ Турціи. Послѣднее удавалось рѣдко. благодаря сильнымъ конвоямъ, сопровождавшимъ обыкновенно обозы: партизанская же война велась успѣшно, и крѣпость пользовалась въ то время значительною извѣстностью. Эта видная роль окончилась съ возвращеніемъ Каменца по Карловицкому трактату (1699 г.) и водвореніемъ подольской шляхты на своихъ пепелищахъ; послѣ этого крѣпость потеряла значеніе. Только на закатѣ дней Рѣчи Посполитой крѣпость снова явилась на сцену: здѣсь въ послѣдній разъ отбивался отъ русскихъ войскъ Францишекъ Пулавскій, пока въ крайности не былъ вынужденъ уйти въ Буковину, принадлежавшую еще туркамъ. Этимъ и закончилась собственно исторія крѣпости. Впрочемъ помимо историческаго она имѣетъ еще иной интересъ—ее воспѣлъ Красинскій въ своей «Небожественной комедіи»; воздвигнутая въ послѣдніе славные дни Рѣчи Посполитой, послужившая послѣднимъ оплотомъ для послѣдняго представителя теоретическаго шляхетства—эта крѣпость была выбрана поэтомъ сценою, на которой гибнетъ изображенное имъ шляхетство.

Библиотека "Руниверс"

Къ изслѣдованію др. Финкля приложено нѣсколько документовъ, между прочимъ донесеніе Яблоновскаго королю объ основаніи крѣпости и реляція о пораженіи Пулавскихъ въ Жванцѣ и Окопахъ св. Троицы. М. Г.

Случайная библіографія.

Hammard's. Reise durch Oberschlesien zur russich—kaiserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow Sadunaiskoy.— Erster Band.— Gotha. 1787.

Книга эта представляетъ описаніе путешествія, которое было предпринято авторомъ въ 1783 г. Hammard такъ опредѣляетъ цѣль этого путешествія: «изучить подъ начальствомъ Румянцева-Задунайскаго войну, мое ремесло, и принять участіе въ дѣяніяхъ народа, который подъ руководствомъ своей великой самодержицы, восходитъ съ вершины славы на вершину блаженства» (предисловіе).

Авторъ книги человѣкъ образованный. Онъ, очевидно, много видѣлъ и много читалъ, знакомъ съ цѣлымъ рядомъ наукъ и имѣетъ опредѣленные взгляды. Нельзя ему отказать въ наблюдательности и стараніи быть безпристрастнымъ. Все это дѣлаетъ небезъинтересными тѣ свѣдѣнія о польской Украинѣ, которыя сообщаетъ Hammard.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно указать и на тѣ обстоятельства, которыя уменьшаютъ цѣнность книги и степень достовѣрности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній.

Hammard, прежде всего, не знакомъ ни съ польскимъ, ни съ малорусскимъ языкомъ. Русскіе, пьютъ кромѣ кваса, kislitschie (кислыя щи—стр. 212); въ русскихъ рѣкахъ водятся непзвѣстныя въ Германіи рыбы—stierle (стерлядь, судя по описанію автора—стр. 213), малороссы употребляютъ въ пищу Parfchts (борщъ?—стр. 212). Ср. также стр. 102, 138, 256 и др.

Національности путешественникъ различаетъ плохо. Въ книгѣ мы встрѣчаемъ поляковъ (куда причисляются главнымъ образомъ высшіе и средніе классы), людей какой то, по мнѣнію автора, промежуточной національности (населеніе Волыни—стр. 138), гайдамакъ или запорожцевъ, козаковъ польскихъ и малорусскихъ (они же русскіе козаки); при этомъ Пугачевъ и Гонта стоятъ рядомъ (стр. 131, 162), а украинскіе козаки на обращенные къ нимъ вопросы отвѣ-

Библиотека "Руниверс"

чаютъ: «kazascho» (стр. 160). Всѣ эти разнообразныя группы лицъ (за исключеніемъ классовъ среднихъ и высшихъ) авторъ склоненъ сваливать въ одну кучу, причисляя всѣхъ къ скиѳамъ, къ сарматамъ, къ родственникамъ татаръ и вообще къ варварамъ. Въ виду этого не всегда можно разобрать, о комъ повѣствуетъ авторъ, когда онъ говоритъ о «населеніи», о «козакахъ», «украинцахъ» и т. п. Далѣе, авторъ склоненъ относиться съ большимъ презрѣніемъ ко всякому міросозерцанію, ко всякимъ взглядамъ и идеямъ, несогласнымъ съ его собственными.

Такъ, въ области религіи Hammard (самъ онъ протестантъ) держится довольно либеральныхъ воззрѣній. Онъ сторонникъ соединенія всѣхъ христіанскихъ религій въ одно цѣлое; исключительная преданность одной изъ нихъ кажется ему суевѣріемъ (стр. 208). Подвластные полякамъ украинцы думали совершенно иначе и вели долгую и упорную борьбу за свою вѣру. Hammard'у такая борьба непонятна и потому онъ возмущается ею, также, какъ и поведеніемъ «служителей религіи», которые принимали, по его мнѣнію, участіе въ возстаніи Гонты (стр. 170—1); гайдамаки для Hammard'а слуги суевѣрія (стр. 208).

Такое же ироническое отношеніе ко всѣмъ несогласно-мыслящимъ проявляетъ Hammard и въ области политическихъ взглядовъ. Онъ сторонникъ т. наз. просвѣщеннаго абсолютизма. Hammard расточаетъ похвалы Екатеринѣ II и ея сподвижникамъ (см. посвященіе, предисловіе, стр. 157, 161, 203, 204 и др.). Грубый деспотизмъ и рабство ему противны (стр. 131, 154, 202 и др.). Но съ неменьшимъ, если не съ большимъ негодованіемъ относится онъ и къ демократическимъ замашкамъ запорожцевъ (стр. 169—170); а малорусскія возстанія вызываютъ у него цѣлые потоки брани; онъ ничего не имѣетъ противъ казни предводителей этой «сволочи» и «каналій»; люди, боровшіеся за Украину, для него только «каннибалы» и «разбойники» (стр. 131, 132, 168—176 и др.).

Укажемъ, наконецъ, и на то снисходительно—пренебрежительное отношеніе, которое проявляетъ авторъ,—человѣкъ европейскій, свѣтски-образованный и вылощенный,—къ этимъ дикимъ «варварамъ» и скиѳамъ» и которое тоже помѣшало ему отнестись съ должнымъ вниманіемъ ко всѣмъ особенностямъ невѣдомой и чуждой ему страны, къ ея обитателямъ, ихъ нравамъ и обычаямъ.

Изложеніе Hammard'а не отличается систематичностью. Это въ общемъ описаніе тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ авторъ, при-

Библиотека "Руниверс"

чемъ онъ говоритъ относительно ихъ или по поводу ихъ все, что кажется ему достойнымъ упоминанія; авторъ допускаетъ отступленія, эпизоды, вставки.

Переходимъ теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, къ изложенію краткаго содержанія книги.

Въ отдѣлахъ I—V-мъ не находимъ данныхъ относительно Украины и начинаемъ съ VI-го отдѣла («путешествіе отъ Кракова черезъ Люблинъ, Дубно, Тульчинъ, Константиновъ въ Немировъ» стр. 128—150).

Волынь понравилась Hammard'у своей природой. Жителей онъ находитъ возможнымъ отличать отъ животныхъ. Къ какой національности относитъ онъ этихъ «Menschen» сказать трудно: съ одной стороны онъ упоминаетъ о полякахъ, съ другой сообщаетъ на стр. 138 слѣдующее свѣдѣніе: «языкъ измѣняется уже въ Волыніи; онъ представляетъ собою средину между русскимъ и польскимъ; охватываетъ Любомирію, Подолію и Украину». Населеніе Волыни, по словамъ Hammard'а, отличается своимъ здоровьемъ, силою тѣла и духа. Люди относятся здѣсь совершенно хладнокровно, по скиѳски, къ страданіямъ, смерти и мукамъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на запорожцевъ. Эти каннибалы христіанъ умирали геройскою смертью во время послѣднихъ казней (авторъ говоритъ о возстаніи Гонты). Волынскихъ и подольскихъ крестьянъ нельзя, правда, смѣшивать съ запорожцами. Но родственнаго у нихъ много: крестьяне эти готовы соединиться съ гайдамаками, чтобы освободиться отъ рабства и, перебивши дворянъ и начальство, проложить себѣ дорогу къ независимости. Объ этой же свободѣ мечтали Пугачевъ, Гонта, Дзюба, Горя,—воображаемые мученики за человѣчество, которые во имя своихъ мечтаній перебили тысячи ближнихъ, отличавшихся отъ нихъ своею религіей и взглядами.

Описываемое Hammard'омъ населеніе отличается своею серьезностью и меланхолическимъ настроеніемъ. Смѣхъ этихъ людей—смѣхъ отчаянія; въ радости они ужасны и похожи на тигровъ. Женщины заражены духомъ возмущенія въ чрезвычайной мѣрѣ; еслибы мужчины здѣсь не господствовали,—сколько кровавыхъ бунтовъ пришлось бы намъ увидѣть! Кромѣ бунтарскихъ наклонностей, женщины обладаютъ и другими примѣчательными свойствами: рождаютъ онѣ почти безъ боли (sic), а затѣмъ, выпивши стаканъ водки, меду или вишневки, принимаются черезъ нѣсколько часовъ за домашнія работы. И ребята здѣсь удивительныя: пяти—шестилѣтнія дѣти умѣютъ укрощать са-

Библиотека "Руниверс"

мыхъ дикихъ лошадей (sic); въ умѣніи ѣздить верхомъ эти маленькіе сарматы заткнутъ за поясъ любаго датскаго гусара.

Затѣмъ Hammard останавливается на суевѣріяхъ, предразсудкахъ, на вѣрѣ въ чертей и вѣдьмъ, которой подвержены даже винницкіе судьи. Разсказавши о домовыхъ, которыхъ никакъ нельзя поймать, объ отысканіи кладовъ, о вѣчной войнѣ съ чертями, Hammard переходитъ къ описанію плача по умершимъ: бабы, потерявши мужа или дитя, такъ воютъ по цѣлымъ недѣлямъ, что не даютъ спать.

Далѣе Hammard довольно подробно описываетъ городъ Дубно. Его громадная ярмарка съ милліонными оборотами, красивые склады товаровъ и зданія произвели на путешественника благопріятное впечатлѣніе. Большинство населенія (котораго въ Дубно 6000)—евреи. Они захватили въ свои руки торговлю и ремесла.—Маленькій городокъ Ямполь вызываетъ у Hammard'а общія размышленія объ отношеніи польскихъ пановъ къ своимъ «подданнымъ». Крестьяне изнываютъ подъ тяжестью работы, подвергаются истязаніямъ, а панъ расточаетъ за границей эти трудовыя деньги на прихоти и причуды, задаетъ пиры голоднымъ ученымъ и аббатамъ, чтобы прослыть меценатомъ, а для своихъ крестьянъ палецъ о палецъ не ударитъ.—Чума 1771—2 года отозвалась въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжалъ Hammard, тяжелыми послѣдствіями. Населеніе сильно уменьшилось. Среди евреевъ это меньше замѣтно,—они мало работаютъ, женятся рано и быстро размножаются,—чѣмъ среди христіанъ, которые изнываютъ подъ гнетомъ труда, питаются сухимъ хлѣбомъ и пьютъ много водки. До глубокой старости христіане не доживаютъ, умирая между 50—64 годами. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ они подвержены еще всякаго рода болѣзнямъ,—между прочимъ, сифилису; онъ здѣсь свирѣпствуетъ, занесенный, по мнѣнію однихъ, русскими, по мнѣнію Hammard'а,—союзными войсками.

7-й отдѣлъ книги (стр. 153—179) посвященъ общему обзору «Украины, ея жителей, плодородія и торговли».

Что понимаетъ авторъ подъ словомъ Украина? Вотъ что говоритъ онъ самъ: «Подолія и Украина, которыя я соединяю вмѣстѣ въ виду ихъ общей границы, орошаются къ югу (?) Днѣстромъ, съ сѣверовосточной стороны Днѣпромъ, а съ восточной (?) граничатъ съ очаковской Татаріей и Новосербіей или Запорожьемъ» (стр. 277).—Украина, по словамъ путешественника, принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ областямъ Польши. Прилежаніе и трудъ сдѣлали-бъ ее Ханааномъ Европы.

Библиотека "Руниверс"

Жители Украины—украинцы или козаки —находятся въ близкой степени родства съ гайдамаками, турками и татарами. Тутъ Hammard сообщаетъ всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о козакахъ, причемъ трудно разобрать, о какой національности говоритъ онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Козаки—воинственный и жестокій народъ. Попытка Екатерины II сформировать изъ нихъ регулярное войско показываетъ, какъ много пользы можно извлечь изъ этихъ людей. Козакъ почти не цѣнитъ своей жизни. Онъ безстрашенъ и способенъ совершать чудеса храбрости и удальства. Особенно драгоцѣнны козаки для рекогносцировки. Въ этомъ отношеніи они остаются учителями другихъ. Война—родная стихія этого народа. Козаки даже охотятся на военный манеръ,—на лошадяхъ, съ копьями, по опредѣленному плану. Способности у нихъ замѣчательныя: посмотрѣть на извѣстную вещь, а затѣмъ сдѣлать ее съ большимъ искусствомъ для нихъ легко. Козаки любятъ чистоту, склонны къ бездѣлью и гульнѣ. Наклонность къ возмущеніямъ въ нихъ чрезвычайно сильна. Они отличаются вѣрностью и благодарностью за полученное добро. Малорусскій слуга—слуга идеальный. Игры, музыка, пѣсни и танцы козаковъ достаточно извѣстны. Въ нихъ можно найти характеристику этого народа, одареннаго сильными страстями.—Воинственная гордость мужчинъ проявляется и въ ихъ любовныхъ отношеніяхъ. Предложеніе дѣлаетъ не мужчина, а женщина. Hamard'у очень нравится этотъ обычай, такъ какъ онъ гарантируетъ подчиненіе женъ мужьямъ. Несчастливыхъ браковъ здѣсь очень мало, разводовъ и того меньше. Жена вполнѣ повинуется своему мужу. Но мужчинъ здѣсь нельзя назвать деспотами. Они любятъ женъ и заботятся о нихъ, а на ярмаркахъ уступаютъ имъ верховную власть и кошелекъ: медъ и водка соблазнительны, и нужно, чтобы кто-нибудь умѣрялъ пылъ къ нимъ; кромѣ того по части всякихъ закупокъ и сдѣлокъ женѣ первое мѣсто: она обладаетъ нужной для этого хитростью и звонкимъ голосомъ.

Прекрасный полъ, вообще, очень понравился Hammard'у. Не одобряетъ онъ только костюма дѣвушекъ—ихъ косъ и запасокъ. Матери ревниво охраняютъ цѣломудріе своихъ дочерей. Странствованіе по деревнѣ съ рубахой въ видѣ побѣднаго знамени (въ день послѣ свадебной ночи) вывелось уже, однако, изъ употребленія.

Общее отношеніе Hammard'а къ козакамъ очень одобрительное. Имъ онъ сулитъ возможность блестящаго будущаго,—особенно «народамъ великой Екатерины». (стр. 153—168).

Библиотека "Руниверс"

Но за то авторъ не находитъ достаточно словъ, чтобы показать читателю все безобразіе запорожскихъ козаковъ (стр. 168—179). Подонки человѣчества, отбросы варваровъ, убійцъ и разбойниковъ, вмѣстилище всѣхъ возможныхъ пороковъ—вотъ какъ онъ честитъ ихъ. Этотъ народъ съ кажущимся демократическимъ строемъ (выборный кошевой атаманъ) отличается своимъ фанатизмомъ и страстью къ грабежамъ. Онъ совершаетъ безчеловѣчныя дѣянія. Намѣреніе русскаго правительства избавиться отъ этой орды достойно полнаго одобренія. Запорожцы размножаются не посредствомъ браковъ, а путемъ кражи дѣтей. Женитьба у нихъ воспрещена. Вступившій въ бракъ теряетъ право жить въ Сѣчи и превращается изъ героя въ мужика.

Затѣмъ Hammard переходитъ къ описанію возстанія 1770 г. Православные священники, проповѣдывавшіе изъ ненависти къ римско-католическому дворянству о притѣсненіи религіи, Гонта, желавшій отомстить за причиненныя ему оскорбленія, запорожцы, готовые на всякое мрачное дѣло,—вотъ главные виновники этого движенія. Украинцы, склонные къ возмущеніямъ, пришли къ нимъ на помощь съ цѣлью сбросить съ себя ярмо пановъ,—и черное дѣло совершилось. Съ ужаснымъ планомъ—истребить дворянъ и жидовъ—ворвались эти банды въ брацлавское воеводство, истребили, безъ различія сословія и возраста, всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ вѣрѣ или не былъ на ихъ сторонѣ, а затѣмъ подступили къ Умани. Сдавшійся на капитуляцію комендантъ впустилъ ихъ въ городъ,—и вотъ началась дикая расправа; развѣ во времена Пугачева, на Огіо да у караибовъ совершалось и совершается что-нибудь подобное. Людей душили, разсѣкали, у беременной женщины вырывали изъ живота плодъ, а затѣмъ Гонта собственноручно совершилъ безчеловѣчную гекатомбу: онъ перерѣзывалъ горло согнаннымъ въ толпу дѣтямъ, а его помощники швыряли трупы въ колодезь, 800 человѣкъ зарѣзалъ самъ Гонта, и до 1000 дѣтскихъ труповъ найдено было въ колодцѣ. Но затѣмъ запорожцы были пойманы. Недалеко отъ Умани, въ степи, русскій офицеръ захватилъ хитростью Гонту и его приспѣшниковъ. Всего взято было 8000 человѣкъ. Они были отданы въ руки поляковъ. Гонта и другіе предводители были разрублены на части, остальные—перевѣшаны и передушены. Пойманныхъ мучили, насколько хватало изобрѣтательности. Но безъ криковъ и стоновъ умирали эти люди,—спокойно, съ варварскимъ хладнокровіемъ.

Въ 8 мъ отдѣлѣ (стр. 180—242) авторъ толкуетъ «о культурѣ страны, скотоводствѣ, земледѣліи, растеніяхъ, торговлѣ и мануфактурахъ».

Библиотека "Руниверс"

Украина со стороны культуры находится въ первобытномъ состояніи. Вѣчныя войны, рабство, лѣность жителей въ связи съ ихъ военнымъ образомъ жизни и чрезвычайнымъ богатствомъ природы,— вотъ причины этого факта. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ дурно можетъ иногда вліять излишняя заботливость природы, служатъ нѣмецкія колоніи въ Россіи и Польшѣ. Цивилизованные люди разлѣнились и превратились въ варваровъ. На колоніи истрачены громадныя суммы, и все таки изъ нихъ ничего не вышло: колонисты распились и разлѣнились, переходятъ въ Польшѣ, подобно номадамъ, съ мѣста на мѣсто, подвигаясь все ближе и ближе къ предѣламъ родины. И вотъ русскимъ и полякамъ приходится думать о томъ, какъ избавиться отъ нищихъ, грубыхъ и безпокойныхъ нѣмцевъ (стр. 180—182).

Попытавшись затѣмъ дать общую картину украинскихъ степей (с. 183—187), Hammard переходитъ къ скотоводству (стр. 187—200), положеніемъ котораго онъ недоволенъ. Рогатый скотъ держатъ зимой въ холодныхъ стойлахъ, кормятъ и поятъ его такъ скудно, что онъ въ концѣ концовъ принимается за собственный пометъ, а вмѣсто воды употребляетъ снѣгъ. Неизбѣжный результатъ—постоянный моръ скота. И только въ теплое время года роскошныя степи Украины поправляютъ дѣло. Лошади пасутся день и ночь въ степяхъ, а зимой ихъ держатъ такъ-же, какъ и рогатый скотъ. Лошади ходятъ всегда табунами, отличаются своею дикостью и ведутъ побѣдоносныя войны съ волками. Поймать ихъ очень трудно даже ловкимъ козакамъ: до послѣдней возможности отстаиваютъ онѣ свою свободу. Съ овцами здѣсь обращаются первобытнымъ образомъ. Шерсть поэтому плохаго качества. Попытки русскаго правительства улучшить породу овецъ и свойство шерсти кончились неудачей: выписанные для ухода за овцами нѣмцы оказались въ общемъ невѣжественными мошенниками. Большія и свирѣпыя свиньи, которыхъ въ Украинѣ очень много, смахиваютъ больше на дикихъ, чѣмъ на домашнихъ животныхъ. Свиней держатъ даже евреи, выгоняя ихъ, впрочемъ, въ субботу вонъ изъ усадьбы.

Пчеловодство (с. 201—202) ведется тоже некультурнымъ образомъ. Искусственные ульи попадаются очень рѣдко. Пчелы сами выбираютъ себѣ въ лѣсахъ деревья, затѣмъ на этихъ деревьяхъ дѣлается замѣтка и въ извѣстное время изъ дупла извлекаютъ медъ. Этимъ дѣло и ограничивается. Земледѣліе стоитъ плохо (с. 202—207). Почва здѣсь—жирный черноземъ. Урожай—самъ 12-ть. Но какъ

Библиотека "Руниверс"

тутъ обрабатываютъ землю! Легкимъ плугомъ, слегка захватывающимъ землю, да деревянной бороной,—и только. Въ русской Украинѣ дѣло поставлено лучше: пашутъ здѣсь часто 4-мя лошадьми и и довольно глубоко. Хлѣбъ въ Украинѣ складываютъ подъ открытымъ небомъ. Онъ, конечно, загниваетъ отъ сырости и усердно истребляется воробьями и другими птицами. Въ Украинѣ сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, табакъ, горохъ, арбузы и проч. Виноградъ, картофель, хмѣль, шафранъ, крапъ (марена), анисъ, шелковица совершенно неизвѣстны.

Въ лѣсахъ (стр. 208—210) много плодовыхъ деревьевъ, ягодъ, цвѣтовъ. Къ востоку и юго востоку мѣстность становится бѣднѣе деревьями, такъ что жители прибѣгаютъ къ высушенному коровьему помёту.

Фруктами жители не дорожатъ и плодовъ не сушатъ. Яблоки, сливы—все это срывается въ недозрѣломъ видѣ. Изъ вишень и малины приготовляютъ особые напитки—«Wischniak» и «Malignac» (210—211).

Сказавши затѣмъ нѣсколько словъ объ украинскихъ рѣкахъ, богатыхъ рыбой (бѣлуга, осетръ, щука, карпъ, сомъ, стерлядь), и о немногочисленныхъ минералахъ (селитра, известь и мергель), Hamard переходитъ къ мануфактурамъ и фабрикамъ (с. 215—222).

Въ Немировѣ существуетъ набивная фабрика Винцента Потоцкаго. Въ 1784 г. здѣсь работало болѣе 120 человѣкъ и произведено было до 1500 штукъ матеріи. Тому же Потоцкому принадлежитъ и кожевенный заводъ, гдѣ въ 1784 г. работалъ одинъ мастеръ, 4 подмастерья и 8 учениковъ. Въ Чудновѣ (гр. Потоцкаго) есть фаянсовая фабрика и стеклянный заводъ. Въ Тульчинѣ живутъ ремесленники—нѣмцы. Есть еще нѣсколько незначительныхъ промышленныхъ заведеній въ Смѣлѣ у Александра Любомирскаго и въ Бѣлой Церкви у Браницкаго.

Довольно подробно разсказывается въ книгѣ о торговлѣ Украины (с. 222—237). Вслѣдствіе того, что у Турціи и Россіи своего сырья довольно, Украина торгуетъ главнымъ образомъ съ Германіей и другими западными государствами. Выгодами отъ торговли пользуются евреи, греки и армяне. Только оба Потоцкіе, принимающіе дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ страны, составляютъ исключеніе. Въ западныя государства вывозятся лошади, скотъ для убоя, зерновой хлѣбъ, водка, медъ, поташъ, воскъ, сало, кожи, мѣха,

Библиотека "Руниверс"

шерсть, ленъ, пенька; въ Турцію—бараны, сало, медъ и,—въ случаѣ неурожая,—зерновой хлѣбъ. Ввозятся (тоже преимущественно съ Запада) соль, сукна, тонкое полотно, бѣлье, набивныя бумажныя и шелковыя матеріи, мѣдь, желѣзо, аптекарскіе товары, сахаръ, кофе, англійское пиво, ромъ, сыръ и т. п., изъ Турціи и Греціи привозятъ различные фрукты, чубуки и контрабандный табакъ.

Въ концѣ отдѣла Hammard касается вопроса о монетахъ и векселяхъ (с. 237—243).

Въ Польшѣ, окруженной разнообразными сосѣдями, бѣдной, лишенной рудниковъ и фабрикъ, обращается огромное количество иноземныхъ денегъ. На ряду съ серебряными польскими монетами встрѣчаются деньги русскія, австрійскія, прусскія. Изъ золотыхъ монетъ особенно много дукатовъ, — въ послѣднее время преимущественно голландскихъ.

Благодаря расточительности дворянъ, государство переполнено векселями. Еслибы вексельное право отличалось строгостью, еслибы дворяне не были гарантированы отъ его суровыхъ послѣдствій своими сословными привилегіями, — для должниковъ—и при томъ знатнаго происхожденія—не хватило бы тюремъ.

9 й отдѣлъ книги («мѣстоположеніе Украины; ея границы, свойства почвы, дороги, мосты, деревни и города и проч.» —стр. 243—262) занятъ на половину (с. 243—253) соображеніями о неудобномъ положеніи Польши вообще и Украины въ частности во время войнъ между Турціей, Австріей, Пруссіей и Россіей: Польша лежитъ какъ разъ на военномъ пути, а нейтральное положеніе нисколько не защищаетъ ее отъ прохода и стоянокъ войскъ.

Высказываетъ здѣсь Hammard и цѣлый рядъ стратегическихъ мнѣній на счетъ Днѣстра, Буга, Днѣпра, лежащихъ вблизи городовъ, укрѣпленій и т. д. Сказавши нѣсколько словъ объ украинскихъ рѣкахъ и прудахъ съ ихъ небезопасными плотинами (стр. 253—4) и похваливши сравнительно сносныя дороги (254), Hammard описываетъ живописныя, потонувшія среди зелени деревни (с. 255); онѣ окружены рвами и палисадами, въ видахъ безопасности отъ набѣговъ, какъ думаютъ одни,—чтобы помѣшать скоту разгуливать по полямъ, какъ полагаетъ самъ Hammard. Затѣмъ путешественникъ разсказываетъ объ украинскихъ городахъ (257—260). Выше всѣхъ прочихъ онъ ставитъ Немировъ; тутъ есть фабрика, красивыя лавки, 4 церкви; домовъ около 400, — въ которыхъ жи-

Библиотека "Руниверс"

вутъ преимущественно евреи; дома одноэтажные, двери изъ комнаты ведутъ непосредственно на улицу. Прочіе города построены плохо, нѣтъ въ нихъ ни фабрикъ, ни полиціи. Стоитъ упомянуть Могилевъ на Днѣстрѣ и Бердичевъ съ ихъ знаменитыми ярмарками да еще Чудновъ. Затѣмъ Hammard сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній на счетъ воеводы Потоцкаго и его жены (с 260—1), высказываетъ порицаніе политическому строю Польши (261—262) и этимъ заканчиваетъ книгу.

С. Е.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 6.—Русская Мысль 6.—Русская Старина 6.—Русскій Архивъ 6.—Историческій Вѣстникъ 6.—Сѣверный Вѣстникъ 6.—Русское Обозрѣніе 6.—Наблюдатель 6.—Русскій Вѣстникъ 6.

Вѣстникъ Европы 1891 г. VI. *А. Пыпинъ. Новые матеріалы по исторіи литературы.*—Разбирая «Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г.», авторъ указываетъ, между прочимъ, на напечатанные въ этомъ сборникѣ новыя матеріалы для біографіи Гоголя, извлеченные изъ его рукописей г. Тихонравовымъ (стр. 703—705).

Русская Мысль 1891 г. VI. *Вс. Миллера. Экскурсы въ область русскаго эпоса* (продолженіе).—Разборъ былины объ Ильѣ Муромцѣ по сравненію ея съ былинами иранскаго эпоса (стр. 1—32).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткая рецензія на «Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1889 г.». Черепахина (стр. 282).

Русская Старина 1891 г. VI. *Бѣлозерская. Вас. Троф. Нарѣжный.* Продолженіе біографіи (стр. 523—545).

Замѣтка Шаталова по поводу напечатаннаго въ майской книгѣ письма Мазепы къ Меншикову о присылкѣ въ Шлиссельбургъ двухъ знающихъ священниковъ (стр. 680).

Въ приложеніи: портретъ Т. Г. Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 г. (на первой страницѣ).

Русскій Архивъ 1891 г. VI. *В. Горленко. Живописецъ В. Л. Боровиковскій.* Приведена подробная біографія этого извѣстнаго художника конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, уроженца полтавской губ. (стр. 257—291).

Библиотека "Руниверс"

Въ приложеніи—Записки Ф. Ф. Вигеля. «Воспоминанія о Кіевѣ конца прошлаго вѣка, гдѣ авторъ провелъ свои дѣтскіе годы (стр. 33—48).

Историческій Вѣстникъ 1891 г. VI. *І. Ясинскаго. Анекдотъ о Гоголѣ.* Небольшой разсказъ о посѣщеніи Гоголемъ М. В. Юзефовича въ Кіевѣ, въ 1847 или 1848 г. (стр. 514—598).

Библиотека "Руниверс"

18. Принесенъ указъ съ коллегіи о деревняхъ ратушныхъ. Отвѣтъ получилемъ отъ Худолѣя, же не можетъ въ Глуховъ ехать. Отписалемъ до лукомского, до прикажчика и до писара. Обѣдали въ Луцѣ, а ночовали въ Токарахъ.

19. Коней осмотрувалемъ своихъ, которихъ тамъ стоитъ 13. Оттоль поехалемъ до Андрѣевки, на службу приехали. Переездомъ, видѣлемъ у Артополотского хутора своихъ 2 кобилъ, отъ суддѣхи [1]) дарованнѣхъ, обидвѣ темногнѣдіе, у едной лошакъ гнѣдой. Зъ Андрѣевки ездилемъ въ Куцупѣевщину и тамъ своихъ коней осмотрувалемъ 18. На ночъ приехалемъ въ Роменъ.

20 недѣля. Рано бувъ у мене ундеръ-офѣцеръ, зъ коллегіи малороссійской присланний, требуючи вѣдомостей о селахъ ратушнихъ. Розослали укази о присланню вѣдомостей о селахъ ратушнихъ и о взятіи штрафа зъ бородатихъ промишлениковъ. Писалемъ въ Глуховъ до правителей и отвѣтъ послалемъ Худолѣевъ. Ездили до монастирища [2]) и тамъ гуляли всѣ, и подпияхомъ.

21. Господаръ п. Федора Кочубея, пріехавшій сюда, въ Роменъ, по дѣвку служебку нашу, Мотру, а сестру Кочубеевой [3]), отпущенъ зъ нею зосталъ въ домъ. Погоня по его и по дѣвку послана, для обмана его. Листи послалемъ до Леонтія и Кузмѣ асаула о розискахъ. До Орановского о Нѣславскомъ (?). Григор. Остапенко пріехалъ зъ Глухова зъ листомъ правителскимъ о зборахъ на церковъ Кіевопечерскую, которій и вѣсти добріе говорилъ. Василя Дацѣя въ турму посадить казалемъ, за украденную имъ инквизицію. П. братъ Андрѣй поехалъ до Бубновъ. Снѣгъ началъ ити.

22. Житель липовскій бувъ зъ жалобою на Мартинця, за коня, имъ взятого зъ собою его, о чомъ и писалемъ до Орановского. Опредѣлилемъ къ п. Билиму до правленія Василя Дяченка и для писанія—Петра Верещаку. Виехалемъ зъ Ромна передъ вечоромъ. У Хмѣловѣ послалемъ атамана роменского въ дворецъ монастирскій.

---

[1]) Жуковской.

[2]) См. выше, стр. 14.

[3]) Отсюда можно заключить, что младшій сынъ казненнаго Кочубея—Ѳедоръ былъ женатъ на крестьянкѣ.... О немъ см. Русск. Арх., 1876 г., III, 366.

Библиотека "Руниверс"

где бувъ господаръ Кочубеевъ, для припроваженя его ко мнѣ, которій тогдажъ безъ вѣсти уйшолъ, а дѣвку отослали въ Роменъ. Пріехалемъ на ночъ въ Смѣлое, где стрѣлцѣ [1]) явились.

23. Стрѣлцямъ, вмѣсто Степана Романчука, опредѣлилемъ старшимъ атамана смѣловского. Писалемъ до сотника чорнуского и до Орановского о куплѣ гроблѣ Пузницкой, съ сотникомъ пополамъ. Тогда жъ писалемъ до Леонтія Янковского — о учиненню розисковъ нѣкоторихъ въ Лукомлѣ, Наружжю, Горошинѣ и Буромлѣ. Поехалемъ зъ Смѣлого и оглядалемъ степу, продаючогося отъ Романчука Левка. Пріехалемъ на ночъ до футора Корсакового.

24. Отъ футора Корсакового отправилемъ Леска сторожа зъ листами въ Роменъ до сотника, а особливе до атамана роменского о Дацѣеви. Поехавши оттоль, пріѣхалемъ на полудень къ Сейму и, перевюзшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, где Василя Книша засталемъ. У вечеру пріехалъ къ намъ Федко Ганничъ зъ писмомъ и зъ хлопцемъ артюхувскимъ.

25. Писалемъ рано зъ Мутина до Леонтія, о инквированню взятковъ Кочубеевскихъ. Пріехалемъ оттоль о полднѣ въ Тулиголови, где въ имбару було горѣлки 4 кухви. На ночъ приехалемъ въ Глуховъ.

26. Рано бувъ я у ясневелможной и тамъ обѣдъ кушалемъ. зъ п. п. Василемъ Томарою и Федоромъ Марковичомъ, дядкомъ. Потомъ былемъ у Кошелева, а у вечернѣ ст. (свят.) Михайла, а оттоль у пана асаули енер. Человѣкъ хоружовскій пріехалъ на розискъ о заграбленнихъ волахъ у футора Калюжновского, Константиновскихъ... Котлубай приехалъ тутъ, въ Глуховѣ, збирать нчолящую торочную (тогорочную) десятину, зъ Яковомъ дозорцею. Извѣстилемся отъ п. Федора, что прошлими днями, пріехавши въ Глуховъ, отклонился самъ за сотничество полковое прилуцкое.

27. Недѣля. На службѣ божой былемъ у церквѣ Анастасіи и кушалемъ у ясневелможной, где брегадирша, прокурорша и Коше-

[1]) Козаки-стрѣльцы занимались добычею всякаго рода дичи для гетмана и для мѣстныхъ полковниковъ. О нихъ см. статью Мих. Плохинскаго въ III-мъ томѣ Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общества.

Библиотека "Руниверс"

ліовѣ обѣ були. По обѣдѣ у п. Скоропадского бувши, читалемъ присланніе зъ Петербурху челобитніе с.: либов. (?). Оттоль поехавши, былемъ у п. асаули енер., а оттоль и у брегадира, где до полночи просидѣли. При мнѣ писмо къ нему отъ губернатора кіевского принесенно, что Матюшкинъ генералъ-маіоръ пожалованъ въ генерали порутчики.

28. Бувъ у правителей и доношеніе дано мнѣ Кочубеемъ и Трощинскимъ, поданное на мене онимъ. Такожъ принялемъ у нихъ и листъ ко мнѣ писанній о присланню вѣденій о селахъ и деревняхъ ратушнихъ и о приходахъ зъ онихъ, зъ тимъ докладомъ, якіе села суть именно ратушніе, тіе мѣютъ грамоти или другіе привилеи, другіе зась сливутся толко ратушними, о якихъ обоихъ інтересахъ писалемъ укази во всѣ сотнѣ и до Билима. До Петрановского—о прибуттю его сюда. До роменской старшини о присланню вѣденія—о козакахъ умершихъ въ походахъ. Обѣдали у мене п. Федоръ дядко и п. Тарнавскій.

29. У ясневелможной именинни ея отправляли и гуляли зъ брегадиромъ, прокуроромъ и Кошелевимъ, и подпіяхомъ гаразда, когда изъ куріеромъ въ задіоръ войшолъ въ дому прокурорскомъ. Послалемъ рано Бяловского и Остапа въ Тулиголови переписать все господарство и отобрать отъ Остапа, а вручить войту сварковскому.

30. Войта сварковскаго послалемъ въ Тулиголови для отобраня на свои руки всего тамошнего господарства, когда и человѣка сварковского опредѣлилемъ для скуплення и отобрання осенщины отъ сварковціовъ. Василь, глинскій сотникъ наказ., отехалъ и отецъ Петро лукомлскій. У Василя ключника отобралемъ грошей рублей 30. Присилалъ сотникъ срѣбранскій [1]) своего человѣка Себестіяновича, за доводячимися себѣ отъ мене грошми зол. 80.

31. Обѣдалемъ у ясневелможной. П. Федоръ дядко простился и отехалъ въ Прилуку. У п. асаула енер. читалемъ укази сенатскіе рѣшителніе, въ 5 пунктахъ заключенніе.

1. Ноеврій. Остапови господарство глуховское вручилемъ. Ездилемъ до футора Калюжновского, где воловъ 30, а коровъ 9, козъ 12,

[1]) Антонъ Троцина.

Библиотека "Руниверс"

коней 6, осмотрѣлемъ и еще два стоги жита незмолочени. Послалемъ укази до сотниковъ роменского, лохвицкого и лубенского о избранню двохъ щетчиковъ и одного комисара. Получилемъ писемъ правителскихъ двѣ; о приняттю 10 компанѣйцевъ и видаванню онимъ провіанту. Еще жъ получилемъ указъ зъ коллегіи—о присланню отвѣту въ томъ, что греки купци о ярмарку Іліиномъ роменскомъ въ Ромнѣ протестовались передъ мною на Шереметева. Войтомъ въ Сварковѣ Павла Лазаренка учинилемъ.

2. Принялемъ грошей еще отъ Василя ключника 10 рублей до первихъ 30, октовр. 30 взятихъ, и роспись учинилемъ ему о 40 рубляхъ забранних. Нѣжинскій полковникъ пріехалъ въ Глуховъ зъ Нѣжина, а зъ С.-Петербурху—князь Волконскій, ундеръ-лейтнантъ отъ гвардіи. Зъ Ромна получилемъ писма отъ старшини и отъ криксъ-комиссара Толкачова, чтобъ драгунамъ, прійшовшимъ на караулъ до коммиссаріяту, дать провіянтъ и фуражъ. Бувъ у склепу и вина смотрѣлъ: анталовъ 2 повнихъ и 2 неповнихъ, да бочочокъ 2 да бочка 1 и кухва неповна зъ дулями налита виномъ. Зъ Ромна зъ дичиною пріехали изъ гостинцемъ царичанскимъ. Доводячіеся гроши 80 зол. п. сотникови срѣбранскому черезъ зятя его послалемъ.

3 неделя. На службѣ у монастирѣ чорничомъ бувъ, а по службѣ у ясновелможной, когда брегадиръ и протчіе були. По обѣдѣ були на вечеринцѣ у брегадира. Бѣловскій зъ Федкомъ ездили въ Калюжинскій футоръ и ревѣдовали.

4. Листъ о требованіи небувалом провіянта и фуража караулнимъ въ Ромнѣ, послалемъ до правителей черезъ Клима. У Милютиновича бувъ рано. Дядко зъ Чернѣгова пріехалъ зъ писмами жени моей и швакгра п. Андрѣя Полуботка, о пріездѣ моемъ туда, просителними, въ Кувѣчичи. Плетюнка пріехалъ зъ рибою и кавяромъ, у которого и грошей отобралемъ 106 зол. копѣйками, а полушками 22 зол. Горбикъ бурумскій, бувши у мене, сказалъ, что уже поеднался зъ Федоромъ, бувшимъ старостою бурумскимъ.

5. Далемъ за дворъ солодовникови Степанови грошей рублей 9. Отлѣчовалъ Комаровскихъ (?). Далемъ Бутурлимови грошей рублей 5, на медъ, якій мѣлъ въ Ромнѣ отпустить.

Библиотека "Руниверс"

6. Нѣжинскій полковникъ отехалъ въ Нѣжинъ. У брегадира бувши, игралисмо въ карти и вигралемъ. Гайдаямъ [1]), ходившимъ въ Царичинъ, заплатилемъ 48 зол. додатнихъ.

7. Рано бувъ въ коллекгіи и (у?) старшини енер.; и Семенъ Лизогубъ (былъ?) и розговорували о заводѣ его зъ родителемъ. Зъ Лисенкомъ чернѣговскимъ, пріехавшимъ зъ грамотами на села свои, видѣлемся. У вечеру глинскій бувъ отъ полковника Ковбаси.

8. Писалемъ въ Роменъ о присилцѣ вѣденій и другихъ интересахъ. Отправилемъ чернѣговского дядка зъ лошадми и писалемъ до чернѣговскихъ и жени своей. Леонтого (?) отпустилемъ въ Овдоколле и 5 рублей грошей далемъ ему на кухви винніе и чтобъ купилъ 100 дощокъ липовихъ. Лукомскій сторожъ пріехалъ зъ писмами многими, между которими були и отъ родителя зъ Сулаку и отъ Полянского зъ Астраханѣ, о щастливомъ его прибытіи въ Сулакъ. Лихаровъ, маіоръ, зъ С. П. Бурху пріехалъ.

9. У правителей былемъ и отвѣтствовалемъ на супилѣку Дацѣеву и просилемъ розищиковъ. Въ Ясманъ на розискъ посилалемъ Фе́дка да Остапа. Писаръ Савѣцкій зъ Манджосенкомъ и Билименкомъ були у мене.

10. Неделя. Були у ясневелможной всѣ и гуляли до поздна.

11. Продали рибу 500 сомовъ, сотце по 6 рублей безъ золотого. Тамъ же продали кавяру 36 пуд. зъ двома кухвами, пуд. по 6 зол. Поставилемъ дворника въ Калюжновскій футоръ, огородника сварковского за 7 копъ, и одежу ему и женѣ его. Ясманскихъ войтовъ, настоящого и бувшого, отправилемъ, казавши на бувшомъ доправить 4 четверики жита. Забара взялъ 3 кухви горѣлки минять на жито 3 четверти, а на гроши, гуртомъ, носатками по 2 рублѣ. Пургансъ приймалемъ. Доношеніе зъ копѣею протесту кгрецкого, даннаго мнѣ въ Ромнѣ на Шереметева, отослалемъ въ коллекгію, черезъ Комаровского. Роману, стар. тулиголов., далемъ 10 копъ на всякіе росходи и новіе реестра. Грома, вороницкого козака, лубенской сотнѣ, отправилемъ зъ листомъ до сотника лубенского.

(Засимъ вырванъ листъ).

[1]) Гайдай — погонщикъ воловъ.

Библиотека "Руниверс"

23. Василь Дяченко пріехалъ зъ деньгами, на церковъ Печерскую опредѣленними, якихъ коллегія доправляетъ 1060 рублей. Привезлъ зъ собою книгъ латинскихъ, Калениченкомъ Петромъ купленнихъ. У лазнѣ п. суддѣной бувъ.

24. Неделя. Александръ Ивановичъ Румянцовъ пріехалъ рано въ Глуховъ и зъ нимъ братъ его Никита и швакгеръ—графа Матвѣева синъ, Федоръ Андреевичъ. Бувъ молебенъ на Екатерину въ Николая св. Обѣдали у ясневел. и гуляли доволно.

25. Былемъ рано у Румянцова, а оттоль у ясневелможной. Никиту Плетюнку войтомъ учинилемъ. Зъ березовскими людми, о сѣножать упоминавшимися, розійшлись и карту они дали и я казалъ Остапови дать имъ, уступуючи имъ сѣножати тоей, подъ кондиціею буде купчой нѣтъ.

26. У Румянцова на банкетѣ були, у вечеру, и въ карти іграли и програлъ 5 рублей, пополамъ зъ княземъ Волконскимъ. Гадяцкому полковникови рукавички, купивши, далемъ.

27. У Румянцова бувъ рано. Золотара вибили за плутовство. У ясневел. обѣдалъ. Господара бувшого раховали. Писма зъ Ромна о Шелеховской и яру великомъ (?) крѣпости, прислани.

28. Кокошкинъ пріехалъ зъ Москви. Гуляли у п. асаула енер.

29. Былемъ у коллегіи; зборщицкіе доношенія зъ Лохвицѣ и Лубенъ видѣлъ, о мнѣ и протчіихъ поданніе. У ассессоровъ былемъ. У правителей бувши, промеморію читалемъ натермѣнованную о грошахъ взятихъ въ походъ п. родичомъ. Тамъ же бувши, Кочубей и Трощинскій читали указъ, зъ коллегіи данній имъ. о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ.

30. У брегадира банкетъ бувъ, понеже брата его Андрея Лукича именини, где и я былъ. Прежде въ дому. потимъ, когда и Карпѣка прійшолъ, ездившій въ полкъ лубенскій—ревѣдовать невисланнихъ козаковъ въ походъ низовій и зъ оного утекшихъ, и указъ, себѣ данній зъ канцелляріи, отдалъ мнѣ. Отъ Василя Кочубея бувъ его человѣкъ Кованка и указъ, зъ коллегіи данній ему, о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ показовалъ, по которомъ писалемъ во

Библиотека "Руниверс"

всѣ сотнѣ, чтобъ реестровани були футерѣ и остановка бъ отъ старшини не была ни въ чемъ. Комаровскій довжицкій бувъ у мене.

1. (Декабрь). Недѣля. Писалемъ укази до сотниковъ глинского, лубенского, и чигир.-дубровского о присланію вѣденій о козакахъ, пошовшихъ въ низовій походъ. Обѣдалъ у ясневел. По обѣдѣ булъ у брегадира, где играли въ карти Румянцовъ и проч.

2. У прокурора рано былъ, когда принесено къ ему писмо отъ коменданта стародубовского Пашкова, о полковникахъ великороссійскихъ, будто пріехавшихъ до Стародуба, зъ прошеніемъ о извѣстіе о семъ. У правителей бувъ и о 100 рубляхъ зъ дому родителского на церковъ Кіевопечерскую говорилемъ, жеби онихъ не править. Горѣлки куховъ 3 еще взяли въ Сварковъ на шинкъ: Плетюнцѣ одна, а 2 Забарѣ, замѣнювать на жито. П. п. Скоропадскій и седневскій сотникъ обѣдали у мене и сами исти себѣ варили, за отлучкою въ Ясманъ кухара.

3. Дацѣй лукомскій явился. Румянцовъ, брегадиръ и протчіе були у ясневел. и чарокъ по 10 випивши водки, пойшли на обѣдъ до Кошелева, а ясневел. поехала въ Гамалѣевку. Желязо зъ Ромна пріехалъ и привезлъ унѣверсали на села, данніе родителю моему, а отъ Билима писмо о магазенахъ, зъ прошеніемъ наставленія. Отвѣтъ учинивши на 3 чолобитніе Кодинченка, Петра Кривого, лукомского, и Надсуленка, козака горошинского, послалемъ до ассессоровъ суду енер., а тіе всѣ чолобитчики отехали въ доми своя.

4. Федоръ Ивановичъ Протасіевъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ въ дворѣ сотника глух. Онъ же и Румянцовъ зъ брегадиромъ и протчіими, на вечеринцѣ, у мене долго просидѣли.

5. У Протасіева рано былемъ. Лезовскій пріехалъ зъ жидовкою обложковскою, которая за горѣлку отдала грошей 5 рублей Остапови, а болшъ 20 рублей на ней есть. Алексѣецъ за побитте его, Лезовского, наказанъ. У ключника взялемъ грошей рибпихъ 50 рублей.

6. Ключникъ рано наказанъ бувъ. Рано у брегадира былемъ и розговорувалемъ зъ нимъ о Свѣчцѣ Лукяну и картѣ отъ его теперъ данной, да зъ нимъ же пойшолъ до Румянцова, где чли указъ новій о коронацѣи государинѣ імператрици. Тамъ же брегадирови

Библиотека "Руниверс"

говорилемъ о денгахъ печерскихъ 1000 рублей, которіе доправлялъ на дому родителскомъ, о 100 рубляхъ, которихъ старшина сперал-ная доправляетъ. У п. Кондзеровского обѣдалемъ, а оттоль бувъ у брегадира. Комаровскій поехалъ.

7. Листъ зъ Ромна отъ Билима о заплатѣ годовой полковимъ и вѣденіе о числѣ онихъ принесенни. Отъ писара цедула о томъ же, отъ родителки о зборщикахъ лубенскихъ, обнешихъ въ коллекгіи насъ, будто имъ возбраняли зборовъ збырать; отъ Тарновского—о курѣнчикахъ козакахъ, чтобъ по унѣверсалу родителскомъ привернуть и о забраномъ на городъ полю отъ проступника его жъ курѣнчика. Въ Роменъ писалемъ до родителки, до Билима и Савѣцкого писара отвѣтъ о заплатѣ годовой, до самаго Билима о магазенахъ. Доношеній двое, одно о магазенахъ, другое о заплатѣ полковимъ служителямъ, послалемъ черезъ Комаровского въ вой. енер. канцелярію, якіе онъ Валкевичу и отдалъ. Онъ же принюсъ листъ правителскій о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ. Дацѣй зъ березняковскими людми помирился. Писаръ кампанѣйскій полку Тонконога бувъ у мене зъ унѣверсаломъ правителскимъ о видаванню провіянта и фуража товариству ихъ, въ полкахъ гадяцкомъ и лубенскомъ. Василь Дацѣй повинную намъ далъ, а я далъ листъ до сотника наказ. лукомского, о защищеніи его отъ безчестячихъ его.

8. Неделя. Послали укази во всѣ сотнѣ о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ черезъ лукомского сторожа и Крутка. Шинкара жида въ Обложки приняли и меду мѣрницю дали. Зъ п. Федоромъ, писаревичомъ (Савичемъ), видѣлся и въ насъ обѣдъ кушалъ. Матяшу березняковскому писмо до сотника наказ. луком. далъ о раздѣленню 10 копъ и на другихъ, до отплачення Дацѣеви.

9. Рано бувъ я у Румянцова, а оттоль у церкви Анастасіевской; послѣ оттоль зъ п. Скоропадскимъ пріймли до дому обѣдать, когда п. судѣная и Кондзеровская у насъ обѣдали. Рано задатку садовничому далемъ рубля нѣмцеви. По обѣдѣ пойшлисмо вкупѣ до сотника глуховского, пріймовавшого всѣхъ, где у карти игравши зъ Румянцовимъ, на мѣстцу Протасіева, програлемся.

Библиотека "Руниверс"

10. Юдка Якубовичъ, жидъ, бувши у мене зъ своимъ швакгромъ, жидомъ Иллею обложковскимъ, моимъ шинкаремъ, поручился и карту поручную далъ.

11. Караулъ поставленъ у дворахъ чернѣговского [1]), судѣ и писара енер. Валкевичъ за караулъ посаженъ. Сенецкій сотникъ зисканъ и Галецкій въ Глуховъ, и послани въ С. П. Бурхъ.

12. Молодикамъ далемъ вмѣсто футра 100 зол. и щось (?). Подѣ за давнее вино заплатилемъ 16 зол. Ясневелможная зъ Гамалѣевки пріехала въ Глуховъ.

13. Александеръ Івановичъ Румянцовъ зъ Протасіевимъ поехали зъ Глухова въ Стародубъ. П. Яснополскій, господаръ ясневел., пріехалъ зъ С. П. Бурху въ Глуховъ.

14, Полковникъ нѣжинскій у себе бувъ и ми у его, где сотникъ глуховскій и отаманъ були. Пива полварў зварили. Листи родителскіе зъ крѣпости св. Креста принесенни въ Глуховъ.

15. Неделя. Брегадиръ зъ коллекгіи бувъ у ясневел., оттуду въ свою квартиру пошолъ, за которимъ и я ходилъ и просилъ его о уволненне себе отъ правленія сего полкового. Кушалъ у ясневелможной. Въ дому засталемъ п. Добронизкого.

16. Остапу на росходи далемъ зол. 100. Должнихъ казалемъ ему жъ отнесть до сотника глухов. зол. 75, якіе для того и отдалемъ ему. Рублей 10 Степану Солодовнику далемъ же до прежнихъ 9 зол. даръ (?) его Комаровскому 10 зол. за контерфектъ [2]). Взялемъ рибнихъ грошей у Василя ключника зол. 100. Поехалемъ, не обѣдавши, въ Роменъ и пріехалемъ на ночъ въ Камень, куда и Романъ молодикъ зъ будками пріехалъ.

17. Черезъ Романа, молодика, писалемъ до паней о господареви бывшомъ и о Антону кухареви. Поехавши рано, обѣдалемъ на степу, а на ночъ пріехалемъ въ Роменъ позно уже, куда и родителка зъ Луки позно жъ пріехала.

18. Воску 2 кружки отобралемъ тутъ. Писалемъ въ сотню лубенскую о лѣсѣ на магазеинъ, и въ лукомскую—о безчинникахъ све-

---

[1]) Т. е. у черниговскаго полковника Полуботка.

[2]) Т. е. за написаніе портрета.

Библиотека "Руниверс"

вернихъ (?) проявившихся. До того воску еще круговъ 2 болшихъ и 2 малихъ осмотрувалемъ своего, и когда весь зважили воскъ, показалось всего 71 фунтъ, у 6 кружкахъ малихъ и великихъ.

19. Видѣлемся на Засуллю зъ Кочубеемъ. Отписалемъ до капитана о магазенахъ, у Веремѣевку, и того жъ дня опродѣлилемъ комиссара къ тому жъ строенію Івана Остапенка. Писалемъ до лубенского сотника о лѣсѣ. Тако жъ до сотниковъ писалемъ о моемъ скоромъ въ Глуховъ отездѣ, и щобъ посѣтили мене по обикновенію по святахъ заразъ, для отезду моего скорого обявлялемъ.

20. П. Михаило Скоропадскій проехалъ рано черезъ Роменъ, зъ Глухова, до Сорочинецъ. Івана Остапенка вислалемъ зъ Ромна комисаромъ до магазеновъ, въ Веремѣевку. Въ канцеллярію енеральную послалемъ вѣденіе о маетностяхъ змѣнничихъ. Въ коллегію малороссійскую послалемъ доношеніе о магазенѣ—отколь брать драпь и дерево и работникамъ чимъ платить. А послали черезъ мѣского козака. Ісаия Сухаревъ, подполковникъ, проехалъ черезъ Роменъ до Бурокъ [1]) для арешту. Гаврила послалемъ за ланцужкомъ золотимъ у 40 червонихъ, которій взялъ жидъ робити; на заплату далемъ ему грошей рублей 5.

21. Зъ коллегіи принесенъ указъ о присланню щетчика. Коммунѣковалемся сст. таинамъ. Родителка до Бубнувъ поехала.

22. Неделя. Писалемъ до Орановского, въ отвѣтъ объ інтерессѣ горошинскомъ. Отецъ Захарія, кіевскій ст. Михайловскій, бувъ у мене и кушалъ. Родителка зъ Бубновъ пріехала.

23. Родителка даровала хребтовое лисее футро. Пару юхтъ купилемъ. Михайло Перехристенко бувъ и листъ отъ отца Гавріила зъ П. бурху далъ и книгу системму махометанской вѣри принеслъ отъ его и прошку ревелского.

24. Зборщиковъ новихъ лубенскихъ и щетчика, давши ему доношеніе, объ немъ же до коллегіи писанное, отправилемъ въ Глуховъ. Павелъ кгрекъ роменскій за матеріи, данніи ему на продажъ, принеслъ грошей зол. 77, а еще якоби, по словахъ его, остался виноватъ зол. 100.

[1]) Разумѣется мѣстечко Борки, принадлежавшее генер. судьѣ Чарнышу.

Библиотека "Руниверс"

25. Писма отъ зборщиковъ лохвицкихъ 1, а другое отъ Михайла ревѣзора о заплатѣ за кола etc., а третее отъ атамана чигиринъ-дубровского принесенни. Оберъ комисаръ Бакіевъ у вечеру бувъ и просидѣлъ долго.

26. Принесенъ указъ зъ войсковой канцел. зъ печатнимъ указомъ о коронацѣи імператрици и тогда жъ оній прочитанъ зосталъ въ церквѣ. Тако жъ другій получилемъ указъ о присилкѣ въ зборщики посполитихъ, а не козаковъ. И отвѣтній листъ зъ канцелляр. получилемъ о принесенномъ туда вѣденіи мастностей измѣнничихъ. Обѣдали у насъ Полянскій, Бакѣевъ и пр. Зъ Кіева Маленикъ пріехалъ.

27. *(Оторвана часть листа).*

28. Родителка рано отехала въ Глуховъ. Тако жъ рано и п. Скоропадскій отехалъ. Сотники чорнускій, пѣратинскій и лукомскій попріезди. Отецъ Пясецкій, красногорскій намѣстникъ, пріехалъ.

29. Неделя. Далемъ рано осподареви Андрееви зол. 40 на купленне солоду, а еще 40 послать въ Харковъ, Хведчуну, а 10 зол. на справленне барилъ. 20. Укази два, 1) о публѣкованню печатного о коронацѣи гсд. імператрици, а другій, о присланню въ зборщики посполитихъ, подписалемъ и послалемъ. П. писареви отдалемъ вѣденіе о селахъ ратушнихъ. Пріехалемъ зъ Ромна на обѣдъ въ Смѣлое, а на ночъ въ Камень.

30. Зъ Камена поехавши, пріехалемъ на обѣдъ въ Тулиголови, где усмотрѣлемъ въ імбарѣ куховъ 2 повнихъ, а въ третой 2 носатки, а въ росходной—зъ двѣ. Жита около 30 четвериковъ привезено зъ Сваркова зсипного. Въ бутурлимовскимъ млинѣ розмѣру два полубочка повнихъ жита. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

31. Взялемъ у Василя ключника рибнихъ грошей рублей 15, а шинковихъ за 2 кухви горѣлки, которіе носатками Забара роздавалъ, 36 рублей. Тіе жъ всѣ денги Остапови на расходи отдалемъ.

Протоколъ домашній, на рокъ 1724 заведенный.

Януар. 1. Купилемъ на мѣстѣ рукавички, за копу, сѣбирками подшитіе. Извѣстилемся, что Лукянъ Свѣчка вчорайшого дня пое-

Библиотека "Руниверс"

халѣ до Семена Лизогуба, въ Андрѣевку, и зъ нимъ въ одной былѣ тутъ, у Глуховѣ, господѣ.

2. Въ коллекгіи былемъ, где брегадиръ взглядомъ магазеиновъ предлагалъ мнѣ, что остановка отъ полку лубенского учинилась. Опредѣлилемъ п. Зарудного въ всѣ сотнѣ о магазейнахъ ехать и спросить объ остановцѣ въ онихъ старшину, которому інструкцѣя дана.

3. Бувъ у коллекгіи. Обѣдали у насъ п. п. суддѣная и асаулиная енералніе, зъ родителкою, когда приходила Ткачиха нѣякаясь, упоминаючись о дерево, взятое во время погорѣлого будинку. У Кошелева зъ п. Миклашевскимъ бувъ и торгъ учинилъ ведлугъ крестянина его, за 50 рублей. Полковникъ нѣжинскій пріехалъ въ Глуховъ.

Родителка зъ Глухова отехала рано. Сухаревъ повернулся. У брегадира рано былемъ и тогда жъ его пожекгналемъ. Грошей рублей 40 у ключника было въ тотъ часъ. Поехалемъ зъ Глухова въ Камень, на ночъ; ехалемъ часовъ полъ 5.

5. Неделя. Поехавши оттуду, пріехалемъ на ночъ въ Роменъ.

6. Пріехала родителка, зъ Глухова, рано. Провіянтъ-мейстеръ Голенищевъ привезлъ зъ собою писмо отъ Полянского ко мнѣ, зъ Ахтирки отпущенное, о томъ, чтобъ провіянтъ и фуражъ посилать зъ сеей сотнѣ въ Ахтирку, на коммиссаріатъ.

7. Черезъ сторожа лубенского послалемъ доношеній 2 въ канцелярію, одно—о безчинникахъ и о вѣденіи сѣлъ ратушнихъ посилаючомся, а другое о требованіи Полянского, оберъ-криксъ комисара, вчорайшого дня принесенномъ въ писмѣ; черезъ его жъ писалемъ до Кошелева, полковника, о крестянину, сторгованномъ за 50 рублей, и до жени моей, о многихъ домашнихъ інтерессахъ. До капитана чорторизского и до Остапенка въ Веремѣевку писалемъ о магазенахъ, отвѣтуючи и Остапенка наказуючи. О присилцѣ туда тертичниковъ писалемъ въ сотнѣ лубенскую и чорнускую. О виданню для посилокъ Остапенку козаковъ, писалемъ въ Чигиринъ-Дуброву. О присланню сюда сторожовъ поліовихъ писалъ въ сотнѣ лукомскую, лубенскую, лохвицкую и пѣратинскую. До городничого смѣлянского

Библиотека "Руниверс"

писалемъ, жебы онъ посылалъ зборщиковъ въ Глуховъ, о томъ же и до атамана писалемъ. Отписалемъ до Полянского, въ Ахтырку. на листъ его зъ прошеніемъ объ отставцѣ. Тожъ, чтобъ въ Ахтырку отсоль не возти провіянту, але близше бы опредѣлено было для того якое село или место. Сотника Данила виправилемъ на встрѣчъ противъ Румянцова.

8. Купилемъ меду вѣдерокъ 10 и полвѣдерка ценою по 8 зол., у людей санджаровскихъ. Выехалемъ зъ Ромна зъ полночи 1 години, въ Лохвицю, стрѣтить Румянцова.

9. Пріехалемъ свѣтомъ у Лохвицю, где у полковника Шереметева былемъ и у п. Павловой, а оттоль зразъ поехалемъ у Івахники; на дорозѣ стрѣлемся зъ п. Стефаномъ Гамалѣею, ехавшимъ въ полкъ гадяцкій для ревизѣи. Пріехалемъ у Івахники, у обѣднюю годину, отколь у вечеру виехавши къ Жабкамъ, якби у версту, ночною добою, стрѣтилемъ господина Румянцова, и вечѣру кушали, уготованную мною, тамъ же, когда и Протасіевъ пріехалъ. У Лохвицю Зарудного отправилемъ повторе.

10. Рано зъ Івахниковъ поехали, пріехали въ Лохвицю рано жъ, и заехали въ квартеру полковника Шереметева и, тамъ по чарцѣ водки випивши, отехалъ Румянцовъ въ Сенчу, на обѣдъ, а я, отпровадивши его за 3 версти, вернулся назадъ, до п. Павловой, а оттоль поехалемъ въ Луку, а оттуду на ночъ въ Токарѣ.

11. Зъ Токаровъ поехалемъ рано и пріехалемъ на обѣдъ въ Андрѣевку; тамъ получилемъ писмо отъ чернуской старшини о зборщикахъ и тертичникахъ и отписалемъ къ ней, жебы такъ тертичниковъ 4 у Веремѣевку, яко и зборщиковъ 2 въ Глуховъ, посилани были немедленно. Писалемъ и до Михайла ревизора о податѣ зборщикамъ лохвицкимъ, писавшимъ объ оной до родителки, жебы заплатилъ. Глинскій Василь видѣлъся зо мною тамъ же. Поехалемъ оттуду въ Куцупѣевщину и оглядалемъ своихъ воловъ, которихъ, сказалъ овчаръ тамошній, числомъ 29. На ночъ пизно пріехалемъ въ Роменъ.

12. Неделя. Получилемъ писмо зъ канцеллярій о зборщикахъ, за подписомъ колежскимъ. Зъ Пѣратина писано о зборщикахъ зъ

Библиотека "Руниверс"

посполитихъ невинаходячихся. Зъ Веремѣевки отъ капитана писано, что дерева и работниковъ нѣтъ, тако жъ и отъ комисара Остапенка о томъ же и о протчемъ.

13. Черезъ Григорія Манджоса указъ посланъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ зборщиковъ зъ посполитихъ въ Глуховъ, и ему жъ дана інструкцѣя и нормъ (?) двухъ доношеній. Черезъ чигиринъ дубровского сторожа посланъ указъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ дерева и тертичниковъ у Веремѣевку. Черезъ его жъ писано до капитана о томъ же и до комисара Остапенка. А объ обсилцѣ до буромского старости капитанови. Черезъ сторожа пѣратинского Божка послано доношеніе въ канцелярію и вѣденія о маетностяхъ ратушнихъ, а въ доношеніи — и о требованіи писменномъ Полянского взглядомъ привозу провіянта и фуража въ Ахтирку, на коммисаріатъ, зъ сотнѣ роменской, предложено. У шинкара тутейшого роменского Дениса грошей взялемъ рублей 10. Козлинъ красних до шоръ пару купилемъ. Михайло, ревизоръ бывшій, прислалъ ко мнѣ вѣденіе взятихъ зборщиками лохвицкими за прошлій 1722 годъ грошей 261 зол., а другое вѣденіе за 1723 годъ, требуемихъ еще ими жъ зборщиками грошей 189 зол. за добра родителскіе, въ лохвицкой сотнѣ обрѣтаючіеся.

14. Черезъ Петра Чернецкого послалемъ въ Глуховъ доношеніе въ коллекгію и грамоту, тако жъ и унѣверсали для обявленія, на села мнѣ данніе, о чемъ до паней, тако жъ до Кошелева, прокурора и Заплатина писалемъ.

15. Черезъ лубенского сторожа послалъ 3 рубля грошей и рецептъ на декоктъ въ аптеку, о чомъ до лубенского атамана писалемъ; до его жъ и о присилцѣ зборщика, вмѣсто Степана, писалемъ. Въ сотнѣ лубен., луком. и чигир.-дубр. писалемъ о компанѣйцяхъ, жебы зъ виборомъ нового окладу, по копѣ за фуражъ, удержатись до указу, поколь зъ Глухова оній получу. До сотниковъ о ихъ прибуттю сюда для пріезду господина Румянцова, писалемъ, совершеннихъ [1]). Ковалямъ роменскимъ грошей рубля далемъ за роботу и на уголле.

[1]) Т. е. до сотниковъ совершеннихъ (дѣйствительныхъ, а не наказныхъ).

Библиотека "Руниверс"

16. П. Федоръ Зарудній повернулся зъ полку въ Роменъ и привезлъ отъ жадной старшини ассекураціи о висилцѣ дерева и протчего въ Веремѣевку, до магазеновъ строячихся. Писмо отъ правителей о присилцѣ зборщиковъ прислано.

17. Писалемъ до прикажчика константиновского, жебы онъ посилалъ зборщиковъ въ коллекгію, въ Глуховъ. О томъ же и до городиского сотника писалемъ. Черезъ Микиту судейского получилемъ письмо правителское о Василю Евраху, лубенскомъ жителеви. Черезъ его жъ получилемъ указъ за подписомъ коллежскимъ и правителскимъ, о иноку Рѣшилову, которій посланъ за капитанами чили расколщиками, жебы ему помоществоване чинить. Василь Дяченко повернулся зъ Кіева и привезлъ зъ собою листъ отъ войта кіевского до правителей, и росписку зъ майстрату тамошнего о принятихъ денгахъ тамъ въ Кіевѣ отъ него 5000 зол., на церковъ печерскую. Федоръ Іванов. Ушаковъ, отъ гвардіи капралъ, зъ С.П.Бурху едучи до господина Румянцова, заехалъ ко мнѣ и, посидѣвъ мало, поехалъ въ Гадячъ. Іоска Шимка коммиссаромъ въ Веремѣевку до магазеновъ послалемъ.

18. Зборщикъ роменскій повернулся зъ Глухова и привезлъ грошей отъ паней моей 150 зол. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ доношеній двѣ въ вой. енер. канцеллярію, одно — о новомъ требованіи компанѣицевъ по копѣ за фуражъ, а другое — о посланномъ вкупѣ поручномъ доношеніи лубенской сотнѣ о щетчику. Послалемъ въ сотнѣ указъ о вистатченню деревъ еще такого числа, якъ прежде, у Веремѣевку до магазеину. Слюзиха явилась о денги упоминаючись. Подводи зъ Сухоносовки прійшли въ Роменъ 4, на которихъ привезено бочку орѣховъ, да яблукъ возъ, да мяса свинного. Они жъ принесли два глеки мидянихъ. Климъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

19. Неделя. Панове сотники лохвицкій и городискій цѣліе и наказній пѣратинскій пріехали въ Роменъ. Господинъ подполковникъ Андрей Семен. Кропотовъ до господина Румянцова зъ Борзни поехалъ и, въ Ромнѣ бувши, зайшолъ къ намъ и посидѣлъ. Отъ писара хоружовского получилемъ отвѣтное писмо на листъ мой до

Библиотека "Руниверс"

прикажчика о зборщикахъ писанній, же прикажчикъ зъ старими зборщиками самъ поехалъ въ Глуховъ. Отъ Григор. Манджоса получилемъ писмо о зборщикахъ. Поехалъ Ющенко въ Гадячъ.

20. Зборщики городскіе, явившись у мене зъ доношеніемъ о себѣ тамошней старшини, поехали въ Глуховъ. Зъ крѣпости отъ род(ителя) писма принесенни зъ Будокъ тамошнимъ человѣкомъ. Отъ капитана Чарторизкого зъ Веремѣевки и отъ нашого комисара писма принесени о непривозѣ зъ жадной сотнѣ деревъ туда по 14 число генваря.

21 Въ Глуховъ послалемъ писма до правителей о константиновскихъ зборщикахъ и о городискихъ посланнихъ. До прокурора зъ поздравленіемъ въ капитанахъ и до паней. Григор. Манджожъ повернулся и отвѣтъ старшинъ о зборщикахъ привезлъ.

22. Писалемъ до коммисара Шимка въ Веремѣевку и послалемъ къ нему вѣденіе опредѣленного дерева и работниковъ зо всѣхъ сотень до ма(га)зеину. Человѣкъ процювскій, посиланній до Федчуна зъ грошми 40 зол., повернулся назадъ и гроши привезлъ зъ собою, не випайшовши его. До сотниковъ наказ. лукомского, чигир., глинского и смѣловского о прибитіи ихъ сюда, писалемъ, тако жъ и до чорнуского о зборщикахъ чорнускихъ. Черезъ презенти послалемъ зъ листомъ п. писара до юсковского отца Савѣцкого 300 зол. Слюзисѣ.

23. Зъ Веремѣевки пріехалъ козакъ зъ писмами капитанскимъ и комисарскимъ, зъ которихъ въ послѣднемъ пишетъ, что дерево привозить треба туда тросаженное. Отъ господина брегадира Румянцова принесено писмо, чтобъ старшина вся была въ Роменѣ собранна, тако жъ и козаковъ, со всякой сотнѣ по 50 человѣкъ, и дожидались его въ Ромнѣ, а листъ его отправленъ зъ Полтави 19 д. генваря. Того жъ дня и отправили укази во всѣ сотнѣ, черезъ сторожа пѣратинского, о прибуттю сюда старшинъ и козаковъ. Черезъ его жъ послани укази и о присилцѣ дерева, якъ и прежде писано, до Веремѣевки, на магазейнъ. Особливо работниковъ, жеби, кромѣ тертичниковъ, было числомъ [illegible] особливо кроковъ и латъ, а именно: зъ смѣловской сотни, работниковъ 3, зъ роменъ 8, а зъ глинской 4.

Библиотека "Руниверс"

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Библиотека "Руниверс"

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Азовцы. IV—V. (Окончаніе). П. П. Короленко. (171—194).

II. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). IX. (195—211).

III. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Н. В. Шугурова. (212—236).

IV. Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. VIII. Г. В. Есипова. (237—253).

V. Публичная библіотека въ Житомірѣ. (по поводу ея 25-ти лѣтія). В. Ѳ. Боцяновскаго. (254—283).

VI. Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в. (Документъ 1743 г.). А. Л. (284—298).

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Разсказъ о Шелудивомъ Бунякѣ. Р. Л. Н. Архивная справка о моровой язвѣ въ Кіевѣ 1770—71 гг. Ал. Андріевскаго. Къ объясненію малорусскихъ гаданій. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Преданіе о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго у.). Сообщ. И. Ф. Б—скій. Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьев. Разумовскаго между сыновьями. А. Л. Къ повѣрьямъ о „богатыряхъ“. И. М—ра. (299—326).

VIII. Библіографія. Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества, т. 3-й. И. М. Каманина. К. Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи. 2-е изданіе. П. Г. Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элемент. курсъ. П. Г. Каталогъ военно-учебнаго архива главнаго штаба. А. Л. „Славянскія извѣстія“ о „заграничной Руси). Ир. Ж—каго. Отвѣтъ моему рецензенту. А. Леонтьева.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1891.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, нерологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Библиотека "Руниверс"

АЗОВЦЫ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

IV.

Государственная служба азовскаго козачьяго войска.— Войсковыя заслуги.

Первая служба запорожцевъ по выходѣ ихъ изъ за Дуная въ Россію въ 1828 году, въ составѣ дунайскаго полка, была въ предшую тогда войну съ Турціей.

Запорожскіе козаки, знавшіе въ совершенствѣ устья Дуная, много способствовали къ указанію болѣе удобныхъ мѣстъ для переправы русскихъ войскъ за границу въ турецкіе предѣлы.

Мѣстомъ переправы русской арміи чрезъ Дунай избранъ былъ старый земляной валъ на Дунаѣ близъ Исакчи, къ которому построена была съ нашей стороны чрезъ болота плотина версты на четыре въ длину. Работы по устройству плотины замедлялись сильнымъ разлитіемъ рѣки. Турки съ своей стороны укрѣпили берегъ противъ строившейся переправы. Эту позицію непріятеля защищали поставленныя на берегу батареи и прилегавшія непроходимыя болота. Не видя на нашей сторонѣ флотиліи, турки считали переправу нашихъ войскъ по сильно разлившемуся Дунаю невозможною.

Ко времени назначенной Государемъ переправы русской арміи для дѣйствій за границу атаманъ запорожцевъ Гладкій секретно передвинулъ отъ Измаила свои лодки, посадилъ въ

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 7.

Библиотека "Руниверс"

нихъ своихъ безстрашныхъ козаковъ; а кромѣ нихъ сѣли еще егеря на нѣсколько собранныхъ въ ближайшихъ притокахъ мелкихъ суденъ и на разсвѣтѣ 27 мая этотъ передовой отрядъ смѣло пустился по быстрымъ и бурнымъ волнамъ Дуная къ турецкому берегу. Смѣлые и удалые запорожцы, пропустивъ впередъ егерей, двинулись за ними, но управляя искусно своими остроносыми *чайками*, обогнали егерей и первыми достигли противоположнаго берега Дуная. Тутъ, врѣзавшись въ топкое болото, они привлекли на себя вниманіе турокъ, направившихъ на нихъ первый свой огонь изъ батарей; тѣмъ временемъ подоспѣли и егеря. Командовавшій этимъ десантомъ генералъ-маіоръ Киселевъ, достигши турецкаго берега, долженъ былъ камышами пробираться по прибрежнымъ болотамъ въ бродъ до твердой земли. Турки съ ожесточеніемъ набросились на запорожцевъ съ егерями, которые принуждены были защищаться отъ непріятеля холоднымъ оружіемъ. Государь императоръ, лично наблюдавшій за ходомъ переправы, направилъ чрезъ Дунай изъ нашихъ батарей пушечные выстрѣлы въ густыя толпы турокъ, препятствовавшихъ высадкѣ нашего передоваго отряда на турецкомъ берегу. Начавшаяся такимъ образомъ переправа нашихъ войскъ лодками чрезъ Дунай на турецкую сторону продолжалась пока былъ наведенъ мостъ на надлежащемъ мѣстѣ для перехода русской арміи и къ 11 часамъ турецкій берегъ былъ уже въ нашихъ рукахъ.

Велика была заслуга запорожцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но не меньше была и милость къ нимъ русскаго Монарха, цѣнившаго высоко доблести и усердіе своихъ новыхъ подданныхъ козаковъ. Въ день переправы войскъ чрезъ Дунай Николай Павловичъ пожаловалъ Гладкому сразу чинъ полковника и георгіевскій крестъ, а десяти особенно отличившимся запорожцамъ, въ числѣ которыхъ были и раненые, знаки отличія военнаго ордена св. Георгія; всему же Дунайскому полку запорожцевъ знамя съ надписью:—„За храбрость и усердіе, оказанное при переправѣ чрезъ Дунай 27 мая 1828 года“.

На другой день, 28 мая, Гладкій удостоенъ чести переправить на своей атаманской лодкѣ Государя Императора съ

Библиотека "Руниверс"

двумя генералами чрезъ Дунай на турецкій берегъ къ русскимъ войскамъ. Самъ Гладкій, въ полковничьихъ эполетахъ съ георгіевскимъ крестомъ, сталъ у руля, а десять запорожцевъ, украшенныхъ знаками отличія военнаго ордена, взялись за весла. Смѣло и дружно двинули запорожцы атаманскій челнъ по бушевавшимъ волнамъ разлившагося Дуная и понеслись впередъ стрѣлой. Монархъ не побоялся ввѣрить свою особу въ руки людей, бывшихъ нѣсколько дней назадъ врагами Россіи, но за то и запорожцы были въ большомъ восторгѣ отъ такого довѣрія къ нимъ Государя. Они постоянно восклицали:—„Мы и вси нашы товарыши твои.... нашы душы, наша жизнь, наша кровь, все твое!...“ Въ тотъ же день и на той же лодкѣ Государь благополучно возвратился съ Гладкимъ на нашъ берегъ Дуная.

Война съ Турціей окончилась, запорожцы образовали изъ себя азовское козачье войско и правительство назначило имъ соотвѣтствующую ихъ отвагѣ и безстрашію службу.

Командиръ черноморскаго флота адмиралъ Лазаревъ во время занятія черноморской береговой линіи нашими укрѣпленіями предложилъ проектъ завести въ нашей прибрежной флотиліи малыя суда, болѣе всего пригодныя гоняться за турецкими кочермами, пробиравшимися секретно съ контрабандой къ черкескимъ берегамъ. Турецкіе контрабандисты доставляли въ то время закубанскимъ горцамъ не только предметы необходимые для жизни, но даже и боевые припасы, необходимые для войны съ русскими. На проектированные баркасы Лазаревъ думалъ посадить запорожцевъ, тогдашнихъ азовскихъ уже козаковъ, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ и могущихъ этой службой принести большую пользу правительству.

Такой проектъ Лазарева удостоился одобренія высшей правительственной власти и азовцамъ была назначена морская служба на построенныхъ военныхъ баркасахъ для крейсированія у восточныхъ береговъ Чернаго моря.

Азовскіе баркасы были вооружены фалконетами, ходили на 12 веслахъ съ рулемъ и имѣли парусъ. На этихъ баркасахъ азовцы транспортировали на береговой линіи военные грузы

Библиотека "Руниверс"

между укрѣпленіями, возили пассажировъ съ береговъ къ пароходамъ и обратно, а также доставляли служащихъ лицъ въ укрѣпленія вдоль береговой линіи и при всемъ томъ слѣдили за турецкими кочермами, чтобы не допускать контрабандистовъ пробираться къ горцамъ для торговли запрещенными товарами.

Азовцы на гребныхъ судахъ издавна были отличными моряками. Ихъ не пугали ни темныя ночи на волнахъ моря, ни страшные морскіе буруны, бросавшіе утлые баркасы, какъ щепки, по своимъ гребнямъ. При искусной лавировкѣ ужасные морскіе валы не крыли азовцевъ, большая опытность старыхъ запорожцевъ и умѣнье ихъ передавать свою беззавѣтную храбрость и отвагу всѣмъ прочимъ молодымъ козакамъ помогали имъ бороться и съ сердитымъ моремъ, и съ вооруженнымъ врагомъ. Привычнымъ глазомъ козаки издали замѣчали едва замѣтныя точки, изъ которыхъ впослѣдствіи выростали контрабандныя суда, рѣдко уходившія отъ рукъ козаковъ.

Азовская войсковая баркасная команда состояла: изъ начальника, имѣвшаго штабъ-квартиру въ Сухумѣ, 16 офицеровъ, состоявшихъ на службѣ при баркасахъ, и 400 чел. рядовыхъ козаковъ. На каждомъ баркасѣ находилось по 20—30 чел. съ особымъ командиромъ, назначавшимся изъ самыхъ опытныхъ мореходовъ. Между послѣдними особенно отличался отважный и безстрашный Бараховичъ. Есть множество дѣлъ по штабу береговой линіи, свидѣтельствующихъ о его молодецкихъ дѣлахъ въ погонѣ и поимкѣ контрабандистовъ. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, разсказанный Филипсономъ.

„Однажды (Бараховичъ), отправившись на своемъ баркасѣ изъ укрѣпленія Навагинскаго въ укрѣпленіе св. Духа провожать проходившій туда другой баркасъ, увидѣлъ противъ устья р. Вардане черкескую галеру, отдалявшуюся отъ берега и шедшую, какъ казалось, на разбой въ Абхазію. Бараховичъ успѣлъ стать между берегомъ и галерою и рѣшился ее атаковать. На галерѣ было человѣкъ 40 горцевъ, а у Бараховича было на двухъ баркасахъ 32 козака, но на носу каждаго баркаса было по одному 3-хъ фунт. фалконету. Во время перестрѣлки козаки замѣтили другую галеру, шедшую отъ берега на помощь атакованной.

Библиотека "Руниверс"

Бараховичъ рѣшился идти на абордажъ. Вѣроятно, послѣдніе пушечные выстрѣлы были удачны на близкомъ разстояніи: у горцевъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которые стѣсняли дѣйствіе другихъ. Галера была взята и потоплена, 21 горецъ взятъ въ плѣнъ. Это сдѣлано было такъ быстро, что другая галера не успѣла еще подойти и, видя гибель своихъ товарищей, вернулась къ берегу, козаки ее преслѣдовали, но не догнали".

Баркасная служба азовскихъ козаковъ на Черномъ морѣ продолжалась до упраздненія черноморской береговой линіи въ 1854 году. Крымская война заставила русское правительство снять береговыя укрѣпленія. Вмѣстѣ съ выведенными изъ этихъ укрѣпленій гарнизонами переведены въ Новороссійскъ и азовскіе баркасы. Находившаяся на нихъ команда азовскаго войска причислена была къ новороссійскому гарнизону, присоединенному по упраздненіи Новороссійска къ отряду войскъ, дѣйствовавшихъ противъ непріятеля въ продолженіе крымской войны. Кромѣ этого изъ азовскаго войска былъ еще сформированъ одинъ пѣшій батальонъ, участвовавшій въ военныхъ дѣйствіяхъ въ эту же войну. По окончаніи войны азовскій батальонъ былъ распущенъ и вновь назначена команда на прежнюю баркасную службу у береговъ Чернаго моря. Службу эту азовцы продолжали до 1864 года, а въ этомъ году замѣнены чинами морскаго вѣдомства. Азовская морская команда, уволившись съ баркасовъ, прибыла въ Петровскъ (посадъ), откуда распущена по домамъ по случаю переселенія азовцевъ за Кубань.

При штабѣ азовскаго войска, въ Петровскомъ посадѣ, въ качествѣ мѣстнаго войска, за время его существованія находилась постоянно учебная команда изъ лучшихъ офицеровъ и козаковъ.

Вотъ и всѣ строевыя части азовскаго козачьяго войска; больше формировать было не изъ кого. Войско это было настолько малочисленно, что по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ кавказскомъ окружномъ штабѣ въ 1857 году, въ немъ считалось всего только 4740 душъ мужскаго пола.

За свои боевые подвиги азовское войско неоднократно удостоивалось почетныхъ наградъ. Такъ. мы уже упоминали, что

Библиотека "Руниверс"

въ 1828 г. дунайскому козачьему полку было высочайше пожаловано знамя съ надписью: „за храбрость и усердіе, оказанное при переправѣ черезъ р. Дунай 27 мая 1828 года.“ На знамя это дана войску грамота 6 декабря 1831 г.

По окончаніи турецкой войны, когда дунайскіе запорожцы приняли уже названіе азовцевъ, императоръ Николай Павловичъ, будучи доволенъ ихъ службой, всемилостивѣйше пожаловалъ азовскому козачьему войску бѣлое знамя съ надписью: „За храбрость и усердіе при переправѣ чрезъ Дунай россійскихъ войскъ въ 1828 году, постоянную преданность и отличную службу.“

Наконецъ азовское козачье войско за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ во время крымской войны, гдѣ азовцы при каждомъ удобномъ случаѣ старались показать себя истинными героями, достойными сынами отечества и предковъ своихъ знаменитыхъ запорожцевъ,—удостоилось особеннаго монаршаго вниманія, ознаменованнаго всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ этому войску, въ награду за боевые заслуги, георгіевскаго знамени съ надписью: „за храбрость и примѣрную службу азовскихъ козаковъ, въ войну противъ французовъ, англичанъ и турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ.“

Въ азовскомъ войскѣ было еще два пернача, изъ которыхъ одинъ, вѣроятно, служилъ булавою кошевому атаману турецкаго запорожскаго коша Гладкому, во время выхода его съ запорожскими козаками изъ Турціи въ Россію.

V.

Переселеніе азовцевъ въ Закубанскій край.—Упраздненіе азовскаго козачьяго войска.

Азовское козачье войско уже по одной малочисленности своей не соотвѣтствовало прочимъ козачьимъ войскамъ ни по военному строю, ни по внутренней организаціи своей; притомъ будучи расположеннымъ вдали отъ границъ государства, оно не имѣло того значенія, какое имѣли поселенія военнаго сословія прочихъ козачьихъ войскъ. При такихъ условіяхъ азовскому

Библиотека "Руниверс"

войску трудно было держаться долгое время самостоятельно. Вѣроятно, запорожцы, заселяя отведенныя имъ мѣста, предвидѣли непрочность своей осѣдлости, если постоянно изъ года въ годъ ожидали переселенія на Кубань,—мечтая соединиться съ своими братьями черноморцами, къ которымъ и прежде немало уходило изъ за Дуная турецкихъ запорожцевъ. Правительство тоже смотрѣло на азовцевъ какъ на временныхъ военныхъ поселенцевъ и для переселенія ихъ избирало только болѣе подходящее мѣсто. Такимъ мѣстомъ представлялся тогда западный Кавказъ, составлявшій границу съ Турціей.

Въ 1837 году государь императоръ, обозрѣвая уступленную Турціей Россіи черноморскую береговую линію на южномъ склонѣ кавказскаго хребта, изъявилъ высочайшую волю водворить на правомъ мысѣ Геленджинской бухты азовскихъ козаковъ. Воля императора была передана начальнику береговой линіи генералу Лазареву, но послѣдній, опасаясь, чтобы азовцы, переселившись на Геленджинъ, въ сосѣдство враждебныхъ горцевъ, не сдѣлались жертвою войны съ непокорными племенами черкескаго народа, находилъ съ своей стороны весьма полезною одну только ихъ службу на гребной флотиліи у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Особенно онъ восторгался бывшими уже тогда въ дѣлѣ азовскими баркасами, которые при искусномъ управленіи козаковъ мореходовъ, каковыми считались азовцы и черноморцы, и прочной конструкціи были весьма устойчивы въ водѣ. Лазаревъ полагалъ вмѣсто наемныхъ судовъ завести постоянную свою гребную флотилію изъ мелкихъ судовъ для сообщеній между береговыми укрѣпленіями и на этихъ судахъ назначить службу азовскому войску, которое предполагалось переселить на береговую линію.

Занявшій мѣсто Лазарева генералъ Раевскій, имѣя въ виду съ одной стороны волю государя о водвореніи у Геленджина азовцевъ, а съ другой высказанное Лазаревымъ мнѣніе о полезности ихъ постоянной морской службы и неудобство въ морскомъ дѣлѣ кратковременной ихъ очередной службы на азовскихъ баркасахъ, проектировалъ изъ азовцевъ и другихъ переселенцевъ образовать войско *береговыхъ козаковъ*, поселивъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

по всему восточному берегу Чернаго моря въ болѣе удобныхъ мѣстахъ при береговыхъ укрѣпленіяхъ, до предѣловъ Абхазіи, съ назначеніемъ этимъ козакамъ одной морской службы во флотѣ при береговой линіи.

Противъ этого проекта возстало тифлисское начальство и онъ въ Петербургѣ окончательно провалился.

Несмотря на это, правительство не оставляло мысли о переселеніи азовскаго войска въ пограничныя мѣстности Кавказа.

Послѣ неудавшагося проекта переселенія азовцевъ на восточный берегъ Чернаго моря, признаннаго несвоевременнымъ въ виду враждебныхъ отношеній къ намъ горцевъ въ приморской полосѣ,—съ чѣмъ согласился и самъ государь, для нихъ назначалось мѣсто на западной оконечности приморскаго плоскогорья кавказскаго хребта, гдѣ еще раньше графъ Паскевичъ полагалъ водворить ихъ послѣ покоренія закубанскихъ горцевъ. Но переселеніе азовцевъ годъ отъ году откладывалось вслѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій черкесовъ въ этомъ краѣ.

Въ 1843 году военный министръ князь Чернышевъ вновь возбудилъ вопросъ о переселеніи на Кавказъ азовскаго козачьяго войска, на что была воля и государя императора Николая Павловича. Но такъ какъ по запросу только часть азовскихъ козаковъ соглашалась на переселеніе, то его величество не далъ соизволенія на раздробленіе азовскаго войска. Поэтому дѣло о переселеніи азовцевъ на Кавказъ тогда же было прекращено, но не на долго. Въ слѣдующемъ году начальникъ черноморской береговой линіи генералъ Будбергъ представилъ кавказскому корпусному командиру генералъ-адъютанту Нейдгарту проектъ о водвореніи азовскихъ козаковъ въ окрестностяхъ Анапы въ натухайскихъ земляхъ, образовавъ изъ нихъ закубанское козачье войско. Въ представленныхъ по этому предмету Будбергомъ соображеніяхъ были усмотрѣны важные недостатки, изъ которыхъ главнѣйшими считались: назначеніе для поселенія азовцевъ слишкомъ большаго пространства земли, занятой непріятелемъ, и выборъ для нѣкоторыхъ станицъ мѣстъ неудобныхъ для этой цѣли по недостатку воды.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ проектъ Будберга о переселеніи азовцевъ за Кубань опять не удался, и хотя въ началѣ 1845 года послѣдовало распоряженіе отложить это переселеніе, но предположенія на этотъ счетъ правительства не измѣнились.

Прошло еще шесть лѣтъ. Закубанскія дѣла были въ одномъ положеніи. Война съ горцами продолжалась и натухайцы не разъ изъявляли покорность русскому правительству и не разъ измѣняли. Въ это время на Кавказѣ начальствовалъ князь Воронцовъ. Въ 1851 г. онъ представлялся государю въ Елисаветградѣ и его величество въ разговорѣ съ нимъ опять высказалъ прежнее желаніе свое о переселеніи азовцевъ въ окрестности Анапы.

Князь Воронцовъ въ то время заботился о пріисканіи свободныхъ земель подъ поселеніе горцевъ, переходившихъ на нашу сторону съ изъявленіемъ покорности русскому правительству. Услышавши отъ государя положительное желаніе переселить азовское войско на Кавказъ, онъ думалъ воспользоваться тѣми землями, которыя азовцы оставятъ при переселеніи, и устроить на нихъ поселеніе мирныхъ черкесовъ.

Возвратившись въ Тифлисъ, Воронцовъ сообщилъ разговоръ свой съ государемъ объ азовцахъ начальнику черноморской береговой линіи Серебрякову и потребовалъ по этому предмету представленія его соображеній. Серебряковъ, не имѣя въ виду возобновленія заглохшаго уже предположенія Будберга о переселеніи азовцевъ въ окрестности Анапы, велъ въ то время переговоры съ натухайцами объ изъявленіи ими покорности русскому правительству, обѣщая сохраненіе имъ занимаемыхъ земель,—если они согласятся на предложенныя имъ мирныя условія, и только въ противномъ случаѣ угрожалъ изгнаніемъ изъ ихъ земли. Въ виду этого Серебряковъ находилъ необходимымъ до окончанія дѣла съ натухайцами отложить переселеніе на ихъ земли азовцевъ; если же заселеніе намѣченнаго участка натухайской земли требуется безотлагательно, то заселенію этому должно предшествовать изгнаніе оттуда горцевъ. Послѣ чего, переселивъ въ окрестность Анапы азовцевъ, слѣдовало заселять и остальное пространство натухайской земли или переселенцами

Библиотека "Руниверс"

изъ Россіи, или самыми же натухайцами, которые послѣ изгнанія не замедлятъ обратиться съ просьбою о дозволеніи вновь занять свои земли и готовы будутъ принять всякія условія, могущія разомъ подвинуть дѣла, измѣняя общественное устройство горцевъ.

Такое мнѣніе генерала Серебрякова признавалось основательнымъ и вопросъ о переселеніи азовцевъ на Кавказъ опять затянулся. А тутъ подоспѣла крымская война, во время которой не только нельзя было и думать о новомъ заселеніи закубанскаго края, но не представилось возможнымъ удержать тамъ и старыхъ анапскихъ поселенцевъ, разбѣжавшихся во всѣ стороны Россіи послѣ разоренія непріятелемъ ихъ жилищъ.

По окончаніи войны, въ 1856 году правительство вновь начало заботиться о переселеніи азовскаго войска на Кавказъ. По этому поводу военный министръ въ маѣ 1857 года сообщилъ главнокомандующему кавказскою арміею положительную волю государя императора и даже послѣдовавшія высочайшія указанія въ какомъ порядкѣ произвести азовское переселеніе. Но князь Барятинскій не спѣшилъ этимъ дѣломъ, выжидая благопріятнаго времени и обстоятельствъ для приведенія въ исполненіе высочайшей воли. Онъ въ томъ же году, представляя на высочайшее усмотрѣніе свои предположенія о мѣропріятіяхъ къ скорѣйшему покоренію горцевъ и заселенію ихъ земель козачьими станицами, упомянулъ и объ азовцахъ, но только о томъ, что *по малочисленности этого войска оно не можетъ получить отдѣльнаго самостоятельнаго положенія*, но принесетъ большую пользу въ связи съ черноморскимъ войскомъ, если образуетъ приморское населеніе, какъ въ самой Черноморіи на берегу Чернаго моря и при кубанскихъ лиманахъ, такъ и за Кубанью до новороссійской бухты. Въ этихъ мѣстахъ козаки могутъ нести преимущественно морскую службу на своихъ баркасахъ и даже на большихъ судахъ; кромѣ того азовцы, поселенные при кубанскихъ лиманахъ и по берегамъ Азовскаго моря, принесутъ несомнѣнную выгоду промышленности рыболовствомъ и судоходствомъ по Кубани. На такое предположеніе отъ правительства не имѣлось возраженій и Барятинскій, сообщая свои на-

Библиотека "Руниверс"

мѣренія по военнымъ дѣламъ закубанскаго края въ 1859 году начальнику кубанской области, генералу Филипсону, полагалъ, если обстоятельства позволятъ, приступить тогдаже и къ переселенію азовскаго войска, начиная водвореніе азовцевъ съ предѣловъ Черноморіи. Но Филипсонъ отвѣтилъ, что переселеніе азовцевъ слѣдуетъ отложить до окончательнаго устройства Адагумской линіи, замирявшей натухайское племя горцевъ.

Такое выжидательное положеніе протянулось еще нѣсколько лѣтъ. Въ 1860 году натухайскій народъ безусловно покорился Россіи, но въ то же время явилась мысль въ кавказскомъ намѣстничествѣ о перемѣнѣ системы дѣйствій въ закубанскомъ краѣ; рѣшено вести колонизацію на западномъ Кавказѣ не съ двухъ противоположныхъ оконечностей, какъ прежде имѣлось въ виду, а продолжать заселеніе отъ Лабы, съ востока на западъ. Слѣдовательно, вопросъ о переселеніи азовскаго войска на западную окраину черкескихъ земель опять нужно было отложить до времени, пока до этой мѣстности дойдутъ за Кубанью русскія поселенія. Въ Петербургѣ однако настаивали на скорѣйшемъ переселеніи азовцевъ; военный министръ особенно хлопоталъ объ этомъ и писалъ въ Тифлисъ запросы о времени этого переселенія, но князь Барятинскій не спѣшилъ.

Протянулось еще время. На мѣсто Филипсона командующимъ войсками былъ назначенъ графъ Евдокимовъ, которому было поручено вести дѣла на западномъ Кавказѣ, покореніе горцевъ и заселеніе ихъ земель козачьми станицами. На запросъ князя Барятинскаго, когда можно приступить къ переселенію азовцевъ, Евдокимовъ отвѣчалъ, что переселеніе это не можетъ состояться раньше 1863 года, когда мѣста для новаго водворенія азовскихъ козаковъ, пріобрѣвшихъ характеръ морскаго населенія, будутъ указаны по прибрежью Чернаго моря. Барятинскій согласился съ этимъ и полагалъ съ своей стороны не приступать заразъ къ переселенію азовскаго войска на Кавказъ, а выждать пока дѣло колонизаціи закубанскаго края въ горахъ чрезъ 5—6 лѣтъ подвинется впередъ настолько, что можно будетъ лучше ознакомиться съ приморскою полосою, гдѣ устья многихъ приморскихъ долинъ представятъ самыя

Библиотека "Руниверс"

выгодныя условія для водворенія азовскихъ козаковъ и дадутъ полную возможность извлечь наибольшую пользу отъ ихъ спеціальнаго назначенія, о чемъ просилъ военнаго министра доложить государю императору. Его величество, соглашаясь съ мнѣніемъ князя Барятинскаго, выразилъ высочайшую волю, чтобы *предположенное переселеніе азовскаго войска на Кавказъ* приведено было въ исполненіе въ свое время когда по военнымъ обстоятельствамъ кавказскаго края это признано будетъ удобнымъ, но *не всею вдругъ, а съ надлежащей постепенностію въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вызовомъ охотниковъ и назначеніемъ по жребію.* О такой высочайшей волѣ управлявшій военнымъ министерствомъ сообщилъ командующему кавказскою арміею 28 мая 1861 года.

Изъ всѣхъ этихъ предположеній, запросовъ, отвѣтовъ и многосложной канцелярской переписки военнаго министерства, кавказскаго намѣстничества и другихъ второстепенныхъ управленій видно, что правительство находило неумѣстнымъ поселеніе азовскаго козачьяго войска внутри имперіи и старалось передвинуть его на кавказскую границу, находя при томъ, что оно и по малочисленности своей не можетъ существовать самостоятельно. Переселеніе азовцевъ на Кавказъ было рѣшено и вопросъ заключался только во времени. Это время настало при колонизаціи западнаго Кавказа козачьими станицами. За это долгое время колебанія правительственныхъ взглядовъ на азовское войско участь его вполнѣ обрисовалась. Императоръ Николай Павловичъ желалъ переселить азовское войско на другое болѣе подходящее мѣсто цѣликомъ безъ всякихъ раздробленій и не давалъ соизволенія на переселеніе, когда только часть азовскихъ козаковъ того желала. Напротивъ, императоръ Александръ Николаевичъ далъ высочайшее повелѣніе на переселеніе азовцевъ уже не цѣлымъ войскомъ, а постепенно въ нѣсколько лѣтъ, въ томъ порядкѣ, какъ поступали на переселеніе за Кубань семейства изъ другихъ козачьихъ войскъ.

Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ, въ вѣдѣніи котораго находилось азовское войско, подалъ правительству мысль, чтобы изъ

Библиотека "Руниверс"

него вовсе не производить переселеній, ставя азовскихъ жителей на равнѣ съ народомъ внутреннихъ губерній Россіи. Онъ доказывалъ, что азовское войско совсѣмъ не имѣетъ козачьяго элемента, по его словамъ, безсемейные запорожскіе выходцы изъ Турціи въ этомъ войскѣ вымерли, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ глубокихъ стариковъ, отжившихъ уже свой вѣкъ; самое же незначительное молодое поколѣніе ихъ, сложившееся уже при условіяхъ осѣдлой жизни, чуждой прежнему духу отцовъ ихъ и воспринявшее склонности окрестной среды поселенія, сроднилось съ обычаями и духомъ народа, ни въ чемъ непохожаго на сичевыхъ запорожцевъ. Азовское войско, какъ увѣрялъ Строгановъ, само переселенія не желаетъ; переселеніе для него равносильно разоренію. Минуя Николаевскую и Покровскую станицы, населенныя запорожцами, стародубовскіе жители, бывъ разъ переселены изъ черниговской губерніи, только что хорошо обстроились, обзавелись хозяйствомъ и снова должны всего лишиться; еще болѣе переселеніе, по мнѣнію Строганова, было бы несправедливо для зажиточныхъ жителей Новоспасовки и Петровска, существующихъ цѣлое столѣтіе на однихъ мѣстахъ и насильно причисленныхъ въ козачье вѣдомство. Въ виду всего этого графъ Строгановъ ходатайствовалъ допустить изъ азовскаго войска на переселеніе за Кубань, если окажется возможность, однихъ только охотниковъ, все же прочее войсковое населеніе обратить по прежнему въ гражданское вѣдомство. Въ заключеніе Строгановъ докладывалъ, что давно распространившійся слухъ, поддерживаемый нѣсколько лѣтъ сряду, о будущемъ переселеніи азовскихъ козаковъ приводитъ ихъ въ тревожное состояніе, весьма вредное ихъ хозяйствамъ. Люди упали духомъ и естественно становятся менѣе трудолюбивы и предпріимчивы. А потому, если предположенное переселеніе азовскаго войска въ видахъ государственной въ томъ надобности неизбѣжно, то необходимо, въ отвращеніе еще большаго упадка духа въ народѣ, угрожающаго ему разореніемъ, вопросъ о переселеніи азовцевъ на Кавказъ такъ или иначе наискорѣе рѣшить, не откладывая на 5—6 лѣтъ, какъ писалъ Барятинскій.

Библиотека "Руниверс"

Настойчивыя представленія генералъ-адъютанта графа Строганова объ удержаніи азовскаго войска на мѣстѣ жительства и обращеніи его населенія въ гражданское вѣдомство, а также поступившія представленія отъ азовскаго войсковаго начальства о прибавкѣ войску участка земли, оставшейся по выходѣ ногайцевъ свободною, и о разрѣшеніи возводить въ станицахъ новыя каменныя постройки, убѣдили военное министерство не откладывать долѣе переселенія азовцевъ на Кавказъ, а начать таковое съ 1862 года, въ порядкѣ, указанномъ уже государемъ императоромъ. Для этого на первый годъ предположено было вызвать изъ азовскаго войска на переселеніе 400—500 семействъ, но назначено только 210. Для водворенія этихъ переселенцевъ графомъ Евдокимовымъ отводились мѣста на берегахъ Чернаго моря, возлѣ укрѣпленія Константиновскаго (Новороссійскъ), въ долинахъ Озерейки, р. Суко и около Анапы.

Для оповѣщенія азовскому войску сдѣланнаго по высочайшему повелѣнію распоряженія о начатіи переселенія козаковъ изъ этого войска на Кавказъ графъ Строгановъ послалъ туда подполковника Домбровскаго, который донесъ, что всѣ штабъ и оберъ-офицеры азовскаго войска заявили о готовности всѣми силами содѣйствовать къ исполненію священной воли государя; а станичники, изъявляя полную покорность высочайшей волѣ, заявили единогласно, что всѣ указанныя имъ на Кавказѣ подъ поселеніе мѣстности хорошо знаютъ: тамъ одни высокія горы, покрытыя по вершинамъ лѣсами, на каменистомъ грунтѣ тѣхъ мѣстностей вовсе нѣтъ пахатной земли, особливо близъ укрѣпленій Константиновскаго, Кабардинскаго и Геленджикскаго. А какъ хлѣбопашество есть единственный ихъ промыселъ, то правительство вынуждено будетъ отпускать всегда имъ провіантъ.

Недовольствуясь однимъ такимъ заявленіемъ, азовцы послали отъ себя депутатовъ на Кавказъ для осмотра тамъ всѣхъ свободныхъ мѣстъ годныхъ для поселенія. Депутаты, объѣхавъ весь закубанскій край по занятому уже нашими войсками сѣверному склону кавказскаго хребта, объявили своимъ станичникамъ, что они видѣли хорошія земли по р. Бѣлой и частью въ патухайскомъ округѣ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ этого наказный атаманъ азовскаго войска генералъ Рѣшетиловъ уговаривалъ козаковъ идти всѣмъ на переселеніе за Кубань. Жители станицъ Никольской, Покровской и Стародубовской, заинтересованные разсказами своихъ депутатовъ объ отличномъ качествѣ и значительномъ пространствѣ земель между рр. Бѣлой и Лабой, всѣ единодушно изъявляли желаніе переселиться цѣлыми станицами, но не иначе какъ только на означенныя земли; козаки же посада Петровска и Новоспасовской станицы, при всѣхъ убѣжденіяхъ Рѣшетилова, переселяться вовсе не желали.

Командовавшій кавказскою арміею князь Орбеліани находилъ возможнымъ допустить водвореніе азовцевъ на р. Бѣлой, но колонизировавшій закубанскій край графъ Евдокимовъ положительно считалъ это невозможнымъ, въ виду того, что облюбованныя азовскими депутатами тамъ мѣста еще раньше предназначены были другимъ переселенцамъ.

По докладу обо всемъ этомъ государь императоръ повелѣлъ обратить полное вниманіе на выборъ мѣстъ *для водворенія азовскихъ козаковъ, на восточномъ берегу Чернаго моря*. При этомъ государь выразился, что крайне будетъ прискорбно, если азовцы будутъ водворены на мѣстностяхъ совершенно невыгодныхъ для козачьяго быта, и если поэтому придется всегда содержать ихъ на казенномъ провіантѣ.

Въ виду такой царской воли на графа Евдокимова возлагалось серьезно обсудить этотъ вопросъ, ибо будущность азовцевъ вполнѣ возлагалась на его попеченіе.

По этому поводу графъ Евдокимовъ докладывалъ военному министру, что при поселеніи новыхъ станицъ въ предгорной полосѣ западнаго Кавказа въ соображеніе принимается не одно хлѣбопашество, но и другіе горные промыслы, какъ то: лѣсной, пчеловодство и пр. Переселенцы въ этомъ краѣ вмѣсто одного хлѣбопашества найдутъ много другихъ промышленностей, въ числѣ которыхъ для азовцевъ представляется еще и богатое рыболовство въ кубанскомъ и кизилтаусскомъ лиманахъ, близъ Анапы, въ окрестности которой, а также около укрѣпленій Кабардинскаго и Геленджика, на прибрежьяхъ Чернаго моря на-

Библиотека "Руниверс"

значаются имъ мѣста подъ поселеніе, согласно указаніямъ правительства. Боясь навлечь на себя неудовольствіе государя императора за устройство будущности азовцевъ, могущихъ заявить неудовольствіе при водвореніи, Евдокимовъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ министра дозволить депутатамъ азовскаго войска познакомиться съ общимъ характеромъ страны, гдѣ должно развиться наше новое козачье населеніе и заявить довольны ли они указываемыми имъ мѣстами или нѣтъ. Выборъ же самыхъ мѣстъ для поселенія онъ боялся допустить какъ мѣру, могущую возбудить большія затрудненія въ дѣлѣ колонизаціи непріятельскаго края и нарушить всѣ военныя соображенія.

По этому представленію послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на посылку депутаціи для осмотра тѣхъ мѣстъ, гдѣ графъ Евдокимовъ полагалъ водворить азовцевъ. Для содѣйствія депутатамъ къ исполненію возлагавшагося на нихъ порученія и личнаго соглашенія въ этомъ дѣлѣ съ графомъ Евдокимовымъ бессарабскій генералъ-губернаторъ командировалъ наказнаго атамана новороссійскаго козачьяго войска генералъ-маіора Гангардта. Депутатами отъ азовскаго войска были избраны: урядникъ Романъ Добровольскій, приказный Яковъ Михайловъ, козаки: Василій Лиходѣдъ, Николай Прибѣга, Акимъ Картавенко, Деомидъ Полторакъ и Григорій Кочубей. Съ ними былъ командированъ непремѣнный членъ азовской войсковой канцеляріи есаулъ Гонтинъ. Всѣ эти дупутаты въ августѣ 1862 года прибыли въ Константиновское укрѣпленіе, гдѣ ихъ ожидалъ уже генералъ Гангардтъ.

Есаулъ Гонтинъ, осмотрѣвъ съ депутатами указанныя начальникомъ натухайскаго округа генераломъ Бабычемъ мѣста, предположенныя къ заселенію русскими, нашелъ самыя удобныя земли на Аушецѣ, гдѣ, кромѣ приволья для хлѣбопашества въ обширныхъ долинахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, по низменнымъ мѣстамъ ростетъ камышъ, годный для кровли и топлива, а между нимъ растетъ луговая трава для пастбищъ животныхъ, въ самой же р. Аушецѣ много рыбы; далѣе у самыхъ предгорій на земляхъ, прилегающихъ къ верховьямъ р. Иля растетъ прекрасный строевой лѣсъ. Бывшіе съ Гонтинымъ

Библиотека "Руниверс"

депутаты просили ходатайства своего наказнаго атамана объ отводѣ указанныхъ мѣстъ подъ поселеніе азовцевъ.

Общество станицы Покровской послѣ совѣщаній съ возвратившимися изъ за Кубани депутатами 25 сентября 1862 года постановило приговоръ, въ которомъ изъявляло желаніе селиться весною 1863 года на мѣстахъ бывшихъ станицъ (анапскихъ поселянъ) Витязевой и Суворовской, а если правительствомъ не будетъ уважена ихъ просьба объ отводѣ этой земли, то просили дозволить водвориться на выбранной депутатами землѣ между рр. Иля и Хабля на р. Аушецѣ, только съ условіемъ, чтобы не были стѣснены надѣломъ земли для занятія хлѣбопашествомъ. Причемъ также просили правительство, чтобы при выходѣ ихъ на переселеніе дозволено было взять съ собою всѣ церковныя вещи и колокола, находящуюся въ одесской конторѣ государственнаго банка слѣдуемую на нихъ часть общественной станичной суммы для постройки новой церкви и высочайше дарованное азовскому войску знамя. Въ случаѣ же если не разрѣшено будетъ имъ поселиться на означенныхъ земляхъ и взять съ собою все вышеупомянутое, то въ такомъ случаѣ они на переселеніе не изъявляютъ согласія, а желаютъ дать только слѣдуемое отъ ихъ станицы число семействъ по жребію, включая въ тотъ разсчетъ противъ другихъ станицъ и тѣхъ казаковъ ихъ станицы, которые уже весною того года переселились на Кавказъ.

Вскорѣ стало извѣстно, что выбранныя азовскими депутатами земли отдаются туземнымъ поселенцамъ, а азовцамъ назначаются мѣста отъ черты отдѣляющей горскія поселенія отъ козачьихъ между Адагумскою линіей и р. Хаблемъ къ югу. Тогда въ азовскомъ войскѣ поднялся ропотъ на кавказское начальство, обманувшее ихъ обѣщаніемъ селить охотниковъ на тѣхъ земляхъ, какія они сами выберутъ. Охотники объявляли, что если имъ отказываютъ въ положительно обѣщанной ихъ депутатамъ землѣ на Аушецѣ и Илѣ и раздѣляютъ ихъ общество поселеніемъ на морскомъ побережьи, то они не изъявляютъ желанія на добровольное переселеніе. Когда же послѣ того дѣло дошло до требованія переселенческихъ семействъ по жре-

Библиотека "Руниверс"

бію, то въ станицахъ произошло уже сильное волненіе. Дѣла въ азовскомъ войскѣ принимали дурной оборотъ. Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ Жуковскій, узнавъ о броженіи умовъ среди азовскихъ козаковъ, послалъ къ нимъ своего дежурнаго штабъ-офицера, но до прибытія его, благодаря принятымъ мѣстнымъ начальствомъ мѣрамъ, козаки нѣсколько успокоились и исполнили требованія начальства.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что нѣкоторые азовцы, подъ вліяніемъ боязни лишиться давнихъ ихъ богатыхъ осѣдлостей и промѣнять ихъ на неудобныя закубанскія земли, были увлечены къ сопротивленію противъ правительственныхъ распоряженій безумными рѣчами немногихъ строптивыхъ ихъ товарищей. Эти *немногіе* дорого поплатились и одинъ изъ нихъ, какъ передавали азовцы, будто бы былъ казненъ политической смертью.

О происшедшихъ въ азовскомъ войскѣ смятеніяхъ генералъ Гангардтъ довелъ до свѣдѣнія графа Евдокимова; при чемъ докладывалъ, что при такомъ печальномъ настроеніи умовъ азовцевъ высочайшая воля государя императора, заключавшаяся въ томъ, что бы азовцы были переселены безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и съ полнымъ сознаніемъ, что они не будутъ тосковать и нуждаться на новыхъ осѣдлостяхъ, можетъ быть достигнута при двухъ только условіяхъ: во первыхъ, что бы охотникамъ дозволено было взять съ собою заслуженныя ими знамена, колокола и образа для привлеченія товарищей, ибо по всему войску идетъ только одинъ голосъ *„де наши заслуги, тамъ и мы“*; во вторыхъ,—что бы непремѣнно было дано положительное подтвержденіе того, что выбранныя депутатами, съ разрѣшенія и указанія кавказскаго начальства, земли на Лушцѣ будутъ отданы азовцамъ, а не кому другому. Осушеніе болотъ азовцы примутъ на себя. Если же сверхъ того можно было бы уговорить мѣстное начальство принять по нѣсколько семействъ въ Анапѣ, Суворовой и Витязевкѣ, то въ такомъ случаѣ азовцы считали бы себя совершенно счастливыми.

Первый пунктъ мнѣнія Гангардта осуществился, но на второй крѣпкій боевой генералъ и администраторъ графъ Ев-

Библиотека "Руниверс"

докимовъ не сдался. Онъ по разнымъ причинамъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайства Гангардта объ измѣненіи назначенныхъ мѣстъ для поселенія азовцевъ, какъ равно не допускалъ поселенія ихъ и на мѣстахъ бывшихъ Суворовской и Витязевской станицъ, гдѣ уже былъ полный комплектъ переселенцевъ.

Графу Евдокимову, повидимому, страшно надоѣлъ вопросъ о переселеніи азовцевъ на лучшія мѣста въ закубанскомъ краѣ и онъ готовилъ имъ въ концѣ концовъ такой сюрпризъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ и памяти о нихъ не осталось.

Первые азовскіе переселенцы [1]) прибыли на Кавказъ весною 1862 года, моремъ до Константиновскаго укрѣпленія, гдѣ предполагалась строиться Константиновская станица, названная потомъ Новороссійскою. Азовцы, высадившись на берегъ, не хотѣли идти въ тѣ мѣста, куда они распредѣлялись мѣстнымъ начальствомъ по частямъ, чего они вовсе не ожидали. Когда туда прибылъ генералъ Гангардтъ, то они, явясь къ нему и бросаясь на колѣни, умоляли перевести ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, въ Анапу, причемъ жаловались, что въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ гонятъ на поселеніе, земля каменистая и требуетъ разработки по горамъ и расчистки терновника, сѣна недостаточно, скотина болѣетъ и падаетъ, подвозъ строительныхъ матеріаловъ труденъ, не выдаютъ кормовыхъ денегъ на дѣтей, какъ выдавали въ пути, семейства, раздѣленныя лѣтъ 8 тому назадъ, соединяютъ съ цѣлью уменьшить выдачу пособія на хаты и пр. Особенно они заявляли нежеланіе свое быть разъединенными.

Что могъ сдѣлать Гангардтъ по жалобамъ азовцевъ, находившихся всецѣло въ распоряженіи кавказскаго начальства?... Конечно, ничего. Узнавъ, что азовцы, прибывшіе на поселеніе, не принимались строить хатъ,—для чего дозволялось имъ взять часть камня, изъ развалинъ Новороссійска, а начали пьянствовать, ругаться и подговаривать прибывшихъ туда же черномор-

[1]) Изъ числа назначенныхъ 210 сем. прибыли на мѣсто и разселены за Кубань, какъ значится по свѣдѣніямъ о колонизаціи западнаго Кавказа, только 206 семействъ.

Библиотека "Руниверс"

цевъ противиться волѣ правительства о заселеніи Константиновки, онъ всѣ жалобы ихъ призналъ или несправедливыми, или неосновательными. Упорство азовцевъ военнымъ начальствомъ было сломлено и *они разселены* по частямъ, на прибрежьи Чернаго моря, въ станицахъ: Новороссійской, Анапской, Благовѣщенской и Анапскомъ поселкѣ, вмѣстѣ съ другими переселенцами, назначенными въ тѣ же поселенія.

Въ 1863 году переселеніе азовскихъ козаковъ на Кавказъ состоялось безъ особенныхъ треволненій. Изъ азовскаго войска добровольно отправилось на Кавказъ 5 офицерскихъ и 504 семейства нижнихъ чиновъ, въ числѣ 2530 душъ обоего пола, не считая тѣхъ отставныхъ и вдовыхъ, которыя по связямъ родства приписаны при военнослужащихъ. Изъ числа показанныхъ семействъ 16 въ числѣ 76 душъ обоего пола съ грузомъ до 500 пуд. отправлены на военной шкунѣ „Эльборусъ“ моремъ 20 апрѣля, остальныя затѣмъ 488 сем. и при нихъ скотъ: рогатый 1954 шт., лошади 351 шт., овцы 108 шт., возовъ 938, кромѣ офицерскихъ подводъ, раздѣлены на три партіи и отправлены сухимъ путемъ. *Первая* партія выступила 26 апрѣля при есаулѣ Подгурскомъ и хорунжемъ Гладкомъ, въ числѣ 182 сем., въ которыхъ было мужескаго пола 493 души и женскаго 483 д. и два офицерскихъ семейства. При этой партіи отправлены двое войсковыхъ знаменъ, два запорожскихъ пернача и нѣкоторыя церковныя святыни, взятыя изъ войсковаго молитвеннаго дома; *вторая* партія при сотникахъ Кравченкѣ и Сердюковѣ, въ числѣ 152 сем., отправились 29 апрѣля. Въ ней было муж. пола 345 душъ и женскаго 361 д. и два офицерскія семейства. При этой партіи слѣдовалъ священникъ съ церковными принадлежностями и везлись колокола; *третья* партія при сотникѣ Черновѣ, въ числѣ 154 сем., тронулась съ мѣста 2 мая. Въ ней было муж. пола 389 д. и женскаго 360. Кромѣ названныхъ пяти офицеровъ по особому разрѣшенію графа Евдокимова переселился на Кавказъ есаулъ Котляревскій для совмѣстнаго жительства съ дочерью его вдовою умершаго есаула

Библиотека "Руниверс"

Донченко, переселившеюся туда въ прошломъ году съ первыми азовскими семействами [1]).

Всѣ эти три партіи азовцевъ, отправляясь на Кавказъ съ войсковыми регаліями, церковною утварью и другими святынями, нужными для священнодѣйствія, колоколами и своимъ священникомъ, конечно, разсчитывали на поселеніе ихъ на какихъ бы то ни было закубанскихъ земляхъ всѣхъ вмѣстѣ, но вышло совсѣмъ иначе и именно то, чего они вовсе не ожидали. По распоряженію графа Евдокимова, этихъ азовскихъ поселенцевъ, по прибытіи ихъ за Кубань, несмотря ни на какіе ихъ протесты, начали дѣлить на партіи, для поселенія въ разныхъ мѣстахъ совокупно съ переселенцами, прибывшими за Кубань изъ другихъ мѣстъ. Азовцы такому распоряженію кавказскаго начальства воспротивились. Ставши лагеремъ возлѣ Анапы, они не хотѣли разбиваться на части въ разныя станицы, какъ требовало начальство, а настаивали на томъ, чтобы ихъ поселили въ одномъ мѣстѣ; безъ этого они идти далѣе не хотѣли. Когда всѣ убѣжденія завѣдывавшихъ поселеніями не дѣйствовали, выстроили противъ азовцевъ часть регулярныхъ войскъ съ оружіемъ, чтобы силою подавить сопротивленіе. Но азовцы, выставивъ впередъ женщинъ и дѣтей, стали сами въ серединѣ табора. Военное начальство однако не рѣшилось употребить въ дѣйствіе оружіе и снова начались переговоры. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ главныхъ зачинщиковъ волненія были взяты, а остальные азовцы раздѣлены на четыре части и поселены въ станицахъ: Абинской, Хабльской, Грузинской и Ильской, вмѣстѣ съ другими переселенцами разныхъ націй и сословій.

Такой неблагопріятный результатъ разселенія азовцевъ въ 1863 году за Кубанью не прошелъ даромъ. Одесскій генералъ-губернаторъ Коцебу энергично ходатайствовалъ въ военномъ министерствѣ о прекращеніи переселеній на Кавказъ и объ обращеніи азовскаго войска въ гражданское вѣдомство. Военный

[1]) Кромѣ этихъ партій на переселеніе за Кубань отправилось еще 40 азовскихъ казачьихъ семействъ.

Библиотека "Руниверс"

министръ, наконецъ, согласился съ мнѣніемъ генерала Коцебу и по рѣшенію, принятому его императорскимъ высочествомъ главнокомандовавшимъ кавказскою арміею великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ предполагавшагося переселенія азовскаго козачьяго войска на Кавказъ въ полномъ составѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ проектъ о совершенномъ упраздненіи этого войска.

За недостаткомъ переселенцевъ для водворенія въ закубанскихъ станицахъ, въ 1864 году государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ недостающее число семействъ пополнить въ числѣ другихъ переселенцевъ и изъ азовскаго козачьяго войска до 300 сем. и болѣе, сколько будетъ признано возможнымъ *мѣстнымъ начальствомъ, дозволивъ азовцамъ, если они того снова будутъ просить, переселяться на Кавказъ цѣлыми станицами.*

Наконецъ то жалобы азовцевъ на насильственное раздѣленіе ихъ на части при поселеніи и соединеніе съ чуждыми имъ разнаго рода поселенцами дошли до государя императора и его величество обратилъ милостивое вниманіе на этихъ жалобщиковъ.

Согласно высочайшему повелѣнію, въ 1864 году переселилось изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань 339 сем., которыя поселены хотя и небольшими, но цѣлыми станицами, какъ указалъ государь. Въ одной только Сѣверской водворено 165 сем., въ остальныхъ же, Азовской, Дербентской и Папайской, было всего 40—74 сем. Какъ ни малочисленны были эти поселенія, но за то въ нихъ были одни только азовцы.

На 1865 годъ переселенцевъ изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань вовсе не назначалось, а дозволялось только принимать охотниковъ, но таковыхъ явилось немного—кажется, одно только козачье семейство.

Въ этомъ же году высочайше утвержденнымъ 11 октября положеніемъ азовское козачье войско упразднено, съ обращеніемъ жителей онаго въ гражданское состояніе. Положеніе это было объявлено азовцамъ командированнымъ отъ правительства полковникомъ княземъ Дадіаномъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ объявленія положенія объ упраздненіи азовскаго козачьяго войска, оставшіяся въ станицѣ Покровской 23 семейства изъ бывшихъ запорожцевъ не пожелали поступить въ податное состояніе и выхлопотали себѣ позволеніе отправиться за Кубань къ своимъ собратамъ, куда съ высочайшаго соизволенія и отправились весной 1866 года. Изъ нихъ 21 семейство поселилось въ азовскихъ станицахъ абинскаго полка, а 2 сем. водворены въ адагумскомъ полку.

Это были послѣдніе азовскіе переселенцы.

На все переселеніе козачьихъ семействъ изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань израсходованы суммы: Въ 1862 году, на кормовое довольствіе переселенцевъ отъ казны 3951 р. въ пособіе отъ войска 26,225 р. 50 к., изъ станичныхъ суммъ 1979 р. 77 к. Въ 1863 году, на кормовое довольствіе отъ казны 9950 р. 75 к., въ пособіе отъ войска 21019 р., изъ станичныхъ суммъ 6235 р. 81 к., въ пособіе офицерамъ отъ войска 900 р. Въ 1864 г. на кормовое довольствіе отъ казны 4926 р. 74 к., въ пособіе отъ войска 11434 р., изъ станичныхъ суммъ 1857 р. 74 к., въ пособіе офицерамъ отъ войска 450 р. Въ 1865 г. на кормовое довольствіе отъ казны 18 р., въ пособіе отъ войска 33 р., изъ станичныхъ суммъ 11 р. 26 к. Въ 1866 г., на кормовое довольствіе отъ казны 391 р. 50 к., въ пособіе отъ войска 886 р., изъ станичныхъ суммъ 286 р. 9½ к. Итого отъ казны *19,237 р. 99 к.*, отъ войска *60,947 р. 50 к.*, отъ станицъ *10,370 р. 67½ к.* Сверхъ этого азовское войско уплатило переселенцамъ своимъ за непроданныя ими усадьбы, оставленныя на прежнихъ мѣстахъ жительства въ пользу войска, въ 1862 г. 514 р. 50 к., въ 1863 г. 253 р. 95 к. и въ 1864 г. 1150 р., итого *1918 р. 45 к.*

По упраздненіи азовскаго войска, войсковыя знамена и капиталъ, въ количествѣ 92,679 р.10¾ к., переданы въ кубанское войско, а письменныя дѣла азовской войсковой канцеляріи поступили въ разныя учрежденія и вѣдомства, куда по роду производства подлежали.

Такъ закончилась судьба послѣднихъ задунайскихъ запорожцевъ. Судьба незавидная, преслѣдовавшая ихъ изъ рода въ родъ и изъ вѣка въ вѣкъ. Съ паденіемъ въ Россіи въ прош-

Библиотека "Руниверс"

ломъ столѣтіи запорожскаго войска часть козаковъ, недовольная правительствомъ, бѣжитъ въ Турцію, тамъ за Дунаемъ основываетъ запорожскую сѣчь, но въ настоящемъ столѣтіи кошевой атаманъ Гладкій измѣняетъ Турціи и бѣжитъ въ Россію, уводя съ собою и часть запорожцевъ. Оскорбленный такой измѣною турецкій султанъ уничтожаетъ въ Турціи запорожскую сѣчь, и самое войско запорожское, потерявъ самостоятельное свое значеніе, разсыпается безслѣдно между разнороднымъ населеніемъ въ Добруджѣ. Вышедшіе въ Россію остатки задунайскихъ запорожцевъ сначала составляютъ отдѣльное войско, названное азовскимъ, но ихъ смѣшиваютъ съ русскимъ податнымъ сословіемъ, потомъ частями переселяютъ на западный Кавказъ въ число разнородныхъ переселенцевъ и наконецъ самое азовское войско упраздняется, а съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣдніе запорожцы, если оставались въ войскѣ, перечисляются въ податное состояніе.

П. П. Короленко.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

IX.

Прибытіе втораго корпуса русскихъ войскъ.—Императоръ Николай Павловичъ.—Обѣдъ.—Смотръ.—Генералъ Корженевскій.—Вѣсти изъ Франціи.—Приготовленія мѣстныхъ помѣщиковъ.

Гвардія ушла, а вмѣсто нея прибылъ въ наши мѣста другой корпусъ русскихъ войскъ, армейскій, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, артиллеріи и четырехъ гусарскихъ полковъ, подъ командой пѣхотнаго генерала графа Палена 2-го, женатаго на Орловой-Денисовой. Этотъ корпусъ возвращался изъ Турціи и государь Николай Павловичъ предполагалъ сдѣлать ему смотръ въ Коднѣ.

Графъ Паленъ былъ истинный потомокъ рыцарей-меченосцевъ; огромнаго роста, тучный, онъ напоминалъ тѣхъ рыцарей, что воспѣваются въ пѣсняхъ, рыцарей, которые гнутъ людей, какъ былинку, ломаютъ каменныя стѣны, какъ плетень изъ хвороста; онъ любилъ поѣсть и выпить, былъ очень гостепріименъ и любезенъ, любилъ общество. Графиня была олицетворенная доброта, прекрасно воспитана, безъ памяти любила свой родной Донъ и все, что носило имя козака. Я былъ представленъ ей ея племянникомъ и былъ въ ея домѣ, какъ свой. Часто она пріѣзжала въ Гальчинецъ и проводила по нѣсколько дней

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 7.

Библиотека "Руниверс"

съ моими сестрами. Графиня, которой было тогда лѣтъ подъ 50, любила слушать чтеніе исторіи козаковъ и пѣніе козацкихъ думъ, которыя козаки пѣли подъ акомпаниментъ цимбалъ. Чаще всего съ ней бывала жена начальника корпуснаго штаба полковника Ренненкампфа, очень красивая блондинка, молодая и сантиментальная.

Въ этомъ корпусѣ почти не было поляковъ, очень мало малороссовъ, даже великороссовъ. Всѣ высшіе офицеры были финляндцы или остзейцы, а низшіе или уроженцы сѣверныхъ губерній, или татары. Полки были образцовыми, отличались исправностью въ строю и пріобрѣли боевую славу, ихъ звали варнскими львами. У насъ тогда говорили, что они во имя короля польскаго Николая отомстили за смерть Владислава III, также короля польскаго. Съ этимъ корпусомъ ни помѣщики, ни простонародье, ни даже евреи не имѣли никакихъ столкновеній, потому что онъ былъ образцовымъ по отношенію къ порядку, субординаціи и аккуратности въ уплатѣ долговъ; но отъ него вѣяло какимъ то холодомъ и мы не имѣли къ нему не говорю уже такого расположенія, какъ къ гвардіи, потому что то была братская привязанность, но даже какъ къ 3-му корпусу—этому собранію безпутныхъ гулякъ. Можетъ быть это произошло оттого, что корпусъ этотъ, придя на мѣсто гвардіи, не могъ ни въ какомъ отношеніи выдержать съ нею сравненіе, и производилъ послѣ нея на помѣщиковъ такое же впечатлѣніе, какъ итальянское вино, хоть и хорошее, послѣ шампанскаго.

Въ это же время Тадеушъ Валевскій и Викентій Тышкевичъ заперлись въ своихъ домахъ и разыгрывали роль хозяевъ и домосѣдовъ, но Карлъ Бурхинскій ѣздилъ по ярмаркамъ и церковнымъ праздникамъ и шепталъ на ухо: „Былъ въ Полонномъ; Тадзіо говоритъ, это что то будетъ, и скоро. А вино то, вино — мышью пахнетъ, точно масло — языкъ прилипаетъ къ нёбу“.

Игнатій Струмилло приглашалъ сыграть въ вистъ, въ бостонъ, въ пикетъ и даже въ марьяжъ:

— Сыграемъ пока есть время, а то былъ я въ Очеретяной и кажется мнѣ, что скоро уже будетъ не до игры, развѣ

Библиотека "Руниверс"

перекинемъ въ штоссъ и то на сѣдлѣ, какъ бывало во время конфедераціи или когда я служилъ въ уланахъ.

Игнатій Струмилло служилъ когда то ротмистромъ въ австрійскомъ уланскомъ полку эрцгерцога Карла и отъ этой прежней службы у него остались сабля и шпоры, которыя онъ велѣлъ теперь вычистить.

Говорили во всей округѣ, что призидентъ Елисей Піотровскій, старинный пріятель семействъ Валевскихъ и Корвицкихъ, извѣстный юристъ, приготовляетъ доказательства и всякіе документы для завладѣнія русскими землями, на основаніи литовскаго статута, магдебургскаго права и прусской корректуры, въ прежнихъ границахъ. Вѣдь на то и право, чтобы люди устраивались согласно съ нимъ и не допускали насилія. Такъ утверждали въ Браталовѣ. А поэтъ Констанцій день и ночь сочинялъ длиннѣйшую оду къ Тадеушу, но не Костюшкѣ, а только Валевскому. Это было ему очень легко, потому что онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ черновыя одъ и посланій къ Тадеушу Костюшкѣ и Тадеушу Чацкому, все къ Тадеушамъ; переліцовка шла недурно, но было затрудненіе, что поставить на мѣсто Рацлава, Дубенки и Мацѣевицъ. Поэтъ вставилъ: Гончариха, Перепетова могила и Янче надъ Днѣпромъ,—тамъ отличится Тадзіо.

Ахметовичъ-паша, какъ новый Донъ-Кихотъ со своимъ Санчо-Пансо, объѣхалъ помѣщичьи дома и вездѣ распѣвалъ:

— Въ столицѣ Сигизмунда, глубоко подъ памятникомъ этого стараго короля, тлѣетъ подземный огонь, лава расплавляется, кипитъ и скоро вырвется и польется по всѣмъ польскимъ землямъ. Такъ хочетъ Богъ и иначе быть не можетъ! Поднимайтесь, люди Божьи!

Удивительное было лицо у этого старца, все въ морщинахъ, желтое, какъ древній пергаментъ, а между тѣмъ на немъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, глаза блестѣли, а нафабренные усы торчали, какъ два рога. Всегда парадно одѣтый, въ узкихъ лосинахъ, ботфортахъ выше колѣнъ, въ вычищенной или новой красной чамаркѣ съ золотыми бандебурами, на головѣ шапка съ перомъ и разноцвѣтными лентами, какъ зна-

Библиотека "Руниверс"

ками побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ, а за нимъ Санчо-Пансо въ голубой одеждѣ. Нигдѣ онъ не останавливался на долго, а какъ только произносилъ: Люди божьи, поднимайтесь! выходилъ, садился въ экипажъ и ѣхалъ дальше.

Появился и профессоръ Шостаковскій, бѣдный сумасшедшій, и тоже говорилъ аллегерическія рѣчи. Странствовали по краю и другіе люди въ томъ же родѣ, проповѣдывали, пѣли „o nowym Tadeuszu, co w nowym kontuszu potańczy na Ianczy“ [1]), и о томъ, какъ „Pan Wincenty jak ojciec Gaudenti, nie da siebie zrobic gapą, zmaże kreskę i ucznie da capo“ [2]).

Все это пріѣхало къ намъ изъ Новаго Рима, который сенаторъ Илинскій отдалъ послѣ оо. іезуитовъ подъ надзоръ и управленіе своего почетнаго частнаго пристава Ахметовича-паши, а тотъ собралъ тамъ компаньоновъ, подобныхъ себѣ, лишенныхъ разума и сердца, и устроилъ настоящій Бедламъ.

Игнатій Струмилло, который зналъ многое, чего не знали другіе, утверждалъ, что все это были штуки Генриха Ржевускаго съ цѣлью возбудить край и подготовить его къ вспышкѣ; если дѣло не удается—онъ будетъ смѣяться надъ сумасшедшими, если удастся—то провозгласитъ: это моя заслуга. Мѣстныя власти не обращали вниманія на эти странствованія сумасбродовъ; засѣдатели и исправники смѣялись надъ ними и сами побуждали ихъ къ произнесенію проповѣдей. Помню, какъ житомирскій исправникъ, русскій, разсказывалъ намъ, что онъ встрѣтилъ между Сосновкой и Слободищами Ахметовича-пашу съ его Санчо-Пансо, гонящихъ трехъ быковъ и кричащихъ: „прочь, прочь съ нашихъ нивъ, довольно уже принесли вреда“! На вопросъ исправника, какого это врага онъ гонитъ, Ахметовичъ отвѣчалъ:

— Я новый Геркулесъ, выгоняю чудовище изъ трехъ земель—Польши, Литвы и Руси, по приказанію его сіятельства сенатора-кардинала и преподобныхъ отцовъ іезуитовъ, которые

---

[1]) О новомъ Тадеушѣ, что въ новомъ кунтушѣ протанцуетъ на Янчѣ.

[2]) Панъ Викентій, какъ отецъ Гауденій, не дастъ себя одурачить, изгладитъ черту и примется снова.

Библиотека "Руниверс"

возвратятся съ первой женой, чтобы насъ окрестить снова, но не въ Іорданѣ, а въ Днѣпрѣ.

И исправникъ смѣялся, и всѣ смѣялись, но были и такіе, что не смѣялись, а край волновался все болѣе и болѣе, неизвѣстно почему: у каждаго было какое то предчувствіе. Какъ говорили малорусскіе крестьяне, „*несамовыти* (сумасшедшіе) напускаютъ какое то безпокойство, что то будетъ“.

Войска второго корпуса уже получили приказъ двинуться въ лагерь подъ Кодню, когда прибыли къ намъ Игнатій Стемпковскій и Якубъ Цихоньскій, оба изъ заславскаго повѣта, въ качествѣ делегатовъ Тедеуша Валевскаго, съ цѣлью возрожденія общества тампліеровъ. Наши помѣщики и молодежь собирались въ трехъ мѣстахъ: въ Браталовѣ у Піотровскихъ, въ Тютюнкахъ у Фалинскаго и въ Гальчинцѣ у меня. Игнатій Стемпковскій принадлежалъ ко всевозможнымъ масонскимъ сектамъ и могъ быть архи-церемоніймейстеромъ не только въ Польшѣ, а и вездѣ. Гробовые покровы, мертвыя головы и бенгальскіе огни для декорацій занимали почтеннаго Стемпковскаго болѣе, чѣмъ самое дѣло, а Якубъ Цихоньскій отпускалъ остроты и писалъ стишки. Однако, несмотря на все это, спроси любого изъ приставшихъ къ нимъ, почему онъ это сдѣлалъ, то онъ навѣрное отвѣтилъ бы: потому, что это уже сдѣлали другіе прежде меня.

Въ Кодиѣ дѣлались большія приготовленія къ пріему императора Николая Павловича. Тетка и дядя вызвали меня на это великое торжество; я пріѣхалъ съ Игнатіемъ Стемпковскимъ и Яномъ Омецинскимъ; другіе помѣщики уже ждали въ Кодиѣ прибытія императора; всѣхъ ихъ было у дяди 19. Всѣ они были въ дворянскихъ мундирахъ темно-зеленыхъ съ малиновымъ, я же былъ въ мальтійскомъ мундирѣ.

Государь пріѣхалъ въ Кодню ночью. Войска на встрѣчу ему не выходили; онъ прямо проѣхалъ къ палацу, гдѣ все было уже приготовлено. Предъ крыльцомъ государя ожидали: генералъ Корженевскій, хозяинъ дома, графъ Паленъ, командиръ 2-го корпуса, и волынскій губернаторъ Аверинъ. Такова была высочайшая воля.

Библиотека "Руниверс"

Съ государемъ прибыли: фельдмаршалъ Сакенъ, командиръ 1-й арміи, фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій, командиръ 2-й арміи, генералы Бенкендорфъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ Витте и многочисленная свита императора и двухъ фельдмаршаловъ. Всего было болѣе ста человѣкъ и всѣ очень удобно были размѣщены въ огромномъ кодненскомъ палацѣ, ни для кого не пришлось искать помѣщенія въ мѣстечкѣ. Въ главномъ корпусѣ были помѣщенія императора, фельдмаршаловъ, лицъ изъ свиты и штаба, въ павильонѣ лѣваго крыла размѣстились служители придворные, фельдмаршальскіе и свитскіе, а въ павильонѣ праваго крыла жилъ генералъ Корженевскій съ женой и всѣ пріѣхавшіе помѣщики.

60 экипажей, запряженныхъ шестерками, четверками и парами, и 120 верховыхъ лошадей были на готовѣ. Мебели и ковровъ было такъ много и такого качества, что старый фельдмаршалъ Сакенъ все повторялъ: „только у польскаго пана да еще такъ преданнаго монарху, какъ преданъ Михаилъ Корженевскій государю Николаю Павловичу, можно найти такія вещи“.

Эти слова дошли до государя и очень расположили его въ пользу генерала Корженевскаго, который былъ ему лично извѣстенъ и который, къ тому же, былъ ловкимъ придворнымъ.

Рано утромъ всѣ мы, помѣщики, были собраны въ большой бальной залѣ, выходившей окнами въ садъ, и выстроены въ рядъ не по чинамъ и возрасту, а какъ попало, такъ что я стоялъ въ срединѣ, хотя былъ моложе всѣхъ и не имѣлъ никакого отличія, кромѣ мальтійскаго креста. Впереди насъ стали: губернскій предводитель Граціанъ Левкевичъ, губернаторъ Аверинъ и генералъ Корженевскій.

Вошелъ государь; при немъ были только генералъ Витте и графъ Станиславъ Потоцкій.

Я долженъ сознаться, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не произвелъ на меня бо́льшаго впечатлѣнія, чѣмъ императоръ Николай; въ то время онъ былъ во всемъ цвѣтѣ красоты и царственнаго величія. По росту, осанкѣ и выраженію лица онъ казался владыкой міра. Лицо загорѣло, только лобъ, прикрытый козырькомъ каски, былъ бѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Предводитель Левкевичъ началъ говорить по французски, но государь сразу прервалъ его, сказавъ по русски:

— Господинъ предводитель, я понимаю и по русски, и по польски; французскій языкъ между нами совершенно ненуженъ.

Когда смущенный Левкевичъ сталъ запинаться, государь обратился къ генералу Витте:

— Генералъ, представьте мнѣ дворянъ.

Генералъ взялъ списокъ и началъ его громко читать, а государь прошелъ передъ рядомъ дворянъ и сказалъ каждому по нѣсколько словъ.

Дворяне такъ были смущены неловкостью и ненаходчивостью своего предводителя, что отвѣчали невпопадъ; одинъ только Кантъ Гленбоцкій смѣло отвѣчалъ государю на его вопросы объ орденахъ, полученныхъ Гленбоцкимъ въ Турціи и на Березинѣ.

Когда государь подошелъ ко мнѣ, то смѣрялъ меня глазами съ ногъ до головы и сказалъ очень милостиво:

— Съ такой фамиліей и еще не въ военной службѣ.

Я отвѣтилъ, что я единственный сынъ умершихъ родителей и опекунъ своихъ сестеръ.

Государь усмѣхнулся и сказалъ:

— У насъ и такіе есть.

Затѣмъ обратился къ генералу Корженевскому:

— Отдай мнѣ своего родственника, онъ будетъ служить при мнѣ.

Генералъ Корженевскій поклонился чуть не до земли.

Потомъ подали экипажи и генералъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ, чтобы я приготовился ѣхать съ государемъ. Въ огромномъ ландо государь сѣлъ съ лѣвой стороны, а фельдмаршалъ Дибичъ съ правой. На передней скамейкѣ было указано мѣсто ген. Корженевскому, а подлѣ него мнѣ. Я сидѣлъ противъ государя. Мы проѣхали передъ лагеремъ, гдѣ войска встрѣчали императора музыкой и пушечными выстрѣлами. Государь не остановился здѣсь, а велѣлъ ѣхать прямо въ лазареты, которые были верстахъ въ пяти отсюда, въ Солотвинѣ. Лошади мчались во весь опоръ, а государь все время разговаривалъ, разспра-

Библиотека "Руниверс"

шивалъ меня, что мы дѣлаемъ, какъ проводимъ время, какія у насъ развлеченія, о гвардейцахъ, со многими ли изъ нихъ я познакомился. На всѣ вопросы я отвѣчалъ, повидимому, удачно, потому что государь былъ со мной очень любезенъ, а дядя казался очень обрадованнымъ.

Обходя лазареты, государь останавливался возлѣ каждаго больного, а раненыхъ съ отеческой заботливостью распрашивалъ, гдѣ они получили раны; но нѣсколько разъ онъ становился суровымъ, выговаривая смотрителямъ лазарета и даже нѣкоторымъ докторамъ. Выраженіе его лица дѣлалось тогда такимъ грознымъ, что я замѣчалъ, какъ дрожали окружающіе, но въ то же время онъ не произносилъ ни одного рѣзкаго слова, не возвышалъ голоса.

На обратномъ пути государь уже не говорилъ такъ много какъ прежде, а только сказалъ фельдмаршалу Дибичу:

— Неизлечимы, а надо, чтобы вылечились.

Онъ задумался; потомъ снова сталъ говорить о своихъ варнскихъ львахъ, спрашивалъ объ офицерахъ, которыхъ не видѣлъ ни во фронтѣ, ни въ госпиталяхъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, но съ замѣтнымъ смущеніемъ и неувѣренностью, видно было, что онъ менѣе зналъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ императоръ. Государь, не желая его мучить, началъ говорить о Петербургѣ.

Обѣдъ былъ на 160 кувертовъ, на столахъ, разставленныхъ въ видѣ подковы. Изъ помѣщиковъ только трое были приглашены къ высочайшему столу: генералъ Корженевскій, Янъ-Кантъ Гленбоцкій и я. Графъ Адлербергъ говорилъ, что въ поданномъ спискѣ государь собственноручно вычеркнулъ всѣ фамиліи, кромѣ трехъ. Это приписывали французскому языку предводителя Левкевича, потому что другой причины не было. Въ тотъ же день губернатору Аверину было сообщено, что всѣ дворяне, занимающіе выборныя должности, могутъ разъѣхаться по своимъ мѣстамъ и вступить въ исполненіе своихъ обязанностей.

Государь сидѣлъ посрединѣ за первымъ отъ двери залы

Библиотека "Руниверс"

по одной сторонѣ его сидѣлъ фельдмаршалъ Сакенъ, по другой генералъ Корженевскій; противъ Государя фельдмаршалъ Дибичъ, а возлѣ него съ одной стороны графъ Паленъ, съ другой губернаторъ Аверинъ. Я сидѣлъ наискось противъ Государя, между генераломъ Кайсаровымъ и полковникомъ Коцебу.

Генералъ Кайсаровъ былъ человѣкъ свѣтскій, въ полномъ смыслѣ слова, отлично говорилъ по французски и даже по польски, сосѣдство его было очень пріятно. Кайсаровъ, москвичъ изъ зажиточной семьи, былъ въ 1812 г. адъютантомъ при Кутузовѣ, а въ описываемое время начальникомъ штаба 1-й арміи; онъ пользовался репутаціей русскаго Баярда и былъ имъ въ дѣйствительности. Полковникъ Коцебу болѣе молчалъ, чѣмъ говорилъ, какъ и всѣ нѣмцы, достигшіе важныхъ должностей. Держался онъ на вытяжку, и, какъ говорили, былъ очень свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ.

Когда дошла очередь до тоста за фельдмаршала Дибича и побѣдоносныя забалканскія войска, Государь провозгласилъ его самъ, сказавъ при этомъ, что такія здравицы пьютъ не рюмками, а кубками; шампанское было разлито въ большіе стаканы. Я тогда еще не былъ такъ привыченъ къ крѣпкимъ напиткамъ, какъ теперь, но генералъ Кайсаровъ налилъ мнѣ полный стаканъ и я долженъ былъ выпить его однимъ духомъ до дна.

Второй тостъ также поднялъ Государь: за варнскихъ львовъ. Кайсаровъ сказалъ мнѣ, что взятыя подъ Варной пушки отосланы въ Варшаву, какъ трофеи славянскаго мщенія, и изъ его разговора я заключилъ, что онъ принадлежитъ къ какому то славянскому обществу политическому или ученому.

Обѣдъ окончился очень весело. Послѣ обѣда всѣ оставались въ залахъ еще часа два, до чаю. Государь нѣсколько разъ удалялся въ свои покои и снова возвращался съ видимымъ желаніемъ не мѣшать общимъ разговорамъ.

Старый фельдмаршалъ Сакенъ подозвалъ меня и сталъ спрашивать, предпочитаю ли я лавры героя или розы красавицы, на что я отвѣтилъ, что предпочелъ бы второе, но только, къ несчастью, такой красавицы нѣтъ

Библиотека "Руниверс"

Фельдмаршалъ Сакенъ, несмотря на суровость и строгость, въ которыхъ его обвиняли, былъ чрезвычайно пріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ, любилъ проводить время среди мѣстныхъ помѣщиковъ; въ то время ему было уже лѣтъ подъ девяносто. Его адъютантъ, полковникъ Милорадовичъ, разсказывалъ намъ, что ослабѣвшаго отъ старости фельдмаршала ежедневно утромъ растирали ромомъ съ какими то медикаментами, давали выпить рюмку или двѣ вина и тогда только онъ приходилъ въ себя и, какъ заведенная машина, двигался до вечера. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ необходимости суровыхъ наказаній въ арміи для поддержанія дисциплины, что все только о нихъ и думалъ. Тотъ же Милорадовичъ разсказывалъ анекдотъ, будто бы однажды, когда фельдмаршалу доложили утромъ о томъ, что его верховая лошадь захромала, онъ спросонья проговорилъ:

— Разжаловать его въ солдаты и послать въ сибирскіе батальоны.

Фельдмаршалъ Дибичъ по наружности совершенно отличался отъ Сакена. Довольно тучный, приземистый, съ толстыми руками и ногами, онъ имѣлъ видъ нѣмца-пивовара, въ глазахъ его и улыбкѣ проглядывало добродушіе и, дѣйствительно, говорили, что онъ былъ очень доступенъ и снисходителенъ по отношенію къ подчиненнымъ.—Дибичъ былъ очень честенъ и свѣдущъ въ военномъ искусствѣ, но у него не было священнаго огня полководца.

Въ турецкую войну наиболѣе отличился генералъ Ротъ, а послѣ него Гейсмаръ, какъ люди отважные, даже дерзкіе по своимъ замысламъ и хладнокровные и мужественные въ исполненіи этихъ замысловъ. Подвиги генерала Гейсмара во главѣ драгуновъ на Дунаѣ приводились, какъ примѣры предусмотрительности, осторожности и неустрашимаго мужества. Переходъ генерала Рота черезъ Балканы въ виду многочисленной турецкой арміи подъ Шумлой, занятіе Адріанополя и высылка отрядовъ къ Константинополю и Дарданелламъ были блестящими примѣрами неустрашимой отваги и увѣренности въ себѣ. Какъ на слѣпого и безстрашнаго исполнителя приказаній указывали на графа Палена 2-го. Дибичъ говорилъ о немъ: „Надо

Библиотека "Руниверс"

хорошо обдумать, чтобы не дать неудачнаго приказанія Палену, потому что онъ отступать не умѣетъ, нелѣпости въ полученныхъ приказаніяхъ не видитъ, разъ ему приказано—онъ и себя и войско погубитъ, а приказаніе выполнитъ".

На слѣдующій день былъ смотръ войскамъ. По распоряженію ген. Адлерберга, я вмѣстѣ съ Корженевскимъ былъ въ свитѣ Государя. Дядя никогда, правду сказать, не служилъ въ военной службѣ. Какъ человѣкъ богатый, находившійся въ родствѣ съ Поцѣями, Малаховскими, Богушами и почти со всѣми литовскими магнатами, онъ былъ назначенъ при Станиславѣ-Августѣ бригадиромъ пинской бригады „кавалеріи народовой", которой никогда не видѣлъ, и притомъ никогда не садился на коня. Фельдмаршалы Сакенъ и Дибичъ, видя расположеніе Государя къ Корженевскому, доложили ему, что ихъ товарищъ, Михаилъ Корнѣевичъ Корженевскій, очень обиженъ, такъ какъ былъ бригадиромъ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, а теперь не числится болѣе въ арміи, хотя и не былъ уволенъ въ отставку, и просили вознаградить его за эту несправедливость. Государь приказалъ зачислить Корженевскаго по кавалеріи съ производствомъ въ генералы. На смотръ дядя явился уже въ генеральскомъ мундирѣ на прекрасномъ бѣломъ конѣ, такомъ смирномъ, что на немъ можно было молоко возить. Я былъ подлѣ него, тоже верхомъ на великолѣпной горячей лошади. Я былъ недурнымъ и смѣлымъ наѣздникомъ; самъ Государь замѣтилъ это. Когда гусарскіе полки начали дефилировать предъ нимъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ. Я исполнилъ приказаніе и поскакалъ голопомъ. Примѣръ ли моего коня или музыка и приближеніе кавалерійской колонны произвели то, что лошади фельдмаршаловъ и дяди стали безпокоиться. Сакена поддержалъ адъютантъ, Дибичъ усидѣлъ на конѣ и потомъ слѣзъ съ него, а Корженевскій очутился на землѣ; какъ онъ свалился,—никто не видѣлъ. Къ счастью, онъ отдѣлался однимъ испугомъ, за то смѣху было много. Смотръ прошелъ благополучно; Государь остался очень доволенъ войсками.

На третій день пріѣхала Государыня. По этому случаю былъ большой балъ, на которомъ я имѣлъ счастіе танцовать съ

Библиотека "Руниверс"

Императрицей и разговаривать съ ней о старой графинѣ Браницкой. Государыня танцовала превосходно и такъ изящно, что ни одна полька не могла сравниться съ нею. При Государынѣ были: г-жа Баранова, двѣ дѣвицы Медемъ и замѣчательная красавица княжна Урусова. Предъ концомъ бала гр. Станиславъ Потоцкій сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, въ виду несклонности моей къ военной службѣ, всемилостивѣйше пожаловалъ меня въ камеръ-юнкеры и что, устроивъ свои дѣла, я долженъ явиться въ Петербургъ ко двору. Корженевскій и я благодарили Государя за милость. И Государь и Государыня обошлись съ нами очень ласково, а Государь сказалъ мнѣ:

— Думаю, что въ Петербургѣ почувствуешь склонность къ военной службѣ.

Государь уѣхалъ на слѣдующій день очень рано. Государыня нѣсколько часовъ спустя. При отъѣздѣ гофмейстерина Баранова очень любезно сказала мнѣ:

— До свиданья въ Петербургѣ.

Такъ я сдѣлался камеръ-юнкеромъ. Я присягалъ при вступленіи въ общество тамплiеровъ, что не вступлю ни въ какія иныя отношенія и не приму на себя никакихъ иныхъ обязательствъ. Я твердо рѣшилъ остаться вѣрнымъ своей клятвѣ, но, признаюсь, это рѣшеніе стоило мнѣ дорого, такъ какъ Императоръ Николай Павловичъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и я постоянно думалъ: отчего поляки не группируются вокругъ него и добровольно не снискиваютъ его расположенія, лучше бы для нихъ было. Таковы были мои мысли въ то время; часто и очень часто приходили онѣ мнѣ въ голову впослѣдствіи, возвращаясь какъ голуби подъ старую крышу, и теперь еще живо во мнѣ это убѣжденіе, и все таки я остался вѣрнымъ своей клятвѣ, какова бы она ни была, и исполнилъ свои обязанности добросовѣстно, не щадя не только жизни, что легко для польскаго шляхтича, но даже не щадя своего состоянія, что гораздо труднѣе.

Генералъ Корженевскій пріобрѣлъ огромное значеніе у мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Прежде онъ имѣлъ вліяніе, благодаря взяткамъ, которыя раздавалъ не жалѣя, теперь же

Библиотека "Руниверс"

милость Государя удвоила и уваженіе къ нему и его значеніе. Надъ нимъ не тяготѣло никакого обвиненія въ непатріотическихъ поступкахъ; онъ отнесся къ раздѣлу Польши такъ же, какъ отнеслась большая часть мѣстныхъ помѣщиковъ: призналъ совершившійся фактъ и примирился съ положеніемъ дѣлъ, котораго не могъ измѣнить. Онъ не старался снискать расположенія правительства позорными путями, во вредъ другимъ помѣщикамъ, и предосудительными съ точки зрѣнія польскаго патріота, и все же онъ не пользовался любовью среди помѣщиковъ, единственно потому, что былъ богаче и вліятельнѣе другихъ. Ему лгали, пользовались его помощью, услугами и въ то же время выдумывали про него невѣроятныя вещи, хотя всѣ клеветы были ложны.

Я самъ не разъ удивлялся, какъ безъ широкаго и основательнаго образованія, безъ заслугъ въ прошломъ, безъ большого богатства, такъ какъ, хотя у него и было 6,000 душъ крестьянъ, нѣсколько мѣстечекъ и много деревень, все же онъ не могъ сравниться съ крупными магнатами, Корженевскій съумѣлъ сблизиться и завести отношенія съ фельдмаршалами и другими вліятельными людьми. Случайно я открылъ этотъ секретъ. Во время пребыванія Государя въ Коднѣ, мы съ Игнатіемъ Стемпковскимъ вошли однажды нечаянно въ кабинетъ Корженевскаго и увидѣли тамъ генерала въ обществѣ камердинеровъ Сакена и Дибича, сидѣвшихъ съ нимъ за панибрата и попивавшихъ шампанское. Мы удалились. По уходѣ гостей генералъ пригласилъ насъ и сказалъ:

— Вы удивились, конечно, заставъ меня, генерала, въ обществѣ камердинеровъ, я понимаю ваше удивленіе—вы еще молоды и не можете уразумѣть такой житейской вещи: хотя я и богатый человѣкъ и генералъ, но еслибы заискивалъ у Сакена или Дибича, то они даже не обратили бы на меня вниманія, или насмѣхались бы и говорили бы, что я унижаюсь, потому что они привыкли смотрѣть на людей такъ, какъ будто тѣ созданы иначе, чѣмъ они, считать насъ за ничтожество. Между тѣмъ ихъ камердинеры почитаютъ за честь и за счастье быть въ обществѣ генерала, потому что и они, хоть и камердинеры, само-

Библиотека "Руниверс"

любивы и тщеславны, можетъ быть еще болѣе, чѣмъ ихъ господа. Обласканные мною такимъ образомъ, какъ вы видѣли, они утромъ, одѣвая своихъ господъ, и вечеромъ, раздѣвая ихъ, твердятъ, какъ попугаи: „Михаилъ Корнѣевичъ—хорошій человѣкъ, какъ онъ любитъ ваше сіятельство". Господа слушаютъ и, когда достаточно наслушаются, начинаютъ вѣрить, что это такъ и на самомъ дѣлѣ, и берутъ своихъ поклонниковъ подъ покровительство. Такимъ образомъ я снискалъ покровительство обоихъ фельдмаршаловъ и другихъ сильныхъ людей. Единственно въ этомъ заключается секретъ моего значенія. Я знаю свое мѣсто, не поднимаю носъ, въ каждомъ вижу человѣка—созданіе Божье, стараюсь пріобрѣсти его расположеніе, и пользуясь маленькими людьми, добираюсь до великихъ. Вотъ мой образъ дѣйствій.

Мы не могли не признать, что сказанное имъ было вѣрно и практично, но не могли также преодолѣть шляхетской гордости и дойти до такихъ поступковъ.

Проѣздъ Государя чрезъ наши области нисколько не измѣнилъ политическихъ чувствъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Усиливалось недовольство, недовѣріе и все яснѣе и яснѣе рисовались мечты о возстаніи. До насъ долетали слухи объ іюльскихъ событіяхъ во Франціи, почерпаемые изъ газетъ и частныхъ сообщеній. Домъ Шафнагеля былъ источникомъ этихъ сообщеній и благодаря этому хозяинъ входилъ нѣкоторымъ образомъ въ кругъ помѣщиковъ, облагораживался. Очаровательная панна Эвелина Хилинская, племянница пани Шафнагель, умѣла прекрасно разсказывать объ этихъ іюльскихъ событіяхъ; молодежь слушала ее и любовалась ею, а панъ Шафнагель повѣствовалъ почтеннымъ помѣщикамъ, за чаркой добраго вина и кускомъ швейцарскаго сыра, о Карлѣ X, Людовикѣ-Филиппѣ, Бурбонахъ, Орлеанахъ и т. п. Помѣщики слушали и чтобы не пользоваться этимъ удовольствіемъ даромъ, чего не позволяла шляхетская гордость, покупали разныя драгоцѣнности для женъ и дочерей, привозили домой и, отдавая ихъ, говорили: „Это отъ Шафнагеля, а какія новости онъ намъ поразсказалъ, да все важныя!" Жены и дочери слушали, а дня черезъ два—три,

Библиотека "Руниверс"

опять посылали за новостями къ Шафнагелю: такая де теперь знаменательная эпоха. Такимъ образомъ Шафнагель сталъ у помѣщиковъ руководителемъ политики и горячимъ патріотомъ, потому что помѣщичьи дукаты съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сыпались въ его шкатулку. Онъ благословлялъ политику, да и было за что!

Событія, совершавшіяся во Франціи, гораздо болѣе волновали сердца поляковъ и помѣщиковъ, чѣмъ турецкая война. Напрасно въ то время Генрихъ Ржевускій разсуждалъ о карловицкомъ трактатѣ, подъ которымъ подписался его предокъ, напрасно убѣждалъ онъ, что турки единственные союзники, которые охраняли до конца существованіе Рѣчи-Посполитой, что рядъ пораженій, понесенныхъ Турціей, есть слѣдствіе защиты Польши, что Высокая Порта доселѣ не подписала ни одного трактата, которымъ признала бы законность раздѣла Польши, что она вѣрна союзному договору и что только сближеніе съ турками можетъ возстановить падшее отечество, что въ Турціи находятся остатки войска Рѣчи-Посполитой, запорожцы, однимъ словомъ, что союзъ съ турками для поляковъ—союзъ традиціонный, историческій и политическій. Поляки слушали, зѣвали и все повторяли: „да вѣдь они бусурманы“.

Когда же Шафнагель разсказывалъ или читалъ объ уличной схваткѣ въ Парижѣ, о Лафайеттѣ, о зонтикѣ Людовика-Филиппа, то не у одного чесался языкъ приказать сѣдлать коней, закладывать экипажи, чтобы летѣть въ Парижъ, на помощь тому братскому народу, съ которымъ соединяетъ поляковъ вѣковая связь крови, пролитой на однихъ и тѣхъ же поляхъ битвъ, пролитой за славу Рѣчи Посполитой, за славу императора Наполеона, но увы! не за Польшу. Но вѣдь поляки носятъ названіе французовъ сѣвера и гордятся этимъ названіемъ, и хотя французы никогда не принимали названія поляковъ юга, но что за дѣло до этого! Надо летѣть на помощь французамъ. Развѣ Генрихъ Валуа не сидѣлъ на польскомъ престолѣ и не бѣжалъ съ него? Развѣ Марія Лещинская не была королевой французской и развѣ Франція не старалась посадить на престолъ Станислава Лещинскаго? Развѣ Домбровскій, Князевичъ,

Библиотека "Руниверс"

Малаховскій не проливали своей крови и крови польскихъ легіоновъ въ Италіи, Германіи, Санъ-Доминго и Египтѣ за цѣлость и славу французской республики, а эта республика развѣ не заключала договоры съ Россіей, Пруссіей и Австріей, не упоминая даже имени Польши, освящая молчаніемъ и подписываніемъ трактатовъ раздѣлы королевства или республики польской? Развѣ поляки не были защитниками наполеоновскихъ орловъ въ Испаніи, въ Германіи, подъ Смоленскомъ, подъ Бородинымъ, при переправѣ черезъ Березину? Развѣ кн. Іосифъ Понятовскій не палъ подъ Лейпцигомъ, сражаясь за Наполеона, а Дверницкій развѣ не дрался во главѣ польской молодежи за Францію во время паденія имперіи? И что же за все это получили поляки и Польша? То, что Наполеонъ I гдѣ то тамъ, на островѣ св. Елены, сказалъ: „Плохо, что я не зналъ поляковъ, плохо, что я не помнилъ о Польшѣ!“ Сожалѣнія трупа надъ умирающимъ! Но Франція имѣетъ г-жу де-Жанлисъ, на произведеніяхъ которой учились французскому языку польскія матроны, имѣетъ Жоржъ-Сандъ, писанія которой знаютъ на память польскія дѣвушки, имѣетъ бордосское для польскихъ отцовъ, а шампанское для сыновей, столько модныхъ уборовъ для прекраснаго пола, столько лоретокъ и гризетокъ для пола непрекраснаго! Она имѣетъ своего Лафайетта и національную гвардію. Какъ же не летѣть къ ней на помощь? Кто полякъ, кто носитъ польское имя, у кого бьется польское сердце, тотъ долженъ сражаться и умирать за Францію. Таково было настроеніе польскихъ дворянъ.

Камергеръ и подканцлеръ услыхали объ этомъ и объѣзжали сосѣдей.

— Великій богатырь этотъ Лафайеттъ! Глава народолюбцевъ, какъ и нашъ Косцюшко. Кто знаетъ, не пришлютъ ли его въ Польшу, чтобы онъ устроилъ конфедерацію и призвалъ къ оружію народолюбцевъ? Тогда всѣ пойдемъ, никто изъ насъ не спрячется за печку.

Іосифъ Валевскій, капитанъ 1-го конно-егерскаго полка, крутилъ усъ, потиралъ носъ и говорилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Войска сохранили выпушки. Цесаревичъ, нашъ любимый вождь, не пошлетъ насъ на французовъ, пойдемъ на другихъ добывать лампасы, и французы будутъ съ нами.

Умы были возбуждены не только среди помѣщиковъ, но и среди другихъсословій. Евреи, видя сколько зарабатывалъ Шафнагель на политикѣ, такъ какъ любопытные евреи уже обо всемъ провѣдали, начали также политиканствовать, разсказывать мужикамъ о томъ, что дѣлается во Франціи, какъ тамъ выгнали короля и теперь тамъ свобода, о Лафайеттѣ, что это народный атаманъ, о національной гвардіи, что это реестровые козаки; и мужики мечтали о возвращеніи козачества, гетманщины, объ атаманѣ и о козацкихъ полкахъ, даже о Запорожьѣ и гайдамачинѣ.

Варнскіе львы выступили изъ нашихъ мѣстъ и вмѣсто нихъ пришелъ 3-й корпусъ, но уже безъ генерала Рота. Гусары 3-й дивизіи снова заняли Бердичевъ, Сквиру, Любаръ и Новую Трою. Среди гусаровъ снова появились поляки: Титъ Пословскій, Константинъ Залѣсскій и многіе другіе, которые всѣ готовы были оставить полки ради отечества.

Столько было возбужденныхъ элементовъ, а не было отступниковъ. О Тадеушѣ Валевскомъ и Викентіѣ Тышкевичѣ не было ни слуху, ни духу, даже тампліерскія представленія прекратились.

При такихъ обстоятельствахъ подоспѣло время новыхъ дворянскихъ выборовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ: въ волынской въ іюлѣ, въ подольской въ августѣ, а въ кіевской въ сентябрѣ, но теперь выборы были отложены на мѣсяцъ по случаю пріѣзда Государя. Мы ѣхали на эти выборы толпами въ увѣренности, что тамъ застанемъ уже и начальниковъ и всю организацію тампліеровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

Предлагаемый очеркъ жизни Ильи Ѳедоровича Тимковскаго, игравшаго нѣкогда очень значительную роль въ харьковскомъ учебномъ округѣ, составленъ по неизвѣстнымъ читающей публикѣ его подлиннымъ бумагамъ, которыя до сего времени сохраняются въ трехъ большихъ сундукахъ, въ с. Турановкѣ, глуховскаго уѣзда [1]), и которыя со времени смерти И. Ѳ. Тимковскаго до сей поры, повидимому, никѣмъ не были тронуты, несмотря на то, что, какъ мы видѣли изъ переписки сына Ильи Ѳедоровича Василія Ильича Тимковскаго съ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, оба они въ теченіе своей жизни были заняты мыслью о томъ, что надо бы было написать біографіи, какъ Ильи Ѳедоровича, такъ и его братьевъ, которые обоимъ имъ приходилось родными дядями: В. И. Тимковскому—по отцу, а М. А. Максимовичу—по матери, урожденной Тимковской [2]). Съ этою цѣлью они сообщали другъ другу разныя свѣдѣнія о своихъ общихъ родственникахъ и дѣлились ихъ автографами, повидимому, не подозрѣвая того, что въ упо-

[1]) Приносимъ нашу искреннюю признательность внучкѣ И. Ѳ. Тимковскаго, теперешней владѣльницѣ Турановки, О. А. Постельниковой за предоставленіе намъ возможности воспользоваться этими бумагами.

[2]) Такъ напримѣръ, въ письмѣ отъ 11 февраля 1872 г. М. А. Максимовичъ, говоря о необходимости собирать матеріалы для біографій Тимковскихъ, писалъ: „Все это въ свое время будетъ обнародовано, если Богъ пошлетъ вѣку михайлогорскому любителю родной старины. Отцевская, Максимовичевская, уже

Библиотека "Руниверс"

мянутыхъ сундукахъ въ Турановкѣ сохраняются цѣлыя сотни писемъ тѣхъ, автографы которыхъ они, какъ рѣдкость, передавали другъ другу, и есть не мало другихъ матеріаловъ для біографій, которыми они интересовались [1]).

Мы не имѣли достаточно времени, чтобъ написать обстоятельную біографію И. Ѳ. Тимковскаго; но, просмотрѣвши его бумаги, нашли нѣкоторыя изъ нихъ настолько интересными, что желали познакомить съ содержаніемъ ихъ и читателей, ради чего главнымъ образомъ и написанъ настоящій очеркъ. Будемъ надѣяться, что въ виду этого читатели не посѣтуютъ на насъ за нѣкоторыя отступленія, которыя мы позволили себѣ въ своей статьѣ для того, чтобъ сдѣлать извѣстными матеріалы, имѣющіе значеніе не только для жизнеописанія И. Ѳ. Тимковскаго, но и для исторіи университета и другихъ учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа.

Фамилія Тимковскихъ ведетъ свое начало отъ козака бубновской сотни *Тимка* (Тимоѳея) Антоновича, вышедшаго изъ заднѣпровской Украины послѣ прутскаго мира. Его сынъ Василій, прозванный по имени отца *Тимченкомъ*, переселился изъ Бубнова въ Переяславъ и, служа тамъ козакомъ терехтемировской сотни, участвовалъ во всѣхъ походахъ турецкой войны, веденной Минихомъ, а послѣ того постригся въ монахи Кіево-Печерской лавры, подъ именемъ Виталія или Вассіана. Сынъ его, Назаръ Васильевичъ *Тимковскій*, служилъ сотеннымъ писаремъ терехтемировской сотни, а затѣмъ, оставивши войсковую службу, принялъ отъ епископа Никодима посвященіе въ па-

обнародована, еще въ сороковыхъ годахъ, въ моей „Бубновской сотнѣ“; матеріяская, Тимковщина, лежитъ на душѣ,—и грустно мнѣ было бы не выдать ее въ свѣтъ“.

[1]) Чтобъ былъ понятенъ этотъ фактъ, надо упомянуть, что послѣ смерти И. Ѳ. Тимковскаго М. А. Максимовичъ уже не бывалъ больше въ Турановкѣ, а В. И. Тимковскій проживая постоянно въ Петербургѣ, пріѣзжалъ въ Турановку только на короткое время, между тѣмъ какъ разборка всѣхъ бумагъ И. Ѳ., оставшихся въ огромномъ количествѣ и безпорядочно смѣшанныхъ съ хозяйственными счетами и разнаго рода бумажнымъ хламомъ, требовала значительнаго времени.

Библиотека "Руниверс"

стоятели Покровской церкви въ с. Войтовцахъ, подъ Переяславомъ.

Назаръ Васильевичъ имѣлъ сыновей Ѳедора и Ивана. Изъ нихъ старшій, Ѳедоръ Назарьевичъ (отецъ Ильи Ѳедоровича), служилъ полковымъ канцеляристомъ въ переяславскомъ полку, потомъ сотеннымъ асауломъ переяславской сотни, затѣмъ переяславскимъ почтмейстеромъ и наконецъ — засѣдателемъ золотоношскаго уѣзднаго суда. Женившись на дочери войскового товарища Аннѣ Савишнѣ Терлецкой, онъ на ея деньги пріобрѣлъ хуторъ на рѣчкѣ Згари, верстахъ въ десяти отъ Золотоноши. Этотъ хуторъ (родина Михаила Александровича Максимовича) съ той поры сталъ называться *Тимковщиною,* а въ семьѣ Тимковскихъ его называли, по имени рѣчки, *Згарью.* Поселившись въ этомъ хуторѣ, Ѳедоръ Назарьевичъ завѣдывалъ дѣлами графа А. А. Безбородка, имѣвшаго имѣніе въ с. Буромкѣ, золотоношскаго уѣзда, и по его дѣламъ бывалъ въ Петербургѣ. Умеръ 29 августа 1790 года.

Другой сынъ Назара Васильевича, Иванъ, служилъ сначала въ полковой канцеляріи въ Переяславѣ, а потомъ въ малороссійской коллегіи въ Глуховѣ; по смерти же Ѳедора Назарьевича, онъ оставилъ службу и переселился въ хуторъ Тимковскихъ, чтобъ помочь оставшейся съ многочисленнымъ семействомъ вдовѣ въ управленіи хозяйствомъ и въ воспитаніи дѣтей. Всѣ они потомъ считали себя много обязанными Ивану Назарьевичу, а М. А. Максимовичъ въ своей автобіографіи[1]) называетъ его „мужемъ святой жизни". Когда самый младшій изъ сыновей Ѳедора Назарьевича былъ уже помѣщенъ въ московскій университетъ, а всѣ дочери были выданы замужъ, тогда Иванъ Назарьевичъ простился съ Тимковщиною и поселился въ качествѣ послушника въ Печерской лаврѣ, откуда перешелъ въ Мошногорскій монастырь, гдѣ умеръ въ 1823 г.

У Ѳедора Назарьевича было пять сыновей: Илья, Иванъ, Василій, Романъ и Егоръ и три дочери: Татьяна, Марія и

[1]) Біографическій словарь профессоровъ московскаго университета, томъ II, стр. 1—22

Библиотека "Руниверс"

Гликерія, бывшія въ замужествѣ: первая—за Ив. И. Прохоровичемъ, вторая—за Сав. Ѳ. Самусемъ и третья—за Ал. Ив. Максимовичемъ. Эта послѣдняя была матерью Михаила Александровича Максимовича.

Всѣ названные сыновья Ѳедора Назарьевича были люди талантливые, и всѣ воспитывались сначала въ кіевской академіи, потомъ—въ московскомъ университетѣ.

Изъ нихъ Иванъ Ѳедоровичъ, окончивъ университетъ съ тремя медалями, служилъ въ канцеляріи графа Воронцова, а потомъ—въ коммиссіи сочиненія законовъ; умеръ молодымъ, на 30-мъ году жизни, оставивъ свое имя въ литературѣ на нѣсколькихъ переводахъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ; между прочимъ ему принадлежатъ переводы: „Полнаго собранія сочиненій Геснера“ (Москва 1803 г.) и романа Лафонтена „Природа и любовь“ (первое изданіе М. 1799 г.).

Василій Ѳедоровичъ, котораго съ дѣтства родные предназначили къ поступленію въ монашество, но который, получивъ воспитаніе, воспротивился этому, службу свою началъ довольно поздно—на 30-мъ году, въ канцеляріи государственнаго совѣта, гдѣ онъ состоялъ при предсѣдателѣ департамента государственной экономіи Н. С. Мордвиновѣ (въ домѣ котораго и жилъ); потомъ онъ состоялъ при государственномъ секретарѣ А. С. Шишковѣ и сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ въ Россіи и заграницею (причемъ на него, между прочимъ, было возлагаемо сочиненіе манифестовъ въ эпоху войны съ Наполеономъ). Затѣмъ онъ послѣдовательно занималъ должности: правителя канцеляріи при полномочномъ намѣстникѣ бессарабской области,—начальника обоихъ отдѣленій азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя оренбургской пограничной коммиссіи. Послѣ того, по просьбѣ главнокомандующаго въ Грузіи Ермолова, онъ былъ командированъ къ нему по особымъ порученіямъ, затѣмъ былъ назначенъ на должность бессарабскаго губернатора, которую занималъ не долго; умеръ 40 лѣтъ отъ роду.

Въ книжномъ мірѣ ему принадлежитъ нѣсколько стихотвореній, написанныхъ имъ въ бытность студентомъ кіевской

Библиотека "Руниверс"

академіи и напечатанныхъ въ книгѣ: „Радостныя чувствованія музъ“ (Кіевъ, 1796 г., 4°), которою академія привѣтствовала новаго митрополита Іероѳея. Кромѣ того, были изданы два его студенческихъ перевода книгъ: „Путешествіе Морица по Англіи“ (Москва, 1804 г.) и „Жизнь графа Миниха“ Галема (М. 1806 г.). Другимъ литературнымъ трудамъ Василія Ѳедоровича не суждено было быть изданными: „*Исторія Бессарабіи*“, написанная имъ въ 1816 г., погибла въ рукописи во время петербургскаго наводненія; по словамъ Мих. Ал. Максимовича, онъ видѣлъ у Василія Ѳед. другое замѣчательное сочиненіе—„*Князь Курбскій*“, въ переписанномъ на бѣло экземплярѣ, но съ многочисленными поправками карандашемъ, свидѣтельствовавшими, что авторъ не былъ вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ; какая судьба постигла это сочиненіе — неизвѣстно. Наконецъ, онъ велъ путевыя записки во время своихъ путешествій и писалъ записки о Кавказѣ. Сожалѣя, что все это осталось безъ вѣсти, если не пропало, М. А. Максимовичъ прибавляетъ: „сила пера его не рѣдко уравнивалась съ силою его увлекательнаго изустнаго слова, въ которомъ я не зналъ ему равнаго“. Кажется, это былъ самый талантливый изъ сыновей Ѳедора Назарьевича.

Романъ Ѳедоровичъ былъ профессоромъ московскаго университета. Его жизнь и ученые труды описаны П. М. Снегиревымъ въ біографіи его, помѣщенной въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета“ [1]).

Егоръ Ѳедоровичъ извѣстенъ, какъ авторъ изданнаго въ 1824 г., въ трехъ томахъ, сочиненія: „Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ“ (напечатано было по Высочайшему повелѣнію иждивеніемъ казны, Спб. 1824 г. 8°). Теперь это сочиненіе устарѣло, но въ свое время оно представляло самое обстоятельное собраніе свѣдѣній о Китаѣ, и было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Служилъ Егоръ Ѳедоровичъ по министерству иностранныхъ дѣлъ въ разныхъ должностяхъ, и умеръ въ должности непремѣннаго члена совѣта этого министерства.

[1]) Томъ II, стр. 486—498.

Библиотека "Руниверс"

Старшій сынъ Ѳедора Назарьевича, Илья Ѳедоровичъ, родился 15 іюля 1772 или 1773 года, въ г. Переяславѣ [1]), гдѣ въ то время отецъ его находился на службѣ и откуда въ 1777 г. онъ переселился въ золотоношскій уѣздъ. Ученье свое Илья Ѳедоровичъ, такъ же какъ и всѣ братья и сестры его, началъ въ золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время у монахини Варсонофіи было нѣчто въ родѣ маленькаго пансіона. Послѣ того, какъ эту Варсонофію, съ ея помощницею монахинею Ипполитою, смѣнили для Ильи Ѳ. нѣсколько другихъ наставниковъ, онъ былъ отданъ въ переяславскую семинарію, а затѣмъ—въ кіевскую академію, въ которой учился пять лѣтъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Москвитянинѣ“ подъ заглавіемъ: „Мое опредѣленіе въ службу“ [2]), Тимковскій говоритъ, что считаетъ себя много обязаннымъ преподавателямъ кіевской академіи.

Въ то время ежегодно одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ окончившихъ курсъ академіи поступали въ московскій университетъ. Переписываясь оттуда съ своими товарищами, оставшимися въ Кіевѣ, уѣхавшіе присылали имъ вѣсти объ университетѣ, профессорахъ и разныхъ подробностяхъ университетской жизни. Эти извѣстія возбудили и въ Тимковскомъ желаніе, по окончаніи курса академіи, отправиться въ московскій университетъ.

Поступивъ въ этотъ университетъ въ началѣ сентября 1789 г., Тимковскій блестящимъ образомъ прошелъ университетскій курсъ, получивъ четыре медали: три серебряныхъ и одну золотую. Изъ нихъ двѣ серебряныхъ медали были даны ему въ 1790 и 1792 г. по философскому факультету, а третья серебряная и золотая медали были даны въ 1793 и 1795 г.

---

[1]) Въ статьѣ нашей: „Къ столѣтію новгородсѣверской гимназіи“, напечатанной, съ подписью *Сѣверянина*, въ сентябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1888 г., мы, еще не будучи въ то время знакомы съ бумагами Тимковскихъ, впали въ ошибку, назвавъ Илью Ѳедоровича уроженцемъ с. Тураповки, глуховскаго уѣзда. Кстати, исправляемъ здѣсь эту ошибку, а о Тураповкѣ еще будемъ говорить ниже

[2]) Москвитянинъ 1852 г. №№ 17—20, перепечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., № 6.

Библиотека "Руниверс"

по юридическому факультету. Позже, когда Тимковскій представлялся основателю и первому куратору московскаго университета И. И. Шувалову, послѣдній, какъ разсказываетъ Тимковскій въ своихъ воспоминаніяхъ, такимъ образомъ подшутилъ надъ нимъ по поводу этихъ четырехъ медалей: когда Тимковскій назвалъ себя, Шуваловъ сказалъ ему: „Я васъ знаю, вы обидѣли мой университетъ“. Тимковскій смутился и не зналъ, что сказать, а Шуваловъ, улыбаясь, продолжалъ: „Вы забрали у меня столько медалей“.

Будучи студентомъ университета, Тимковскій сталъ печатать свои первые литературные опыты, помѣщая въ журналахъ того времени стихотворенія и разныя журнальныя статьи. Изъ нихъ напечатанное въ 1-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1797 г. стихотвореніе, написанное на новый годъ, обратило на себя вниманіе новаго куратора университета кн. Ѳ. Н. Голицына и послужило поводомъ къ сближенію Тимковскаго съ Голицынымъ.

По окончаніи Тимковскимъ въ 1797 г. университетскаго курса, назначенный, кажется, въ томъ же году генералъ-прокуроромъ кн. А. Б. Куракинъ отнесся въ московскій университетъ, прося доставить ему въ канцелярію двухъ окончившихъ курсъ, свѣдущихъ въ правовѣдѣніи. Конференція университета избрала Тимковского и одного товарища его, вслѣдствіе чего они и должны были отправиться въ Петербургъ.

Какъ видно изъ сохранившихся между бумагами Тимковскаго писемъ, кураторъ университета кн. Ѳ. Н. Голицынъ и директоръ университета И. П. Тургеневъ напутствовали этихъ двухъ студентовъ своими добрыми пожеланіями. Голицынъ писалъ Тимковскому: „Вы оба уже имѣете достаточныя начала полезныхъ знаній; не преставайте оныя приводить часъ отъ часу въ совершенство и тѣмъ содѣлаете честь и славу тому мѣсту, гдѣ вы воспитались, а себѣ драгоцѣнное наименованіе достойныхъ людей“. Тургеневъ въ своемъ письмѣ говорилъ: „Радуюсь, видя, что вамъ не худо въ Петербургѣ; сердечно желаю, чтобъ и впредь ваше тамъ пребываніе служило вамъ способомъ къ постепенному достиженію всего того, что честный и

Библиотека "Руниверс"

умный человѣкъ желать себѣ можетъ; имѣя нѣкоторые опыты въ жизни, еще совѣтую вамъ, яко любящій васъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не терять терпѣнія, благодушествовать и твердо идти къ предположенной цѣли". Кромѣ добрыхъ пожеланій и рекомендательныхъ писемъ, Голицынъ снабдилъ Тимковскаго и своимъ экипажемъ, для путешествія отъ Москвы до Петербурга.

По прибытіи въ Петербургъ, Тимковскій былъ опредѣленъ въ сенатскій юнкерскій институтъ для преподаванія россійскаго правовѣдѣнія. Здѣсь, преподавая правовѣдѣніе, Тимковскій сталъ обрабатывать свой трудъ, который задумалъ, еще будучи студентомъ университета, — „Систематическое расположеніе законовъ россійскихъ". За это сочиненіе, которое, будучи написано задолго до изданія Свода законовъ, было первымъ опытомъ систематизаціи русскихъ законовъ, Тимковскій въ августѣ 1802 г. удостоился получить Высочайшее благоволеніе и брилліантовый перстень, а самое сочиненіе было передано въ коммиссію сочиненія законовъ, предсѣдатель которой графъ П. В. Завадовскій (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) тогда же предложилъ Тимковскому перейти на службу въ эту коммиссію, отъ чего Тимковскій отказался. Изъ нѣкоторыхъ писемъ видно, что въ то же время Тимковскій сотрудничалъ въ издавшемся съ 1799 г. Голубковымъ журналѣ „Новости", но какія именно статьи были помѣщены въ немъ Тимковскимъ—намъ не извѣстно.

Когда въ томъ же 1802 г. были учреждены министерства, сдѣлавшійся министромъ юстиціи Г. Р. Державинъ, съ которымъ Тимковскій познакомился у И. И. Шувалова, предложилъ Тимковскому должность юрисконсульта въ департаментѣ министерства юстиціи. Здѣсь Тимковскій занимался недолго, всего четыре мѣсяца, составивъ, между прочимъ, по порученію Державина, проектъ третейскаго совѣстнаго суда.

Вслѣдъ затѣмъ Тимковскій почти одновременно получилъ два предложенія. 28 января 1803 г. синдикъ дерптскаго университета баронъ Унгернъ-Штернбергъ писалъ Тимковскому: „За полгода предъ симъ кураторы дерптскаго университета возымѣрились, вслѣдствіе особеннаго вамъ одобренія со стороны

Библиотека "Руниверс"

сенатора Нелединскаго-Мелецкаго и директора московскаго университета И. П. Тургенева, предложить вамъ мѣсто ординарнаго профессора россійскихъ правъ при здѣшнемъ университетѣ, почему и относились къ г. Аленину съ просьбой объявить вамъ такое предложеніе; но въ отвѣтъ получили, что онъ, г. Аленинъ, не можетъ удовлетворить просьбы кураторовъ, потому что трудно найдти достойнаго вамъ преемника въ вашемъ училищѣ". Далѣе, указавъ на то, что по новому уставу дерптскаго университета, утвержденному 12 декабря прошлаго 1802 г., право выбора профессоровъ для сего университета, бывшее доселѣ во власти кураторовъ, предоставлено совѣту университета, Унгернъ-Штернбергъ продолжалъ, что образованный по этому уставу совѣтъ университета, озабочиваясь замѣщеніемъ каѳедры россійскихъ правъ, на основаніи отзывовъ Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго и Аленина, остановилъ свой выборъ также на Тимковскомъ, почему и поручилъ ему, синдику, войти въ личныя сношенія съ Тимковскимъ съ предложеніемъ занять мѣсто ординарнаго профессора въ дерптскомъ университетѣ.

Еще раньше, чѣмъ Тимковскимъ было получено это письмо, имѣвшій получить назначеніе на должность попечителя харьковскаго учебнаго округа членъ главнаго правленія училищъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій предложилъ Тимковскому сдѣлаться профессоромъ харьковскаго университета, объ учрежденіи котораго состоялось повелѣніе и который еще предстояло устроить и открыть.

Желая служить ближе къ родинѣ, Тимковскій принялъ предложеніе Потоцкаго.

Учрежденіе харьковскаго университета совпало по времени съ учрежденіемъ министерствъ, раздѣленіемъ имперіи на учебные округа и преобразованіемъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Общій планъ устройства учебной части въ имперіи, выработанный коммиссіею училищъ, былъ утвержденъ 24 января 1803 г. подъ названіемъ „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія" [1]). Въ правилахъ этихъ всѣ учебныя заведенія

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ I, царствованіе Александра I, № 6.

Библиотека "Руниверс"

были раздѣлены на четыре разряда: училища приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты; главное управленіе учебною частью было ввѣрено министру народнаго просвѣщенія и коммиссіи училищъ, получившей, со времени утвержденія предварительныхъ правилъ, оффиціальное названіе „главнаго училищъ правленія“.

Мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, какъ видно изъ документовъ, копіи которыхъ сохранились между бумагами Тимковскаго, возникла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 15 августа 1801 г. послѣдовалъ на имя слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Зильбергарниша Высочайшій рескриптъ, въ которомъ было указано, что для доставленія дворянству новыхъ и удобнѣйшихъ способовъ къ воспитанію дѣтей и приготовленію ихъ на службу и въ виду недостаточнаго числа кадетскихъ корпусовъ, могущихъ принимать ограниченное количество воспитанниковъ, несоразмѣрное ни числу желающихъ, ни пространству имперіи, признано нужнымъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и между прочимъ въ слободско-украинской губерніи, въ городѣ Харьковѣ, учредить дворянское военное училище. Объ этомъ было поручено губернатору объявить дворянству губерніи, чрезъ предводителей, „яко о дѣлѣ столь существенно къ нему принадлежащемъ и съ истинными пользами его столь близко сопряженномъ“. Далѣе въ этомъ рескриптѣ было изложено: „И какъ съ вѣроятностью предполагать можно, что, движимо любовью къ отечеству и зная всю важность лучшаго воспитанія, пожелаетъ оно (т. е. дворянство) раздѣлить со мною честь сего заведенія и пособіями своими принять участіе въ его устроеніи, я поручаю вамъ удостовѣрить его, что подвигъ такой принятъ будетъ мною со всѣмъ уваженіемъ руководствующаго къ нему начала и ознаменуетъ болѣе, нежели всѣ другія доказательства, колико россійское дворянство всегда готово единодушно дѣйствовать на пользу общую. Но при семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести были единымъ побужденіемъ сего дѣйствія“.

Библиотека "Руниверс"

По выслушаніи этого рескрипта, предводители и депутаты дворянства слободско-украинской губерніи 11 ноября 1801 г. положили внесть на учрежденіе въ Харьковѣ дворянскаго кадетскаго корпуса сумму въ сто тысячъ рублей.

Послѣ того, 8 сентября 1802 г. было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, и того же числа послѣдовалъ указъ объ обязанностяхъ коммиссіи училищъ, причемъ одною изъ главныхъ задачъ ея поставлено учрежденіе университетовъ [1]). Еще при Екатеринѣ II, въ указѣ ея отъ 29 января 1786 г., наиболѣе удобными пунктами для учрежденія университетовъ были признаны три города: Псковъ, Черниговъ и Пенза [2]). Теперь, когда вопросъ объ учрежденіи университетовъ снова сталъ на очередь, надлежало обсудить, дѣйствительно ли названные пункты представляются наиболѣе удобными, причемъ естественно могла возникнуть мысль, что городу Харькову, вмѣсто кадетскаго корпуса, на учрежденіе котораго дворянство рѣшилось пожертвовать сто тысячъ рублей, гораздо лучше было бы имѣть университетъ, на который можно бы было пожертвовать больше, чѣмъ на кадетскій корпусъ. Мысль эту сталъ дѣятельно пропагандировать между харьковскими дворянами ихъ депутатъ Василій Назарьевичъ Каразинъ, который со дня учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, т. е. съ 8 сентября 1802 г. занялъ должность правителя дѣлъ вышеупомянутой коммиссіи училищъ, переименованной потомъ въ „главное училищъ правленіе“, и который за нѣкоторое время передъ тѣмъ, въ качествѣ депутата отъ дворянъ, доставилъ въ Харьковъ Высочайше пожалованную слободско-украинскому дворянству подтвердительную грамоту о его правахъ и привилегіяхъ. Результатомъ увѣщаній Каразина было то, что, собравшись для изъявленія, по поводу пожалованія означенной грамоты вѣрноподданическихъ чувствъ и молебствія о здравіи Государя, слободско-украинское дворянство 1 сентября 1802 г. рѣшило: внести съ дворянскихъ

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ I стр. 4—5.

[2]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII, № 16315.

Библиотека "Руниверс"

имѣній губерніи, въ теченіи шести лѣтъ, на учрежденіе въ Харьковѣ университета (въ которомъ по проекту, составленному Каразинымъ, предполагался и военный факультетъ) 400,000 р., включая въ эту сумму и тѣ 100,000 рублей, которые раньше дворянство выразило готовность пожертвовать на учрежденіе военнаго училища, причемъ въ опредѣленіи дворянскаго собранія по этому предмету было добавлено: „какъ всѣ причины заставляютъ не отлагать начало сего заведенія, а между тѣмъ не можетъ оно вскорѣ имѣть необходимыхъ для своего помѣщенія зданій, то не благоволитъ ли Государь Императоръ позволить занять онымъ недостроенный домъ въ Харьковѣ, назначенный для присутственныхъ мѣстъ".

Вслѣдъ за дворянствомъ, и харьковское купечество опредѣлило вносить въ пользу университета, въ продолженіе 10-ти лѣтъ, сумму, равную подати, платимой имъ съ капиталовъ, и кромѣ того половину откупной винной суммы, которая слѣдовала въ пользу города по указу 3 мая 1783 г. Въ общей сложности сумма, пожертвованная купечествомъ, должна была составить 100 тысячъ рублей съ лишнимъ.

Означенныя пожертвованія дворянства и купечества были приняты, и въ утвержденныхъ 24 января 1803 г. „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія" (статья 14) было сказано, что въ Харьковѣ учреждается университетъ—„во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи". Такимъ образомъ, благодаря изложеннымъ обстоятельствамъ, городъ Харьковъ долженъ былъ получить университетъ гораздо раньше Петербурга, Казани и Кіева.

Того же 24 января 1803 г. имперія была раздѣлена на учебные округа, причемъ въ составъ харьковскаго округа вошли губерніи слободско-украинская (нынѣ харьковская), воронежская, курская, орловская, черниговская, полтавская, николаевская (нынѣ херсонская), екатеринославская, таврическая и земли донскихъ и черноморскихъ козаковъ.

Изъ изложеннаго видно, что въ занимавшемъ тогда огромное пространство харьковскомъ учебномъ округѣ предстояло

Библиотека "Руниверс"

одновременно устраивать высшее учебное заведеніе—университетъ и преобразовывать, или устраивать по новому уставу, среднія и низшія учебныя заведенія.

Ранѣе того, образованныя по уставу Императрицы Екатерины II отъ 5 августа 1786 г.[1]) такъ называемыя главныя народныя училища (четырехклассныя, съ 5-ти лѣтнимъ курсомъ) существовали не во всѣхъ губернскихъ городахъ: на весь харьковскій учебный округъ ихъ было девять, въ томъ числѣ восемь въ губернскихъ городахъ и одно въ уѣздномъ городѣ—Новгородсѣверскѣ; въ губерніяхъ николаевской и таврической и въ землѣ черноморскихъ козаковъ названныхъ училищъ не было. Малыя народныя училища (съ двухлѣтнимъ курсомъ) существовали далеко не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ: въ слободско-украинской губерніи ихъ было пять (въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ и Валкахъ), въ черниговской — четыре (въ Нѣжинѣ, Глуховѣ, Стародубѣ и Погарѣ), въ полтавской—только два училища (въ Прилукахъ и Ромнахъ), въ таврической—одно училище (въ Акмечети); въ губерніяхъ же николаевской и екатеринославской, въ землѣ донскихъ козаковъ и въ землѣ черноморскихъ козаковъ означенныхъ училищъ вовсе не было.

Между тѣмъ утвержденыя 24 января 1803 г. вышеупомянутыя предварительныя правила народнаго просвѣщенія требовали, чтобъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ было по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище и чтобъ въ каждомъ губернскомъ городѣ, кромѣ уѣзднаго училища, была гимназія. По университетскому уставу, утвержденному 5 ноября 1804 г., учрежденіе гимназій и уѣздныхъ училищъ должно было составлять одну изъ задачъ университета. Именно, въ 160 статьѣ этого устава говорилось: „университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями". Но такъ какъ университетъ

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII, № 16421.

Библиотека "Руниверс"

въ Харьковѣ еще не существовалъ, то заботы объ устройствѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ совпадали съ заботами объ устройствѣ самого университета.

Чтобъ устроить ихъ какъ слѣдуетъ, прежде всего нужно было привесть въ извѣстность, какой матеріалъ представляютъ существующія учебныя заведенія, т. е. главныя и малыя народныя училища, и что они могутъ дать, какъ относительно помѣщеній и учебныхъ пособій, такъ и относительно состава учителей и учениковъ, для вновь образуемыхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ.

Въ виду этого, упомянутый выше графъ С. О. Потоцкій въ представленіи своемъ отъ 31 декабря 1802 г. министерству народнаго просвѣщенія (графу П. В. Завадовскому) писалъ слѣдующее: „Желая, въ сходство съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, образовать училища въ округѣ, ввѣренномъ попеченію моему, привесть ихъ въ лучшее состояніе и дѣйствіе и дать имъ возможную степень благоустройства, не инако могу я приступить къ сему, чтобъ собрать по частямъ и мнѣ доставить вѣрныя, подробныя удовлетворительнѣйшія свѣдѣнія и замѣчанія, не только о зданіяхъ и суммахъ, объ учащихъ и учащихся, но о самомъ состояніи учителей и ихъ качествахъ, о образѣ ученія и успѣхахъ или недостаткахъ, какіе исправить или дополнить надобнымъ окажется, по части учебной и экономической. Равномѣрно нужнымъ и полезнымъ почитаю я, чтобы въ Харьковѣ при заведеніи и устроеніи университета былъ такой человѣкъ, который бы, принадлежа уже къ нему въ качествѣ профессора, имѣлъ надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, обще съ особами, какихъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ дворянская дума [1]), увѣдомлялъ бы меня обо всемъ, что потребно будетъ, и соотвѣтствовалъ видамъ главнаго училищъ правленія и моимъ предписаніямъ, — каковое препорученіе исполнить можетъ упомянутый же чиновникъ, избирая время на свои отлучки изъ Харькова для обозрѣнія училищъ округа. Сея довѣренности въ обоихъ

[1]) „Дворянскою думою“ Потоцкій называлъ собраніе дворянъ.

Библиотека "Руниверс"

случаяхъ нахожу я достойнымъ Тимковскаго, коего знанія, способности и благонадежность мнѣ извѣстны и который въ харьковскомъ университетѣ, по открытіи юридико-политическаго отдѣленія, можетъ занять классъ, яко профессоръ правъ, а до того времени, по исправленіи вышеуказанныхъ порученій, согласенъ давать лекціи въ отдѣленіи общихъ наукъ".

Къ изложеннымъ въ этомъ представленіи соображеніямъ, по которымъ Потоцкому нуженъ былъ такой человѣкъ, о какомъ онъ писалъ, можно бы было прибавить еще одинъ мотивъ, о которомъ Потоцкій умалчиваетъ, но который могъ быть для него самымъ главнымъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на важныя работы, предстоявшія въ харьковскомъ учебномъ округѣ по устроенію университета и среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, самъ Потоцкій не думалъ скоро быть въ Харьковѣ, а собирался отправиться на продолжительное время въ западную Европу, гдѣ не задолго передъ тѣмъ въ Вѣнѣ умеръ его отецъ.

Главное правленіе училищъ, на заключеніе котораго было передано упомянутое представленіе Потоцкаго вмѣстѣ съ обсужденіемъ вопроса о томъ, не нужно ли и къ другимъ учебнымъ округамъ примѣнить мѣру, о которой представлялъ Потоцкій (относительно обозрѣнія училищъ), — въ журналѣ своемъ отъ 7 февраля 1803 г. высказалось, что оно „мысль попечителя харьковскаго университета объ отправленіи визитатора совершенно одобряетъ, признавая мѣру сію самою необходимою для полученія мѣстныхъ познаній объ училищахъ округа и соображенія нравственнаго и физическаго состоянія и нуждъ каждаго края съ средствами, какія впослѣдствіи возможны будутъ, и съ тѣми, къ которымъ въ самомъ началѣ приступить должно; таковое мѣстное личное изслѣдованіе невозможно замѣнить требованіемъ письменныхъ свѣдѣній и вообще никакими другими средствами, въ разсужденіи особливо новости нынѣшняго устройства училищной части въ имперіи". Точно также главное правленіе училищъ одобрило и сдѣланный Потоцкимъ выборъ Тимковскаго для исполненія всѣхъ упомянутыхъ обязанностей.

Такимъ образомъ должность визитатора учебныхъ заведеній, которую Потоцкій проектировалъ собственно для харьков-

Библиотека "Руниверс"

скаго учебнаго округа, была признана полезною и для другихъ учебныхъ округовъ.

Согласно съ заключеніемъ главнаго правленія училищъ, состоялось назначеніе Тимковскаго; а пока разрѣшался вопросъ объ этомъ назначеніи и пока Тимковскій могъ выѣхать изъ Петербурга, Потоцкій, желая воспользоваться поѣздкой отправлявшагося въ Харьковъ Каразина, въ представленіи своемъ министру народнаго просвѣщенія отъ 6 февраля 1803 г. писалъ: „На основаніи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, попечители университетовъ и ихъ округовъ начали заниматься каждый по своей части, такъ что не предвидится, чтобы, въ продолженіи нѣкотораго времени могли въ дѣлахъ главнаго училищъ правленія произойдти чувствительная остановка или затрудненія за отлучкою правителя дѣлъ коллежскаго совѣтника Каразина; пользуясь сею удобностью, полагаю я, что по случаю отправленія его въ Харьковъ полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губерніи, онъ вѣроятно много споспѣшествовать можетъ Тимковскому, о которомъ я доносилъ особо. Имѣю честь представить сіе вашему сіятельству на разрѣшеніе“.

По разрѣшеніи этого представленія въ утвердительномъ смыслѣ, Потоцкій писалъ Каразину: „по случаю отправленія вашего въ Харьковъ, прошу покорно васъ принять съ своей стороны, на время, которое вы тамъ пробудете, возможныя и дѣятельныя мѣры къ первоначальному устроенію университета, совокупно съ профессоромъ Тимковскимъ, котораго я для того особенно туда отправляю. Зная усердіе ваше къ сему новому заведенію, я добрыхъ успѣховъ ожидаю отъ таковаго вамъ порученія, и чтобы они болѣе дѣйствія имѣть могли, для сего, ежели встрѣтятся какіе либо случаи, требующіе особеннаго начальственнаго разрѣшенія и положенія, прошу относиться ко мнѣ, или, за отлучкою моею, къ его пр—ву Николаю Николаевичу Новосильцеву [1]).

[1]) Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи

Библиотека "Руниверс"

О состоявшемся назначеніи Тимковскаго Потоцкій извѣщалъ его письмомъ отъ 4 апрѣля 1803 г.: „Вслѣдствіе представленія моего, главное училищъ правленіе съ одобреніемъ приняло согласіе ваше быть профессоромъ учреждаемаго въ Харьковѣ университета, и на докладъ о семъ Государю Императору отъ министра народнаго просвѣщенія воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. А какъ минувшаго марта 17 дня конфирмованъ Его Императорскимъ Величествомъ штатъ университетовъ, то и состоите вы уже съ того числа службою по харьковскому университету, въ званіи публичнаго ординарнаго профессора. Теперь слѣдуетъ вамъ отправиться на мѣсто, и по открытіи въ университетѣ юридико-политическаго отдѣленія преподавать въ немъ гражданское и уголовное право, законы и форму судопроизводства россійскія, яко предметъ, вами избранный; а до того, въ остающееся отъ возлагаемыхъ на васъ особою инструкціею препорученій время, займитесь преподаваніемъ какъ всеобщей словесности на правилахъ эстетики, такъ и ученой исторіи въ отдѣленіи филологическихъ и словесныхъ наукъ“ [1]).

Затѣмъ, отъ того же 4 апрѣля 1803 г. за № 14, Потоцкій далъ Тимковскому инструкцію, которую считаемъ нужнымъ привесть всю цѣликомъ, такъ какъ въ печати объ ней были только отрывочныя свѣдѣнія [2]), въ полномъ же видѣ она нигдѣ не была напечатана, хотя по содержанію своему представляетъ значительный интересъ.

Инструкція визитатору харьковскаго округа профессору Тимковскому.

1. Возлагается на васъ обозрѣть харьковскій училищный округъ, собрать подробныя и удовлетворительныя объ немъ свѣдѣнія и замѣчанія, не производя однако по училищамъ ни-

наукъ, которому, на время отъѣзда Потоцкаго за границу, поручено было исправленіе должности попечителя харьковскаго учебнаго округа.

[1]) Это отдѣленіе должно было открыться въ харьковскомъ университетѣ раньше юридико-политическаго отдѣленія.

[2]) Въ статьѣ М. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I“ (Изслѣдованія и статьи Сухомлинова, томъ I, стр. 131 и 132).

Библиотека "Руниверс"

какихъ перемѣнъ либо перемѣщеній, безъ особеннаго предписанія отъ своего начальства.

2. Сверхъ того, имѣете вы обязанностію участвовать въ приготовительныхъ при заведеніи харьковскаго университета распорядкахъ, вмѣстѣ съ особами, которыхъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ тамошняя дворянская дума. Не для чего принимать вамъ на себя экономическія исполнительныя дѣйствія, съ вашимъ званіемъ не совмѣстимыя, но обратите пособія ваши къ выгодамъ учреждаемаго университета, и увѣдомляйте меня обо всѣхъ успѣхахъ по сему заведенію. Такимъ образомъ, имѣете вы расположить и производить вышеупомянутое обозрѣніе, по временамъ и по частямъ, и вслѣдствіе того доставлять ко мнѣ извѣстія, вами собираемыя.

3. Главнымъ для васъ дѣломъ будетъ освѣдомиться о подлинномъ состояніи губернскихъ и уѣздныхъ училищъ, и не только о зданіяхъ, суммахъ и прочемъ по части экономической, но о самомъ образѣ ученія, о качествахъ учителей, ихъ ревности, исправности въ своемъ званіи и о степени довѣренности къ нимъ отъ публики.

4. Притомъ замѣчать надлежитъ, какія поправки и дополненія сдѣлать окажется нужнымъ, полезнымъ и удобнымъ; какъ то, не лучше ли будетъ училища дворянскія и градскія сводить въ одно, по примѣру харьковскихъ.

5. Вникать съ точностію, въ какой мѣрѣ надзоръ за нравами и поведеніемъ юношества, изыскивать способъ къ соединенію воспитанія съ наставленіемъ, и приглашать частныхъ хорошихъ людей къ заведенію добрыхъ и не слишкомъ дорогихъ пансіоновъ, въ которыхъ бы съ выгодою присмотра сопряжено было повтореніе уроковъ, публичнымъ ученіемъ преподаваемыхъ.

6. Поелику осмотръ, вами учиненный, имѣетъ служить какъ бы начальною точкою, съ которой должно будетъ поступить къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, на основаніи Высочайше изданныхъ въ 24 день января сего года предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, то при основательныхъ изслѣдованіяхъ о состояніи училищъ публичныхъ и частныхъ, во всемъ

Библиотека "Руниверс"

округѣ, предлежитъ вамъ замѣчать повсюду, въ какой гдѣ степени образованіе жителей всякаго званія, отъ дворянства до крестьянъ. Хотя въ многихъ мѣстахъ оттѣнки не очень могутъ быть значущи, но они разительны будутъ въ наблюденіяхъ, простертыхъ по Дону, къ Кубани, на степи Ногайскія и Очаковскія, населенныя стеченіемъ людей всякихъ племенъ. Замѣчаніе же оныхъ разностей ради того необходимо, что отъ нихъ должна зависѣть разность мѣръ, какія принять, а особливо въ началѣ, главному училищъ правленію нужно будетъ.

7. Внимательно также разсматривать слѣдуетъ народныя въ разныхъ мѣстахъ упражненія и родъ промышленности, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было наклонять и принаравливать самое ученье въ тамошнихъ школахъ.

8. Желательно, чтобъ въ губернскихъ и многолюднѣйшихъ уѣздныхъ городахъ обыватели согласились общественными суммами содѣйствовать къ распространенію мѣстнаго ученія, для пользы юношества своего, и чтобы таковыми же суммами положено было основаніе школамъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ оныхъ нѣтъ еще доселѣ.

9. Надобно взять на замѣчаніе приходскія школы, какія гдѣ существуютъ, и самые способы какъ скорѣе и удобнѣе можно бы завесть оныя въ селеніяхъ казенныхъ, или и во владѣльческихъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздѣ по нѣскольку, которыя служили бы примѣромъ и поощреніемъ въ заведеніи другихъ.

10. Во всякомъ случаѣ не упустите соблюдать уваженіе къ духовному начальству, въ достовѣрность, колико главное училищъ правленіе имѣетъ въ виду распространеніе просвѣщенія подъ благотворнымъ осѣненіемъ вѣры и искреннѣйшей приверженности ко всѣмъ ея велѣніямъ.

11. Обязанностію вашею будетъ снабдить руководственными совѣтами не только тѣхъ семинаристовъ, кои вслѣдствіе Высочайшаго указа января 24 дня сего года [1]) поступятъ въ университетъ, для приготовленія ихъ въ учители, но и тѣхъ,

[1]) Чтобъ добыть для новаго университета, ко времени его открытія, потребное число студентовъ, рѣшено было пригласить къ поступленію въ университетъ

Библиотека "Руниверс"

коихъ духовное начальство, предопредѣляя къ духовному званію, заблагоразсудитъ отпустить и отправить на время для дальнѣйшаго образованія въ университетъ.

12. Въ обширномъ краѣ, составляющемъ харьковскій округъ, безъ сомнѣнія есть люди разнаго званія, по чину, имуществу и свѣдѣніямъ своимъ отличные, къ коимъ относиться вамъ полезно будетъ; почему и имѣете вы не только съ признательностью принимать сообщаемое ими мнѣніе, но и убѣждать еще ихъ ко ввѣренію вамъ онаго и на самомъ письмѣ. Способъ сей, пріятный и лестный для каждаго благонамѣреннаго никогда и никому не будучи во вредъ, можетъ внушить любителямъ просвѣщенія желаніе содѣйствовать ревностными совѣтами и патріотическими видами ко благу общему, и доставитъ важныя мѣстныя подробности ко благоусмотрѣнію начальства.

13. Во время вашихъ объѣздовъ, объ оказаніи вамъ нужныхъ какъ путевыхъ, такъ и мѣстныхъ пособій, а особливо что будетъ касаться до приказовъ общественнаго призрѣнія, относитесь къ начальникамъ губерній.

14. А если что по должности будетъ требовать съ вашей стороны начальственнаго какого разрѣшенія, то во всѣхъ случаяхъ имѣете относиться ко мнѣ, или за отсутствіемъ моимъ къ его пр—ву Николаю Николаевичу Новосильцеву.

15. За всѣмъ симъ уповаю я, что въ возлагаемомъ на васъ дѣлѣ вы вѣрно и ревностно поступите, и не выходя изъ предѣловъ, сею инструкціею предписанныхъ, усердіемъ своимъ дополните то, что въ ней не упомянуто".

Въ частности, относительно устройства университета, о которомъ говоритъ 2-й пунктъ приведенной инструкціи, Потоцкій того же 4 апрѣля далъ Тимковскому особую дополнительную инструкцію слѣдующаго содержанія: „Высокоблагородный

оканчивающихъ курсъ наукъ семинаристовъ, вслѣдствіе чего и состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи изъ ближайшихъ къ Харькову семинарій сорока студентовъ, „которые бы имѣли склонность и природныя дарованія къ наукамъ и которые бы, по усовершенствованіи себя въ оныхъ, могли со временемъ занять и учительскія мѣста въ учрежденныхъ въ округѣ университета училищахъ".

Библиотека "Руниверс"

и почтенный профессоръ Тимковскій! По силѣ данной вамъ отъ меня сего апрѣля 4-го дня инструкціи пункта 2-го, рекомендую вамъ: 1-е, поспѣшить отправленіемъ вашимъ отсюда въ Харьковъ, дабы предписанными вамъ приготовительными распорядками сколько можно болѣе приблизить время открытія университета.—2-е. По прибытіи въ Харьковъ, заняться вмѣстѣ съ особами, какихъ изберетъ отъ себя тамошняя дворянская дума, приготовленіемъ для университета дому, который отведенъ для него будетъ.—3-е. Постараться о приличномъ для университета назначеніи покоевъ въ оном домѣ, какъ то гдѣ быть заламъ для публичнаго собранія, для лекцій, библіотеки, кабинетовъ и прочаго.—4-е. Сдѣлать мелочныя починки и поправки въ домѣ, если то на первый случай потребнымъ окажется, также приготовить самонужнѣйшія мебели для классовъ, и нѣсколько шкафовъ самыхъ простыхъ, лишь бы только можно помѣстить въ нихъ на время библіотеку, на что ассигнуется особая сумма.—5-е. Высмотрѣть въ окрестности города мѣста пригодныя подъ новое строеніе университетскихъ зданій и ботаническій садъ, войдти въ предварительныя положенія о пріобрѣтеніи таковыхъ выбранныхъ мѣстъ, или по благоусмотрѣнію и покупку оныхъ учинить, хотя нѣкоторою частію, буде не встрѣтится какой помѣхи.—6-е. Наблюдать во всѣхъ издержкахъ суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны, либо изъ составленнаго дворянствомъ и гражданами капитала, всевозможную бережливость и разсчетливость, а въ вещахъ и подѣлкахъ болѣе прочность и настоящую пользу.—7-е. Ни малѣйшихъ издержекъ, на кои сумма не ассигнована, ниже большихъ издержекъ вдругъ изъ суммъ, неопредѣленно ассигнованныхъ, не производить, не отнесясь напередъ въ сихъ случаяхъ ко мнѣ, а во время отлучки моей къ его пр—ву Н. Н. Новосильцову.—8-е. Смотрѣть, чтобы журналы, приходныя и расходныя книги и всякіе счеты были въ чистотѣ и порядкѣ и чтобы разныя суммы, ассигнуемыя на разныя употребленія, не смѣшивались между собою.—9-е. До времени учрежденія полнаго университетскаго правленія, принимать всякія посылки, адресуемыя на имя университета.—10-е. Постараться, чтобы вышеупомянутый домъ и

Библиотека "Руниверс"

находящіяся въ немъ вещи были въ самомъ надежномъ охраненіи, и о нужныхъ для сего предписаніяхъ и приказаніяхъ просить г. губернатора".

Давъ Тимковскому всѣ эти порученія, Потоцкій отправился въ Западную Европу, выѣхавъ изъ Петербурга во второй половинѣ апрѣля 1803 г., а Тимковскій сталъ собираться въ Харьковъ, куда его уже звалъ В. Н. Каразинъ, писавшій ему въ письмѣ отъ 24 марта 1803 г.: „Пріѣзжайте, милый мой другъ! мы будемъ радоваться вмѣстѣ о множествѣ добра, которое мы можемъ сдѣлать". Далѣе, разсказывая о Харьковѣ, онъ продолжалъ: „Энтузіазмъ здѣсь всеобщій. Я предвижу, что графъ С. О. [1]) принятъ будетъ, какъ должно принять будущаго благодѣтеля, и въ бытность его польются со всѣхъ сторонъ патріотическія приношенія сверхъ тѣхъ, кои уже извѣстны. Вообразите, что есть купцы, торгующіе перекупнымъ товаромъ безъ собственныхъ капиталовъ, которые сулятъ теперь по тысячѣ рублей. Правда, есть и строптивые граждане, такъ какъ и дворяне. Но мы будемъ стараться ублажить ихъ всѣми образами. До сихъ поръ сборъ университетской суммы мало значитъ и за нерѣшимостью и крамолами совсѣмъ было остановился. Но теперь уповательно въ четыре мѣсяца до пріѣзда графа поступитъ болѣе, нежели поступило бы при другихъ обстоятельствахъ въ пять лѣтъ [2]). Мы съ предводителемъ, который восхищенъ своимъ орденемъ [3]), дѣлаемъ всѣ нужныя распоряженія. Послѣзавтра отправятся въ уѣзды циркулярныя

[1]) Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

[2]) Эти ожиданія не оправдались: не только не послѣдовало той быстроты въ сборѣ пожертвованій, на которую надѣялся Каразинъ, но впослѣдствіи понадобилось Высочайшее повелѣніе о разсрочкѣ на 12 лѣтъ взноса пожертвованной слободско-украинскимъ дворянствомъ суммы („Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", т. I, № 95); изъ тѣхъ же купцовъ, которые, по словамъ Каразина, сулили каждый по тысячѣ рублей, кажется никто ничего не далъ.

[3]) Губернскимъ предводителемъ дворянства въ Харьковѣ былъ тогда Вас. Мих. Донецъ-Захаржевскій, получившій упоминаемый здѣсь орденъ (Св. Анны второй степени), при рескриптѣ отъ 31 января 1803 г., какъ было сказано въ немъ, „въ знакъ уваженія къ похвальному подвигу дворянства и въ отличіе содѣйствія въ томъ Д.—З—аго въ качествѣ предводителя".

Библиотека "Руниверс"

письма, которыя вамъ (я увѣренъ) покажутся написанными очень кстати. Малое количество денегъ собранныхъ лежитъ по уѣзднымъ казначействомъ, но, чтобы не терять времени, я поспѣшилъ достать здѣсь и отправляю по сей почтѣ на имя Николая Николаевича [1]) четыре тысячи, да на ваше собственное тысячу рублей. Ради Бога уговаривайте Рижскаго, Делавинь и Осиповскаго [2]): недостатокъ жалованья будетъ замѣненъ совершенно. Напримѣръ, доложу Вамъ, что они будутъ имѣть изрядныя квартиры съ мебелью и всѣмъ нужнымъ. Я увѣренъ, что сосѣдственные помѣщики снабдятъ ихъ на первый случай и жизненными припасами. Я пробуду здѣсь до 30-го числа; какъ бы весело было, еслибъ вы не заставили меня ждать и работать одного. До отъѣзда вашего не переставайте однако писать. Прощайте, обнимаю васъ отъ всего сердца. Вашъ другъ и слуга искренній В. Каразинъ.

Въ этомъ же письмѣ Каразинъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ распоряженіе объ его арестѣ, о которомъ довольно неопредѣленныя свѣдѣнія были помѣщены въ статьяхъ о Каразинѣ В. Анастасевича [3]) и Г. П. Данилевскаго [4]). Хотя эта часть письма не имѣетъ отношенія къ Тимковскому, мы не можемъ удержаться, чтобъ не привести и ее, какъ матеріалъ, интересный для біографіи Каразина, дающій въ то же время нѣкоторую черту и къ характеристикѣ Александра I. Разсказавъ въ этомъ письмѣ о неудобствахъ, испытанныхъ въ путешествіи отъ Петербурга до Харькова, Каразинъ продолжаетъ: „Такъ, мой милый Илья Ѳедоровичъ, пожалѣйте о вашемъ сподвижникѣ. Природа меня не жалуетъ, и люди преслѣдуютъ, нѣтъ бишь: не люди то, а звѣри! Я предъ ними совершенно невиненъ, но они гонятъ меня, какъ лютѣйшаго врага

---

[1]) Вышеупомянутый Новосильцевъ.

[2]) Вслѣдъ за Тимковскимъ, они были назначены первыми профессорами харьковскаго университета, и изъ нихъ Рижскій былъ впослѣдствіи избранъ въ ректоры университета.

[3]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, при московскомъ университетѣ, 1861 г., стр. 192—199.

[4]) Украинская старина (Харьковъ, 1866 г.), стр. 115.

Библиотека "Руниверс"

своего. Извѣстная молва (какъ вы ее назвали) о увозѣ кадета Кондратьева во всей точности справедлива. Я рѣшился на это въ угодность родителей, имѣющихъ на меня множество правъ, или лучше сказать по сильному убѣжденію нѣжной матери, больной и ослабѣвшей отъ тоски и нетерпѣливости его видѣть, по чувствительному убѣжденію женщины, любезной и рѣдкой и чтобы болѣе сказать—родной тетки моей Алексаши [1]). Я не знаю, кто бы могъ устоять на моемъ мѣстѣ. Но я рѣшился не иначе, какъ въ полномъ удостовѣреніи, что сіе никому не будетъ извѣстно до возвращенія его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, или еще и въ концѣ марта, какъ я предполагалъ. Директоръ совершенно зналъ, что я беру его, но, не могши дать формальнаго позволенія, дозволилъ однако имѣть его мнѣ у себя сколь долго заблагоразсудится. Таково было наше для обоихъ насъ вразумительное объясненіе. Никому ни малѣйшаго повода не было его отыскивать, и когда привыкли уже въ корпусѣ не видѣть цѣлые мѣсяцы сряду многихъ кадетовъ, то кто мимо директора могъ бы пуститься отыскивать въ числѣ семисотъ его товарищей. Онъ бы возвратился и сей случай остался бы безвѣстнымъ, не подалъ бы соблазнительнаго примѣра, и я не понесъ бы никакого нареканія, доставивъ неизобразимую радость и услугу матери. Таковъ былъ мой вычетъ, но я въ немъ ошибся, ибо не положилъ въ числѣ *извѣстныхъ* ни благодѣтельнаго министра юстиціи [2]), ни госпожи Балабиной. Послѣдняя попала на слѣдъ, хотя впрочемъ до сего случая не заботилась о Кондратьевѣ, смертельно ненавидя мать его и меня вмѣстѣ съ нею; а первый употребилъ свое министерство, чтобъ настроить противъ меня графа [3]). Выставлено все, что могло только меня опорочить, и скрыто, что послужило бы къ моему оправданію. Утаены какъ связь моя съ родителями, такъ и довѣренность ихъ (я вѣдь Кондратьева отдалъ и въ корпусъ). Балабина просила какъ

[1]) Кого Каразинъ называетъ „Алексашею"—не знаемъ; извѣстно, что увезенный имъ кадетъ Кондратьевъ былъ родственникъ Надаржинской, на которой Каразинъ хотѣлъ жениться и объ имени которой мы свѣдѣній не имѣемъ.

[2]) Гавр. Ром. Державинъ.

[3]) П. В. Завадовскаго.

Библиотека "Руниверс"

ближайшая родственница, раздраженная и введенная въ страхъ лишившаяся своего ребенка, а мой поступокъ представленъ неслыханною наглостію, злонамѣреніемъ и Богъ знаетъ чѣмъ! не прибавили-ль можетъ быть, что я его унесъ какъ Юпитера своего Ганимеда! Добрый нашъ Николай Николаевичъ[1]) употребилъ конечно все, чтобъ исправить мою оплошность, но невозможно было ему ни скрыть, ни уменьшить моей вины. Конецъ вамъ извѣстенъ: я арестованъ, и вмѣстѣ другое повелѣніе: освободить по прошествіи 24-хъ часовъ. Послѣ сего благодѣтельный Государь удостоилъ меня и рескриптомъ, который къ счастію получилъ я съ нарочною эстафетою (о семъ—ради Бога, никому!), а указа о арестѣ еще дожидаюсь. Сіе, только смягченное, показаніе приму я съ сердечнымъ признаніемъ, что я болѣе заслужилъ. Между тѣмъ оно совершенно опредѣляетъ мой жребій, освобождая меня на вѣки отъ неизвѣстности и страховъ, чтобы перемѣнилось ко мнѣ расположеніе Александра, и вмѣстѣ исцѣляя меня отъ легкомыслія. Съ сего времени моя, приверженная къ нему, душа не понесетъ никакой укоризны, но къ добру я стану дѣйствовать надежнѣе, поелику я увѣренъ, что ничьи козни противъ меня поколебать его не могутъ". По окончаніи письма, Каразинъ, ниже подписи, прибавилъ postscriptum: „При отправленіи сего наконецъ я арестованъ".

Приведенный здѣсь собственный разсказъ Каразина совершенно опровергаетъ высказанное въ вышеупомянутой статьѣ В. Анастасевича и повторенное вслѣдъ затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ предположеніе, что упоминаемый увозъ кадета Кондратьева, вызвавши гнѣвъ Государя на Каразина, могъ быть одною изъ причинъ его увольненія въ отставку, послѣдовавшаго, какъ оказывается изъ сопоставленія чиселъ, черезъ полтора года послѣ описаннаго случая. Очень характернымъ въ этой исторіи представляется то, что, распорядившись подвергнуть Каразина, какъ провинившагося школьника, аресту на 24 часа, Александръ I въ то же время счелъ нужнымъ секретно послать ему милостивѣйшій рескриптъ, и притомъ позаботился о томъ, чтобы этотъ рескриптъ дошелъ до Каразина ранѣе повелѣнія объ арестѣ,ославъ его въ Харьковъ съ нарочной эстафетой.

(Продолженіе будетъ). **Н. Шугуровъ.**

[1]) Новосильцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

VIII.

Херсонъ.

12-го мая въ Бериславѣ, къ 10-ти часамъ утра, вся свита собралась во дворецъ, не замедлилъ прибыть и графъ Фалькенштейнъ. Назначенъ былъ выѣздъ. Въ шестимѣстную карету свою императрица пригласила графа Фалькенштейна, графиню А. В. Браницкую, А. М. Дмитріева-Мамонова, принца де-Линя и графа Кобенцеля. Первая остановка была, проѣхавъ 31 версту, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ. Здѣсь встрѣтили императрицу: генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Энгельгардтъ[2]), отставной генералъ-маіоръ Я. Н. Рѣпнинскій, Д. Г. Неранжичъ и бригадиръ Гедеоновъ.

Послѣ стола, выѣхали въ 3 часа, и не доѣзжая до переправы черезъ р. Ингулецъ, въ слободѣ Николаевкѣ, генералъ Рѣпнинскій, жившій тутъ своимъ домомъ, просилъ императрицу осчастливить его и семейство его посѣщеніемъ.

„Этотъ генералъ, будучи еще полковникомъ, женился на прекрасной молодой дамѣ отъ живаго мужа, вышелъ потомъ въ отставку и удалился въ южный край. Князь Потемкинъ, покровительствуя Рѣпнинскому, старался всячески утвердить этотъ бракъ, но не имѣлъ успѣха“.

Императрица, принявъ любезно приглашеніе Рѣпнинскаго, пересѣла изъ шестимѣстной своей кареты съ гр. Фалькенштей-

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 7.

[2]) Женатый на сестрѣ Потемкина, отецъ графини Браницкой.

Библиотека "Руниверс"

номъ и съ нѣкоторыми изъ свиты въ фаэтонъ и отправилась къ дому Рѣпнинскаго. День былъ прекрасный; подъѣзжая къ слободѣ, въ полуверстѣ отъ оной, близъ дороги открылся курганъ, усаженный пахучими и пріятными для глазъ цвѣтами; все это сдѣлано было съ намѣреніемъ. Князь предложилъ государынѣ не угодно ли выйти и пройтись не далеко, гдѣ изволите кушать; фаэтонъ остановился; государыня вышла, долго любовалась цвѣтами и потомъ изволила пойти. У воротъ предмѣстія, хозяинъ Рѣпнинскій съ женою и съ двумя малолѣтними дѣтьми встрѣтили государыню на колѣняхъ съ хлѣбомъ и солью; государыня, посмотрѣвъ на нихъ, сказала пословицу „хлѣбъ и соль не ссорятся“, приказала принять, и оборотясь къ князю, сказала: „Куда ты меня привезъ?“ Князь содрогнулся отъ неожиданнаго вопроса, отвѣчалъ: „Ваше величество, прежній мужъ хозяйки два года какъ умеръ“ — „Знаю, сказала государыня, знаю и то, что хочетъ онъ дѣтей усыновить—этому не быть“; потомъ изволила пойти въ домъ, кушала какъ и всегда и обыкновенно, такъ что нисколько не было примѣтно неудовольствія ея“ („Морской Сборникъ“ 1855 г., апрѣль, стр. 143, изъ дневника Сенявина). Въ это время Потемкинъ лично хлопоталъ около переправы огромной вереницы экипажей и телѣгъ императорскаго поѣзда черезъ р. Ингулецъ—и когда все было готово, дали знать императрицѣ; она возвратилась къ пристани и на богато убранномъ катерѣ переправилась черезъ рѣку съ гр. Фалькенштейномъ; кормою катера управлялъ служившій тогда въ Херсонѣ капитанъ 1-го ранга Мордвиновъ [1]); за катеромъ императорскимъ слѣдовали въ шлюбкахъ свита и посланники.

Къ переправѣ на Ингульцѣ выѣхали встрѣтить императрицу херсонскіе мѣщане и эскадронъ легкоконнаго александрійскаго полка, и когда императрица пересѣла снова въ свою шестимѣстную карету съ прежними спутниками, тогда передъ каретою поскакали верхами мѣщане, а эскадронъ конвоировалъ всѣ 17 верстъ остававшіяся до Херсона;—дорога была ровная, гладкая.

[1]) Извѣстный впослѣдствіи государственный дѣятель Николай Семеновичъ

Библиотека "Руниверс"

Въѣздъ императрицы въ городъ былъ торжественный, въ нарочно приготовленной великолѣпной открытой колесницѣ— вмѣстѣ съ гр. Фалькенштейномъ и княземъ Потемкинымъ.

Въ форштадтѣ у тріумфальныхъ воротъ встрѣтили императрицу херсонское купечество и мѣщанство съ хлѣбомъ и солью, а на большемъ разстояніи отъ воротъ тріумфальныхъ до крѣпостныхъ стояли ремесленники съ ихъ значками.

Передъ воротами крѣпости, называемыми московскими, народъ съ криками ура бросился къ каретѣ, выпрягъ лошадей и провезъ на себѣ карету до крѣпости [1]).

Въ крѣпости у воротъ „санктпетербургскихъ" встрѣтили генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры. Комендантъ поднесъ ключи. При переѣздѣ по городу до дворца, по обѣимъ сторонамъ улицъ стояли въ строю пѣхотные полки: козловскій, ряжскій, тамбовскій, муромскій, курскій, полоцкій, херсонскій и елецкій; войска отдавали честь, преклоняя знамена, при музыкѣ и барабанномъ боѣ.

Передъ Екатерининскимъ соборомъ встрѣтилъ императрицу съ крестомъ и въ сопровожденіи духовенства преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославской и Херсонеса-Таврическаго. Императрица вошла въ церковь, выслушала молебенъ съ многолѣтіемъ, и пожаловавъ къ рукѣ преосвященнаго и бывшее съ нимъ духовенство, продолжала свое шествіе въ своей шестимѣстной каретѣ до дворца, проѣзжая мимо адмиралтейства, гдѣ на элингахъ стояли готовые къ спуску 80-ти и 70-ти пушечные корабли и одинъ 50-ти пушечный фрегатъ.

Было уже семь часовъ вечера, когда императрица прибыла во дворецъ, здѣсь у подъѣзда ожидалъ ее фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, дворянство и именитое херсонское гражданство съ хлѣбомъ и солью. Въ комнатахъ встрѣтили дамы генералитета и между ними жена генералъ-поручика Самойлова, племянница кн. Потемкина. Потомъ графъ А. А. Безбородко представилъ императрицѣ пріѣхавшихъ въ

[1]) Р. Архивъ 1867, ст. 1233, изъ книги: Жизнь и дѣянія князь Г. А. Потемкина, состав А. Н. Самойловъ (племянникъ Потемкина).

Библиотека "Руниверс"

Херсонъ: племянника польскаго короля князя Станислава Понятовскаго и посланника нашего въ Константинополѣ Булгакова.

Вечеромъ, во время собранія, Потемкинъ угостилъ музыкою съ хоромъ пѣвчихъ собственнаго своего оркестра, состоявшаго изъ 186 человѣкъ [1]).

Для графа Фалькенштейна квартира, по его желанію, была въ городѣ, а не во дворцѣ.

На другой день императрица писала объ Херсонѣ къ главнокомандующему въ Москвѣ Еропкину:

„Дитя сіе не существовало восемь лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы шести полковъ, потомъ повернули направо, въѣхали въ крѣпость, которая за себя постоитъ и въ отдѣлкѣ со всѣмъ поспѣетъ въ нынѣшнее лѣто и несравненно лучше кіево-печерской. Внутри крѣпости военныя строенія многія окончены, нѣкоторыя приходятъ въ отдѣлку. Церковь каменная, прекрасная, когда я говорю каменная, не подумайте, чтобъ подъ симъ разумѣю кирпичъ. Здѣсь инова камня не знаютъ, какъ тотъ, который, вынувъ изъ земли, кладутъ въ стѣну. Онъ крѣпче плиты и сырость не притягиваетъ. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ Адмиралитетъ, въ которомъ всѣ магазины и строенія каменныя, покрыты желѣзомъ. На штапели нашли мы готовый 80-ти пушечный корабль, который въ субботу, Богъ дастъ здоровья, на воду спустимъ; возлѣ сего 66 пушечный готовый, возлѣ сего фрегатъ 55 пушечный. Сіи корабли изъ моего дома и изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства и штапеля.—Купечество города, которое съ другой стороны составляетъ предмѣстіе, я еще не видала. Но сказываютъ не хуже. Народа здѣсь окромѣ военныхъ великое множество и разноязычные съ большой части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краѣ приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной похвалы. Усердое попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные. (См. Письма Екатерины II. Изд. Смирдина, т. III, Спб. 1850).

---

[1]) Изъ Камеръ-фурьер. журн. 1787 года.

Библиотека "Руниверс"

Храповицкій, въ своемъ дневникѣ, 13 мая написалъ: „Въ письмѣ къ Еропкину сравненіе шестилѣтняго Петербурга съ Херсономъ. Укрѣпленіе города и зданія похвалены; въ расторопности и успѣхахъ должны отдать справедливость кн. Г. А. Потемкину (См. Дневникъ Храповицкаго. Изд. Н. Барсукова. Спб. 1874 г.).

Спутникъ Екатерины Іосифъ II, т. е. графъ Фалькенштейнъ, отзывался совсѣмъ иначе о херсонской крѣпости, въ секретной перепискѣ съ своимъ фельдмаршаломъ: „Херсонскія укрѣпленія выведены очень дурно, фасы очень длинны, куртины слишкомъ коротки, фланги также, и поэтому всѣ орудія для обстрѣливанія фасовъ вытянуты въ рядъ вдоль этихъ куртинъ, точь въ точь какъ у насъ въ Эгерѣ и въ Прагѣ. Всѣ верки земляные, въ землѣ слишкомъ много песку, обложки нѣтъ никакой, а одинъ дернъ пристаетъ очень плохо. Скаты чрезвычайно круты, и такъ какъ тачки здѣсь очень дороги, то солдаты таскаютъ землю на плечахъ въ маленькихъ мѣшкахъ и высыпаютъ на верки не размельчая и безъ утрамбовки, а только разбрасывая погою ссыпанную кучку земли“.

„Осадная артиллерія великолѣпна, но у нихъ нѣтъ заттель вагеновъ для перевозки орудій большаго размѣра, а также нѣтъ и десятой части необходимыхъ зарядовъ — и ядеръ и пушекъ“ [1]).

На другой день пріѣзда въ Херсонъ, 13 мая—назначенъ былъ во дворцѣ большой выходъ и съ 11-го часа утра начали съѣзжаться военные и гражданскіе чины и между ними уволенный отъ управленія епархіею греческій архіепископъ Евгеній: не замедлилъ пріѣхать изъ своей квартиры и Іосифъ II. Всѣ ожидали Императрицу, которая передъ выходомъ въ особой комнатѣ принимала на приватной ауденціи присланнаго отъ неаполитанскаго короля маркиза де Галло, который поздравлялъ императрицу *съ благополучнымъ прибытіемъ къ полуденнымъ границамъ имперіи, орошаемымъ водами, простирающимися до королевства неаполитанскаго*“. Такъ выразился маркизъ при

[1]) См. Arneth. Iozeph II und Katherine von Russland.

Библиотека "Руниверс"

представленіи его императрицѣ, между тѣмъ, какъ его пріѣздъ имѣлъ цѣлью: осмотря Херсонъ, разузнать о средствахъ, какъ выгоднѣе воспользоваться льготами, предоставленными неаполитанцамъ по торговому съ Россіею договору (см. Записки Сегюра).

Послѣ аіуденціи императрица вошла въ комнату „общаго собранія"—здѣсь прежде всего привѣтствовалъ ее графъ Фалькенштейнъ и представилъ барона Герберта, римско-императорскаго унтеръ-нунція при Оттоманской Портѣ. Графъ Безбородко представлялъ секретаря великаго княжества литовскаго графа Машинскаго, посланника неаполитанскаго въ Константинополѣ графа Модолера, потомъ въ большомъ залѣ архіепископъ Евгеній сказалъ императрицѣ привѣтственную рѣчь на греческомъ языкѣ [1]).

Къ обѣду было приглашено болѣе 80 лицъ; украшеніе обѣденнаго стола было особенно оригинально: на столѣ, вмѣсто филейныхъ дессертныхъ перемѣнъ, поставлены были принесенныя изъ адмиралтейства модели кораблямъ, фрегатамъ и другимъ транспортнымъ судамъ, которые построены были въ херсонскомъ адмиралтействѣ и тогда находились въ Черномъ морѣ. Всѣхъ моделей было 13, кромѣ одного стопушечнаго корабля, который въ это время былъ еще не оснащенъ и стоялъ на камеляхъ [2]).

Во время стола играла музыка инструментальная съ хоромъ пѣвчихъ изъ оркестра князя Потемкина. Обѣдъ кончился въ исходѣ 2-го часа и Императрица удалилась во внутреннія свои покои.

Въ 5 часовъ опять всѣ собрались: назначена была прогулка въ экипажахъ по городу. Императрица пригласила съ собою въ открытый фаэтонъ графа Фалькенштейна, графиню Браницкую, князя Потемкина, Л. А. Нарышкина, Дмитріева-Мамонова, графа Кобенцеля и принца де Линя. Прогулка по городу продолжалась слишкомъ три часа. Императрица осматривала не только городъ, но и предмѣстіе и разводимые сады де-

---

[1]) Изъ Камеръ Фурьерскаго Журнала 1787 г.

[2]) Изъ Камеръ Фурьерскаго Журнала 1787 г.

Библиотека "Руниверс"

ревъ плодоносныхъ и насажденія для строеваго и дровянаго лѣса (изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала 1787 г.). Въ форштадтѣ императрица съ любопытствомъ осматривала товары у одного богатаго купца—грека, а проѣзжая мимо крѣпости, приказала раздать наградныя деньги работавшимъ во рвахъ воинскимъ командамъ. (Тамъ же).

На другой день (14 мая) императрица писала къ графу Брюсу: „третьяго дня къ вечеру пріѣхали мы съ графомъ Фалькенштейномъ благополучно и въ добромъ здоровьѣ сюда въ Херсонъ и къ немалому нашему удивленію узрѣли прекраснаго города въ такомъ мѣстѣ, гдѣ шесть лѣтъ назадъ не было ничего окромѣ голой степи. Здѣсь не только военныя, но и гражданскія строенія всѣ въ лучшемъ видѣ, однимъ словомъ Херсонъ почитать можно между самыми лучшими городами нашими. Сіе дитя много обѣщаетъ: гдѣ сажаютъ тутъ все ростетъ, гдѣ пашутъ тутъ изобилье, строенія все каменныя; мы жары по сю пору не чувствуемъ, всѣ здоровы; здѣшніе люди больнаго вида не имѣютъ и все копышется людство великое и стеченіе людей со всѣхъ край, наипаче же полуденные. Всего описать время не достаетъ“.

(Напечатано съ подлинника въ приложеніи къ Камеръ Фурьерскому Журналу 1787 г.) Н. И. Салтыкову Императрица писала подробнѣе:

„Мы съ удивленіемъ и съ немалымъ удовольствіемъ увидѣли, что здѣсь сотворено. Мы ѣхали сюда степями, по землѣ; степи обѣщають вездѣ изобилье, и онѣ отнюдь не безводны, а здѣсь и пуще всего видно чево быть могутъ, ибо не говоря о строеніи, кои сплошь каменныя и во множествѣ и во всякомъ родѣ по свойству прочны и хороши, гдѣ пашутъ тутъ изобилье, гдѣ сажаютъ тутъ принимается и ростетъ; однимъ словомъ, есть ли приводить или привозить сюда не любящихъ сего краю, думаю, что предубѣжденіе и страсть кончится обозрѣніемъ Херсона. При томъ прошу вспомнить, что шесть лѣтъ назадъ не было ничево. Мы еще жаркаго дня не видали, но при теплomъ воздухѣ вѣютъ вѣтры прохладные, вишни отцвѣли, сирени въ цвѣтахъ подъ моими окошками, есть ли всево отпи-

Библиотека "Руниверс"

сать, что здѣсь есть, то тетради надобны; крѣпость нынѣшнимъ лѣтомъ кончается, она не въ примѣръ лучше кіевской. Я живу противу адмиралтейства, изъ оконъ вижу три корабля военные, кои завтра спустимъ на воду; пять церквей каменныхъ я уже видѣла, архитектуры самой хорошей, одна по середи крѣпости. Дома мѣщанскіе таковы, что и въ Петербургѣ не испортятъ ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейскихъ, понеже каменныя" (См. Р. Арх. 1864 г. стр. 968).

„Въ Херсонѣ, по меньшой мѣрѣ, (пишетъ Екатерина къ барону Гримму) отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всякихъ націй. Въ немъ можно достать все что угодно, не хуже Петербурга..... Однимъ словомъ, благодаря попеченіямъ князя Потемкина, этотъ городъ и этотъ край, въ которомъ при заключеніи мира не было ни одной хижины, теперь сдѣлался цвѣтущимъ городомъ и краемъ, которые будутъ процвѣтать изъ года въ годъ. (Изъ писемъ Екатерины II къ барону Гримму. Р. Арх. 1878 г., стр. 141 и слѣд.).

Сегюръ въ своихъ запискахъ оставилъ намъ довольно подробное описаніе тогдашняго Херсона:

„Послѣ проѣзда четырехсотъ верстъ по степямъ, насъ неожиданно и пріятно обрадовалъ своимъ видомъ Херсонъ. Но и безъ этой случайности, мы не могли не дивиться, видя столько новыхъ величественныхъ зданій. Мы увидѣли почти уже оконченную крѣпость, казармы на двадцать четыре тысячи человѣкъ, адмиралтейство со всѣми магазинами, въ арсеналѣ шестьсотъ пушекъ; два военные корабля и фрегатъ, снаряженные къ спуску, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ, уже торговый, съ 2000 домовъ и съ лавками, наполненными товарами, привезенными изъ Греціи, изъ Константинополя и изъ Франціи, въ гавани непрестанное оживленіе и движеніе отъ прихода и ухода судовъ коммерческихъ. Если присоединить къ этому дѣятельность 18,000 рабочихъ, блестящее войско, съѣздъ нѣсколькихъ иностранныхъ министровъ, консуловъ и путешественниковъ въ край, пріобрѣтенный Россіею только со времени Кайнаржійскаго міра, только три года предъ тѣмъ освобожденный отъ татарскихъ набѣговъ,

Библиотека "Руниверс"

то дѣлается весьма понятнымъ, до какой степени такая картина должна льстить самолюбію Императрицы, и внушать удивленіе ея спутникамъ, которые спѣшили превозносить дарованія и дѣятельность Потемкина.

Правда, что это первоначальное, минутное удивленіе наше нѣсколько охладилось размышленіемъ. Разсмотрѣвъ Херсонъ вблизи и подробно, мы замѣтили, что его мѣстоположеніе дурно выбрано, что корабли вообще не могутъ подыматься по Днѣпру иначе, какъ безъ груза, а военные суда, здѣсь построенныя, не могутъ свободно спускаться по рѣкѣ безъ помощи камелей. Не устроено ни набережной, ни пакгаузовъ для товаровъ; судебныя мѣста отправляютъ дѣла медленно и дурно, наконецъ испаренія болотъ и островковъ, наполненныхъ тростниками, возлѣ города не только вредно дѣйствуютъ на здоровье жителей, но нерѣдко и смертельны.

Замѣчанія эти я слышалъ отъ многихъ купцовъ, и сообщилъ Потемкину, который призналъ ихъ справедливыми. Чтобы поправить дѣло, князь предполагалъ устроить торговую гавань въ 30 верстахъ ниже по Днѣпру, учредить карантинъ, построить набережную и магазины, преобразовать суды и осушить сосѣднія болота. Онъ уже истребовалъ и получилъ деньги, нужныя для нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ. Но высушка болотъ мнѣ казалась невозможною; для этого нужно было истребить весь тростникъ, необходимый для топки и покрышки домовъ въ этомъ краю, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ не было и лѣсу“ [1]).

14 мая императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и всею свитою, водою, на катерахъ, и шлюпкахъ, сдѣлала прогулку за 15 верстъ отъ Херсона въ дер. Бѣлозерку, принадлежавшую графу А. А. Безбородку. Послѣ обѣда, которымъ Безбородко угощалъ свою дорогую посѣтительницу и 37 человѣкъ гостей, Императрица возвратилась въ Херсонъ не водою, а сухимъ путемъ въ фаэтонѣ.

---

[1]) См. Mem. d. Segur. T. III. p. 121—123.

Библиотека "Руниверс"

Въ этотъ день Императрица приказала: 48 человѣкъ сосланныхъ за разныя преступленія на работу въ Херсонъ избавить отъ каторжной работы, а ежели кто изъ нихъ наказанъ былъ тѣлесно, тѣхъ покрыть знаменемъ и поселить въ удобномъ мѣстѣ по благоразсмотрѣнію кн. Потемкина [1]).

Въ оффиціальныхъ записяхъ Камеръ-фурьерскаго журнала 1787 года имя французскаго посланника графа Сегюра въ Херсонѣ не упоминается въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ императрицею вмѣстѣ съ нею въ карету или на партію въ карты или шахматы. Причиною было неудовольствіе императрицы на графа Сегюра, какъ на посланника того правительства, которое, по ея мнѣнію, подстрекало турокъ къ войнѣ съ Россіею, и потому она считала увѣренія Сегюра о дружбѣ Франціи къ Россіи неискренними и убѣжденіе это усилилось въ умѣ императрицы особенно въ Херсонѣ, когда почти одновременно съ пріѣздомъ ея въ этотъ городъ въ устье Днѣпра, въ лиманъ, близъ Очакова, прибыла турецкая эскадра, состоявшая изъ 4 кораблей, 10 фрегатовъ, а въ Очаковъ въ тоже время пріѣхали нѣсколько французскихъ офицеровъ.

Въ придворномъ кругу появленіе въ эту минуту турецкаго флота было встрѣчено негодованіемъ: „Непонятно, говорили люди придворные и близкіе, непонятно, какъ именно въ то время, когда только что подписанъ былъ дружественный трактатъ съ Франціею и когда французскій посланникъ сопровождаетъ императрицу, удостоившую его особымъ вниманіемъ и довѣріемъ, и въ это то время французскіе инженеры занимаются распоряженіями по устройству турками артиллеріи и военныхъ кораблей и помогаютъ врагамъ Россіи приготовляться къ войнѣ съ нею?“

Потемкинъ тоже объяснялся съ Сегюромъ о подстрекательствѣ Франціею турокъ,—но Сегюръ отвѣчалъ ему: „Наше поведеніе всегда и постоянно было откровенно, мы всегда объявляли, что хотя король старается всѣми средствами объ удовлетвореніи справедливыхъ жалобъ Россіи, однакоже, руковод-

[1]) См. Камеръ Фурьер. журналъ 1787 г.

Библиотека "Руниверс"

ствуясь высокими цѣлями, рѣшился употребить съ своей стороны всевозможныя средства, чтобъ охранять цѣлость и независимость оттоманской имперіи. Не слѣдуетъ удивляться, что, не смотря на мирныя и конечно искреннія увѣренія Россіи, Порта принимаетъ благоразумныя предосторожности. Поставьте себя на ея мѣстѣ". (Mem. de Segur. T. III. p. 125).

Потемкинъ призналъ справедливость возраженія гр. Сегюра. Холодность Императрицы въ обращеніи съ Сегюромъ начала уменьшаться и продолжалась еще нѣсколько дней...

Въ субботу 15-го мая назначенъ былъ спускъ кораблей. Въ 11-ть часовъ утра собрались въ дворецъ вся свита, посланники и графъ Фалькенштейнъ. Императрица не заставила себя дожидаться и явилась передъ собраніемъ въ „морскомъ флотскомъ мундирѣ", и поздоровавшись со всѣми, въ сопровожденіи ихъ послѣдовала пѣшкомъ при пушечной пальбѣ въ адмиралтейство [1]). Здѣсь приготовлены были къ спуску: 80-ти пушечный корабль *„Іосифъ II-й"*; 60 пушечный *„Владиміръ"* и 50 пушечный фрегатъ „Александръ" [2]). Во время спуска производилась пушечная пальба—а народъ кричалъ „ура".

Спутникъ Екатерины графъ Фалькенштейнъ постоянно отзывался съ нехорошей стороны о томъ, что онъ видѣлъ у насъ; о спущенныхъ въ его присутствіи въ Херсонѣ корабляхъ онъ писалъ къ своему фельдмаршалу:

„Спущенные корабли изъ очень сыраго лѣса, годятся только на показъ. Мачты очень плохи и нѣтъ ни канатовъ, ни парусовъ; все это предполагаютъ привезти сухимъ путемъ изъ Кронштадта въ Херсонъ". (См. Joseph II und Katharine von Russland. Wien 1869. Стр. 359).

Потомъ императрица съ графомъ Фалькенштейномъ на катерѣ проѣхала мимо спущенныхъ кораблей до греческой пристани, гдѣ ожидалъ ее фаэтонъ, въ которомъ она и возвратилась во дворецъ.—Здѣсь во внутреннихъ покояхъ графиня Браницкая представила ей дамъ: генералъ-поручицу Самойлову и

[1]) См. К.-Ф. ж. 1787 г.

[2]) См. Морской Сборникъ 1855 г. Апрѣль

Библиотека "Руниверс"

генералъ-маіоршу княгиню Вяземскую; государыня пожаловала ихъ къ рукѣ.

Обѣдъ былъ на 63 куверта. „Вмѣсто дессертныхъ филейныхъ штукъ поставлены были на столъ модели кораблей и фрегатовъ". Обѣдъ кончился въ исходѣ 2-го часа.

Вечеромъ передъ выходомъ въ залу, во внутреннихъ покояхъ императрица принимала отъ купели новорожденную дочь генералъ-поручика А. Н. Самойлова, по матери роднаго племянника кн. Потемкина. Потомъ кн. Потемкинъ представлялъ купцовъ и мѣщанъ, торгующихъ въ Херсонѣ.

На другой день, въ праздникъ св. Троицы, въ 11-мъ часу всѣ съѣхались во дворецъ для привѣтствованія съ праздникомъ, а въ 12 часовъ съ графомъ Фалькенштейномъ и съ нѣкоторыми лицами свиты императрица въ фаэтонѣ выѣхала къ обѣднѣ въ Екатериненскій соборъ.

Вся прочая свита слѣдовала въ каретахъ. Въ соборѣ императрицу встрѣтилъ съ крестомъ архіепископъ Амвросій.

До начатія литургіи, императрица въ церкви крестила бывшихъ до того въ магометанствѣ двухъ депутатовъ осетинскаго народа, которымъ наречены были имена одному Петръ, другому Павелъ; новокрещенные во все время продолженія литургіи стояли въ церкви; передъ причастіемъ императрица сама подводила ихъ прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ, а потомъ и къ св. Причащенію; на вечернѣ во время колѣнопреклоненія цвѣты подавалъ Императрицѣ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

По возвращеніи во дворецъ Императрица возложила орденъ св. Александра Невскаго на командовавшаго днѣпровскою флотиліею вице-адмирала Петра Ивановича Пущина, а всему экипажу, бывшему на судахъ во время путешествія по Днѣпру, приказала выдать, не въ зачетъ, въ награду, полугодовое жалованье.

Въ этотъ день императрица была очень щедра на милости:

Командующему артиллеріею генералъ-аншефу Ив. Иванов. Меллеру и бригадиру и херсонскому оберъ-коменданту Александру Соколову пожаловано по 300 душъ изъ полоцкой экономіи.

Библиотека "Руниверс"

Черноморскаго флота капитанъ 1-го ранга Николай Мордвиновъ и графъ Марко Воносовичъ произведены въ контръ-адмиралы, капитаны 1-го ранга: Панагіотти, Алексіано и Ѳедоръ Ушаковъ въ капитаны бригадирскаго чина; капитаны 2-го ранга: Степанъ Вельяшевъ, Гавріилъ Голенкинъ и Павелъ Пустошкинъ въ капитаны 1-го ранга. Находившійся при строеніи города Херсона подполковникъ Николай Корсаковъ въ инженеръ полковники и пожаловано ему 450 душъ изъ полоцкой экономіи и орденъ св. Владиміра 3 степени. Сынъ контръ-адмирала Пущина, флота-капитанъ-лейтенантъ Иванъ Пущинъ пожалованъ въ капитаны 2-го ранга [1]).

Иностранцы разсказываютъ, что въ этотъ день всѣ просили о наградахъ и всѣмъ давали. Императрица будто бы спросила Суворова не желаетъ ли и онъ чего нибудь?—Онъ отвѣчалъ, что желаетъ, чтобъ заплатили его долгъ за наемъ квартиры 200 руб. [2]).

Въ этотъ день сопутствовавшій Императрицѣ съ самаго начала ея крымскаго путешествія изъ С.-Петербурга, вице-президентъ государственной адмиралтейской коллегіи графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ былъ уволенъ за границу, вмѣстѣ съ его дочерью графинею Екатериною Ивановною.

Причиною удаленія его были придворныя противъ него интриги; онъ высказался объ этомъ откровенно другу своему бывшему оберъ-камергеру князю А. М. Голицину въ письмѣ изъ Херсона отъ 17 мая:

„Я принужденъ былъ удалиться; господа, заправлявшіе путешествіемъ, чтобъ оскорбить меня, хотѣли продѣлывать со мною то, что они дѣлали со многими: они хотѣли заставить меня или скакать впереди Государыни за 24 часа или послѣ нея черезъ сутки, ссылаясь на недостатокъ лошадей, которые давались семейству Потемкина или его свитѣ, какъ напримѣръ принцу Нассау и другимъ. Два дня къ ряду они дѣлали мнѣ эти предложенія и настаивали объ моемъ согласіи. Я отвѣчалъ имъ, что нахожусь при Императрицѣ въ путешествіи не по моей проєь-

[1]) См. К.-Ф. жур. 1787 г.

[2]) Taurische Reise. Koblenz. 1799, стр. 121.

Библиотека "Руниверс"

бѣ, а по ея приказанію, то отъ нее зависитъ приказывать мнѣ ѣхать ли впередъ или оставаться въ Херсонѣ и я въ точности, безпрекословно исполню ея приказанія".

„Желая же узнать отъ самой императрицы о разпоряженіяхъ по дальнѣйшему путешествію изъ Херсона, я пошелъ къ ней и сказалъ ей: я слышалъ ваше величество, что мое имя не поставлено въ спискѣ лицъ, имѣющихъ счастье сопровождать ваше величество. Она на это отвѣчала мнѣ: такъ какъ вы постоянно не здоровы, то вы свободны ѣхать куда и когда вамъ угодно. Ясно было, что все уже было устроено, чтобъ я не принадлежалъ болѣе къ свитѣ и потому я отвѣчалъ: „я дѣйствительно боленъ, и разъ мнѣ предоставляется свобода распоряжаться собою, то, не принадлежа болѣе къ свитѣ, я прошу отпустить меня за границу". Императрица очень удивилась. Куда? воскликнула она, за границу? что тамъ дѣлать?—Брать ванны, отвѣчалъ я.—Какія ванны?—Сперва близь Вѣны въ Баденѣ.—Это еще болѣе ее удивило. Въ Вѣну? — Точно такъ, ваше величество, но ежели ванны эти мнѣ не помогутъ, какъ я ожидаю, то поѣду въ Неаполь.—Богъ съ вами! сказала на прощанье Императрица. Въ слѣдующій день, *день отъѣзда* со мною обошлись еще холоднѣе.

Сознаюсь вамъ, мой почтеннѣйшій и уважаемый другъ, что болѣе всего меня огорчило, что молодой человѣкъ Мамоновъ, на дружбу котораго я считалъ въ правѣ надѣяться, оказался за одно съ кн. Потемкинымъ, который не переставалъ меня преслѣдовать, и всегда не явно, также и граф. Безбородко".

Князь А. М. Голицынъ получилъ это письмо, живя въ деревнѣ подъ Москвою, и черезъ брата своего, посланника въ Вѣнѣ, послалъ графу Чернышеву отвѣтъ: „Вамъ слѣдовало бы удалиться отъ дѣлъ поранѣе изъ Петербурга и изъ Кіева потому что не прилично ѣхать въ такія мѣста, гдѣ вы, нося еще на себѣ званіе перваго и главнаго члена Адмиралтейства, прежде командовали, а теперь быть безъ дѣла и уваженія. *Прать противъ рожна трудно;* и такъ, почтеннѣйшій другъ, надобно уже наконецъ принять безъ отлагательства свои мѣры, сходныя съ своимъ положеніемъ, и искать поправленія своему здоровью, которое по

Библиотека "Руниверс"

вашему усердію и рьяности въ службѣ пришло въ крайнюю разстройку. Гр. Кириллъ Григорьевичъ, для свиданіе съ которымъ ѣздилъ я нарочно въ городъ, объ васъ съ особливою дружбою со мною разговаривалъ. Онъ, не понимаю я для чего, принялъ намѣренія ѣхать зимовать въ Кіевѣ, будто бы московской климатъ ему не столько здоровъ быть бы могъ; по моему же мнѣнію, нашего рода и лѣтъ люди не могутъ нигдѣ инде съ лучшимъ покоемъ, благопристойности и пользою свое пребываніе основать какъ въ Москвѣ. Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій поклонъ вамъ сказываетъ. Онъ, кажется, совсѣмъ забылъ дворъ и свои претензіи употреблену при немъ быть. Теперь, единственно упражняясь въ своей экономіи, купилъ домъ, исправляетъ оный, будучи совсѣмъ расположенъ жить здѣсь".

Посылая это письмо въ Вѣну, кн. А. И. Голицынъ просилъ брата вручить вѣрно, ежели Чернышевъ еще въ Вѣнѣ находится или доставить оное къ нему, гдѣ онъ обрѣтается. „Его скорый и неожидаемый отъѣздъ изъ Херсона къ цѣлительнымъ водамъ и банямъ, писалъ князь къ брату, меня много удивилъ. Я сожалѣю, что онъ оной прежде не предпріялъ, не выѣзжая еще изъ Петербурга, а паче изъ Кіева, гдѣ онъ очень нездоровъ былъ. Его слабое и болѣзненное состояніе здоровія, а притомъ и его домашнія обстоятельства давно требовали отъ его дѣлъ и большихъ трудовъ отдыхновенія, вы найдете его весьма дряхла и состарившагося и черезъ то подумаете вы, что здѣсь люди скорѣе старятся, нежели у васъ; дочь его миловидна, пріятна, любезна и разумна. Я всегда находилъ въ дружбѣ графа І. Гр. больше чистосердечности и надежности, нежели въ дружбѣ покойнаго брата его фельдмаршала, который однако же считался мнѣ короткимъ пріятелемъ. Гр. І. Гр., могу я сказать, что онъ всегда искалъ моей дружбы и старался при случаѣ оную мнѣ доказывать. И такъ я прошу васъ, его увѣдомить, что я таковымъ образомъ объ немъ къ вамъ изъяснялъ и рекомендовалъ его, яко добраго моего пріятеля, въ возобновленіе дружбы вашей къ нему" [1]).

---

[1]) Письма гр. Чернышева къ кн. А. М. Голицыну, отвѣтъ послѣдняго и пись-

Библиотека "Руниверс"

Императрица, наградивъ щедро флотскихъ и херсонскихъ чиновъ, 16 мая объявила, что завтра отъѣзжаетъ въ Крымъ и въ тотъ-же день написала графу Брюсу въ Петербургъ:

„Мы всѣ здоровы. Здѣсь погода ни холодна, ни жарка, но весьма умѣренная; вчерась здѣсь спущены на воду два корабля военныя, да одинъ фрегатъ. Завтра поѣдемъ отсѣлѣ въ Бериславль, откуда, переправясь черезъ Днѣпръ, поѣдемъ въ Тавриду. Графъ Фалькенштейнъ ѣдетъ съ нами. Здѣшній край черезъ десять лѣтъ будетъ изъ изобильнѣйшихъ, все растетъ, все принимается; онъ отнюдь не безводный и надѣюсь, что съ весьма малымъ раченіемъ будетъ и съ лѣсомъ, я сама взяла тысячу десятинъ, на коихъ по лѣсному регламенту приказала сѣять строительнаго и дровянова лѣсу; черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ скажутъ спасибо, я весьма рада, что видѣла все сіе своими глазами; не тетки, ни бабки, не старушечки мужскаго и женскаго пола басни не наточать, здѣшной край есть рай земной. Графъ Чернышевъ ѣдетъ въ Вѣну къ водамъ, если онъ сіе дѣлаетъ въ опасеніе знаменитыхъ предпріятій, какъ и преждѣ дѣлывалъ, то сіе опасеніе еще рановременно, et lui qui aime a mistifier ne manquera pas de l'etre. Mais surtout mistifiet-il sa fille par ce voyage. Херсонъ 16 ч. мая 1787".

Въ концѣ письма императрица приписала: „Я посылаю къ вамъ три куска красной кисеи; одинъ кусокъ для вашей вел. кн. Маріи Павловны, а прочіе для ея сестры но не отдавайте ихъ тѣмъ преждѣ, нежели окончать оспенный карантинъ" [1]).

При отъѣздѣ изъ Херсона, по приказанію Императрицы, выданы были слѣдующія награды: Маркизу де-Галло 1000 червонныхъ, свитѣ графа Фалькенштейна 2000 червонныхъ, Софроніевской пустыни игумену Ѳеодосію 300 руб. и братіи 300 руб., архіепископу Евгенію 2000 руб., епископу Кириллѣ 1000 руб., вице-адмиралу Пущину для раздачи флотскимъ офицерамъ, быв-

мо его кн. Дмитр. Мих. Голицыну въ Вѣну выписаны изъ бумагъ главнаго архива М. И. Дѣлъ въ Москвѣ. Письмо гр. Чернышева писано на французскомъ языкѣ.

[1]) Выписано изъ приложеній въ Камеръ Фурьерскому журналу 1787 года, мы сохранили правописаніе подлинника.

Библиотека "Руниверс"

шимъ на галерахъ отъ Кіева до Кайдака 8245 руб., первому секретарю гр. Фалькенштейна перстень цѣною въ 2800 р., второму секретарю въ 2275 руб., лейбъ-хирургу въ 1300 руб., духовнику въ 1100 руб., генералу графу Кинскому въ 4775 руб., Потемкину для раздачи крестившимся депутатамъ осетинскихъ подарковъ 1830 руб.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ ЖИТОМІРѢ.

(ПО ПОВОДУ ЕЯ 25-ТИ ЛѢТІЯ).

Мысль о губернскихъ публичныхъ библіотекахъ возникла очень рано и принадлежитъ графу Н. С. Мордвинову, который, будучи президентомъ вольно-экономическаго общества, выработалъ проектъ распространенія въ Россіи полезныхъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній посредствомъ публичныхъ библіотекъ. Проектъ этотъ былъ изложенъ въ письмѣ графа къ министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому. Министръ отнесся къ проекту сочувственно и немедленно вошелъ въ сношенія объ этомъ съ губернаторами. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ только получилъ донесенія „о готовности дворянства и купечества содѣйствовать видамъ правительства въ столь полезномъ дѣлѣ“ [1]). Были впрочемъ и такіе, которые отнеслись не такъ оффиціально къ предложенію министра. Такъ напр., смоленскій губернаторъ Н. И. Хмѣльницкій, человѣкъ образованный и писатель, получивши циркуляръ Закревскаго, на собственныя средства и отчасти на частныя пожертвованія устроилъ публичную библіотеку въ Смоленскѣ и для пополненія ея обращался съ просьбой къ писателямъ и издателямъ, между прочимъ къ А. С. Пушкину [2]). Съ такою же просьбой обращался къ нимъ и самъ Закревскій, но получилъ далеко не ото всѣхъ сочувственные отвѣты. Приведемъ два наиболѣе характерныхъ

[1]) Энциклопед. лексиконъ, 1836 г., т. V, стр. 514.

[2]) „Къ новоселью одесск. публичн. библіотеки въ Одессѣ“. В. А. Яковлева, 1883 г., стр. 14.

Библиотека "Руниверс"

отвѣта, которые заимствуемъ у г. Яковлева[1]). Н. Полевой увидѣлъ въ предложеніи Мордвинова и министра „споспѣшествованіе отеческому просвѣщенію“ и „патріотическое дѣло“, а потому согласился совершенно безплатно пожертвовать въ каждую изъ предполагаемыхъ библіотекъ по пятидесяти экземпляровъ всѣхъ своихъ изданій, въ томъ числѣ и „Московскій Телеграфъ“. Иначе отнесся къ предложенію министра Ѳ. Булгаринъ. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ онъ заговорилъ „о необходимости упрочить сначала бѣдственное положеніе литераторовъ, а потомъ уже обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ“, и увѣрялъ, что редакціи потеряютъ отъ пожертвованія болѣе, чѣмъ по 30000 руб., а литераторы, участвующіе въ его журналѣ, даже онъ съ Гречемъ, кусокъ хлѣба. Не ограничиваясь этимъ, онъ напалъ на самого Мордвинова, упрекалъ его „въ пожертвованіи чужаго добра, въ разладѣ его мнѣнія съ дѣломъ и въ заключеніе обозвалъ его даже любимцемъ фортуны“ [2]). Такъ отнеслись къ предложенію представители русской прессы, образованной части русскаго общества. Если среди нихъ могли имѣть мѣсто люди, подобные Булгарину, то что же говорить о другой гораздо большей части общества, отъ которой, собственно говоря, главнымъ образомъ, и зависѣло осуществленіе проекта графа Н. С. Мордвинова. Одни, подобно Хмѣльницкому, принялись за дѣло горячо, другіе—нехотя, ex officio, а въ результатѣ оказалось, что „многія изъ открытыхъ въ тридцатыхъ годахъ библіотекъ вскорѣ прекратили свое существованіе, другія же существовали даже—только на бумагѣ“ [3]). Что представляли собой существовавшія такимъ образомъ библіотеки, можно судить по слѣдующему извѣстію объ одной изъ такихъ библіотекъ: „Во многихъ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ давно положено основаніе

---

[1]) Ibid., стр. 13.

[2]) На этомъ письмѣ А. Закревскій написалъ: „Не ожидалъ отъ него такого отвѣта, а тѣмъ болѣе съ укоризною другихъ; могъ просто отказаться и тѣмъ дѣло кончено, но давать нравоученія не его дѣло. Очень сожалѣю, что къ нему обращался“. В. Иконниковъ. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, Спб. 1873 г., стр. 494. Отъ Булгарина, впрочемъ, этого должно было ожидать.

[3]) „Къ новоселью городск. публичн. библ.“ Яковлева, Одесса, 1883 г., стр. 14.

Библиотека "Руниверс"

библіотекамъ, составлявшимся впрочемъ рѣдко съ цѣлью общественной. Сюда складывались частными жертвователями собранія книгъ сомнительнаго достоинства, устарѣвшихъ и вообще книги почему бы то ни было ненужныя тому, кто ихъ складывалъ..... Самыя библіотеки были „публичныя“ только по отчетамъ. Труденъ ли былъ доступъ къ нимъ, или виною тому равнодушіе общества? Намъ кажется и то, и другое. Около 10 или 12 лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ старыхъ городовъ, намъ никакъ не удалось проникнуть въ существовавшее тамъ книгохранилище, хотя мы знали, что оно находится при дворянскомъ собраніи и дѣйствовали черезъ лицо, высоко стоявшее въ обществѣ“ [1]). Въ тридцатыхъ годахъ существовала также библіотека въ Житомірѣ, но что она изъ себя представляла, какія въ ней были книги, наконецъ куда исчезли эти книги, мы положительно не знаемъ. Изъ статьи „Куда дѣвалась бывшая въ Житомірѣ публичная библіотека“, мы только узнали, что пользовались книгами безплатно и что ни одна изъ книгъ не вошла въ составъ существующей въ настоящее время библіотеки [2]). Такое печальное положеніе библіотекъ, впрочемъ, вполнѣ понятно: еще въ 50-хъ годахъ такіе народолюбцы, какъ Даль, были даже противъ народной грамотности [3]).

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ начинаютъ опять раздаваться особенно часто голоса, настаивающіе на необходимости учрежденія библіотекъ не только въ губернскихъ городахъ, но даже селахъ, почти во всѣхъ газетахъ и журналахъ печатаются свѣдѣнія и извѣстія объ открывающихся и уже открытыхъ библіотекахъ [4]), обсуждается степень важности и значенія такихъ учрежденій. Причины, выставляемыя pro и contra, интересны въ томъ отношеніи, что прекрасно рисуютъ среду, представитель которой брался за обсужденіе этого вопроса. Всѣхъ разсужденій такого рода мы приводить не будемъ, ука-

[1]) Самарск. Губ. Вѣдом. 1859 г., № 6, стр. 47.

[2]) Волынск. Губ. Вѣдом.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1884 г., т. VIII, стр. 676.

[4]) „Указатель библіотекъ въ Россіи“ г. Геннади, Спб. 1864 г.; „Сѣверн. Почта“ 1864 г., № 119 и стр.

Библиотека "Руниверс"

жемъ лишь наиболѣе характерныя, около которыхъ группируются, съ которыми по основной мысли схожи всѣ другія. Одни, напримѣръ, говорили: „Теперь въ провинціальныхъ городахъ общественныхъ развлеченій весьма мало. Въ праздникъ, напримѣръ, при выходѣ изъ церкви, послѣ литургіи вы всегда увидите десятки физіономій съ выраженіемъ недоумѣнія. Оно заключается въ вопросѣ: куда дѣваться съ временемъ до обѣда? Вотъ тутъ то и необходимо общественное мѣсто, гдѣ можно было пріятно и съ пользой провести дообѣденный часъ, *и этимъ мѣстомъ ничто иное можетъ быть, какъ библіотека.* За неимѣніемъ такого убѣжища, провинціальные жители отправляются, одни на рынокъ, гдѣ пересматриваютъ вывезенный для продажи разный хламъ..., другіе отправляются къ знакомымъ и тамъ тотчасъ, послѣ выпивки и закуски, садятся за карты. Тутъ забывается все: семья, напрасно ожидающая къ обѣду, потребности завтрашняго дня, обязанности и часто проигрывается доходъ не только одного мѣсяца, но и цѣлаго года. Чиновникъ, получившій жалованье, не всегда можетъ быть увѣренъ, что онъ принесетъ его домой, потому что, еслибы онъ самъ и не захотѣлъ зайти, то зазовутъ его, да и скука загонитъ поиграть въ карты. И какое его потомъ ожидаетъ положеніе: цѣлый мѣсяцъ безъ денегъ, долженъ занимать, унижаться—и по необходимости, если встрѣтится случай, лихоимствовать. Карточная игра неразлучна съ виномъ: одни пьютъ для храбрости, другіе отъ горя, при несчастьи, третьи отъ радости, при счастьи. При этомъ еще непремѣнно принуждаютъ пить другъ друга: нигдѣ такъ охотно не имѣютъ дѣла съ пьяницами, какъ въ картахъ... При существованіи же въ городѣ библіотеки дѣло шло бы совершенно иначе“ [1]). Другіе же, болѣе далекіе отъ картъ, выпивокъ и тому подобныхъ развлеченій относились къ дѣлу нѣсколько иначе. „Многіе, говорили они, жаждутъ чтенія, но всѣ они, большей частью, или не имѣютъ средствъ выписывать журналы и газеты, или, если и имѣютъ средства, то не имѣютъ охоты платить дорогія цѣны за журналы и другія періодическія изданія, чтобы

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом., 1859 г., № 263, стр. 1170.

Библиотека "Руниверс"

по прочтеніи отложить ихъ въ сторону и оставить навсегда безъ употребленія и потому остаются людьми отсталыми, не идущими въ уровень съ современностью“ [1]). Были также люди еще болѣе серьезно смотрѣвшіе на библіотеки, видѣвшіе въ этихъ учрежденіяхъ „пособіе для научныхъ занятій въ пользу края“ и „единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ народной массѣ“ [2]). Послѣднихъ, конечно, было очень немного. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ. Для насъ важно установить тотъ фактъ, что вопросъ о библіотекахъ разсматривался со всѣхъ сторонъ, былъ признанъ всѣми вопросомъ важнымъ, а учрежденіе библіотекъ—дѣломъ необходимымъ. Казалось бы послѣ такого единодушнаго рѣшенія послѣдуетъ не менѣе единодушное открытіе библіотекъ, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Библіотеки правда открывались, но далеко не единодушно. Одни, напримѣръ, радовались, что „библіотеки открываются уже мало по малу и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ихъ“ [3]). Другіе, и такихъ другихъ было, по всей вѣроятности, большинство, признавая значеніе библіотекъ, ихъ важность и пользу, относились къ этому дѣлу слишкомъ индифферентно: „Да не соблазняютъ не коротко знакомыхъ съ провинціальной жизнью пышныя статьи губернскихъ вѣдомостей объ открытіи публичн. библіотекъ и высказанномъ при этомъ горячемъ участіи губернскаго или уѣзднаго общества:—горячее участіе это не продолжается далѣе горячаго обѣда, за которымъ высказывается, и скоро простываетъ, такъ что пожертвованія, предложенныя въ пылу воодушевленія, произведеннаго тостами, потомъ обращаются, вмѣсто библіотеки, на предметы болѣе существенные, напримѣръ улучшеніе буфета (въ примѣчаніи: „фактъ не вымышленный“ [4]). Нѣкоторые же относились съ ироніей къ самой мысли открытія библіотекъ: „Намъ случилось, говоритъ одинъ изъ такихъ господъ, бесѣдовать съ однимъ человѣкомъ, власть

[1]) Черниговск. Губ. Вѣдом., 1859 г., № 42, стр. 316

[2]) Основа, 1861 г., іюль, стр. 145.

[3]) Дѣло идетъ объ открытіи библіотекъ въ станицахъ: Усть-Медвѣдицкой, Нижне-Чирской и Урюпинской.—Донск. Войсков. Вѣдом., 1861 г., № 20.

[4]) Кіевскій Телеграфъ 1859 г., № 38, стр. 164.

Библиотека "Руниверс"

имѣющимъ", о провинціальной жизни вообще и о просвѣщеніи въ уѣздныхъ городахъ въ частности. Онъ говорилъ между прочимъ: „Я убѣжденъ, что доколѣ въ каждомъ городѣ не будетъ публичной библіотеки, дотолѣ просвѣщеніе не двинется впередъ, поэтому и употребляю всѣ усилія, чтобы открывались библіотеки". Съ человѣкомъ власть имѣющимъ спорить намъ не приходилось..... Наилучшимъ образомъ составленныя библіотеки не послужатъ ни къ чему". Для автора этой замѣтки (Арк. Эвальда) кажется страннымъ, какъ это „точно чудомъ, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, окажутся способными наши почтенные граждане читать и понимать „Русскій Вѣстникъ", который и образованному то, но не вполнѣ, дается не совсѣмъ легко" [1]). Положимъ, что это мнѣніе лица, которому даже „Русскій Вѣстникъ" дается „не совсѣмъ легко", но во всякомъ случаѣ это—„писатель", представитель извѣстной партіи, а потому и съ мнѣніемъ его приходится считаться. Причина такого страннаго на первый взглядъ отношенія къ мысли, признанной всѣми чрезвычайно важной, уже въ то время находила себѣ совершенно вѣрное объясненіе. По нашему мнѣнію, справедливо объясняли это явленіе недостаткомъ вниманія къ общественнымъ интересамъ, неумѣніемъ соединиться для общаго дѣла, недостаточностью энергіи частной иниціативы. „Каждый изъ насъ, говорили, ждетъ, чтобы само правительство приняло на себя исполненіе всякаго общеполезнаго предпріятія или явился какой нибудь благодѣтель, который одинъ пожертвовалъ бы своимъ капиталомъ для общаго блага" [2]). Правительство, дѣйствительно, оправдало надежды общества и почти цѣликомъ взяло на себя это дѣло. Такимъ образомъ публичныя библіотеки въ нашихъ губернскихъ городахъ пережили два періода: 1) время до 60-хъ годовъ, когда библіотеки возникали по частному почину и 2) послѣ 60-хъ—періодъ административный, въ который была основана большая часть библіотекъ, существующихъ до настоя-

[1]) Московск. Вѣдом., 1860 г., № 205, стр. 1624.

[2]) Молва, 1857 г. № 21, стр. 250; Книжн. Вѣстн., 1860 г, № 17—18, стран. 206.

Библиотека "Руниверс"

щаго времени. Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ, который мы сочли нужнымъ предпослать замѣткѣ о житомірской библіотекѣ для того, чтобы поставить открытіе и вообще исторію библіотеки въ Житомірѣ въ связь съ открытіемъ библіотекъ въ Россіи, со всеобщимъ стремленіемъ къ образованію, мы конечно не могли дать полной исторіи библіотекъ въ Россіи, хотя такая исторія была бы чрезвычайно интересна и поучительна, какъ мѣрило развитія всего русскаго общества. Не могли же мы взяться за такой трудъ, благодаря недостатку подготовительныхъ работъ по этому вопросу и общихъ замѣтокъ по исторіи отдѣльныхъ библіотекъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены сообщить нѣсколько данныхъ о житомірской библіотекѣ, наиболѣе намъ извѣстной, оканчивающей 25-лѣтній періодъ своего существованія, надѣясь этимъ подготовить и облегчить работу будущаго изслѣдователя по общей исторіи русскихъ библіотекъ.

Житоміръ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ ничѣмъ не выдавался изъ среды другихъ губернскихъ городовъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „не выдерживалъ, по выраженію одного путешественника, ни малѣйшаго соперничества съ метрополіями другихъ провинцій“ [1]). Здѣсь не было ни порядочныхъ мостовыхъ [2]), ни сноснаго освѣщенія, ни даже гостинницъ, а пріѣзжающіе останавливались въ частныхъ еврейскихъ домахъ, носившихъ названіе „станцій“ [3]), которое удержалось и до настоящаго времени. Жителей за этотъ періодъ времени въ Житомірѣ было отъ 30 до 40 тысячъ при чемъ и эти 30, 40 тысячъ представляли изъ себя замѣчательную „смѣсь племенъ, народовъ, состояній“. Здѣсь были и поляки, и русскіе, евреи, татары и нѣмцы [4]). Все это—населеніе, имѣвшее между собой слишкомъ мало общаго, почти ничего.

---

[2]) Сынъ Отечества: „Изъ поѣздки въ Житом.“ Ив. Мещерина. 1865 г., № 235.

[2]) „Kilka ulic brucowanych, reszta pozbawiona nawet trotuarów“—Wołyń i jego mieczkańce w r. 1863, przez F. N. Drezno 1870 r., стр. 17.

[3]) Сѣверн. Пчела, 1850, № 193.

[4]) Wołyń, przez F. N, стр. 68; „ .... Wołyń zajmując sam srodek ziem Ruskich, liczy, pomiędzy swoimi mieszkańcami największy procent Rusinów; po nich idą ze względu na liczbę Żydzi, dalej Rossyanie, Niemcy, Holendrzy i Tatarzy“.

Библиотека "Руниверс"

Поляки, будучи даже въ это время народомъ сравнительно болѣе образованнымъ, съумѣли поставить себя во главѣ общества, такъ что чиновники, пріѣзжавшіе сюда на службу изъ великорусскихъ губерній, въ скоромъ времени усваивали польскій языкъ [1]), считавшійся тогда „паньскимъ“ [2]), старались сблизиться съ польской интеллигенціей. И въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего удивительнаго. Среди пріѣзжихъ чиновниковъ, а также и мѣстныхъ жителей, встрѣчались сплошь и рядомъ люди образованные, для которыхъ нужно было подходящее общество, подходящія развлеченія, нѣсколько отличныя отъ тѣхъ, за которыми убивала свои досуги другая часть житомірцевъ. Скорѣе всего они могли найти искомое среди поляковъ, для чего конечно нужно было знать польскій языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого состояло въ это время житомірское общество? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ одной изъ газетъ: „Житомірское общество, говоритъ газета, состоитъ изъ домовладѣльцевъ преимущественно поляковъ и евреевъ,—изъ евреевъ торговцевъ (безучастныхъ и къ лунѣ и къ солнцу),—изъ такъ называемаго низшаго слоя общества, которому не до общественныхъ дѣлъ и, наконецъ изъ самой образованной части общества—чиновниковъ, учителей и другихъ,—если такъ можно выразиться, служилыхъ людей. Почти всѣ служилые люди—русскіе. Какія побудительныя причины заставили этотъ людъ переселиться сюда—съ точностью опредѣлить трудно. Иные пріѣхали изъ убѣжденія—какъ важно пребываніе въ этомъ краѣ русскихъ образованныхъ людей (единицы); другіе—по странной игрѣ случая (десятки) и, наконецъ третьи—изъ разсчета на 50% добавку къ жалованью (сотни)“ [3]). По своему образованію и развитію выше всѣхъ этихъ группъ стояла польская. У нея былъ

Тѣ же народности только въ меньшемъ количествѣ находимъ и въ Житомірѣ. См „Экономистъ“ 1859 г.. т. II, кн. I, отд. III, стр. 15.

[1]) Volyń. przez. F. N., стр. 69.

[2]) С. Д. Рафаловичъ, жительница Житомира, хорошо помнящая это время, передавала намъ, что служанка ея, деревенская дѣвушка, удивлялась, „що паны межъ собою говорять по мужыцьки (т. е. по русски), а съ слугамы по паньски“.

[3]) С. Петербургск. Вѣдом., 1867 г., № 12.

Библиотека "Руниверс"

свой театръ, существовавшій очень давно (помѣщался на Бердичевск. ул.). Въ этомъ театрѣ, который уже въ 1850 г. былъ *ветхимъ*, давала свои представленія на польскомъ языкѣ труппа г-жи Зѣлинской [1]). Въ 1858 г. въ Житомірѣ былъ построенъ новый театръ, существующій и до настоящаго времени,—очень красивое и сравнительно обширное зданіе. „Жаль только, говоритъ одинъ изъ людей, знакомыхъ съ житомірской жизнью, что со дня его открытія никогда не было порядочной труппы и г.г. антрепренеры больше заботились о труппѣ польской, нежели русской, которая никогда не была въ блестящемъ состояніи“ [2]). Фактъ этотъ какъ нельзя лучше доказываетъ ту невысокую степень развитія русской части житомірскаго общества, благодаря которой русскій театръ находился въ жалкомъ состояніи и „кое какъ слѣпленная труппа, несущая сценическій трудъ съ спеціальной цѣлью быть сытой... не удовлетворяла самымъ умѣреннымъ запросамъ вкуса“ [3]). Да какъ ей было и „удовлетворять“, если въ этомъ удовлетвореніи никто не нуждался, если „узелъ наслажденія житомірскаго бомонда сложившагося изъ чиновничьихъ семействъ завязывался и развязывался въ гостинныхъ здѣшнихъ корифеевъ, гдѣ тянется копѣечный король за ухо и приносятся жертвы Терпсихорѣ“ [4])... Такая характеристика житомірскаго общества подтверждается также состояніемъ книжной торговли въ Житомірѣ. Въ это время здѣсь было „нѣсколько книжныхъ лавочекъ, но только польскихъ и французскихъ“... Русскихъ книгъ въ продажѣ не было и „жители должны пополнять недостатокъ выпиской изъ столицъ. Между тѣмъ въ Житомірѣ могла бы существовать книжная лавка, только для успѣха нужно соединить вмѣстѣ русскія, польскія, нѣмецкія и французскія книги“ [5]). Велико-же должно быть число „жителей“, желавшихъ пополнять недостатокъ въ русскихъ книгахъ выпиской ихъ изъ столицъ, если русскихъ

[1]) Сѣверн Пчела 1850 г., № 193.

[2]) Кіевскій Телеграфъ 1863 г., № 69.

[3]) Сынъ Отечества 1865, № 235.

[4]) Ibid.

[5]) Экономистъ, 1859 г., т. II, кн. I, отд. III, стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

книгъ даже въ „продажѣ не было“ и если для существованія русской книжной лавки необходимо было набить ее книгами на всѣхъ языкахъ. Изъ сказаннаго видно, насколько польская часть общества по своему развитію и образованію стояла выше русской. Такимъ образомъ, русское общество должно было разбиться на двѣ части: одна часть, болѣе образованная, не находя себѣ удовлетворенія въ условіяхъ житомірской жизни русскаго человѣка, примыкала къ полякамъ, другая-же отдалялась отъ нихъ и существовала, убивая время за картами, попойками и т. п. занятіями. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, когда „житомірскій бомондъ, сложившійся изъ чиновничьихъ семей“ „тянулъ за ухо копѣечнаго короля“ и „приносилъ жертвы Терпсихорѣ“, представитель этого бомонда, волынскій губернскій предводитель дворянства Микуличъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа В. Плятера, перепечатанное потомъ во многихъ газетахъ и журналахъ: „М. Г.! Съ нѣсколько необыкновенной просьбой, писалъ графъ Плятеръ, я обращаюсь къ вамъ; но мысль постоянно меня занимающая, ревностное желаніе сдѣлать добро для своего края, заставляютъ меня вѣрить, что мое настоящее намѣреніе найдетъ у васъ и покровительство, и сочувствіе. Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развилось, до тѣхъ поръ всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ,—*я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки*. Надѣюсь, что мысль моя не останется заброшенной, и я встрѣчу къ ней доброе вниманіе ваше. Нашъ императоръ милостиво заботится о распространеніи просвѣщенія; мы постоянно видимъ новыя учрежденія; замѣтки въ русскихъ газетахъ указываютъ на проектированныя библіотеки по всѣмъ городамъ имперіи. Ужели одни мы должны отступать и исчезать въ тѣни? Считая, что тридцатилѣтнее существованіе есть наименьшая проба для убѣж-

Библиотека "Руниверс"

денія въ пользѣ извѣстнаго учрежденія (потому что только по прошествіи этихъ лѣтъ можно сказать, что оно годится и должно существовать, или же рука основателей отшатнется отъ него, какъ отъ дѣла пустаго и—чего не дай Богъ, безплоднаго), я желалъ бы, чтобы сдѣлали тридцатилѣтнюю складку на публичную библіотеку въ Житомірѣ. Я полагаю, что 3500 руб. въ годъ (3000 съ губерніи и 500 съ города) достаточны на усовершенствованіе и постоянное ея содержаніе (наемъ дома, отопленіе, библіотекарь и его помощникъ, прислуга), эти 3500 руб.—небольшая сумма на 1300 кв. миль губерніи; если отнимемъ отъ этой цифры казенныя имѣнія, все таки на остальное 3000—не много. Въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ, или распоряженій правительства, складка прекращается теперь-же, или по истеченіи нѣкотораго времени, а пріобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью. Но, желая поскорѣе видѣть начало этого учрежденія, (котораго будущую судьбу представляю вашему покровительству), я отдаю во временное владѣніе библіотеки, послѣ первой складки, часть моей библіотеки—7000 томовъ. Если состояніе ея упрочится, я охотно увеличу свой вкладъ; но въ случаѣ какихъ нибудь перемѣнъ или по прошествіи тридцати лѣтъ, я хочу, чтобы начальники края дали мнѣ ручательство, что книги будутъ мнѣ возвращены въ цѣлости. Я полагаю, что и другіе не отказались бы способствовать основанію библіотеки одолженіемъ книгъ лѣтъ на десять, на пятнадцать, или по желанію вкладчика,—по истеченіи которыхъ они должны быть возвращены къ прежнему владѣльцу, его роднымъ или наслѣдникамъ. Г.г. Левковичи обѣщали даже подарить библіотекѣ собраніе картинъ, а я предлагаю только одолженіе на время. Нѣкоторые менѣе важные вопросы по этому предмету легко можно было бы уяснить потомъ. Теперь прошу васъ покорнѣйше, м. г., чтобы извлеченіе изъ моего письма или цѣлое письмо разослать г.г. уѣзднымъ предводителямъ дворянства и другимъ помѣщикамъ извѣстнымъ по благороднымъ стремленіямъ и благоразумнымъ намѣреніямъ. Ваше сочувствіе и участіе можетъ довольно скоро привести дѣло къ окончанію, а

Библиотека "Руниверс"

наше правительство теперь вѣрно препятствовать не будетъ. Свѣтлую и дорогую память оставили бы вы, м. г., въ краѣ, осуществивъ мое скромное намѣреніе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ могло бы принять большіе размѣры; по крайней мѣрѣ прошу васъ дать ходъ этой мысли" [1]).

Симпатичное письмо графа Плятера произвело свое дѣйствіе и гг. Микуличъ и Невмѣржицкій, особенно послѣдній, на первыхъ порахъ горячо взялись за это дѣло, хотя въ концѣ концовъ тотъ-же Невмѣржицкій, бывшій въ это время уѣзднымъ предводителемъ дворянства житомірскаго уѣзда, назвалъ это дѣло пустякомъ [2]). „Библіотека не состоялась, замѣчено по этому поводу въ „Основѣ", и гг. Невмѣржицкій и Микуличъ могутъ утѣшать себя тѣмъ, что имена ихъ долго не забудутся и въ Житомірѣ, и въ литературѣ". Врядъ ли, впрочемъ, виноваты здѣсь Микуличъ и Невмѣржицкій въ той степени, какую имъ приписываетъ авторъ статьи. „Сочувствуя мысли графа Плятера, многіе изъявили готовность, говоритъ тотъ-же авторъ, пожертвовать для общественной пользы свои библіотеки, музеи, картины.... Значитъ и начало было и сочувствіе общества.... и все таки библіотека не состоялась, потому что встрѣтила въ тѣхъ, кому сначала была предложена,—странное непониманіе и даже недоброжелательство". Намъ кажется, что при всемъ своемъ „недоброжелательствѣ" и „непониманіи", хотя этого нельзя сказать о Невмѣржицкомъ, эти два человѣка не могли бы остановить дѣла, къ которому сочувственно отнеслось общество и начало которому было уже положено. Очевидно, что и часть общества и г. Невмѣржицкій, „взявшійся сначала, по словамъ корреспондента, охотно помогать дѣлу", боролись нѣкоторое время съ равнодушіемъ большинства и въ концѣ концовъ оставили это дѣло, назвавши его „пустякомъ". Но пустякомъ здѣсь была названа не идея, а желаніе осуществить ее въ Житомірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли было здѣсь людей образованныхъ, которые могли бы сознательно отнестись къ идеѣ графа Пля-

[1]) Основа 1861 г. іюль, стр. 145 и сл.

[2]) Ibid.—Кіевск. Телеграфъ, 1860, № 55.

Библиотека "Руниверс"

тера и своимъ сочувствіемъ поддержать это дѣло? Раньше мы уже имѣли случай замѣтить [1]), что самую образованную часть общества составляли поляки и небольшой кружокъ русскихъ, примкнувшихъ къ полякамъ. Польская часть общества не нуждалась въ такомъ учрежденіи, да кромѣ того была занята въ это время своими дѣлами. Это было время польскаго возстанія, подготовительныя работы къ которому начались еще съ 50-хъ годовъ. Главной цѣлью всѣхъ этихъ работъ было—возможно тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ польскаго общества между собой. Средоточіемъ работъ на Волыни былъ г. Житоміръ. Здѣсь являются разнаго рода благотворительныя учрежденія, какъ напр. общество благотворительности, учредившее ремесленную школу, общество Качковскаго, имѣвшее свою типографію и выпускавшее дешевыя польскія изданія для распространенія въ народѣ, общество врачей, агрономическое общество, представлявшее собой сколокъ съ такого-же общества, учрежденнаго въ Варшавѣ спустя нѣсколько дней послѣ 19 февр. 1861 г. [2]) и др. Въ это-же время, въ Житомірѣ строился памятникъ Мицкевичу [3]). Результатомъ такой дѣятельности явились тѣ манифестаціи, о которыхъ еще сохранились у мѣстныхъ старожиловъ живыя воспоминанія и которыя тогда-же были занесены на страницы нѣкоторыхъ изданій [4]). Все это, конечно, не могло не отвлекать поляковъ отъ осуществленія мысли гр. Плятера. Что касается до остальной части общества, то она не обратила даже вниманія на проектъ, къ котому отнеслась такъ же, какъ нѣсколько позже къ правительственной библіотекѣ „Кто у насъ, спрашиваетъ какой то мѣстный житель, читаетъ русскіе книги? Ужъ никакъ не поляки или ополяченные жильцы житомірскіе: они если и читаютъ что, такъ развѣ такія изданія, какъ консервативные листки

[1]) См. ссылку № 26 и 27.

[2]) Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865 a., par Alexandre de Moller, Paris 1865 a., p. 239.

[3]) Спб. Вѣдом. 1860 г., № 148, стр. 762. Единственная замѣтка, которую намъ удалось найти объ этомъ памятникѣ.

[4]) „Житоміръ въ 1861 въ 1866 годахъ“, см. „Русск. Вѣстн. 1866 г., т. 64, стр. 585 и сл.

Библиотека "Руниверс"

„Вѣсти," какъ разъ приходящіеся по здоровой головѣ пана-поляка. Евреи тоже не особенные любители чтенія: громаднѣйшая часть ихъ дальше своихъ кармановъ ничего не видитъ и не желаетъ видѣть (мы не говоримъ о здѣшнемъ раввинскомъ училищѣ, которое даетъ достаточное количество читателей). Третій, низшій слой въ погонѣ за насущнымъ хлѣбомъ даже не знаетъ, существуютъ ли на свѣтѣ библіотеки и что такое за чудовища эти библіотеки. Остается, значитъ, четвертая часть. Для нея и предназначалась русская библіотека, какъ средство къ удовлетворенію ихъ умственнаго запроса. Но эта часть общества (служилые люди) отнеслась, если не враждебно, то въ высшей степени индифферентно къ библіотекѣ, какъ это показало празднованіе годовщины" [1]). Значитъ гг. Микуличъ и Невмѣржицкій здѣсь не причемъ, а виноваты исключительно: во первыхъ, неразвитость русской части общества, а во вторыхъ страшная рознь между различными элементами, изъ которыхъ состояло въ это время житомірское общество. Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что библіотека не была открыта и проектъ графа Плятера не осуществленъ.

Польскій мятежъ нѣсколько измѣнилъ дѣла въ юго-западномъ краѣ, заставилъ правительство отнестись нѣсколько иначе къ полякамъ и позаботиться объ увеличеніи въ странѣ русскаго вліянія. Для этого оно воспользовалось тѣми-же средствами, какія употребляли поляки для развитія польскаго. Правительство начало устраивать школы, издавать книги, выдавать субсидіи нѣкоторымъ мѣстнымъ русскимъ органамъ, открывать библіотеки. Единственной цѣлью всѣхъ этихъ мѣръ было „противодѣйствіе полонизму и поддержаніе русскаго дѣла: сколь возможное усиленіе русскаго элемента, расширеніе его вліянія и т. д., словомъ то, что называютъ обрусеніемъ края" [2]) Библіотекамъ юго-западнаго края придавалось такимъ образомъ большое значеніе, на нихъ возлагалась большая миссія, а потому и открывались

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1867 г., № 112.

[2]) С.-Петербургск. Вѣд. 1867 г., № 112. Тотъ-же взглядъ приводится и въ статьѣ: „О публичн. библіот. въ уѣздн. городахъ:" „.... Уѣздныя библіотеки, хорошо устроенныя могутъ быть въ рукахъ правительства сильнымъ политическимъ ору-

Библиотека "Руниверс"

онѣ не такъ легко, какъ раньше, слишкомъ осторожно [1]). Въ Житомірѣ была открыта библіотека въ одно время съ кіевской и каменецъ-подольской по мысли ген.-губернатора Анненкова [2]). Предварительно, въ письмѣ отъ 11 апр. 1864 г., начальникъ края высказалъ волынскому губернатору М. И. Черткову свои мысли относительно учрежденія библіотеки въ Житомірѣ „для поддержанія и развитія въ населеніи образованія на началахъ русской народности", просилъ изыскать средства для осуществленія этой мысли. Чертковъ взялся за дѣло горячо и въ скоромъ времени сообщилъ Анненкову свой проектъ. „Помѣстить ее предположено въ лѣвомъ флигелѣ при губернаторскомъ домѣ, и на приспособленіе помѣщенія предполагалось 500 руб.; первоначальное-же обзаведеніе библіотеки, по приложенному разсчету, требовало около 2800 руб. Разсчитывая, что при недостаточности средствъ здѣшняго русскаго просвѣщеннаго общества и при малой его численности" сборъ добровольныхъ пожертвованій не будетъ превышать и 800 руб.,—слѣдовательно недостающую сумму „придется позаимствовать изъ иного источника,"—губернаторъ заключаетъ свои соображенія мнѣніемъ, что учрежденіе библіотеки „настолько полезно, что если правительство будетъ дѣлать на нее нѣкоторую затрату,—сумма на этотъ предметъ окупится пользою, которую принесетъ библіотека" [3]). Генералъ-губернаторъ представилъ эти соображенія въ министерство внут-

---

діемъ для повсемѣстнаго въ городахъ водворенія русскаго образованія и руководства умовъ въ данномъ направленіи..." Виленск. Вѣсти. 1866 г., № 14. Также Кіевлянинъ 1864 г., № 23 и мн. др.

[1]) Любопытна судьба слонимской библіотеки, которой авторъ замѣтки не „осмѣливается" назвать *публичной*. Библіотека эта была устроена кружкомъ православн. священ. по иниціативѣ мироваго посредника (Виленск. Вѣстн. 1866 г., № 66). „На первыхъ порахъ, сказано въ статьѣ, имъ хотѣлось дозволить и другимъ русскамъ участвовать въ этой складчинѣ и сдѣлать библіотеку доступною для всѣхъ: но это не было дозволено администраціей изъ опасенія, чтобы въ эту складчину не втерлись и поляки, которые самое благое и чистое учрежденіе могли постараться обратить въ политическій клубъ и въ орудіе своей пропаганды". Виленск. Вѣстн. 1866 г., № 14.

[2]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 8, стр. 3[illegible].

[3]) „Десять лѣтъ Житомірской Публичной Библіотеки." И Рудченко, Житомиръ, 1876 г., стр. 5 и сл.

Библиотека "Руниверс"

реннихъ дѣлъ, испрашивая на учрежденіе русской публичной библіотеки—единовременнаго фонда и ежегодныхъ субсидій, а губернатору въ видахъ усиленія средствъ библіотеки предложилъ пригласить жителей къ посильнымъ пожертвованіямъ деньгами и книгами [1]). Проектъ встрѣтилъ одобреніе въ Петербургѣ и, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало уже высочайшее соизволеніе на отпускъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія проекта публичныхъ библіотекъ. Средства эти разрѣшено выдать въ тѣхъ размѣрахъ, какіе указаны были, по приблизительнымъ соображеніямъ, генералъ-адъютантомъ Анненковымъ. Для первоначальнаго устройства трехъ библіотекъ (житом., кіевск., подольской) ассигновано 9000 руб., для поддержанія ихъ и дальнѣйшаго укомплектованія въ теченіи трехъ лѣтъ разрѣшено выдавать въ видѣ субсидій отъ 1000 до 2000 р. с. на каждую библіотеку ежегодно [2]). Такимъ образомъ, правительство положило твердое основаніе библіотекѣ въ Житомірѣ. Необходимы однако были еще сочувствіе и помощь самого общества. „Какъ ни щедро назначеніе отъ правительства, говорилъ губернаторъ, справедливость и польза дѣла, требуютъ, чтобы и городское общество приняло въ немъ участіе добровольными пожертвованіями.“ Однако, общество, на которое возлагались такія надежды, и теперь осталось вѣрнымъ самому себѣ и выказало полнѣйшее равнодушіе, какъ къ библіотекѣ, такъ и къ призыву губернатора [3]). Это показало какъ нельзя лучше празднованіе годовщины библіотеки: „Здѣсь предполагался выборъ новыхъ членовъ, но желающихъ оказалось всего 23—25 человѣкъ. Всего было собрано пожертвованій 426 руб.“ [4]). Да кромѣ того, еще большой вопросъ, дѣйствительно ли эти нѣсколько членовъ sua sponte желали быть членами. Съ увѣренностью можно сказать—нѣтъ, и вотъ почему. Губернаторъ, какъ попечитель библіотеки, ежегодно обращался къ служащимъ лицамъ съ приглашеніемъ записаться въ члены

[1]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 8, стр. 31.

[2]) Кіевлянинъ, 1864, № 23, стр. 92.

[3]) Волынск. Губернск. Вѣдомости, 1866 г., № 33, стр. 254.

[4]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1867 г., № 112.

Библиотека "Руниверс"

ея. Съ 1869 года самъ комитетъ библіотеки сталъ разсылать въ присутственныя мѣста такого рода приглашенія. Волей не волей, приходилось значитъ „выражать желаніе“. Мѣра эта, говоритъ г. Рудченко,—скажутъ нѣкоторые, отзывается какимъ-то зазываніемъ, напрашиваніемъ. Быть можетъ это отчасти и справедливо, но, тѣмъ не менѣе, мѣра эта, при нашихъ условіяхъ жизни необходима. Безъ нея, при нашей разрозненности, при отсутствіи сознанія общихъ интересовъ, библіотека, *или вовсе не имѣла бы членовъ, или же имѣла бы такое незначительное число, какимъ неоднократно жаловалась библіотека въ Кіевѣ* [1]). Такимъ образомъ, не смотря на правительственную субсидію, библіотекѣ пришлось бороться съ индифферентизмомъ общества; только теперь это уже было не такъ трудно и мало по малу библіотека одержала верхъ.

Открылась библіотека для публики однако не сейчасъ по утвержденіи проекта, такъ какъ не было еще приготовлено помѣщеніе, недоставало нѣкоторыхъ необходимыхъ книгъ, библіотекаря. Что касается до помѣщенія, то въ пользу библіотеки предоставленъ былъ губернаторомъ одинъ изъ флигелей, принадлежащихъ губернаторскому дому, въ которомъ библіотека помѣщается и въ настоящее время. Это была чрезвычайно важная поддержка, особенно на первыхъ порахъ, когда средствъ библіотеки едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ ея нуждъ [2]). Когда все было болѣе или менѣе устроено, получены выписанные журналы и газеты на 1866 г., 10-го апрѣля 1866 г. библіотека была открыта: „въ присутствіи многочисленной публики, говорится въ отчетѣ, состоящей изъ лицъ всѣхъ сословій, со-

[1]) „Десять лѣтъ Жит. Пуб. Библ.“, стр. 14. Въ первый годъ существованія кіевск. библ. имѣла болѣе 60 членовъ, а въ 1871—2 г.,—всего 3, въ 1876—одного (Кіевлянинъ, 1876 г., № 51).

[2]) Волынь, 1889 г., № 47. „Должно сказать правду, говорится въ отчетѣ за 1885 г., что безъ субсидіи правительства и даровой квартиры... существованіе библіотеки было бы крайне шаткое, не обезпеченное и она, истративши накопленныя ею средства, годъ за годомъ приходила бы въ упадокъ и городъ лишился бы одного изъ самыхъ полезныхъ образовательныхъ учрежденій“.

Библиотека "Руниверс"

вершено было молебствіе съ водосвятіемъ. Потомъ предсѣдатель распорядительнаго комитета прочелъ рѣчь, въ которой изъяснилъ весь ходъ дѣла по устройству библіотеки, наличныя ея средства и главныя правила для чтенія.“ Правила эти въ первоначальномъ своемъ видѣ были такого рода. Будучи читальней, житомірская библіотека въ тоже время выдаетъ книги на домъ. Она открыта ежедневно (кромѣ трехъ дней страстной, трехъ святой недѣли, трехъ дней Р. Хр. и новаго года) съ 9 ч. утра до наступленія сумерекъ. Входъ въ нее свободенъ каждому безъ различія пола и званія, кромѣ дѣтей моложе 14 лѣтъ. *За чтеніе въ библіотекѣ никакой платы не полагалось.* Подписчики-же желавшіе брать книги на домъ, уплачиваютъ: подписчики 1-й категоріи на годъ—10 р., на полгода—5 р. 50 к. и въ мѣсяцъ по 1 р.; подписчики 2-й категоріи—годовые по 6 руб., полугодовые—по $3^1/_2$ р. и мѣсячные—по 60 к., за журналы и книги, выдаваемые подписчикамъ суточнымъ, взимается по 10 коп. за каждый томъ въ сутки. Члены-учредители [1]) пользуются правами подписчиковъ 1-й категоріи, а остальные члены—правомъ безплатнаго чтенія въ самой библіотекѣ. Первая категорія подписчиковъ читаетъ текущіе журналы въ первый мѣсяцъ ихъ полученія въ библіотекѣ, а вторая—спустя мѣсяцъ по полученіи. Книги выдаются подписчикамъ: 1-й категоріи не болѣе 3 томовъ въ одинъ разъ, 2-й категоріи—2 томовъ, а однодневнымъ—по одному тому. Текущіе журналы отпускаются по одному номеру, а газеты, глобусы, географическія карты и вообще всѣ справочныя книги на домъ вовсе не отпускаются. Книги, выданныя изъ библіотеки, не могутъ задерживаться болѣе 10 дней, а журналы—одной недѣли. За просрочку положенъ штрафъ: за № журнала—30 к., за книгу—10 коп. въ сутки, и до уплаты причитающагося штрафа подписчикъ теряетъ право получать книги изъ библіотеки. Въ обезпеченіе возврата книгъ и бережнаго съ ними обращенія, под-

---

[1]) Членами библіотеки считаются лица, вносящіе ежегодно по 5 руб., а членами учредителями—внесшіе единовременно 100 руб.

Библиотека "Руниверс"

писчики обязаны вносить не менѣе 5 р. залога [1]). Исключеніе допущено только для людей „небогатыхъ“ имъ могутъ быть выдаваемы книги безъ залога, но не иначе, какъ подъ поручительство одного изъ членовъ распорядительнаго комитета. Въ тѣхъ видахъ, чтобы выдача книгъ на домъ не лишала возможности пользоваться текущими новостями въ самой библіотекѣ, установлено: на столѣ, устроенномъ для читателей, должна находиться въ одномъ экземплярѣ послѣдняя книжка всякаго журнала, послѣдній номеръ еженедѣльной газеты и три послѣднихъ №№ ежедневныхъ газетъ, которыя выписываются библіотекою (И. Рудченко, стр. 9 и сл.). Что касается до управленія библіотекой то для этого былъ учрежденъ распорядительный комитетъ изъ 5-ти лицъ: 2-хъ по назначенію губернатора, трехъ, избираемыхъ ежегодно членами изъ своей среды и одного „непремѣннаго“ члена—директора мѣстной гимназіи (съ 1869 г.). Комитету поручены были прежде всего хозяйственныя дѣла, заботы о пополненіи библіотеки, разсмотрѣніе заявленій читателей и наконецъ замѣна или устраненіе нѣкоторыхъ постановленій выработаннаго вначалѣ устава. Непосредственное же завѣдываніе библіотекой возложено было на библіотекаря. Эту должность занялъ И. Шинкевичъ, который въ продолженіи 25-ти лѣтъ безпрерывно занималъ это мѣсто, исполняя массу самыхъ разнообразныхъ дѣлъ: онъ и книги выдавалъ, и велъ счетъ деньгамъ, полученнымъ съ подписчиковъ, дѣлалъ статистическія замѣтки и т. п. Только съ 1885 г. былъ назначенъ ему помощникъ г. Власенко [2]). Дѣятельность комитета за разсматриваемое нами 25-лѣтіе выразилась массой постановленій, изъ которыхъ мы только укажемъ на слѣдующія измѣненія, какъ на болѣе важныя.

1) 8-го іюля 1866 г. постановлено было открывать библіотеку 2 раза: съ 9 до 2-хъ и съ 4-хъ до 8-ми часовъ, а въ празд-

[1]) Въ настоящее время подписчики 1-й кат. вносятъ 5 руб., а второй—3.

[2]) Пользуюсь даннымъ случаемъ, чтобы выразить свою благодарность г. Шинкевичу и г. Власенко за ту помощь и участіе, которое они выражали къ моей работѣ, снабжая меня необходимыми матерьялами, не смотря на массу ихъ собственныхъ занятій.

Библиотека "Руниверс"

ничные отъ 2-хъ до 8-ми часовъ, для того, „чтобы дать возможность служащимъ лицамъ пользоваться библіотекой послѣ обѣда."

2) 15-го ноября 1866 г. комитетъ „призналъ полезнымъ" взимать съ посѣтителей за чтеніе—въ годъ по $1^1/_2$ р., а въ мѣсяцъ по 15 коп.

3) Въ октябрѣ 1868 г. для того, чтобы дать возможность небогатымъ чиновникамъ пользоваться библіотекой, постановлено было вмѣсто залога требовать отъ такихъ лицъ удостовѣреній отъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ они служатъ.

Срокъ, на который выдавались книги, измѣнялся два раза: 26-го апр. 1867 г. разрѣшено было книги „серьезнаго содержанія выдавать вмѣсто 10 на 14 дней; въ маѣ 1871 г., вслѣдствіе часто заявляемыхъ неудовольствій читателей, было постановлено: тѣ книги, что выдавались на 10 дней, отпускать на 14, а выдававшіяся на 14—отпускать на 21 день. Штрафы были также понижены: за просрочку журнала съ 30 к. на 10 к., а книги—съ 10 на 5 к. въ сутки.

Что касается до средствъ, которыми располагала библіотека, то, помимо правительственной субсидіи [1]), они составлялись изъ членскихъ взносовъ, подписной платы, штрафовъ за просрочку книгъ и разнаго рода доходовъ, получаемыхъ съ процентныхъ бумагъ, продажи каталога и др. Доходы эти были довольно значительны, что дало возможность библіотекѣ, не смотря на всѣ расходы, составить въ теченіе 25-ти лѣтъ основной капиталъ въ размѣрѣ 12000 рублей.

Деньги свои библіотека расходовала, главнымъ образомъ, на пріобрѣтеніе книгъ. Большинство этихъ книгъ представляютъ собой популярныя сочиненія по разнымъ отраслямъ наукъ и всѣ важнѣйшія произведенія русской литературы. Слишкомъ спеціальныхъ, древнихъ и библіографически-рѣдкихъ изданій

[1]) Правительственная субсидія первые 3 года выдавалась въ размѣрѣ 2000 р., а затѣмъ—800 руб.

Библиотека "Руниверс"

здѣсь нѣтъ, но главнѣйшія, капитальныя сочиненія здѣсь можно найти по всѣмъ отраслямъ знаній, особенно по русской исторіи. Здѣсь есть и Карамзинъ, и Соловьевъ, изданія лѣтописей, изданіе актовъ кіевской и с.-петербургской археографической коммиссіи и др. Вообще „библіотека, по словамъ г. Рудченко, можетъ всегда удовлетворить не спеціалиста, а просто образованнаго человѣка, ищущаго въ чтеніи полезныхъ знаній, умственныхъ и эстетическихъ наслажденій [1]).

Книги эти поступали въ библіотеку постепенно: большая часть была куплена, другая меньшая пожертвована учеными обществами и частными лицами.

Значеніе такой библіотеки и степень сочувствія къ ней общества какъ нельзя краснорѣчивѣе доказывается количествомъ подписчиковъ и требованій на книги, выразившимся слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Членовъ.	Подписч.	Посѣтител.	Годы.	Членовъ.	Подписч.	Посѣтител
1866	85	476	59	1878	23	1628	1045
1867	56	673	587	1879	22	1730	780
1868	47	800	592	1880	26	1847	886
1869	95	742	505	1881	29	2050	934
1870	60	843	775	1882	33	1999	750
1871	47	917	514	1883	24	2128	697
1872	32	1213	712	1884	25	1962	869
1873	31	1269	633	1885	23	675	928
1874	21	1436	565	1886	23	837	869
1875	27	1006	375	1887	17	908	804
1876	29	1500	620	1888	18	890	701
1877	25	1586	1157				

При бѣгломъ обзорѣ даже этихъ небольшихъ статистическихъ данныхъ, невольно бросается въ глаза довольно значительное уменьшеніе числа членовъ и, что неожиданнѣе всего, подписчиковъ къ концу 25-ти лѣтняго періода. Что касается

---

[1]) „Десять лѣтъ“... И. Рудченко, стр. 36. По отдѣламъ книги распредѣляются слѣдующимъ образомъ: I. По богословію и истор. церкви—124. II. По философіи, психологіи и логикѣ—109. III. По педагогикѣ—197. IV. По правовѣдѣнію и политич. наукамъ—278. V. По технологіи и сел. хозяйству—161. VI. По исторіи всеобщей и русской—882. VII. По географіи, этнографіи и статистикѣ—308. VIII. По

Библиотека "Руниверс"

до членовъ, то причины такихъ колебаній понятны: записывались люди не совсѣмъ добровольно, какъ мы уже говорили объ этомъ раньше, и потому при первомъ удобномъ случаѣ старались сбросить съ себя непріятныя для нихъ обязательства. Но чѣмъ объяснить убыль подписчиковъ, которые прибываютъ „не ради увѣщаній и симпатій, а съ исключительной цѣлью пользоваться библіотекой?“ Намъ кажется, что это явленіе находится въ тѣсной связи съ открытіемъ нѣсколькихъ библіотекъ частныхъ, при книжномъ магазинѣ, военномъ клубѣ и др. Безъ сомнѣнья эти библіотеки отвлекли часть читателей библіотеки публичной, но, какъ показываетъ статистика требованій, которую мы приводимъ ниже, читатели эти по всей вѣроятности не особенно много читали, такъ какъ, не смотря на ихъ удаленіе, число требованій почти не уменьшилось. А между тѣмъ подписчиковъ ушло болѣе 50%. Количество требованій было слѣдующее:

Годы.	На книги научныя.	На книги беллетристическія.	На періодическія изданія.	Всего.	Годы.	На книги научныя.	На книги беллетристическія.	На періодическія изданія.	Всего.
1866	2179	6943	1658	10780	1878	3949	9871	5922	11742
1867	1543	6024	2210	9777	1879	4954	9390	5934	19778
1868	1441	7909	2969	12319	1880	2577	9398	5908	17883
1869	777	4410	2728	7915	1881	2208	9465	9137	20810
1870	1012	5319	2787	9118	1882	3270	9018	8757	20850
1871	1296	5488	3263	10547	1883	2372	9488	7116	18976
1872	1496	6389	3175	11060	1884	2807	8113	7260	18180
1873	1833	7586	3478	12897	1885	4217	9913	7480	21600
1874	2064	8016	3407	13487	1886	2974	8524	8281	19779
1875	1933	7793	3168	12894	1887	3116	6717	7969	17802
1876	2424	7880	4740	14870	1888	2156	7884	5810	15850.
1877	3333	9915	5600	18848					

Къ сожалѣнію, неполнота и неточность отчетовъ библіотеки не позволяютъ намъ дать болѣе точныя свѣдѣнія о посѣтителяхъ библіотеки, распредѣлить ихъ по сословіямъ и націо-

---

естеств. и математич. наукамъ—375. IX. По медицинѣ—69. X. По воен. и морскимъ наукамъ—46. XI. По искусствамъ—83. XII. По словесности русской и переводной—1775. XIII. По справочнымъ книгамъ и словарямъ—55.

Библиотека "Руниверс"

нальностямъ. Тѣ данныя которыми мы располагаемъ въ данномъ случаѣ позволяютъ намъ лишь сказать, что болѣе 50% всѣхъ читателей составляли и составляютъ евреи. Что касается до женщинъ, то въ стѣнахъ библіотеки они читаютъ рѣдко и комната, предназначенная для нихъ, почти всегда бываетъ пустой—книги же берутъ читать на домъ; въ послѣдніе годы число читательницъ, впрочемъ, доходитъ до 50%, что представляетъ собой уже большой прогрессъ сравнительно съ прежними годами. Вообще, нужно замѣтить, что посѣтители житомірской библіотеки съ каждымъ годомъ все больше и больше прогрессируетъ въ своемъ развитіи. Это, во первыхъ, доказывается большимъ спросомъ на книги и притомъ сплошь и рядомъ на книги серьезнаго содержанія, а во вторыхъ, отчасти, „книгой заявленій", находящейся при библіотекѣ для записи заявленій читателей, и „установленной съ цѣлью выслушивать замѣчанія о недостаткахъ библіотеки, способахъ ея улучшенія". Въ первые годы своего существованія книга совершенно не соотвѣтствовала своему назначенію. Большинство замѣчаній, вписанныхъ въ нее, по выраженію одного изъ посѣтителей помѣщались „съ легкомысліемъ", съ спеціальной цѣлью „внести и свою строку въ книгу". Понятно, что такого рода заявленія не имѣли, да и не могли имѣть никакого смысла. Другія заявленія отличались полемическимъ характеромъ, указывая главнымъ образомъ на ту рознь среди житомірскаго общества, о которой мы говорили уже раньше. Рознь эта, какъ и вездѣ, особенно обнаруживается въ полемикѣ евреевъ съ русскими. Приведемъ два примѣра такихъ полемическихъ выходокъ, занесенныхъ въ „книгу", которые заимствуемъ у г. Рудченко[1]). Одинъ изъ посѣтителей г. К., въ довольно скромныхъ выраженіяхъ, пожаловался, что нѣкоторые изъ посѣтителей смотрятъ на библіотеку „какъ на мѣсто, если не равное, то похожее на публичныя гулянья", причемъ указалъ на еврея Г., вслѣдствіе чего послѣдній разразился страшной филиппикой, причемъ желая разжалобить читателя, называлъ себя „жидомъ", угнетеннымъ,

[1]) „Десять лѣтъ Житом. Публ. Библ." И. Рудченко, стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

безпомощнымъ. Съ другой стороны и русскіе давали совѣты „въ видахъ приличія, воспретить входъ въ библіотеку въ запрещенныхъ (?) костюмахъ и съ пейсами“.. Съ теченіемъ времени, однако, такого рода заявленія встрѣчаются рѣже и рѣже. Со стороны читателей заявляются лишь ихъ нужды, просьбы выписать ту или другую книгу и только изрѣдка встрѣчаются жалобы и заявленія какихъ нибудь личныхъ неудовольствій. Сплошь и рядомъ встрѣчаются требованія, повторенныя нѣсколько разъ и поддержанныя нѣсколькими лицами; это уже показываетъ, что заявленіе было сдѣлано не „съ легкомысліемъ“, а вполнѣ сознательно. Изъ числа такихъ заявленій можемъ назвать просьбу выписать журналъ „Восходъ“, высказаную конечно еврейской партіей, и почти всеобщее требованіе „обѣщаннаго“ каталога. Такое отсутствіе ненужныхъ „легкомысленныхъ“ заявленій, личныхъ и партійныхъ споровъ, доказывая большее развитіе читающей публики, подаетъ надежду, что когда нибудь и, быть можетъ, въ самомъ недалекомъ будущемъ, всѣ эти разрозненные и до сихъ поръ враждебные элементы сольются въ одно цѣлое, во имя науки сознаютъ свои общіе интересы. А между тѣмъ многое нужно, да и можно было бы сдѣлать, если бы общество дошло наконецъ до такого сознанія.

Прежде всего необходимо устроить при библіотекѣ общедоступную *безплатную* читальню, такъ какъ такого рода читальни, по мѣткому замѣчанію одного англичанина, также нужны для общественнаго блага, какъ и общественные фонари, доставляющіе всѣмъ безплатное уличное освѣщеніе. При самомъ основаніи нашей библіотеки мысль эта уже прекрасно сознавалась и генералъ-губернаторъ Анненковъ выразился въ томъ смыслѣ, что „безплатное пользованіе книгами—conditio sine qua non всякой публичной библіотеки [1]). Дѣйствительно, сначала библіотека нашла возможнымъ допустить безплатное чтеніе, и хотя, впрочемъ, только въ стѣнахъ библіотеки, за книги же взятыя на домъ нужно было платить. Но, спустя нѣ-

[1]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 23, стр. 92.

Библиотека "Руниверс"

сколько мѣсяцевъ (15-го ноября 1866 г.), пришлось платить и за чтеніе въ стѣнахъ библіотеки, потому что распорядительный комитетъ „призналъ полезнымъ взимать съ посѣтителей за чтеніе въ годъ $1^1/_2$ р., а въ мѣсяцъ по 15 коп.“ [1]), что производится и до настоящаго времени. Плата, положимъ, не особенно большая, но во всякомъ случаѣ могутъ найтись, да и находятся люди, для которыхъ и такая плата представляется довольно значительной. Кромѣ того, по словамъ проф. Янжула, „люди начинаютъ читать, когда могутъ получить книгу даромъ; разъ-же вкусъ къ чтенію развился они охотно платятъ за его удовлетвореніе“ [2]). Вслѣдствіе этого, въ данномъ случаѣ, гораздо было бы лучше предоставить читателямъ дѣлать добровольные взносы въ пользу читальни. Такимъ образомъ достигалась бы и та, и другая цѣль: читальня была бы безплатной для тѣхъ, кому затруднительно платить и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляла бы доходъ библіотекѣ, быть можетъ, только на первыхъ порахъ нѣсколько меньшій того, который доставляетъ теперь. Наконецъ, своимъ 25-ти лѣтнимъ существованіемъ библіотека какъ нельзя лучше доказала, какое значеніе имѣетъ она для города и мѣстнаго населенія, а потому городъ хоть теперь долженъ былъ бы принять участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ это давно уже устроено, напримѣръ, въ Англіи, по иниціативѣ Юарта. Сущность англійскаго законодательства о библіотекахъ заключается въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ.

Во всякомъ городѣ королевства, имѣющемъ населеніе болѣе пяти тысячъ душъ, или даже части города и даже приходѣ, если таковой будетъ заключать не менѣе того-же, узаконеннаго количества населенія, достаточно заявленіе десяти совершеннолѣтнихъ плательщиковъ городскихъ налоговъ для того, чтобы потребовать общаго собранія для баллотировки вопроса о принятіи „акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ“ [3]).

---

[1]) „Десять лѣтъ Жит. Публичн. Библ.“ И. Рудченко, стр. 15.

[2]) Слово, 1880 г., январь. „Вопросъ о городскихъ публичн. библіотекахъ“, 15.

[3]) Актъ этотъ былъ изданъ въ 1850 г. и положилъ твердое начало мѣстному существованію библіотекъ въ Англіи, имѣющихъ громадное вліяніе на народное образованіе.

Библиотека "Руниверс"

На собраніе это въ Англіи и Ирландіи имѣютъ право являться всѣ плательщики налоговъ, а въ Шотландіи всѣ домовладѣльцы. Это собраніе плательщиковъ налоговъ рѣшаетъ вопросъ баллотировкой, и въ случаѣ, если окажется въ пользу принятія закона двѣ трети голосовъ, то актъ считается принятымъ и обязательнымъ для города со всѣми его послѣдствіями. Первое дѣйствіе принятія акта выражается въ томъ, что съ этого дня устанавливается въ городѣ *спеціальный „библіотечный налогъ“*, который или составляетъ особый налогъ, или дополненіе къ одному изъ существующихъ городскихъ сборовъ (что у французовъ называется centimes additionnels). Во всякомъ случаѣ размѣръ этого налога не долженъ превосходить одного пенни на каждый фунтъ стерл. налога съ собственности. Для управленія и завѣдыванія будущей библіотекой, въ теченіи мѣсяца, дума обязана выбрать „библіотечный комитетъ“ не менѣе, какъ изъ 20 человѣкъ, на половину изъ членовъ думы или городского совѣта, а на половину изъ постороннихъ лицъ, плательщиковъ налоговъ или домовладѣльцевъ. Чтобы имѣть возможность немедленно приступить къ основанію библіотеки, комитетъ имѣетъ право заключать для нея займы, погашаемые постепенно будущими сборами библіотечнаго налога. Въ виду того, что этотъ библіотечный налогъ постоянный и будетъ существовать, пока существуетъ самъ городъ, недостатка въ капиталистахъ, желающихъ ссудить для этой цѣли деньги, никогда не бываетъ. На полученныя деньги комитетъ, если городъ не можетъ предоставить библіотекѣ для постояннаго пользованія опредѣленнаго помѣщенія, или нанимаетъ его, или, большей частью, покупаетъ землю въ центрѣ города, и строитъ для библіотеки особое зданіе, снабжаетъ ее книгами по всѣмъ отраслямъ знанія и нанимаетъ нѣсколько лицъ для завѣдыванія библіотекой. Далѣе акты устанавливаютъ правила отчетности, контроля и ревизіи библіотекъ, порядокъ ежемѣсячныхъ собраній членовъ комитета, и т. п. Принятіе акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ дѣлаетъ, кромѣ заведенія библіотеки для города, обязательнымъ, если только будетъ найдено возможнымъ тратить на это часть денегъ, собираемыхъ библіотечнымъ нало-

Библиотека "Руниверс"

гомъ, основаніе также и музея для распространенія въ городѣ свѣдѣній „по наукамъ и искусствамъ“. Во всѣхъ актахъ, *основнымъ принципомъ поставлено непремѣнное условіе вполнѣ безплатное, даровое пользованіе библіотеками и музеями во всѣхъ случаяхъ* и никакихъ денежныхъ залоговъ—какъ для чтенія книгъ въ помѣщеніи библіотеки, такъ и у себя на дому. Единственныя деньги, которыя эти библіотеки имѣютъ право требовать съ публики, это штрафъ не свыше 5 ф. стерлинговъ каждый. Что касается до наказаній, установленныхъ закономъ за злоумышленую порчу книгъ или предметовъ, принадлежащихъ городской библіотекѣ или музею, или воровство ихъ, то законъ устанавливаетъ весьма строгія наказанія, въ томъ числѣ тюремное заключеніе срокомъ до шести мѣсяцевъ, безъ или даже съ тяжелой работой и съ обязательствомъ вознаградить учрежденіе за весь причиненный убытокъ [1]).

Не трудно было бы Житомiру воспользоваться этими правилами и примѣнить ихъ къ своей библіотекѣ. Въ настоящее время въ городѣ насчитываютъ около 70,000 жителей (это чуть-ли не въ 15 разъ больше англійск. 5000, необходимыхъ для устройства библіотеки). Кромѣ того, библіотека уже не только существуетъ. но, можно сказать, даже процвѣтаетъ: обладаетъ довольно порядочнымъ и большимъ составомъ книгъ, а также значительнымъ капиталомъ. Такимъ образомъ, городу въ настоящее время остается только помочь библіотекѣ обзавестись собственнымъ зданіемъ приспособленнымъ спеціально для библіотеки съ читальней и для находящагося при ней мѣстнаго музея, о которомъ скажемъ нѣсколько ниже. Нужда въ такомъ помѣщеніи сказывается съ каждымъ годомъ все больше и больше. Помимо того, что библіотека находится вслѣдствіе этого всегда въ зависимости отъ личнаго произвола и рискуетъ очутиться на улицѣ, само это зданіе уже близится къ разрушенію и, кромѣ того, не вмѣщаетъ всѣхъ книгъ, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ уже приходилось продавать газеты и журналы за старые годы для того, чтобы очистить мѣсто для новыхъ.

---

[1]) Слово, 1880 г., № 1, стр. 6. и сл.

Библиотека "Руниверс"

Явленіе очень не желательное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ естественное и даже неизбѣжное при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится библіотека въ настоящее время.

Далѣе, сама библіотека должна позаботиться о томъ, чтобы быть *волынской* не только de nomine и loco, но и de facto, другими словами, ей необходимо устроить мѣстный отдѣлъ, въ которомъ бы находилось все, касающееся Волыни, въ области исторіи, археологіи, этнографіи и др. наукъ. Этотъ отдѣлъ нашей библіотеки въ настоящее время чрезвычайно бѣденъ. Въ немъ нѣтъ всѣхъ трудовъ, вышедшихъ даже на русскомъ языкѣ. Существуетъ довольно обширная польская литература, посвященная Волыни, но въ библіотекѣ вы не найдете ни одного польскаго сочиненія по этому вопросу. И это очень жаль. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, занимающемуся, положимъ, мѣстной исторіей, естественнѣе всего искать матеріаловъ по интересующему его вопросу, какъ не въ мѣстной библіотекѣ. Распорядительному комитету, намъ кажется, слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе на этотъ предметъ и съ теченіемъ времени восполнить этотъ пробѣлъ, для чего, конечно, нужно слѣдить за новой литературой и покупать, пока еще можно, старые труды, касающіеся Волыни.

Въ заключеніе—два слова о музеѣ, существующемъ при здѣшней библіотекѣ. Мысль о немъ возникла сравнительно давно и принадлежитъ тому-же графу Броэлю Плятеру, который хлопоталъ объ открытіи библіотеки въ Житомірѣ. Плятеръ предполагалъ устроить въ немъ три отдѣленія—археологическое, зоологическое и изящныхъ искусствъ“ [1]). Но проектъ музея постигла та же участь, что и проектъ библіотеки, т. е. онъ не былъ осуществленъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого слышались заявленія, что „польза музеумовъ несомнѣнна.“ „На первый разъ довольно, говорилъ тотъ же авторъ, если въ музеѣ будутъ, напримѣръ, собранія образцовъ мѣстной природы, модели земледѣльческихъ орудій и др. машинъ“ [2]). Осуществлена эта

[1]) Библіографическія Записки, 1861 г., т. III, № 16, столб. 504.

[2]) Волынск. Губ. Вѣдом. 1866 г., № 33.

Библиотека "Руниверс"

мысль была, однако не скоро—чуть въ 1874—75 году [1]). Основаніе музея положилъ М. И. Чертковъ, попечитель библіотеки, пожертвовавшій 48 экземпляровъ мѣстныхъ горныхъ породъ и минераловъ. „Эта небольшая коллекція хранилась въ библіотекѣ, говоритъ г. Рудченко, какъ рѣдкость и какъ бы наводила на мысль о музеѣ.“ Спустя нѣкоторое время, по иниціативѣ П. А. Грессера, къ этой коллекціи присоединили другую, собранную Г. Оссовскимъ, объѣхавшимъ по порученію статистическаго комитета всю волынскую губернію. Коллекція, собранная г. Оссовскимъ, не смотря на свое богатое внутреннее содержаніе не была открыта ни для публики, ни для спеціалистовъ, такъ какъ хранилась въ закупоренныхъ ящикахъ, не разобранная, не приведенная въ порядокъ. Соединивши эти двѣ коллекціи въ одну, П. А. Грессеръ образовалъ такимъ образомъ довольно полный мѣстный музей, который послѣ старался, насколько это отъ него зависѣло, поддерживать и пополнять. Такъ, въ 1875 г., предпринявши поѣздку по волынскому Полѣсью, П. А. Грессеръ собралъ около 100 экземпляровъ мѣстныхъ породъ и присоединилъ ихъ къ музею. Нашлись лица, сочувственно отнесшіяся къ этому дѣлу и внесшія свою долю. Такимъ образомъ, мало по малу музей обогащался и въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 581 экземпляръ, кромѣ 200 образцовъ почвъ и подпочвъ, доставленныхъ изъ житомірскаго уѣзда. Всю эту коллекцію нужно было привести въ порядокъ. Съ этой цѣлью В. Максимовичъ, предсѣдатель распорядит. комитета занялся анализомъ почвъ и подпочвъ, а „одинъ изъ любителей“ мѣстной геологіи А. С. Стасенко при содѣйствіи К. Л. Ромазановича приведеніемъ въ порядокъ остального матеріала. Результатомъ этихъ работъ—было описаніе музея. Къ сожалѣнію, описаніе это не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, да и самый шкафъ съ коллекціей стоитъ въ одномъ изъ темныхъ угловъ библіотеки, и потому многіе не обращаютъ на него никакого вниманія и даже удивляются, если имъ сказать, что при библіотекѣ существуетъ музей и притомъ довольно богатый.

[1]) Десять лѣтъ Житом. Публ. библ., стр. 25.—Волынск. Епарх. Вѣдом. 1876 г., № 16, стр. 559—560.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, пора бы хоть теперь осуществить мысль гр. Плятера въ ея неизмѣнномъ видѣ, т. е. устроить кабинеты—археологическій, которому кстати сказать положилъ уже нѣкоторое основаніе бывшій губернаторъ фонъ Валь, пожертвовавшій въ 1889 г. нѣсколько древнихъ монетъ, и зоологическій, для чего понадобились бы не Богъ знаетъ, какія средства.

Заканчивая свою замѣтку, мы не теряемъ надежды, что наше общество рано или поздно придетъ наконецъ къ сознанію своихъ общихъ интересовъ, къ сознанію той простой истины, о которой давно уже говорилъ Цицеронъ, именно, что concordia parvkae res crescunt, discordia maximae dilabuntur придетъ наконецъ на помощь библіотекѣ, въ значеніи которой врядъ ли кто нибудь и когда нибудь усумнится.

Вл. Боцяновскій.

Библиотека "Руниверс"

Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в.

(документъ 1743 г.).

Въ августѣ 1743 г., въ дневникѣ Марковича записано: «присланъ изъ С.-Петербурга въ Глуховъ нарочный съ извѣстіемъ о мирѣ съ шведами, Игнатъ Кир. Полтавцевъ, гофъ-фурьеръ, который послѣ по всѣмъ полкамъ малороссійскимъ ѣздилъ съ публикаціею о мирѣ». (II, 195). За это извѣстіе малороссійская старшина поднесла Полтавцеву «въ презентъ», тысячу рублей, которые взяты были заимообразно изъ войсковаго скарба, причемъ для пополненія этого долга произведено было «расположеніе» взятыхъ денегъ на всю старшину по числу находившихся у послѣдней во владѣніи крестьянскихъ дворовъ и «колъ» водяныхъ мельницъ. По этому случаю и собраны были свѣдѣнія—сколько у кого изъ старшины имѣлось въ это время крестьянскихъ дворовъ и мельничныхъ «колъ». Свѣдѣнія эти представляютъ очень интересный матеріалъ для исторіи малорусскаго крестьянства, показывая какое количество послѣдняго успѣла подчинить себѣ козацкая старшина къ половинѣ XVIII в. Въ этой общей цифрѣ старшинскихъ крестьянъ заключаются какъ старинные крестьяне, жившіе въ полученныхъ старшиною отъ гетмановъ маетностяхъ, такъ и крестьяне, посаженные ею на «скуплѣ». Какъ извѣстно, старшина, встрѣтивъ сопротивленіе въ подчиненіи со стороны поспольства, изстари жившаго въ пожалованныхъ маетностяхъ, измыслила особый путь къ установленію своего господства надъ крестьянами: она стала селить бродившихъ по Малороссіи безземельныхъ крестьянъ на купленныхъ земляхъ («скуплѣ»), разсчитывая, что поставленному въ такую обстановку крестьянину прійдется волей-неволей признать надъ собою полное господство собственника занятой имъ земли... Этихъ крестьянъ

Библиотека "Руниверс"

старшина пожелала было закрѣпить себѣ и юридическими актами... Первое ходатайство старшины объ установленіи юридическаго господства надъ этими крестьянами, заявлено было, сколько намъ извѣстно, въ гетманство Апостола. По этому предмету мы имѣемъ въ высшей степени интересное свидѣтельство самого гетмана Апостола. Когда старшина обратилась къ нему съ ходатайствомъ—о выдачѣ универсаловъ на крестьянъ, поселенныхъ на скупленныхъ (преимущественно у козаковъ) земляхъ, то въ генеральной канцеляріи родился вопросъ: «якъ въ универсалахъ докладать о подданныхъ, осѣдлихъ на купленныхъ грунтахъ владѣльческихъ?» Вопросъ былъ настолько важенъ, что Апостолъ собственноручно написалъ на него отвѣтъ (8-го октября, 1728 г.) въ журналѣ (діаріушѣ) генеральной канцеляріи. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «*тихъ людей, о которихъ просять п. владѣльцы, якие на ихъ купленнихъ осѣдають и осѣли друнтахъ, не мѣють оныхъ въ свою привлекать вѣчность, но подлугъ правъ и волностей того народа, поки живутъ, могутъ отдавати повинность службы своей доброволне, а не неволне, якъ своимъ владелцямъ, такъ и посполитимъ отчизни повинностямъ*» [1]). Эта замѣчательная резолюція, бросающая извѣстный свѣтъ и на личность ея автора, была уничтожена, какъ извѣстно, съ изданіемъ указа 3 мая 1783 г.

Приводимый здѣсь документъ найденъ нами въ архивѣ генеральной канцеляріи, когда онъ находился въ Черниговѣ, и печатается безъ всякихъ сокращеній. Для удобства справокъ объ именахъ владѣльческой старшины, къ документу прибавленъ алфавитный указатель всѣхъ перечисленныхъ въ немъ фамилій; цифры при фамиліяхъ указываютъ номера ихъ по порядку. **А. Л.**

Расположеніе о взятихъ съ скарбу войскового взаймы тисячи рублей денегъ и данныхъ въ презентъ присланному отъ высочайшого ея імператорского величества двору оберъ-каморъ-фуриеру Полтавцову. 1744 г., августа 5 дня.

Настоящая генералная старшина.	Дворѣ.	Кола.
1. Обозній войсковій енералній г. Лизогубъ .	368	35
2. Судія енералній г. Горленко .	232	20
3. Судія енералній г. Лисенко	415	18

[1]) „Діаріушъ или щоденная записка всякихъ дѣлъ въ енералной войсковой канцеляріи за бытія правленія имѣючихся, отъ начала 1727 году начавшійся".

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
4. Подскарбій енералній г. Скоропадскій	405	18
5. Писаръ енералній г. Безбородко. .	252	2
6. Асаулъ енералній г. Якубовичъ	159	2
7. Асаулъ енералній г. Валкевичъ . . .	239	2
8. Хоружій енералній г. Ханенко	202	2
9. Бунчучній енералній г. Оболонскій .	65	3
Абшитованная енералная старшина.		
10. Судія г. Забѣла	154	5
11. Подскарбій г. Марковичъ	250	32
12. Писаръ суда енералного Пѣковецъ	175	5
Енералной войсковой артилеріи настоящая старшина.		
13. Асаулъ Семенъ Карпѣка зъ братомъ Стефаномъ.	6	5
14. Хоружій Александеръ Шишкевичъ . .	4	—
15. Атаманъ Іосифъ Максимовичъ	—	—
16. Шафаръ Ефимъ Филоновъ . . .	—	—
Полковники, полковая и сотенная абшитованная старшина.		
17. Полковникъ прилуцкій г. Galaganъ. . . .	377	12
18. Обозный полку чернѣговского Сахновскій. .	122	3
19. Обозный полку кіевского Ханенко	95	—
20. Обозный полку лубенского Мартосъ зъ синомъ.	71	3
21. Обозный полку гадяцкого Борзаковскій зъ племенникомъ	34	5
22. Обозний полку нѣжинского Величковскій .	25	4
23. Судія полку гадяцкого Штишевскій	25	3
24. Судія полку черниговского Холодовичъ .	16	2
25. Асаулъ полковмй лубенский Слюзъ . . .	58	5
26. Асаулъ полковий прилуцкій Мовчанъ .	45	6
27. Асаулъ полку стародубского Якимовичъ .	15	—
28. Писаръ полку нѣжинского Кушничъ	13	6

Здѣсь значится: „сего октоврія 8 числа (1728 г.) собственною его ясневелможности рукою нижейслѣдующее—якъ въ унѣверсалахъ докладать о поддапнихъ осѣдлихъ на купленнихъ грунтахъ владѣльческихъ, написано тако:“ *(слѣдуетъ приведенная резолюція).*

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
29. Писаръ полку лубенского Савѣцкій	25	4
30. Писаръ полку миргородского Воловачъ зъ синомъ.	—	9
31. Хоружій полковій гадяцкій Кушевскій .	13	3
32. Сотникъ сребранский Троцѣна	131	6
33. Сотникъ ирклѣевский Славуй Требинскій.	112	4
34. Сотникъ ичанский Стороженко зъ синами. .	99	19
35. Сотникъ глинскій Жуковский.	58	14
36. Сотникъ Евстратій Гулакъ. .	15	—
37. Сотникъ миргородский Павелко . . .	84	3
38. Сотникъ Василь Юхименко. .	15	—

Бунчуковіе и войсковіе товарищи.

39. Стефанъ Лазаревичъ .	13	3
40. Василь Рославецъ.	22	3
41. Михаило Голембовский .	5	—
42. Іванъ Тарнавіотъ	—	—
43. Григорий Скоруппа зъ синами .	59	7
44. Данило Карпѣка зъ синами	11	2
45. Василь Лазаревичъ .	31	4
46. Іванъ Себестияновичъ . .	88	7
47. Григорій Максимовичъ	6	4
48. Михайло Домонтовичъ	41	4
49. Николай Бороздна клюсовскій . . .	35	6
50. Стефанъ Максимовичъ	9	4
51. Іванъ Забѣла обтовскій . . .	139	4
52. Іванъ Новѣцкій .	184	9
53. Федоръ Савичъ.	187	13
54. Афтанасій Покорскій зъ синами.	32	4
55. Демянъ Бутовичъ .	57	9
56. Григорій Плѣшко . .	19	8
57. Василь Мовчанъ .	—	2

Бунчуковскіе товарищи.
Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.

58. Яковъ Жураховскій .	81	12
59. Іванъ Пѣроцкій. .	105	17

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
60. Іванъ Троцкій . .	19	4
61. Іванъ Омеляновичъ .	9	3
62. Федоръ Костенецкій .	28	1
63. Данило Кандиба . . .	74	12
64. Григорій Александровичъ .	4	2
65. Григорій Шрамченко. . .	17	1
66. Данило Забѣла ревутинскій	8	5
67. Яковъ Марковичъ.	96	16
68. Яковъ Карпѣка. .	—	—
69. Федоръ Чуйкевичъ. . .	14	2
70 Стефанъ Миклашевскій	90	13
71. Василь Жураковскій, Андреевъ синъ	66	5
72. Іванъ Миклашевскій .	39	—
73. Іванъ Туранскій . . .	15	2
74. Евстафій Тарасевичъ.	14	4
75. Стефанъ Бутовичъ	103	9
76. Маіоръ Банѣнъ	22	1
77. Іванъ Савичъ . .	51	2
78. Іванъ Костенецкій.	26	2

Въ полку лубенскомъ жительствующіе.

79. Василь Савичъ.	20	—
80. Петро Кулябка. . . .	116	21
81. Петро Петровичъ Кулябка.	19	—
82. Іосифъ Гамалѣя .	25	—
83. Федоръ Гамалѣя .	40	—
84. Якимъ Троцкій. .	44	20
85. Семенъ Чуйкевичъ. . . .	41	1
86. Стефанъ Милорадовичъ . . .	63	4
87. Иванъ Михайловъ Гамалѣя	21	—
88. Алексѣй Свѣчка . . .	24	11
89. Михайло Андрѣяшевичъ	48	1
90. Александеръ Гамалѣя	17	—
91. Петро Савичъ . . .	30	3
92. Федоръ Кулябка	—	3

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
93. Зъ дому бунчукового товарища Федора Заборовского	58	9
94. Еремѣй Корсунъ .	76	9
95. Антонъ Григоровичъ .	—	—

Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.

96. Зъ дому іллирическихъ графовъ Владиславичовъ.	520	15
97. Петро Искрицкій .	47	2
98. Іванъ Чарнолуцкій	9	2
99. Петро Борозна	15	1
100. Николай Бороздна лопазійскій [1]) .	27	1
101. Григорій Гамалѣя .	23	—
102. Григорій Борозна .	32	3
103. Михайло Борозна	30	1
104. Павелъ Дублянскій зъ сыномъ.	17	2
105. Василь Гудовичъ	278	9
106. Михайло и Василь Корсаки .	513	15
107. Іванъ Слубановскій	14	—
108. Федоръ Корецкій . .	30	1
109. Александръ Корецкій	58	1
110. Лаврентій Бороздна .	19	2
111. Михайло Пилатовичъ. . .	14	2
112. Іванъ Бороздна медведовскій	83	8
113. Іванъ Гамалѣя юдиновскій.	115	2
114. Іванъ и Василь Кутневскіе.	39	—
115. Федоръ Ширай. . .	203	11
116. Андрей Миклашевскій	208	10
117. Демянъ Рубецъ. .	44	—
118. Петро Чорнолуцкій .	24	2
119. Владимеръ Романовскій .	30	—
120. Максимъ Турковскій	139	4
121. Василь Завадовскій зъ сыномъ	53	1
122. Зъ дому Івана Турковского . . .	42	19

[1]) Изъ с. Лопазны, мглинскаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

		Дворѣ.	Кола.
124.	Василь Березовскій	30	—
125.	Зъ дому умершого бунчукового товариша Жу-		
123.	Григорій Силевичъ	37	4
	равки, что нынѣ за капитаномъ Ланкомъ. . .	202	10
126.	Василь Романовичъ . . .	12	—

Въ полку черниговскомъ жительствующіе.

127.	Іванъ Скоропадскій .	84	4
128.	Тимофѣй Скоропадскій .	26	3
129.	Зъ дому Стефана Шуби. .	23	10
130.	Зъ дому Івана Тополнѣцкого . .	5	4
131.	Павелъ Ломиковскій	20	6
132.	Василь Дорошенко козляницкой .	29	4
133.	Федоръ Лисенко	5	—
134.	Андрей Полуботокъ зъ племянникомъ . .	1269	36
135.	Зъ дому Андрея Дунѣна-Борковского . .	382	36
136.	Андрей Стаховичъ. .	86	17
137.	Владимеръ Полонѣцкій . . .	37	2
138.	Матвѣй Линевичъ.	1	2
139.	Іванъ Сандурскій .	20	2
140.	Григорій Стаховичъ . . .	35	2
141.	Іванъ и Михайло Долѣнскіи	23	3
142.	Яковъ, Димитрій, Тимофѣй и Романъ Затирке-		
	вичи зъ маткою	34	6
143.	Іванъ Лизогубъ. .	88	6
144.	Григорій Лизогубъ .	102	3
145.	Симонъ Лизогубъ .	130	4
146.	Василь Лизогубъ .	286	15
147.	Костантій Лизогубъ	127	6
148.	Іосифъ Рашевскій зъ братомъ.	11	2
149.	Іванъ Рашевскій .	2	1
150.	Василь Крачевскій . . .	6	—
151.	Іванъ и Павелъ Мокрѣевичи . .	21	2

Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.

152.	Андрей Ласчинскій	14	—
153.	Николай Троцкій .	16	6

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
154. Антонъ Милорадовичъ . .	15	5
155. Максимъ Антоновичъ . . .	16	—
156. Петро Горленко	19	—
157. Данило Тернавскій зъ братомъ . . .	27	5
158. Андрей Андреевъ Горленко зъ отцемъ. . . .	186	20
159. Димитій, Михаило, Василь и Андрей Маркевичи.	41	2
160. Яковъ Тарнавскій	76	3
161. Яковъ Огроновичъ. . .	—	4
162. Михайло Стороженко. .	62	—
163. Стефанъ Тарновскій . . .	28	—

Въ полку кіевскомъ жительствующіе.

164. Іванъ Тернавіотъ .	—	—
165. Федоръ Солонина .	7	1
166. Семенъ Солонина .	6	—
167. Іосифъ Солонина .	16	—
168. Григорій Солонина . .	17	1
169. Зъ дому Петра Солонини .	10	—
170. Яковъ Шаула . .	15	—
171. Семенъ Шаула. . . .	—	1
172. Яковъ и Антонъ Барсуки .	12	3
173. Іванъ Ханенко . . .	8	—

Въ полку переяславскомъ жительствующіе.

174. Іванъ Берло. . .	12	4
175. Андрей Дмитрашко .	38	6
176. Стефанъ Томара .	142	12
177. Іванъ Іосифовъ. .	15	—
178. Григорій Іваненко. .	171	—
179. Димитрій Прохоровичъ .	6	—

Въ полку миргородскомъ жительствующіе.

180. Зъ дому Павла Івановича Апостола. . . .	518	8
181. Іванъ Остроградскій . .	57	—

Библиотека "Руниверс"

		Дворѣ.	Кола.
	Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.		
182.	Федоръ Потребичъ-Гречаній	72	4
183.	Іванъ Чорнишъ.	92	15
184.	Іванъ Яновскій.	—	—
185.	Іванъ и Владимеръ Велецкіе	49	—
186.	Зъ дому Романа Бороховича, что нинѣ за Еропкиномъ .	185	15
	Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
187.	Зъ дому полковника полтавскаго Кочубея. . .	1193	45
188.	Зъ дому бунчукового товариша Григорія Черняка.	222	—
189.	Григорій Чуйкевичъ .	13	—
190.	Петръ Павловскій.	47	—
	Войсковіе товарищи.		
	Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.		
191.	Андрей Гонзеровскій.	27	2
192.	Костантій Островскій.	—	2
193.	Василь Трофимовичъ.	—	6
194.	Григолій Козловскій .	—	1
195.	Романъ Яновъ . .	19	11
196	Федоръ Козловскій.	—	1
197.	Петро Темранскій.	2	—
198.	Стефанъ Гацукъ	—	—
199.	Шликевичъ . . .	2	—
200.	Василь Купчинскій	2	—
201.	Симонъ Нарбутъ .	—	—
202.	Сава Зенченко .	—	—
203.	Іванъ Пуховичъ .	—	—
204.	Іванъ Демяновичъ.	4	2
205.	Дмитрій Стожко . .	—	—
	Въ полку лубенскомъ жительствующіе.		
206.	Григорій Ласкевичъ .	—	8
207.	Максимъ Жуковскій . .	—	2
208.	Данило Савойско	—	—

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
209. Дмитро Костирка .	—	—
210. Кондрадъ Карнака	—	—
211. Матвѣй Липай . .	—	—
212. Гаврило Григоріевъ .	—	—
213. Василь Звиногородскій .	—	—
Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.		
214. Кирило Лукашевичъ .	15	1
215. Іванъ Косовичъ .	—	2
216. Павелъ Фѣялковскій .	—	2
217. Федоръ Чернецкій	5	—
Въ полку черниговскомъ жительствующіе.		
218. Яковъ Оболонскій .	50	1
219. Николай Соколовскій	50	3
220. Петро Войцеховичъ .	41	3
221. Михайло Полонецкій .	35	—
222. Василь Полонецкій	24	—
223. Мойсѣй Лѣневичъ	—	—
Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.		
224. Семенъ Бѣлявскій.	—	1
225. Райпольскій	—	—
226. Федоръ Македонскій .	—	—
227. Василь Шнурко . . .	—	—
228. Стефанъ Прокоповичъ	—	—
Въ полку кіевскомъ жительствующіе.		
229. Никита Мандрика .	13	—
230. Алексѣй Пруѣченко .	6	—
231. Павелъ Тишкевичъ .	—	—
Въ полку переясловскомъ жителствующіе.		
232. Андрей Грабовіецкій	13	—
233. Семенъ Концевичъ съ маткой.	21	11
234. Сава Терлецкій	—	—
235. Петро Стефановъ . .	1	2

Библиотека "Руниверс"

	Дворъ.	Кола.
Въ полку миргородскомъ жительствующіе.		
236. Яковъ Зарудній	44	5
237. Данило и Михайло Лазаревичи .	—	—
Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.		
238. Іванъ Грабянка	43	4
239. Іванъ Кирста	—	—
Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
240. Данило Лаврентьевъ .	—	—
241. Димитрій Левенецъ . .	12	—
242. Лука Старицкій .	5	—
Знатніе вдовы.		
Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.		
243. Стефанова Забѣлина	19	6
244. Дарія Діяковская зъ синами .	14	2
245. Сотникова Манковская . . .	5	2
246. Сотникова Уманцева . . .	21	1
247. Матвѣева Жураковская .	9	3
248. Дорофіевичева .	20	10
249. Тарасина Забѣла	4	—
Къ полку лубенскомъ жительствующіе.		
250. Яковлева Новѣцкая	64	10
251. Судіина Тетіяна Максимовичова .	52	—
252. Стефанова Гамалѣина съ синами	30	—
253. Судіина Андреева Жуковская . .	9	4
254. Ирина Петровна Жуковская . . .	14	3
255. Сотникова Ласкевичова зъ синами . .	41	8
Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.		
256. Судіина Бороздина зъ синами .	61	8
257. Іванова Миклашевская зъ синомъ	94	7
258. Семенова Соболевская съ синомъ Василемъ .	29	2
259. Немировичова Данченкова	36	2

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
260. Михайлова Рубцева	34	—
261. Обозная Есимонтовская зъ синомъ .	47	8
262. Григоріева Гамалѣина . . .	100	4
263. Бунчучная енеральная далецкая .	95	7
264. Зъ дому Алексѣя Есимонтовского	120	10
Въ полку черниговскомъ жительствующіе.		
265. Тимофѣина Булавкина	53	—
266. Василіева Каневская	68	1
267. Петрова Войцеховичова зъ синами .	51	—
268. Петрова Бутовичова зъ синами .	18	2
269. Стефанова Войцеховичова . . .	14	—
270. Павлова Полуботкова, полковница .	53	2
271. Зъ дому Савичовъ кудровскихъ . .	146	—
272. Судіина Мокріевичовая . . .	20	—
273. Судіина Марія Яциничовна	34	—
274. Зъ дому Петра Сахновскаго . . .	56	—
Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.		
275. Судіина Іванова Марковичова.	54	3
276. Федорова Маркевичова, что нынѣ за Сакевичомъ.	40	16
277. Сотничка варвинская Себастіяновичева.	26	4
278. Раковичова зъ синомъ	166	6
Въ полку кіевскомъ жительствующіе.		
279. Кирилиха Солонинова .	1	1
Въ полку переяславскомъ жительствующіе.		
280. Петрова Дмитрашкина .	30	—
281. Василіева Танска . . .	—	—
282. Іванова Сулимина. . .	39	2
283. Зъ дому Стефана Сулими .	7	1
284. Евдокія Генриха (?)	7	—
Въ полку мирородскомъ жительствующіе.		
285. Полковникова Павлова Апостолова . . .	52	22
286. Татіяна Ломиковская зъ синомъ Петромъ.	77	6
287. Обозная Родзянчина . .	96	17

Библиотека "Руниверс"

	Дворѣ.	Кола.
Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.		
289. Полковница Милорадовичова съ синомъ Николаемъ	56	15
290. Стефанида Велецкая .	97	11
291. Андреева Трощинская	11	4
292. Арсеніева Бугаевская	—	—
293. Анна Рощаковская	27	7
294. Сотничка опашынская Корицкая . .	28	—
Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
295. Полковница Чернякова	41	3
296. Сотникова Левенцова съ синомъ Федоромъ .	48	—
297. Писарева-полковая Григоріева Богаевская	63	—
298. Сотникова Тройнѣцкая . . .	45	—
299. Сотникова Кованчина	33	—
Полковники охочекомонніе.		
300. Василь Часникъ	51	4
301. Ігнатъ Часникъ	19	2
302. Григорій Павловъ .	16	—
Войсковіе канцеляристи.		
303. Старшій войсковій канцеляристъ Матвѣй Холодовичъ.	24	—
304. Матвѣй Сулима	55	—
305. Василь Кулябка . .	137	2
306. Федоръ Мануйловичъ	62	3
307. Яковъ Чернишъ	92	15
308. Василь Силичъ	13	—
Сотники вакансовіе.		
309. Іванъ Жуковскій .	3	—
310. Павелъ Жуковскій . .	4	14
311. Александръ Пилатовичъ	10	1
312. Іванъ Чернякъ . .	18	—
313. Андрей Войцеховичъ.	23	4
314. Петро Карповичъ .	8	—

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ [1]).

Александровичи—64. Андрѣяшевичи—89. Антоновичи—155. Апостолы—180, 285. Бапины—76. Безбородки—5. Березовскіе—124. Берлы—174. Борзаковскіе—21. Бороздны—49, 99, 100, 102, 103, 110, 112, 256. Бороховичи—186. Борсуки—172. Бугаевскіе—292, 297. Булавкины—264. Бутовичи—55, 75, 268. Бѣлявскіе—224. Валкевичи—7. Велецкіе—185, 290. Величковскіе—22. Владиславичи гр.—96. Войцеховичи—220, 267, 269, 313. Воловачи—30. Галаганы—17. Галецкіе—263. Гамалѣи—82, 83, 87, 90, 101, 113, 252, 262. Гацуки—198. Генрихи(?)—284. Галембовскіе—41. Гонзеровскіе—191. Горленки—2, 156, 158. Грабовецкіе—232.—Грабянки—238. Григорьевы—212. Григоровичи—95. Гудовичи—105. Гулаки—36. Демьяновичи—204. Дмитрашки—175, 280. Долинскіе—141. Домонтовичи—48. Дорошенки—132. Дорофѣевичи—248. Дублянскіе—104. Дунины-Борковскіе—135. Дьяковскіе—244. Есимонтовскіе—261, 264. Жуковскіе—35, 207, 253, 254, 309, 310. Журавки—125. Жураковскіе—58, 71, 247. Заборовскіе—93. Забѣлы 10, 51, 66, 243, 249. Завадовскіе—121. Зарудные—236. Затыркевичи—142. Звиногорскіе—213. Зенченки—202. Иваненки—178. Искрицкіе—97. Іосифовы—177. Кандибы—63. Каневскіе—265. Карнака—210. Карпѣки—13, 44, 68. Карповичи—314. Кирсты—239. Коваленки—299. Козловскіе—194, 196. Коппевичи—233. Корецкіе—108, 109. Корицкіе—294. Корсаки—106. Корсуны—94. Косовичи—215. Костирки—209. Костенецкіе—62, 78. Кочубеи—187. Крачевскіе—150. Кулябки—80, 81. 92, 305. Купчинскіе—200. Кутневскіе—114. Кушевскіе—31. Кушчичи—28. Лаврентьевы—240. Лазаревичи—39, 45, 237. Ласкевичи—206, 255. Ласчинскіе—152. Левенцы—241, 296. Лизогубы—1, 143, 147. Линевичи—138, 223. Липаи—211. Лисенки—3, 133. Ломиковскіе—131, 286. Лукашевичи—214. Македонскіе—226. Максимовичи—15, 47, 50, 351. Мандрыки—229. Манковскіе—247. Мануйловичи—306. Маркевичи—11, 67, 159. 275, 276. Мартосы—20. Миклашевскіе—70, 72, 116, 257. Ми-

[1]) Цифры указываютъ №№ по порядку.

Библиотека "Руниверс"

лорадовичи—86, 154, 289. Мовчаны—26, 57. Мокріевичи—151, 272. Нарбуты—201. Немировичи-Данченки—259. Новицкіе—52, 250. Оболонскіе—9, 218. Огроновичи—161. Омельяновичи—61. Остроградскіе—181. Островскіе—192. Павелки—37. Павловскіе—190. Павловы—302. Пилатовичи—111, 311. Пиковцы—12. Пироцкіе—59. Плѣшко—56. Покорскіе—54. Полонецкіе—137, 221, 222. Полуботки—134, 270. Потребичи-Гречаные—182. Прокоповичи—228. Прохоровичи—179. Прутченки—230. Пуховичи—203. Райпольскіе—225. Раковичи—278. Рашевскіе—148, 149. Романовичи—126. Романовскіе—119. Родзянки—287. Рославцы—40. Рощаковскіе—293. Рубцы—117, 260. Савойско—208. Савицкіе—29. Савичи—53, 77, 79, 91, 271. Санурскіе—139. Сахновскіе—18, 274. Свѣчки—88. Себестьяновичи—46, 277. Силевичи—123. Силичи—308. Скоропадскіе—4, 127, 128. Скоруппы—43. Славуй-Требинскіе—33. Случановскіе—107. Слюзы—25. Соболевскіе—258. Соколовскіе—219. Солонины—165, 169, 273. Старицкіе—242. Стаховичи—136, 140. Стефановы—235. Стожко—205. Стороженки—34, 162. Сулимы—282, 283, 304. Танскіе—281. Тарасевичи—74. Тарнавіоты—42, 164. Тарнавскіе—157, 160, 163. Темранскіе—198. Терлецкіе—234. Тишкевичи—231. Томары—176. Тополыницкіе—130. Тройницкіе—297. Трофимовичи—193. Троцины—32. Троцкіе—60, 84, 153. Трощинскіе—291. Туранскіе—73. Турковскіе—120, 122. Уманцы—246. Филоновы—16. Фіялковскіе—216. Ханенки—8, 19, 173. Холодовичи—24, 303. Чарнолуцкіе—98, 118. Чарнецкіе—217. Чарныши—183, 307. Черняки—188, 295, 312. Чесноки—300, 301. Чуйкевичи—69, 84, 189. Шаулы—170, 171. Шираи—115. Шишкевичи—14. Шликевичи—199. Шнурки—227. Шрамченки—65. Штишевскіе—23. Шубы—129. Юхименки—38. Якимовичи—27. Якубовичи—6. Яновскіе—184. Яновы—195. Яциничи—273.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ разсказамъ о Шелудивомъ Бунякѣ. I. Въ «*Кіевской Старинѣ*» за 1887 г., Августъ—Октябрь, помѣщено изслѣдованіе г. П. Кузьмичевскаго, «*Шелудивый Бунякъ въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ*». Въ изслѣдованіи этомъ между прочимъ было разбираемо одно сказаніе, напечатанное у *Драгоманова* «*Малорусскіе народные преданія и разсказы*», 224,—о томъ, что у Буняки внутренности были наружи и что ему приводили красивыхъ мальчиковъ, которыхъ онъ поѣдалъ. Разъ очередь выпала сыну одной вдовы, и эта ухитрилась спасти сына: спекла ему коржики на своемъ молокѣ. Буняка попробовалъ ихъ и потомъ, узнавъ, что это за коржики, не рѣшился съѣсть юношу, ставшаго его молочнымъ братомъ,—но за то юноша убилъ его. Варіантъ этого разсказа, переданный еще въ XVII ст. однимъ польскимъ хронистомъ, который дѣлаетъ изъ Буняки современнаго ему козацкаго вождя, замѣняетъ людоѣдство Буняки убійствомъ товарища, котораго Буняка бралъ съ собой ежемѣсячно купаться.

Г. Кузьмичевскій старался доказать, посредствомъ сравненія украинскихъ варіантовъ съ разными европейскими и азіатскими,—что вышеизложенный украинскій разсказъ есть отголосокъ повѣсти о царѣ фригійскомъ Мидасѣ, которая разсказана была между прочимъ у Овидія и Гигина и оставила по себѣ устные варіанты въ Греціи, Сербіи и разныхъ кельтическихъ земляхъ, въ которыхъ есть подобные разсказы и въ рукописной старинной литературѣ, и наконецъ проникла въ среднюю Азію, гдѣ варіантъ ея вошелъ въ монгольскую книгу Шидди Куръ (*B. Jülg Mongolische Märchen*, 46—51). По мнѣнію г. П. Кузьмичевскаго, украинскіе варіанты представляютъ переработку именно монгольскаго, въ которомъ хотя и нѣтъ у чудовищнаго царя открытыхъ внутренностей, а только ослиныя уши, какъ у Мидаса,

Библиотека "Руниверс"

но есть подробность спасенія юноши посредствомъ коржика, которой нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ варіантѣ, кромѣ украинскаго.

Теперь появилось въ печати нѣсколько новыхъ матеріаловъ по данному вопросу.

Въ IV кн. болгарскаго изданія «*Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина*» напечатано два болгарскіе варіанта сказки *о царѣ Троянѣ* съ ослиными или козьими ушами, сходные съ новогреческимъ и сербскимъ, изложенными въ статьѣ г. Кузьмичевскаго. (*Народни умотворения*, 182—183, 185—186). Въ той же книгѣ, въ статьѣ г. *Ив. Шишманова* о *старыхъ путешествіяхъ по Болгаріи* приведено указаніе, что въ XV в. турки, показывая рыцарю Бертрандту де-ла Брокьеру развалины замка Троянополисъ при устьѣ Марицы, говорили, что Троянъ имѣлъ овечьи уши (*Сборникъ* и пр. IV. Наученъ отдѣлъ, 340; ср. *Периодическо списание на болгарско-то книжовно дружество*, 1882, III, 71).

Послѣднее указаніе интересно потому, что показываетъ, что перенесеніе на Трояна особенностей Мидаса принадлежитъ вовсе не однимъ только славянамъ. Сравненіе же двухъ болгарскихъ варіантовъ сказки о Троянѣ интересно для уясненія процесса изложеній одной и той же поэмы въ устныхъ пересказахъ. Такъ въ первомъ варіантѣ, гдѣ царь Троянъ имѣетъ ослиныя уши, онъ снимаетъ голову каждому брадобрѣю, призываемому во дворецъ, но умилостивляется передъ сыномъ вдовы. Когда мальчикъ болѣетъ отъ тайны, которой не смѣетъ никому разсказать, мать совѣтуетъ ему проговорить эту тайну въ глубокой ямѣ. Изъ нея выростаетъ трехствольная бузина, изъ которой пастухи дѣлаютъ дудки, а эти играютъ: «у царя Трояна ослиныя уши». Говоръ доходитъ до царя, который допрашиваетъ юношу-цирюльника; убѣдившись въ истинѣ его разсказа о дудкахъ, прощаетъ его и покоряется судьбѣ, говоря: «такъ, вѣрно, отъ Бога написано!» Во второмъ варіантѣ Троянъ имѣетъ козьи уши, какъ въ новогреческой сказкѣ:—періодическаго убіенія цирюльниковъ нѣтъ, а царя брѣетъ все одинъ, который и обязывается сохранить тайну. Матери цирюльника тоже нѣтъ, а онъ самъ надумался сказать тайну въ пустой колодезь. Изъ колодца выросло дерево, на каждомъ листѣ котораго оказалось написаннымъ: «у царя Трояна козьи уши». Такимъ образомъ дѣло обходится безъ знаменитой дудки, которая является во всѣхъ другихъ европейскихъ варіантахъ исторіи Мидаса.

Впрочемъ все это варіанты сказаній, распространенныхъ въ Южной и Западной Европѣ и нѣсколько отличныхъ отъ украинскихъ.

Библиотека "Руниверс"

Но въ III кн. «*Живой Старины*», въ отчетѣ о засѣданіяхъ петербургскаго *Нео-филологическаго общества* за 1890, встрѣчаемъ тибетскій разсказъ въ изложеніи г. Потанина и въ немъ подробности, вяжущія этотъ разсказъ съ исторіей Мидаса, вмѣстѣ и съ ея новыми европейскими отголосками, и съ монгольскимъ и украинскимъ ея варіантами. Разсказъ этотъ есть эпизодъ въ исторіи построенія Лаврана, резиденціи верховнаго церковнаго служителя въ Лассѣ. Вотъ этотъ разсказъ, по изложенію «*Живой Старины*».

«На пиршествѣ, устроенномъ по случаю обновленія новаго зданія, призывается благословеніе на всѣхъ, содѣйствовавшихъ успѣшному сооруженію его, но забытъ былъ быкъ, который обиженъ и мститъ: у одного изъ потомковъ царя родился сынъ Ландарма съ бычачьими рогами на головѣ. Возмужавъ и вступивъ на престолъ, Ландарма становится гонителемъ буддистовъ. Опасаясь обнародованія недостатка, которымъ онъ надѣленъ отъ рожденія, Ландарма казнитъ всѣхъ юношей, которые его брѣютъ. Однако одинъ изъ нихъ спасся, благодаря хитрости: онъ далъ царю отвѣдать лепешки, приготовленныя на молокѣ его матери, и такимъ образомъ оказался молочнымъ братомъ царя; послѣдній даруетъ ему жизнь, подъ строгимъ приказомъ соблюсти тайну о рогахъ царя. Тайна мучитъ юношу и, по совѣту матери, онъ рѣшается ее выдать полевой мыши; послѣдняя передаетъ объ ней другимъ звѣрямъ и вскорѣ стало общеизвѣстнымъ, что у Ландарма на головѣ рога быка. Нѣкто Балъ-Доржи замыслилъ извести царя и, переодѣвшись танцовщикомъ, спряталъ въ рукавъ лукъ и стрѣлы; танцуя передъ царемъ, онъ поразилъ его стрѣлой и обратился въ бѣгство. За Балъ-Доржи послана погоня, но юноша спасается, переплывъ черезъ рѣку, причемъ его конь, окрашенный первоначально въ темный цвѣтъ, побѣлѣлъ послѣ переправы, такъ что всадникъ не признанъ». (*Живая Старина*, вып. III, 258—259).

Если предположить, что Балъ-Доржи въ первоначальномъ варіантѣ тибетскомъ былъ одно лице съ юношей, спасшимся отъ смерти при помощи лепешки, то тибетскій разсказъ окажется особенно близкимъ съ украинскимъ. Впрочемъ и безъ того онъ даже ближе къ нему, чѣмъ книжный монгольскій, въ которомъ исторія оканчивается благополучно для царя. Не найдется ли варіантъ, посредничествующій между тибетскимъ и украинскимъ, напр. у калмыковъ?

II. Д-ръ Теоф. Окуневскій посѣтилъ въ 1887 г. мѣстности въ Галиціи, около Завалова, къ которымъ пріурочены устные и письменные разсказы о Бунякѣ, разобранные въ I главѣ работы г. Кузь-

Библиотека "Руниверс"

мичевскаго. Онъ записалъ тамъ устные разсказы, а также скопировалъ письменныя замѣтки, которыя показываютъ до чего спутаны были историческія свѣдѣнія галицкихъ книжниковъ въ XVII — XVIII вв. о мѣстныхъ событіяхъ и какъ эти свѣдѣнія, къ которымъ присоединялось еще желаніе возвысить значеніе извѣстныхъ мѣстъ (монастырей и пр.), оказали вліяніе и на устные, народные разсказы.

«Я былъ въ Погони,—пишетъ г. Окуневскій, говорилъ тамъ съ двумя стариками и съ тамошнимъ игуменомъ монастыря Василіевскаго Коржинскимъ о Солодовомъ Бунякѣ и узналъ отъ селянъ слѣдующее:

«Цему уже дуже давно, якъ прыйшовъ зъ татарвою якись ихъ паша, недовирокъ, Буньо. Прыйшовъ винъ у наши краи зъ великими ордами, та пидъ Завиловымъ ставъ му князь Романъ Галицкій голову. Голова упала у одинъ бикъ, а тулубъ у другій. Тоди стала голова котити ся. Брови у тои голови були таки довги, що очи скризь нихъ дивити ся не могли. Та якъ разъ пидняла желизними вилами ти брови на стятій голови, и голова подивилася изъ Могилокъ на Городище, то циле те мисто запало ся. Тогди ще Тисьменици (миста) не було и ажъ вибудовали, якъ городище запало ся. Голова котила ся усе дальше та дальше. Козаки гнали за невъ. Въ Товмачи товмачили еи 70-ма язиками, зъ видти мисто Товмачъ,—та не могли еи розтовмачити. Голова докотила ся ажъ не далеко до нашого села теперишнѣго; тутъ пасла баба товаръ та пряла куделю. Голова каже до баби: «сховай мене!» Баба сила на голову, а тимъ часомъ козаки перелетили. Лишився лишень одинъ, якійсь пъяничка, за полкомъ позаду, та зигнавъ бабу зъ мисця, а голова покотила ся зъ пидъ бабы. Догонивъ козакъ голову ажъ у лиси, та тутъ ѣи на макъ розсикъ. Поховали потимъ козакъ ѣи у могилу, де стоявъ давнище монастиръ, бо инакше була би лыха багато по свиту творила. Тай тому то и назвали наше село Погоневъ, бо тутъ голову дигнали.

«Ми жъ,—сказалъ подъ конецъ селянинъ,—тому таки бидни, що така сатана до насъ залетила!»

Игуменъ о. Коржинскій показалъ г. Окуневскому нѣсколько старыхъ рукописей и между ними нашлась одна переплетенная тетрадь со слѣдующею запискою:

SERIES

HISTORIARUM.

Monasterii Pohonensis
Ex Mandato Per Illustris Reverendissimi

Библиотека "Руниверс"

Domini Josafpat Steblecki
Ordinis Sancti Basilii Magni Abbatis
Ovrucensis Provinciae tituli Protectionis
Beatissimae virginis Mariae Provincialis
Per Vnblem Ardr. Rudum Patrem
Pancretium Dziubinski. O. S. B. Magni
Superiorem ejuisdem Monasterii
Confecta
Die 15. aji 1766-to anno.

De origine Monasterii Pohone, et unde hic
Locus sortitus est Nomen Pohonia.

Monaster ten Pohonia nazwany, iak dawno, od kogo, dla jakiej przyczyny, świdczy xiążka Ruska in quarto w klasztorze naszym Zawałowskim najduiąca się autore A. R. P. Galatowski [1]) Ejus loci Hegumen circa anni X-ti 1600, który opisuiąc pustoszenie kraiu tuteyszego od xiężęcia czili króla węgierskiego [2]) uzmiankuie o Pohoni w ten sposób: iż ten neprziacel poruynowawszy wiele miast y zamków na Rusi przystąpił nad miasteczko Zawałów, woysko urzykowal na górze, na którey teraz klasztor nacz stoi, od zachoda słońca, ex opposito zamka Zawałowckiego, który na drugiey górze za miastem od wschodu słońca, przebyciem tego strasznego goscia mocno strwożony przy maley liczbie ludziy w zamku zostaiący xiąże Jablonowski [3]) imieniem Roman, gorące do Pana Boga wylewał modły aby go ratował w oczywistym niebezpeczeństwie życią y gdy stroskany mało zasnał, od Mikołaja S o przyszley wygrancy we snie upewniony, y upomniony, aby na mieyscu zwycięstwa honor jego był promowowany. Stało się na zajutrz, że spędził nieprzyjacela z góry xiąże [4]) Roman, za pomocą Boską, woysko iedno pobił, drugie pobrał u niewolą, trzecie w rozsypkę poszło y gdy ócigał Pryncypała lasami uchodzęcego do Dniestru y daley za Dniestrem zaledwie go w tych lasach Tyśmieniczkich między górami dopędził y głowę odciał, na tym mieyscu gdzie adpraesens ieszcze grób jego, mogiła okręgła niewielka w sadzie naszym starym (który do terazniey-

[1]) Надъ этими словами приписка другою рукою: *cui* titulo—Novoie nebo czili Cuda Matki W.

[2]) Надъ этими словами надписано другою рукою: króla czyli pana tatarskiego imieniem Batya albo Boniaka.

[3]) Надписано другою рукою: Halickiego.

[4]) Надписано др. р.: Halicki.

Библиотека "Руниверс"

szego klasztora za góra na Północ stoi pokarnie. Podle tey mogiły kaplicą małą na honor Matki Bożey wystawić kazał xiąże Roman [1]), którey teraz znaki tylko okopanie zarosłe widziemy, przy którey że mnisi naszi mieszkali ex tradicione nominum constat, drżewa także rodzaie bardzo stare w tym ogrodzie iako y krynica pod górą na południe za sadem niedaleczko dowodzą, że na tamtym mieyscu byl primitive klasztorek nazwany Pohonia od ściganego y dopędzonego tu onego pustoszyciela kraiu Ruskiego, którego pospúlstwo nazywa dotychczas Sołudywym Buyniakiem».

На поляхъ около этой записки приписано слѣдующее:

«Król tatarski Baty czyli Boniak mieczem y ogniem pustoszył Ruskie kraie, któremu się nikt niemógł oprzeyć. Potym ze wszystkiemy ordami wyszedł na Zachonie kraie Polskie y Węgry przeciwko, któremu wyszedł węger król węngerski Władysław, a od Zawałowa był mu wziął księże Roman Halicki—dopiero zabity od węgierskiego króla Władysława NB. Czytay Septembra 20 życia Michala księcia Czernihowskiego wyjęte z Synopsy Puczarskiego folio 179 dto, dto, dto te zycia są tu w Pohoni. Tenże Michał księże Czernihowski zabity 1245 anno.

«Którego to xiężęcia Halickiego Romana na swoich kazaniach swiatecznych na sw. Woyciecha wspomina w konkluzyi X Bielecki Soc. Jezu: Jakoby tak mowił: Non possum mella colligi nisi necentur apes, neque principatus teneri nisi pereat nobilitas, te xiężka iest tu w Pohoni.

«Tatarzyn—Tamerlan—albo Boniak pustoszył kraie Ruskie 1096. Patrz v Pateryku Peczerskiem w życiu Błogosłowionego Erazma na krzyżu prybitego: ta księżka jest tu w Pohoni.

Р. Л. Н.

Архивная справка о моровой язвѣ въ г. Кіевѣ въ 1770—71 гг. [2]). Кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ въ маѣ мѣсяцѣ 1770 г. увѣдомленъ былъ главнокомандующимъ нашей арміей гр. П. А. Румянцевымъ о появленіи въ Молдавіи и Валахіи «опасной бо-

[1]) Надписано: *Halickie.*

[2]) Въ кучѣ старыхъ бумагъ, хранившихся въ архивѣ кіев. губ. прав. и представлявшихъ, очевидно, разбитые остатки дѣлъ, спасенныхъ во время пожаровъ и переносокъ, какимъ когда то подвергался этотъ архивъ, мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько документовъ, главнымъ образомъ черновыхъ донесеній генералъ-губернатора Воейкова, относящихся къ постигшему городъ Кіевъ въ 1770 году бѣдствію—

Библиотека "Руниверс"

лѣзни», почему и принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности въ пограничныхъ мѣстахъ, усиливъ бдительность карантиновъ.

Уже въ февралѣ мѣсяцѣ въ ближайшихъ къ г. Кіеву селахъ, принадлежавшихъ К.-Печ. лаврѣ, Пироговѣ и Хотовѣ, обнаружилась усиленная заболѣваемость и смертность обывателей, почему туда и посланъ былъ генералъ-губернаторомъ пограничный докторъ Иванъ Полетика, который въ рапортѣ 5-го февр. сообщалъ, что онъ нашелъ въ этихъ селахъ, «нѣкой родъ наносной горячки отъ проходящихъ командъ и въ квартирахъ многимъ числомъ стѣсняемыхъ, но чтобъ сія болѣзнь имѣла силу или свойство настоящей заповѣтренной (отъ чего Боже сохрани) моровой язвы, того утверждать не могу». Полетика не нашелъ никакихъ признаковъ опасныхъ, нашелъ, что умираютъ не скоропостижно, а послѣ 2-хъ или 3-хъ недѣль болѣзни, да и число умершихъ не велико, для «охраненія же и пользованія отъ оной болѣзни» Полетика рекомендовалъ управителямъ этихъ селъ нѣкоторые способы, «ежели только въ томъ К.-Печ. лавра, по бѣдности обывателей оныхъ селъ, отъ себя вспомоществованія учинить не отречется».

Когда генералъ-губернаторъ получилъ послѣдовавшій отъ 27-го августа на его имя Высочайшій указъ объ охраненіи границъ, уже въ самомъ Кіевѣ обнаружились признаки той же «опасной болѣзни», о чемъ онъ немедленно донесъ и въ пр. сенатъ и самой Императрицѣ.

Несмотря на всѣ свои старанія, Воейковъ не могъ «подлинно дойтить, отчего сія болѣзнь начало свое возъимѣла» и только 27-го сентября, на повторенный о томъ запросъ, онъ сообщалъ въ реляціи своей такое свѣдѣніе: бывшіе въ польскомъ мѣстечкѣ Ладыжинѣ для отвозу артиллерійскихъ припасовъ кіево-подольскіе жители, возвращались, и заѣзжая, какъ видно, въ стороннія мѣста, сообщеніемъ съ зараженными или, по глубокой своей глупости и корыстолюбію, тайнымъ провозомъ купленной въ опасныхъ мѣстахъ рухляди, подвергли себя тому несчастному жребію и были первою сему поражающему злу причиною».

О принятыхъ имъ на первыхъ порахъ въ городѣ мѣрахъ Воейковъ въ рапортѣ пр. сенату отъ 9-го декабря сообщалъ такъ: когда

моровой язвѣ. Изъ нихъ то я и извлекъ настоящую „справку“, пополняющую нѣсколько тѣ свѣдѣнія объ этомъ бѣдствіи, какія находимъ въ дневникѣ доктора Лерхе, напечатанномъ въ книгѣ Закревскаго „Описаніе Кіева“ (изд. 1868 г. т. 1 стр. 86—91).

Библиотека "Руниверс"

онъ получилъ отъ находившагося на Подолѣ генералъ поручика Сиверса, а также и отъ войта рапорты, что 2-го сентября въ одномъ мѣщанскомъ домѣ умерло скоропостижно три человѣка и по учиненному чрезъ медицинскихъ чиновъ осмотру найдены въ гнилой заразительной горячкѣ съ пятнами,—я ту же минуту приказалъ всѣхъ въ томъ домѣ оставшихся здоровыхъ за городъ въ отдаленныя мѣста выслать, караулъ къ нимъ опредѣлить, сообщеніе запретить, домъ запереть и найденныя въ немъ вещи сжечь, чего съ домомъ сдѣлать было нельзя, ибо оной находится внутри города и стѣсненной со всѣхъ сторонъ другими строеніями; но сія, хотя весьма благовременно учиненная, осторожность не могла однако жъ совершенно отвратить сего вкравшагося и по видимому во многихъ уже домахъ утаившагося зла; ибо на другой день, т. е. 3-го сентября жъ помянутой г. генералъ-поручикъ рапортовалъ меня, что и въ другомъ домѣ одинъ тамошній житель скоропостижно умре и по осмотру оказался въ опасныхъ заразительныхъ знакахъ, а потомъ и часъ отъ часу зараженные въ домахъ являться начали, чего для, по призывѣ докторовъ пограничнаго Полетики и находящагося при здѣшнемъ госпиталѣ Митрофанова и прочихъ медицинскихъ чиновъ, велѣлъ мертвыя тѣла и случившихся больныхъ прилежнѣйше осмотрѣть, которые и рапортовали, что сверхъ гнилой заразительной горячки съ пятнами примѣтили они и настоящіе опасные знаки, почему тотъ же часъ и учреждено слѣдующее: 1 е докторъ Митрофановъ съ лѣкаремъ туда опредѣленъ съ наставленіемъ, дабы слѣдовалъ на такіе случаи сочиненному докторомъ Лерхомъ при 2 й арміи описанію, мнѣ жъ отъ главнокомандующаго тою арміею сообщенному; 2-е, какъ сей городъ раздѣленъ на три части, а сія опасность тогда оказалась въ одномъ нижнемъ городѣ, называемомъ Подолъ, разстояніемъ отъ Печерской крѣпости и форштата въ трехъ верстахъ, слѣд. отъ сихъ двухъ и отъ стороны заднѣпрской пресѣчено сообщеніе разставленными въ пристойныхъ мѣстахъ караулами, денными и ночными разъѣздами; 3-е, во всемъ городѣ велѣно опредѣлить десятскихъ, которые должны ежедневно всѣ городскіе домы прилежно осматривать и, буде случатся больные, немедленно доктору давать знать и оказавшихся по осмотру въ опасныхъ болѣзняхъ тотчасъ отсылать въ учрежденной для того внѣ жилья особой лазаретъ, и здоровыхъ въ тѣхъ же домахъ оставшихъ—въ карантинъ.

Всѣ вышеписанныя къ прекращенію такова зла весьма благовременно принятые мѣры не воспрепятствовали однако жъ распро-

Библиотека "Руниверс"

страниться сей пагубѣ и въ протчіи два мѣста сего города, т. е. въ верхній городъ Кіевъ въ печерской форштатъ, и наконецъ и въ самую здѣшнюю крѣпость, чему другой причины найтить нельзя, какъ въ разсужденіи близости вышеписанныхъ мѣръ къ Подолу или тайное, мимо учрежденныхъ карауловъ и бекетовъ, съ подольскими жижителями неосторожное сообщеніе и, по глубокой простотѣ и упрямству здѣшняго народа, къ собственной ихъ безопасности служащихъ учрежденій преступленіе. Совершенно сіе доказывается тѣмъ, что и понынѣ большею частію умираютъ все изъ подлости, что происходитъ отъ ненаблюденія какъ въ домахъ, такъ и съ собою никакой, и особливо въ нынѣшнемъ случаѣ нужной, чистоты, хотя и приказано имъ о томъ довольно толковать, а частію къ тому и принуждать. О чемъ отъ меня какъ сначала такъ и отъ времени до времени Высоч. Е. И. В. двору и пр. сенату, въ 1-й деп. почасту доносить не оставлено. Нынѣ жъ, Всевышнему благодаря, болѣзнь во всѣхъ трехъ частяхъ города весьма знатно умаляется, а въ здѣшней крѣпости обстоитъ все благополучно. Почта для проѣзжающихъ изъ арміи курьеровъ и другихъ чиновъ, въ силу Высоч. имен. Е. И. В. указа отъ 19 мин. сентября, переведена внизъ по Днѣпру отъ здѣшняго мѣста въ 25-ти верстахъ въ хуторъ Козинъ и на сей заставѣ опредѣленъ штабъ-офицеръ съ лѣкаремъ для исполненія надлежащей какъ съ курьерами, такъ и съ другими внутрь Россіи чрезъ оную проѣзжающими осторожности».

Въ рапортѣ пр. сенату отъ 29-го декабря Воейковъ писалъ: «Опасная болѣзнь хотя весьма знатно во всѣхъ трехъ частяхъ города утихла, но не совсѣмъ прекратилась, ибо являются еще изрѣдка небольшіе ея слѣды, однакожъ не болѣе какъ по два и три человѣка въ сутки, чему большею частію по примѣчаніямъ приписуется причиною продолжившаяся даже до третьяго дня противу прежнихъ лѣтъ совсѣмъ необыкновенная весьма теплая и съ непрестанными густыми туманами влажная погода».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Кіевъ докторъ Лерхъ, о чемъ сообщалъ въ своей реляціи къ Императрицѣ генералъ-губернаторъ отъ 14-го октября такъ: «Къ немалому при семъ бѣдственномъ случаѣ порадованію предъ двумя днями прибылъ сюда возвращающійся изъ первой арміи кол. сов. и медицины докторъ Лерхъ, который по своей практикѣ и извѣстному въ такихъ случаяхъ искусству охотно себя представилъ и здѣшнему мѣсту помочь и показать опытъ своей неутомленной ревности и усердія, что при помощи Божіей и пода-

Библиотека "Руниверс"

етъ не малую надежду къ истребленію сего ворвавшагося зла; чего для и не оставилъ и предписать всѣмъ здѣсь находящимся какъ медицинскимъ чинамъ, такъ и прочимъ, дабы слѣдовали во всемъ его г. Лерха наставленіямъ».

А въ медицинскихъ «чинахъ» былъ крайній недостатокъ, такъ что Воейковъ вынужденъ былъ, какъ видно это изъ одного документа, задержать лѣкаря Прокофія Ромадина, котораго военное начальство требовало къ мѣсту его назначенія въ Тенгинскій полкъ. Командировавъ его въ хуторъ Козинъ для осматриванія курьеровъ и другихъ проѣзжающихъ, Воейковъ донесъ въ военную коллегію, что «за неимѣніемъ въ Кіевѣ лекарей смѣнить оного Ромадина не кѣмъ», а потому и отпустить его не можетъ, «пока въ немъ тамъ нужда обстоять будетъ».

Наличный составъ «медицинскихъ чиновъ» въ борьбѣ съ эпидеміей встрѣчалъ не мало препятствій, между прочимъ, и въ томъ «самоуправствѣ» начальствовавшихъ, но не подчиненныхъ другъ другу лицъ, о которомъ упомянулъ въ своемъ дневникѣ докторъ Лерхъ. Жалуясь на то, что эти лица «не обращая вниманія на общую цѣль, не подчинялись разумной дисциплинѣ», Лерхъ прямо говоритъ, что безтолковыя распоряженія различныхъ начальниковъ были главною помѣхою для медиковъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей, и сильно вредили мѣрамъ, предпринимаемымъ для общей пользы». На такое отсутствіе пониманія «общей пользы», между прочимъ, и въ средѣ духовнаго начальства указываетъ переписка, возникшая по поводу устройства карантина въ Кириловскомъ монастырѣ. 20 сентября г. генералъ-губернаторъ сообщилъ кіев. дух. консисторіи, что, согласно мнѣнію медиковъ, необходимо изолировать тѣхъ людей, которые находились въ зараженныхъ домахъ, и что «за неимѣніемъ внѣ города свободныхъ домовъ и за невозможностію для холода высылать на островъ» признано наиболѣе удобнымъ отправлять такихъ людей въ Кириловскій монастырь, выславъ предварительно монаховъ въ другіе монастыри и оставивъ только изъ нихъ нѣсколько человѣкъ «для церковнослуженія и присмотра монастырскихъ припасовъ». Хотя Воейковъ и писалъ, что «тѣмъ однимъ отдаленіемъ отъ незараженныхъ ожидать только можно, при помощи Божіей, совершеннаго той гибели прекращенія», и потому и требовалъ отъ консисторіи, чтобы, «способствуя къ соблюденію всего общества», сдѣлала съ своей стороны распоряженіе о пріемѣ въ Кириловскій монастырь изолируемыхъ обывателей, но консисторія, «не учиня требуемаго исполненія», за-

Библиотека "Руниверс"

вела переписку съ архимандритомъ монастыря и, уваживъ представленные имъ резоны противъ исполненія требованій гѣнералъ-губернатора, обратилась въ св. Синодъ за резолюціей.

Св. Синодъ нашелъ, конечно, что «въ такомъ самонужнѣйшемъ требованіи и переписки чинить и исполненіемъ медлить отнюдь оной консисторіи не слѣдовало», и предписалъ ей «учинить непремѣнное исполненіе», а митрополиту кіевскому предписалъ, чтобы онъ, «какъ консисторію, такъ и архимандрита за нескорое по оному г. генералъ-губернатора сообщенію исполненіе и за продоженіе чрезъ непринадлежащіе переписки времени, по своему разсмотрѣнію, безъ оштрафованія не оставилъ» [1]).

Въ реляціи отъ 27-октября Воейковъ сообщалъ о временномъ прекращеніи занятій въ губернской канцеляріи: «въ разсужденіи, что находящіеся при здѣшней губ. канц. служители канцелярскіе, живучи между другими обывателями, нѣкоторые несчастный жребій понесли сами, у другихъ въ собственныхъ ихъ домахъ и квартирахъ такое жъ приключеніе послѣдовало, и иные живутъ между самыми зараженными мѣстами, то я за нужное почелъ присутствіе въ здѣшней губ. канцеляріи для обыкновенныхъ всегдашнихъ дѣлъ на нѣкоторое время отставить; если жъ случится какая либо чрезвычайная надобность, то положилъ въ такомъ случаѣ присутствующимъ по повѣсткамъ въ особливомъ безопасномъ мѣстѣ съѣзжаться и повелѣнное немедленно исполнять». Когда же болѣзнь появилась и въ самой крѣпости, то Воейковъ и самъ, какъ сообщалъ о томъ въ реляціи 11-го ноября, «принужденъ былъ по совѣту доктора Лерха, на нѣкоторое время для перемѣны воздуха переѣхать въ здѣшнюю деревню, которая близостію своею служитъ къ Кіеву убѣжищемъ отъ настоящей опасности, но и не отнимаетъ и малѣйшаго времени въ отправленіи всѣхъ до меня принадлежащихъ дѣлъ». Но пробылъ въ этой деревнѣ генералъ губернаторъ не больше десяти дней и 23-го ноября уже доносилъ о своемъ возвращеніи въ городъ, а затѣмъ отправился въ м. Бровары для свиданія съ маіоромъ Шиповымъ, прибывшимъ по Высочайшему повелѣнію «для воспріятія достаточныхъ мѣръ къ удержанію и совершенному истребленію опасной болѣзни». Туда же при-

[1]) Надо замѣтить, что митрополита въ то время въ Кіевѣ не было: 22-го сентября только лишь былъ назначенъ на кіевскую митрополію архіепископъ петербургскій Гавріилъ Кремянецкій, который, въ качествѣ члена св. Синода, вѣроятно, въ Петербургѣ еще узналъ о такомъ отношеніи кіевскихъ духовныхъ властей къ общенародному бѣдствію.

Библиотека "Руниверс"

былъ и ген. пор. Сиверсъ, и тамъ «по общему согласію учинено постановленіе» относительно дальнѣйшихъ мѣръ для борьбы съ заразою. Но медики, въ числѣ семи человѣкъ, присланы были изъ Петербурга въ распоряженіе Шипова только въ февралѣ мѣсяцѣ, когда зараза уже въ Кіевѣ прекратилась.

Въ первыхъ числахъ декабря межигорской заставы унтеръ-цольнеръ Сибилевъ рапортовалъ въ васильковскую пограничную таможню, что «по оказавшейся опасности отъ повѣтрія въ той заставѣ четыр объѣздчика съ семействомъ и прочаго званія люди, сколько ни было въ той заставѣ, всѣ померли безъ остатку», а онъ самъ, Сибилевъ, съ канцеляристомъ ушелъ въ лѣсъ и живетъ въ шалашѣ, и что ихъ теперь обратно на заставу не пускаютъ «приставленные кругомъ оной караульные козаки» [1]).

Это усиленіе карауловъ и карантинныхъ строгостей, вообще мѣръ предупредительныхъ, явилось лишь съ пріѣздомъ Шипова, объ энергіи котораго въ этомъ направленіи упоминаетъ и докторъ Лерхъ.

Болѣзнь «по видимому пресѣклась» съ 6-го генваря 1771 г., о чемъ и заявлялъ въ своихъ реляціяхъ Воейковъ, еженедѣльно доноси въ нихъ о благополучіи города. Только лишь въ реляціи 24-го февраля сообщалъ онъ, что въ г. Васильковѣ, «хотя и не въ самомъ карантинномъ домѣ, въ разныхъ числахъ одинадцать человѣкъ умерло, на которыхъ знаки заразительной болѣзни найдены».

Въ реляціи 28-го марта читаемъ: «въ прибытіе сюда лейбъ-гвардіи маіора Шипова, взирая на прекратившуюся уже болѣе двухъ мѣсяцевъ опасную болѣзнь, здѣшній городъ, къ великой радости всѣхъ живущихъ, отворенъ и свободной въѣздъ и выѣздъ, съ надлежащими однакожъ предосторожностями, дозволенъ». При этомъ генералъ-губернаторъ сообщалъ, что многіе кіевскіе обыватели, желая избѣжать насильнаго выселенія изъ города или же сожженія имущества, во время эпидеміи не только не объявляли о заболѣвшихъ въ ихъ домахъ, но «напротивъ того, по глубокой и не разсудительной простотѣ, тайли и потомъ умершихъ скрытно въ огородахъ и домахъ своихъ хоронили», а потому онъ и распорядился «чрезъ нарочно командированныхъ штабъ офицеровъ всѣ дворы и жилища осмотрѣть и, ежели гдѣ такія могилы найдены будутъ, насыпая высоко землю, крѣпко убивать».

---

[1]) О бѣдствіяхъ этой таможенной заставы въ печальную зиму 1770 г. и о неостепріимномъ отношеніи къ ней Межигорскаго монастыря старцевъ имѣется свѣдѣніе въ моемъ сборникѣ „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр." вып. 9-й стр. 25—31.

Библиотека "Руниверс"

Въ маѣ же мѣсяцѣ войтъ кіевскій доносилъ генералъ-губернатору, что въ городъ возвратилось болѣе 500 человѣкъ обывателей, которыхъ магистратъ зачислилъ уже въ число умершихъ, но которые, какъ оказывается, въ разное время, когда болѣзнь царила въ городѣ, пробрались изъ него помимо всякихъ карауловъ.

Но «опасная болѣзнь» не совсѣмъ миновала: она возобновилась лѣтомъ по винѣ, какъ сообщаетъ докторъ Лерхъ, гарнизоннаго начальства [1]).

Въ реляціи своей отъ 10-го августа (послѣдней изъ имѣвшихся у меня черновокъ) Воейковъ писалъ: «противу всякаго чаянія, въ началѣ прошлаго іюля мѣсяца сперва оказались здѣсь гнилыя горячки съ пятнами, а послѣ, хотя и весьма изрѣдка, примѣчены и другіе опасной болѣзни знаки; и такъ во уваженіе, что сіе сперва появилось въ предмѣстьяхъ печерской крѣпости въ жилищахъ солдатъ здѣшняго гарнизона, то и не оставлено вывесть оныхъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ въ лагерь, домы же тѣхъ, гдѣ таковые опасно заболѣвшіе находились, со всѣми вещами тотчасъ сожжены».

Возобновленіе болѣзни крѣпко смутило и обывателей, и начальство, на этотъ разъ уже со всею энергіей принявшее всѣ указанныя опытомъ мѣры предосторожности [2]).

Отъ 3-го августа 1771 г. на имя Воейкова послѣдовалъ такой высочайшій рескриптъ:

«Къ великому сожалѣнію, увѣдомились мы, что небреженіе кіевскихъ гарнизонныхъ о своемъ собственномъ сохраненіи было причиною возобновленія у васъ заразы. Частные начальники ихъ видно не имѣли также о сихъ искавшихъ погибель свою людяхъ должнаго попеченія, а тѣмъ и подвергли было себя и весь городъ равной участи. По сему самому заблагоразсудили мы подтвердить вамъ, чтобъ

---

[1]) Помощникъ коменданта маіоръ Раевскій „нерадиво смотрѣлъ за очищеніемъ и вывѣтриваніемъ зачумленныхъ мѣстъ. Въ то же время было дознано, что этотъ маіоръ тайно собралъ изъ зараженныхъ домовъ изрядное количество ящиковъ и сундуковъ съ имѣніемъ и хранилъ ихъ въ какомъ то погребѣ". (Опис. Кіева Закревскаго т. 1, стр. 91). Докторъ Лерхъ 5-го іюля уже выѣхалъ изъ Кіева. Сообщая о его отпускѣ, генералъ-губернаторъ въ своей іюльской реляціи писалъ, что Лерхъ „въ бытность свою здѣсь во время опасной болѣзни, не взирая на старость лѣтъ и потому слабость корпуса своего, оказывалъ не малые труды и радѣтельную прилежность".

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой дѣятельности помѣщены въ моемъ сборникѣ. „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр." вып. 5-й стр. 169—173.

Библиотека "Руниверс"

вы строжайше наказали имъ наблюдать впредь потребную между подчиненными ихъ осторожность и охранять ихъ отъ подобныхъ поползновеній. Мы надѣемся, что вы, содѣйствуя въ томъ обще съ нашимъ гвардіи маіоромъ Шиновымъ, потщитесь, искоренивъ въ концъ сіе вкравшееся зло, возвратить ввѣренному вамъ городу прежнее его спокойствіе и совершенную безопасность».

Сколько же людей умерло въ Кіевѣ отъ моровой язвы? Едва ли и можно было имѣть точное объ этомъ свѣдѣніе. Докторъ Лерхъ говоритъ, что «число умершихъ, по показанію дневныхъ рапортовъ, простирается почти до четырехъ тысячъ человѣкъ, хотя нѣкоторые число это увеличиваютъ». Упомянутый выше фактъ—появленія болѣе 500 человѣкъ, числившихся уже умершими, достаточно свидѣтельствуетъ о невѣрности этихъ «дневныхъ рапортовъ» и всей вообще оффиціальной статистики смертности.

Послѣ многократныхъ напоминаній со стороны пр. сената о присылкѣ «точнаго счисленія» умершихъ, послѣ замѣчанія за медленность въ этой присылкѣ, генералъ-губернаторъ только лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1772 года собралъ всѣ имѣвшіяся свѣдѣнія и составилъ вѣдомость о числѣ умершихъ въ г. Кіевѣ, которую и препроводилъ въ пр. Сенатъ при рапортѣ отъ 19-го іюля. Конечно, и она далеко не можетъ быть признана точною. Тѣмъ не менѣе, какъ оффиціальный документъ, она представляетъ интересъ, хотя бы приблизительно опредѣляя размѣры смертности. Изъ этой то вѣдомости (черновой) видно, что во всѣхъ трехъ частяхъ города въ оба періода болѣзни умерло 1829 мужчинъ 1802 женщины, а всего 3631 человѣкъ. По частямъ города движеніе смертности въ вѣдомости представлено такъ:

А) въ первую заразу:

1) *на Подолѣ*:

	мужч.	женщ.
а) гарниз. баталіона и прочихъ военныхъ артилерійской и инженерной командъ и полевыхъ полковъ	61	27
б) мѣщанъ, козаковъ и разночинцевъ.	397	675
в) духовныхъ	15	
Итого	473	702

2) *въ верхнемъ городѣ*:

а) таковыхъ же воинскихъ.	60	103

Библиотека "Руниверс"

	муж.	женщ.
б) малороссіянъ, посполитыхъ и другихъ разночинцевъ	163	160
в) духовныхъ	35	
Итого	198	263
3) въ к. печерской крѣп. и ея форштатахъ:		
а) таковыхъ же воинскихъ.	389	252
б) малороссіянъ, посполитыхъ и др. разночинцевъ.	494	400
в) духовныхъ	11	
Итого	894	652

Б) во вторую заразу:

1) *на Подолѣ*:

	муж.	женщ.
а) полевой команды солдатъ . .	1	„
б) жителей	13	23
Итого	14	23

2) *въ верхнемъ городѣ*:

а) воинскихъ разн. командъ	26	12
б) малороссіянъ посполитыхъ и др. разночинцевъ	2	5
Итого	28	17

3) *на Печерскѣ*:

а) воинскихъ разн. командъ	162	67
б) малорос. посполитыхъ и др. разночинцевъ . .	60	78
Итого	222	145

Въ той же вѣдомости о началѣ и концѣ эпидеміи показано такъ: Началась болѣзнь на Подолѣ съ 1-го сентября 1770 г., въ верхнемъ городѣ 12-го сент. и на Печерскѣ 19 го, пресѣклась на Подолѣ 19 го генваря 1771 г., а въ другихъ частяхъ 6-го генваря. «Отрыгнулась опасная болѣзнь» во всѣхъ трехъ частяхъ съ 23-го іюня, а пресѣклась на Подолѣ 6-го декабря, въ верхнемъ городѣ 2-го, а на Печерскѣ 20-го того же декабря.

Въ объясненіе того, почему долго не представлялась эта вѣдомость, Воейковъ въ своемъ репортѣ писалъ: «какъ здѣшняя кіевская губернія состоитъ въ одномъ только городѣ Кіевѣ и приписныхъ нѣскольскихъ, состоящихъ въ Малороссіи, раскольническихъ слободокъ и въ самомъ городѣ Кіевѣ жители суть подъ разными вѣдомствами, яко то малороссіяне посполитые и козаки въ малороссійской коллегіи и у здѣшнихъ монастырей, а вѣдомства моего одни

Библиотека "Руниверс"

только нижняго города Подола мѣщане и другіе тамошніе жители, также и принадлежащіе къ канцеляріи и гарнизонныхъ баталіоновъ служители, то и принуждено было о числѣ умершихъ людей заимствовать изъ разныхъ мѣстъ; но что во оныхъ по причинѣ таково злово приключенія, въ предосторожность оного и въ сохраненіе жизни каждаго, и чтобъ удалить всегдашнее сообщеніе, чрезъ довольное время въ присутственныхъ мѣстахъ собранія не было и каждой находился въ растройкѣ и замѣшательствѣ, то потому и не безъ трудности было сообразить и собрать счисленіе умершихъ; чрезъ каковыя всѣ причины во отправленіи той вѣдомости и время продолжиться могло».

Ал. Андріевскій.

Къ объясненію малорусскихъ гаданій. *1) Гаданіе по внутренностямъ животныхъ.* Въ § 127 «Культурныхъ переживаній», говоря (на с. 288) о гаданіяхъ по животнымъ, я замѣтилъ, что «въ Малороссіи гаданій по внутренностямъ животныхъ, кажется, нѣтъ въ настоящее время». Мы не говорили были ли они въ Украинѣ въ старину, за неимѣніемъ данныхъ. О существованіи такого гаданія въ Малороссіи можно было предполагать потому, что гаданіе по внутренностямъ животныхъ встрѣчается у болгаръ, весьма распространено и весьма сложно у монгольскихъ народовъ, бытовало у древнихъ классическихъ народовъ. Въ Сборникѣ малорусскихъ сказокъ и повѣрій И. И. Манжуры 1890 г. находится цѣнное и, если не ошибаемся, единственное указаніе, что гаданіе по внутренностямъ кабана существуетъ и нынѣ у малороссовъ въ екатеринославской губ.: «якъ колютъ къ Рождву кабана замичаютъ косу (селезенку): якъ съ заду товща, ще зима буде товства, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша» (156).

2) Гаданіе по камню. Въ томъ же 127 § «Культурныхъ переживаній» я указалъ на загадочное гаданіе въ одной малорусской пѣснѣ въ «Трудахъ этн.-стат. экспед.» Чубинскаго (V, 145), именно:

Брешить, брешить, вориженьки,
Стоить камень край дориженьки
Припадайте та й гадайте,
Тильки мене не обсуждайте.

Я высказалъ предложеніе, что гаданіе это состояло въ прислушиваніи къ камню и замѣтилъ, что и въ древней Греціи было гаданіе по камню (литомантія), также прислушивались къ дереву

Библиотека "Руниверс"

(*Буше-Леклеркъ*. Колд. въ антич. мірѣ I, 151). Ссылка на аналогичное явленіе древняго времени не даетъ однако объясненія малорусскому гаданію, и остается загадочнымъ, какъ происходило это гаданіе, съ какими цѣлями къ нему приступали и, главное, какая таинственная сила должна была дать отвѣтъ въ камнѣ или деревѣ. Въ данныхъ русскаго этнографическаго матеріала мы не находимъ объясненія. Можетъ быть, здѣсь намъ поможетъ ссылка на западно-европейскій фольклоръ. Въ грубыхъ суевѣріяхъ неаполитанскаго простонародья встрѣчаются такія характерныя черты гаданія по камню, которыя, не разъясняя прямо темнаго мѣста украинской пѣсни, даютъ, однако, возможность уяснить основной смыслъ гаданія по камнямъ вообще, въ частности, подойти близко къ пониманію значенія украинскаго гаданія по камню. Гадали первоначально, вѣроятно, только на могильныхъ камняхъ, а потомъ уже на всякомъ камнѣ. Въ южной Италіи и въ Сициліи существуетъ весьма странный культъ казненныхъ преступниковъ, преимущественно повѣшенныхъ. Въ Палермо на кладбищѣ казненныхъ есть церковь, гдѣ сосредоточивается этотъ культъ. Молиться сюда стекаются многіе, иногда изъ далекихъ мѣстностей. Входятъ въ церковь босые и передъ престоломъ Іоанна Крестителя, который считается въ южной Италіи патрономъ казненныхъ, читаютъ молитвы, обращенныя къ казненнымъ, напр. «Вы, души обезглавленныхъ тѣлъ, рожденныя на землѣ, находящіяся въ чистилищѣ, ожидающія рая, молите Бога о нашихъ нуждахъ и молите святыхъ объ избавленіи насъ отъ враговъ». Молитва эта въ стихахъ и въ оригиналѣ весьма своеобразна [1]).

По прочтеніи молитвы-заговора подходятъ къ находящемуся возлѣ церкви камню, прикладываютъ къ нему ухо и, если послышится подъ камнемъ шорохъ, значитъ—молитва услышана. По народному повѣрью подъ камнемъ живетъ много душъ обезглавленныхъ и повѣшенныхъ. Повѣрье это отвѣчаетъ римскому, что divi manes жили въ глубинѣ земли. Душамъ казненныхъ (anime dei decollati) молятся также дома ночью

[1]) Armuzzi di li corpi decullati
Chi'n terra siti nati,
'N purgatoriu vi stati
'N paradisu siti aspittati,
Prigati l'Eternu Patri
Rili mei nicissitati,
Prigati lu Signi
Chi li nimici mi vennu 'n favuri.

Библиотека "Руниверс"

передъ образомъ св. мученика. Молящійся говоритъ сначала молитвы Отче нашъ, ave Maria и др. и затѣмъ высказываетъ просьбу повѣшеннымъ громко и отчетливо: «Высокія души казненныхъ, три повѣшенныхъ, три обезглавленныхъ и три утопленныхъ, всѣ девять идите къ вѣчному Отцу и скажите Ему о моей нуждѣ». Въ это время прислушиваются къ звукамъ на улицѣ и по нимъ опредѣляютъ успѣхъ молитвы-заговора. Хорошимъ знакомъ считаютъ крикъ пѣтуха, лай собаки, звукъ гитары, звонъ колокола, пѣніе людей, стукъ въ двери, быстрый проѣздъ экипажа по улицѣ; дурнымъ—мяуканіе кошки, крикъ осла, шумъ воды. Эти примѣты коренятся въ древнемъ язычествѣ, въ культѣ divi manes (*Trede*, Das Heidentum in der römisch. Kirche, III, 346—348).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Преданіе о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго у.).

Недалеко отъ города Острога волынской губерніи есть с. Брековъ, а въ селѣ крутая, высокая гора. На этой горѣ стоятъ рядомъ три деревянныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, поросшимъ мохомъ и покосившихся креста; средній крестъ ниже, два боковыхъ выше. Объ этихъ крестахъ въ селѣ и въ окружности ходитъ среди крестьянъ слѣдующее преданіе. Очень давно, никто еще этого не запомнитъ, жила была въ селѣ крестьянская дѣвушка, какъ говорится, писаная красавица; мѣстные парубки за нею ухаживали всѣмъ селомъ, отъ «свативъ» не было отбою. Особенно же любили дѣвушку два парня, которые—оба въ одинаковой мѣрѣ и степени нравились красавицѣ. Всѣ же прочіе безжалостно получали «гарбузъ».—И вотъ два влюбленныхъ парня, по преданію, оба красавцы и молодцы,—кровь съ молокомъ—одновременно сдѣлали предложеніе дѣвушкѣ. Красавица рѣшила бросить жребій, чьей быть женой. И вотъ что она придумала: она станетъ на горѣ, парни подъ горою и одновременно, по командѣ, оба бросятся бѣжать на гору, кто первымъ добѣжитъ до красавицы, тотъ и будетъ ея мужемъ.

Парни охотно согласились на такое состязаніе. Въ назначенный день они стояли уже внизу подъ горою, а красавица на горѣ. По командѣ парни бросились бѣжать на гору, но лишь взбѣжали и прибѣжали къ красавицѣ, какъ неожиданно ударилъ въ нихъ громъ, и всѣхъ троихъ убилъ. Здѣсь же ихъ всѣхъ и похоронили—дѣвушку по срединѣ, парней по бокамъ. По другому варіанту того же пре-

Библиотека "Руниверс"

данія,—парни, взбѣжавъ на гору, упали у ногъ красавицы бездыханными, а на красавицу это такъ повліяло, что она тоже умерла, и ихъ всѣхъ трехъ тутъ и похоронили, вслѣдствіе предсмертной просьбы (по третьему варіанту) красавицы.

Вообще это преданіе ходитъ съ разными варіаціями.

Сообщилъ **И. Ф. Б—скій.**

Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями. Двумя актами 1800 года, графъ К. Г. Разумовскій распредѣлилъ всѣ свои имѣнія между шестью своими сыновьями, Андреемъ, Алексѣемъ, Петромъ, Львомъ, Григоріемъ и Иваномъ, и при этомъ перечислилъ всѣ свои имѣнія. Несмотря на то, что въ этихъ актахъ перечислены одни только малороссійскія имѣнія, мы видимъ—какія огромныя богатства передавалъ своимъ сыновьямъ бывшій гетманъ. Но не прошло и столѣтія, какъ отъ этихъ богатствъ у наслѣдниковъ гетмана не осталось и четвертой доли. А гдѣ тѣ «дипломы, грамоты рескрипты, указы», о которыхъ говорится въ этихъ актахъ?—Повидимому, и они уже не существуютъ... По крайней мѣрѣ, о нихъ ничего не говоритъ авторъ книги о «Семействѣ Разумовскихъ», въ которой подробно разсказана исторія такъ быстро возвеличившейся и такъ быстро исчезнувшей семьи Разумовскихъ... Записанный въ книги «земскаго повѣтоваго конотопскаго суда» юридическій актъ остается единственнымъ памятникомъ былыхъ богатствъ послѣдняго гетмана...

А. Л.

Тысяча восмисотого года, апреля перваго дня. Я нижеподписавшійся, симъ моимъ добровольнымъ, вѣчистымъ уступнымъ записомъ, всѣмъ кому о томъ вѣдать подлежитъ, объявляю: что изъ малороссійскихъ моихъ недвижимыхъ имѣній, Ропскую волость, состоящую въ повѣтахъ Стародубскомъ и Новгородско-сѣверскомъ, въ пяты тысячахъ девяти стахъ тринадцаты душахъ крестьянъ мужеска пола, по послѣдней ревизіи за мною показанныхъ, съ ихъ семействами, и со всѣмъ и всякимъ имуществомъ, какъ то: мѣстечко Ропскъ, села: Хоромное, Хотѣевку, Карповичи, Тимоновичи, Бровничи, Соловьевку, Крапивное, Старый Ропскъ, Сачковичи, Могилевцы, Лобановку, Буду, и деревни: Барановку, она жъ и заводъ Могилицкій, Орликовку, слободу Блешню, да хутора: Кириловской, и Хандабоковской, онъ же и

Библиотека "Руниверс"

заводъ Приборской, со всѣми землями, лѣсами, угодіями, къ тѣмъ мѣстечку, селамъ, деревнямъ, хуторамъ и заводамъ принадлѣжащими, водяные мельницы, винокуренные и всякаго другаго рода заводы, и хуторныя всѣ строенія со всею движимою наличностію, тамъ имѣющіяся, не исключая изъ того и малѣйше чего либо, что къ той Роиской волости принадлежало, принадлежитъ и чемъ я владѣлъ и владѣю, но все безъ изъятія (кромѣ одного токмо села Рыкова, которое по отдѣленіи, давно уже состоитъ подъ распоряженіемъ Шептановской волости моей) уступаю и записываю во вѣчное и потомственное владѣніе сыну моему дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кириловичу Разумовскому, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ доходы съ той Роиской волости собираемыя, получать мнѣ по смерть мою. По смерти жъ моей, оной сынъ мой графъ Андрей, имѣть будетъ право, по сему моему уступному запису, собирая тѣ доходы употреблять на себя, по волѣ и мыслѣ своей, какъ его собственное вѣчно и потомственно ему принадлежащее. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ, съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ: генералъ фелтмаршалъ графъ Кирила Разумовскій. (М. П.)

На семъ вѣчистомъ уступномъ записѣ по самоличному прошенію господина генералъ фельдмаршала и кавалера Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей нашихъ подписалися: вице-канцлеръ дѣйствительной тайной совѣтникъ, дѣйствителній камергеръ и кавалѣръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.). Оберъ-шенкъ и кавалѣръ Николай Загряжской (м. п.). Генералъ-маіоръ и кавалѣръ Михайло Гудовичъ (м. п.) 1800 года апреля 13 дня, сей вѣчистій уступній записъ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотопскій судъ, съ объявленіемъ предъ урядомъ сего нижнего земского суда какъ о доброволномъ его сіятельства соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалѣру графу Андрею Кириловичу Разумовскому во вѣчное и потомственное владѣніе прописанной въ оиомъ Роиской волости, такъ и о немогуществѣ его за болѣзнію представить оного записа лично въ земскій повѣта конотопскаго судъ, и что повѣрнетъ онъ предъявить сей записъ вониисанію въ земскія вѣчистія книги, провинціялному секретарю Мойсею Мар-

Библиотека "Руниверс"

кову сыну Ахматову, уполномочивая къ тому его особымъ вѣрующимъ листомъ, нижній земскій конотопскій судъ, будучи въ отправленіи должности своей въ повѣтѣ ему ввѣренномъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, принявъ отъ упомянутаго господина генералъ-фелдмаршала и кавалера вышеозначенное доброволное сознанѣе сего записа, свидѣтельствуетъ какъ въ томъ, такъ и что онъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отправиться ради представленія того записа въ конотопскій повѣтовый судъ и при таковомъ своемъ свидѣтельствѣ возвращаетъ оной обявленному Ахматову для исположенія по данной ему довѣренности. Земскій комисаръ Данило Смѣловскій (м. п.) Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На оном записѣ земского повѣтового конотопского суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губерніи въ земскій повѣтовый конотопскій судъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ при вѣрющемъ отъкритомъ листѣ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго ему, Ахматову, даннымъ представлялъ, съ прошеніемъ вписавъ оной записъ въ земскіе сего повѣта книги, видать съ онаго на имя его сіятельства выписъ. И какъ сочинитель онаго записа его сіятельство господинъ генералъ-фельдмаршалъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о доброволномъ его соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствителному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кирилловичу Разумовскому имѣнія, сознался какъ о томъ съ положенной на оном записѣ выше сего онимъ судомъ помѣты значится, для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписанъ оной записъ въ семъ судѣ на настоящій годъ имѣющуюся книгу подъ № 32-мъ на страницахъ 99, 100, 101 и 102 и съ сею помѣтою съ подписомъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судьиной и подсудковихъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятелству господину генералъ-фелдмаршалу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Кириллѣ Разумовскому, при вписѣ слѣдуемомъ по праву книги статутъ, раздѣла 4 артикула 13, выданъ въ Конотопѣ 1800 года апреля 24 дня. Оную помѣту подписали: судья земскій Никифоръ Федоровичъ, подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ (м. п.), (м. п.), (м. п.). Земскій писарь Семенъ Торанскій, губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинный записъ принялъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ.

Библиотека "Руниверс"

Тысяча восмисотого году, мѣсяца апреля третьего дня. Да будетъ извѣстно всякому кому о семъ вѣдать надлежитъ, что я ниже на семъ подписавшійся, будучи въ полномъ разумѣ и совершенной памяти, симъ моимъ добровольнымъ записомъ, распредѣляю малороссійскія мои недвижимыя имѣніи на части дѣтямъ моимъ по нижеписанному: *на первую часть, сыну моему графу Алексѣю*: въ повѣтахъ мглинскомъ, стародубовскомъ и новгородско-сѣверскомъ состоящія три волости — почеповскую, бакланскую и шептаковскую (за исключеніемъ съ оныхъ на шестую часть селеній поименованныхъ ниже) да въ пирятинскомъ и переяславскомъ повѣтахъ: волость яготинскую, какъ она нынѣ есть со всѣми оныя волости составляющими селами, деревнями и хуторами, со всякими при нихъ заведеніями, фабриками, конными и скотными заводами и со всѣми вотчинными наличностями и въ Москвѣ домъ на Гороховомъ Полѣ Бахартовской. *На вторую часть, сыну моему графу Петру*: въ повѣтахъ козелецкомъ и пирятинскомъ: волость быковскую (за исключеніемъ на шестую часть, мѣстечка Басани, села Смоши и хутора Мочалинскаго) со всякими при оной волости заведеніями и со всѣми тамъ имѣющимися экономическими наличностями. *На третью часть, сыну моему графу Андрею*: отъ батуринской волости отдѣленныя, въ конотопскомъ повѣтѣ селы Великій и Малый Самборы, Сарановку и Карабутовъ, находящіеся подъ вѣдѣніемъ кошарской моей економіи. Въ конотопскомъ же и роменскомъ повѣтахъ, деревни Кошары и Юрьевку, селы Дептовку и Рубанку, хутора Бельмасовскій и Семяничинъ съ коннымъ при Кошарахъ заводомъ и со всякими по оной въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, заведеніями и наличностью, для того столко сему сыну моему, что я предъ симъ записалъ уже ему особливымъ записомъ ропскую мою волость. Да ему же въ Санктпетербургѣ—загородный на Фонтанкѣ дворъ. *На четвертую часть, сыну моему графу Льву*: въ повѣтѣ полтавскомъ, волость карловскую, во всей ея нынѣшней цѣлости, съ принадлежащими къ ней селами, деревнями и хуторами съ коннымъ при ней заводомъ и всякими другими заведеніями и наличностію. Заднѣпровскіе дачи съ населенными на оныхъ двумя слободами: Кириловою и Розумовою. Отъ продажи гадяцкого замка оставшіеся въ гадяцкомъ и зѣнковскомъ повѣтахъ селы: Комыши, Павловку, Павловочку и деревню Довжикъ съ хуторами Шиловскимъ и Шаповаловскимъ; да въ роменскомъ повѣтѣ.

Библиотека "Руниверс"

село Опанасовку съ коннымъ заводомъ и всякою экономическою наличностью; въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, дворового мѣста часть отдѣленная и отданная уже мною въ его распоряженіе, въ городѣ Ромнѣ домъ купленной и въ Херсонѣ мѣсто для дому. *На пятую часть сыну моему графу Григорію*: въ повѣтахъ конотопскомъ и сосницкомъ состоящую волость батуринскую (за исключеніемъ изъ оной на третью часть селъ: Великаго и Малого Самбуровъ, Сарановки, и Карабутова да находящихся подъ вѣдѣніемъ кошаровской экономіи деревень: Кошаръ и Юрьевки, селъ: Дептовки и Рубанки съ хуторами Бельмасовскимъ и Семяничинымъ и на шестую часть селъ: Дмитровки, Рябухъ, Савинцъ и Воробьевки) со всѣми принадлежностьми, всякого рода фабриками и заводами и со всякою экономическою наличностію, да въ новгородско-сѣверскомъ повѣтѣ состоящее село Рыково. *На шестую часть, сыну моему графу Ивану*: отъ быковской волости отдѣленныя мѣстечко Басань и село Смошъ и хуторъ Мочалицкія, состоящіе нынѣ подъ вѣдѣніемъ коннозаводской экономіи, въ роменскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ, селы: Андреевку, Андреяшовку, Ягановку и Ярошовку, хутора Герасимовскій, Графщанскій, и Миреновскій, отъ батуринской волости отдѣленныя, въ конотопскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ селы: Рябухи, Дмитровку, Савинцы, и Воробьевку; отъ шептаковской волости отдѣленныя, въ новгородъ сѣверскомъ повѣтѣ селы: Старый Жадовъ, Погорѣлцы и Радомку, слободы Жадовошевченкову, Лосевку и Старогутище, да деревни Олшанку и Жадановку; отъ почепповской волости отдѣленныя, въ мглинскомъ и стародубовскомъ повѣтахъ селы: Большое Староселье, Супрягино, Стригово, Третьяки, Сѣнково и Семешково, деревни Высокое Тарутино, Котелки, Полники, Заполье, Курманово, Шійчи, Огородники, Коренево, Завалипутье, Бѣловенъ, Бибики, Долбежи, Ильюшкино, Малишово, Вязовку, Близницы, Рябцы, Позаново, Шолудки, Свинуху, Сибѣни, Карпово, Толбозино, Чернобабки, Вишнюю, и Нижнюю Злобинки, Машково, Жудилово, Телеши, Надинку, Кушкиново, Колодню, Журавку, Полянку, Рожки, Абаринки, Анушино и Шняки; въ Москвѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, дворовое мѣсто, со исключеніемъ изъ онаго части земли отдѣленной уже и отданной въ распоряженіе сыну моему графу Льву.

Имѣнія вышепоименованныя, пожалованы суть мнѣ и покойному брату моему генералъ фелдмаршалу графу Алексѣю Григорьевичу отъ Ихъ Величествъ въ Бозѣ почивающихъ Государынь Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны Вторыя и всѣ оныя

Библиотека "Руниверс"

имѣніи утверждены мнѣ во вѣчно потомственное владѣніе всевысочайшими грамотами 1782 генваря 7 и 1784 годовъ, мая 13 числа. А между оными есть и таковыя, кои самымъ мною, законнымъ образомъ пріобрѣтены, въ распредѣленіи каковыхъ имѣній по собственному моему произволенію, я имѣю полную власть закономъ мнѣ предоставленную въ правѣ малороссійскомъ Статутовомъ раздѣла 3 въ артикулахъ 40 и 41, да раздѣла 7 въ артикулѣ I, силою котораго права и учинилъ я по волѣ моей вышеизъясненное на части раздѣленіе всего того моего имѣнія къ вѣчнопотомственному сыновьямъ моимъ съ ихъ наслѣдниками владѣнію онымъ и впредъ что еще къ тому по правдѣ, по силѣ правъ и по принадлежности присовокуплено и слѣдовать будетъ. Дочерямъ же моимъ никакого участія въ томъ имѣніи не назначаю, ибо онѣ въ полной мѣрѣ отъ меня награждены уже по рядным; а графиня Елисавета и безъ рядной; такъ что должны быть довольными тѣмъ, что имъ до сего отъ меня опредѣлено и отдано. Во всѣхъ моихъ домахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ отчинахъ выстроенныхъ, мебели какъ-то: картины, зеркала, люстры, столы, комоды, стѣнныя и столовыя часы, вазы и прочее, что токмо служитъ комнатными уборами, остатся имѣютъ при каждомъ въ своемъ мѣстѣ и принадлежатъ тому изъ сыновей моихъ въ чьей части самыя тѣ домы состоятъ. Такъ какъ покойный братъ мой генералъ-фелдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ равно и я въ жизни нашей осчастливлены были Высокомонаршими милостьми, то въ достойное памяти сохраненіе оныхъ въ родѣ нашемъ на времена будущія, завѣщеваю оставшіеся по смерти моей дипломы, грамоты, рескрипты и указы Высочайшіе принять подъ сохраненіе свое старшему сыну моему графу Алексѣю. Протчія же сыновья мои могутъ получить себѣ съ оныхъ копіи, если то имъ имѣть нужнымъ разсудится; а документы крѣпостныя и другія дѣла, служащія на имѣнія мною распредѣленныя, да разберутъ сыновья мои, каждой ему слѣдуемыя, по наставленію въ правѣ Статутовомъ, раздѣла 9, артикулѣ 26. Исполненіе по сему моему запису воспріято быть имѣетъ не прежде, какъ по смерти моей, ибо, за жизнь мою я неотъемлю у себя полной воли и власти, какъ во владѣніи всѣмъ тѣмъ распредѣленнымъ нынѣ мною имѣніемъ. такъ и въ случаи непредвидимыхъ обстоятельствъ и надобностей моихъ, въ заклады, продажѣ и дарѣ кому либо по моему благоусмотрѣнію, съ каковой бы то ни было части назначенной въ удѣлъ сыновьямъ моимъ, и тотъ съ коего части что либо мною заложено, отдано, продано и подарено будетъ, по смерти моей не можетъ и не

Библиотека "Руниверс"

долженъ будетъ требовать пополненія вышедшаго съ частей другихъ братьевъ своихъ, но да пребудетъ доволенъ токмо тѣмъ, что по власти и волѣ моей ему отъ меня симъ записомъ опредѣлено, и что за убылью, по волѣ моей здѣланною, въ части его по кончинѣ моей останется. А буди бы по разсмотрѣнію моему впредь за благо призналъ я сей мой записъ перемѣнить другимъ, то и въ семъ случаи предоставляю себѣ волю, яко полновластній собственныхъ моихъ имѣній владѣтель и диспозиторъ. Дворовыя люди изъ малороссіянъ, во услуженіи при дѣтяхъ моихъ находящіеся, имѣютъ остатся и принадлежатъ навсегда тому изъ сыновей моихъ у кого кто находится, хотябы по ревизіи написанными были въ части деревень и не тому, а другому сыну моему опредѣленной, и служившимъ при мнѣ и при домахъ моихъ людямъ, на вѣчную свободу отъ меня отпущеннымъ, коимъ за ту ихъ службу опредѣлена отъ меня пенсія, дѣти мои, всякой по своей части, гдѣ тѣ люди жить будуть, производить имъ оную долженствуютъ безъ отъмѣны. О движимомъ моемъ имѣніи, состоящемъ въ бриліянтовыхъ и золотыхъ вещахъ, въ серебренной посудѣ съ приборами, въ библіотекахъ, оружейныхъ, столовой и всякой посуды съ приборами, екипажахъ съ конскими уборами и в прочемъ, я предоставляю себѣ впредъ здѣлать особливое распредѣленіе. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ. Оной записъ по листамъ подписалъ: къ сему запису руку приложилъ при печати генералъ фелтмаршалъ графъ Кирило Разумовскій (м. п.) На семъ записѣ по самоличномъ прошенію господина генералъ-фелдмаршала и кавалера графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей подписалися: вице-канцлеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.) Оберъ-шенкъ и кавалеръ Николай Загряжскій (м. п.) Генералъ-маіоръ и кавалеръ Михаилъ Гудовичъ (м. п.).

1800 года апрѣля дня. Сей вечистый уступный записъ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотопскій судъ съ объявленіемъ впредъ урядомъ сего нижнего земского суда какъ о доброволномъ его сіятельства соизволеніи въ росписаніи на части всего его малороссійскаго имѣнія недвижимаго, къ вѣчно потомственному по смерти его дѣтямъ его сы-

Библиотека "Руниверс"

новьямъ владѣнію, каждымъ опредѣленнымъ ему удѣломъ по тому запису поименованнымъ, такъ и о немогуществѣ его за болѣзнію представить онаго записа лично въ земскій повѣта конотопскаго судъ, и что повѣряетъ онъ предъявить сей записъ ко вписанію въ земскія вечистыя книги, провинціальному секретарю Мойсею Маркову сыну Ахматову, уполномочивая къ тому его особымъ вѣрющимъ листомъ. Нижній земскій конотопскій судъ, будучи въ отправленіи должности своей въ повѣтѣ ему ввѣренномъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, принявъ отъ упомянутого господина генералъ-фелдмаршала и кавалера вышеозначенное доброволное сознанье сего записа, свидѣтельствуетъ, какъ въ томъ, такъ и что онъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отправится ради представленія того записа въ конотопскій повѣтовскій судъ и при таковомъ своемъ свидѣтельствѣ возращаетъ оной объявленному Ахматову для исполненія по данной ему довѣренности. Земскій коммисаръ Данило Смѣловскій (м. п.). Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На оном записѣ земскаго повѣтоваго конотопскаго суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губерніи въ земскій повѣтовый конотопскій судъ провинціальный секретарь Мойсѣй Ахматовъ при вѣрющемъ отъкрытомъ листѣ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала сенатора и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Кириллла Григорьевича Разумовскаго ему, Ахматову, даномъ, представливалъ съ прошеніемъ, вписавъ оной записъ въ земскіе сего повѣта книги, выдать съ онаго на имя его сіятельства выпись и какъ сочинитель онаго записа господинъ генералъ-фелдмаршалъ и разныхъ орденовъ кавалѣръ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о доброволномъ его соизволеніи на распредѣленіе сыновьямъ его сіятельства, графамъ Алексѣю, Петру, Андрею, Льву, Григорію и Ивану Кирилловичамъ Разумовскимъ въ сходство изъясненныхъ въ томъ записѣ малороссійскихъ правъ, своего имѣнія созналъ (какъ о томъ съ положенной на оном записѣ выше сего онимъ судомъ помѣти значится) для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписанъ оной записъ въ крѣпостную въ семъ судѣ на настоящій годъ имѣющуюся книгу, подъ № 33, на страницахъ 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108 и 109 съ сею помѣтою съ подписомъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судьиной и подсудковыхъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятелству господину генералъ-фелдмаршалу и разныхъ орденовъ кава-

Библиотека "Руниверс"

леру графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, при випискѣ слѣдуемомъ по праву книги Статутъ, раздѣла 4, артикула 13, выданъ въ Конотопѣ 1800 года апрѣля 24 дня. Оную помѣту подписали: судья земскій Никифоръ Федоровичъ. Подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ (м. п.) (м. п.) (м. п.). Земскій писарь Семенъ Торанскій. Губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинный записъ принялъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ.

Къ повѣрьямъ о „богатыяхъ“. *1. Змѣй уходитъ отъ богатыря въ видѣ бури.* Люде зъ Токмачки розсказувалы — якъ у ихъ буря йшла. Такъ, кажуть, якъ пиднялась та й полудень повывертала. Отто полуднують воны самымъ хлибомъ, ажъ дывлятся йде до ихъ чоловикъ, такъ наче у монашескому одіянію, у наряди (при оружіи) ше й коня веде. Пидійшовъ отто, поздоровкавсь. — А шо, пыта, ничого вы тутъ не бачилы?—Ни, кажуть ему, Богъ мылувавъ, ничого, була тилькы отце страшенна буря.—Знаю, каже, вже *винъ* далеко, та я ёго нажену.—А чи нема у васъ воды напытысь?—Чому нема, онъ, кажуть ёму, боклагъ.—Та цёго мени мало... Та пишовъ до барыла якъ узявъ ёго за уторы та якъ перехылывъ на себе, та замалымъ усёго и не выпывъ. Тоди подякувавъ, попрощавсь и пишовъ соби. Мы, кажуть ти люде, и бачилы якъ винъ и на коня сидавъ, та не углядилы де винъ дився.—Пишлы воны тоди ёго слидомъ, такъ де винъ, або кинь ступавъ—такъ скризь ажъ у пивъ-аршина ямы и зосталысь.

2. Священникъ можетъ узнать богатыря. Разъ на Велыкдень поздоровлявъ насъ батюшка зъ богатыремъ.—Я, каже, якъ винъ прычащается не можу выдержаты ёго духу, та ше якъ наведу причастя пивъ чаши—такъ стане повна, а якъ трохы не повну—такъ ажъ верхъ выжене и не прольется.—Шипъ и зна хто такый той богатырь, такъ ёму запрещено людямъ казаты. Отто якъ батюшка поздоровывъ, тоди и люде сталы помичать якъ той богатырь шуткувавъ. Разъ у знайшлы такого дубка, шо на млынове крыло на рямыно годывся бъ, а винъ его нагнувъ, прывьязавъ кобылу до вершечку та й пустывъ. А удруге—знайшлы тры дубкы, шо одъ одного корыня рослы—такъ ихъ заплетено якъ наче у косу. Та була у насъ за селомъ могыла, а на тій могыли млынъ стоявъ. Такъ винъ було возьме вытягне у ночи млыновый каминь та й коте ёго зъ могылы, а

Библиотека "Руниверс"

тамъ настроме на кілокъ, підвьяже якъ торбу на плече та й несе до млына. Такъ хтось підглядивъ, винъ зъ того часу и пішовъ десь на острова.

3. *Богатырскій конь.* А то разъ у Дурасивскихъ плавняхъ, выще Каховкы (херсонск. губ.), а тамъ Днипръ на шисть верстъ розлывается, пливъ у половодь кинь у наряди. Зибралось на берези тыхъ робочихъ, може чоловикъ на трыста—шобъ того коня пійматы. Такъ винъ тилько доплывъ до берега, та якъ перснувъ—такъ таку хвылю погнавъ на берегъ, шо трохы—трохы усыхъ не потопывъ. Та тилькы отто ёго и бачилы. Це жъ богатырь ёго вызывавъ, а винъ до ёго и добывався.

(Записано въ новомоск. у екатериносл. губ.).

Ив. М—ра.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, т. 3-й Харьковъ 1891 года.

Книги, подобныя настоящей, вызываютъ при своемъ появленіи въ свѣтъ всякій разъ самый живой интересъ въ читателѣ, такъ какъ они служатъ выраженіемъ жизни цѣлаго общества, поставившаго своей цѣлью безкорыстное служеніе наукѣ; на изданіяхъ этого рода всегда необходимо отражаются условія мѣста, дающія направленіе дѣятельности общества и указывающія вопросы, подлежащія его разработкѣ. Стоя вдали отъ территоріи, на которой происходила нѣкогда религіозно-политическая борьба враждующихъ народностей, не будучи центромъ обще государственной жизни, заботясь лишь о совершенствованіи мѣстнаго управленія и хозяйства, харьковскій край ставитъ поэтому задачей своему обществу разработку внутренней, бытовой исторіи во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ; исполненіе этой задачи мы и находимъ какъ въ «отчетѣ о дѣятельности харьковскаго историко филологическаго общества», такъ и въ тѣхъ изслѣдованіяхъ и матеріалахъ, которые составляютъ содержаніе 2-го отдѣла «Сборника».

Обратимся сначала къ *«отчету»*, составленному секретаремъ общества *Н. Ѳ. Сумцовымъ*.

Въ $18^{90}/_{91}$ академическомъ году общество имѣло 13 засѣданій (первое общее, когда былъ выслушанъ лишь отчетъ за предшествующій годъ), въ которыхъ было прочтено 22 реферата; эти рефераты мы распредѣляемъ такъ: по политической исторіи—1, по исторіи церкви—2, по исторіи городовъ—2, по исторіи литературы—2, по исторіи колонизаціи—1, по исторіи козачества—1, по исторіи промышленности—2, по этнографіи—3, по славяновѣдѣнію (государств. право)—2, по археографіи—2, по классической филологіи—1 и, на-

Библиотека "Руниверс"

конецъ, некрологовъ прочтено 3. Отсюда мы видимъ, что вопросы бытовые преимущественно были разрабатываемы обществомъ.

Архивъ общества, о которомъ мы уже говорили, разсматривая 2-й томъ «Сборника», въ истекшемъ году обогатился пріобрѣтеніемъ около 21000 старыхъ дѣлъ полтавскаго губернскаго правленія, въ числѣ которыхъ оказалось 18 связокъ знаменитой Румянцевской описи. Если принять во вниманіе, что эти дѣла относятся къ тому періоду, который менѣе всего разработанъ въ наукѣ, то нельзя не признать что это пріобрѣтеніе представляетъ высокую цѣну и важную заслугу общества. Въ истекшемъ году старыми дѣлами архива пользовались шесть лицъ, и не только члены общества, но и постороннія лица. По предложенію проф. Багалѣя общество приступаетъ къ печатанію *ученой* описи своего архива. Это новое пріятное свѣдѣніе мы почерпаемъ изъ протоколовъ «отчета», пріятное потому, что у насъ вообще появляется мало даже простыхъ описей, а ученыхъ, требующихъ большаго знанія и умѣнья, и еще меньше. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ этихъ ученыхъ описей, которыя, по нашему мнѣнію, сами по себѣ уже являются въ большей или меньшей степени изслѣдованіемъ.

Развивая свою дѣятельность по собиранію и разработкѣ сыраго матеріала, общество въ то же время (по предложенію проф. Сумцова) имѣетъ въ виду ходатайствовать о разрѣшеніи учредить при немъ педагогическое отдѣленіе съ цѣлью развитія и распространенія историко-филологическихъ знаній. Собственно говоря, задачи педагогики такъ важны и такъ широки, что существованіе самостоятельнаго педагогическаго общества былобы вполнѣ разумно и цѣлесообразно. Само собою разумѣется, что историко-филологическое общество ограничиваетъ задачу педагогики лишь предметами, которые оно само разрабатываетъ. Физико-математическое общество также будетъ вполнѣ право, пожелавъ открыть у себя педагогическое отдѣленіе, ибо математическія науки не менѣе историко филологическихъ требуютъ выработки болѣе простыхъ и удобныхъ способовъ преподаванія. Еще важнѣе разработка методы преподаванія различныхъ предметовъ въ низшей школѣ; тогда необходимость самостоятельности общества педагогики явится сама собой. Но такъ какъ въ настоящее время наши педагоги слишкомъ разобщены и едва-ли скоро сплотятся для учрежденія такого общества, то мы вполнѣ сочувственно относимся къ предложенію г. Сумцова, какъ къ первому почину въ такомъ трудномъ и важномъ дѣлѣ, какимъ является у насъ на Руси, гдѣ всѣ «бредутъ врозь», сплоченіе силъ для дѣла народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

Въ составѣ общества произошли небольшія перемѣны: проф. А. А. Потебня, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя, и на его мѣсто избранъ проф. М. С. Дриновъ. Всѣхъ членовъ въ обществѣ—64.

Не останавливаясь на изложеніи содержанія самихъ рефератовъ, изъ которыхъ одни вошли во второй отдѣлъ настоящаго тома, а другіе появятся въ слѣдующемъ, замѣтимъ лишь о внѣшней сторонѣ протоколовъ, которая весьма неудобна для читателя. Сплошной шрифтъ, употребляемый и для указанія времени засѣданій и для заглавія рефератовъ весьма затрудняетъ читателя, когда онъ имѣетъ необходимость справиться, когда и въ какомъ засѣданіи какія дѣлались доклады.

Переходя къ важнѣйшей части книги, мы прежде всего встрѣчаемъ опытъ историко-критическаго разбора мнѣній «*О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги*» г. *В. Сиввы*. Изъ всего сказаннаго авторомъ получается короткій выводъ: «кн. Ольга крестилась въ Кіевѣ въ 955 г., а въ 957 году ѣздила въ Царьградъ съ цѣлью паломничества»,—мнѣніе не новое, но подкрѣпленное лишь нѣкоторыми новыми соображеніями.

Съ гораздо большимъ интересомъ мы относимся къ статьямъ и матеріаламъ, трактующимъ о болѣе близкихъ намъ, а потому и болѣе живыхъ, вопросахъ, а именно—къ двумъ небольшимъ очеркамъ г. *М. Плохинскаго*: «*Бобровники*» и «*Стрѣльцы въ Малороссіи*». Оба очерка служатъ предисловіемъ къ слѣдующимъ непосредственно за ними «*Матеріаламъ для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины*». Судя по широтѣ заглавія, мы вправѣ думать, что авторъ имѣетъ въ виду издать матеріалы, касающіяся не только охоты по рѣкамъ и озерамъ «на водного звѣря» (бобровъ и выдръ) и «добытія» въ лѣсахъ «дикой звѣрины и птаства», но и другихъ родовъ промышленности, а потому и привѣтствуемъ это полезное начинаніе; область промышленности мало изслѣдована и потому всякій новый трудъ получаетъ особую цѣну и интересъ; хотя бобровники и стрѣльцы (охотники) служили лишь нуждамъ гетманскаго двора, тѣмъ не менѣе, уравненные въ правахъ съ козаками вообще, они составляли обособленныя самоуправляющіяся общины, владѣвшія и земельными надѣлами, и хотя охота не составляла уже главнаго занятія массы населенія, тѣмъ не менѣе, какъ остатокъ сѣдой старины, удержавшійся лишь въ небольшомъ кругу лицъ, она имѣетъ полное право на вниманіе изслѣдователя. Коснувшись исторіи охоты по грамотамъ и актамъ, восходящимъ еще къ XIV вѣку, авторъ упустилъ изъ виду,

Библиотека "Руниверс"

указать на состояніе въ это время охоты, какъ существеннаго и главнаго занятія всего населенія и на постепенный переходъ его къ земледѣльческому промыслу. Это дало бы поводъ автору намѣтить мимоходомъ и главные моменты въ развитіи земледѣлія. Безъ этого условія многія выраженія древнихъ грамотъ и актовъ и причины пожалованія правъ на охоту становятся неясными и въ трудѣ г. Плохинскаго вслѣдствіе этого рѣшительно не имѣютъ своего raison d'être.

«Матеріалы», которые мы считаемъ главной частью въ трудѣ г. Плохинскаго, названы еще «приложеніемъ». Разъ это «матеріалы», снабженные сравнительно короткими предисловіями, они уже не приложеніе, а самая сущность, которая лишь разъяснена въ предисловіи. Зачѣмъ тогда это новое и ненужное опредѣленіе для цѣлой группы однородныхъ актовъ, живо обрисовывающихъ тотъ предметъ, котораго они касаются? Самое изданіе матеріаловъ сдѣлано не особенно тщательно. Описи при каждомъ актѣ слишкомъ кратки и неопредѣленны, даты обозначены не вполнѣ; актъ № 1 опредѣленъ такъ: «Универсалъ гетмана Брюховецкаго 1669 года о ловлѣ бобровъ». Слѣдовало же его опредѣлить: Универсалъ гетмана Ивана Брюховецкаго о дачѣ посылаемому имъ въ нѣжин., черниговск. и стародуб. полки бобровнику Андрею Кузменку харчей и подводъ подъ охотничьи орудія, а также объ оказаніи ему помощи и подчиненіи вольныхъ бобровниковъ,—20 іюня 1669 г. Длинныхъ заглавій нѣтъ необходимости печатать жирнымъ шрифтомъ; ихъ печатаютъ изъ экономіи петитомъ. Далѣе, напр., № 25—прошеніе бобровниковъ, а о чемъ не сказано. Актъ № 35 названъ «желаніемъ», тогда какъ это—часть постановленія малороссійскаго скарба. Въ правописаніи подлинника удержаны особенности, не имѣющія значенія ни для произношенія, ни для тогдашней орѳографіи; во многихъ мѣстахъ текстъ прямо переданъ невѣрно. Напр. на стр. 54: «аби ему без забави тое усе *било*, *ведлугъ звичаю*, *давиною давно было*, особливо приказуемъ»; между тѣмъ это мѣсто несомнѣнно читается такъ: «аби ему без забави тое усе, *ведлугъ звичаю давного*, *давано было*, особливо приказуемъ». Или, на той же страницѣ: «Для лѣпшей вѣри Яцко Скиданъ, полковникъ войска его царскаго величества запорожскій Сосницкій *подполковникъ*»; послѣднее слово несомнѣнно читается: *подписуюся*. Не смотря на эти мелкіе недосмотры, матеріалы подобраны умѣло и все существенное извлечено изъ нихъ и обстоятельно сгруппировано авторомъ въ предисловіи.

Библиотека "Руниверс"

«*Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ*», какъ матеріалъ для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда, собранные г. *И. Ивановымъ*, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ продолжаетъ изученіе своего уѣзда, выбравъ на сей разъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ этнографіи. Важность этого отдѣла и достоинства труда г. Иванова, указаны обстоятельно г. *Н. Ѳ. Сумцовымъ* въ его прибавленіи къ труду г. Иванова—небольшой замѣткѣ «*о колдунахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ*». Къ этой замѣткѣ авторъ прибавилъ указатель 408 статей, касающихся вѣдовства и колдовства; указанія состоятъ не изъ однихъ голыхъ заглавій, но даютъ и краткое содержаніе каждой статьи. Авторъ отмѣчаетъ статьи, помѣщенныя и въ «Кіев. Старинѣ», но какъ нигдѣ безъ упущеній не обходится, то и здѣсь упущенъ изъ виду авторомъ живой интересный разсказъ Н. Н. Оглоблина, составленный на основаніи судебнаго дѣла: «Сожженіе вѣдьмы», помѣщенный въ іюньской книжкѣ нашего журнала за 1886 годъ.

Съ легкой руки г. Сумцова началось въ 3-мъ томѣ «Сборника» печатаніе библіографическихъ указателей. Напр. *Д. И. Багалѣй* напечаталъ рядомъ: критико-библіографическій обзоръ: «*Сочиненій, матеріаловъ, статей и замѣтокъ, относящихся къ исторіи Слободской Украины. Вып. 2 й, 1885—1890 годы. Часть 1-я. Обзоръ источниковъ*». Изъ этого длиннаго заглавія видно, что авторъ предпринимаетъ большое изданіе, раздѣленное на нѣсколько частей, подраздѣляющихся, въ свою очередь, на выпуски; благодаря обстоятельному разбору перечисляемыхъ книгъ, трудъ г. Багалѣя будетъ, конечно, незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго занимающагося прошлой судьбой Слободской Украины.

Но если г. Багалѣй дастъ возможность изучить исторію своего края безъ затраты времени на разыскиваніе источниковъ, то г. *В. Бузескулъ*, въ небольшой «*библіографической замѣткѣ о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ*», даетъ матеріалъ для опредѣленія степени, качества и количества умственной дѣятельности юго-востока Россіи.

Въ отдѣлѣ «мелкихъ замѣтокъ» сообщены: г. *Багалѣемъ* матеріалы «для біографіи В. Н. Каразина», весьма интересная «челобитная острогожскихъ старшинъ императрицѣ Екатеринѣ II» и о «раскопкѣ кургановъ въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, произведенной И. М. Бичъ-Лубенскимъ; 2, г. *Плохинскимъ*: «о доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору», «о гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ» и «описаніе графскаго диплома гетмана Разумов-

Библиотека "Руниверс"

скаго»; г. *Бакаемъ*: «Замѣтки о консистентахъ въ Малороссіи» и г. *Сумцовымъ*: «Письма студента харьков. университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 года» и «Три письма В. И. Каразина».

Изъ сдѣланнаго обзора содержанія 3 тома «Сборника» видно, что въ немъ матеріалы преобладаютъ надъ изслѣдованіями, и это явленіе надо считать вполнѣ естественнымъ. Въ то время какъ самостоятельныя статьи находятъ себѣ мѣсто во всякаго рода историческихъ и неисторическихъ журналахъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, печатаніе матеріаловъ сопряжено съ большими трудностями, а между тѣмъ на юго-востокѣ Россіи до сихъ поръ не было учрежденія (въ родѣ археологической коммиссіи), которое имѣло бы своей задачей изданіе сыраго матеріала, необходимаго не только для самого издателя, но и для другихъ изслѣдователей, ученыхъ, удаленныхъ отъ центра храненія сырья.

Этой потребности, въ силу указаннаго положенія вещей, и удовлетворяетъ «Сборникъ»; ее мы считаемъ насущной и всякій разъ съ благодарностью встрѣчаемъ новый выпускъ.

И. Каманинъ.

К. Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи. Съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изданіе исправленное и дополненное. С Петербургъ. 1891 г.

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ указанной книги. Собственно говоря, по объему своему, она не можетъ служить учебникомъ, но представляетъ хорошее пособіе при изученіи русской исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде чѣмъ говорить о достоинствахъ книги г. Елпатьевскаго, мы считаемъ необходимымъ указать на немногія вкравшіяся въ нее погрѣшности, которыя не должны были бы существовать въ такомъ солидномъ, по нашему мнѣнію, трудѣ. Въ изложеніи автора, въ дѣлаемыхъ имъ опредѣленіяхъ, въ фактическихъ указаніяхъ, есть неточности, могущія ввести въ заблужденіе юныхъ читателей. Такъ не точно, по нашему мнѣнію, опредѣленіе, что такое лѣтопись. Яснѣе было бы сказать: «лѣтопись есть письменный памятникъ, заключающій въ себѣ погодную запись событій въ сжатомъ (краткомъ) или подробномъ видѣ». Нельзя также въ настоящее время категорически утверждать, что первоначальныя замѣтки могли дѣлаться только христіанами: есть

Библиотека "Руниверс"

данныя, указывающія на существованіе письменности у славянъ вообще и у русскихъ въ частности еще до принятія христіанства. Говоря о сказаніяхъ и повѣстяхъ, авторъ опять употребляетъ, по нашему мнѣнію, неточное выраженіе: «..... о жизни одного лица, прославленнаго своею святостію». Слѣдовало бы добавить: «или вообще о выдающемся дѣятелѣ или отдѣльномъ важномъ событіи». Иначе нельзя подвести сюда сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, Калкской битвѣ и др. Интересно было бы также знать, какія произведенія *русской* литературы XVI в. авторъ называетъ мемуарами? XVII в.—это уже другое дѣло. Касаясь въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги археологическихъ данныхъ, г. Елпатьевскій указываетъ лишь на курганы ю. Россіи, между тѣмъ, какъ эти памятники разсыпаны по всей восточной Европѣ, равно какъ и городища. Благодаря раскопкамъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о культурѣ не только скиѳовъ, но и мери, муромы, сѣверянъ, древлянъ и проч. Кстати тутъ сказать, что, по нашему мнѣнію, точнѣе слѣдовало различить памятники монументальные отъ вещественныхъ, вещевыхъ. Перечисляя волости, полученныя сыновьями Ярослава М., Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, авторъ упустилъ изъ виду, что послѣднему досталось двѣ области переяславская и ростовская. Говоря о видахъ колонизаціи, г. Елпатьевскій пропускаетъ самый важный—княжескій, благодаря которому племена весь, меря, часть чуди, а отчасти и мурома, въ сильной степени подверглись культурному славянскому вліянію и въ историческое время очень быстро исчезаютъ. При опредѣленіи географическаго положенія волынской земли допущена, по нашему мнѣнію, довольно крупная погрѣшность. Авторъ располагаетъ ее только по р. Припети, совершенно упуская изъ вида основное извѣстіе лѣтописи: «Дулѣбы же живяху по Бугу, кде нынѣ волыняне»; «бужане, зань сѣдять по Бугу, послѣ же волыняне». Чтобы не повторяться далѣе, скажемъ здѣсь, что вообще историко-этнографическія сообщенія въ разбираемой книгѣ не отличаются вѣрностью. Такъ мы утверждаемъ, что во время образованія русскаго государства не только половцевъ не было въ восточной Европѣ, но даже печенѣги кочевали еще на ея окраинѣ. Не можемъ также не упрекнуть автора за грубое смѣшеніе тюркскаго племени съ финскимъ. Это двѣ совершенно отдѣльныя вѣтви урало-алтайскаго праплемени, а, можетъ быть, между ними не существуетъ даже никакой этнической связи, если принять во вниманіе факты, выставляемые аріо-финской теоріей. Категорически утверждать, что болгары тюркскаго племени, тоже едвали возможно при современномъ

Библиотека "Руниверс"

состояніи науки. Какъ мы увидимъ ниже, авторъ не разъ приводитъ цитаты изъ первоисточниковъ. И для характеристики быта финновъ онъ дѣлаетъ выписку изъ Тацита. Но промежутокъ времени отъ жизни этого римскаго историка и до эпохи образованія русскаго государства очень великъ. Если по даннымъ языка, какъ это находимъ у г. Альквиста, финны при первомъ ихъ столкновеніи съ славянами стояли на весьма низкой ступени развитія, то не нужно забывать, что археологическія и нумизматическія данныя, приводимыя Бэромъ, Крузе, Гревинскомъ и др., доказываютъ, что въ эпоху начала русской исторіи эсты, ливы, стояли на довольно высокой ступени культурнаго развитія. Вслѣдствіе оказаннаго, мы считаемъ невозможнымъ знакомить читателя съ бытомъ финскихъ племенъ лишь на основаніи извѣстій Тацита. Укажемъ также, что свѣдѣнія о языческомъ бытѣ Литвы можно найти не только у ливонскихъ и тевтонскихъ лѣтописцевъ, но и у польскихъ хронистовъ, и въ русскихъ лѣтописяхъ. Мы не замѣтили погрѣшностей въ хронологіи, но должны сказать, что калкская битва произошла не въ 1224 г., а въ 1223 г., что давно уже доказано академикомъ Куникомъ.

Переходя затѣмъ къ другимъ сторонамъ труда г. Елпатьевскаго, остановимся прежде всего на вопросѣ: какія цѣли имѣются въ виду при составленіи пособія? Повторяемъ, книга г. Елпатьевскаго учебникомъ служить не можетъ, по своей обширности. Предвидѣть это, конечно, долженъ былъ и самъ авторъ. Пособія по исторіи могутъ заключать въ себѣ или тексты важнѣйшихъ памятниковъ письменности въ цѣломъ видѣ или въ извлеченіяхъ, или собраніе отрывковъ статей выдающихся ученыхъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Пособія могутъ соединять въ себѣ и то, и другое, какъ напр. «Христоматія по русской исторіи» Аристова или «Исторія среднихъ вѣковъ» Стасюлевича. Но можетъ быть еще одинъ видъ пособій при изученіи исторіи, къ типу которыхъ принадлежитъ и разбираемая нами книга. Ближайшая цѣль тутъ заключается въ томъ, чтобы дать возможность читателю ознакомиться съ бо́льшимъ количествомъ фактовъ, чѣмъ онъ найдетъ ихъ въ учебникѣ. Если подобная книга предназначается для дѣтскаго возраста, то болѣе широкой цѣли тутъ и не требуется: ребенокъ узнаетъ нѣсколько новенькихъ историческихъ фактовъ, которые могутъ его заинтересовать и пріохотить къ дальнѣйшему чтенію по исторіи. Нѣсколько иныя требованія къ пособію подобнаго типа, намъ кажется, должно предъявлять, если оно имѣетъ въ виду старшихъ читателей. Необходимость такихъ пособій не подлежитъ, по нашему мнѣнію, никакому сомнѣнію. Связное, гораздо болѣе обшир-

Библиотека "Руниверс"

ное, чѣмъ въ учебникѣ, изложеніе историческихъ фактовъ, переданныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ данное время наукой, постоянныя выдержки изъ первоисточниковъ или въ видѣ пересказа, или въ дословномъ извлеченіи,—все это внушитъ читающему уваженіе къ исторіи какъ наукѣ, породитъ въ немъ интересъ къ болѣе широкому ея изученію, стремленіе ознакомиться лично самому со всѣми этими записками и мемуарами Данилова, Поротшина, Манштейна, Шаховскаго и т. д. и т. д., самому лично заглянуть и въ «Домострой», и въ «Наказъ» Екатерины и проч. Вотъ достоинства, какихъ мы въ правѣ требовать отъ подобныхъ пособій, и которыми, дѣйствительно, обладаетъ книга г. Елпатьевскаго. Сказавъ это, можно было бы и покончить нашъ отчетъ объ «Учебникѣ русской исторіи», но мы рѣшаемся сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ измѣненій, которыя мы считаемъ необходимыми для того, чтобы пособіе это вполнѣ удовлетворяло своему назначенію. На стр. 4 й авторъ указываетъ литературу русской исторіи. Намъ кажется, что и самъ г. Елпатьевскій признаетъ, что сдѣланныхъ тутъ указаній далеко недостаточно. Пять или шесть работъ общаго содержанія и двѣ—три работы, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ, не могутъ удовлетворить читателя, заинтересовавшагося русской исторіей и стремящагося познакомиться пошире и поглубже съ ея выдающимися эпохами или дѣятелями. Авторъ самъ дѣлаетъ указанія на выдающіеся труды русскихъ ученыхъ, но это бываетъ весьма рѣдко и притомъ носитъ совершенно случайный характеръ. Между тѣмъ для характеристики отдѣльныхъ явленій г. Елпатьевскій приводитъ выдержки изъ сочиненій Соловьева, Знаменскаго, Костомарова, Павлова, Ключевскаго, Щебальскаго и др. Стоило только каждый разъ при имени ученаго назвать его сочиненіе, и цѣль была бы почти достигнута. Но, по нашему мнѣнію, вообще по всякому данному вопросу слѣдовало указать одинъ—два выдающихся труда русскихъ ученыхъ. Я уже упоминалъ, что въ «Учебникѣ» читатель найдетъ или ссылки или обширныя выписки изъ источниковъ первой руки, какъ Флетчеръ, Котошихинъ и др. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ фактъ. Въ главѣ «Нравы и обычаи» (въ московскій періодъ) даются и нужныя свѣдѣнія о Флетчерѣ, Бопланѣ и др. Но такое распредѣленіе свѣдѣній не совсѣмъ удобно. Читатель раньше наталкивается на эти имена, недоумѣваетъ и потомъ только значительно позже узнаетъ, совершенно для себя неожиданно, въ указанной главѣ, кто такой былъ Флетчеръ, и почему его сообщенія имѣютъ цѣну.

Библиотека "Руниверс"

Намъ кажется, что удобнѣе и цѣлесообразнѣе было бы главѣ о внутреннемъ бытѣ предпослать (непремѣнно крупнымъ шрифтомъ) краткій очеркъ источниковъ, т. е., дать въ сжатомъ, цѣльномъ разсказѣ краткія свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ людяхъ—современникахъ, на которыхъ авторъ потомъ указываетъ въ своемъ изложеніи, въ томъ видѣ, напр., какъ это сдѣлано предъ главою «Нравы и обычаи» (реформы Петра В.) на стр. 255—256.

Одну изъ первыхъ главъ своего труда авторъ обозначаетъ такъ: «Лѣтописные разсказы о началѣ русскаго государства и дѣятельности первыхъ князей». Казалось бы, что здѣсь мы должны найти передачу лѣтописнаго повѣствованія со всѣми преданіями и легендами, вошедшими въ лѣтопись изъ устъ народныхъ. Само собою вслѣдъ затѣмъ ожидается изложеніе событій въ томъ видѣ, какъ въ настоящее время смотритъ на нихъ русская историческая наука. Подобный методъ изложенія русской исторіи могъ бы вызвать со стороны рецензента полное сочувствіе. Въ такомъ пособіи, какъ книга г. Елпатьевскаго, мы въ правѣ желать вслѣдъ за передачей лѣтописныхъ разсказовъ ознакомленія читателя, хоть въ краткихъ, общихъ чертахъ, и съ существующими взглядами на эти разсказы и передаваемыя ими событія. Между тѣмъ выходитъ вотъ что. Обозначивъ главу: «Лѣтописные разсказы...» etc. г. Елпатьевскій приводитъ тутъ же взгляды ученыхъ, напр., Соловьева — на борьбу Владиміра съ Ярополкомъ, Аристова—на значеніе христіанства въ русской исторіи. Это смѣшеніе лѣтописныхъ легендъ съ мнѣніями ученыхъ (не съ критикой лѣтописи), конечно, должно приводить читателя къ убѣжденію, что и всѣ лѣтописные разсказы заслуживаютъ полнаго довѣрія. Между заглавіемъ и содержаніемъ нѣтъ полнаго соотвѣтствія. Разъ поставлено заглавіе «Лѣтописные разсказы...», то затѣмъ надо передать то, какъ на нихъ смотрѣть надлежитъ, или просто поставить: «Начало русскаго государства и дѣятельность первыхъ князей». Но, несомнѣнно, первое, для пособія, является вполнѣ обязательнымъ.

Не можемъ не обратить вниманія и на то, что въ характеристикѣ удѣльно-вѣчеваго періода авторъ взялъ только стороны отрицательныя, но, вѣдь, были и положительныя. Не останавливаясь долго, мы укажемъ лишь на тотъ фактъ, что раздѣленіе на княжества способствовало развитію нашего просвѣщенія и русскаго искусства. Каждый князь старался не уступить другому въ дѣлѣ украшенія своего стольнаго города: одинъ передъ другимъ они спѣшатъ воздвигать

Библиотека "Руниверс"

прекрасные храмы, строить монастыри, интересуются переводомъ книгъ. Между князьями идетъ соревнованіе въ поддержаніи дружественныхъ отношеній съ выдающимися своею святостію подвижниками, и когда Изяславъ изгоняетъ св. Антонія, Святославъ приглашаетъ его къ себѣ и отводитъ ему мѣсто для монастыря. Что касается самой сути удѣльно-вѣчеваго порядка, его политическаго значенія, то указать лишь на происшедшую будто бы отъ него слабость земли русской— этого очень мало. Авторъ очень мало коснулся (или лучше, совсѣмъ не коснулся) теорій, выясняющихъ значеніе этого періода въ нашей исторіи. Впрочемъ, это значеніе кроется не въ господствѣ родоваго быта, не въ преобладаніи семейственнаго начала въ тогдашнемъ обществѣ, а въ чемъ то иномъ, лежавшемъ болѣе глубоко въ характерѣ всего славянскаго племени.

Изложеніе событій въ книгѣ г. Елпатьевскаго, по нашему мнѣнію, не оставляетъ желать ничего лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Мы считали бы только полезнымъ сказать о нѣкоторыхъ фактахъ немного подробнѣе. Напр., авторъ говоритъ, что Василій II получилъ ярлыкъ на великое княженіе посредствомъ хитрости. Эта хитрость весьма интересна для характеристики времени и новыхъ политическихъ взглядовъ, установившихся тогда на Руси. Вообще исторію борьбы Василія съ дядей и двоюродными братьями слѣдовало изложить подробнѣе, безъ чего разсматриваемыя событія являются малопонятными для читателя, который не найдетъ въ нихъ никакого новаго теченія сравнительно съ междоусобіями дотатарскаго періода. Точно также нѣсколько подробнѣе слѣдовало изложить движенія народныя при Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно возмущеніе Стеньки Разина, указавъ на связь между этимъ событіемъ, народными бѣдствіями въ этотъ періодъ времени и движеніемъ раскола. Въ этомъ случаѣ необходимо было хронологическое распредѣленіе матеріала.

Очеркъ правленія лже-Дмитрія I и его характеристика сдѣланы, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно, но слѣдовало сдѣлать ихъ полнѣе. Авторъ упустилъ нѣкоторые важные факты правленія лже-Дмитрія, которые еще болѣе способствовали бы какъ уясненію самой личности этого самозванца, такъ и оцѣнкѣ его кратковременнаго царствованія. Что касается вопроса о происхожденіи этого загадочнаго человѣка, то авторъ поступаетъ гораздо осторожнѣе другихъ составителей учебниковъ. Онъ выражается: «по разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, это былъ Григорій Отрепьевъ....». Этотъ весь разсказъ слѣдовало передать мелкимъ шрифтомъ, какъ недостовѣрный. Автору, надѣемся,

Библиотека "Руниверс"

небезъизвѣстно, что въ настоящее время русская историческая наука пришла пока къ такому рѣшенію: Дмитрій есть самозванецъ, но не Гришка Отрепьевъ. Поэтому для всякаго составителя учебника *обязательно* вести тутъ разсказъ въ такомъ видѣ: «*Въ настоящее время въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что Дмитрій дѣйствительно самозванецъ, но кто онъ—неизвѣстно. У современниковъ существовали различныя мнѣнія относительно его происхожденія*». Затѣмъ мелкимъ шрифтомъ слѣдуетъ передать (въ сжатомъ видѣ) разсказы русскихъ источниковъ, Бера, Маржерета и др. современниковъ—очевидцевъ, людей безпристрастно смотрѣвшихъ на русскія событія.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Елпатьевскаго вышелъ обширнымъ, а потому мы не можемъ болѣе останавливаться на отдѣльныхъ мѣстахъ и высказывать nostra pia desideria. Еще разъ въ заключеніе скажемъ, что разсмотрѣнное пособіе представляетъ прекрасное, выдающееся явленіе въ нашей учебной литературѣ, и мы отъ души желаемъ ему широкаго распространенія. **П. Г.**

Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к. I—II, 110.

Съ прошлаго 1890—91-го учебнаго года вводятся, какъ извѣстно, новыя программы преподаванія по многимъ предметамъ, вводятся исподволь, не во всѣхъ классахъ; примѣненіе новыхъ учебныхъ плановъ по исторіи опредѣлено начать лишь съ III класса, въ которомъ вмѣсто прежняго эпизодическаго смѣшаннаго курса исторіи Востока, Греціи, Рима, з. Европы среднихъ вѣковъ и Россіи, будетъ теперь проходиться эпизодическій же курсъ одной русской исторіи. Прежніе учебники въ силу этого оказались теперь непригодными, а преподаватели поставлены въ затруднительное положеніе, какой учебникъ выбрать, который и соотвѣтствовалъ-бы новымъ программамъ, и походилъ-бы къ возрасту учениковъ и т. д., и намъ кажется, что въ большей части случаевъ первыя попытки выбора оказались неудачными. Г. Острогорскій, по нашему мнѣнію, вполнѣ выводитъ преподавателей изъ такого затрудненія своимъ трудомъ, заглавіе котораго мы привели выше. Объемъ разбираемаго учебника не великъ; по своему внѣшнему виду это небольшая изящная книжечка, снабженная историческими картами и рисунками въ текстѣ, напечатанная хорошимъ четкимъ

Библиотека "Руниверс"

шрифтомъ. Что касается изложенія, языка, подбора фактовъ, то, можно сказать, она не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ предисловіи къ своему учебнику авторъ говоритъ, что онъ стремился къ удовлетворенію дидактическихъ требованій: «излагать факты, не вдаваясь въ сужденія и голыя обобщенія; ограничиваясь важнѣйшими событіями и лицами, очертить ихъ съ достаточною рельефностью; избѣгая безжизненныхъ перечней, вести разсказъ возможно сжато и сосредоточенно; для того, чтобы дать учащимся болѣе полное представленіе объ историческихъ явленіяхъ, восполнить слово изображеніемъ—картиною и географическою картою; сообщая познанія, будить мысль; вызывая интересъ къ минувшимъ судьбамъ родной земли, укрѣпить любовь къ ней въ настоящемъ». Вполнѣ соглашаясь со всѣми этими требованіями, я думаю, что авторъ удачно выполнилъ ихъ. Въ рецензіи своей на учебникъ г. Полеваго я говорилъ уже о важномъ значеніи картъ и пользѣ, проистекающей отъ приложенія ихъ къ учебнику. Чѣмъ младше возрастъ, тѣмъ, конечно, болѣе требованій приходится предъявлять къ книгѣ, для него предназначаемой. Ребенку мало дать что-нибудь вѣрное, точное; ему надо дать изящное и вмѣстѣ съ тѣмъ простое и ясное. И вотъ историческія карты въ учебникѣ г. Острогорскаго вполнѣ удовлетворяютъ потребности ученика III класса, не поражая его множествомъ топографической номенклатуры и вмѣстѣ съ тѣмъ давая ему всѣ необходимыя географическія указанія; не отличаясь пестротой, карты эти въ то-же время красивы. То-же самое должно сказать и объ изображеніяхъ въ текстѣ. По крайней мѣрѣ онѣ стоятъ по выполненію несравненно выше всѣхъ тѣхъ, какія намъ приходилось находить въ другихъ учебникахъ. Мы не совсѣмъ, однако же, можемъ согласиться съ авторомъ относительно выбора рисунковъ. Несомнѣнно, очень полезно иллюстрировать разсказъ рисунками, особенно бытоваго содержанія, чтобы воображеніе представило ребенку историческіе факты въ ихъ дѣйствительной обстановкѣ, но мы не знаемъ, какое значеніе могутъ имѣть рисунки въ родѣ «1812 годъ. Отступленіе французовъ». Чувство изящнаго у ребенка отъ такихъ картиночекъ не разовьется; нравственное вліяніе тоже не можетъ быть въ данномъ случаѣ велико, а главное, хорошо. Если вы дадите ребенку посмотрѣть картины какого-нибудь великаго художника, изображающія выдающіеся моменты историческихъ событій,— это другое дѣло. Тутъ вы будете вліять положительно на развитіе эстетическаго чувства ребенка и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на развитіе его нравственности, ибо изображенныя могучей кистью художника

Библиотека "Руниверс"

страданія или радости людскія найдутъ отзвукъ въ нѣжной душѣ ребенка, но для этого нужно именно художественное изображеніе. Вѣдь не для того-же, конечно, прилагаются эти картинки, чтобы ребенокъ съ удовольствіемъ говорилъ: «ага, французики, мерзнете!» Пожалуй, и это поведетъ къ развитію патріотизма, но только какого? Понятно, что выполнить предъявляемое нами требованіе абсолютно невозможно, а потому никакія картинки, представляющія собою фантазію художника, а не историческую дѣйствительность (куликовская битва—дѣйствительность, а то, какъ она изображается, есть фантазія), не должны имѣть мѣста въ учебникѣ. Напротивъ, дайте какъ можно больше изображеній дѣйствительности: вооруженіе, утварь, памятники монументальные и т. д., для точнаго изображенія которыхъ у насъ есть полная возможность, могутъ и должны иллюстрировать усваиваемые ученикомъ факты. Мы присоединяемъ сюда и портреты выдающихся дѣятелей, но опять подъ однимъ условіемъ, чтобы они были вѣрны дѣйствительности: изображенія Олега, Святослава, Іоанна Калиты и т. п.—это фикція, которая должна быть устранена отъ ученика. Г. Острогорскій приложилъ къ своему учебнику портретовъ очень мало: Петра В., Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II и нынѣ царствующаго Государя. Была возможность увеличить ихъ число и познакомить дѣтей съ чертами другихъ выдающихся дѣятелей нашей исторіи. Монументальныхъ памятниковъ также можно было указать гораздо больше и это было бы весьма полезно. Русскій человѣкъ кончаетъ образованіе и идетъ восхищаться западно-европейскими памятниками, не подозрѣвая, что ими богата и родная страна. Поэтому давайте ребенку какъ можно больше изображеній памятниковъ родной старины: при сопровождающемъ ихъ разсказѣ, при объясненіяхъ, они возбудятъ въ немъ любовь къ родинѣ въ ея прошломъ и настоящемъ. Къ несчастью, у насъ нѣтъ для русскихъ монументальныхъ древностей атласа, подобнаго атласу Лангля, а все это у насъ разсыпано по разнымъ ученымъ и неученымъ изданіямъ, обыкновенно весьма дорогимъ и потому не всегда доступнымъ даже для библіотекъ учебныхъ заведеній. Не худо было-бы, если-бы и у насъ кто-нибудь взялся составить и издать такой атласъ и притомъ непремѣнно въ двухъ видахъ: въ большомъ—болѣе дорогой и меньшій—для учениковъ. Такимъ образомъ, очень удовлетворительно исполненные рисунки русскихъ памятниковъ могутъ вызвать лишь одну благодарность со стороны рецензента. Жаль только, что этихъ рисунковъ, повторяемъ, мало, и

Библиотека "Руниверс"

притомъ странно, что Софійскій новгородскій соборъ есть, а Софійскаго кіевскаго нѣтъ,—Десятинной церкви нѣтъ. А вѣдь исторія русскаго государства и русскаго христіанства началась именно въ Кіевѣ. Не напоминаетъ-ли это пословицы: «старая хлѣбъ соль забывается?» Много изображеній нашихъ памятниковъ было помѣщено въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, какъ «Нива», «Всемірная Иллюстрація» и др. Извлечь ихъ оттуда не представляло-бы особой трудности.

Обратимся теперь къ тексту. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отличаемъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ простотой изложенія, необходимой для дѣтей такого возраста, какъ ученики III-го класса, авторъ съумѣлъ вездѣ почти удержаться на уровнѣ современной науки и передаетъ факты въ томъ видѣ, какъ представляются они въ трудахъ ученыхъ. Я считалъ-бы, впрочемъ, необходимымъ сдѣлать кое-гдѣ поправки. Нѣкоторыя изъ нихъ я беру на себя смѣлость указать почтенному автору. Такъ племя кривичей жило не только по верховьямъ рр. з. Двины и Волги, но и Днѣпра. Бытъ и нравы древнихъ славянъ обрисованы хорошо, но представленная авторомъ картина болѣе относится ко времени Прокопія и Маврикія, а не къ IX в. Жизнь русскихъ славянъ ко времени образованія у нихъ государства значительно развилась, и въ культурномъ отношеніи они стояли гораздо выше, чѣмъ показываетъ авторъ, который въ данномъ случаѣ не обратилъ никакого вниманія на археологическія данныя. Лѣтописную легенду о призваніи князей, по нашему мнѣнію, слѣдовало передать полнѣе.—Кочевники нападали на русскія окраины не «цѣлою ордою», а *небольшими загонами,* за разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чѣмъ, главнымъ образомъ и обусловливался успѣхъ ихъ предпріятій. Исторію перваго столкновенія русскихъ съ татарами нужно было передать точнѣе, а самый фактъ обозначить 1223 г., а не 1224 г.—Къ числу важныхъ промаховъ со стороны автора мы должны причислить наименованіе *гривны* рублемъ, и это сдѣлано не только въ текстѣ, но и въ подписи подъ рисункомъ. Рубль произошелъ изъ гривны, но послѣдняя представляетъ самую древнѣйшую нашу монетную единицу. Тутъ же необходимо замѣтить, что «торговля съ иноземцами началась на Руси давно», но не «при первыхъ князьяхъ», какъ говоритъ почему-то г. Острогорскій, а гораздо ранѣе, на что существуютъ неопровержимыя нумизматическія показанія. Укажемъ еще на неточность выраженія въ подобной фразѣ: «въ нѣсколько лѣтъ онъ (Наполеонъ) *покорилъ* почти всю Зап. Европу, *изгналъ законныхъ государей,* а на мѣсто ихъ *посадилъ своихъ родственниковъ*».

Библиотека "Руниверс"

Если авторъ боялся употребить выраженіе «подчинилъ своему вліянію», какъ малопонятное для ребенка, то могъ смѣло сказать: «заставилъ государей подчиниться своимъ желаніямъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ даже посадилъ на престолъ своихъ родственниковъ».—Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что забивать голову ученика массой именъ не слѣдуетъ, мы однако же думаемъ, что упоминаніе о такихъ дѣятеляхъ, какъ митрополиты св. Петръ и Алексѣй, Прокопій Ляпуновъ, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій—обязательно даже и въ краткомъ учебникѣ русской исторіи. Вообще-же встрѣчающіяся въ разбираемомъ учебникѣ погрѣшности немногочисленны и легко могутъ быть исправлены. Нельзя еще не поблагодарить автора за одну попытку: именно ввести въ разсказъ о событіяхъ отрывки изъ поэтическихъ произведеній русскихъ выдающихся писателей. Мы знаемъ по опыту, какое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное впечатлѣніе производитъ на дѣтей прочтеніе при изложеніи фактовъ какого-нибудь соотвѣтствующаго стихотворенія. Мы закончимъ нашъ разборъ такимъ-же, какъ и прежде, пожеланіемъ учебнику г. Острогорскаго широкаго распространенія и введенія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. **П. Г.**

Каталогъ военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскія войска и матеріалы по исторіи Россіи. Выпускъ III. Спб. 1890. Въ 8 д. л. 81 стр.

Въ военно-ученомъ архивѣ хранится не мало важныхъ и интересныхъ матеріаловъ по исторіи Россіи, въ томъ числѣ и южной. Въ 1871 г. начато было изданіе этихъ матеріаловъ (матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба. Томъ I. Изд. подъ ред. А. Ф. Бычкова. Спб. 1871. Въ 4 д. л., IV+846+28 стр. съ план.), къ сожалѣнію, ограничившееся однимъ томомъ, въ которомъ между прочимъ напечатаны письма къ гетману Скоропадскому: Петра Великаго, императрицы Екатерины Алексѣевны, кн. Меншикова и гр. Головкина.—Изъ 3-го выпуска каталога (первые два выпуска каталога—намъ неизвѣстны) видно, что въ военно-учен. архивѣ главн. штаба хранятся между прочимъ такіе матеріалы для исторіи Малороссіи: 1) Высочайшія грамоты, а также письма разныхъ лицъ на Запорожье, въ царств. Петра I; 2) Высочайшіе указы и письма частныхъ лицъ на имя гетмана Даніила Апостола, 1733—34 гг.; 3) указы императрицъ Анны и Eли-

Библиотека "Руниверс"

саветы по управленію Малороссіею; 4) Свѣдѣнія объ управленіи Малороссіею гр. Румянцевымъ; 5) дѣло о черноморскомъ козачьемъ войскѣ 1807 г., 2 тома и друг. Въ архивѣ же главн. штаба хранится и подлинный дневникъ извѣстнаго служилаго иноземца Гордона, въ 6-ти томахъ, причемъ въ указаніи обнимающихъ дневникъ годовъ (1635—1659) или вкралась ошибка, или въ главномъ штабѣ хранится не весь дневникъ Гордона, обнимающій, какъ извѣстно, и конецъ XVII вѣка. А. Л.

«Славянскія извѣстія» 1890 г. о «Заграничной Руси».

«Славянскія извѣстія» (некенедѣльная газета, издаваемая въ Петербургѣ подъ редакціей В. В. Комарова) ведутъ особый отдѣлъ *«Заграничная Русь»*. Подъ этой рубрикой помѣщаются корреспонденціи, замѣтки редакціи и перепечатки изъ австрійскихъ газетъ, главнымъ образомъ по текущимъ вопросамъ жизни южноруссовъ Буковины, Галиціи и Венгріи. Свѣдѣнія 1890 года касаются болѣе системно слѣдующихъ вопросовъ: борьбы политическихъ партій, положенія церкви и школы, голода въ Галиціи и переселенія южноруссовъ въ Америку. Кромѣ того въ «Славянскихъ извѣстіяхъ» за истекшій годъ были помѣщены еще и двѣ отдѣльныя большія статьи, начавшіяся печатаніемъ въ послѣднихъ №№ 1889 года: Ѳ. «Историческій очеркъ угрорусскаго народа и угрорусской церкви» и «Какъ живется червонноруссамъ» (быль, разсказанная Ценовичемъ). Послѣдняя статья, чрезвычайно общая по своему заглавію, на самомъ дѣлѣ представляетъ разсказъ о частномъ случаѣ перехода въ православіе школьнаго учителя Бѣлецкаго въ галицкомъ городѣ Долинѣ и о борьбѣ, какую выдержалъ Бѣлецкій изъ за этого съ іезуитами, администраціей и пр., закончившейся для него судомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, раззореніемъ его хозяйства евреемъ ростовщикомъ и эмиграціей въ предѣлы Россіи. Этотъ разсказъ Цѣновича (А. Д. Погодинъ), вышедшій потомъ отдѣльной брошюрой, если и затрогиваетъ жизнь вообще червонноруссовъ, то лишь со стороны религіозной нетерпимости и безправнаго положенія русиновъ не-католиковъ въ Галиціи. Несравненно болѣе интереса представляетъ статья Ѳ, въ которой, кромѣ детально разсказанной исторіи угрорусской церкви, не мало заключается и историко-этнографическаго матеріала, особенно

Библиотека "Руниверс"

въ первыхъ главахъ. Такой же матеріалъ разбросанъ и въ отдѣльныхъ замѣткахъ газеты.

Извѣстно, какъ мало въ русской литературѣ появляется свѣдѣній о южноруссахъ западной Европы, а потому и то немногое, что даютъ «Славянскія Извѣстія» по этому предмету, далеко не безъинтересно, какъ историко-этнографическій матеріалъ, который удобнѣе всего передать въ формѣ сжатой компиляціи.

Изъ трехъ вѣтвей южноруссовъ Австріи (буковинцевъ, галичанъ и угроруссовъ) болѣе обстоятельно могутъ быть обрисованы на основаніи матеріаловъ «Славянскихъ Извѣстій» южноруссы Венгріи.

Въ настоящее время по свѣдѣніямъ «Славянскихъ извѣстій», южнорусское населеніе занимаетъ въ Верхней Венгріи пространство въ 937,041 (?) кв. м. въ 13 округахъ или жупаніяхъ (№ 43, стр. 763). При этомъ сплошное русское населеніе занимаетъ сѣверо-восточныя Карпаты, а особливо ихъ южные склоны по р. Тисѣ, Бодрогъ и Гернатъ, именно «въ комитатахъ или жупаніяхъ мараморошской русскіе составляютъ 57,81, въ угочанской 38,02, въ бережанской 58,52, въ ужанской 57,19, въ землинской 45,56, въ шаришской 48,89, въ спишской 12,05, въ абауйварской 8,68, въ торнянской 5,62 процентовъ всего населенія, но такъ, что они живутъ всѣ одинъ возлѣ другаго и занимаютъ по большей части сѣверныя гористыя части этихъ жупаній» (1889 г. № 50, стр. 1160). Въ другихъ жупаніяхъ южноруссы живутъ разбросанно. Число всѣхъ южноруссовъ можно считать отъ 500,000 (ib.) до 600,000 (1890 г. № 52 стр. 918). Въ церковномъ отношеніи всѣ угроруссы-уніаты и принадлежатъ главной массой къ двумъ особымъ епархіямъ: мукачевской—для восточной части съ населеніемъ въ 317,511 д. и пряшевской для западной части съ населеніемъ въ 146,275 душъ. Кромѣ этихъ двухъ епархій, русскіе живутъ еще въ велико-варадской уніатской епархіи (6000 д.) и въ барчскомъ округѣ, въ городахъ Керештурѣ и Куцурѣ, въ Хорватіи» (№ 43, стр. 763).

Угроруссы, составляя въ общемъ населеніе въ четыре раза меньшее напр. жителей полтавской губерніи, по своимъ этнографическимъ особенностямъ распадаются въ настоящее время на нѣсколько вѣтвей, которыя отличаются такъ рѣзко другъ отъ друга, что «если бы у нихъ былъ не одинъ языкъ, не одна вѣра, не одни обычаи, то легко можно бы считать ихъ чужими другъ другу народцами». (стр. 1161, № 50, 1889 г.). Такихъ вѣтвей три: а) угроруссы, живущіе въ горахъ подъ Бескидомъ, отличаются маленькимъ ростомъ, въ бе-

Библиотека "Руниверс"

сѣдѣ употребляютъ *що* вмѣсто *что, лемъ* вмѣсто *лишь* и говорятъ на *і*, напр. кінь, вілъ, вівса (овса) нрава они хитраго, въ обращеніи съ панами раболѣпны, не много вниманія обращаютъ на опрятность и крѣпко прилѣпляются къ своимъ прадѣдовскимъ обычаямъ и вѣрованіямъ». б) Угроруссы, живущіе около Мукачева, на бережанской Крайнѣ на р. Бережавѣ, и на р. Турьѣ, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, въ бесѣдѣ употребляютъ правильное *что* и *лемъ* вмѣсто *лишь* и говорятъ на *у* и *й* (нѣмецкое), напр. *кунь* или кйнь, *вулъ* или вйлъ, *вуса* или вйса (овса). Они болѣе откровеннаго нрава и не такъ раболѣпны въ обращеніи съ панами... больше вниманія обращаютъ на опрятность, одѣваются съ большимъ вкусомъ, но не такъ настойчиво прилѣпляются къ древнимъ нравамъ и обычаямъ». (стр. 1160, № 50, 1889 г.). Эти двѣ вѣтви угроруссовъ, очевидно, составляютъ однородное населеніе съ *лемками* Галиціи, горцами западнаго конца Карпатскаго хребта (№ 6 стр. 106) и занимающими погорье низкаго Бескида отъ р. Сана до Попрацкой долины въ сяндецкомъ уѣздѣ. (№ 37, 165).

в) Угроруссы, живущіе въ Марамарошѣ, во многомъ походятъ на румынъ. Они крѣпкаго тѣлосложенія, высоки и плечисты; въ бесѣдѣ употребляютъ *что* и *лишь*, говорятъ на *у*; въ нѣкоторыхъ же, съ бережанской и угочанской жупаніяхъ смежныхъ, мѣстностяхъ и на *й* (нѣм.); дикаго нрава, немного вниманія обращаютъ на опрятность, носятъ широкіе чересы, широполыя шляпы, зимою даже цѣлыя бараньи шкуры, вмѣсто шапки; крѣпко прилѣпляются къ своимъ прадѣдовскимъ обычаямъ и много употребляютъ такихъ словъ, которыя не встрѣчаются у прочихъ угроруссовъ, придерживаются литературнаго русскаго языка (?) Вообще, говоръ ихъ всего ближе подходитъ къ письменному русскому языку». (стр. 1161 ib).

Недурной иллюстраціей къ указанному развѣтвленію угроруссовъ по говорамъ можетъ служить сборникъ народныхъ пѣсенъ на различныхъ угрорусскихъ нарѣчіяхъ подъ заглавіемъ «Русскій соловей», въ которомъ помѣщено 215 народныхъ пѣсенъ. Этотъ сборникъ, украшенный рисункомъ, представляющимъ керестурскаго русскаго юношу въ національной одеждѣ, и портретомъ угрорусскаго патріота стихотворца священника о. Александра Духновича, составилъ и издалъ народный учитель въ русскомъ селѣ Керестурѣ, въ южной Венгріи, Михаилъ Врабель. На страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» (№ 44, стр. 786) приведены и два образца народныхъ пѣсенъ: одна мароморошскаго, а другая бачскаго округовъ. Интересно,

Библиотека "Руниверс"

что первая изъ приведенныхъ пѣсенъ составляетъ близкій варіантъ малор. пѣсни полтавской губ. («Доки я була маленька, колысала мя маменька. Го, го, го гоя, гоя, головонька бѣдна моя!» и т. д.).

Этнографическое дробленіе угроруссовъ, по мнѣнію автора «Историческаго очерка угрорусскаго народа и угрорусской церкви», объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что южнорусское населеніе не одновременно явилось въ Венгрію и не съ одного и того же мѣста.

«Одна часть угроруссовъ во время пришествія угровъ находилась уже въ нынѣшней угорской Руси» — это тѣ славяне, которые, по лѣтописи, въ VIII и IX вв. обитали на южномъ и сѣверномъ склонѣ Карпатъ подъ именемъ «бѣлыхъ хорватъ» (1161 стр. № 50 1889 г.). Но затѣмъ русское населеніе возрастало путемъ переселеній извнѣ, которыхъ было нѣсколько. Прежде всего «многіе русскіе вошли въ Угорщину вмѣстѣ съ уграми» (стр. 1198, № 52, 1889 г.). — «Второе прибытіе русскихъ полагаютъ съ королемъ Андреемъ I, который долгое время проживалъ въ Россіи, и когда возвратился на родину, то привелъ съ собою и значительное число русскихъ» (ib).

Русскіе перваго и втораго прихода, поселившись разбросано, со временемъ омадъярились (ib). Третій приходъ въ Угорщину послѣдовалъ изъ Молдавіи: «Это были тиверцы и угличане, большая часть которыхъ при нашествіи татаръ бѣжала въ карпатскія и трансильванскія горы. Часть потомковъ этой тиверской и угличской Руси и доселѣ существуетъ въ самой гористой части Буковины и станиславскаго округа въ Галиціи, въ мараморошскомъ и угочанскомъ жупанствахъ въ Венгріи, гдѣ они извѣстны подъ именемъ мароморошской Руси, числомъ около 100,000. Эта отрасль въ одѣяніи, въ ухваткахъ, нравахъ отличается отъ всѣхъ прочихъ русскихъ племенъ. Они близки къ румынамъ, и только бесѣда ихъ свидѣтельствуетъ, что они русскіе» (стр. 1199). Четвертый приходъ послѣдовалъ въ царствов. короля Сигизмунда, съ княземъ подольскимъ Коріатовичемъ, въ концѣ XIV и началѣ XV в. (lb.). Кромѣ помянутыхъ переселеній русскіе изъ Галиціи, отъ самыхъ давнихъ временъ, переходили черезъ Бескиды и поселялись на южныхъ склонахъ Карпатъ въ нынѣшней угорской Руси, что доказывается и составомъ населенія: «угроруссы, живущіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ червонороссами, подъ Бескидомъ, и въ нравахъ, и въ тѣлосложеніи, и въ чертахъ лица, и въ одеждѣ, и въ бесѣдѣ — вполнѣ сходятся со своими закарпатскими братьями, такъ что подбескидская полоса угорской Руси кажется продолженіемъ Червонной Руси». (стр. 1200.).

Библиотека "Руниверс"

«Послѣ пришествія угровъ русскіе составляли пограничную стражу», военную границу «Marchia Ruthenorum», какъ она наз. въ описаніи жизни Конрада, архіепископа зальцбургскаго». При арпадскомъ домѣ правители русскихъ происходили изъ царствующаго дома; потомъ, послѣ паденія арпадскаго дома въ XIV в., правители назначались изъ среды бояръ, но до второй половины XVII вѣка угроруссы не знали еще крѣпостнаго состоянія (стр. 26, № 2).

Эта русская окраина стала дѣлиться на мелкія части, и русскіе стали подпадать подъ власть отдѣльныхъ владѣтелей лишь при Владиславѣ II и Людовикѣ II, пока наконецъ угроруссы постепенно перешли въ положеніе «кметей» (крѣпостныхъ людей), что утвердилось окончательно при Маріи Терезіи, когда и у угроруссовъ заведенъ «урбаріальный законъ». «Бережская Крайна», состоящая изъ десятка селъ всего долѣе отстаивала свои льготы. Область угроруссовъ была закрѣпощена за отдѣльными фамиліями, по большей части мадьярскими. Крѣпостное право потеряло юридическое существованіе въ 1849 г., къ какому времени относится и національное возрожденіе угроруссовъ (стр. 27), постепенно, впрочемъ, ослабѣвавшее, и особенно потерявшее много съ 1867 г., когда послѣдовало австро-венгерское соглашеніе, въ силу котораго въ Австріи господствующимъ племенемъ сдѣлались нѣмцы, а въ Венгріи—мадьяры (стр. 28). Съ этого времени мадьяризація угроруссовъ дѣлаетъ чрезвычайно быстрые шаги, и на страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» помѣщена чрезвычайно нессимистическая замѣтка, стоящая въ довольно рѣзкомъ противорѣчіи со свѣдѣніями другихъ страницъ «Извѣстій». «Закарпатская Русь, читаемъ въ 52 № за истекшій годъ, падаетъ жертвой мадьяризаціи. Мадьярскій языкъ введенъ въ народныя школы съ чисто русскимъ населеніемъ и проникаетъ уже подъ соломенную кровлю крестьянъ. Еще два-три десятка лѣтъ,—и едва ли останутся тамъ слѣды русскаго языка и русской національной жизни. Мадьяризація втиснулась уже въ церковь. Апостолъ, евангеліе по многимъ приходамъ читаются уже по-мадьярски, на томъ же языкѣ поются нѣкоторыя пѣснопѣнія. Борьба немногихъ патріотовъ съ такимъ національнымъ насиліемъ, покровительствуемымъ архіереями, тяжелая. Тамъ уже становится вопросъ: быть или не быть закарпатской Руси? (стр. 916).

Въ процитированныхъ строкахъ угорскаго патріота, конечно, можно видѣть преувеличеніе по вопросу о потерѣ національныхъ особенностей угроруссами въ смыслѣ ассимиляціи съ господствующею

Библиотека "Руниверс"

мадьярской національностью, но на страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» отмѣчено и другое явленіе, болѣе важное по вопросу о бытіи Закарпатской Руси—это выселенія угроруссовъ изъ своей страны. Въ силу высокихъ податей, недостатка заработковъ, падежей скота, малодоходности своей гористой земли, эксплуатаціи евреевъ—угорскіе селяне обѣднѣли, впали въ долги евреямъ и вынуждены искать заработка въ Америкѣ, и фактъ оффиціально засвидѣтельствованный, что выселеніе угроруссовъ въ Америку растетъ постоянно (№ 2, стр. 29) и идетъ съ областей сплошныхъ поселеній угроруссовъ, напр. изъ землинскаго комитата, заселеннаго исключительно лишь угрорусскими лемками» (ib.). Угроруссы въ Америкѣ поселяются, главнымъ образомъ, въ штатѣ Пенсильваніи (№ 4, стр. 67).

Выселеніе, кромѣ южнорусскихъ областей Венгріи, охватило уже и Галицію, и хотя здѣсь началось сравнительно недавно, но съ каждымъ годомъ замѣтно усиливается, и «есть села, особенно въ Лемковщинѣ, изъ которыхъ почти половина населенія выселилась въ Америку (№ 4 стр. 66). Въ незначительной части южнорусскіе выходцы останавливаются въ Нью-Іоркѣ или его окрестностяхъ, получая занятія на желѣзныхъ дорогахъ или въ портѣ, и немногіе принимаются за торговлю, но главная масса поселяется въ штатѣ Пенсильваніи, находя себѣ работу въ многочисленныхъ копяхъ каменнаго угля». (ib.). Какъ велика уже южнорусская колонія въ Америкѣ, и какъ она быстро разростается, можно видѣть изъ того, что въ прошломъ году было уже семь русскихъ церквей въ Америкѣ: въ Шенандорѣ, Кингстонѣ, Дошпанѣ, Олифантѣ, Минеаполисѣ, Шамокинѣ и Джерсей Цитти съ четырьмя священниками (два изъ Галиччины и два изъ Угорщины); восемь «Народныхъ торговель» (одинъ центральный складъ и семь отдѣленій), между тѣмъ какъ первая церковь была построена въ 1885 году въ Шенандорѣ, а первая русская торговля основана въ 1887 году (ib. стр. 67).

Голодъ, постигшій Галиччину въ 1889—90 г. г. и принявшій громадные и серьезные размѣры (№№ 5, 8, 13, 17), можно думать, еще болѣе усилилъ выселеніе южноруссовъ изъ Галиччины, такъ какъ и безъ этихъ бѣдствій въ областяхъ южнорусскихъ поселеній отмѣчено обѣднѣніе населенія, заставлявшее искать заработковъ далеко за предѣлами страны. Такъ въ Коломыйскихъ горахъ, гдѣ живутъ храбрые русскіе горцы гуцулы, такія села какъ Космачъ, Брустуры, Микуличинъ, Ростоки, Долгополе, Рѣчка и Жабье, славившіяся еще недавно зажиточностью своихъ обывателей, теперь до того обнищали,

Библиотека "Руниверс"

что половина ихъ населенія бѣгаетъ изъ своего отечества въ Румынію или Россію, чтобы тамъ заработать какъ для пропитанія себя и своего семейства, такъ и для того, чтобы уплатить цесарю всякаго рода «данки». Въ Россію они отправляются обыкновенно въ Бессарабію—на работу въ лѣсахъ, а въ Румынію идутъ съ плотами «дерабами» по рѣкамъ Черемошу и Пруту, и доходятъ иногда почти до береговъ Чернаго моря, откуда съ заработанными деньгами бѣдный гуцулъ спѣшитъ обратно пѣшкомъ въ несчастные, но дорогіе для него Карпаты» (№ 28, стр. 518).

Галицкая, или Червонная Русь занимаетъ почти $^2/_3$ всей территоріи королевства Галиціи и Володимиріи и числитъ не менѣе 3 милліоновъ душъ, живущихъ въ качествѣ туземцевъ этой земли сплошной массой по селамъ и мѣстечкамъ; въ большихъ городахъ они составляютъ вездѣ меньшинство населенія. Галицкое дворянство ополячилось еще при Польшѣ, завладѣвшей Галицкой Русью въ 1340 г., средняго сословія находится мало, оно вытѣснено евреями, овладѣвшими всею торговлею и промыслами» (№ 52 стр. 915).

Въ послѣднее время, по свѣдѣніямъ газеты «Червонная Русь» въ Галичинѣ числится 6,938,460 душъ населенія, въ томъ числѣ 2,551,594 русскихъ и 3,059,222 поляковъ и евреевъ. (№ 34 стр. 617). При этомъ польское населеніе преобладаетъ въ западной, а русское въ восточной Галиціи; среди послѣдняго обитаетъ масса евреевъ не только въ городахъ, но и въ селахъ, гдѣ они послѣдовательно дѣлаются землевладѣльцами. «До 1867 года евреямъ не было дозволено пріобрѣтать земли, и во всемъ краѣ (Галиччинѣ) было только 38 землевладѣльцевъ евреевъ. Декабрьская конституція 1867 г. установила равноправность и къ 1870 году однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ-евреевъ было 68...., къ 1876 году число крупныхъ помѣстій въ еврейскихъ рукахъ возросло до 289. Въ настоящую минуту ихъ уже 543, т. е. каждый сѣдьмой крупный владѣлецъ Галиціи—еврей» (№ 43, стр. 765). Съ мелкой крестьянской собственностью дѣло стоитъ еще печальнѣе, какъ это можно судить по слѣдующей цифрѣ: съ 1873 по 1883 г. 15973 аукціона при крестьянскомъ банкѣ кончились переходомъ крестьянскихъ усадебъ въ еврейскія руки. Съ 1883 года по настоящій годъ 26000 претензій банка къ крестьянамъ-заемщикамъ были переданы евреямъ (ib.) Кромѣ того, по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе чѣмъ черезъ банкъ, крестьяне обезземелены путемъ частнаго пріобрѣтенія. Усиленіе еврейскаго землевладѣнія продолжается съ ужасающей быстротой, и въ настоящее время не проходитъ и

Библиотека "Руниверс"

одного мѣсяца, чтобы тотъ или другой еврей не пріобрѣлъ нѣсколькихъ участковъ земли отъ крестьянъ, или же болѣе или менѣе крупнаго имѣнія отъ польскаго помѣщика. Въ Галиціи есть уже села, въ которыхъ большинство населенія составляютъ евреи». (№ 50, стр. 878). Поселясь въ деревняхъ, евреи не занимаются земледѣліемъ сами, а обращаютъ обезземеленныхъ ими крестьянъ въ своихъ батраковъ, положеніе коихъ гораздо хуже прежнихъ крѣпостныхъ (№ 43, стр. 765). Еврей сбиваетъ заработную плату до minimum'а до 20 или даже до 10 крейцеровъ въ день, опутываетъ крестьянъ всевозможными способами эксплуатаціи и отнимаетъ у нихъ послѣдній достатокъ, такъ что крестьяне попадаютъ положительно въ кабалу къ евреямъ, при этомъ гибнутъ не только матерьяльно, но и нравственно» (№ 50, стр. 8781), особенно путемъ пьянства (№ 28, стр. 518).

Послѣднее тѣмъ болѣе дѣлается возможнымъ, что школа, особенно средняя и высшая, въ Галиціи служитъ для другихъ народностей, а не для русскихъ. Такъ въ 1888 году числилось 30 среднихъ школъ (24 высшихъ гимназіи, 2 гимназіи низшихъ, 3 высшихъ реальныхъ училища, 1 низшее реальное училище); число всѣхъ учащихся достигало цифры 12703, которые по народностямъ распадались на такія группы:

а) поляковъ въ гимназіяхъ	8444,	въ реальн. училищ.	703			
нѣмцевъ » »	652	» »	24			
чеховъ » »	11	» »	3			
мадьяръ « »	1	» »	2			
остальн. народ. »	718	» »	86			
Итого .	9898	» »	818	всего	10716	
б) русскихъ	1945	» »	41	»	1986	
Итого вмѣстѣ съ русск.	11844	» »	859	»	12703	

Какъ можно видѣть изъ таблицы вѣроисповѣданій, въ № 5 «Слав. Извѣстій», въ числѣ 12703 учащихся лицъ еврейскаго происхожденія 2262, изъ нихъ въ гимназіяхъ 2123, а въ реальныхъ училищахъ 139 (№ 5, стр. 94). Такимъ образомъ оказывается, что въ среднихъ школахъ

русскихъ обучается всего 1986 дѣтей изъ 2500,000 душъ населенія
евреевъ » » 2262 } изъ 3000000
поляковъ » » 7761 }

или иначе—среди поляковъ и евреевъ 1 учащійся въ средней школѣ приходится на 300 душъ населенія, а среди русскихъ—на 1260. По отношенію къ высшему образованію положеніе еще болѣе незавидно.

Библиотека "Руниверс"

Въ отношеніи образованія не лучше положеніе русскихъ и въ Буковинѣ, гдѣ мѣстная газета «Буковина», издающаяся въ Черновцахъ на русскомъ языкѣ, указываетъ, что «высшія и среднія заведенія тамъ учреждены для евреевъ, нѣмцевъ и румынъ (№ 35, стр. 634). Такъ, въ гимназіи въ Черновцахъ въ 1889 году числилось 652 ученика, изъ нихъ 370 нѣмцевъ, 109 румынъ, 87 поляковъ, 82 русскихъ, 3 чеха, 1 мадьяръ, или по вѣроисповѣданіямъ: 304 еврея, 147 православныхъ, 128 католиковъ, 48 уніатовъ, 16 евангелистовъ, 9 армянъ (№ 31, стр. 565). Въ Буковинѣ русское населеніе имѣетъ всего только одну 7-ми классную школу въ Коцманѣ и до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ о преподавательскомъ въ ней языкѣ (№ 47, стр. 823). Между тѣмъ здѣсь южноруссы, которыхъ считается отъ 240,000 (№ 30, стр. 547) до 250000,—составляютъ по массѣ преобладающее населеніе (№ 51—52, стр. 915), но только у нихъ интеллигенція и даже духовенство сильно уже германизировано (ib.).

Такимъ образомъ, изъ данныхъ «Славянскихъ Извѣстій» за прошлый 1890 годъ оказывается, что южноруссы въ западной Европѣ составляютъ экономически и интеллектуально подавленное населеніе: въ Венгріи надъ нимъ господствуютъ мадьяры и евреи, въ Галиціи — поляки съ евреями, а въ Буковинѣ—нѣмцы и румыны, и опять таки евреи, результатомъ чего является потеря національности путемъ мадьяризаціи, германизаціи и полонизаціи и выселеніе изъ своей страны.

Заканчивая обозрѣніе жизни южноруссовъ «Заграничной Руси» по даннымъ «Славянскихъ Извѣстій» за истекшій годъ, я нахожу нужнымъ указать еще на одну интересную историческую справку галицкаго профессора Петрушевича о названіи «Малая Россія» и «Украйна». Названіе «Малая Русь», говоритъ г. Петрушевичъ, «еще съ начала XIV вѣка употреблялось послѣдними галицко-владимірскими князьями, и потому также цареградскіе патріархи титуловали галицкихъ митрополитовъ «τῆς μικρᾶ Ῥωσία». И на западѣ Червонная Русь была извѣстна подъ именемъ «Малой Россіи» — «Russia minor». Богданъ Хмельницкій послѣ подчиненія Малороссіи московскому царю именуетъ Сильвестра Коссова митрополитомъ только «всея Малыя Россіи», и это же названіе употребляетъ и царь Алексѣй Михайловичъ въ пунктахъ о присоединеніи Южной Россіи въ 1654 г. (№ 43, стр. 764). Названіе же «Украйна», по мнѣнію г. Петрушевича, дано поляками Южной Руси по обѣимъ сторонамъ южнаго Днѣпра, такъ какъ упомянутая часть Руси находилась на самой крайней, т. е. юго-восточной границѣ прежней Польши» (ib.). **Ир. Ж—ій.**

Библиотека "Руниверс"

Отвѣтъ моему рецензенту. Выпустилъ я въ свѣтъ книжку «Опытъ указателя книгъ и статей относящихся къ Херсонской губ.», указавъ въ предисловіи цѣль ея: послужить «хотя небольшимъ пособіемъ для мѣстныхъ дѣятелей, при разработкѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ мѣстной жизни». Далѣе, въ томъ же предисловіи, я предупреждаю, что въ книгѣ моей много недостатковъ и неполноты, почему и прошу всѣхъ лицъ, сочувствующихъ моему труду, помочь мнѣ исправить и дополнить мою книгу.

Казалось бы, что мое предисловіе вполнѣ ясно установило точку зрѣнія, съ которой возможенъ судъ надъ моимъ трудомъ. Всѣ откликнувшіеся печатно или письменно на мою работу, судили ее именно съ этой точки зрѣнія и только своеобразно взглянулъ на мою работу авторъ рецензіи помѣщенной въ январской книжкѣ «Кіевской Старины». Объ этой рецензіи я узналъ спустя много времени послѣ ея появленія, прочиталъ же рецензію еще позже, потому что въ Тирасполѣ нельзя было достать ни одного экземпляра «Кіевской Старины» и мнѣ пришлось выписывать нужную книжку отъ пріятеля изъ Херсона. Я останавливаюсь на этой подробности, потому что она прекрасно характеризуетъ условія, при которыхъ мнѣ пришлось составлять мою книгу.

Мой рецензентъ начинаетъ съ внѣшности моей книги и дѣлаетъ мнѣ строгій выговоръ за повтореніе заглавія на французскомъ языкѣ: «слишкомъ претенціозно». Но г. рецензентъ не принялъ во вниманіе весьма существеннаго обстоятельства: значительная часть херсонскаго морскаго побережья составляетъ пунктъ столкновенія всевозможныхъ народностей; если затруднительно для мѣстныхъ дѣятелей, безъ «указателя», знакомиться съ краемъ, то еще затруднительнѣе это знакомство для иностранца; дать заглавіе на интернаціональномъ французскомъ языкѣ книгѣ, которая можетъ быть полезной и иностранцу — только желаніе болѣе широкаго распространенія книги и простительно каждому автору.

Еще большую странность мой рецензентъ находитъ въ томъ, что я обращаюсь съ просьбою объ исправленіи моей книги къ читателямъ, будучи убѣжденъ въ недостаткахъ ея; г. рецензентъ отказывается понять «какъ рѣшился г. Леонтьевъ обращаться къ читателямъ съ подобной просьбою, не потрудившись самолично освободить свой трудъ отъ недостатковъ и не приводя для того никакихъ оправданій». Прежде всего, зачѣмъ бы я сталъ утруждать читателей просьбою объ исправленіи моей книги, еслибы умѣлъ самъ освободить ее отъ недостатковъ? Слѣдовательно, мое обращеніе къ читателямъ само по себѣ служитъ доказательствомъ, что недостатки моей книги обусловлены причинами для меня неустранимыми; излагать эти причины въ предисловіи и тѣмъ растягивать его, я не считалъ нужнымъ, потому что въ общеполезномъ дѣлѣ, каковымъ считаю свою книгу, достаточно и простаго обращенія за помощью ко

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ сочувствующимъ этому дѣлу; но такъ какъ г. рецензентъ желаетъ знать ети причины, то я постараюсь ихъ изложить въ кратцѣ.

Мѣстные дѣятели всевозможныхъ профессій постоянно нуждаются въ научныхъ и литературныхъ трудахъ по спеціальности каждаго и притомъ относящихся къ району дѣятельности каждаго; разыскиваніе этихъ трудовъ каждымъ дѣятелемъ въ отдѣльности составлять непроизводительную затрату труда и времени: кромѣ того, многіе дѣятели заброшены въ такіе медвѣжьи углы, гдѣ и достать то многаго нельзя. Только тотъ, кто пробовалъ сознательно работать въ захолустьи, знаетъ сколько приходится испытывать мученій при розысканіи литературныхъ источниковъ; испытавъ лично эти мученія, вслѣдствіе отсутствія указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губерніи, я рѣшился помочь чѣмъ могъ и какъ могъ всѣмъ, кому суждено попасть въ мое положеніе. Рѣшившись приняться за библіографическій трудъ, я зналъ прекрасно всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ мнѣ прійдется работать и предвидѣлъ обусловленные ими недостатки моего труда, но я разсуждалъ такъ: если люди, спеціально посвятившіе себя наукѣ до сихъ поръ не нашли нужнымъ составить указателя книгъ и статей, относящихся въ херсонской губерніи, то нѣтъ основанія надѣяться, чтобы подобный указатель появился въ скоромъ времени; если же я нахожу, что подобный указатель нуженъ, то долженъ попытаться выполнить эту работу; если повелительная идея моей работы вѣрна, то пускай сама работа будетъ и не вполнѣ удовлетворительна, найдутся люди болѣе меня знающіе, располагающіе бо̀льшими средствами, которые довершатъ начатое мною дѣло. Надобно было положить начало работѣ, въ пользѣ которой никто не станетъ сомнѣваться, я это и сдѣлалъ; дальнѣйшая судьба этой работы покажетъ, на сколько я правъ былъ въ своихъ разсужденіяхъ.

Обревизовавъ внѣшность моей книги, г. рецензентъ переходитъ къ ея плану и выражаетъ «изумленіе», восклицая «въ самомъ дѣлѣ, неудивительно ли, что по классификаціи дѣйствит. члена императ. русск. географ. общества А. Н. Леонтьева математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена очутились въ ближайшемъ сосѣдствѣ въ качествѣ естественныхъ наукъ?» Въ отвѣтъ на это, мнѣ остается только напомнить г. рецензенту, что на съѣздахъ естествоиспытателей всѣ дѣятели перечисленныхъ наукъ сидѣли рядомъ, въ чемъ легко можно убѣдиться, познакомившись съ интересной книгой «VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ» издано подъ редакц. проф. Менделѣева.

Не менѣе удивляетъ г. рецензента, почему я поставилъ педагогію въ концѣ своей книжки? Отвѣтъ мой простъ: начавъ кругъ наукъ богословіей, считалъ приличнымъ завершить этотъ кругъ педагогіей.

Библиотека "Руниверс"

Далѣе г. рецензентъ приписываетъ мнѣ открытіе новыхъ наукъ «какой то херсонской богословіи и какой то херсонской политической экономіи». Нѣтъ г. рецензентъ, это вы говорите, я же ничего подобнаго не открывалъ. Тутъ очевидное недоразумѣніе: особыхъ херсонскихъ наукъ нѣтъ, но есть труды изъ той или иной области человѣческаго знанія спеціально относящіеся къ херсонской губерніи; для того же чтобы удобнѣе было пользоваться указателемъ, эти труды и разсортированы по общепринятымъ научнымъ отдѣламъ.

Не возражаю на подозрѣніе г. рецензента, что я не понимаю различія между выраженіями «книги относящіяся къ херсонской губерніи» и «книги напечатанныя въ херсонской губерніи» такъ какъ онъ оговаривается, что это можно подумать только въ «крайнѣмъ случаѣ», я же такого случая не предвижу. Отказываясь отъ этого подозрѣнія, г. рецензентъ восклицаетъ: «намъ думается, что авторъ недостаточно обдуманно отнесся къ вопросу о томъ, что именно относится къ херсонской губерніи? Какое напр. отношеніе къ херсонской губ. имѣетъ «Сборникъ мѣстныхъ въ Бессарабіи узаконеній по предметамъ гражданскаго права (№ 165)?» и на слѣдующей страницѣ «особенное пристрастіе г. Леонтьевъ имѣетъ къ Бессарабіи, которой посвящены №№ 508—513 и №№ 1062—1065; никакого отношенія къ херсонской губ. не имѣютъ и №№ 1119—1122, 1137». Прежде всего отмѣтимъ, что только часть перечисленныхъ сочиненій относится къ Бессарабіи вообще, №№ же 1063—1065 посвящены спеціально молдаванамъ. Затѣмъ г. рецензенту, вѣроятно, хорошо извѣстны какъ историческій ходъ заселенія херсонской губерн., такъ и ея теперешній этнографическій составъ; извѣстно, вѣроятно, г. рецензенту, что Бессарабія дала значительный контингентъ населенія всѣхъ сословій херсонской губерніи; населеніе это принесло съ собою изъ Бессарабіи свои нравы, обычаи и правовыя воззрѣнія, сохранившіе свою силу и до сихъ поръ, въ особенности въ низшемъ классѣ, такъ что и теперь мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ, напримѣръ, сплошь и рядомъ приходится считаться съ мѣстными законами Бессарабіи. Что касается молдаванъ, то они населяютъ значительную часть херсонской губерніи (въ елисаветградскомъ уѣздѣ 11,3%, ананьевскомъ 16,5%, тираспольскомъ около 9%,—всего числа жителей этихъ уѣздовъ) и до сихъ поръ не только сохранили свои особенности въ одеждѣ, устройствѣ жилищъ, свои домашніе распорядки и свой языкъ, но въ большинствѣ случаевъ не знаютъ даже русскаго языка и живутъ совершенно изолированно отъ остальнаго населенія. Такимъ образомъ, кто пожелаетъ понять характеръ населенія въ особенности сѣверо-западной части херсонской губерніи, тотъ долженъ будетъ обратиться за справками къ сочиненіямъ о Бессарабіи, а кому прійдется возиться съ цѣлыми волостями молдаванъ, тотъ долженъ будетъ пока удовольствоваться приведенными выше сочиненіями

Библиотека "Руниверс"

о молдаванахъ, такъ какъ статей, относящихся къ херсонскимъ молдаванамъ почти нѣтъ въ литературѣ.

Напомню, опять таки, что цѣль моего «указателя» послужить хотя небольшимъ пособіемъ для мѣстныхъ дѣятелей, при разработкѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ мѣстной жизни; поэтому то когда не оказывалось по какому либо вопросу литературныхъ источниковъ спеціально относящихся къ херсонской губерніи, я считалъ нужнымъ указывать соотвѣтственные источники изъ общей литературы.

Г. рецензентъ упрекаетъ меня за отсутствіе «указаній на статьи въ мѣстныхъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ журналахъ», забывая, вѣроятно, что такая работа потребовала бы громаднаго труда, возможна была бы только въ большомъ городѣ, гдѣ есть публичныя библіотеки и должна была бы затянуться на нѣсколько лѣтъ. Упрекъ этотъ я только и могу понять какъ желаніе, чтобы работа эта была сдѣлана въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Г. рецензентъ упрекаетъ меня за то, что при многихъ сочиненіяхъ нѣтъ «указанія года и мѣста изданія, а иногда и автора, хотя послѣдній извѣстенъ», находятся «указанія неполныя и небрежныя; кому можетъ быть, напр. полезно такое указаніе «Исторія Россіи» Соловьева (№ 550). Тутъ опять таки очевидное недоразумѣніе; г. рецензентъ, вѣроятно, думаетъ, что всѣ перечисленныя въ указателѣ сочиненія я держалъ въ рукахъ, тогда какъ ихъ въ моихъ рукахъ была весьма незначительная часть; названія же остальныхъ взяты частью изъ разныхъ библіографическихъ трудовъ, а частью указаны по сочиненіяхъ разныхъ авторовъ о херсонской губерніи. Такимъ образомъ становятся понятными «указанія неполныя и небрежныя» и мое обращеніе къ читателямъ съ просьбою помочь мнѣ въ исправленіи моего указателя. Что касается Исторіи Соловьева, то подробностей я не считалъ нужнымъ приводить, потому что при ней существуетъ прекраснѣйшій указатель ея содержанія, что г. рецензентъ упустилъ изъ виду.

Повидимому, г. рецензентъ правъ, упрекая меня за то, что въ моемъ указателѣ приведена только часть періодическихъ изданій разныхъ ученыхъ обществъ а позднѣйшіе ихъ труды не упоминаются. Дѣло же объясняется очень просто: я указывалъ только то, что находилъ въ источникахъ, которыми я пользовался и не считалъ себя въ правѣ дѣлать указанія, не основанныя на документахъ, хотя хорошо знаю, что существованіе обществъ не прерывалось и они періодически выпускали въ свѣтъ свои труды. Считалъ же я себя въ правѣ такъ дѣйствовать, потому что смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на «опытъ указателя», который долженъ ежегодно исправляться и пополняться, какъ объяснено въ предисловіи. Такимъ образомъ въ полномъ объемѣ и въ безукоризненномъ видѣ мой трудъ долженъ появиться чрезъ нѣсколько лѣтъ работы и притомъ работы коллективной.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ г. рецензентъ находитъ въ указателѣ «много лишняго» и въ примѣръ приводитъ №№ 494 (соч. Глинки «Описан. пересел. армянъ) 570 (В. Б. Антоновича Ист. литовск. Руси) 642 (Пирогова Собр. литер. статей) 657 (О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ) и пр. и пр. Излишнимъ же признаетъ г. рецензентъ и указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отдѣлѣ.

Къ сожалѣнію, и тутъ я не могу согласиться съ почтеннымъ г. рецензентомъ, такъ какъ перечисленныя сочиненія всецѣло принадлежатъ херсонской губерніи. Соч. Глинки трактуетъ о переселеніи армянъ, заселившихъ городъ Григоріополь, тираспольскаго уѣзда, херсонской губ. Н. И. Пироговъ игралъ крупную роль въ исторіи умственной жизни новороссійскаго края, а его рѣчи и статьи въ свое время были событіемъ края; указанная же небольшая брошюрка Н. И. Пирогова и въ особенности помѣщенная въ ней статья «Одесская Талмудъ-Тора» заслуживаютъ быть перепечатанными и въ настоящее время въ назиданіе многимъ общественнымъ дѣятелямъ херсонской губерніи; эта книжка и теперь сохранила всю свою силу и свѣжесть и можетъ заставить сильно задуматься надъ многими явленіями общественной жизни херсонщины, въ особенности если сопоставить слова Пирогова съ характеристикой жителей Херсонщины, помѣщенной въ трудѣ Шмидта «Географія и статистика Херсонской губерніи». Еще могло бы быть сомнѣніе относительно того, помѣщать ли въ указателѣ соч. Антоновича «Исторія литовской Руси», но и тутъ въ пользу этой книги говоритъ тѣсная связь исторіи «Дикаго поля» съ исторіей литовской Руси; а вѣдь «Дикое поле» почти цѣликомъ вошло въ составъ херсонской губ. Не понимаю также, почему не слѣдовало помѣщать книгу «О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ?» Развѣ Одесса не въ херсонской губерніи? Наконецъ я не могу признать лишними указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отдѣлѣ; напротивъ, я находилъ нужнымъ напомнить о существованіи этихъ картъ и атласовъ, въ надеждѣ, что рано или поздно найдутъ нужнымъ отпечатать ихъ, и они сдѣлаются доступными мѣстнымъ дѣятелямъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ капризами такихъ важныхъ рѣкъ какъ Днѣпръ и Днѣстръ, тотъ согласится со мною, что всякому, на чью долю выпадетъ имѣть дѣло съ этими рѣками, важно ознакомиться съ исторіей всѣхъ причудливыхъ измѣненій ихъ русла, глубины и пр.

Вообще же по поводу упрековъ въ излишествѣ я могу сказать только одно: «сало каши не портитъ» и если я горюю, то исключительно о неполнотѣ моего «указателя».

Резюмирую мой отвѣтъ классическимъ изрѣченіемъ: Quid potui—feci, faciant meliora potentes». **А. Леонтьевъ.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17-го августа 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

Библиотека "Руниверс"

Зъ лохвицкой	роботн.	7	тертичн.	пар.	3	кроковъ	пар.	7	латинъ	20
Зъ сѣвчан.	„	5	„	„	2	„	„	5	„	10
Зъ лубенской	„	8	„	„	4	„	„	15	„	30
Зъ лукомской	„	6	„	„	3	„	„	5	„	20
Зъ чигир.	„	4	„	„	2	„	„	4	„	15
Зъ город.	„	2	„	„	—	„	„	2	„	10
Зъ чорнуской	„	5	„	„	2	„	„	6	„	—
Зъ пѣрат.	„	8	„	„	6	„	„	6	„	20

Швакгеръ п. Михайла проехалъ черезъ Роменъ. Климъ молодикъ отпущенъ въ Глуховъ до панеи зъ конми 10.

24. Важничого синъ поехалъ въ Гадячъ. Зъ Глухова принесенъ указъ и зъ нимъ сенатскій указъ зъ формуляромъ, якъ судить и якъ чолобитніе принимать.

25. Полковникъ Манштейнъ, зъ Полтави едучи, нарочно заехалъ въ Роменъ и тутъ ночовалъ. Человѣкъ, козакъ хоролскій, отъ сотника тамошнего пріехалъ зъ листомъ о злочинцахъ, проявившихся у футорѣ моемъ. Чернѣцкій Петро, посиланный въ Глуховъ, зъ грамотою и унѣверсалами, въ коллекгію, повернулся назадъ зъ тимъ, будто оніе и показовани и скопіовани въ коллекгіи.

26. Неделя. Полковникъ Манштейнъ обѣдалъ у насъ и долго гулялъ, а потимъ и ночовалъ и всѣ подпіяхомъ. Отдавалъ дочь свою Яковъ, дозорца, за Уманца молодого, въ Глуховъ.

27. Пріехалъ салдатъ зъ Глухова отъ коллекгіи зъ указомъ, чтобъ дать вѣдомость въ коллекгію почему продается водка простая кухва, и сколко въ оной вѣдеръ московскихъ etc. Козакъ хоролскій отправленъ зъ отвѣтомъ до сотника тамошнего, о злочинцахъ. Полученъ листъ зъ Веремѣевки, отъ комисара Шимка Іосифа, о работникахъ, дранѣ и протчемъ увѣдомляючій.

28. Зъ писмами отъ Манштейна пріехалъ драгунъ. Отправилемъ отвѣти до капитана и Шимка, у Веремѣевку. Послалемъ Алексѣйця, конюшого, въ Токарѣ, чтобъ онъ зъ конми 4, вороностроками, ехалъ въ Ахтирку, до князя Голицина. Повернулся назадъ зъ Гадяча Ющенко.

29. Отправилемъ драгуна отъ Манштейна присланного, зъ конми гнѣдими, въ даръ ему посланними, и зъ писмомъ къ нему писаннимъ. П. п. Федоръ и Демянъ, дядки, пріехали въ Роменъ.

Библиотека "Руниверс"

30. Виехалемъ зъ Ромна на ночъ въ Засулле, а потомъ вернулемся назадъ. Братъ п. Андрѣй пріехалъ.

31. Прапорщикъ, квартермистръ, зъ Гадяча пріехалъ отъ Румянцова, а самъ господинъ Румянцовъ зъ Гадяча поехалъ въ Лютенку для сватби, п. Бороховичевой, Юрю Еропкину приговореной. Куріеръ зъ С. П. Бурху до господина Румянцова пріехалъ. Повернулся зъ Глухова Степанъ лубенскій и привезлъ отъ домашнихъ моихъ писма ко мнѣ: отъ господара и панеи о поведенияхъ господарскихъ.

1. Февраль. Виехали на встрѣчъ къ Липовому, противъ брегадира господина Румянцова, и стрѣтили его на границѣ полку гадяцкого, которій въ нашей каретѣ въехалъ въ Роменъ и поздравили его 7 штуками пушокъ. Того жъ вечора просто въехалъ въ домъ нашъ и вечералъ у насъ.

2. Неделя. Рано бувъ я у Протасіева, которій, же его не потканно, много зъ гнѣвомъ виговорувалъ. По службѣ божой брегадиръ велѣлъ всѣмъ намъ къ нему на квартеру его бить, где питался о чолобитной, поданной въ С. П. Бурху імпер. величеству, хто извѣстенъ. Потимъ обѣдалъ у насъ и бувъ до ночи, а посля опроважали его до квартери и тамъ играли въ карти, и я програлся.

3. Молебенъ бувъ соборній и стрѣляли зъ 9 пушокъ на день Анни, тезоименитой государини цесаревни, а по молебнѣ въ брегадира обѣдъ кушали и въ карти играли. У вечеру у насъ вечерали и долго просидѣли.

4. Брегадиръ самъ на своей обѣдалъ квартерѣ. Отъ Шимка, комисара, зъ Веремѣевки, получилъ писмо о магазену здѣланномъ. Романъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

5. Брегадиръ рано далъ указъ и чолобитніе для изслѣдованія. Другій указъ собственно къ мнѣ прислалъ о козакахъ, въ Наружжю будто отъ нѣкоторого старости за караулъ бранихъ и битихъ, на что я отвѣтъ учинилъ, что того не свѣдомъ. Знову повторително указъ далъ мнѣ увѣдомитись самому и потомъ о томъ—было ли или нѣтъ, его репортовать. Обѣдалъ у насъ и виехалъ у вечеру, которого опроважали за Процювку, и тамъ долго пивши, розлучились;

Библиотека "Руниверс"

онъ поехалъ въ Глуховъ, а я вернулся и долго блудилъ по дорозѣ, поколь налучилъ въ Роменъ.

6. Сотники дали вотумъ быть Пріймѣ Семену атаманомъ въ Лубняхъ. Прійму за зборщиками послалемъ зъ чорнуской одного, а зъ городиской двохъ вибрать. Потимъ порозездились старшина.

7. Були первій разъ у судовнѣ и суплѣки многихъ изслѣдовали. Алексѣецъ слуга повернулся зъ листомъ отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки. Адамъ отъ родителя повернулся и подпіяхомъ. Отправили Верещаку въ Медвежое, чтобъ онъ виправилъ козаковъ нововписнихъ и старосту Захарія въ Глуховъ.

8. Были такожъ у судовнѣ и вершили нѣсколко чолобытень. Получилемъ знову писмо отъ Шимка, о здѣланномъ магазейну. Указъ отъ брегадира получили о козаку волошиновскомъ Пилипенку, чтобъ ему попадя тамошная кгрунта привернула, а сама за оніи взяла грошей зол. 60, о чомъ ми такъ и указъ дали. П. Федоръ, дядко, отехалъ въ Прилуку. Василь Бажановичъ (?) пріехалъ зъ виномъ, зъ Кіева. Получилъ я писмо отъ правителей о вистатченню 100 подводъ въ Гадячъ, подъ провіянтъ, для запроваженя оного въ Ахтирку, о чомъ симъ сотнямъ, смѣловской, роменской и глинской, указами и предложилемъ. Отписалемъ до Шимка, жебы деревню, якая отъ магазену останется, здалъ атаману веремѣевскому зъ росписком.

9. Неделя. Принесенъ ко мнѣ отъ правителей листъ о зборщикахъ въ глинскую сотню, зъ Ромна вибраннихъ, что будто они не письменніе. П. Кочубей зъ Засулля поехалъ въ Глуховъ. Обозній и писаръ писали ко мнѣ о челобитчикахъ зъ дотклівостю.

10. Атаманъ хоролскій пріехалъ ко мнѣ зъ листомъ обозного миргородского о злочинцяхъ, у хуторѣ моемъ проявившихся. Неспалемъ ночь для алтераціи сонной.

11. Капитанъ Юрій Федор. Яропкинъ пріехалъ въ Роменъ зъ Гадячого. Атамана хоролского отправилемъ зъ отвѣтнимъ до обозного писмомъ. Староста сухоносовскій пріехалъ и явился мнѣ. Знову отъ Шимка получилемъ писмо о магазену додѣланомъ.

12. Рано зъ Яропкинымъ видѣлься. Писалемъ до Занковского, чтобъ онъ зъ атаманомъ горошинскимъ розискалъ о козакахъ наруж-

Библиотека "Руниверс"

скихъ, о которихъ господинъ брегадиръ писалъ ко мнѣ. Тако жъ, чтобъ после о злочинцяхъ тихъ розискалъ, о чомъ и до Орановского писалемъ. Юска, конюшого, зъ конми и зъ писмами отправилемъ въ Глуховъ. Соколничій зъ Глухова зъ каретою, якою туда пріехалъ брегадиръ, повернулся.

13. Кулиничъ бувъ зъ атаманомъ роменскимъ, зъ которимъ розговорували.

14. Попадю миколаевскую мѣрковали, на килко сотъ зол. ей давано и жита. У судовнѣ о Жванченку мнѣнія говорили. Писмо отъ Протасіева о чинахъ получилъ. До смѣловского городничого о зборщикахъ писалемъ. Гаврило зъ Глухова пріехалъ.

16. Недѣля. Обозній обѣдалъ. У вечеру канонъ воскресенскій пѣли.

17. Послали въ Глуховъ доношеніе къ брегадиру Румянцову, въ коллекгію и канцеллярію, о медвежовскихъ. Особливое доношеніе послалемъ о требованіи новомъ компанѣйцовъ.

18. Господаръ зъ Ігнатомъ и Каневскимъ отправленъ въ Токарѣ. Шимко зъ Веремѣевки пріехалъ и донеслъ о магазейну зробленномъ.

19. Старшина здѣшная роменская за арештъ на арматѣ осажена была, за нескорую выправу зборщиковъ въ Глуховъ зъ сотнѣ глинской. Князя Александра Лукича, полковника тверского полку, поворочоючогося отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки, отютантъ билъ у мене. Отъ Манштейна вахмистръ пріехалъ зъ писмомъ и зъ деньгами 20 рублями въ доплатку за лошадѣ 4, до князя Голѣцина отпроваженніе. Зборщиковъ въ Глуховъ отправили глинскихъ. Полъ 4 кухви меду розсичени въ шинкъ мой.

20. Вахмистръ отправленъ назадъ зъ отвѣтомъ до Манштейна. Отписалъ смѣловскій городничій, же не винаходится единъ зборщикъ. Шишка, атаманъ караулній, вибитъ зоставъ за отпускъ зъ за друка (?) войта. Старшина прощени зостали. Писмо отъ надзирателя противъ донесенія зборщиковъ. Романъ въ Лохвицю посланъ. Воску, зъ меду оставшогося, забито камень и 4 фунти, отъ 10 вѣдерокъ. До суддѣ гадяцкого послалемъ о подводахъ, если оніе потребни для отпроваженія оттоль провіянту въ Ахтирку.... (?).

Библиотека "Руниверс"

21. Отъ брегадира Румянцова и зъ канцеллярiи войс. писма медвежовскiй козакъ попривозилъ. Въ Городище, до сотника тамошнего, писалемъ по жалобѣ козаковъ городискихъ.

22. Причащался. Юско, повернувшись съ Глухова, привезлъ отвѣтнiе писма отъ брегадира, Веляминова и отъ графа Матвѣева, отъ панеи 30 рублей. Отъ Манштейна повторне прiехалъ зъ деньгами и трубкою. Отъ отца Ѳоми збриского получилемъ писмо. Отъ суддѣ Штишевского отвѣтъ о подводахъ получилемъ, же потреба оніе висилать.

23. Неделя. Укази повторніе о висилцѣ подводъ въ Гадячъ писалемъ. До Манштейна драгуна отправилемъ, взявши 10 рублей, писалемъ и до капитана Филозофова. Алексѣй, конюшiй, отправленъ въ Кривую Руду. Въ Бубни рано зъ п. Демяномъ поехавши, наспѣлисмо на службу и на крестини дочери отца Свѣта.

24. Зъ Глухова повернулся лубенскiй сторожъ Михайло зъ отвѣтнимъ писмомъ брегадира господина Румянцова о принятихъ рѣшеніяхъ нѣкоторимъ чолобитнимъ и о мнѣнію на чолобитте Жванченка. Ячменю послалемъ въ Глуховъ 24 четверика своей роменской мѣри. Прiйму Семена атаманомъ въ Лубняхъ городовимъ устроилъ.

25. П. Демянова прiехала. О Рубашного справѣ переговорували. Прiйма атаманомъ лубенскимъ отправленъ, которому и чолобитная горошинцювъ дана.

26. Заболѣлемъ на жолудокъ. Проносне лѣкарство принималъ. До полковника Шереметева писалемъ о занятомъ драгунами въ Лохвицѣ шинку родителскомъ, чтобъ былъ ослобоженъ.

27. У шинкара тутейшого взято грошей 60 зол. Каптенармусъ зъ Глухова въ Сорочинцѣ до Жукова, полковника, поехалъ и визичилъ у мене кулбаку. Писалемъ до суддѣ гадяцкого о подводахъ, посилаючихся для провiянта въ Гадячъ, чтобъ, если возможно, отпущени были назадъ. До надзирателя Нелидова писалемъ противъ доношенiя зборщиковъ. Въ Смѣлое до атамана писалемъ, требуючи извѣстiя, если подводъ 25 виправлено въ Гадячъ. До Якова писалемъ, жебы онъ ехалъ въ Горошинъ для присутствiя розискови, мѣючому по чолобиттю горошинцювъ о шкодахъ ихъ, чинитись.

Библиотека "Руниверс"

28. Прапорщикъ гварнизону глуховского Тихонъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ и подалъ мнѣ указъ зъ коллекгіи о себѣ, что онъ и бунчуковій товаришъ Іванъ Ломиковскій послани сюда, въ Роменъ, для розиску новописнихъ медвежовскихъ козаковъ. Отъ Занковского получилемъ писмо зъ розискомъ въ Наружжю оправленнимъ. Писалемъ до Григораша и протчіихъ, чтобъ въ Горошинъ для розиску з'ехали, о чомъ обявляючи и до Орановского писалемъ, а писма послани Михайломъ сторожемъ. Василь Дацѣй пріехалъ зъ писмомъ громаднимъ на атаманство лукомское. Обозную зъ вувковцями росправили. Черезъ козака хмѣловского принесенъ указъ зъ коллекгіи о томъ, чтобъ виборъ за щетчикомъ Яковомъ Алифѣровимъ прислать за руками старшини лубенской, о чомъ того жъ часу и писалемъ въ Лубнѣ и листъ отправить Яновскому далемъ.

29. Указъ зъ коллекгіи малор. принесенъ о показаніи зборщикамъ імбаровъ на збори.

1. Мартъ. Стесліовскій пріехалъ зъ указомъ монаршимъ зъ вой. енер. канцеллярііи, за подписомъ коллежскимъ, чтобъ висилать 350 козаковъ до крѣпости и до Дербенѣ, для строенія, на перемѣну прежнимъ. Волжинъ, прапорщикъ, обѣдалъ у насъ.

2. Указъ отъ правителей листовне о судѣ, чтобъ оній по давнему обикновенію и порадкамъ отправлять. П. Демянова отехала въ Журавку. Перейшолъ въ хату просторную (?).

3. Обозній пол. луб. отехалъ въ домъ, для жени своей болѣзнуючой. Гаврило зъ конми по панюю посланъ. Матвѣецъ, писарчикъ, пріехалъ зъ Глухова, ездившій за п. Кочубеемъ. Компанѣйцѣ, пріехавши, були у судовнѣ и упоминались, особливо асаулъ, зъ доткливою рѣччю о фуражніе денги. Книги, привезенніе Матвѣйцемъ, компута полковіе за Зеленского бившого и настоящого полковниковъ, отослалемъ къ Волжину.

4. Каптенармусъ, ездившій въ Сорочинцѣ, повернулся и у мене кушалъ, черезъ которого папѣръ табаку къртузного графу Матвѣеву послалемъ въ Глуховъ. Литвишко пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ господина Румянцова, жебы по челобитной его, занесенной на родителя, дѣло его было изслѣдовано.

Библиотека "Руниверс"

5. Указъ получилемъ зъ коллекгіи о подрадѣ вина. Несторъ зъ Глухова повернулся. Отецъ Кирилъ, іерусалимита, пріехалъ.

6. Черезъ лохвицкого сторожа писалемъ до Румянцова Александра Івановича, доносячи о наружскихъ козакахъ. До коллекгіи послалемъ поручне писмо о щетчику Олихвѣрову, до енер. канцелляр. о заплатѣ полковимъ служителемъ и о нововписнихъ козакахъ до походу.

7. Черезъ сторожа чорнуского до господина Румянцова писмо отъ родителки послано, объ отставцѣ справи зъ Литвишкомъ до повороту, до канцелляр. енер. о Корицкомъ опушнянскомъ—онъ ли устроенъ въ походъ, до п. Скоропадского; до его жъ и писмо, къ ясневел. писанное, послалемъ. Зъ коллекгіи указъ ко мнѣ присланъ, о присилкѣ 20 рубліовъ, взятихъ сотникомъ сенецкимъ, когда въ Пѣтербурхъ ехалъ, зъ добръ его. До атамана чорнуского писалемъ, чтобъ ишолъ въ походъ. До епископа бѣлгород. отца Тихорского, черезъ Кирила, іерусалимиту, писалемъ, тогда отехавшого отъ насъ его, Кирила. Зарудного отправилемъ.

8. Нецѣля. Листи, до Девейзбаха писанніе, послалемъ къ Зарудному. Крестини были у отца намѣстника роменскаго Іоанна, где и я былъ.

9. Повернулся Воротелякъ зъ репортами отъ старшини, что получили они указъ о виправѣ товариства до крѣпости Св. Креста 600 человѣка зъ полку и готови по тому повѣленное вскорѣ исполнить.

10. Леонтій Янковскій, зъ Павломъ, поехали въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллекгію о нововписнихъ козакахъ, прося изслѣдованія. Мокіенко, атаманъ чорнускій, пріехалъ отпрошуватись отъ походу. До Корицкого, сотника опошнянского, учрежденного коммендѣромъ до крѣпости, писалемъ повторне, питаючись, где бы полкъ лубенскій моглъ зъ нимъ злучитись. Значковихъ во всѣ сотнѣ для вигону товариства зъ указами нарадилемъ и оніе Яновскому, писареви, далемъ. До Скосира, чигирин. атамана, писалемъ, жебы о жовнинцяхъ, скинувшихъ Пархома зъ атаманства, розискалъ и виннихъ скаралъ. Самойла Заиского, жителя рокгинского, судили въ судовнѣ,

Библиотека "Руниверс"

которій, вину свою признавши, и повинную далъ. Воронижскій отецъ Филипъ пріехалъ. Зъ п. Демяномъ о его отездѣ корреспондовалисмо.

11. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и обѣдалемъ въ Смѣломъ; тамъ указъ Стефану, атаманови смѣлянскому, о учрежденіи его коммендѣромъ надъ товариствомъ въ походъ низовій, полковій далемъ, а другій Леонтію Романчуку, о устроеніи его атаманомъ и сотникомъ наказнимъ. До п. п. Федора Билима, писара Савѣцкого и Василя Дяченка о правленіи полковомъ писалемъ. На ночъ пріехалемъ въ Грузкую и тамъ ночовалемъ.

12. Повернулися съ Глухова сторожъ чорнускій и лохвицкій, зъ отвѣтнимъ о справѣ Литвишка писмомъ господина Румянцова, о здѣлкѣ и зъ другимъ листомъ правителскимъ, о непремѣнномъ Корицкого въ походъ за коммендѣра опредѣленіи, о нововписнихъ, чтобъ тихъ не висилать, о якихъ идетъ споръ, о заплатѣ служителемъ пол., что развѣ въ другій разъ промеморію въ коллекгію о томъ пошлютъ. Отправилемъ сторожа лохвицкого въ Роменъ зъ листами до родителки о Литвишку, до писара о вишпеозначенномъ листѣ правителскомъ и о публѣкованіи указовъ, зъ коллекгіи присланнихъ; тако жъ о посилцѣ 3 человѣка въ Перекоповку, для осмотренія заводу ихъ зъ судѣною; до сотника чорнуского зъ отвѣтомъ, что на прошеніе его нельзя уволнить Мокіенка отъ походу. Поехавши оттуду, пріехалемъ къ Сейму и, перевезшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, откуду писалемъ Василю Бажановичу експедицію и послалемъ черезъ римарового зятя Кирика. Янковскій видѣлся. Виехавши оттуду, пріехалемъ позно до Тулиголовъ. Въ Тулиголовахъ, въ имбарѣ, горѣлки оковитой зъ кухви, а простой S. Присмотрувалемся въ винницѣ и тамъ въ оной ночовалемъ.

13. Перепустъ зъ кадкою вымѣрали, такъ отъ кадки остается еще глекъ, которихъ въ носатцѣ чили кадцѣ 17 есть, а такъ повинни бъ быти набѣжки семанадцять. Пріехалемъ на ночь въ Глуховъ.

14. Рано бувъ въ п. суддѣной енер. и на службѣ тамъ же, въ дворѣ панскомъ. У вечеру былемъ въ дворѣ брегадирскомъ зъ Никитою. Оттоль у маіора Кошелева, где и господину Румянцову кланялся, куда потомъ и брегадиръ Вельяминовъ пріехалъ. Лаврѣна,

Библиотека "Руниверс"

сотника бывшого бѣлоцерковского, припроважено въ Глуховъ, по сказцѣ Василя запорожця, которій потомъ, отпущенъ зоставши, бувъ зъ нами у брегадирскомъ дому.

15. Недѣля. Рано у господина Румянцова былемъ. По службѣ божой у брегадира Вельяминова; оттоль у сотника глуховского, где просилемъ, чтобъ писара Савѣцкого не брали въ секретарѣ, чили реента, до канцелляріи. П. Андрѣй, швакгеръ, освобожденъ зосталъ зъ подъ арешту. Дома обѣдали всѣ ми, а зъ нами Тарновскій и Доброницкій.

По обѣдѣ, у вечеру, господинъ Румянцовъ, Протасіевъ и протчіе поехали зъ Глухова въ Москву, которихъ всѣ опровожалисмо за городъ. Вернувшись, у брегадира были и, випивши по стакану, домой разехались. Пріехавши до дому, вечералемъ зъ швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ.

16. Писалемъ въ Роменъ до родителки о поведеніи глуховскомъ, о себѣ, до писара Савѣцкого о полковихъ дѣлехъ, до сотника наказ. глинского, о кущахъ сливахъ 300, чтобъ оніе сюда прислать, о томъ же и до господара Андрѣя. Особливе до его о соли, жебы сюда прислать оную всю. Ездилемъ въ Сварковъ, где Плетюнцѣ погребъ направить верхній и сподній зробить велѣлемъ, и у его за конѣ, по его словахъ, 70 зол. есть, за якіе куповать брусся казалемъ дубовіе. Оттоль въ Калюжновскимъ футорѣ бувъ, где возовъ осмотрувалемъ направляючихся семи, а целихъ добрихъ возовъ 8 воловихъ. Тютюну осмотрувалемъ. На греблѣ калюжновской былемъ, где оную справить поднялся Грицко Перехристъ. Павелъ Огѣенко пріѣхалъ за Кролевца въ Глуховъ. Порутчикъ Нелединскій інгермоландского полку былъ у мене зъ указомъ колежскимъ, тое въ себе маючимъ, жебимъ далъ вѣдать—дани ли раціони оберъ и ундеръ офѣцерамъ, коммендѣрованнимъ прошлого году на каналную роботу, или не дани и кому именно, о чомъ писалемъ до Савѣцкого писара зъ товарищи, чтобъ они, справившись зъ коммисарами зъ полковими, о томъ вѣдомостъ ко мнѣ прислали, и тотъ листъ зъ указомъ самимъ, въ оній включеннимъ, черезъ того Нелединского и отправилемъ въ Роменъ.

Библиотека "Руниверс"

17. Бувъ у Кошелева полковника, а при мнѣ и Леонтій былъ и писмо ему отъ матки дано. Оттоль поехавши, былемъ у п. Андрѣя Миклашевского, где и Іванъ Максимовичъ билъ, которому говорилемъ о водцѣ двойной, за якую пеняетъ мене братъ его, а я оную по его прошенію не въ Москву, але въ Почепъ отослалъ. Оттоль поехавши, съ княземъ Четвертинскимъ и зъ племѣнникомъ его Дзѣневичомъ видѣлемся, а оттоль былъ на огородѣ бѣлополовскомъ и водою до двора пріехалемъ. Обѣдалемъ въ дому, а зо мною швакгрѣ и Тарнавскій и Добронизкій. Рано Остапъ, за пянство и небреженіе о господарствѣ, наказанъ. Отправилемъ 5 подводъ въ Тулиголови, а оттоль оніе, взявши 3 кухви горѣлки оковитой и двѣ простой, поехали въ Роменъ. У склепу билемъ, где у сподномъ вина 2 бочалки, а анталовъ 3 неповнихъ, а еденъ повнѣйшій, четвертій, куда Михайло Скоропадскій привалился зъ Никитою Степановимъ да зъ Сухаревимъ, аттютантами.

18. Рано бувъ у брегадира, где и правителѣ були; оттоль до правителей ходилемъ, где 4 чолобитнихъ на родителя видѣлемъ. Микола лубенскій пріехалъ зъ Лубенъ зъ жалобою на сотника, и письма привезлъ отъ писара Савѣцкого. Садовнику два рублѣ денегъ далемъ. Войту Плетюнцѣ далемъ наказъ пунктами о нѣкоторихъ інтересахъ.... (?) поехалъ.

19. Принесенъ указъ къ брегадиру—ехать ему въ Москву ради обявленія о зборахъ. Въ коллегіи былемъ и зъ Артелнимъ [1]) видѣлемся. На чолобитную Калюжненковъ о футорѣ калюжновскомъ ответное подалемъ доношеніе. У вечеру у брегадира былемъ, которій о бувшемъ войту Александру, чоломбитствовавшомъ на родителя, говорилъ, что оному до повороту отказано. Тогда жъ его и пожекгналемъ.

20. Петро брегадирскій бувъ у мене, которому на дорогу московскую далемъ тютюну 50 папушъ. П. Андрѣю, швакгру, кортикъ далемъ. Гаврилови указъ далемъ переписать отъ шинкарей

---

[1]) Иванъ Артельный—секретарь малороссійской коллегіи.

Библиотека "Руниверс"

реестра. До правителей отписалемъ о своемъ отездѣ, и виехалемъ на ночь въ Тулиголови.

21. Въ Тулиголовахъ Романови далемъ грошей зол. 40, на заплоченне виннику. Мартина, молодика, отправилемъ въ Глуховъ, и черезъ его послалемъ наказъ Остапови во многихъ пунктахъ, другій—ключникови, третій—писмомъ до Гаврила. Горѣлки въ имбарѣ 6 куховъ, а семая сипалась. Весъ квѣтка ключникового не казалемъ Романови горѣлки нѣкому давать, опричъ тулиголовского шинкара. Казалемъ, жебы винникъ двадцятую набѣжки отселѣ давалъ, а набѣжки давней сѣмъ носатокъ заразомъ далъ. До кролевецкого сотника писалемъ о учиненню сатисфакцѣи зъ Бориса Сикаленка, козака бистрицкого, купившого себѣ гай, которій давно ми еще купили на зрубъ. До Леонтія Янковского писалемъ, чтобъ онъ зъехалъ въ Тулиголови и увидѣлся зъ Михайломъ Турчиномъ и переговорилъ зъ нимъ о пенѣ попа тулиголовского, за футоръ упоминаючогося, такожъ и о чолобиттю его Михайлового сина за коня и погребщину. Виехавши оттоль, пріехалемъ на ночь въ Ворголъ, до п. Стефана Миклашевского.

22. Неделя. Писалемъ въ Тулиголови до Романа, повторяючи о двадесятой набѣжцѣ. Тако жъ, чтобъ розокъ зъ гливы парѣзавши, послалъ въ Глуховъ щепити. На службу божую пріехалемъ въ пустинку Мутинскую, зъ п. Стефаномъ Миклашевскимъ. Надиктовалемъ п. Стефану доношеніе въ канцеллярію и листъ до судящихъ о 30 рубляхъ, доводячихся ему отъ жида, шинкара его, Побѣлѣвичу (?).

23. Черезъ Леска, кухара, пріездившого сюда, послалемъ писемъ три въ Роменъ: 1, до родителки, и подорожная Бажановичу; 2, до писара Савѣцкого, а въ немъ листовъ правителскихъ два для дѣйствія, и унѣверсалъ мой о посилцѣ супплементу козакамъ, будучимъ у крѣпости, зъ домовихъ; 3, до Селецкого, а въ немъ порахунокъ, рукою отца Савецкого писанній, Чорнѣцкого, Алексѣя Перехриста, и Якова Дуброви и Селецкого; а тіе писма Лескови велѣлемъ зъ Мутина козакамъ послать заразъ. П. Стефанъ Миклашевскій отехалъ въ Ворголъ, черезъ его писалемъ до

Библиотека "Руниверс"

Остапа, что онъ куповалъ въ пятокъ прошлій жито по 10 зол. съ шостакомъ, а господаръ п. Миклашевского пишетъ, что продавалось тогда жито по 9 зол. Тако жъ и о томъ писалемъ до его жъ, жебы онъ побувавъ у Дорофѣевича Афанасія и торгъ учинилъ о нивахъ его, близъ Калюжновского футора обрѣтаючихся. Жена моя вчорайшого дня виехала зъ Глухова и теперъ въ Ворглѣ обрѣтается.

24. Въ пустинцѣ Мутинской будучи, 17 каѳиму противъ еврейской библіи перевелъ зъ иншихъ діялектовъ на рускій. Швакгеръ п. Андрей прислалъ своего молодика о томъ, что якоби хлопецъ... (?) мѣлъ виправленъ бить ко мнѣ отъ Леонтія, зъ фалшивимъ доношеніемъ. Писалемъ до Остапа о Забарѣ, въ дорогу его спросить, и о взяттю горѣлки войтомъ и о розданню въ Сварковѣ носатками передъ святками (?) носатка по 10 зол.

24. С. Григорія, Неокесарійского чудотворца, слово на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы зъ латинского на язикъ рускій переведлемъ. Отъ Григорія Остапенка получилемъ листъ зъ инквизиціею о Рубашномъ виведенную, которой суплѣковалъ на родителя до Румянцова, за вирубъ луга. Отъ енерала Девейзбаха отвѣтній листъ, о межованню Андрѣяшовки писанній, что андрѣевскимъ людямъ позволяетъ поля будто андрѣяшовского употреблять до осени, а отъ осени запрѣщаетъ. Отъ пѣратинского сотника наказ. о дворянахъ Андрѣяша, побившихъ дощенского козака велми. Отъ Скосира атамана зъ питаннемся—где гроши взять на заплату ремесникамъ, работавшимъ у магазена.

26. Ігнату Каменскому далемъ кущиковъ 10 орѣховъ волоскихъ, особливе яблунъ, рузокъ на щепленне и черешень, да листъ до Якова Вурвихвоста, просячи его о рузки дулевіе, все жеби отсилалъ въ.... човъ казалемъ ему жъ, и писмо до Остапа писалемъ о пересланню того всего въ Сварковъ. До старости мутинского Коржа писалемъ о уволненню рибалки одного. Выѣхалемъ зъ пустинки човномъ до пристанѣ, где обѣдалемъ зъ Троцкимъ меншимъ, повернувшимся зъ Глухова. Поехавши оттоль, ночовалемъ въ Грузкой.

27. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Смѣлое о полудни, где городничій обогналъ и самъ бувъ. Григор. Манджосъ явился тутъ

Библиотека "Руниверс"

же и о своемъ послушаніи, то есть вигонѣ въ походъ товариства, донеслъ, что сотникъ наказній зъ тиждень, якъ вийшолъ, а еще до указного числа человѣка 10 козаковъ невійшло, которому и осталнихъ висилать приказалемъ. Писалемъ до Леонтія Янковского, жебы упомянулся объ отвѣтъ у правителей на доношеніе мое, въ канцелярію енер. о заплатѣ полковимъ служителемъ писанное, а если самъ виехалъ зъ Глухова, то жебы Бяловскій тое учинилъ. Писалемъ тако жъ до Остапа господара, чтобъ онъ прислалъ 2000 папушъ тютюну въ Камень [1]) и написалъ би до Ігната, чтобъ тамъ зложенъ былъ въ цѣлости; приложилемъ и тое, чтобъ Плетюнка роздавалъ подданимъ горѣлку, хто ....тъ по 10 зол. носатку передъ святами, вмѣсто того, чтобъ куповали въ городѣ. Пріехалемъ на ночъ въ Роменъ, где и Леонтій Янковскій явился. Тогда жъ явился и Орановскій, пріехавшій зъ Сухоносовки.

28. Подводи сварковскіи, припровадившіи сюда горѣлки оковитой 3, а простой 2 кухви, взяли отсюду соли бочокъ 5, а ячменю четвериковъ 10, въ Глуховъ, мѣри роменской. Іванъ Перехристъ, пріехавши зъ ярмарку борзенского, привезлъ купленнихъ рѣчий: аксамиту чорного локоть зъ чверткою, полкаруну штукулокоть у 27, и 5 киндяковъ зеленихъ. Черезъ брата сторожа лохвицкого послалемъ указъ во всѣ сотнѣ о скоромъ вигонѣ козаковъ въ низовій походъ.

29. Неделя. Обѣдалъ Волжинъ и судіевичъ Василь у насъ. Романъ, молодикъ, привезлъ зъ собою воску 2 пуда и 10 фунтовъ. Указъ зъ коллекгіи присланъ ко мнѣ о гаченню гребель, по прежнему, козаками и посполитими.

30. Зъ трехъ куховъ горѣлки оковитой, насипали барилъ числомъ 11. Толко простой горѣлки продали вѣдерокъ 4, а всѣхъ вѣдеръ будетъ (?), а написалъ оніе Василь, бывшій ключникъ. Сторожъ глинскій отправленъ зъ доношеніемъ въ канцелярію о виходѣ товариства въ низовій походъ. Черезъ его жъ писалемъ до Остапа о господарскихъ інтересахъ. До отца Пахомія мутинского масть и

[1]) Село кролевецкаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

листъ (?), до п. Миклашевского Стефана—8 папушъ турецкого тютюну. Писмо получилемъ отъ Корицкого, въ которомъ ознаймуетъ о скоромъ своемъ выходѣ и нечеканню другихъ полковъ.

31. По тому писму писалемъ указъ во всѣ сотнѣ о якъ найскорѣйшемъ выходѣ и порушенню; тако жъ и до сотника наказ. смѣлянского, чтобъ поспѣшался. Барму молодикамъ моимъ далемъ: лутшимъ карунъ и по 5 копъ грошей; середнимъ тожъ карунъ и по 11 зол., другимъ карунъ же и по 10 зол., а подлѣйшимъ полкарунъ и по 9 зол., машталѣрамъ—блакитное товстое сукно и грошей: одному рубль, а другому 3 зол., Кухтикови Петру такое жъ сукно и грошей таляръ; Лисому, новутному машталерови, 3 зол.; Орановскому—сукна французского и лудану бѣлого. У шинкара роменского до першихъ 60 зол., взяли теперь 40 зол. Кафанъ, зеленій, штофовій, мнѣ покраяно. Масть на голову отъ аптекара. Виправили подводъ три въ Глуховъ зъ борошномъ, именно: пшона кухва, муки пшеничной и крупъ, мяса свинного 50 пат. (?); суконъ двѣ, едно лутшое, а другое карунъ Остапу и его женѣ, а третее полкарунъ Климу, и писалемъ до нихъ, жеби Останъ зъ грошей росходнихъ себѣ взялъ 20 зол., а Климу 9 зол. далъ. Тогда жъ послалемъ сѣмена садовнику. Отъ сотника наказного глинского привезено сливъ венкгерскихъ кущиковъ 44, а черешень 36, якіе на Манастирищи [1]) волошинъ виноградній посадилъ. Леско сторожъ въ Глинскъ ездилъ виганяти въ походъ противниковъ.

1. Априль. Слово на Страсти Христови началемъ компонувать. До сотниковъ наказнихъ лукомского, сенецкого и пѣрятинского, чтобъ для сторожъ ихъ, обрѣтаючихся въ походѣ, вибравши плату, посилали черезъ ординуючихся козаковъ. Зъ Нѣжина для пана (?) привезено тютюну турецкого 5 окъ. Сторожа новутного сенецкого послалемъ въ Глуховъ зъ двома доношеніями въ коллекгію малороссійскую, зъ которихъ въ едномъ резолюціи просимъ: медъ зборній, порученній намъ, якъ би продавать, а въ другомъ—розиски и рѣшенія противъ чолобитнихъ, отъ господина Румянцова даннихъ намъ, включенни.

[1]) Въ г. Ромнѣ.

Библиотека "Руниверс"

2. Гаврило молодикъ пріехалъ зъ Глухова и привезлъ грошей, отъ шинкарей отобранныхъ, 12 рублей, а 20 р. далъ господару Остапу, на жито куповать. А такъ всѣхъ грошей отобралъ отъ шинкарей 32 р. за напитокъ роздачи Василевой, а еще, по сказкамъ шинкарскимъ, доводится: на Плетюнцѣ за кухву гор. остатку, сколко по вимѣру покажется, бо далъ уже 15; такъ же и отъ Забари за кухву жъ ихъ, до 13 рублей взятихъ, тожъ по вимѣру, а отъ Івана, замѣского шинкара, за мѣрницю меду, недоплаченнихъ 11 зол. Тютюну всего калюжновского, по его лѣчбѣ, показалось 2236 папушъ. Воску, всего въ склепу и на горѣ, показалось грудокъ 28, а въ нихъ ваги каменей 14 и полъ 7 фунта. Замковъ 4 до дверей. Цегли 5000 здѣланой обявилъ Остапови и казалъ оную запровадить въ Сварковъ. Калнѣцкій зъ Москви пріѣхалъ и за воли мои 14, такожъ грошей 15 р. привезлъ готовихъ грошей рублей 40 (?) да перцю полпуда, да три пари панчушокъ дѣтямъ, да смирни фунтъ, да шкатулку за рубля, а на немъ доводится немалая сума, бо приходитъ 100. Отъ Быдлова листъ и лѣкарства и рецептъ [1]). Пилипъ шоръ шестерню чернихъ принеслъ, зовсѣмъ зробленнихъ. Кунтушъ суконній зеленій покраяли мнѣ. Ездилемъ на Засулле, где у кулики тютюнъ казалемъ класти.

3. Указъ зъ канцелляр. за подписомъ колежескимъ присланъ ко мнѣ, а въ немъ копія именнихъ указовъ імпер. величества нѣсколько о разнихъ інтересахъ, которіе укази далемъ Яновскому, жеби отнеслъ до Савѣцкого писара, для переписки и посилки, ради публѣкаціи, въ сотнѣ. При томъ же указъ до Новѣцкихъ, о прибуттю ихъ въ Глуховъ.

4. Отъ смѣлянского сотника получилемъ отвѣтъ о его оборотѣ у нѣякихся Бѣркахъ (?). Сторожъ сенецкій, посиланній въ коллекгію, зъ доношеніями двома, однимъ о меду, якъ его продавать, прося резолюціи, а другимъ о рѣшеннихъ чолобитнихъ, якіе подавалъ Румянцовъ намъ судить, вмѣсто отвѣту, карту привезлъ такую, что доношенія тіе приняти у коллекгіи, отъ его жъ сторожа.

---

[1]) Сбоку выписанъ рецептъ.

Библиотека "Руниверс"

Вози мои 4 къ Царицину війшли, а Гаврило тютюну 1000 папушъ взялъ, зъ которихъ 800 въ позику я себѣ казалемъ взять, а 200 ему позволилемъ. Подъ тими жъ возами воловъ 16.

5. Неделя. Коваль, сторожъ роменскій, пріехалъ отъ родителя зъ писмами.

6. Пасѣчника наняли до моей пасѣки за 6 коп. и свиту, албо зол.

7. Глинскіе гости поприездили.

8. Нѣчого потребного до записанія не случилось.

9. Виправили Юска да Гаврила, и Якова Величка. Юскови врученнихъ родителскихъ возовъ 27, Гаврилови моихъ 4, а Величко поднялся услужить намъ въ томъ, чтобъ на вози тіи накупить рибы вялой, на якую далемъ грошей 20 р., а особливе кухву болшую горѣлки велѣлемъ тамъ продать въ царич., що справити, и картою мнѣ данною поднялся. Прето въ завѣдованню Гаврила горѣлки оковитой 12 барилъ, а въ нихъ вѣдеръ 64 и 1 кварта. Тютюну подлѣйшого 1000 папушъ, а лутшого 800. Ему жъ на дорожніе експенса далемъ грошей рублей 6. Подъ тимъ воловъ 16, а подъ нимъ конь шинкаръ. Леска сторожа послалемъ въ Сорочинцѣ зъ листами до п. Петра Апостола и до обозного Родзянки, упоминаючись о людей и статокъ мой, въ Хоролѣ держиміе. Романъ молодикъ поехалъ въ Лохвицю и Сенчу меду куповать, а грошей въ него было шинковихъ 18 таляр., а я далемъ отъ себѣ 14 рублей, а всѣхъ на зол. 124 зол. Отъ Корицкого, сотника опошнянского, ординованного въ низовій походъ, полученъ листъ о его у Олшаной оборотѣ и о учрежденіи справнѣйго якого бъ комендѣра, вмѣсто Назаріева. Сотникъ наказній роменскій, по взяттю указу еще позавчорайшого дня, сего дня поехалъ у вечеру къ товариству, наряженному въ походъ. Отцу Павлу кафанъ данъ отъ мене. Староста коровинскій присилалъ писмо о побиттю, учинившомся, якоби отъ виправнихъ людей нашихъ, куда на розискъ посланъ отсюду атаманъ роменскій и Калнѣцкій дворанинъ.

10. Указы въ сотнѣ послании до старшинъ о продажѣ меду казенного, а посланъ одинъ зъ нихъ въ глинскую сотню, а оттоль

Библиотека "Руниверс"

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Полтавщина въ XVII вѣкѣ. Ал. М. Лазаревскаго (357—374).

II. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Н. В. Шугурова (375—406).

III. Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. IX. Г. В. Есипова (407—426).

IV. Ѳедоръ Лисовскій. 1709—1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.). С. П. Моравскаго (427—454).

V. Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. Н. В. Стороженка (455—465).

VI. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). X. (466—477).

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Письмо Н. И. Костомарова. А. Л. Червонорусскія вирши XVIII в. Мирова. Одинъ изъ предметовъ старинаго малороссійскаго щегольства Крещенскія скачки въ екатеринославской губ. Ив. И. Манжура. Слезнорыдающее прошеніе малороссійскаго дидаскала. О. Л. Сѣчевая школа. В. Щербины. Просьба объ установленіи таксы на требы въ половинѣ XVIII в. А. А. Разсказъ о „турбаевской катастрофѣ. Арк. Л—нко (478—494).

VIII. Библіографія. 1) Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVI-й. 2) Акты, издаваемые виленской археографической коммиссіею. Т. XVII. 3) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси. Томъ XI. И. М. Каманина. Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. В. Щербины. Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. В. Я. Лисовскій А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. А. І. Степовича. А. И. Марковичъ. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. А. І. Степовича. „Епархіальныя Вѣдомости“ южно-русскихъ губерній въ 1890 г. И. А. Житецкаго. А. С. Фоминцынъ. Гусли. А. І. Степовича. Обозрѣніе журналовъ (495—520).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.

2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, нерологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Библиотека "Руниверс"

ПОЛТАВЩИНА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Полтавскій полкъ,—одинъ изъ десяти, на которые была раздѣлена старая Малороссія,—занималъ междурѣчье Орели и Ворсклы, распространяясь частью и на правый берегъ послѣдней, т. е. занималъ нынѣшніе уѣзды: полтавскій, кобеляцкій и частью константиноградскій. Орелью, притокомъ Днѣпра, полкъ отдѣлялся отъ дикихъ степей, по которымъ свободно бродили только татары и запорожцы.—Сосѣдство съ татарами и вслѣдствіе того постоянная опасность отъ ихъ нападеній заставили народъ при заселеніи этой мѣстности кучиться въ многолюдныя поселенія—„городки“. Городки эти, первоначально, размѣстились исключительно по берегамъ Ворсклы и Орели; на берегахъ первой возникли: Вел. Будища, Полтава, Ст. Санжары, Нов. Санжары, Бѣлики, Кобелякъ, Соколка и Кишенка, а на берегахъ Орели—Китай-городъ, Царычанка, Маячка и Нехвороща. Кромѣ этихъ двѣнадцати городковъ, были еще четыре: изъ нихъ три на Днѣпрѣ,—Орелъ (теперешній Ст. Орликъ), Переволочна и Келеберда,—а четвертый на Голтвѣ (притокъ Псла)—Решетиловка.

Поселенія эти возникли и устраивались впродолженіи всего XVII в., какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: турецкіе и крымскіе купцы, торгуя съ Москвой въ XVI в., ходили въ послѣднюю двумя путями; одинъ путь шелъ—съ Перекопа на Тавань и на замки—на Черкасы, на Каневъ и Кіевъ; а другой путь велъ, когда „опускали ту звычную дорогу, хотячи пройти полями, а не дорогою“,—„съ Перекопа *чрезъ поля яловыя*, на

Библиотека "Руниверс"

врочище Санъ-Чарово“ [1]). Послѣднее урочище указываетъ, безъ сомнѣнія, на мѣстность Старыхъ Санжаровъ, гдѣ, слѣдовательно, поселенія въ XVI в. не существовало, какъ не существовало и другихъ поселеній на берегахъ Ворсклы и Орели, берега которыхъ и называются здѣсь *полями яловыми*, т. е. пустыми, незаселенными.—Въ томъ же XVI в., берега Ворсклы считались принадлежностью жителей праваго берега Днѣпра, составляя ихъ „уходы“, т. е. мѣста, гдѣ они промышляли звѣря и заводили пасѣки [2]). Владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ и были, конечно, первыми колонизаторами мѣстности, впослѣдствіи составившей Полтавскій полкъ.

Сколько можно судить о характерѣ этой мѣстности по тѣмъ отрывочнымъ описаніямъ, которыя мы находимъ въ юридическихъ актахъ второй половины XVII в., Орель и Ворскла въ XVI—XVII в., были достаточно многоводными рѣчками, берега которыхъ покрыты были густыми дубовыми, липовыми и осокорьими (осокорь=populus nigra) лѣсами; заднѣпряне прорубливали эти лѣса и среди лѣсовъ являлись—„сѣчи“, а на этихъ сѣчахъ устраивались хутора, въ которыхъ селились пришельцы, чтобы промышлять пчеловодствомъ и отчасти—звѣремъ и рыбой. Хутора превращались въ слободы, когда заднѣпровскіе владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ двинулись цѣлыми массами на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь сначала отъ польскихъ насилій, а потомъ—отъ татарскихъ разореній. Въ исторіи заселенія Полтавщины видны три періода: 1, первая половина XVII в., когда заселились берега Ворсклы; 2, вторая половина XVII в.,—время заселенія береговъ Орели и 3, первая половина XVIII в., когда скученное населеніе городковъ и селъ XVII-го в. стало искать новыхъ болѣе привольныхъ угодій и заселило слободами оставившіяся еще незанятыми сѣчи по Ворсклѣ и Орели и пустые до того берега Коломака и Орчика.

Городки и села по Ворсклѣ селились въ первой половинѣ XVII-го в., какъ видно изъ отрывочныхъ свѣдѣній, встрѣчаемыхъ

---

[1]) Книга посольск. Метрики вел. кн. Литовск. I, 30.

[2]) Въ 1545 г. козаки кіевскіе, каневскіе и черкасскіе говорили: „были есьмо а входехъ нашихъ, т. е. на Хороле и на Ворскле“. Тамъ же.

Библиотека "Руниверс"

въ юридическихъ актахъ. Имѣется напр. достовѣрное указаніе о времени заселенія Полтавы; указаніе это находимъ въ слѣдующемъ свидѣтельскомъ на судѣ показаніи 1681 г.—„старинный и подейшлый барзо въ лѣтехъ Яценко Барчанинъ,—тенъ старушокъ подъ боязнью Божію повѣдѣвъ (повѣдалъ), якъ мя, панове, видите старого, еще *якъ Полтава заснъдала слободою*, на той (спорной) сѣножати косилемъ... [1])". Въ 1641 году Полтаву видимъ уже городомъ, принадлежавшимъ Александру Конецпольскому, который заселялъ полтавскія окрестности новыми слободами [2]). Въ это время и поселились, должно быть, села по той Ворсклѣ: Патлаевка, Семеновка, Петровка, Гавронцы, Стасовцы; вправо отъ Ворсклы—Диканька, Жуки, Тахтауловъ, Осмачки, Ивончинцы, Рыбцы, Гуджулы, Мартыновка, Шостаки, Супруновка, Пушкаровка, Горбаневка, Мильцы, Куклинцы, Мачохи, Росошинцы... Всѣ эти села, возникшія въ первой половинѣ XVII в., старались не отдаляться отъ Полтавы, въ которой только и можно было укрыться въ случаѣ татарскаго набѣга. Въ Полтавѣ въ это время сидѣлъ намѣстникъ Конецпольскаго, панъ Сокольскій, который защищалъ окрестное населеніе, прогоняя набѣгавшихъ татаръ [3]).—О времени основанія всѣхъ перечисленныхъ селъ, можно судить по разсказу о заселеніи одного изъ старыхъ селъ—Стасовцовъ; этотъ разсказъ заключается въ одномъ свидѣтельскомъ показаніи 1700 г.—„Семенъ и Григоръ Потапенки, рожоные братья, козаки и жители стасовскіе, въ лѣтахъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣлые, люде учтивые и вѣры годные, сумненемъ (совѣстью) обовязани, повѣдѣли: еще подъ часъ Кумейщины (1637 г.), будучисмо лѣтъ недорослихъ, зъ отцемъ нашимъ зайшлисмо до села Стасовецъ и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куренювъ (курень=жилье) больш нѣкого не было; а одъ того вре-

[1]) Протоколы полтавск. полковаго суда XVII в. Рукоп. нашей б—ки.

[2]) Акты Ю. З. Р. Ш, 54.

[3]) Въ 1648 г. гадяцкій полковникъ Конецпольскаго писалъ бѣлгородскому воеводѣ Бутурлину „и тое твоей милости ознаймую, иж у пятницу прошлую панъ Сокольскій билъ татаровъ пять миль отъ Полтавы и зъ ласки Божіей погромилъ ихъ"... Акты Ю. З. Р. Ш, 115.

Библиотека "Руниверс"

мени рокъ по року, стало людей прибувати; а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млиновъ не бувало. Подъ часъ тежъ берестецкого роздруху (1650 г.) въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мостъ былъ построенъ, гдѣ теперь гребля найдуется... [1])".

Берега Орели заселились послѣ разоренія турками Умани въ 1673 г.—Величко, самъ полтавецъ, разсказываетъ, что послѣ разоренія правобережной Украины, „народъ многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирался и—на сію Днѣпра сторону перебирался и гдѣ улюбя—для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣсца; и особливо въ полку полтавскомъ засѣлъ по рѣцѣ Орели новыми городами, то есть: Китай-городомъ Царычанкою, Маячкою, Нехворощею и Келебердою [2])".

Будучи удаленъ отъ центра тогдашней Малороссіи, полтавскій полкъ не привлекалъ высшей войсковой старшины своими маетностями, которыя чисто степнымъ своимъ характеромъ, не представляли, кромѣ того, особыхъ экономическихъ выгодъ; поэтому козачье сословіе здѣсь не было такъ порабощено, какъ въ остальныхъ, особенно сѣверныхъ, полкахъ и до настоящаго времени еще оставило поселенія, населенныя исключительно козачьимъ сословіемъ. Избавленные отъ старшинскаго гнета, полтавскіе козаки долѣе другихъ сохраняли стародавніе обычаи свои и „вольности", выражавшіеся преимущественно въ свободномъ выборѣ старшины. Въ этомъ отношеніи, полтавскій полкъ представляетъ собою исключеніе изъ остальной Малороссіи, гдѣ не только крестьяне, но и козаки съ конца XVII в. становятся почти въ полную зависимость отъ той старшины, которая, хотя и считалась выборною, но въ сущности представляла собою гетманскихъ чиновниковъ... Въ полтавскомъ полку гетманская власть не находила возможнымъ держаться тѣхъ порядковъ, какіе установились въ другихъ полкахъ, въ особенности остерегаясь сосѣдняго съ Полтавщиной Запорожья, которое, давши Хмельницкому первыя средства для возстанія противъ поляковъ, смотрѣло затѣмъ на гетманщину,

[1]) Протоколы полтавск. полков. суда. Ркп.

[2]) Лѣтоп. II, 356.

Библиотека "Руниверс"

какъ на свое дѣтище и постоянно, до конца XVII в., стремилось къ подчиненію гетманской власти своему вліянію; съ этой цѣлью Запорожье очень нерѣдко высылало въ Малороссію своихъ агентовъ, въ родѣ Петрика, для возбужденія народа противъ гетмановъ, и послѣдніе не безъ основанія старались, по возможности, не давать Запорожью поводовъ къ протестамъ противъ тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій [1]). *А запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой*", говорилъ въ 1661 г. одинъ наблюдательный современникъ [2]).

Во всей Малороссіи полчане и въ XVII в. (не говоря уже о послѣдующемъ времени) находились въ совершенной зависимости отъ своихъ полковниковъ, на выборъ которыхъ они не имѣли почти никакого вліянія; въ Полтавщинѣ же выборъ полковниковъ почти до конца XVII в. дѣйствительно зависѣлъ отъ воли „товарищества", козаковъ, хотя послѣдними въ такихъ случаяхъ всегда руководилъ небольшой кружокъ богачей, умѣвшихъ подчинить своему вліянію остальныхъ полчанъ. Кружокъ этотъ составляли слѣдующія лица: Мартынъ Пушкарь съ сыновьями, Искра, Ѳедоръ Жученко, Демьянъ Гуджолъ, Прокопъ Левенецъ, Демьянъ Яковенко и Леонтій Чернякъ; впослѣдствіи въ этотъ кружокъ втерся, по свойству съ генеральнымъ обознымъ Забѣлою, и сынъ выкрещеннаго еврея—Павелъ Герцикъ. Все это, кромѣ послѣдняго, были старинные и богатые козаки Полтавщины. Изъ нихъ Пушкарь, Искра, Жученко и Гуджолъ были записаны уже въ старѣйшемъ козачьемъ реестрѣ 1649 г. [3]). Встрѣчая около Полтавы села, названія которыхъ тожественны съ прозваніями нѣкоторыхъ изъ нихъ (Жуки, Гуджулы, Пушкаровка), можно предположить, что названныя лица были первымъ поколѣніемъ основателей этихъ селъ; такимъ образомъ вліяніе и значеніе этого кружка основывалось на старинной

---

[1]) Самъ Мазепа побаивался Запорожья; такъ, въ 1692 г. онъ писалъ въ Москву, что „о маетностяхъ, разнымъ особамъ данныхъ, происходятъ межъ посполитымъ вопль и пререканія, *а особо отъ запорожцовъ произносятся голосы, къ шатости склонные*... Чт. въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I, 5.

[2]) Акты Ю. З Р. VI, 99.

[3]) Реестра Войска Запорожск. 1649 г. Изд. Бодянскаго, стр. 279—283.

Библиотека "Руниверс"

извѣстности тѣхъ козачьихъ родовъ, къ которымъ принадлежали члены его. Въ продолженіе всей второй половины XVII в. названные коноводы интриговали другъ противъ друга, стараясь захватить полковничій урядъ въ свои руки; но когда одному изъ нихъ это удавалось, тогда остальные соединялись вмѣстѣ и начинали интриговать противъ своего же избранника, пока не успѣвали въ чемъ нибудь обвинить его передъ „товариществомъ“. Тогда урядъ доставался другому и такъ далѣе почти до конца XVII в.

Ближайшее ознакомленіе съ подробностями частой смѣны полтавскихъ полковниковъ можетъ представить интересныя данныя для изученія народной жизни въ южной части старой Малороссіи.

Полковничье властительство въ Полтавщинѣ открывается извѣстною личностью Мартына Пушкаря, одного изъ видныхъ сподвижниковъ Хмельницкаго. Пушкарь былъ ревностнымъ сторонникомъ Переяславскаго договора 1654 г. и по смерти Хмельницкаго цѣлый годъ боролся съ Выговскимъ, защищалъ единеніе съ Москвою, и не будучи поддержанъ московскимъ правительствомъ, погибъ въ 1658 г. Пушкарь правилъ полтавскимъ полкомъ около девяти лѣтъ (1649—58). На мѣсто его выбранъ былъ старшій его сынъ Кирикъ Пушкарь, который продолжалъ противиться планамъ Выговскаго, для чего получилъ и помощь изъ Москвы, но разореніе Полтавы Выговскимъ совсѣмъ измѣнило настроеніе полтавцевъ [1]). Въ ноябрѣ 1658 г. Кирикъ Пушкарь былъ „скинутъ“, а на мѣсто его выбранъ старый козакъ полтавскій Филонъ Горкуша, который, какъ кажется, былъ нѣкоторое время полковникомъ и при Хмельницкомъ [2]). Горкуша, будучи сторонникомъ Выговскаго, скоро былъ скинутъ и замѣненъ младшимъ братомъ Кирика Пушкаря, Маркомъ. Послѣдній поѣхалъ было въ Москву хлопотать о поддержкѣ противъ Выговскаго [3]), но въ отсутствіе

[1]) Акты Ю. З. Р., IV, 196. Величко, I, 333.
[2]) Акты Ю. З. Р., IV, 202. Величко, I, 300.
[3]) Акты Ю. З. Р., IV, 206.

Библиотека "Руниверс"

его (лѣтомъ 1659 г.), полковникомъ былъ выбранъ снова Кирикъ Пушкарь, который, увидѣвъ усиленіе Выговскаго послѣ сраженія подъ Конотопомъ, думалъ уже было смириться и началъ переговоры о томъ съ однимъ изъ старшинъ Выговскаго—Каплонскимъ. Объ этихъ переговорахъ узналъ полтавскій воевода Зиновьевъ и Кирикъ былъ арестованъ, а полковникомъ полтавцы выбрали Ѳедора Жученка [1]) (въ іюлѣ 1659 г.). Ѳедоръ Жученко держался Юрія Хмельницкаго, и когда послѣдній передался на сторону поляковъ, не отставалъ отъ него и пошелъ съ нимъ за Днѣпръ. Въ маѣ 1661 г. полтавцы выбрали полковникомъ Демьяна Гуджола, и Жученко „сталъ вины свои добивать [2])“...

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, искателями булавы явились два сподвижника стараго Хмельницкаго—Самко и Золотаренко. У обоихъ права были одинаковыя, оба пользовались равною извѣстностью въ „Войскѣ“ и потому выборъ межъ ними былъ труденъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ не хотѣлъ уступить другому. Такимъ положеніемъ дѣла въ Малороссіи воспользовалось Запорожье и выставило своего кандидата—въ лицѣ Брюховецкаго. Послѣдній былъ поддержанъ южными полками—лубенскимъ, миргородскимъ и полтавскимъ, населеніемъ которыхъ Сѣчь преимущественно и пополнялась. Гуджолъ тоже ревностно поддерживалъ Брюховецкаго, сначала не поѣхавъ на раду козелецкую, гдѣ выбранъ былъ Самко, а потомъ громко заявляя, что одна надежда на такого гетмана, который выбранъ будетъ полною, *чорною* радою, т. е. такою радою, которою будетъ заправлять чернь, причемъ послѣднюю должны были составить приведенные Брюховецкимъ запорожцы. Брюховецкаго выбрали, но плохо пришлось отъ этого выбора не только его противникамъ, но и тѣмъ сторонникамъ, которые не принадлежали къ Запорожью [3]). Добившись булавы интригами, Брюховецкій понималъ непрочность своего положенія и рѣшилъ держаться, опираясь ис-

[1]) Т. ж., 241.
[2]) Т. ж., V. 65.
[3]) Акты Ю. З. Р. VII, 345—347.

Библиотека "Руниверс"

ключительно на Запорожье. Получивъ изъ рукъ Великогагина булаву 19 іюня 1663 г., Брюховецкій въ тотъ же день „во всѣхъ городахъ своихъ полковниковъ поставилъ изъ тѣхъ людей, которые съ нимъ вышли изъ Запорожья“ (Самовид., 41). Смѣненъ при этомъ былъ и Гуджолъ, а на мѣстѣ его явился Савва Ѳедоровичъ Омельницкій, конечно запорожецъ. О поставленныхъ Брюховецкимъ полковникахъ лѣтопись „о презрѣльной брани“ говоритъ, что всѣ они были „зъ гултяйства запорожского наставленіе, которіе зъ голоты (изъ бѣдняковъ) ставши на началахъ и у крамарей (мелкихъ торговцовъ) себѣ дщери ихъ побравши, до оныхъ и сами приставша и хитро яко самоволци, имѣяху всегда на мысли разграбленіе [1])“...

Изъ числа такихъ полковниковъ, вѣроятно, былъ и Омельницкій, котораго мы встрѣчаемъ всего разъ [2]). Черезъ два года онъ почему то былъ замѣненъ другимъ запорожцемъ—Витязенкомъ, передъ тѣмъ занимавшимъ урядъ генер. бунчучнаго (А. Ю. З. Р. V, 234 и VI, 15,53). Отъ этого Витязенка и даже отъ жены его натерпѣлись полтавцы не мало бѣдъ.

Вообще время Брюховецкаго для Полтавщины было горше Выговщины. Кромѣ полковниковъ „изъ гультяйства запорожского“, Брюховецкій привелъ съ собою еще и воеводъ, которые должны были переписать все населеніе Малороссіи и затѣмъ собирать съ него подати. Такихъ воеводъ Малороссія передъ тѣмъ не видѣла и никакъ не могла съ ними помириться, тѣмъ болѣе, что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо должно было возбуждать народъ... Воеводою въ Полтаву былъ присланъ Хитрово, который, кромѣ того, что слишкомъ круто началъ установлять новые порядки, велъ себя въ отношеніяхъ съ народомъ грубо, не отличая никакимъ вниманіемъ и заслуженную старшину. Послѣдняя писала Брюховецкому въ 1661 г. слѣдующее: „неизносныя неправды и утѣсненія воевода чинитъ,—коней осталыхъ въ домѣхъ въ подводы велитъ имати москалямъ... не осматриваясь,—

[1]) Лѣтоп. Грабянки, изъ непропущеннаго цензурою мѣста, слѣдующаго въ изд. 1854 г., за стр. 194.

[2]) Проток. полтавск. полк. суда.

Библиотека "Руниверс"

въ домахъ не только меншихъ товаришовъ, но и здавна заслуженныхъ бывшихъ полковниками, яко-то Ф. Жученка, Д. Гуджала, К. Пушкаренка, К. Кублицкаго и иныхъ... Занимаетъ наши дома подъ постой, ругая и полковника нашего,— *съ ласки и милости вашей намъ данного, которого какъ отца почитаемъ*... И который товарищъ прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ... И безчестье такое терпимъ отъ него и всѣхъ начальныхъ, что если его, воеводу, перемѣнить не изволишь, то мы, забравъ женъ и дѣтей, по нуждѣ пойдемъ куда очи" [1]). Эту жалобу полтавцы писали едва ли не по наущенію Витязенка (самому ему неловко было говорить противъ воеводы), потому что въ ней нѣтъ упоминанія о насиліяхъ полковника, который не только не былъ „отцомъ" для своихъ полчанъ, но утѣснялъ послѣднихъ не меньше воеводы. Полковой судья Климъ Чернушенко разсказывалъ въ 1667 г. стольнику Кикину, что Витязенко „козаковъ многихъ напрасно зневажаетъ, а иныхъ и бьетъ напрасно; а жена де его полковникова жонъ козацкихъ напрасно жъ бьетъ и безчеститъ. А кто-де, козакъ или мужикъ, упадетъ хотя въ малую вину и онъ-де полковникъ того человѣка животы всѣ, и лошади и животину, емлетъ на себя. Да онъ же со всего полку согналъ мельниковъ и заставилъ на себя роботать, а мужики-де изъ селъ возили ему, полковнику, на дворовое строеніе лѣсъ и устроилъ де онъ себѣ домъ такой, что де у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ... А приводитъ де его, полковника, на всякое злое дѣло, и на корысть, и на грабленіе, жена его полковникова да писарь его полковый Ильяшъ Туранскій; а онъ-де, писарь, и пуще полковника корыстуется и людей невинно грабитъ безъ остатку, а мы-де ему, писарю, и не вѣримъ что-де онъ съ того боку Днѣпра" [2]).

Положеніе дѣлъ въ Полтавѣ было тяжелое: съ одной стороны воевода тѣснилъ, а съ другой—полковникъ грабилъ; на гетмана надѣяться было нечего, потому что онъ же выпросилъ

[1]) Акты Ю. З. Р., VI, 132.
[2]) Т. ж., VI, 195.

Библиотека "Руниверс"

воеводъ, да и полковника поставилъ по своему выбору. Полтавцы хотя и терпѣли, но втихомолку раздумывали—какъ избавиться отъ чужепришельцевъ, присланныхъ имъ въ начало. Уже въ 1666 г. Меѳодій, епископъ мстиславскій, говорилъ Шереметеву, что „въ Запорогахъ и въ Полтавѣ учала быть шатость великая; что въ Полтавѣ люди пуще всѣхъ шатки и къ Запорогамъ близки и съ запорожцы въ мыслехъ бываютъ согласны“ [1]). Но прежде чѣмъ полтавцы до чего нибудь додумались, самъ Брюховецкій началъ то, о чемъ думали полтавцы. Слыша общій ропотъ народа, Брюховецкій рѣшилъ, что только одинъ выходъ для него возможенъ: изгнать воеводъ и тѣмъ снова привлечь къ себѣ народъ. На крещенскомъ съѣздѣ 1669 г. старшины въ Гадячѣ, Брюховецкій сообщилъ свой замыселъ полковникамъ, а на первой недѣлѣ поста первый воевода былъ изгнанъ изъ Гадяча самымъ гетманомъ. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась по всей Малороссіи: повсюду воеводъ стали изгонять и бить, гдѣ они сопротивлялись. Но изъ Полтавы воевода былъ выпровоженъ „за порадою и совѣтомъ людей умныхъ, въ цѣлости и безъ кровопролитія [2])“ Во главѣ полтавскихъ мудрецовъ стояли, конечно. Жученко и Гуджолъ,—сторонники единенія съ Москвою.—Вслѣдъ за изгнаніемъ воеводъ народъ возсталъ и противъ Брюховецкаго и 7 іюня онъ былъ убитъ близъ Диканьки, почти тамъ же, гдѣ убитъ былъ и Пушкарь. Какъ только пришла въ Полтаву вѣсть о смерти гетмана, полтавцы рѣшили положить конецъ и его ставленнику—Витязенку. Полковой судья Чернушенко, особенно злобившійся на своего полковника, поднялъ бунтъ: взяли Витязенка и есаула его Обѣденка, „до арматъ поковали и вскорѣ тиранско въ смерть позабивали, а домы ихъ розграбовали. А по кончинѣ Витязенковой, они-жъ полтавцы избрали и постановили себѣ полковникомъ добраго, смиреннаго, побожнаго и простодушнаго человѣка, Демьяна Гуджола“. Такъ записалъ въ своей хроникѣ Величко, самъ полтавецъ и потому, вѣроятно, хорошо знав-

[1]) Т. ж., VI, 98 и 104.
[2]) Велич. II, 161.

Библиотека "Руниверс"

шій и Витязенка, и Гуджола. Но ни смерть Брюховецкаго, ни убійство Витязенка не успокоили полтавцевъ. Они желали видѣть преемникомъ Брюховецкаго Дорошенка, самого популярнаго претендента на булаву, за котораго тянуло руку и Запорожье. Между тѣмъ русское правительство выставляло кандидатомъ въ гетманы—черниговскаго полковника Многогрѣшнаго, который ни службою, ни способностями не выдѣлялся изъ рядовъ войсковой старшины. Въ февралѣ 1669 г. пришла въ Полтаву царская грамота, которая звала полтавскую старшину въ Глуховъ, на раду. Полтавцы рѣшили не ѣхать на раду, на которой уже предрѣшено было избраніе „Многогрѣшнаго“ [1]). Но Гуджолъ и по своему добродушію, и по опытности, повидимому, не раздѣлялъ настроенія своихъ полчанъ, потому что его въ это время съ полковничества скинули; вмѣсто него выбрали—Костю Кублицкаго, вѣроятно, какъ сторонника Дорошенка. Руку послѣдняго въ это время держали и сосѣдніе съ полтавскимъ полки—миргородскій и лубенскій. Кублицкій поспѣшилъ съ своими сотниками въ Чигиринъ, къ Дорошенку, куда звалъ послѣдній полтавцевъ, вмѣстѣ съ миргородцами и лубенцами, на совѣтъ—какъ избавиться отъ Многогрѣшнаго. Въ Чигиринѣ было рѣшено, что выбранному въ Глуховѣ гетману покориться не слѣдуетъ, потому что „по милости царской“ Дорошенко успѣетъ отнять у него булаву, принадлежащую ему по всѣмъ правамъ.

Многогрѣшный и самъ чувствовалъ, что булава ему досталась только вслѣдствіе удачно сложившихся для него обстоятельствъ; поэтому онъ и не думалъ смирять упорства полтавцевъ. Онъ только жаловался царю, что его не хотятъ признавать гетманомъ три южные полка. Изъ Москвы, въ апрѣлѣ, снова попробовали уговаривать полтавцевъ „вины свои принести, присягу учинить и быть у Многогрѣшнаго въ послушаніи и въ совѣтѣ“ [2]). А вслѣдъ за царскою грамотою и Многогрѣшный послалъ свой „листъ“ въ Полтаву, совѣтуя Кублицкому отстать отъ Дорошенка; но полтавцы—и „отвѣта никакого не

[1]) Акты Ю. З. Р., VIII, 154, 95.
[2]) Т. ж., 155.

Библиотека "Руниверс"

дали", доносилъ гетманъ въ Москву, добавляя, что „хотя они повинуются нынѣ Дорошенку, только больше поглядаютъ на Суховѣеву руку и едва посланцовъ своихъ въ Запороги не посылали" [1]). Суховѣя въ это врема выставило Запорожье своимъ кандидатомъ на булаву, вѣроятно разсчитывая, что Дорошенко слишкомъ популяренъ, чтобы при немъ Запорожье могло сохранить то значеніе и вліяніе, которыми оно пользовалось при Брюховецкомъ. Но полтавцы неотступно держались Дорошенка и въ іюнѣ послали помощь его отряду, высланному къ Ромну противъ сторонниковъ Многогрѣшнаго [2]). А между тѣмъ изъ Москвы пришла къ Кублицкому третья грамота, угрожавшая присылкою на Полтаву кромѣ ратныхъ людей, еще и „калмыцкихъ тайшей со всѣми ихъ улусными людьми", если только полтавцы будутъ продолжать свое упорство и не явятся къ Многогрѣшному съ повинною [3]). Послѣдняя грамота произвела нѣкоторое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ на Кублицкаго: можно догаться, что послѣдній, видя, что Дорошенко никакихъ рѣшительно мѣръ къ искорененію Многогрѣшнаго не принимаетъ, а притомъ и Запорожье уже отстало отъ него, совѣтовалъ своимъ полчанамъ смиряться.—Но тутъ возстали старые вожаки, напомнили, что и Многогрѣшный согласился принять въ нѣкоторые города воеводъ и Кублицкій былъ съ полковничества скинутъ и замѣненъ уже извѣстнымъ намъ Горкушею. Полтавцы надѣялись, что Горкуша, какъ старый товарищъ Дорошенка, не покорится случайному гетману. Сохранилось замѣчательное письмо Горкуши, которое онъ написалъ Многогрѣшному вслѣдъ за выборомъ своимъ въ полковники.—„Изъ царской грамоты уразумѣли мы, что не желаетъ и не позволяетъ царское пресвѣтлое величество никакому православному народу чинить непокой и кровопролитіе; а ты невѣдомо отъ кого,—отъ царя ли православнаго или отъ врага душевнаго, принялъ на себя высокій урядъ гетманства запорожскаго вмѣсто даннаго тебѣ и.

---

[1]) Т. ж., 161.
[2]) Т. ж., 238.
[3]) Т. ж., 247.

Библиотека "Руниверс"

гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ сѣверскаго гетманства [1]) и уподобился сатанѣ, потому что тотъ урядъ гетманства запорожскаго взятъ тобою помимо воли и войска и ясневельможнаго п. гетмана нашего; а заслуги твои войску запорожскому, какъ намъ извѣстно, мало знатны. При этомъ ты еще и страшилъ насъ всякими силами войскъ царскихъ; но мы, имѣя защиту Божью и охрану нашего п. гетмана съ его сильными полками, запорожскими, крымскими, бѣлогородскими и турскими, нимало твоихъ угрозъ не боимся и, какъ на врага, изготовили на тебя въ Полтавѣ десять тысячь сабель! Не ждемъ отъ тебя правды и ты не надѣйся, чтобъ мы тебѣ поклонились. А если хочешь,— ищи себѣ милости у п. гетмана Петра Дорошенка; а къ намъ и не пиши, и не шли никакихъ своихъ угрозъ, потому что Богъ намъ помощникъ и—не убоимся! Сего ради изволь писать къ п. гетману нашему, а къ намъ—вотще труждаешься: никогда того не будетъ, чтобъ ты былъ гетманомъ запорожскимъ и нашимъ! Сей нашъ отвѣтъ отъ всего поспольства, товарищества и мѣщанъославъ, добраго отъ Господа Бога здоровья, мирнаго покоя и милосердія Божія, яко сами себѣ, мирно желаемъ" [2]).

Такой открытый протестъ полковника противъ гетмана, утвержденнаго уже царемъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчателенъ для характеристики Полтавщины; видно, что послѣдняя, не боясь, выставляла свою оппозицію, конечно, разсчитывая на поддержку Запорожья.... Однакожъ, видя, что Дорошенко продолжаетъ сидѣть за Днѣпромъ и только одними универсалами грозитъ Многогрѣшному, смирились и полтавцы.... Горкуша, какъ сторонникъ Дорошенка, былъ скинутъ и замѣненъ снова старымъ вождемъ—Жученкомъ, который, благодаря житейской своей опытности, наконецъ покорилъ Полтавщину Многогрѣшному. Но когда послѣдній былъ низложенъ въ 1672 г., то тогда

---

[1]) Убивъ Брюховецкаго, Дорошенко мечталъ немедленно замѣнить его и пошелъ къ Путивлю на соединеніе съ русскими войсками; но на дорогѣ получилъ извѣстіе о невѣрности своей жены и поспѣшилъ домой, за Днѣпръ; на время своего отсутствія, онъ оставилъ наказнымъ гетманомъ Многогрѣшнаго, который воспользовался этимъ случаемъ и добылъ себѣ полное гетманство....

[2]) Т. ж. 259.

Библиотека "Руниверс"

же низложенъ былъ и Жученко.... Вмѣсто Жученка былъ поставленъ опять Гуджолъ, который присутствовалъ уже и на радѣ, выбравшей Самойловича [1]). Но старые полковники уже не удовлетворяли полтавцевъ, потому что противъ Гуджола скоро поведена была интрига уже новымъ лицемъ. Интригу противъ Гуджола повелъ новый претендентъ на полковничій урядъ—Прокопъ Левенецъ, который и добился того, что въ 1674 г. его выбрали полковникомъ. Интересно, что послѣ этого Гуджолъ года три (1685—77 г.г.) занималъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ урядовъ, именно—полтавскаго городоваго атамана, который подчиненъ былъ непосредственно сотнику; затѣмъ въ 1678 г. видимъ Гуджола полковымъ судьею, а потомъ встрѣчаемъ его уже безъ всякаго уряда, рядовымъ козакомъ; такъ въ актѣ 1680 г. онъ пишется—„славетный панъ Демьянъ Гуджолъ, козакъ полтавскій". Видно, что демократическій строй козачества въ Полтавщинѣ сохранялся гораздо долыпе, чѣмъ въ полкахъ сѣверныхъ, гдѣ въ это время уже невозможенъ былъ фактъ, чтобы бывшій полковникъ ставился на низшій, судейскій урядъ, не говоря уже объ атаманствѣ. Добившись пернача, Левенецъ однакожъ не съумѣлъ его удержать, встрѣтивъ ловкую интригу Герцика, давно уже мечтавшаго о полтавскомъ полковничествѣ. Сынъ выкрещеннаго еврея, Герцикъ выдвинулся изъ темной массы послѣ того, когда въ 1667 г. генеральный судья Петръ Забѣла случайно женился на вдовѣ—матери Герцика. Въ это время, по разсказу Кочубея, Павелъ Герцикъ торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками [2])... А черезъ восемь лѣтъ онъ уже явился соперникомъ Левенца и былъ выбранъ вмѣсто послѣдняго—полковникомъ. Кочубей разсказываетъ, что Герцикъ „подольстившися и подмогоричившися козакамъ полтавскимъ, не съ заслуги какой военной, но по лукавому обману, выбранъ полковникомъ; и побувши на томъ урядѣ нѣкоторое время, былъ скинутъ" [3]). А подоль-

[1]) Величко, II, 311.

[2]) Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 145.

[3]) Т. ж., 147.

Библиотека "Руниверс"

стился Герцикъ такъ: въ октябрѣ 1675 г. Левенецъ, купивъ у одного козака хуторъ у Чорнаго озера, насыпалъ тамъ греблю, чтобы строить тутъ же водяную мельницу; но когда Левенцова плотина подтопила сосѣднія мельницы, Герцикъ подбилъ полчанъ жаловаться на полковника гетману. Полтавцы нашли болѣе удобнымъ прежде „скинуть“ Левенца и выбрать на его мѣсто Герцика, а потомъ уже послали жалобу Самойловичу. Въ январѣ 1676 г. былъ полученъ отвѣтъ гетмана: „абы больше не важился Прокопъ Левенецъ, бывшій полковникъ, перешкоды строити (причинять убытки) товариству и мѣщанамъ Полтавскимъ новозанятою греблею его на Чорномъ озерѣ“ и гребля его полчанами была уничтожена [1]). Но Герцикъ все таки долго не могъ продержаться на полковничествѣ: старые вожаки Полтавщины не могли спокойно видѣть своимъ полковникомъ человѣка, который самъ стыдился своего еврейскаго прозвища [2]). Осенью 1676 г. Жученко и успѣлъ было замѣнить Герцика, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдній снова захватилъ полковничій перначъ. Но этотъ разъ Герцикъ продержался впрочемъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ и въ февралѣ 1677 г. на полтавскомъ полковничествѣ является Демко Яковенко, личность совершенно новая, на которой полтавцы, можетъ быть, хотѣли помирить свои страсти; но и Яковенко продержался всего мѣсяцъ: выбранный въ февралѣ, онъ въ мартѣ долженъ былъ уступить мѣсто опять Левенцу, который въ это время понадобился, какъ искусный военачальникъ, для чигиринскаго похода. Левенецъ дѣйствительно отличился въ этихъ походахъ, особенно во второмъ. Величко записалъ въ своей лѣтописи иинтересный эпизодъ изъ чигиринской войны—какъ козаки „сами, безъ воли гетманской, внезапно и мужественно бросились на турецкіе обозы и, знатную въ нихъ сдѣлавши шкоду, счастливо вернулись къ своему обозу“, причемъ „добрые ихъ предводители и знаменитые рыцари—Ѳедоръ Жученко раненъ, а полковникъ Левенецъ, раненный вы-

[1]) Протоколы полтавск. полк. суда XVII в., рукопись.

[2]) Герцикъ нигдѣ въ актахъ не писался своимъ отцовскимъ прозвищемъ, всегда только—„Павломъ Семеновичемъ“.

Библиотека "Руниверс"

стрѣломъ изъ янычарки, съ коня свалился, но спасенъ былъ панцыремъ“ [1]). За чигиринскіе походы Левенецъ получилъ отъ царя двѣ похвальныя грамоты, одну въ декабрѣ 1677 г., а другую—въ ноябрѣ слѣдующаго.

Не успѣлъ Левенецъ вернуться съ полкомъ домой, какъ противъ него снова поведена была интрига тѣмъ же Герцикомъ, къ которому на этотъ разъ присталъ и Жученко, вѣроятно изъ зависти... На этотъ разъ впрочемъ полтавцы уже не рѣшились смѣнять полковника собственною властью, а пожаловались на Левенца гетману, что онъ „похвалки чинитъ на здоровье знатнѣйшихъ особъ и безчеститъ ихъ“. Гетманъ попробовалъ было защитить храбраго полковника, напомнилъ полтавцамъ о его недавнихъ заслугахъ, которыя онъ показалъ „въ очахъ“ гетманскихъ, но въ іюнѣ 1679 г. Левенецъ долженъ былъ уступить Жученку и на этотъ разъ уже навсегда; послѣ этого Левенецъ служилъ разъ, полковымъ обознымъ, во время коломацкаго похода, когда потребовалась, вѣроятно, опять его военная опытность, но полковничества уже не достигалъ. Пробывъ полковникомъ около года, Жученко встрѣтилъ новаго соперника въ лицѣ Черняка. Леонтій Чернякъ принадлежалъ также къ числу старинныхъ полтавскихъ козаковъ и съ 1673 г. занималъ урядъ генеральнаго есаульства; но этотъ урядъ былъ не важенъ, такъ какъ онъ не давалъ въ руки никакой самостоятельной власти; поэтому Чернякъ, на ряду съ Жученкомъ, Левенцомъ, Герцикомъ, былъ также постояннымъ претендентомъ на полтавское полковничество; но добился онъ его позднѣе другихъ: въ первый разъ Черняка выбрали лѣтомъ 1680 г. и онъ пробылъ полковникомъ около трехъ лѣтъ, пока снова былъ замѣненъ Герцикомъ, кажется, въ 1683 г. На этотъ разъ Герцикъ добился полковничества уже не интригою среди полчанъ, а подарками, поднесенными гетману и его сыновьямъ, при посредствѣ гадяцкаго полковника, Михайла Самойловича, гетманскаго племянника; такъ разсказываетъ Кочубей, добавляя, что Герцикъ, получивъ полковничій урядъ на этотъ разъ изъ рукъ гетмана, „всякими

[1]) Вел. II, 464.

Библиотека "Руниверс"

обидами описывалъ" послѣднему и Жученка, и зятя его Искру, желая очернить ихъ въ Батуринѣ и тѣмъ преградить на будущее время доступъ къ полковничеству [1]). Однакожъ, когда Самойловичъ былъ отставленъ отъ гетманства, то преемникъ его, замѣняя на Коломакѣ тогдашнихъ полковниковъ новыми, вмѣсто Герцика поставилъ полковникомъ того же Жученка, который „съ молодости лѣтъ своихъ до самой сивизны, во всякихъ оказіяхъ военныхъ значныя оказывалъ праци", какъ говоритъ о немъ актъ 1682 г. На этотъ разъ Жученко оставался полковникомъ до 1691 г., съ небольшимъ перерывомъ, въ 1689 г. когда онъ былъ замѣненъ Чернякомъ, котораго поставили, вѣроятно, сами полтавцы, помимо гетмана... Но Чернякъ былъ удаленъ и перначъ снова возвращенъ Жученку, къ которому Мазепа не могъ не благоволить, какъ къ тестю тогдашняго своего генеральнаго писаря и близкаго человѣка—Кочубея. Жученко пересталъ быть полковникомъ, вѣроятно, вслѣдствіе старости; но жилъ онъ и послѣ отставки еще долго, переживъ обоихъ своихъ зятей, Кочубея и Искру [2])... Жученка замѣнилъ Герцикъ, который, по разсказу Кочубея, и теперь „прелестно зосталъ полковникомъ", т. е. едва ли не купилъ этотъ урядъ у Мазепы... На этотъ разъ Герцикъ пробылъ полковникомъ до 1695 или 96 г. и замѣненъ былъ своякомъ Кочубея—Искрою. Оставлено было Герцикомъ полковничество, вѣроятно, по старости, такъ какъ трудно предположить, чтобы Мазепѣ простодушный Искра былъ желательнѣе „цѣкаваго" Герцика [3])...

---

[1]) Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 148.

[2]) См. Русск. Арх. 1875 г., I, 409.

[3]) Оставивъ войсковую службу, Герцикъ сталъ замаливать грѣхи и въ 1700 г. построилъ въ кіевской лаврѣ, у входа въ ближнія пещеры, каменную церковь Воздвиженія Честн. Креста. Въ этой церкви онъ былъ и похороненъ, причемъ на стѣнѣ, около могилы, повѣшенъ былъ его портретъ. (Опис. к. лавры, митр. Евгенія, изд. 2-е, стр. 348). Затѣмъ портретъ этотъ былъ уничтоженъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказывалъ намъ въ 1883 г. одинъ почтенный лаврскій инокъ: при устройствѣ въ Воздвиженской церкви могилы для умершаго въ 1857 г. митрополита Филарета (Амфитеатрова), открыта была случайно и могила Герцика; въ ней еще были замѣтны слѣды кедроваго гроба, а на остаткахъ скелета видны были черные усы... Тогда же, т. е. въ 1857 г., тутъ же около открытой могилы, еще висѣлъ и

Библиотека "Руниверс"

Искрою закончился рядъ полтавскихъ полковниковъ въ XVII в.

Изъ разсказаннаго мы видимъ, что полтавцы самостоятельно выбирали себѣ полковниковъ, пока Самойловичъ не забралъ раздачу важнѣйшихъ старшинскихъ урядовъ въ свои руки. При Мазепѣ свободный выборъ полковниковъ прекратился совсѣмъ, такъ какъ этотъ гетманъ умѣлъ стать самовластителемъ.

Какіе же результаты получались полтавцами при сохраненіи права свободнаго выбора себѣ полковниковъ почти до конца XVII в.? На этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: 1) при свободномъ выборѣ полтавскіе полковники мѣняются очень часто, но персоналъ ихъ ограничивается всего пятью-шестью лицами изъ мѣстныхъ богачей и 2) послѣдніе, интригуя изъ за полковничьяго пернача другъ противъ друга, превращаютъ полчанъ—выборщиковъ въ послушное свое орудіе...

Исторія частой мѣны полтавскихъ полковниковъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для заключенія, что выборное начало въ Старой Малороссіи при неограниченномъ участіи въ выборахъ „черни“, не могло долго держаться и должно было съ развитіемъ гетманской власти уничтожиться...

Ал. Лазаревскій.

портретъ Герцика; но послѣ погребенія митрополита, какой то монахъ нашелъ неудобнымъ нахожденіе Герциковаго портрета около новой могилы и будто бы тогда же портретъ этотъ брошенъ въ печку... (Ср. Кіево-Печерская лавра въ ея прош. и наст. состоян., стр. 64).

Библиотека "Руниверс"

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.[1]

В. Н. Каразинъ не дождался въ Харьковѣ пріѣзда Тимковскаго, котораго задерживали въ Петербургѣ разныя обстоятельства, и между прочимъ исполненіе нѣкоторыхъ порученій Потоцкаго. Возвращаясь въ Петербургъ, Каразинъ, въ виду возможности разминуться съ Тимковскимъ въ дорогѣ, оставилъ ему въ Харьковѣ оффиціальное письмо отъ 24 мая, въ которомъ, передавая дальнѣйшее завѣдываніе ввѣренной ему частью, просилъ Тимковскаго вступить во всѣ тѣ отношенія, въ которыхъ онъ былъ, и продолжать начатыя имъ распоряженія. Какъ видно изъ письма Тимковскаго къ Н. Н. Новосильцеву, онъ встрѣтился съ Каразинымъ въ Москвѣ, гдѣ, для переговоровъ съ нимъ, остановился на два дня. Затѣмъ 8 іюня 1803 г. Тимковскій, вмѣстѣ съ профессорами Осиповскимъ, Делавинемъ и Лангомъ, прибыли въ Харьковъ.

О томъ впечатлѣніи, которое произвелъ тогдашній Харьковъ на пріѣхавшихъ, можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма Тимковскаго къ Новосильцеву: „Городъ стоитъ частію на горѣ, но большею частію на мѣстахъ низменныхъ, около двухъ стекающихся рѣчекъ. Онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности. Если обстроится, будетъ пріятный городъ: окрестности его богаты красотою, почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпича, есть довольно и лѣсу, коего нынѣшняя дороговизна про-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 8.

Библиотека "Руниверс"

исходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ, зло удобоотвратимое. Многіе доселѣ оттого боялись строиться, что городъ часто обременяемъ былъ постоями, и если квартиры дороги, то потому, что всякій строился какъ можно тѣснѣе, единственно для себя; но теперь многіе изъ купечества дожидаются только, чтобъ началось строеніе университета, и подлѣ него воздвигнутся зданія порядочныя. И въ то же время, безъ сомнѣнія, больше будетъ рачительности о вымощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды; здѣсь множество развалившихся и гніющихъ лачугъ остаются не снесены; улицы для уменьшенія грязи набивали навозомъ, плотины насыпали изъ навозу; навозъ сваливаютъ зимою и на рѣку. Посему можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода во всякое сырое время, а особливо осенью и весною. Но можно также ясно усмотрѣть, что во всемъ этомъ виною одинъ недостатокъ дѣятельности градской полиціи: по нѣкоторымъ замѣчаніямъ кажется, какъ будто нѣтъ ее здѣсь; естественное же положеніе Харькова довольно счастливо, и увѣреніе, яко бы нѣтъ возможности осушить и вымостить улицы—есть отговорка. Когда выстроятся просторные домы, когда улицы вымостятся лучше, когда въ городѣ не будетъ вовсе, или безъ крайней нужды постоевъ, когда винокуренные заводы около города удалятся по крайней мѣрѣ на 25 верстъ, когда станутъ издалека привозить всякіе припасы въ твердой надеждѣ на сбытъ ихъ,—тогда житье здѣсь будетъ вѣроятно сходнѣе."

Хотя вышеприведенными инструкціями Потоцкаго отъ 4 апрѣля 1803 г. Тимковскому было поручено „участвовать въ приготовительныхъ при заведеніи харьковскаго университета распорядкахъ, вмѣстѣ съ особами, которыхъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ тамошняя дворянская дума", однако еще раньше пріѣзда въ Харьковъ Тимковскаго, именно 21 апрѣля 1803 г., собраніе предводителей дворянства слободско-украинской губерніи, по поводу предложенія Потоцкаго, высказало въ своемъ опредѣленіи слѣдующее: „Что касается до распоряженія сею суммою (т. е. тою суммою, которая была пожертвована дворянствомъ на учрежденіе университета), то какъ въ силу 20 и 46

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ст. предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, оно ввѣряется начальству сей части правленія государственнаго, собраніе дворянства за излишнее почитаетъ избирать отъ себя особъ, которые бы въ таковомъ распоряженіи участвовали, ограничивъ себя единожды навсегда взносомъ суммы, почему и благосклонное о семъ предложеніе достопочтеннаго попечителя округа его сіятельства графа С. О. Потоцкаго отклоняетъ отъ себя съ совершенною благодарностію за сей знакъ его благородному нашему корпусу уваженія."

Такимъ образомъ, за отказомъ дворянства отъ всякаго участія въ приготовительныхъ распоряженіяхъ по устройству харьковскаго университета, кромѣ доставленія денегъ, Тимковскій сдѣлался единственнымъ распорядителемъ по принятію всѣхъ мѣстныхъ мѣръ къ открытію университета [1]), при сотрудничествѣ по хозяйственной части колл. совѣтн. Ив. Мих. Шишкина, котораго пригласилъ еще Каразинъ и который, не нося какого либо названія, былъ чѣмъ-то въ родѣ экономa и казначея при приготовленіи помѣщенія для университета: онъ велъ денежные счеты, хранилъ и расходовалъ денежныя суммы и вообще исполнялъ разныя хозяйственныя дѣйствія по указаніямъ и подъ надзоромъ Тимковскаго, который, отлучаясь изъ Харькова, оставлялъ Шишкину письменныя инструкціи о томъ, что

[1]) Н. А. Лавровскій, въ статьѣ своей: „В. Н. Каразинъ и открытіе харьковскаго университета", говоритъ, что „съ начала 1803 г. до 11 апрѣля 1804 г. Каразинъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета, на первое время, всѣмъ необходимымъ" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. № 1, стр. 77). Приведенныя нами документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что это сообщеніе г. Лавровскаго оказывается не вѣрнымъ: Каразинъ былъ такимъ распорядителемъ только на время отсутствія Тимковскаго изъ Харькова, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, именно съ конца февраля до 24 мая 1803 г., когда, согласно порученію Потоцкаго, онъ долженъ былъ передать Тимковскому завѣдываніе всѣми приготовительными распоряженіями по устройству университета и отбыть въ Петербургъ, къ отправленію своей должности правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ. Но, не будучи послѣ этого официально уполномоченъ на какія либо распоряженія по устройству университета, Каразинъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже писемъ его къ Тимковскому, продолжалъ принимать участіе въ устройствѣ университетскихъ дѣлъ; напримѣръ, ходатайствовалъ о скорѣйшемъ ассигнованіи суммъ университету, дѣлалъ для университета разныя покупки, нанималъ мастеровъ и проч.

Библиотека "Руниверс"

именно надо сдѣлать въ его отсутствіе. Копіи нѣкоторыхъ изъ этихъ инструкцій сохранились въ бумагахъ Тимковскаго.

Положеніе Тимковскаго было тѣмъ труднѣе и отвѣтственнѣе, что попечитель учебнаго округа Потоцкій, какъ было упомянуто выше, возложивъ на Тимковскаго всѣ мѣры по устройству помѣщенія для университета, обозрѣнію всѣхъ училищъ харьковскаго учебнаго округа и приготовленію ихъ къ преобразованію на новыхъ началахъ, самъ предпочелъ въ это время проживать въ Западной Европѣ, а попечитель петербургскаго учебнаго округа, онъ-же президентъ академіи наукъ Н. Н. Новосильцевъ, на котораго, за отъѣздомъ Потоцкаго за границу, было возложено временное исправленіе его должности, былъ слишкомъ занятъ своими постоянными должностями въ Петербургѣ, чтобъ мочь хотя одинъ разъ пріѣхать въ Харьковъ, и управлялъ харьковскимъ учебнымъ округомъ черезъ Тимковскаго.

Первымъ дѣломъ для Тимковскаго, по прибытіи его въ Харьковъ, было озаботиться приготовленіемъ временнаго помѣщенія для университета. Когда состоялось повелѣніе объ учрежденіи харьковскаго университета, главное правленіе училищъ сообщило министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, что „располагая приступить къ построенію приличнаго университету дома, оно, дабы не медлить открытіемъ университета,“ проситъ „о назначеніи для университета на первый случай временнаго въ Харьковѣ помѣщенія“. Кочубей снесся съ слободско-украинскимъ гражданскимъ губернаторомъ Артаковымъ, который увѣдомилъ, что онъ не находитъ удобнѣйшаго для университета дома, кромѣ бывшаго генералъ-губернаторскаго, и что онъ уже сдѣлалъ распоряженіе объ опорожненіи этого дома. Согласно съ этимъ, по прибытіи въ Харьковъ Каразина, означенный домъ былъ переданъ въ его распоряженіе, а съ пріѣздомъ въ Харьковъ Тимковскаго поступилъ въ распоряженіе послѣдняго. Осмотрѣвъ домъ, Каразинъ нашелъ его недостаточнымъ для помѣщенія университета и призналъ нужнымъ къ этому дому прибавить другой, противолежащій по той же улицѣ домъ—вице-губернаторскій. То же самое нашелъ по пріѣздѣ въ Харьковъ и Тимковскій, о чемъ и представлялъ Новосильцеву 22 іюня и

Библиотека "Руниверс"

31 августа 1803 г. Хотя противъ этого возражалъ вице-губернаторъ Наврозовъ, писавшій министру внутреннихъ дѣлъ, что кромѣ занимаемаго имъ дома „никакихъ казенныхъ ниже партикулярныхъ домовъ для помѣщенія его съ семействомъ даже и по найму въ Харьковѣ нѣтъ“ и что кромѣ того въ означенный домъ онъ предполагалъ перевесть изъ обветшалаго корпуса казенную палату съ ея экспедиціями и кладовыми; однако Наврозовъ долженъ былъ уступить, но вмѣстѣ съ тѣмъ Новосильцевъ, въ качествѣ исправляющаго должность попечителя харьковскаго учебнаго округа, въ отношеніи своемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 сентября 1803 г. за № 109, долженъ былъ выразить, что „харьковскій университетъ пріемлетъ на счетъ суммъ, для него назначенныхъ, наемъ приличныхъ помѣщеній, какъ для вице-губернатора, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, переведенныхъ изъ генералъ-губернаторскаго дома, до тѣхъ поръ, пока будутъ сооружены вновь предполагаемыя университетскія строенія.“

Такимъ образомъ, въ распоряженіе Тимковскаго поступили оба дома: сначала генералъ-губернаторскій, а потомъ, гораздо позже—и вице-губернаторскій, въ которыхъ надлежало сдѣлать всѣ необходимыя для помѣщенія университета перестройки и приспособленія и изъ которыхъ на первомъ домѣ Тимковскій, какъ только пріѣхалъ въ Харьковъ, уже увидѣлъ нѣсколько преждевременно прикрѣпленную вывѣску: „государственный университетъ.“ Очевидно, этой надписью Каразинъ хотѣлъ доставить харьковцамъ удовольствіе сознанія, что университетъ у нихъ уже существуетъ.

Относительно постройки новаго зданія для университета, какъ помнятъ читатели, инструкціями Потоцкаго Тимковскому было предоставлено по своему усмотрѣнію выбрать мѣсто для будущаго университета и, если окажется возможнымъ, то и пріобрѣсть такое мѣсто (5-й пунктъ второй инструкціи). По этому вопросу Тимковскій писалъ Новосильцеву 22 іюня 1803 г.: „Остается рѣшить выборъ мѣста для новыхъ зданій университета. Требуется, по моему мнѣнію, чтобы оно было за городомъ и довольно пространно, гдѣ воздухъ и вода были бы чистые,

Библиотека "Руниверс"

здоровые и гдѣ бы можно было весело раскинуться ученому заведенію; чтобъ оно прилежало къ самой сухой и чистой части города, гдѣ студенты и прочіе могли бы имѣть свои жилища, и чтобъ была на немъ хоть часть чернозему для заведенія садовъ на равнинѣ и скатахъ. Я видѣлъ уже нѣкоторыя мѣста, но не прежде, какъ осмотрѣвши всѣ, осмѣлюсь написать объ нихъ утвердительно. А какъ при столь важномъ выборѣ мудрено совокупить всѣ потребности и всѣ выгоды, избѣжать всѣхъ невыгодъ и весьма легко погрѣшить можно, предпочитая одно другому, то не позволите ли въ такомъ случаѣ обождать симъ выборомъ до пріѣзда сюда графа Северина Осиповича[1]) и до собственнаго его обозрѣнія: время потерпитъ, между тѣмъ у насъ ранѣе сентября и сумма для покупки мѣста едвали будетъ".

Не желая такимъ образомъ взять на себя окончательное рѣшеніе вопроса о выборѣ мѣста для университета, Тимковскій по этому вопросу остался при томъ же мнѣніи, которое высказалъ въ приведенномъ письмѣ своемъ, послѣ чего университету удалось и пріобрѣсть безвозмездно именно такое мѣсто, которое Тимковскій находилъ удобнымъ для постройки университетскихъ зданій—на окраинѣ города, по сумской дорогѣ. 8 апрѣля 1804 г. общество войсковыхъ обывателей города Харькова составило приговоръ, которымъ, выражая желаніе подражать примѣру дворянъ и купечества, учинившихъ приношеніе на учрежденіе университета, постановило: отвесть для построенія университета, не требуя никакого удовлетворенія, изъ дачи, обмежеванной къ городу Харькову въ ихъ владѣніе и жалованной предкамъ ихъ слободскимъ козакамъ, часть земли: шириною—отъ дороги изъ слободы Лозовой въ Харьковъ до межи помѣщика Бондаревскаго и хутора Клочковскаго, и длиною—отъ оврага Глыбокаго до предѣловъ города. За пожертвованіе этого мѣста, въ которомъ по измѣреніи оказалось 125 десятинъ съ саженями, обществу харьковскихъ войсковыхъ обывателей была объявлена Высочайшая благодарность, выраженная въ рескриптѣ на имя

[1]) Потоцкаго.

Библиотека "Руниверс"

слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Бахтина (преемника Артакова) отъ 28 мая 1804 г.

Конечно, еслибъ мысль Тимковскаго осуществилась, городъ Харьковъ имѣлъ бы нѣсколько иной видъ, чѣмъ тотъ, который онъ теперь имѣетъ, такъ какъ съ постройкою университета окружающая его мѣстность несомнѣнно сдѣлалось бы одною изъ лучшихъ частей города, подобно тому, какъ позже это случилось въ Кіевѣ, когда среди незаселеннаго пустыря было возведено зданіе университета св. Владиміра. Но, несмотря на отвѣчавшее предположеніямъ Тимковскаго безвозмездное пріобрѣтеніе вышеуказанной земли и несмотря на то, что для предполагавшейся постройки уже было начато заготовленіе строительныхъ матеріаловъ, харьковскій университетъ, какъ всѣмъ извѣстно, не былъ устроенъ въ упомянутомъ мѣстѣ, а остался до сихъ поръ въ тѣхъ двухъ домахъ, въ которыхъ онъ помѣстился первоначально и которые впослѣдствіи были расширены пристройками. Почему именно это случилось—въ бумагахъ Тимковскаго мы не нашли объясненія; вопросъ этотъ разрѣшался уже въ бытность въ Харьковѣ Потоцкаго (который провелъ за границею около года), а бумаги Тимковскаго заключаютъ въ себѣ матеріалъ для исторіи харьковскаго университета преимущественно за то время, когда Тимковскій долженъ былъ письменно сноситься съ отсутствовавшимъ попечителемъ. Можетъ быть, Потоцкій нашелъ означенное мѣсто неудобнымъ для постройки на немъ зданія университета, а еще вѣроятнѣе, что послѣ тѣхъ затратъ, которыя были сдѣланы на приспособленіе генералъ-губернаторскаго и вице-губернаторскаго домовъ для временнаго помѣщенія университета, нашли болѣе выгоднымъ пріобрѣсть эти дома въ собственность университета и расширить ихъ, чѣмъ строить новыя зданія и переносить въ нихъ университетъ. Такимъ образомъ, неожиданнымъ послѣдствіемъ стремленія открыть университетъ какъ можно скорѣе и во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ можетъ быть построено зданіе университета,—получилось то, что предполагавшееся къ постройкѣ зданіе вовсе не было построено и университетъ навсегда остался въ тѣхъ двухъ домахъ, которые были отведены для временнаго его помѣщенія,

Библиотека "Руниверс"

въ видахъ предоставленія возможности скорѣе начать университетское преподаваніе.

Но пока мысль о постройкѣ новаго зданія университета еще не была оставлена, генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома нужно было приспособить только для временнаго помѣщенія университета, для чего оказалось необходимымъ сдѣлать въ нихъ разныя перестройки и подѣлки. Работы эти замедлялись вслѣдствіе недостатка денегъ. Вопреки ожиданіямъ Каразина, которыя были высказаны въ вышеприведенномъ письмѣ его, пожертвованныя на университетъ суммы не собирались въ обѣщанные сроки, а въ ожиданіи, пока онѣ могли поступить, казна не распорядилась ассигновать денегъ на всѣ необходимыя приготовительныя работы. Въ письмѣ къ Каразину отъ 29 іюня 1803 г. Тимковскій жаловался, что за отсутствіемъ денегъ пропадаетъ даромъ лѣто и что это затянетъ работы на цѣлый годъ, такъ какъ кирпичныхъ и штукатурныхъ работъ нельзя производить осенью и зимою.

А между тѣмъ пріѣхавшіе въ Харьковъ профессора Делавинь и Лангъ требовали отъ Тимковскаго меблированныхъ квартиръ, обѣщанныхъ имъ въ Петербургѣ. Въ особенности требователенъ былъ Делавинь, заявлявшій, что ему необходима большая квартира, чтобъ размѣстить свой гербарій и разные фоліанты, и что такъ какъ казна обязалась дать ему квартиру, то конечно она же должна заботиться объ истребленіи крысъ, которыя по ночамъ не даютъ ему спать. Давъ Делавиню на первое время два кресла и два стула, Тимковскій въ письмѣ къ Каразину говорилъ, что не намѣренъ тѣшить капризы этихъ господъ, и прибавлялъ: „профессорскія квартиры въ этомъ домѣ—послѣднее дѣло: нужно прежде устроиться въ томъ, что составляетъ публичное заведеніе“. Въ то же время онъ писалъ Н. Н. Новосильцеву: „не изволите ли предупредить графа Северина Осиповича, чтобъ онъ, приглашая профессоровъ, не обѣщалъ имъ квартиръ, ибо иностранцы часто скучны бываютъ невоздержными и мелочными требованіями всякихъ домашнихъ угодьевъ“.

Отвѣчая Тимковскому, Каразинъ въ своемъ письмѣ говоритъ о томъ же, на недостатокъ чего жаловался Тимковскій:

Библиотека "Руниверс"

„Я ощутилъ очень ясно“, писалъ онъ 2 августа 1803 г., „что въ настоящемъ положеніи вещей, когда счастіе послало намъ людей способныхъ, дѣятельныхъ, благонамѣренныхъ, одно въ въ чемъ мы можемъ имѣть нужду—есть *деньги*; слѣдовательно, первое вниманіе должно быть на то обращено, чтобъ достать ихъ. Я приступилъ къ Николаю Николаевичу, убѣдилъ его наконецъ сдѣлать на счетъ пятисотъ тысячной суммы сильное представленіе, оно ограничилось однако сорока тысячью рублей [1]), изъ коихъ половина должна быть послана графу [2]). Мы по прошествіи трехъ недѣль (въ продолженіе которыхъ я умышленно не писалъ вамъ, собираясь послать не порожнее письмо) получили отвѣтъ столько запутанный, что онъ хуже былъ прямова отказа. Другое представленіе, въ которомъ еще убавили мы сумму до половины, послѣ двухнедѣльной проволочки и открытой ссоры съ министромъ, имѣло только то послѣдствіе, что онъ на предложенные предметы согласился отпустить *штатную* сумму, какъ будто бы ограниченная сумма сія, на поддержаніе только назначенная, могла быть достаточна на заведеніе; напримѣръ: великъ ли будетъ физическій кабинетъ изъ 500 рублей? и такъ далѣе. Мы рѣшились не требовать ни копѣйки, между тѣмъ испытать другія средства прекратить это гибельное коснѣніе. Я съ моей стороны заготовилъ Государю формальную жалобу, но Н. Н. [3]) и кн. А. А. [4]) удержали меня подать ее Богъ знаетъ почему. Чуть ли не болѣе бы мы выиграли [5]). Однако этотъ шагъ имѣлъ хотя то дѣйствіе, что они обѣщали возбудить отъ сна и департаментъ просвѣщенія,

[1]) Т. е. рѣчь шла объ ассигнованіи изъ казны 40,000 рублей въ счетъ имѣвшихъ поступить въ казну отъ дворянства и купечества пожертвованныхъ ими 500,000 рублей.

[2]) С. О. Потоцкому.

[3]) Ник. Ник. Новосильцевъ.

[4]) Ад. Ад. Чарторижскій.

[5]) Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ были писаны эти строки, именно 16 августа 1803 г., Карамзинъ, вопреки совѣтамъ Новосильцева и Чарторижскаго, все таки отправилъ Александру I письмо, въ которомъ рѣзко осуждалъ министра П. В. Завадовскаго, какъ за невыдачу денегъ на расходы по устройству харьковскаго университета, такъ и за многія другія дѣйствія его. Письмо это напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., № 10, стр. 273—278.

Библиотека "Руниверс"

и его министра. Скоро представился къ сему самый удобный случай: именно, попечитель московскаго округа, изъ уваженія къ министру, отступилъ отъ принятыхъ формъ совершенно, испрашивая у него позволенія на выписку профессоровъ. Н. Н. вступилъ съ представленіемъ, написаннымъ славно; въ немъ испрашиваетъ онъ у членовъ своихъ разрѣшенія, должно ли и всѣмъ попечителямъ сообразоваться московскому въ подобныхъ случаяхъ, или есть обстоятельства, гдѣ имъ самимъ дѣйствовать позволено; другими словами, то же что требовать опредѣленія границъ власти министерской. При представленіи семъ я искусно приплелъ вопросъ о пятисотъ-тысячной суммѣ. Казалось, что пошло бы дѣло на ладъ, но два засѣданія сряду мы занимаемся другими дѣлами, и именно по дерптскому университету, а г. министръ между тѣмъ разными образами отъпрыывается; и между тѣмъ нѣтъ отпуска суммъ на бѣдный нашъ страдальческій университетъ. Однако нѣсколько дней предъ симъ уговорилъ я Н. Н. отпустить хотя изъ присланныхъ мною три тысячи, которыя и присланы будутъ съ первою почтою [1]).

Черезъ два мѣсяца, именно 1 октября 1803 г., Каразинъ писалъ Тимковскому уже въ болѣе радостномъ тонѣ: „Тридцать разъ бывши въ чаяніи пуститься въ путь и по сей причинѣ считавши безполезнымъ письменныя объясненія, наконецъ вижу, что я тщетно потерялъ много времени для нашей дружеской переписки. Спѣшу наградить сію потерю нарочною эстафетою. Но вмѣсто продолжительныхъ объясненій едва могу удержаться, чтобъ не кончить нѣсколько строкъ сихъ однимъ словомъ: *радуйтесь!* Послѣ скуки и непріятностей всякаго рода чуть ли не приходимъ къ самой пріятной развязкѣ. Изустно

[1]) Изъ напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (1875 г. № 10, стр. 271—273) письма Потоцкаго къ Каразину извѣстно, что въ виду того же недостатка денегъ, на который жаловались въ своихъ письмахъ Тимковскій и Каразинъ, Потоцкій считалъ лишнимъ торопиться возвращеніемъ въ Россію, находя, что ему нечего было бы дѣлать въ Харьковѣ съ четырьмя только профессорами. Очевидно, ему не приходила въ голову мысль о томъ, что именно онъ могъ бы и долженъ бы былъ постараться, чтобъ скорѣе были отпущены суммы, необходимыя для устройства университета, попечителемъ котораго онъ состоитъ, и что хотя бы ради этого ему нужно было возвратиться въ Россію.

Библиотека "Руниверс"

(кажется, навѣрное въ концѣ сего мѣсяца) узнаете вы многое. Теперь донесу вамъ только текстомъ священнаго писанія: не уповайте на князи, въ нихъ же нѣсть спасенія! и я узналъ это самымъ жестокимъ опытомъ, и сей опытъ, опредѣлившій навсегда систему моей жизни, причиною, между прочими своими слѣдствіями, и въ томъ, что донынѣ бѣдный университетъ нашъ оставался въ *забвеніи*: скажемъ просто справедливое сіе слово для выраженія понятія, но еще крайне слабое для чувствъ сердца моего.

„Успокойте почтенныхъ товарищей вашихъ; все пойдетъ наилучшимъ образомъ. Скажите, что число ихъ скоро умножится прибытіемъ Ивана Степановича Рижскаго, принятаго недавно Виллиха, который до открытія медицынскаго факультета, гдѣ онъ будетъ профессоромъ физіологіи и практической медицыны, станетъ преподавать въ отдѣленіи общихъ познаній антропологію и діэтетику. Мы въ немъ получили истинное пріобрѣтеніе, равно какъ въ адъюнктѣ химіи Кригерѣ, который однако еще не подтвержденъ, и въ учителѣ живописи и рисовальнаго искусства Маттеи, молодомъ художникѣ рѣдкихъ способностей. Пожалуста позаботьтесь съ Иваномъ Михайловичемъ [1]) заготовить для нихъ квартиры. Къ вамъ нужно мнѣ писать съ большею подробностію, но я принужденъ сіе отложить до слѣдующей почты. Она будетъ для васъ интересна потому особливо, что представитъ вамъ полный отвѣтъ на письмо ваше ко мнѣ и къ Н. Н.—можетъ быть, т. е. поскольку это отъ меня можетъ зависить.

„Донесу вамъ еще между тѣмъ, что на дняхъ отправлены къ вамъ книги на трехъ возахъ, и вскорѣ отправится еще столько же. Что касается до типографіи, то, благодаря упомянутому выше опыту, къ которому и ея исторія принадлежитъ, понынѣ не сдѣлано и шагу къ ея пріобрѣтенію; но я постараюсь поворотить покруче, такъ же какъ съ исторіею Виллиха, съ исторіею отправленія денегъ графу и пр. и пр. Мы будемъ имѣть собственнаго фактора, съ которымъ я завтра же дѣлаю контрактъ; человѣкъ презрядный. Получимъ и пунсоннаго ма-

[1]) Вышеупомянутый Шишкинъ.

Библиотека "Руниверс"

стера, лучшаго какой есть въ Петербургѣ; и съ помощію искуснѣйшихъ художниковъ, которыхъ я вамъ доставлю въ скорости, сдѣлаемъ все на мѣстѣ. Мнѣ не хочется, чтобъ мы были въ чемъ бы то ни было подъ опекою Петербурга и Москвы. Для чего не имѣть всего своего? — съ нашими способами это превозможное дѣло. Вмѣстѣ съ хозяйственнымъ сбереженіемъ издержекъ, соединится и польза городу, который университету будетъ обязанъ необходимыми для себя художниками. Не успѣваю теперь сказать моей мысли во всей ея обширности, но умному довольно намекнуть. Я скажу однако одинъ примѣръ: вмѣсто того, чтобы везти отсюда десять фуръ всякой желѣзной, мѣдной и деревянной, по большей части ни къ чему не годной уже, дряни, составляющей то, что называется *типографія*, развѣ не выгоднѣе будетъ сдѣлать все на мѣстѣ своими людьми? людьми, разумѣю я, которые могутъ устроить двадцать типографій. Вы ихъ увидите: вы полюбуетесь слесаремъ, столяромъ, мѣдникомъ и пр., которые къ вамъ пріѣдутъ [1]). Я забылъ было о переплетчикѣ; ему предоставимъ кончить переплетъ университетской библіотеки, послѣ того, когда за переплетенныя донынѣ книги, всего числомъ съ тысячу, заплатили столько же рублей. Нѣтъ, ваши сіятельства и ваши превосходительства! я думаю иначе: главнымъ (если не единственнымъ) предметомъ учрежденія университета было у меня благосостояніе моей милой страны и полуденнаго края Россіи, а не доставленіе вамъ донесеній, надъ которыми можно бы потолковать часа два, три, и потомъ приказать *пріобщить къ дѣлу*. Будьте покойны, любезнѣйшій Илья Ѳедоровичъ! не теряйте духа и благородной вашей дѣятельности. Мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, нежели предполагаютъ наши недоброжелатели.

---

[1]) Этотъ сдѣланный Каразинымъ и стоившій много денегъ наемъ высланныхъ изъ далека въ Харьковъ для университета разныхъ мастеровъ въ количествѣ, превышавшемъ дѣйствительную потребность (кромѣ названныхъ въ письмѣ Каразина, между ними оказались экипажные мастера, сапожники, шляпники, ткачъ, чулочный фабрикантъ и другіе мастера, которымъ вовсе нечего было дѣлать при устройствѣ университета),— надѣлалъ послѣ много хлопотъ, какъ университету, такъ и самому Каразину, которому воспрещено было дальнѣйшее вмѣшательство въ устройство университетскихъ дѣлъ. См. объ этомъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Лавровскаго.

Библиотека "Руниверс"

Они измѣрили свои политическія силы, но для измѣренія нашего *упорства въ добромъ намѣреніи* не имѣютъ они масштаба. Прощайте! Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу всеусердно поклониться господамъ вашимъ сотрудникамъ. Вашъ на вѣки преданный слуга и другъ В. Каразинъ".

Вслѣдъ затѣмъ Каразинъ сталъ торопить Тимковскаго къ скорѣйшему открытію университета, и хотя помѣщеніе для него еще не было отдѣлано, хотя не было ни профессоровъ (за исключеніемъ пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Тимковскимъ Осиповскаго, Делавиня и Ланга и имѣвшихъ пріѣхать Рижскаго, Виллиха и Кригера), ни студентовъ,—настаивалъ на томъ, чтобъ университетъ былъ открытъ 12 декабря 1803 г. Письмо, которое онъ писалъ по этому поводу къ Тимковскому, къ сожалѣнію, не сохранилось, но сохранилась копія очень интереснаго отвѣта Тимковскаго на это письмо, слѣдующаго содержанія:

„Открытіе университета могло бы быть 12-го декабря, ежелибъ 5000 р. были присланы сюда въ іюлѣ и около того же времени отданъ домъ вицегубернаторскій. Теперь я смѣло скажу, что дай Богъ управиться къ іюню. Мы откроемъ въ день поворота солнца на зиму, и это будетъ днемъ годовыхъ публичныхъ собраній, началомъ вакацій до 30 августа, когда опять можетъ быть здѣсь свѣтско-ученое собраніе, богатое по причинѣ съѣздовъ на Успенскую ярмарку. Не вините меня, не браните, выслушайте, что нужно къ открытію университета: 1-е мы разочтемъ и актомъ расположимъ свои суммы утвердительно;—2-е отдѣлаемъ домы какъ нужно и прилично;—3-е къ концу зимы получимъ всѣхъ почти профессоровъ общихъ наукъ;—4-е зимою получимъ и расположимъ начальную свою библіотеку и кабинеты физическій и минералогическій и лабораторію;—5-е въ Крещенскую ярмарку закупимъ все нужное для заведенія казеннаго содержанія студентовъ;—6-е въ новый годъ сдѣлаемъ повѣстку, чтобъ желающіе учиться въ университетѣ явились къ 1-му февраля, къ сему же времени выпишемъ семинаристовъ[1]), и до открытія университета профессоры

[1]) Мы уже упоминали выше о Высочайшемъ повелѣніи объ увольненіи изъ ближайшихъ къ Харькову семинарій сорока студентовъ для поступленія въ уни-

Библиотека "Руниверс"

займутся гимназическимъ пріуготовленіемъ собравшагося юношества къ ученію университетскому, ибо заниматься симъ по открытіи, значило бы сдѣлать первое впечатлѣніе мелкимъ, и трудно будетъ возвышать понятіе публики. Такимъ образомъ, идея открытія видимо будетъ фундаментальна и величественна. Сдѣлаемъ пышный церемоніалъ. По внушеніямъ моимъ, многіе чиновники изъ Малороссіи пріѣдутъ къ торжеству открытія, имѣющаго послѣдовать вскорѣ за Троицкою ярмаркою; вѣроятно пріѣдутъ многіе изъ курскихъ, воронежскихъ и екатеринославскихъ, и можетъ быть подвигнутся ко взносамъ. Тогда же заложимъ строеніе новаго университета и отпразднуемъ закладины. Повсюду вы увидите энтузіазмъ, враги не посмѣются, и грохочущее эхо повторится въ иностранныхъ журналахъ. Государь, говорятъ, лѣтомъ поѣдетъ въ страны южныя, и можетъ быть, броситъ здѣсь первый камень, его же не брегоша зиждущіе, и той будетъ во главѣ угла.—Разсмотрите, обдумайте вышеписанныя шесть статей; право, какъ ни ломайте, не вверните ихъ въ срокъ ниже трехмѣсячный. Я готовъ изъ всѣхъ жилъ работать, была бы только работа. Изъ рапорта моего къ Николаю Николаевичу увидите расположеніе присланной суммы, на что оная употребится. Вы встревожены, кажется, мѣшаніемъ содѣйствующихъ. Знаю, дѣятельность ваша есть пламень всепожирающій—ахъ, берегитесь! пожирающій и васъ самихъ,—есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Простите мнѣ. Не отдѣляйтесь, по крайней мѣрѣ—не отдѣляйтесь такъ рано; оставьте себя будто въ опекѣ. Мало можетъ человѣкъ, много могутъ люди. Дѣятельность удачнѣе, когда идетъ не скачками, но плавно и постепенно распространяется, увеличивается. Искусный генералъ не оставляетъ позади себя непріятельскихъ крѣпостей. Да, простите мнѣ, въ рѣшимости вашей не узнаю я того политическаго духа, который, подобно

верситетъ; во исполненье этого повелѣнія, Синодъ указомъ отъ 7 іюля 1804 г. предписалъ: „въ пріуготовляемый къ открытію харьковскій университетъ отпустить изъ харьковскаго коллегіума и курской семинаріи студентовъ богословія и философіи по 15-ти, да изъ риторики и поэзіи по 5-ти человѣкъ".

Библиотека "Руниверс"

пчелѣ, изо всего медъ сосетъ. Знаю, что московскому университету не по сердцу учрежденіе нашего, но такъ и быть должно: изъ соперничества родится соревнованіе, общее стремленіе къ преодолѣнію, къ превосходству, къ добру. Неужели ангелъ—хранитель Россіи [1]) не знаетъ этого? Учрежденіе университетовъ подвигнетъ московскій. Что же касается до Петербурга, то я подозрѣвалъ бы, что ему хочется держать la primarie и даже отъ себя наполнять всѣ гимназіи, еслибъ не былъ твердо увѣренъ въ безпристрастной любви къ отечеству и наукамъ и въ благоразуміи Николая Николаевича. Но Боже сохрани васъ дѣйствовать отдѣльно. Всякое царство, раздѣлившееся на ся, погибнетъ, то есть всякій союзъ силъ. Я не притворства требую, не одного терпѣнія, но искренняго старанія къ поддержанію союза силъ своихъ. Сорвите желудь съ вѣковаго дуба, онъ зеленъ, вы его бросите; но дайте желудю созрѣть, легкимъ вѣтромъ оторветъ его, отнесетъ, и буде свинья не съѣстъ, буде року угодно,—выростетъ новый дубъ для будущихъ вѣковъ. Имѣяй уши слышати, да слышитъ".

Отвѣчая на это письмо, Каразинъ 23 ноября 1803 г. писалъ Тимковскому: „вмѣсто всѣхъ доказательствъ въ мое оправданіе, въ оправданіе моихъ искреннихъ и едва-едва пристойностію (sic) облеченныхъ движеній, спрашиваю я: чему они до сихъ поръ повредили? и развѣ холодные люди, дѣйствовавшіе противъ, успѣли въ чемъ нибудь, развѣ не сломилъ я ихъ самихъ съ помощію силъ, невидимо дѣйствующихъ согласно со мною? Я соглашаюсь быть смѣшнымъ, лишь бы успѣлъ быть полезнымъ".

Заботясь о приготовленіи помѣщенія для университета, Тимковскій въ то же время старался, насколько возможно, увеличить сумму пожертвованій на университетъ. Такъ, 18 и 20 сентября 1803 г. онъ послалъ малороссійскому генералъ-губерна-

[1]) Выраженіе „ангелъ—хранитель Россіи" очевидно заключаетъ въ себѣ намекъ на какой-то разговоръ, содержаніе котораго не извѣстно, почему и нельзя съ увѣренностью объяснить употребленіе этого выраженія въ настоящемъ случаѣ; можетъ быть, это названіе дано было въ шутку Каразину, по поводу той роли, которую онъ взялъ на себя въ извѣстныхъ всѣмъ письмахъ своихъ къ Александру I.

Библиотека "Руниверс"

тору А. Б. Куракину и полтавскому губернскому предводителю дворянства С. М. Кочубею пространныя письменныя сообщенія, въ которыхъ, доказывая, какую пользу принесетъ университетъ, писалъ: „справедливость и честь требуютъ, чтобы каждая губернія, которой училища будутъ подъ попеченіемъ харьковскаго университета, способствовала на свою долю къ постройкѣ и обзаведенію его“. Указавъ затѣмъ, какія суммы жертвуетъ на этотъ предметъ слободско-украинская губернія, Тимковскій говоритъ: „было бы странно, еслибы прочія губерніи харьковскаго округа отличились хладнокровіемъ своимъ къ ускоренію и усугубленію блага, какое правительство предполагаетъ заведеніемъ для нихъ университета, какъ со стороны преподаванія высшихъ знаній, такъ и со стороны попеченія о всей учебной части въ тѣхъ губерніяхъ“.—„Было здѣсь и есть“, продолжаетъ далѣе Тимковскій, „желаніе многихъ, чтобы университетъ, вмѣсто Харькова, учрежденъ былъ въ Полтавѣ, какъ иныхъ—въ Черниговѣ. Безъ сомнѣнія, такое заведеніе сдѣлало бы честь малороссіянамъ, которые издревле честь любили, и, привлекая къ себѣ юношество и цѣлыя фамиліи, принося болѣе 100 тыс. новаго годоваго расходу, послужило бы къ обогащенію и украшенію города своего, къ распространенію отъ него изящнаго вкуса и къ выгодѣ сельскаго хозяйства и промышленности въ мѣстахъ окрестныхъ. Но еслибы Государь Императоръ и не уважилъ перваго патріотическаго приношенія отъ дворянства слободско-украинскаго, если бы можно было университету остаться въ Харьковѣ до того только времени, пока въ Полтавѣ не выстроилось бы для него зданіе, при всемъ томъ дворянство полтавское для сего единственно едва-ли сдѣлаетъ перевѣсъ противъ суммъ слободско-украинскихъ. И къ чему Малороссіи простирать соперничество свое на мѣсто университета? Онъ учреждается близъ нея, въ краѣ, населенномъ ея племенами; несравненно пріятнѣе обратить ей соревнованіе свое на содѣйствіе видамъ Государя Императора къ воспитанію юношества. И когда екатеринославская губернія, какъ слышно, полагаетъ составить для университета сумму до 100,000 р., то какъ помыслитъ о себѣ Малороссія, моя отчизна, отличающаяся любовію къ наукамъ?“

Библиотека "Руниверс"

Приведенная выписка показываетъ, что не всѣ сочувственно относились къ мысли объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, и что многіе въ Малороссіи желали, чтобъ университетъ былъ учрежденъ не въ Харьковѣ, а въ Полтавѣ или Черниговѣ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, какъ полтавское, такъ и черниговское дворянство, несмотря на убѣдительные доводы Тимковскаго, не отозвалось на приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу харьковскаго университета (хотя были сдѣланы нѣкоторыя крупныя пожертвованія на устройство училищъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ); дворянство же екатеринославской губерніи, гдѣ, какъ выше было упомянуто, не было ни одного малаго народнаго училища, пожертвовало на харьковскій университетъ 108 тысячъ рублей, обязавшись внести эту сумму въ теченіи десяти лѣтъ; а дворянство херсонское, гдѣ не было ни главнаго, ни малыхъ народныхъ училищъ, обязалось внести въ пользу университета $40^1/_2$ тысячъ рублей и на военное училище такую же сумму.

Въ концѣ марта 1804 г. возвратился изъ своего путешествія Потоцкій, и первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ въ Харьковъ было учрежденіе комитета правленія университета, въ который, кромѣ Тимковскаго, вошли профессора: Рижскій, Осиповскій, Делавинь и Де-Балю. Въ бумагахъ Тимковскаго сохранился черновой проектъ учрежденія этого комитета съ поправками, сдѣланными рукою Тимковскаго, изъ чего надо заключить, что составленіе проекта, или же окончательная редакція его принадлежали Тимковскому. По образованіи комитета, члены его такимъ образомъ распредѣлили между собою занятія: Рижскій, избранный въ предсѣдатели комитета, взялъ на себя дальпѣйшій надзоръ за приготовленіемъ временнаго помѣщенія для университета, за Тимковскимъ остались заботы по обозрѣнію и переустройству училищъ въ округѣ, Делавинь долженъ былъ завѣдывать ботаническою частью, а Де-Балю получилъ въ завѣдываніе университетскую библіотеку.

Пробывъ въ Харьковѣ нѣсколько недѣль, Потоцкій къ маю снова уѣхалъ оттуда, и затѣмъ въ письмѣ къ Тимковскому отъ 21 іюля 1804 г. выражалъ желаніе, чтобъ открытіе универ-

Библиотека "Руниверс"

ситета послѣдовало въ концѣ слѣдующаго мѣсяца въ день тезоименитства Государя, т. е. 30 августа. За нѣсколько дней до наступленія этого числа, именно 27 августа 1804 г., Каразинъ по обстоятельствамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, долженъ былъ выйдти въ отставку и удалиться отъ дѣлъ; такъ исполнились слова Тимковскаго, который въ вышеприведенномъ письмѣ къ Каразину предсказывалъ, что „набѣжитъ сугубое ненастье“. Затѣмъ открытіе университета было еще разъ отсрочено, такъ какъ работы по приготовленію помѣщенія для университета были окончены только въ октябрѣ 1804 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, 5 ноября, была дана университету Высочайшая грамота, и тогда же утвержденъ уставъ университета, а самое открытіе его послѣдовало 17 января 1805 г.

Тимковскій составлялъ церемоніалъ этого открытія, какъ надо заключать изъ имѣющагося между его бумагами писаннаго имъ черноваго проекта этого церемоніала съ его же собственноручными исправленіями. Кромѣ того, имъ было сочинено на этотъ случай сохраняющееся въ тѣхъ же бумагахъ довольно длинное стихотвореніе съ аріями, речитативами и хорами для пѣнія при торжествѣ открытія. Написанное витіеватымъ и тяжелымъ слогомъ, стихотвореніе не обличаетъ въ Тимковскомъ таланта поэта. По поводу этого стихотворенія, которое Тимковскій посылалъ на предварительный просмотръ Потоцкаго, послѣдній въ письмѣ отъ 14 ноября 1804 г. просилъ Тимковскаго сдѣлать въ немъ добавленіе, въ которомъ сказать что нибудь въ похвалу дворянства слободско-украинской губерніи, упомянуть о патріотическомъ его приношеніи въ пользу университета. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ строфахъ, которыя были предназначены для хора, Тимковскій прибавилъ слѣдующія четыре строчки:

„Возвѣстите славой подвигъ,
Подвигъ здѣшней стороны;
Какъ въ немъ жертвуютъ наукамъ,
Какъ усердствуютъ для нихъ“.

Приводимъ заключительную часть этого стихотворенія:

Речитативъ.

„Вотще коварство предпріемлетъ
Противъ ученья дать совѣтъ;
Народный смыслъ нигдѣ не дремлетъ,
Онъ упадаетъ, иль ростетъ;

Библиотека "Руниверс"

Растетъ—тогда его стремленью,
Какъ быстрыя рѣки теченью,
Препоч нѣт Но самъ с бой
Онъ въ добри пойдетъ, заблудится;
Дай наставленье—просвѣтится
И будетъ въ радость и покой.

Арія.

Уже виднѣе справедливость,
Уж невѣжества кичливость,
Какъ въ утро ясное луна,
Блѣднѣетъ, тускнетъ, не видна
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ
Изъ глубины души речетъ:
„Да царствуетъ въ моей Державѣ
Познаній благотворный свѣтъ!“

Хоръ.

Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Вышняго волю творяй,
Призри на храмъ сей, его же созда
Нынѣ д гоца Твоя!
Въ немъ нау ятся творить
Волю Твою,
Въ немъ раздадутся слова,
Чѣмъ процвѣтаетъ народъ.
Благословенъ
Плодъ Твоихъ дѣлъ;
Возвеселися о немъ,
Добрый Монархъ,
О Александръ,
Избранный Царь!
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Ты просвѣщенье даешь!
Да облекутся весельемъ
Грады, поля,
И на холмахъ еиміамъ
Да воскурится!
—
Въ хорахъ похвальную пѣснь
Юноши, дѣвы Тебѣ воспоютъ,
Море восплещетъ
Славѣ Т ей.
Старцы повѣдаютъ внукамъ своимъ,
Сколь Ты ве ь въ бытіяхъ..
Благословенъ да пребудетъ Твой вѣкъ,
Добрый Монархъ,
Благословенъ!“

Исполнялись ли эти арі, речитативы и хоры при торжествѣ открытія университета—мы не нашли указаній.

По открытіи университета, Тимковскій былъ въ немъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ и кромѣ того членомъ правленія университета, членомъ училищнаго комитета и членомъ цензурнаго комитета.

Отрываясь отъ заботъ по устройству помѣщенія для университета и всѣмъ приготовительнымъ къ открытію его распоряженіямъ, Тимковскій, чрезъ непродолжительное время послѣ своего пріѣзда въ Харьковъ, сталъ обозрѣвать училища харьковскаго учебнаго округа, начавъ съ училищъ слободско-украинской губерніи, и 14 декабря 1803 г. послалъ Новосильцеву свой первый отчетъ, въ которомъ изложилъ сначала свои „общія мнѣнія относительно училищъ,“ потомъ далъ свѣдѣнія „объ училищахъ слободско-украинской губерніи вообще“ и затѣмъ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставилъ обозрѣніе харьковскаго главнаго народнаго училища и каждаго изъ малыхъ народныхъ училищъ губерніи въ частности. Послѣ того, по мѣрѣ объѣзда и обозрѣнія училищъ другихъ губерній, онъ представлялъ свои отчеты отдѣльно по каждой губерніи.

Въ бумагахъ Тимковскаго сохранились списки только нѣкоторыхъ изъ этихъ отчетовъ и разныя подготовительныя къ нимъ бумаги. Изъ нихъ видно, что Тимковскій въ отчетахъ своихъ представлялъ подробнѣйшія свѣдѣнія о каждомъ изъ осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній, о средствахъ, которыми они располагаютъ,—о зданіяхъ, въ которыхъ помѣщаются,—объ учителяхъ, ученикахъ и состояніи учебной части,— о пансіонахъ, гдѣ таковые имѣются, и вообще о томъ, какими квартирами располагаютъ ученики; наконецъ—разныя статистическія свѣдѣнія о городахъ, въ которыхъ находятся учебныя заведенія.— Въ этихъ отчетахъ, которые, какъ надо заключить изъ вышеупомянутой статьи г. Лавровскаго[1]), сохраняются въ подлинникахъ въ архивѣ харьковскаго университета, интересующіеся этимъ предметомъ могутъ найдти обильный матеріалъ для исторіи учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа того времени. Г. Лавровскій по этому поводу говоритъ: „едва ли какой городъ округа ускользнулъ отъ посѣщенія Тимковскаго; изъ отчетовъ его можно видѣть, съ какимъ участіемъ и любознательностью относился онъ къ разнымъ сторонамъ и явленіямъ тогдашней провинціальной жизни, хотя бы и вовсе независимымъ отъ непосредственно порученнаго ему дѣла“.

Въ какомъ жалкомъ состояніи находились тогда нѣкоторыя изъ помѣщеній главныхъ народныхъ училищъ, можно видѣть изъ письма отъ 23 сентября 1803 г., которое Тимковскій, послѣ перваго своего пріѣзда въ Полтаву, писалъ малороссійскому генералъ-губернатору Куракину, слѣдующаго содержанія: „Домъ, въ которомъ помѣщается полтавское главное училище, такъ обветшалъ и въ такомъ запустѣніи, что въ наступающее осеннее и зимнее время едва ли можно будетъ учителямъ жить

---

[1]) „В. Н. Каразинъ и открытіе харьковскаго университета.“ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., №№ 1 и 2.

Библиотека "Руниверс"

въ нынѣ занимаемыхъ ими покояхъ и ученію продолжаться въ классныхъ комнатахъ, если тѣ и другія не будутъ сколько ни есть защищены отъ стужи, морозовъ и ненастья починкою дверей, оконъ и печей. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство не оставить по возможности упомянутаго училища въ такомъ состояніи; а сверхъ того приказать огородить дворъ хотя плетнемъ и починить ворота, не только для пристойнѣйшаго виду, но болѣе для порядочнаго входу въ домъ и для цѣлости дровъ и другихъ находящихся на дворѣ вещей".

Чтобъ имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ учителяхъ и ихъ познаніяхъ, Тимковскій, обозрѣвая главныя и малыя народныя училища, подвергалъ экзамену не только учениковъ, но и учителей. Представляя затѣмъ въ отчетахъ своихъ подробныя объ нихъ свѣдѣнія, онъ указывалъ, кто изъ нихъ и для какихъ именно занятій можетъ быть полезенъ въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. А чтобъ тѣ, которые получатъ назначеніе, могли, какъ выражался Тимковскій, „пріобрѣсть лучшій способъ упражненія и преподаванія", онъ проектировалъ призвать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ университетъ, гдѣ бы они выслушали краткіе педагогическіе и методологическіе курсы своихъ наукъ, которые для нихъ слѣдовало бы прочесть.

Состояніе преподаванія въ главныхъ и малыхъ народныхъ училищахъ Тимковскій находилъ вообще неудовлетворительнымъ, чѣмъ и объяснялъ недостаточную степень сочувствія къ нимъ народонаселенія.— „Дѣти", пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, „затверживая наизустъ то, что мало понимаютъ, ничего пересказывать не могутъ связно, чему учатся, что знаютъ полезнаго, и отцы отзываются: Богъ знаетъ чему учатъ въ школахъ". Далѣе, разсуждая о способѣ преподаванія по вопросамъ и отвѣтамъ, Тимковскій говоритъ, что хотя этотъ способъ и достоинъ похвалы, но ничего нѣтъ легче, какъ спрашивать по выученному изъ книги, и притомъ не трудно усмотрѣть, что— „сіи вопросы и отвѣты, не преслѣдуя матеріи въ подробность, но занимаясь ею отрывочно и нечаянно, весьма сбивчивы для разсудка; напротивъ того, ежели учитель, держась классной книги, разскажетъ матерію, изъяснитъ ее и прибавленіями лю-

Библиотека "Руниверс"

бопытными и полезными дополнитъ, заставитъ лучшаго ученика повторить сказанное, и потомъ, когда увидитъ, что поняли изъясненія его, предложитъ ученикамъ вопросы одинъ за другимъ въ связи, и подробно анализируетъ ими матерію, то такой способъ, напрягая силы учителя, будетъ изощрять понятіе ученика, пріучать его къ внимательности и вмѣстѣ образуетъ даръ слова его".

Въ числѣ существовавшихъ тогда неудобныхъ условій для преподаванія Тимковскій указываетъ на то, что ученики поступали въ училища и оставляли ихъ, безъ письменныхъ просьбъ, въ разные мѣсяцы года, и по своему произволу отлучались на весьма продолжительное время.—„Теперь", говоритъ Тимковскій, „часто является въ классѣ новый ученикъ, неизвѣстно—что онъ такое и откуда, бываетъ въ классѣ или не бываетъ—до этого нѣтъ дѣла никому; вдругъ не стало его; чрезъ полгода, чрезъ годъ приходитъ иной опять въ училище, во многомъ отсталъ, или все забылъ, можетъ ли такой ученикъ быть въ классѣ исправенъ, внимать наставленіямъ учителя, научиться чему нибудь" и т. д. Какъ видно изъ отчетовъ Тимковскаго, и учителя пользовались свободой отлучаться по своему произволу, не испрашивая разрѣшенія отпусковъ, вслѣдствіе чего Тимковскій находилъ необходимымъ, „чтобъ учителя почитали должность свою наравнѣ съ обязанностями всякой другой службы, примѣнить къ нимъ общія узаконенія о срокахъ, отпускахъ, отлучкахъ и явкѣ въ учебные дни".

Какъ въ малыхъ, такъ и въ главныхъ народныхъ училищахъ Тимковскій вездѣ находилъ очень мало дворянъ. Кромѣ неудовлетворительнаго состоянія учебныхъ заведеній и отсутствія во многихъ мѣстахъ возможности устроить домашній надзоръ за дѣтьми тѣхъ родителей, которые сами не живутъ въ городахъ, Тимковскій объяснялъ это обстоятельство нежеланіемъ дворянъ, чтобы дѣти ихъ смѣшивались съ дѣтьми мѣщанъ и крестьянъ. „Было время", говоритъ Тимковскій, „въ Украинѣ и Малороссіи, что господа не брезгали учиться по семинаріямъ вмѣстѣ съ разночинцами, но когда правленіе столько утончило разность званій повсюду, то она дѣйствуетъ и на училища".

Библиотека "Руниверс"

Вслѣдствіе этого, чтобъ привлечь больше дворянъ въ новыя гимназіи и уѣздныя училища, Тимковскій предполагалъ сдѣлать на первое время нѣкоторыя уступки дворянству, а именно: крестьянъ въ гимназіи не допускать, а дворянамъ, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ уѣздныхъ училищахъ, вести особые списки и для сидѣнія ихъ устроить особые скамьи и столы, которые ставить впереди прочихъ. Потомъ, продолжалъ Тимковскій, когда лѣтъ черезъ пять или болѣе дворяне получатъ привычку отдавать дѣтей въ училище, можно будетъ „возвратить нынѣшнюю неразборчивость званій".

Затѣмъ, по вопросу о допущеніи крестьянъ въ уѣздныя училища и приходскія школы, Тимковскій, указавъ на высказываемыя нѣкоторыми мнѣнія о томъ, что грамотный крестьянинъ „негоденъ въ своемъ званіи и помѣщику не проченъ" и что будто бы просвѣщеніе неприлично крестьянамъ и можетъ ихъ развратить,—продолжаетъ далѣе, что просвѣщеніе никогда не приводило къ неустройству и что главнымъ предметомъ какъ приходскихъ школъ, такъ и уѣздныхъ училищъ должна быть задача—„вразумить учащихся въ законѣ и нравственности, въ хозяйствѣ и промышленности и открыть имъ глаза на мѣстныя выгоды, требуемыя ихъ же состояніемъ, а другихъ сверхъ того приготовить къ дальнѣйшимъ познаніямъ, предназначенію ихъ соотвѣтственнымъ". Кромѣ того, Тимковскій указываетъ на то, что когда грамотный человѣкъ между крестьянами не будетъ такою рѣдкостью, какъ теперь, когда число грамотныхъ будетъ велико, то уже вслѣдствіе этого грамотный будетъ меньше кичиться своими познаніями и отдѣляться отъ своей братіи и работъ ихъ, нежели теперь, считая себя однимъ изъ ста или двухсотъ.

Въ видахъ доставленія возможности домашняго надзора за учениками, Тимковскій проектировалъ устроить пансіоны на суммы казенныя и общественныя, а также упорядочить жизнь учениковъ на отдѣльныхъ квартирахъ, подъ присмотромъ учителей или старшихъ гимназистовъ.

Относительно взысканій, которымъ могутъ быть подвергаемы ученики, Тимковскій, не одобряя тѣлесныхъ наказаній, нахо-

Библиотека "Руниверс"

дилъ также неудобнымъ подвергать учениковъ и слѣдующимъ наказаніямъ: ставить ихъ на колѣни, запирать въ холодное или темное мѣсто, лишать обѣда, приказывать служить товарищу, безчестить нарядомъ: такія наказанія, писалъ Тимковскій, могутъ имѣть дурное дѣйствіе на характеръ. Поэтому онъ полагалъ ограничиться слѣдующими взысканіями: лишать ученика на большее или меньшее время мѣста, которое онъ занимаетъ въ классѣ по успѣхамъ и поведенію, переводить изъ высшаго класса въ низшій на нѣсколько уроковъ или до окончанія годичнаго курса, заставлять обидчика просить прощенія у обиженнаго, оставлять ночевать въ классѣ и, наконецъ,—отсылать къ родителямъ для наказанія.

Указывая на то, что во многихъ мѣстахъ учителя лишены возможности пополнять свои свѣдѣнія за отсутствіемъ хорошихъ библіотекъ, вслѣдствіе чего они праздно и безъ пользы проводятъ свое время, Тимковскій выражалъ желаніе, чтобы „вмѣсто нынѣшняго случайнаго и нестройнаго собранія книгъ, составились скорѣе библіотеки, наполненныя классиками и другими отборными иностранными и россійскими книгами". — „Сіи библіотеки", продолжалъ Тимковскій, „могли бы сдѣлаться купно и публичными для постороннихъ любителей чтенія".

Не мало замѣчаній разсѣяно въ отчетахъ Тимковскаго и о преподаваніи каждаго изъ предметовъ въ отдѣльности.

Подобно визитатору виленскаго учебнаго округа Ѳаддею Чацкому, Тимковскій въ харьковскомъ учебномъ округѣ не остался только въ роли ревизора или обозрѣвателя старыхъ учебныхъ заведеній, а сдѣлался устроителемъ новыхъ.

Для этого прежде всего нужно было изыскать матеріальныя средства, которыхъ во многихъ мѣстахъ не доставало для того, чтобъ могли устроиться и существовать новыя учебныя заведенія; потомъ нужно было пріискать удовлетворительныя помѣщенія для этихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ—подготовить для нихъ составъ педагоговъ и проч. Заботы обо всемъ этомъ легли, главнымъ образомъ, на Тимковскаго; чрезъ него произво-

Библиотека "Руниверс"

дились и всѣ сношенія по приготовленію къ открытію учебныхъ заведеній.

Еще предъ выѣздомъ изъ Харькова для обозрѣнія старыхъ учебныхъ заведеній, Тимковскій посылалъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства письменныя сообщенія, въ которыхъ говорилъ о пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній и необходимости со стороны общества придти на помощь правительству въ дѣлѣ устройства этихъ заведеній матеріальными приношеніями. Затѣмъ, выѣзжая для обозрѣнія главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, онъ на мѣстѣ всячески старался расположить всѣхъ къ пожертвованіямъ на учебныя заведенія. Повидимому, скорѣе всего онъ успѣлъ въ этомъ въ Екатеринославѣ. Обозрѣвъ тамошнее главное народное училище, Тимковскій въ началѣ іюля 1804 г. писалъ екатеринославскому губернскому предводителю дворянства Шостаку о томъ, что въ домѣ этого училища, по тѣснотѣ его, не возможно помѣстить гимназію и уѣздное училище, и что поэтому необходимо принять мѣры къ тому, чтобъ устроить помѣщеніе достаточное и приличное; а въ концѣ того же мѣсяца Тимковскій уже извѣщалъ Потоцкаго о томъ, что екатеринославское дворянство рѣшило пожертвовать для гимназіи и уѣзднаго училища свой дворянскій въ Екатеринославѣ домъ съ садомъ и рощею и всѣмъ къ нему принадлежащимъ. Точно также и въ Воронежѣ удалось получить домъ съ обстройкою. Затѣмъ въ землѣ донскихъ козаковъ войсковая канцелярія приняла на счетъ войсковыхъ суммъ содержаніе гимназіи и уѣздныхъ училищъ. Болѣе или менѣе значительныя пожертвованія были сдѣланы и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Изъ пожертвованій частныхъ лицъ самымъ крупнымъ было пожертвованіе тайнымъ совѣтникомъ Судьенкомъ 40000 рублей на устройство училищъ въ Малороссіи.

Какъ надо заключать изъ сохранившейся между бумагами Тимковскаго копіи письма его отъ 10 мая 1804 г. къ Потоцкому, послѣдній торопилъ его съ открытіемъ гимназій и повидимому желалъ, чтобы существующія главныя народныя училища какъ можно скорѣе были переименованы въ гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

Отвѣчая на это, Тимковскій писалъ: „всемѣрно стараться буду, сколько отъ меня зависитъ, соотвѣтствовать желанію вашего сіятельства, изображенному въ письмѣ ко мнѣ отъ сего апрѣля, чтобы гимназіи въ харьковскомъ учебномъ округѣ какъ можно скорѣе могли быть открыты". Указавъ затѣмъ на то, что именно для этого еще остается сдѣлать, Тимковскій продолжалъ: „Безъ сего переименовать главныя народныя училища въ гимназіи и дать учителямъ больше жалованья безполезно будетъ притомъ упадетъ даже и то лестное мнѣніе, съ какимъ публика, при своемъ отвращеніи къ народнымъ училищамъ, ожидаетъ открытія гимназій. А поелику не все исполнить можно по вышеупомянутому вдругъ во всѣхъ губерніяхъ, то и гимназіи не инако, какъ постепенно одна за другою, открывать слѣдуетъ. Во первыхъ я займусь планомъ образованія слободско-украинской губерніи, съѣзжу въ Екатеринославъ, составлю планъ на екатеринославскую гимназію, затѣмъ надо приступить къ плану на черниговскую и донскую гимназіи. Между тѣмъ осмѣливаюсь донести вашему сіятельству о томъ, что теперь почитаю я нужнымъ". Далѣе Тимковскій говоритъ о разныхъ мѣрахъ относительно денежныхъ суммъ и назначенія учителей.—Согласившись съ Тимковскимъ въ томъ, что гимназіи слѣдуетъ открывать постепенно одну за другою, Потоцкій въ письмѣ отъ 5 іюня 1804 г. просилъ Тимковскаго устроить такъ, чтобъ въ теченіи 1804 года могли быть открыты по крайней мѣрѣ три гимназіи: харьковская, черниговская и курская.

Согласно съ изложеннымъ, гимназіи были открываемы постепенно одна за другою. Раньше всѣхъ были открыты харьковская и черниговская гимназіи, въ слѣдующую очередь гимназіи екатеринославская и новочеркасская, потомъ—курская, орловская, воронежская и новгородъ-сѣверская, позже — таганрогская и одесская. Одновременно съ открытіемъ гимназій, происходило въ тѣхъ же губерніяхъ и открытіе уѣздныхъ училищъ.

Назначеніе состава учителей въ гимназіи и уѣздныя училища, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, зависѣло главнымъ образомъ отъ него, что было вполнѣ естественно, такъ какъ,

Библиотека "Руниверс"

обревизовавши всѣ старыя учебныя заведенія харьковскаго округа, онъ одинъ лично зналъ весь учебный персоналъ этихъ заведеній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣстѣ не доставало способныхъ людей для замѣщенія всѣхъ учительскихъ должностей, Тимковскій обращался къ Потоцкому съ просьбами выписать учителей изъ другихъ мѣстъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ писемъ, Потоцкій рекомендовалъ Тимковскому выписать учителей изъ Германіи или Польши, прибавляя, что „послѣдніе скорѣе будутъ въ состояніи преподавать наставленія на россійскомъ языкѣ". Однако изъ бумагъ Тимковскаго не видно, чтобъ изъ Польши были выписываемы учителя, и вообще мы не знаемъ, какимъ именно образомъ былъ пополненъ недостатокъ въ учителяхъ; но, кажется, въ то время поляки не получили назначеній, они появились въ харьковскомъ учебномъ округѣ гораздо позже. Къ Тимковскому, какъ свидѣтельствуетъ масса сохранившихся бумагъ, обращались съ ходатайствами всѣ искавшіе мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; на его же распоряженіе представляли директоры народныхъ училищъ поступавшія къ нимъ просьбы о назначеніи на должности учителей. Самыя опредѣленія совѣта университета о назначеніи къ должностямъ [1]) были редактированы въ такой формѣ: *„предназначенныхъ профессоромъ Тимковскимъ* учителей въ такую-то гимназію такихъ-то (указывались фамиліи назначаемыхъ и предметы преподаванія) къ ихъ должностямъ опредѣлить" (таково напримѣръ опредѣленіе отъ 16 іюня 1805 г. о назначеніи учителей въ новочеркасскую гимназію).

Насколько правильно дѣлалъ Тимковскій оцѣнку учительскихъ способностей, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай: обозрѣвая воронежское главное народное училище, Тимковскій обратилъ вниманіе на учителя этого училища Г. П. Успенскаго и, замѣтивъ въ немъ недюжинныя способности, въ отчетѣ своемъ настоялъ на томъ, чтобъ Успенскій былъ назначенъ въ харьковскую гимназію для того, чтобъ получилъ воз-

[1]) Тогда учителя гимназій были опредѣляемы къ должностямъ совѣтомъ университета.

Библиотека "Руниверс"

можность продолжать научныя занятія и приготовиться къ профессурѣ,—благодаря чему изъ Успенскаго дѣйствительно вышелъ впослѣдствіи одинъ изъ лучшихъ профессоровъ харьковскаго университета. Интересно, что въ этомъ же отчетѣ Тимковскій упоминаетъ о томъ, что онъ совѣтовалъ Успенскому „написать сочиненіе о россійскихъ древностяхъ“. Изъ этого видно, что мысль сочиненія, которое впослѣдствіи Успенскій написалъ и издалъ подъ заглавіемъ: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“ и которымъ онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ литературномъ мірѣ, — была внушена Успенскому Тимковскимъ.

Когда всѣ приготовительныя распоряженія къ открытію гимназій были сдѣланы, Тимковскій выѣзжалъ лично открывать многія изъ гимназій округа, сочинялъ церемоніалы ихъ открытія, говорилъ рѣчи, экзаменовалъ имѣвшихъ быть зачисленными въ ученики гимназій, указывалъ учителямъ, какихъ учебниковъ они должны держаться по каждому предмету, давалъ разныя другія наставленія директорамъ и учителямъ, составлялъ списки книгъ, которыми слѣдуетъ пополнить гимназическія библіотеки и проч.

Въ числѣ разныхъ городовъ, которые посѣтилъ Тимковскій для обозрѣнія и устройства училищъ, былъ г. Новгородъ-Сѣверскъ. Обревизовавши тамошнее главное народное училище въ первый разъ въ началѣ 1804 г., Тимковскій своимъ отзывомъ о немъ и своими представленіями содѣйствовалъ тому, что это училище не было упразднено, какъ предполагалось первоначально, а было преобразовано въ гимназію. Здѣсь, познакомившись съ дочерью директора означеннаго училища, а потомъ гимназіи—Ивана Ивановича Халанскаго Софьею Ивановною, Тимковскій сочетался съ нею бракомъ 5 сентября 1809 года, и вслѣдствіе этого сдѣлался послѣ обитателемъ находящейся въ недалекомъ разстояніи отъ Новгородъ-Сѣверска деревни Турановки, глуховскаго уѣзда, принадлежавшей его женѣ [1]). Здѣсь

[1]) Это имѣніе принадлежало прежде Туранскимъ и было подарено женѣ Тимковскаго ея крестнымъ отцемъ Николаемъ Демьян. Туранскимъ.

Библиотека "Руниверс"

же впослѣдствіи, по смерти И. И. Халанскаго, Тимковскому самому пришлось сдѣлаться директоромъ гимназіи, устройству которой онъ содѣйствовалъ.

Съ открытіемъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, отношенія его къ нимъ не прекращались: во множествѣ изъ этихъ бумагъ директоры гимназій время отъ времени просятъ у него разрѣшенія разныхъ вопросовъ и сомнѣній (чаще другихъ мы встрѣчали такіе запросы со стороны директоровъ черниговской и екатеринославской гимназій); къ нему же они обращаются съ ходатайствами о наградахъ учителямъ и съ жалобами на плохихъ учителей; въ свою очередь учителя жалуются ему на притѣсненія директоровъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и университетъ передавалъ на распоряженіе Тимковскаго поступавшія къ нему жалобы. Такъ, въ 1810 году учителя черниговской гимназіи Кнейперъ (нѣмецкаго языка) и Феттеръ (французскаго языка) подали взаимныя другъ на друга жалобы по поводу происшедшей между ними ссоры. Представляя эти жалобы въ училищный комитетъ университета, директоръ гимназіи Марковъ въ рапортѣ своемъ отъ 3 сентября 1810 г. объяснилъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ ссоры, происшедшей „между сими двумя горячаго и вспыльчиваго сложенія людьми, и едва возмогъ прекратить ее, не успѣвши впрочемъ уговорить ихъ къ всегдашнему примиренію, которое, кажется, никогда послѣдовать не можетъ по изъявляемой ими открыто отъ одного къ другому мстительной ненависти“. Правленіе университета отъ 24 сентября за № 1168, передало эти жалобы Тимковскому, „съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ на мѣстѣ въ подробное о семъ изслѣдованіе и, ежели можно, принялъ бы мѣры къ прекращенію несогласія помянутыхъ учителей примиреніемъ“.—Нѣсколько позже два другихъ учителя той-же гимназіи Пилянкевичъ (латинскаго языка) и Дубровичъ (естественной исторіи) поспорили изъ за обладанія кухней при отведенныхъ учителямъ квартирахъ и также жаловались другъ на друга. Училищный комитетъ университета 1 октября 1810 г. передалъ эти жалобы Тимковскому—„съ тѣмъ, чтобы онъ разобралъ ихъ на мѣстѣ и предоставилъ каждому принадлежащее“.

Библиотека "Руниверс"

Вообще, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, состоя въ должности профессора, онъ до нѣкоторой степени фактически начальствовалъ надъ всѣми средними и низшими учебными заведеніями харьковскаго учебнаго округа.

Въ то же время онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ попечителя округа Потоцкаго. Между бумагами Тимковскаго сохранилось много писанныхъ его рукою черновыхъ бумагъ, озаглавленныхъ „мнѣніями пепечителя Потоцкаго“, изъ чего видно, что эти „мнѣнія попечителя“ сочинялись Тимковскимъ и были въ дѣйствительности его мнѣніями. Кромѣ особыхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ, и нѣкоторыя другія бумаги отъ имени Потоцкаго также составлялись Тимковскимъ, какъ свидѣтельствуютъ черновые проекты этихъ бумагъ. Повидимому, Потоцкій во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ обращался къ содѣйствію Тимковскаго, пользуясь его знаніями и способностью къ работѣ.

М. И. Сухомлиновъ въ вышеупомянутой статьѣ своей говоритъ о Потоцкомъ: „если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя“ [1]). Еслибъ этотъ отзывъ о Потоцкомъ былъ справедливъ, то нѣкоторую долю славы Потоцкаго нужно бы было удѣлить и Тимковскому, какъ ближайшему сотруднику Потоцкаго, который въ очень многихъ случаяхъ работалъ руками и головою Тимковскаго, какъ это видно изъ бумагъ послѣдняго.

По количеству открытыхъ въ харьковскомъ округѣ новыхъ учебныхъ заведеній, дѣятельность Тимковскаго, можетъ быть, была менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность Ѳ. Чацкаго въ виленскомъ округѣ, но и положеніе Тимковскаго было совсѣмъ другое. Чацкій былъ богатый мѣстный аристократъ, имѣвшій обширныя связи какъ съ польскими помѣщиками, такъ и съ католическимъ духовенствомъ, вслѣдствіе чего онъ и могъ легко подвигнуть какъ однихъ, такъ и другихъ къ щедрымъ пожертвованіямъ на устройство учебныхъ заведеній, а Тимковскій былъ въ Харьковѣ пришлый чиновникъ, не располагавшій собственными средствами и не имѣвшій никакихъ связей и знакомствъ

[1]) Изслѣдованія и статьи М. И. Сухомлинова, томъ I, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать; вмѣсто богатыхъ польскихъ магнатовъ, онъ имѣлъ дѣло съ менѣе состоятельными и менѣе тароватыми людьми, которыхъ предварительно надо было еще убѣждать въ пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній. Притомъ визитаторство и устройство училищъ не было для Тимковскаго единственнымъ дѣломъ, которому онъ могъ бы отдаться всецѣло: онъ могъ заниматься этимъ дѣломъ только по временамъ, отрываясь отъ другихъ возложенныхъ на него занятій, въ числѣ которыхъ первыми для него были поставлены всѣ приготовительныя распоряженія по устройству университета, а съ открытіемъ послѣдняго онъ, въ качествѣ профессора, долженъ былъ читать лекціи, и притомъ, какъ выше было упомянуто, отъ одного предмета чрезъ нѣкоторое время перейти къ другому, причемъ эти предметы были разныхъ факультетовъ и не имѣли между собою никакой связи. Кромѣ того, отсутствіе въ первое время попечителя учебнаго округа ставило Тимковскаго въ необходимость тратить значительное количество времени на то, чтобъ вести пространныя письменныя сношенія съ двумя попечителями, изъ которыхъ одинъ—назначенный попечителемъ харьковскаго округа графъ С. О. Потоцкій странствовалъ по западной Европѣ, а другой, временно исправлявшій его должность Н. Н. Новосильцевъ, находился въ Петербургѣ. За отсутствіемъ ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Тимковскій долженъ былъ выполнять и тѣ дѣйствія, которыя лежали бы на самомъ попечителѣ, еслибъ онъ находился на мѣстѣ. Можно сказать, что въ теченіе нѣкотораго времени Тимковскій замѣнялъ собою и отсутствовавшаго попечителя учебнаго округа, и цѣлый университетъ, и ревизора всѣхъ старыхъ учебныхъ заведеній въ округѣ, и устроителя всѣхъ новыхъ учебныхъ заведеній; и можно удивляться тому, какъ при такой многосложности лежавшихъ на Тимковскомъ обязанностей онъ успѣвалъ все сдѣлать.

Есть, наконецъ, и еще одна разница между Чацкимъ и Тимковскимъ: о Чацкомъ было очень много писано, а о дѣятельности Тимковскаго въ качествѣ визитатора и устроителя училищъ харьковскаго учебнаго округа въ печати до послѣд-

Библиотека "Руниверс"

няго времени не было сказано почти ничего. Но университетъ цѣнилъ эту дѣятельность и, какъ видно изъ опредѣленія университетскаго совѣта отъ 15 іюля 1811 г., главную заслугу со стороны Тимковскаго видѣлъ именно въ заботахъ его объ устройствѣ училищъ; въ этомъ опредѣленіи было сказано: „университетъ всегда съ величайшею признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ нашего университета, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду профессора Тимковскаго".

Когда, съ открытіемъ многихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, эти учебныя заведенія стали меньше требовать времени отъ Тимковскаго, онъ принялся за литературные труды. Въ это время имъ были написаны сочиненія: 1) „О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства" (рѣчь, произнесенная въ собраніи университета 17 января 1808 г.),—2) „О помѣстьяхъ" (рѣчь, произнесенная въ собраніи университета 30 іюня 1810 г.),—3) „Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка" (изданіе харьковскаго университета 1811 г.). Кромѣ того, въ бумагахъ Тимковскаго есть указаніе на написанное имъ въ это же время на латинскомъ языкѣ сочиненіе: „Сравненіе Юстиніановыхъ законовъ съ россійскими", за которое геттингенское ученое общество въ 1809 г. избрало Тимковскаго въ свои члены; когда и гдѣ было издано это сочиненіе—намъ не извѣстно.

Мы забыли своевременно упомянуть, что отъ московскаго университета Тимковскій 30 іюня 1805 г. получилъ степень доктора обоихъ правъ (т. е. гражданскаго и уголовнаго), а отъ харьковскаго университета 18 декабря 1807 г.—степень доктора философіи.

Въ 1811 году Тимковскій, ссылаясь на разстроенное во время служебныхъ разъѣздовъ здоровье, подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Въ отвѣтъ на это, ему было предложено для поправленія здоровья воспользоваться годичнымъ отпускомъ, съ сохраненіемъ полнаго оклада жалованья. Тимковскій взялъ отпускъ, но потомъ повторилъ свое ходатайство объ увольненіи въ отставку, которую и получилъ 2 сентября 1813 г.

(Окончаніе слѣдуетъ). **Н. Шугуровъ.**

Библиотека "Руниверс"

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

VIII.

Изъ Херсона въ Крымъ.

17 мая, въ день отъѣзда изъ Херсона, Императрица въ 12-мъ часу утра принимала прежде всего на приватной отпускной аудіенціи маркиза де Галло, а потомъ жаловала къ рукѣ: кн. Понятовскаго, барона Герберта, гр. Мошинскаго и гр. Модольфа, которые были приглашены къ обѣду. На столѣ, вмѣсто конфектныхъ пирамидъ, для украшенія поставлены были одинадцать моделей кораблей и другихъ судовъ.

Послѣ обѣда, въ половинѣ 2 часа, Императрица выѣхала изъ Херсона въ своемъ восьмимѣстномъ фаэтонѣ, въ который были приглашены: графъ Фалькенштейнъ, графиня А. В. Браницкая, кн. Потемкинъ, И. И. Шуваловъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, принцъ де Линь и графъ Кобенцель. Остальныя лица свиты послѣдовали въ каретахъ. Выѣздъ сопровождался пушечной пальбой и колокольнымъ звономъ. Возлѣ фаэтона верхомъ ѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ и всѣ военные чины; у собора стояло духовенство въ облаченіи съ крестами; при выѣздѣ изъ города у тріумфальныхъ воротъ привѣтствовали Императрицу херсонскіе купцы, мѣщане и ремесленники. Тутъ Самойловъ и всѣ военные откланялись и возвратились въ городъ.

Для путешествія Императрицы, въ Крыму еще въ октябрѣ 1786 г. приготовлялись дороги, ставились поверстные столбы,

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 8.

Библиотека "Руниверс"

въ городахъ строились дворцы, съ Дону ожидались изготовленные тамъ походные войлочные дворцы.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1787 г. въ Карасу-Базарѣ живописцы отдѣлывали дворецъ. Дѣлались распоряженія, чтобы въ Перекопъ и къ Бахчисараю посланы были татары, киргизы, ногайцы и туркмены для поклоненія Императрицѣ; принимались даже мѣры, чтобы въ Бахчисараѣ число жителей увеличилось. Для экипажей и всего поѣзда выгребовано было 2000 донскихъ лошадей, изготовлено было сто кибитокъ и къ нимъ дуги и хомуты и все доставлено заблаговременно въ Бериславль; заготовляли ледъ, кадки, ведра, ушаты и всякую деревянную посуду; на всякой станціи былъ заготовленъ кофей леванскій; коровы для молока назначены были наемныя отъ обывателей окрестныхъ деревень, это было сдѣлано съ цѣлью доставить жителямъ прибыль и показать имъ, что отъ нихъ безъ платы ничего не требуется.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Бахчисараѣ приготовляли даже разныя бревна и доски для устройства фейерверка. Суровая зима, сѣверные вѣтры и глубокіе снѣга, какихъ не помнили и сторожилы, чрезвычайно мѣшали успѣху работъ.

Первая остановка, хотя кратковременная, была въ 17 верстахъ отъ Херсона на р. Ингульцѣ; здѣсь устроена была переправа для экипажей. На другомъ берегу ожидала шестимѣстная путевая карета Императрицы, въ которой она и продолжала путь, приглася съ собою графа Фалькенштейна, графиню Браницкую, Дмитріева-Мамонова, принца де Линя и графа Кобенцеля.

Въ три четверти 8 часа вечера прибыли въ Бериславль. Свитѣ приготовленъ былъ въ дворцѣ ужинъ, а Императрица, побесѣдовавъ съ графомъ Фалькенштейномъ, удалилась во внутреннiе покои наскоро выстроеннаго дворца, а графъ Фалькенштейнъ отправился въ приготовленную для него квартиру.

Передъ дворцомъ горѣла иллюминація изъ плошекъ [1]).

Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ 18 мая: „На сіе число ночевали въ Бериславлѣ, что былъ Кизикерменъ“...

---

[1]) См. Камеръ-Фурьер. журналъ 1787 г.

Библиотека "Руниверс"

Императрица говорила ему: „Хорошо, что, отдыхая теперь, съ свѣжею головою и лучшими свѣдѣніями можно прилежнѣе работать въ Эрмитажѣ. Все вижу и слышу, хотя не какъ императоръ, — (Императрица намекала на Іосифа II). Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія, но, будучи строгъ противъ самаго себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства, не знаетъ русской пословицы—мѣшать дѣло съ бездѣльемъ“.

Отъѣздъ изъ Бериславля назначенъ былъ утромъ и рѣшено обѣдать ранѣе обыкновеннаго. Но въ то время, когда, въ 10 часовъ утра, объявляли объ этомъ съѣхавшимся во дворецъ, кн. Потемкинъ неожиданно для всѣхъ въ особой комнатѣ, за особеннымъ столомъ, наскоро пообѣдалъ, откланялся Императрицѣ и уѣхалъ впередъ въ „Тавриду“, пригласивъ съ собою генералъ-поручика графа М. П. Румянцева, тайн. сов. Е. А. Черткова, графа Браницкаго и принца Нассау.

Ранній обѣдъ Императрицы со свитою кончился въ началѣ 1-го часа; затѣмъ, отправились до пристани, приготовленной у переправы чрезъ Днѣпръ и Конскія Воды, на шлюбкахъ.

Переѣхали на другой берегъ Днѣпра, принадлежавшій уже таврической области; здѣсь екатеринославскій губернаторъ генералъ-маіоръ Синельниковъ откланялся Императрицѣ, и встрѣтили ее таврическій правитель Коховскій, директоръ экономіи Габищь и Мамутъ-бей съ конными туркменцами, киргизами и ногайцами, обитавшими въ днѣпровскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ.

Вся эта новая свита провожатыхъ поскакала и впереди, и возлѣ, и сзади шестимѣстной кареты Императрицы, въ которой она сидѣла съ графомъ Фалькенштейномъ, графинею Браницкой, Мамоновымъ, принцемъ де-Линь и графомъ Кобенцелемъ. Дорога была ровная, природа безлѣсная и безводная—голая степь съ солончаками. Ночлежная станція назначена была въ урочищѣ у Каменнаго моста на рѣкѣ Калангакѣ за 35 верстъ до Перекопа. Эта рѣчка или точнѣе ручей, протекающій по болотному излогу, впадаетъ въ Черное море. Чрезъ рѣчку въ давнія времена, по преданіямъ, еще генуэзцами былъ построенъ

Библиотека "Руниверс"

каменный мостъ [1]), близъ котораго и назначенъ былъ ночлегъ въ путевомъ дворцѣ, въ палаткахъ и ставкахъ, изготовленныхъ еще въ Петербургѣ и возившихся во время крымскаго путешествія въ поѣздѣ Императрицы.

Не доѣзжая Каменнаго моста, явились на встрѣчу императорскому поѣзду донскіе козаки,—слишкомъ 3500 человѣкъ, съ своимъ войсковымъ атаманомъ, генералъ-поручикомъ Иловайскимъ во главѣ.

„Козаки (записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ) препровождали карету Ея Величества, представляя съ похвальнымъ проворствомъ козачьи разъѣзды и разныя воинскія движенія, имъ свойственныя“.

Гарцованіе донскихъ козаковъ чрезвычайно понравилось австрійскому императору. „Они парадировали, производили разные маневры, пускались въ атаку и стрѣляли изъ пистолетовъ впродолженіи цѣлаго перегона“. Ловкость козаковъ и родъ строя, который они умѣли соблюдать, при кажущемся безпорядкѣ и суматохѣ, заинтересовали Іосифа II.

„Если пустить такое войско въ тылъ разстроившейся кавалеріи, она пропала безвозвратно и уже потомъ ни за что не построится“. Таково было мнѣніе Іосифа, которое онъ сообщилъ въ письмѣ къ своему фельдмаршалу (см. Arneth. Catharina et Ioseph II).

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ Каменному мосту, производилась пальба изъ полковыхъ пушекъ донского войска; а когда въ 7 часу вечера Императрица прибыла на станцію, „въ присутствіи Ея Императорскаго Величества изображенъ былъ всѣми козаками сильный ударъ на непріятеля“ (К.-Ф. журналъ 1787).

У путеваго дворца на крыльцѣ встрѣтили Императрицу кн. Потемкинъ и правитель таврическій Каховскій съ дворянствомъ.

Храповицкій въ дневникѣ своемъ подъ 19 мая записалъ:

---

[1]) Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи, предпріемленное въ 1787 году. Печатано при Горномъ училищѣ въ 1786 году.

Библиотека "Руниверс"

„Пріятенъ ночлегъ при Каменномъ мостѣ и экзерциція донскихъ козаковъ. Cela fait naitre des reflexions“.

Свита помѣщена была въ ставкахъ, стоявшихъ возлѣ путеваго (т. е. временно устроеннаго тоже въ видѣ ставки) дворца, гдѣ былъ сервированъ и ужинъ на 27 человѣкъ, къ которому были приглашены посланники, а также Иловайскій съ его офицерами.

Палатки для путешествія по Крыму были изготовлены еще въ Петербургѣ и заблаговременно доставлены въ Кіевъ. Изготовлено было 80 палатокъ, въ томъ числѣ ставка для Императрицы о трехъ покояхъ; въ ней была столовая палатка, уборный шатрикъ, галлерея для сервиза и кухня (изъ д. Госуд. Архива).

Мы выше упоминали, что въ Херсонѣ Императрица выказала свое неудовольствіе гр. Сегюру, но на станціи Каменный мостъ она помирилась съ французскимъ посланникомъ. Онъ подробно разсказалъ объ этомъ въ своихъ запискахъ:

„Въ Кизикерменѣ (т. е. въ Бериславлѣ) Императрица, садясь въ карету, сказала мнѣ: для чего вы стѣсняете себя, графъ? Если вы боитесь скуки въ степяхъ, то никто не мѣшаетъ вамъ отправиться въ Парижъ, гдѣ васъ ожидаетъ такъ много удовольствія? И затѣмъ она сѣла въ карету, не дождавшись моего отвѣта.

Понятно, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая, чтобы объясниться объ этомъ странномъ, неожиданномъ для меня замѣчаніи—и потому, когда она расположилась въ своемъ шатрѣ (на станціи Каменный мостъ) и намъ дозволено было ее видѣть, я просилъ ее объяснить мнѣ смыслъ шутки, которую я не понялъ.

Императрица отвѣчала: „Это вовсе не шутка. Я нѣсколько разъ вамъ говорила о моей увѣренности въ томъ, что ваши парижскія красавицы сожалѣютъ васъ, которому нужно проѣхать пятьсотъ миль въ варварской странѣ, по степямъ, со скучною царицею. А потому, узнавъ, что вы просили объ отпускѣ, я не хотѣла съ своей стороны причинять вамъ затрудненій, хотя бы вашъ отъѣздъ и былъ бы для меня непріятенъ“.

Я съ жаромъ опровергалъ ея странное мнѣніе обо мнѣ и объ моихъ чувствахъ къ ней. „Итакъ, Ваше Величество, отвѣ-

Библиотека "Руниверс"

чалъ я,—Вы считаете меня человѣкомъ слѣпымъ, неблагодарнымъ, безразсуднымъ и съ грубымъ вкусомъ. Мнѣ очень прискорбно, что я вижу въ этомъ еще остатокъ Вашего предубѣжденія вообще противъ всѣхъ французовъ, предубѣжденія, ни на чемъ неоснованнаго. Нигдѣ Васъ такъ не уважаютъ и не оцѣниваютъ, какъ во Франціи, и въ этомъ отношеніи я вѣрный представитель моего отечества. Очень буду сожалѣть, если я принужденъ буду, хотя на время, уѣхать по возвращеніи Вашемъ въ Петербургъ, но если Вамъ угодно, чтобы я уѣхалъ ранѣе, то это будетъ для меня равняться ссылкѣ".

„Я этого вовсе не хочу, сказала она смѣясь, я бы желала, чтобы вы всегда оставались при мнѣ, и вы это очень хорошо знаете. Если я немножко и посердилась на васъ по случаю недавняго прибытія сюда вашихъ умныхъ учениковъ, бородатыхъ турокъ, то теперь эта досада прошла совершенно". Послѣ этого она стала говорить о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ею Портѣ, и, между прочимъ, сказала: „Король вашъ увидитъ, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не такъ честолюбива, какъ обыкновенно полагаютъ". Съ этой поры Государыня была со мною снова очень любезна и привѣтлива".

Въ этотъ же вечеръ, когда Императрица откланялась всему собранію и когда всѣ разошлись по своимъ палаткамъ, Іосифъ II, желая воспользоваться прекрасною ночью, взялъ Сегюра подъ руку, они пошли гулять, и довольно долго ходили по этой степи, гдѣ взоръ не находилъ преградъ. При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и татарскихъ пастуховъ, бродившихъ въ степи, императоръ сказалъ своему спутнику: „Какое странное путешествіе! Кто бы могъ подумать, что я, вмѣстѣ съ Екатериною II, французскимъ и англійскимъ посланниками, буду бродить по татарскимъ степямъ! Это совершенно новая страница въ исторіи".

„Мнѣ скорѣе кажется, отвѣчалъ Сегюръ,—что это страница изъ „Тысячи и одной ночи", что меня зовутъ Джафаромъ, и что я прогуливаюсь съ халифомъ Гаруномъ аль-Рашидомъ, по обыкновенію своему, переодѣтымъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того императоръ вдругъ остановился и, протирая себѣ глаза, сказалъ: „Право я незнаю, на

Библиотека "Руниверс"

яву ли это или ваши слова о „Тысячѣ и одной ночи“ подѣйствовали на мое воображеніе: посмотрите въ эту сторону!“

Сегюръ обернулся въ указанную сторону и не могъ отдать себѣ отчета, что такое онъ видитъ: шагахъ въ 200 отъ нихъ огромная палатка сама собою двигалась по землѣ и приближалась къ нимъ. Несмотря на высокую траву, Сегюръ съ императоромъ тотчасъ же побѣжали, чтобы поближе посмотрѣть. Палатка остановилась, и изъ нея вышло до 30 человѣкъ калмыковъ. Императоръ предложилъ Сегюру войти въ нее, а за нимъ вошли въ палатку и калмыки и опустили занавѣсъ, который закрывалъ входъ въ палатку; такимъ образомъ гр. Сегюръ очутился въ плѣну у этихъ калмыковъ. Они продолжали двигаться впередъ, неся палатку, и пройдя нѣсколько шаговъ, открыли занавѣсъ,—у входа стоялъ императоръ и смѣялся отъ всей души надъ удивленнымъ Сегюромъ. Онъ самъ вошелъ въ шатеръ.— Вскорѣ императору и Сегюру объяснили подробно устройство этихъ калмыцкихъ подвижныхъ жилищъ. Изъ планокъ дѣлается рѣшетка, и составляется круглая загородка, около четырехъ футовъ вышиною, сдерживаемая сверху деревяннымъ обручемъ, который образуетъ карнизъ. На этомъ кругѣ утверждаютъ длинные шесты, футовъ въ 30, которые вверху скрѣпляются деревяннымъ кружкомъ. Вся эта рѣшетка затягивается ремнями. Этотъ остовъ накрывается верблюжьею кожею до земли. Покрывало это поднимаютъ съ той стороны, которая защищена отъ вѣтра и солнца. Куски той же кожи служатъ вмѣсто кровати и диванов. Наверху оставляютъ отверстіе для дыма. Въ такомъ шатрѣ удобно помѣщается до 30 человѣкъ, а вокругъ нихъ располагается ихъ скотъ. Когда они оставляютъ мѣсто кочевья, то снимаютъ покрывало, разбираютъ подставки, складываютъ рѣшетку въ связки и все это сваливаютъ на телѣгу. Но если колмыки хотятъ перейти на другое мѣсто и только для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не разстраивая своего жилья, становятся внутри палатки и, обратившись всѣ въ одну сторону, приподымаютъ на себѣ рѣшетку и такимъ образомъ переносятъ эти легкіе дома. Такой переносъ и послужилъ причиною удивленія нашихъ путешест-

Библиотека "Руниверс"

венниковъ, когда они неожиданно увидѣли движущійся шатеръ, не видя ни людей, ни животныхъ, двигавшихъ его [1]).

На другой день, рано утромъ, начала собираться свита въ ставку Императрицы и всѣ дожидали прихода гр. Фалькенштейна, но онъ не являлся и оказалось, что, вставъ ранѣе всѣхъ онъ поскакалъ осматривать Перекопъ, гдѣ и предположилъ ожидать Императрицу.

При выходѣ Императрицы въ „собраніе“, ей были представлены жена Иловайскаго съ дочерью, жена бригадира Денисова и самъ Иловайскій съ его офицерами-козаками.

Въ 9 часовъ утра Императрица выѣхала въ фаэтонѣ въ Перекопъ, гдѣ при пушечной пальбѣ встрѣтили ее гр. Фалькенштейнъ, кн. Потемкинъ, комендантъ и бригадиръ Ѳедоръ Денисовъ съ его отрядомъ донскихъ козаковъ.

Гр. Фалькенштейнъ, какъ мы видѣли, поскакалъ сюда впередъ; онъ проѣхалъ поперегъ весь перешеекъ отъ одного моря до другаго, что составляло около 16 верстъ, осмотрѣлъ все подробно и сообщилъ о томъ, что видѣлъ своему фельдмаршалу: „Профиль вала очень высокъ, ширина и глубина рва очень значительны. У моря стоитъ укрѣпленіе, съ него и начинается валъ, а отсюда тянется прямой линіей до середины, гдѣ есть мостъ и турецкая крѣпость, довольно большая, но въ развалинахъ; отсюда валъ идетъ опять прямой линіей вплоть до Сивашскаго моря, гдѣ тоже имѣются три обложенныя камнемъ батареи или что то похожее на редуты, которыми и заканчивается валъ. Въ прежнее время валъ этотъ былъ сплошь обложенъ камнемъ, съ эскарпами и контръ-эскарпами, но русскіе разобрали камни на постройку домовъ (см. Arneth. Catharina II und Ioseph II). Поѣздъ Императрицы прибылъ прямо къ дому смотрителя перекопскихъ озеръ Свербѣева; здѣсь былъ приготовленъ завтракъ, во время котораго Императрицѣ представлены были образцы тринадцати родовъ мѣстной самосадочной соли.—Послѣ завтрака Императрица, сопровождаемая скакавшими возлѣ кареты донскими козаками и „имянитыми“

[1]) См. Записки Сегюра.

Библиотека "Руниверс"

крымскими татарами, выѣхала изъ Перекопа и въ 1 часу дня пріѣхала къ станціи Пяти-Колодезей, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ въ палаткахъ. Отсюда, перемѣнивъ лошадей въ дер. Дюрменъ, въ 26 верстахъ отъ *Пяти-Колодезей*, въ 6 часовъ вечера поѣздъ императорскій прибылъ въ мѣстечко Айбары, гдѣ все уже было приготовлено и вокругъ ставки Императрицы собраны и установлены всѣ палатки для помѣщенія свиты, прислуги и всего дворцоваго хозяйства. Для графа Фалькенштейна была такъ же отдѣльная палатка, какъ и для посланниковъ. До 9 часовъ вечера Императрица бесѣдовала съ гр. Фалькенштейномъ и лицами свиты въ своей ставкѣ, потомъ откланялась своимъ путникамъ и всѣ статсъ-дамы, посланники и свита, по приглашенію кн. Потемкина, отправились ужинать въ огромную, раскинутую между ставками калмыцкую юрту.—Посланники любовались невиданною ими картиною: въ степи ставки, палатки были освѣщены горѣвшими плошками и не прекращались движеніе и говоръ козаковъ, татаръ и многочисленной придворной прислуги.

Изъ Айбара Императрица писала къ гр. Брюсу:... „Я выѣхала изъ прекраснаго Херсона, ночевала въ Бериславѣ, вчерась, 18 переправилась чрезъ Днѣпръ и ночевала въ редутѣ у Каменнаго Моста, сего утра 19 проѣхали мы Перекопскіе вороты, а сіе пишу изъ Айбары, завтра будетъ ночлегъ въ Бахчисараѣ, мы всѣ, слава Богу, здоровы; дни теплые при вѣтрахъ перемѣнныхъ; со всѣхъ сторонъ неба отселѣ уже видны горы, хотя до нихъ еще болѣе ста верстъ. Дорога какъ по биліарду, ни за что не зацѣпишься“ [1]).

На другой день, послѣ обѣда въ Такилѣ, въ 50 верстахъ отъ Айбара, продолжали путь къ Бахчисараю, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Во время этого переѣзда путешественники видѣли уже другую картину: тѣнистую зелень, живописныя поля, красивые домики жителей, дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ. Вездѣ замѣтно было присутствіе движенія и жизни, которыхъ и слѣда не было въ пустынной, безлюдной степи перекопской. (Записки

[1]) См. Приложенія къ Камеръ-Фурьер. журналу 1787 года.

Библиотека "Руниверс"

Сегюра). Не доѣзжая 11 верстъ до Бахчисарая, въ Алма-Кермени встрѣтили „хоругви изъ 26 лучшихъ мурзъ, и начальствующій ими полковникъ Иванъ большой Горичь съ татарами, вольно вступившими въ службу; ихъ было 1500 человѣкъ". Пропустя фаэтонъ Императрицы и отдавъ честь съ преклоненіемъ знаменъ, они, раздѣлясь на двѣ стороны, съ полковникомъ Горичемъ во главѣ, провожали Императрицу до самаго дворца въ Бахчисараѣ; здѣсь на горѣ, съ правой стороны расположены были лагеремъ полки: екатеринославскій гренадерскій и мушкатерскіе—троицкій и старооскольскій. При въѣздѣ Императрицы загремѣла музыка" и барабанный бой и полки отдавали фронтомъ честь съ преклоненіемъ знаменъ. При съѣздѣ съ горы, передъ самымъ Бахчисараемъ встрѣтили Императрицу мѣстные жители-татары верхами и скакали за фаэтономъ до самаго дворца.

Этотъ новый конвой въ эту минуту оказалъ большую услугу: предъ спускомъ въ городъ съ крутой горы лошади, запряженныя въ тяжелую шестимѣстную карету Государыни, не могли удержаться, рванулись, понесли внизъ и потомъ стали разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали.—Карета наѣхала ни нихъ и опрокинулась бы, если бы татары не поддержали ее. Всѣ перепугались за Государыню, но на лицѣ Ея не видно было ни малѣйшаго слѣда испуга [1]).

По обѣ стороны длинной улицы, ведущей ко дворцу, начиная съ въѣзда, были лавки сперва ремесленниковъ, потомъ мелочныя, а ближе ко дворцу лавки богатыхъ купцовъ; всѣ лавки были открыты и передъ каждою стоялъ ея хозяинъ. Въ срединѣ этой улицы встрѣтилъ Императрицу муфтій бахчисарайской ханской мечети Мусалафъ-Ефендій съ магометанскимъ духовенствомъ. Близъ дворца встрѣтилъ греческій священникъ съ хлѣбомъ и солью.

Императрица прибыла въ 5 часу во дворецъ съ гр. Фалькенштейномъ; здѣсь стоялъ почетный караулъ отъ екатеринославскаго гренадерскаго полка; у подъѣзда встрѣтилъ Ее кн.

---

[1]) Смолен. Губ. Вѣд. 1891, № 10—14; также Записки Сегюра.

Библиотека "Руниверс"

Потемкинъ, генералъ-аншефъ Каховскій, „военный генералитетъ“ и мѣстные бахчисарайскіе чиновники; у подъѣзда же привѣтствовали Императрицу шестнадцать малолѣтнихъ дѣтей благородныхъ грековъ и албанцевъ“ [1]).

Вечеромъ всѣ мечети и дома, расположенные большею частью по косогорамъ, были иллюминованы.

По прибытіи Императрицы въ Бакчисарай, близъ дворца, въ главной мечети, гдѣ до того хоронились ханы и ихъ семейства, муфтій отправлялъ торжественное богослуженіе съ дервишами [2]).

Императрицѣ все болѣе и болѣе нравился южный край, и въ Бахчисараѣ, ложась спать, она описала свои впечатлѣнія въ письмѣ къ П. Д. Еропкину [3]).

„... Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ уничиженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края: и Херсонъ и Таврида современемъ не токмо окупятся, но надѣяться можно, что, если Петербургъ приноситъ осьмую часть дохода имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныя мѣста.

Кричали и противъ климата, пугали и отсовѣтовали. Обозрѣвъ самолично, сюда пріѣхавши, ищу причины такового предубѣжденія безразсуднаго. Слыхала я, что Петръ I въ разсужденіи Петербурга долговременно находилъ подобныя, и я помню еще, что тотъ край никому не нравился; воистину сей не въ примѣръ лучше, тѣмъ паче, что съ симъ пріобрѣтеніемъ исчезаетъ страхъ отъ татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украйна и Елисаветградъ по нынѣ сіе помнятъ; съ сими мыслями и я съ немалымъ утѣшеніемъ, написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать сегодня, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу своей имперіи. Изъ Бакчисарая, 20 мая 1787 г.“.

Безъ сомнѣнія Императрица не ожидала видѣть того, что она видѣла, и, конечно, все это сдѣлалъ кн. Потемкинъ, желая уничтожить своихъ враговъ, чернившихъ его въ глазахъ Ека-

---

[1]) Кам.-Фурьер. журналъ. 1787 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. Сочиненія Екатерины. Изданіе Смирдина. Т. III. Спб. 1850.

Библиотека "Руниверс"

терины и особенно обвинявшихъ его въ злоупотребленіяхъ властью и денежныхъ захватахъ по случаю устройства Крыма.

Для показанія Бахчисарая Императрицѣ въ приличномъ видѣ, начались приготовленія еще въ 1784 году; но въ февралѣ 1787 года еще ничего не было готово. Въ мартѣ въ Бахчисараѣ исправляли еще въ домахъ крыши, а во дворцѣ отдѣлывали комнаты, для убранства которыхъ Потемкинъ черезъ посланника нашего въ Константинополѣ Булгакова выписалъ оттуда турецкія матеріи, носившія названія: *ангарскія* шали, *севай* бѣлая и желтая, *алтынъ улунь*, *хіосская* желтая, *белдари* желтая и красная, *ялакъ-кафе бѣлая*; *дамгахане*, *шефаньхане* съ цвѣтами розовая и бѣлая, *агабани* съ желтыми и съ голубыми цвѣтами; выписаны были для бахчисарайскаго дворца не только матеріи, но и стклянки розоваго масла, разные духи: *темсукъ* кусками, *амбари* драхмами... и еще, вѣроятно для подарковъ татарамъ, 26 красныхъ скуфикъ, 12 паръ шитыхъ женскихъ башмаковъ. Въ апрѣлѣ 1787 вся плотничья и деревянная работа была кончена, все оштукатурено и живописцы росписали стѣны, потолки, карнизы, двери и пр.

Потемкинъ, при содѣйствіи довѣренныхъ ему лицъ, старался угодить Императрицѣ до самыхъ малѣйшихъ, ничтожныхъ бездѣлицъ во время проѣзда ея по Крыму. На всѣхъ станціяхъ, гдѣ были остановки или подставы,—татары объѣзжали заблаговременно лошадей, назначенныхъ въ экипажи. Вездѣ заготовлено было въ большомъ количествѣ въ бутылкахъ „таврическое“ вино, полпиво, медъ, даже кислые щи.

Устройство крымскихъ дворцовъ и убранство ихъ мебелью, зеркалами и др. мелочными вещами стоило болѣе тридцати семи тысячъ—и все большею частью было выписано изъ Москвы и Курска [1]).

Графъ Сегюръ оставилъ намъ въ своихъ запискахъ очень краткое описаніе бахчисарайскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ его видѣлъ: Дворецъ каменный, построенъ на берегу рѣчки, вдоль которой татарами устроена была набережная; въѣздъ во

[1]) Въ донесеніяхъ Коховскаго 1787.

Библиотека "Руниверс"

дворецъ черезъ небольшой каменный мостъ. На лѣвой сторонѣ большія ханскія мечети, подалѣе конюшни; на правой сторонѣ дворцовыя зданія одноэтажныя, окруженныя садомъ съ четырьмя террасами. Возлѣ мечети кладбище, гдѣ хоронили хановъ, великихъ мурзъ и муфтіевъ. Кладбище очень живописно по красотѣ и разнообразію гробницъ и деревьевъ, ихъ осѣняющихъ.

Императрица съ императоромъ заняли бывшіе покои хановъ, посланникамъ и принцу де Линь отвели помѣщеніе въ комнатахъ Сераля, выходившихъ окнами въ красивый садъ, окруженный каменною высокою стѣною. Единственною мебелью въ этихъ комнатахъ были только широкіе диваны, поставленные вдоль стѣнъ. Средину комнаты занималъ четырехугольный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора съ водою, изъ котораго билъ фонтанъ свѣжей и чистой воды. Комната была полуосвѣщена; стекла въ окнахъ были росписаны; когда отворяли окно, то и тогда лучи солнца едва проникали сквозь густыя вѣтви розовыхъ и лавровыхъ деревьевъ, закрывавшихъ окна своею зеленью [1]).

Сегюръ досталъ себѣ провожатаго для осмотра дворца, мечети и вообще Бахчисарая. Этотъ провожатый былъ прежде садовникомъ бывшаго хана Шагинъ-Гирея и говорилъ по итальянски. Онъ провелъ Сегюра и въ ханскую мечеть.

Богослуженіе Сегюру не понравилось.

„Намъ представилось, говоритъ онъ, грустное зрѣлище: 30 или 40 восторженныхъ дервишей, называемыхъ по арабски вертящимися, быстро кружились, какъ спущенные волчки, крича изо всей мочи „Аллахъ-Гу!“, и притомъ съ такимъ изступленіемъ, что, наконецъ, падали на землю, обезсиленные и едва дышащіе“. (Тамъ же).

На Императрицу магометанское богослуженіе также произвело впечатлѣніе:

„Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей (писала она къ барону Гримму), гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ“ [2])...

---

[1]) См. Записки Сегюра, т. III, 150.

[2]) См. Письма къ Гримму. Сборникъ р. историч. общества, т. XXIII.

Библиотека "Руниверс"

Хотя императоръ Іосифъ II и не любилъ оффиціальныхъ помѣщеній, но ему были отведены комнаты во дворцѣ. Вотъ что сообщаетъ онъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Бахчисараемъ:

„Императрица помѣстилась въ ханскомъ дворцѣ, въ которомъ вся обстановка въ восточномъ вкусѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ служилъ для пребыванія бывшаго хана. Князь Потемкинъ и многіе другіе господа изъ свиты поселились въ гаремѣ, который представляетъ въ маломъ видѣ точную копію съ султанскаго гарема въ Константинополѣ. Дворецъ чрезвычайно похожъ на наши монастыри, кармелитскіе и другіе, въ которыхъ соблюдается правило строгаго заключенія. Онъ со всѣхъ сторонъ огражденъ высокими стѣнами, съ нѣсколькими садиками, прекрасными фонтанами обильными водою, но все это скрыто стѣнами.

Я занимаю комнаты, въ которыхъ въ прежнее время жилъ братъ хана; у него жены были всѣ старухи, потому и мои мечты не могутъ имѣть особенно радужной окраски.

Вчера вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ до самыхъ верховъ горъ, что представляло очень красивое зрѣлище. Мы остаемся здѣсь на цѣлыя сутки.

На послѣдней станціи на встрѣчу Императрицѣ выѣхалъ татарскій отрядъ въ тысячу человѣкъ верхами, всѣ были одѣты въ одинаковое платье; эти татары, вмѣстѣ съ тридцатью другими, выбранными изъ дворянства, одѣтые въ зеленые, богато обшитые галунами кафтаны, составили дворянскую гвардію, которая сопровождала Императрицу до города, а двѣнадцать мальчугановъ, также благороднаго происхожденія, состояли при ней пажами. У воротъ православное духовенство встрѣтило ее съ Евангеліемъ, а муфтій—съ Алкораномъ. Эта смѣсь и этотъ парадъ были, дѣйствительно, столько же интересны, сколько и своеобразны. Но среди всего этого стеченія народа не видать было ни одной женщины. Что, впрочемъ, ни дѣлаетъ императрица для здѣшняго населенія, и какія льготы она имъ не предоставляетъ, нѣтъ ни одного особенно изъ стариковъ, кто бы не былъ радъ уйти изъ подъ новой власти.

Библиотека "Руниверс"

Я опять обошелъ нѣсколько мечетей, чтобы видѣть обычные молитвенные обряды, совершаемые мусульманами каждую пятницу, такъ какъ у нихъ этотъ день считается праздничнымъ. Надобно отдать имъ справедливость: по внѣшности они показываютъ искреннюю вѣру и благочестіе.

Я побывалъ еще въ одномъ городѣ близъ Бахчисарая; городъ этотъ населенъ исключительно евреями изъ секты караимовъ; изъ нихъ одни довольно богатые купцы, а другіе занимаются земледѣліемъ; своихъ женъ они прячутъ, по примѣру татаръ. По своему закону, они обязаны довольствоваться одною женою, пока она не подурнѣетъ, или пока у ней не попортится зрѣніе; въ этихъ только двухъ случаяхъ имъ разрѣшается жениться на другой. Будь только установленъ такой законъ въ Вѣнѣ, сколько женщинъ оказалось бы въ очкахъ, лишь бы избыть своихъ мужей“ [1]).

Самое подробное и единственное описаніе бахчисарайскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ черезъ 12 лѣтъ послѣ путешествія императрицы въ Крымъ, намъ оставилъ путешествовавшій по Крыму П. Сумароковъ:

„Дворецъ, въ которомъ ханы всегда обитали,—огромное зданіе,—стоитъ при концѣ базара, посреди города, на берегу гнилой рѣчки. При вступленіи на пространной дворъ, съ правой стороны находятся палаты, съ лѣвой противъ ихъ придворная съ переходами мечеть, и три бока по оному обнесены разными строеніями, а впереди на противоположной сторонѣ воротамъ видны висячіе одинъ надъ другимъ сады. Дворецъ составленъ изъ многихъ соединенныхъ отдѣленій и теремовъ, коихъ неравныя высоты, неправильные фасады и различныя на нихъ крышки даютъ ему необыкновенные красы. Раззолоченной входъ, родъ подъѣзда съ татарскою на дверяхъ крупною надписью и двумя колоннами, ведетъ въ сѣни, въ которыхъ одинъ изъ навислыхъ теремовъ служитъ имъ въ иныхъ мѣстахъ крышею; тутъ поставлены два большіе мраморные фонтаны съ различными для воды изверженіями. Подлѣ сѣней диванъ, или

[1]) См. Arneth. Catharine II et Joseph. II.

Библиотека "Руниверс"

бывшее засѣданіе хана, представляетъ пространную комнату въ два свѣта; въ нижнемъ всѣ стекла разноцвѣтныя, въ верхнемъ же онѣ бѣлыя, цѣльныя, самаго большаго разбора и убраны, на подобіе янтарей, лалловъ и изумрудовъ, многими разноцвѣтными же кусочками стеклышекъ въ узорѣ. Въ другой комнатѣ полъ и водометъ посреди ея облечены чистымъ бѣлымъ мраморомъ, изъ которой выходятъ въ небольшой садикъ. Оной наполненъ розовыми кустами и цвѣтниками; по стѣнамъ, его ограждающимъ, переплетаются виноградныя вѣтви, и въ концѣ онаго стоитъ бесѣдка съ преизрядным фонтаномъ.

Прочее въ нижнемъ жильѣ есть ничто иное, какъ смѣшеніе переходовъ, погребовъ и кладовыхъ съ нѣсколькими притомъ горницами. Въ верхнемъ ярусѣ великое число комнатъ съ лѣстницами въ нихъ изъ одной въ другую являютъ въ себѣ богатыя украшенія; тамъ на потолкахъ и стѣнахъ, расписанныхъ арабесками, блеститъ золото, повсюду диваны съ парчевыми, бархатными подушками, и полы устланы или дорогими коврами, или египетскими рогожками. Въ чертогахъ женъ вставлены вмѣсто стеколъ плетеныя рогожки, сквозь которыя онѣ, будучи невидимыми, могли на все смотрѣть свободно, и въ семъ отгороженномъ для нихъ отдѣленіи находится особой съ бесѣдками и фонтанами садъ. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ и службахъ считается до 150; окружность его въ строеніи простирается на 420 сажень, и онъ стоилъ великаго иждивенія. Внутреннее онаго великолѣпіе, разные при немъ дворики съ цвѣтниками, насыпанные сады, изобилующіе лучшими плодами, и множество фонтановъ представляютъ придуманной восточной вкусъ, и все дышетъ тутъ роскошью, нѣгою и сладострастіемъ“ [1]).

Къ барону Гримму Екатерина писала изъ Бахчисарая: „Третьяго дня мы перебрались черезъ перекопскій валъ и вчера, около шести часовъ по полудни, прибыли сюда всѣ въ добромъ здоровьѣ и веселые. Всю дорогу насъ конвоировали татары, а въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда мы нашли все, что только есть

[1]) Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году Павла Сумарокова. М. 1800. Стр. 132.

Библиотека "Руниверс"

лучшаго въ Крыму, на конѣ. Картина была великолѣпная: предшествуемые, окруженные и сопровождаемые такимъ образомъ, въ открытой коляскѣ, въ которой сидѣло восемь персонъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и остановились прямо во дворцѣ хановъ. Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей, гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ, и такъ какъ сегодня день Константина и Елены, то мы слушаемъ обѣдню на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ на сей конецъ раскинуты палатки. О, что за необычайное зрѣлище представляетъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ! кто? гдѣ? Принцъ де Линь говоритъ, что это не путешествіе, а рядъ празднествъ, непрерывающихся и разнообразныхъ, нигдѣ невиданныхъ, и какихъ никогда болѣе не увидишь. Скажутъ: какой льстецъ этотъ принцъ де-Линь! Но, быть можетъ, онъ и не совсѣмъ неправъ. Завтра мы выѣзжаемъ отсюда въ Севастополь“ [1]).

Въ своемъ письмѣ къ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 20-го мая, Императрица говоритъ о путешествіи въ Тавриду слѣдующее: „Въ день отъѣзда изъ Херсона я ночевала въ Бериславѣ; на другой день, переправившись черезъ Днѣпръ, мы вступили въ Тавриду и спали въ редутѣ у Каменнаго моста; вчера мы проѣхали извѣстныя линіи Перекопа и провели ночь въ палаткахъ въ Айбарѣ; сегодня послѣ обѣда прибыли сюда въ Бахчисарай, и я пишу вамъ изъ дома хановъ, гдѣ остановилась. Эта часть Тавриды не похожа ни на что изъ того, что я видѣла; здѣсь есть очень красивые ломбардскіе тополи, видѣнные мною только на картинахъ, а городъ похожъ на тѣ китайскіе рисунки, которые изображаютъ жилища тамошнихъ странъ; онъ расположенъ въ ущельѣ, между двумя высокими горами. Противные днѣпровскіе вѣтры замедлили мое путешествіе на нѣсколько дней, но, выбравшись отсюда, я постараюсь ускорить свое возвращеніе, если будетъ возможно. Въ жизни своей я не видала такихъ высокихъ горъ; графъ Фалькенштейнъ сравниваетъ ихъ съ Альпами; вся эта часть Тавриды весьма живописна; погода

[1]) Сб. русск. ист. общ. XXIII, 411.

Библиотека "Руниверс"

ни жаркая, ни холодная, и всѣ мы здоровы. Прощайте; обнимаю васъ. Бахчисарай, 20 мая 1787 года. Поздравляю васъ съ днемъ ангела Константина и Елены, которые завтра буду здѣсь праздновать“ [1]).

Дѣйствительно, на другой день, 21 мая, Императрица въ Бахчисараѣ праздновала торжественно день тезоименитства великаго князя Константина Павловича и великой княжны Елены Павловны.

Въ 11 часовъ утра собрались во дворецъ вся свита, военные и гражданскіе чины, находившіеся въ Бахчисараѣ, всѣ придворные и иностранные посланники. Въ 12 часовъ Императрица съ гр. Фалькенштейномъ, сопровождаемая всѣми собравшимися во дворецъ, вышла въ поставленную на дворѣ дворца еще наканунѣ походную церковь старооскольскаго пѣхотнаго полка во имя св. Іоанна Воина.

Во время шествія Императрицы отъ дворцоваго крыльца къ церкви на пути стояли сперва изъ благородныхъ малолѣтніе греки и албанцы, потомъ дѣти мурзъ татарскихъ и напослѣдокъ мальчики и дѣвочки вышедшихъ изъ Молдавіи и Валахіи поселенцевъ, живущихъ близь Бахчисарая.

Обѣдню служилъ полковой священникъ, пѣли за пѣвчихъ солдаты; при пѣніи многолѣтія, во время торжественнаго молебна, изъ полковыхъ пушекъ, стоявшихъ на горѣ, производилась пальба. Возвратившись во дворецъ, Императрица жаловала къ рукѣ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и крымскихъ татаръ.

Когда старшины татарскіе удостоены были поцѣловать руку Ея Величества, Государыня пожаловала многимъ изъ нихъ великія награды.

Князь Потемкинъ при этомъ случаѣ, сказалъ: „Въ этихъ чертогахъ нѣсколько лѣтъ назадъ злѣйшіе враги Вашего Импе-

---

[1]) Сб. русск. ист. общ., XV. 113.

Библиотека "Руниверс"

раторскаго Величества, на подданныхъ своихъ налагали цѣпи, а Ты, премилосердая, въ тѣхъ же самыхъ чертогахъ осыпаешь ихъ милостями и наградами; кто изъ смертныхъ можетъ сравниться съ Тобой, единственная въ мірѣ Царица!“ (См. Морской Сборникъ. 1855. № 4).

Во время стола около дворца играла полковая музыка, а татары били въ большіе и малые бубны. Къ столу, сверхъ свиты, были приглашены—генералъ-аншефъ Коховскій, генералъ-маіоръ П. Л. Волковъ, генералъ-маіоръ баронъ фонъ-Ферзенъ, правитель таврическій дѣйств. ст. сов. Коховскій, россійскій министръ при Портѣ г. Булгаковъ, бригадиръ Ѳедоръ Денисовъ, инженеръ-полковникъ Корсаковъ, полковники: Василій Тотовичъ, Иванъ большой Горичъ, Иванъ Жигулинъ, князь Иванъ Мещерскій, князь Егоръ Циціановъ, духовные магометанскаго закона: муфтій Мусаловъ-Эфенди, казіаскеръ Сеидъ-Мехмедъ-Эфенди.

Послѣ обѣда, въ 5 часовъ графъ Безбородко представилъ Императрицѣ прибывшаго изъ Іерусалима лишеннаго зрѣнія грузинскаго царевича Давида; онъ пріѣхалъ нарочно, чтобы поклониться Императрицѣ и былъ пожалованъ къ рукѣ. Вечеръ прошелъ въ разговорахъ съ графомъ Фалькенштейномъ, а лица свиты въ той же комнатѣ играли въ шахматы и карты. Съ вечера и во всю ночь мечети и дома были иллюминованы.

На слѣдующій день былъ назначенъ выѣздъ въ Севастополь.

При отъѣздѣ изъ Бахчисарая Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что Императрица ему сказала: „Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ о бородахъ П. I (Петромъ I) выбритыхъ. А. М. Д. М. (Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ) молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ. Гр. Фальк...(енштейнъ) видитъ другими глазами. Фицгерб...(ертъ) слѣдуетъ англійскимъ

Библиотека "Руниверс"

правиламъ, которыя довели Великобританію до нынѣшняго ея худаго состоянія. Гр. Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія; но министерство, обманутое своими емиссарами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. Сегюръ кромѣ здѣшняго двора нигдѣ министромъ быть не хочетъ". (Изъ Дневника Храповицкаго).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ѲЕДОРЪ ЛИСОВСКІЙ.[1]

1709 — 1722.

(*Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.*)

Лисовскій не былъ крупнымъ историческимъ дѣятелемъ и не занималъ никакого выдающагося положенія, которое дѣлало-бы его замѣтнымъ; хотя онъ въ свое время и надѣлалъ много шуму, но этотъ шумъ ничего общаго съ историческими заслугами не имѣетъ. И тѣмъ не менѣе жизнь и дѣятельность Лисовскаго представляютъ значительный интересъ со многихъ точекъ зрѣнія. Ѳедоръ Лисовскій—одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ, маленькихъ людей, которые не дѣлали исторіи, не стояли во главѣ крупныхъ историческихъ движеній, не вносили ничего новаго въ жизнь своихъ современниковъ, а наоборотъ, сами цѣликомъ являлись продуктомъ помимо нихъ сложившихся жизненныхъ условій, непосредственно отражая ихъ на себѣ, плыли по не ими созданнымъ теченіямъ, отмѣчая своимъ жизненнымъ

[1]) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили нѣсколько документовъ хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Документы эти слѣдующіе: *Связка 36, № 48*: „Челобитье новгородъ-сѣверск. гражданъ въ послушаніи по прежнему сотнику ихъ Лисовскому и о умиреніи бунтовщиковъ“. *Связка 38, № 31*: „О сборѣ Афанасію Заруцкому (новг.-сѣверск. протопопу) церковныхъ приходовъ, изъ разныхъ мѣстъ получаемыхъ“. *№ 43*: „Челобитье писаря новг.-сѣверск. Ивана Никитовича о неуплатѣ ему заслуженнаго жалованія“. *Связка 41, № 51*: „Дѣло по челобитью значковаго товарища Данилы Кутневскаго на сотника новгор. Ѳ. Лисовскаго въ укорительныхъ на его Данилу словахъ“; это дѣло заключаетъ въ себѣ отвѣты Лисовскаго на 9 пунктовъ, въ которыхъ Кутневскій обвиняетъ его въ разныхъ преступленіяхъ по отношенію къ себѣ и другимъ лицамъ. *№ 55*: „Дѣло исковое Ѳ. Лисовскаго по челобитью на Андрея Пикулицкаго и

Библиотека "Руниверс"

путемъ направленіе этихъ теченій. Біографіи такихъ людей—внутренняя исторія ихъ времени, и чѣмъ больше такихъ біографій, чѣмъ полнѣе каждая изъ нихъ, чѣмъ больше въ ней живыхъ подробностей, тѣмъ полнѣе и ярче развертывается передъ нами современная имъ жизнь. Лисовскій былъ въ полномъ смыслѣ слова сыномъ своего времени. Постоянная коллизія, въ которой находились, съ одной стороны то, что можно было-бы назвать нормальнымъ политическимъ строемъ Малороссіи, и съ другой—фактическая сила, дѣйствовавшая на каждомъ шагу наперекоръ этому строю и во всякомъ случаѣ преслѣдовавшая цѣли, которыя стояли внѣ тѣснаго круга интересовъ вновь присоединенной страны,—эта постоянная коллизія должна была дѣйствовать деморализующимъ образомъ на политическіе и общественные нравы старшины, создавая чрезвычайно удобную почву для дѣятельности людей, подобныхъ Лисовскому.

Андрея Заруцкаго въ ночномъ на его дворъ нападеніи" (показанія обвиняемыхъ и двѣнадцати свидѣтелей); тутъ же и распоряженіе о невыѣздѣ Лисовскаго изъ Глухова во все время розыска, предпринятаго по челобитнымъ Аѳан. Заруцкаго и Кутневскаго съ товарищи и „поручная запись" Лисовскаго о невыѣздѣ. *№ 56*: Списокъ съ универсаловъ гетмана Скоропадскаго новг.-сѣверск. Успенской соборной церкви на дворы, лавки и пр., коихъ доходами помянутой церкви, а не сотнику Лисовскому корыстоваться. *Связка 42, № 7*: Допросъ новг. сотника Ѳ. Лисовскаго противу челобитія новг. обывателей (черновая этого допроса съ нѣсколькими измѣненіями въ словахъ и съ довольно большой вставкой въ одномъ мѣстѣ приложена также и къ дѣлу связка 41, № 51). *№ 21*: „Челобитіе Лисовскаго на предвѣстника своего Д. Кутневскаго въ напрасномъ его Государю на него доносѣ". *№ 29* „Дѣло по челобитію капитана Ивана Хрипунова на сотника Лисовскаго въ брани и безчестіи". *№ 32*: Письмо къ стольнику Протасьеву отъ новг. сотника Лисовскаго на Зѣневича въ неправедномъ на него прошеніи. *Связка 43, № 38*: „Челобитье Лисовскаго на гетмана Скоропадскаго въ причиненномъ ему по гетманскому указу смертномъ бою" (тутъ же показаніе караульныхъ офицеровъ и осмотръ ранъ и увѣчій, найденныхъ на тѣлѣ Лисовскаго послѣ экзекуціи). *№ 58*: „Розыскъ о наглыхъ поступкахъ новг. сотника Ѳ. Л. по челобитію всѣхъ новг. обывателей, также гадяцкаго полковника Ив. Чарныша и Д Кутневскаго"; документъ этотъ содержитъ въ себѣ 29 дѣлъ по жалобамъ различныхъ лицъ (каждое дѣло состоитъ обыкновенно изъ челобитной истца, отвѣта Лисовскаго, вызванной имъ улики челобитчика и показаній свидѣтелей, если одна изъ сторонъ на нихъ ссылается), пространную челобитную Чарныша, написанную, вѣроятно, въ 1714 г., когда Лисовскій убѣжалъ изъ Гадяча отъ наряженнаго архіереемъ суда и явился вновь уже въ качествѣ истца и доносчика съ цѣлой слѣдственной коммиссіей; тутъ же находятся

Библиотека "Руниверс"

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прослѣдить, хотя-бы въ общихъ чертахъ, біографію самого Л—го, чтобы видѣть, какъ сильно на ней сказалась именно эта ненормальность политическихъ условій: авантюристъ и человѣкъ сомнительнаго происхожденія, онъ, вслѣдствіе, какой-то темной услуги, оказанной правительству Петра Великаго, попадаетъ въ Гадячъ протопопомъ; оттуда, благодаря той-же рукѣ, покровительствовавшей Лисовскому, онъ, вмѣсто того, чтобы окончить свою бурную и уже полную приключеній жизнь гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, если не на висѣлицѣ, получаетъ вдругъ назначеніе на сотничество въ Новгородъ-Сѣверскъ и тамъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ силу котораго его не могутъ смѣстить безъ царскаго указа или вообще распоряженія высшаго правительства, онъ, не обращая никакого вниманія на гетмана и его универсалы, даетъ полную волю своимъ разыгравшимся на такомъ раздольи инстинктамъ и аппетитамъ. И такихъ сотниковъ, полковниковъ, и другихъ урядниковъ было

челобитія Кутневскаго, Андрея Зиновьевича Фая, двѣ жалобы первой жены Лисовскаго, Пелагеи, жалоба новг. обывателей о пустомъ листѣ, который Лисовскій заставилъ ихъ насильно подписать, просьба ихъ, чтобы Лисовскому не позволяли присутствовать при розыскѣ, наконецъ, благодарность (подложная) сельскихъ атамановъ новг. сотни за присланнаго имъ въ сотники Лисовскаго. *№ 61*: „Дѣло по челобитью городничего новгородскаго Дмитрія Шенелича на сотника Л. въ награжденіи причиненной ему обиды"; этотъ № заключаетъ въ себѣ кромѣ того еще 8 обвинительныхъ пунктовъ противъ Л., составленныхъ, вѣроятно, Кутневскимъ и содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, чрезвычайно интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло Д. Латышенка; тутъ же помѣщены еще: челобитная Кутневскаго, доношеніе его Протасьеву по поводу двухъ дѣлъ, дѣло линковскаго попа Ивана, допросъ Л. противъ челобитныхъ новг. обывателей, представляющій собой дословное повтореніе № 7 въ связкѣ 42, вмѣстѣ съ копіей представленной Лисовскимъ челобитной сельскихъ атамановъ (подлинникъ помѣщенъ въ связкѣ 43, № 58); копія съ челобитной новг. обывателей о запрещеніи Лисовскому присутствовать при розыскѣ; наконецъ, копіи съ гетманскаго универсала и региментарнаго листа относительно отдачи Л—му двора и коморъ для поселенія. *Связка 46, № 74*: „Пункты канцлеру графу Головкину гетманскаго посланца, Пареена Пекалицкаго, предложенные съ прошеніемъ на оные рѣшенія". *№ 81*: „Челобитная Лисовскаго на Кутневскаго въ неправедномъ на него доносѣ (тутъ же просьба Л. разрѣшить ему присутствовать при розыскѣ Хрипунова). *Связка 48, № 19*. „Пашквѣль на Лисовскаго, стихами написанный". *№ 31*: Челобитіе Ѳ. Лисовскаго, Андрея Колбасы, бывшаго компанейскаго полковника и Потапа Пискуненка, сотника бывшаго воронежскаго, о

Библиотека "Руниверс"

много въ Малороссіи того времени, да и не могло не быть: ихъ создавала сама жизнь, тѣ своеобразныя и во многихъ отношеніяхъ исключительныя историческія условія, въ которыя Малороссія попала въ первое время послѣ присоединенія ея къ Россіи. Если въ біографіи Лисовскаго и есть что-нибудь исключительное, такъ это ея конецъ. Л. оборвался на трудномъ и опасномъ пути созиданія своего благополучія во чтобы то ни стало, тогда какъ другіе продолжали подыматься по туго натянутому канату, ловко эквилибрируя и справляясь съ встрѣчающимися препятствіями; Л. умеръ подъ судомъ, тогда какъ его собратья, въ большинствѣ случаевъ мирно отходили въ вѣчность съ радостнымъ сознаніемъ, что они положили прочное основаніе благополучію своихъ потомковъ.

Интересъ біографіи Лисовскаго еще болѣе увеличивается тѣмъ временемъ, къ которому она относится: первая четверть XVIII в. представляетъ собой одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ исторіи Малороссіи, когда эта послѣдняя перестала уже входить въ исторію Польши и не успѣла еще слиться съ общей исторіей Россіи, когда періодъ вооруженной борьбы за ту или иную форму политическаго существованія уже закончился Мазепинскимъ эпизодомъ, и въ исторіи Малороссіи уже стали ясно и отчетливо намѣчаться формы своеобразнаго во многихъ отношеніяхъ жизненнаго строя; правда, этому строю не суждено было пройти всѣ стадіи нормальнаго развитія, но тѣмъ больше цѣны пріобрѣтаетъ въ глазахъ историка этотъ краткій періодъ самобытнаго существованія.

Ѳедоръ Лисовскій былъ родомъ изъ Стародуба. О его жизни до назначенія его гадяцкимъ протопопомъ извѣстно очень мало; но и эти немногія свѣдѣнія, собранныя полковникомъ

изслѣдованіи нанесенныхъ имъ обидъ и разореній. *№ 38*: Челобитіе новгородъ-сѣверскаго жителя Василія Красовскаго на сотника Л. въ побояхъ и увѣчіи, отъ него, сотника, понесенномъ.

Кромѣ перечисленныхъ документовъ, мы пользовались еще статьей о Лисовскомъ А. М. Лазаревскаго (въ Русскомъ Архивѣ, 1873 г., кн. 1), перепечатанной имъ впослѣдствіи въ „Описаніи старой Малороссіи“ (т. I, стр. 197—206).

Библиотека "Руниверс"

гадяцкимъ Чарнышомъ [1]) и формулированныя имъ въ восьми обвинительныхъ пунктахъ, характеризуютъ будущаго протопопа и сотника съ очень невыгодной для него стороны. Оказывается, что Лисовскій, находясь на службѣ въ качествѣ челядника въ Черниговѣ, у полковаго есаула Красовскаго, укралъ у него шкатулку съ деньгами и за это былъ присужденъ къ висѣлицѣ (въ 1703 г.). Затѣмъ, вернувшись въ Стародубъ, онъ вздумалъ поправить свои обстоятельства женитьбой: увезъ дочь богатаго стародубца Степана Улѣзко и тайно обвѣнчался съ ней [2]); но Улѣзко поднялъ дѣло, и Лисовскій „суженъ былъ архіереемъ черниговскимъ за похищеніе брака, и наказано имъ розыйтися, и ему быть чернцемъ, а ей черницей“ [3]). Но вмѣсто того, чтобы сдѣлаться чернцомъ, Лисовскій очутился въ „царствующемъ градѣ Москвѣ“ и тамъ, „будучи межи пѣвчими в нѣякогось дворянина, окладнихъ иконъ многое число укравши и окладъ сребраній и золоченій на иконахъ ободравши, святыя иконы въ гной зарылъ“. Разумѣется, послѣ этого ему нельзя было долго оставаться въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и мы видимъ Лисовскаго снова въ Малороссіи, въ переяславскомъ полку, гдѣ онъ крадетъ воловъ и коней у бзовскаго старосты Кондрата Макаренка; затѣмъ онъ въ городкѣ Лѣплявомъ „отъ власного мужа жену з имѣніемъ подговоривши и въ поле з нею ночью выѣхавши, имѣніе отобралъ, а женѣ той скрозь рукава друкъ крестообразно заложивши, отпустилъ тую жену въ домъ свой до мужа еи“. Побывалъ онъ также и на своей родинѣ въ Стародубѣ, гдѣ снова затѣялъ романтическую исторію съ дочерью какой-то вдовы Василихи, но въ самый рѣшительный моментъ изъ церкви „отъ шлюбу втюкъ и тамъ же въ Стародубѣ, въ дворѣ войсковомъ въ склепъ убѣгъ и въ куфу (бочку) заховался; за якую хитрость суженъ былъ и долгое время

[1]) Челобитная Чарныша. Св. 43, № 58.

[2]) Въ 1704 г. См. А. М. Лазаревскій „Описаніе Стар. Малор.“ т. I, стр. 198.

[3]) Это не совсѣмъ вѣрно; самъ Л. разсказывалъ, что бракъ расторгли, а на него наложили эпитимію; позднѣйшія же событія показали, что бракъ былъ признанъ дѣйствительнымъ, и Лисовскаго, женившагося вторично, судили потомъ за двоеженство. См. у Лазаревскаго.

Библиотека "Руниверс"

въ темници сидѣлъ, а тая дѣвка за инпого человѣка бракомъ сочеталася". Въ Батуринѣ онъ укралъ у бывшаго архимандрита Одорского двухъ лошадей и 6 рублей денегъ; „въ полку кіевскомъ зъ села Свѣтилнаго нѣякой вдовици сына еи хлопца подмовивши з собою въ дячки[1]) и въ Бѣлагородъ завюзши, мѣсто завоеваннаго чухна продалъ того хлопца, а тая матка на его Л—го била челомъ архіерею кіевскому".

Наконецъ Л—й, уже успѣвшій жениться вторично, получилъ назначеніе въ Гадячъ протопопомъ, вскорѣ послѣ 1708 года. Какъ неизвѣстно; самъ Л—й пишетъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ[2]): это случилось, „я, рабъ вашъ, за вѣрность въ измѣну Мазепину пожа лованъ отъ вашего державства на протопопство въ Гадячъ",—но въ чемъ состояла эта „вѣрность", и какъ могла быть замѣчена Государемъ вѣрность темнаго авантюриста, какимъ былъ тогда Л—й, не занимавшій никакого уряда и не имѣвшій даже опредѣленнаго общественнаго положенія,—объ этомъ ничего не говорятъ документы. Какъ бы то ни было, Л—й, ставши протопопомъ, не измѣнилъ своихъ привычекъ; по выраженію Чарныша[3]), онъ „Бога не бояся, человѣкъ не срамлялся, архіерейскую и свѣцкую власть отъ вышнего даже до нижнего чина воничтоживши, что далѣй, то горѣй на злѣйшее преуспѣвая, килко лѣтъ въ Гадячомъ зоставалъ протопопою, во вся тые времена пьянствомъ, забойствомъ и воровствомъ бавился". Больше всего „бавился" протопопъ конокрадствомъ, которое и привело его въ концѣ концовъ къ катастрофѣ. Такъ, Л—й укралъ у сотника гадяцкаго Тимофея Лукашевича коня гнѣдого, котораго промѣнялъ въ Стародубѣ на горѣлку; даже у цыгана ухитрился протопопъ уворовать коня бѣлаго, котораго онъ три дня дер-

---

[1]) Очевидно, Л. къ этому времени сдѣлался уже священникомъ. По его собственному разсказу, онъ, отбывши эпитимію, пошелъ въ южную Малороссію въ украинскіе города, пробавляясь дьяконствомъ и другими службами; занимая должность сотеннаго писаря въ м. Варвѣ, онъ женился на Ксеніи Лѣсневичъ и скоро послѣ этого былъ поставленъ въ священники архіереемъ Ясинскимъ. Лазаревск. 198—9.

[2]) Св. 43, № 38.

[3]) Челобитная гадяцкаго полковника Ивана Чарныша (Св. 43, № 58), изъ которой мы заимствуемъ разсказъ о дѣятельности Лисовскаго въ Гадячѣ въ качествѣ протопопа, относится къ 1714 году.

Библиотека "Руниверс"

жалъ „въ своемъ будинку, въ комнатѣ“ и промѣнялъ затѣмъ въ Кіевѣ на мѣдные котлы. Вообще, конокрадство было, повидимому, для Л—го однимъ изъ главныхъ средствъ къ существованію, такъ какъ Чарнышъ замѣчаетъ про него въ концѣ своей челобитной: „однакъ онъ весьма голый будучи, бо що вкрадетъ или ограбитъ, тымъ питается и одягается“. Наконецъ, Л—й соблазнился парой буланыхъ отца Кипріана, игумена гадяцкаго; это ужъ переполнило чашу терпѣнія гадяцкихъ обывателей и урядниковъ: кони были „в него з двора вытрушены“, и тогда „на ратушу явилося въ конехъ и волахъ на его Л—го до килка десять коней доводного воровства его“. Изъ Кіева, отъ архимандрита было наряжено слѣдствіе, которое было поручено игумену кирилловскому, іеромонаху Евстратію Самборовичу и префекту школъ кіевскихъ Сильвестру Пѣковскому. Лисовскій предпочелъ суду бѣгство и „плутался“ около Гадяча, въ Ромнѣ, Каменномъ и въ Сумахъ, „провѣдуючи потоль, поколь судіи архіерейскіе пріѣхали въ Гадячъ“; когда же онъ узналъ, что слѣдствіе началось и приняло весьма серьезный оборотъ, и что судьи вслухъ высказывались, что еслибы Л—й не убѣжалъ, то они взяли бы его въ Кіевъ „предъ архіерея“, Л—й „побѣгъ къ Москвѣ и тамъ змышленные плутовства своего пункты“ подалъ въ Правительствующій Сенатъ. Онъ такъ хорошо съумѣлъ устроить свои дѣла въ Москвѣ, что скоро вернулся оттуда съ подъячимъ по имени Борисомъ (вмѣсто фамиліи этого подъячаго въ рукописи пропускъ) и съ царскимъ указомъ „тое его доношеніе по существенной правдѣ розыскать“; розыскъ былъ порученъ гетману Скоропадскому, коменданту глуховскому бригадиру князю Богдану Ивановичу Гагарину, да стольнику Ѳедору Ивановичу Протасьеву, министру-резиденту при Скоропадскомъ. „И взятъ я, полковникъ, разсказываетъ Чарнышъ, з старшиною полковою, з козаками, з мѣщанами, з попами и черноризцами въ Глуховъ, и противъ его плутовскихъ наносовъ допрашиваны мы были предъ Гагаринымъ, Протасьевымъ и генеральными судьей, писаремъ и асауломъ, и по его ложнымъ доношеніямъ ніякой на насъ не взыскано вины, а на его протопопа явлени за руками и печатми

Библиотека "Руниверс"

майстратовыми и живими свидѣтелми в лице ему о двоеженствѣ, чего и самъ онъ не запираетца, также о воровствѣ, в кого лошади покралъ, в кого воли и коровы, з якими ворами на воровство ѣжувалъ, а зворовавши, гдѣ тые лошади и воли дѣвалъ, кому продавалъ, другимъ за горѣлку мѣнялъ, третьимъ за котли мѣдные промѣневалъ, и тые воры з уликою в лицѣ ему все тое доволне сказали, и кого смертно убилъ, чиись попадѣ окгвалтивъ, кого своими руками скалѣчилъ бьючи, и другія якія плутовства содѣловалъ..... На остатокъ для существеннѣшаго розыску и очного видѣнія посылали полковника салдацкого господина Вестова съ товарищи въ Гадячь, а мене полковника з товарищи потоль держано въ Глуховѣ, поколь во всемъ полку розыскъ чинено по ложнымъ его протопоповымъ наносамъ, который, пріѣхавши въ Гадячъ, собиралъ предъ себе всю старшину, урядниковъ, козаковъ, мѣщанъ и всякого чина свѣцкихъ и духовныхъ людей, поповъ и черноризцевъ, и отъ себе посылалъ во всѣ города и села солдатъ, которые въ колоколы церковніе, по городахъ и селахъ ѣздячи, дзвонили, велегласно говорячи и на письмѣ указомъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества по десяти разъ читаючи, приказовали, чтобы на едного полковника приносили челобитія". Но и это не помогло, такъ велико было озлобленіе противъ Л—го: несмотря на запрещеніе, челобитныя противъ него такъ и посыпались. Но Вестовъ не принималъ ихъ, „отвѣтуючи, же нѣтъ мнѣ указу на протопопу челобитя пріймать". Вестовъ пробылъ въ Гадячѣ цѣлую недѣлю, и когда онъ „з Гадяча имѣлъ выѣздити, тогды его-жъ протопопа Л—го баба во время звоненя на набоженство утреннее ночю въ челобитной своей написанніе байки принесла и ему полковнику Вестову тайно отдала; а когда подалъ Богъ свѣтъ, и старшина гадяцкая з жителеми тамошними, извѣстившися о томъ неправедномъ челобитю, просили его, полковника Вестова, дабы онъ тую челобытную велѣлъ вычитать, и мы, мовятъ, на всякое въ ней написанное ложное слово праведній за руками нашими з очисткою учинимо отвѣтъ, на которой старшины гражданъ гадяцкихъ вопросъ онъ полк. Вестовъ таковый учинилъ отвѣтъ: „Въ челобитной, мовитъ, отъ попадѣ

Библиотека "Руниверс"

бабы Л—ой поданной, дѣла нѣтъ, читать нечего, и уже оная до возка схована". И старшина ему полк. Вестову повторне отказали: „Если в ную дѣла нѣтъ, то ненадобно еи и пріймать, а если принята, то надобно еи обявить намъ, и мы противъ всего того готови будемъ учинить очиску". Вестовъ, и паки бабиной челобитной не обявивши, отъѣзжалъ з Гадяча въ Глуховъ". Такимъ образомъ, Вестовъ сдѣлалъ все, что только могъ, для того, чтобы не скомпрометтировать Л—го своимъ розыскомъ и придать дѣлу возможно болѣе благопріятный для Л—го оборотъ. Въ свою очередь и самъ Л—й не дремалъ: онъ повелъ встрѣчный искъ противъ Чарныша, обвинивъ его сначала въ кражѣ коня и разграбленіи его дома, а потомъ въ соучастіи съ однимъ фальшивомонетчикомъ.

„Да онъ-же протопопъ Л—й мене, вѣрнаго Вашего Царского Пресвѣтлаго Величества слугу, безчестилъ тимъ клевещущи всенародно, будто я, полковникъ, герба государева денги дѣлавъ, и якъ въ прочіемъ, такъ и въ томъ его протопопова явная есть неправда, понеже тотъ котелникъ скоро з воровскими копѣйками на ратуши гадяцкой освидѣтельствованъ зосталъ и мнѣ полковнику о томъ з ратуши объявлено; того-жъ часу я велѣлъ котелника крѣпко заковать и до ста ударовъ дубьемъ безъ пощады велѣлъ бить, допрошуючи, якъ давно воровскіе денги почалъ дѣлати, сколь много и с кимъ дѣлалъ, и хто о томъ бы зналъ; который котелникъ подъ немилостивымъ боемъ, якъ тамъ передо мною полковникомъ и передъ прочіею старшиною, такъ и въ Глуховѣ, скованный з денгами воровскими и рецептами отъ мене присланный, на ратуши глуховской и предъ кн. Гагариномъ и столникомъ Протасьевымъ въ килкахъ допросахъ однаково-жъ сказалъ; и сказка его особно есть записана, и его самого котелника послано з Глухова къ Москвѣ въ приказъ посолскій къ крайнему допросу, и тамъ такожде у правду сказати муситъ. А мене Вашего Царского Пресвѣтлаго Величества полковника, вѣрнаго раба и слугу, ему протопопу, явному вору и весьма некчемному ябеднику и плуту, такимъ безчестнымъ клеветаніемъ и другими его плутовскими напрасно-злобными наносами не доводилося-бы безчестить и измишленными клеветами въ

Библиотека "Руниверс"

народѣ тривогъ и смятенія затѣвати". Далѣе Чарнышъ перечисляетъ заслуги своего отца передъ Государемъ и свои собственныя и заканчиваетъ свою челобитную слѣдующимъ воззваніемъ. „Только и паки стократно пренайпокорнѣй Васъ, Великого Государя, Ваше Царское Пресвѣтлое Величество, со слезами прошу: умилосердися, Великій Государь, при вѣрной многой службѣ моей на мене и на ввесь полкъ мой и повели милостиво вовся оборонити мене з многими тисячами вѣрными рабы своими и богомолцами полчанами моими отъ такого ябедника, явного вора, двоеженца и плута, протопопа гадяцкого Лисовскаго, на котораго бія челомъ, у стопъ ногъ Монаршихъ со слезами упадаю".

Просьба Чарныша и гадяцкихъ обывателей была исполнена: Лисовскаго взяли изъ Гадяча, но вмѣсто того, чтобы отдать подъ судъ, назначили сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, и притомъ сотникомъ, назначеннымъ непосредственно русскимъ правительствомъ, помимо гетмана и, можетъ быть, противъ его воли, а также безъ всякаго участія выбора сотнянъ, что было почти повсемѣстно распространеннымъ обычаемъ въ то время.

Новгородъ-Сѣверскъ былъ однимъ изъ значительныхъ малорусскихъ городовъ въ XVIII в. Его населеніе, среди котораго было немало богатыхъ промышленниковъ, вело бойкую торговлю на многочисленныхъ мѣстныхъ ярмаркахъ, а также вывозило различные продукты мѣстной промышленности, преимущественно пеньку, лѣсъ и водку, въ Стародубъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Ригу, Кіевъ и др. города. Такимъ образомъ, Лисовскій получилъ очень доходное мѣсто, и, какъ увидимъ далѣе, съумѣлъ очень хорошо воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Но къ несчастью, это положеніе имѣло и невыгодныя стороны: Л—му на роду было написано терпѣть отъ козней своихъ враговъ. Въ Гадячѣ его преслѣдовалъ Чарнышъ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ оказалась цѣлая партія недоброжелателей Л—го, которые сразу же повели противъ него атаку и не давали ему покоя до тѣхъ поръ, пока не погубили окончательно: „какъ только я прибылъ на свой урядъ, разсказы-

Библиотека "Руниверс"

ваетъ Л—ій въ одной изъ челобитныхъ [1]), того-жъ часу ажъ доселѣ (писано въ половинѣ 1719 г.) велено на мене инстigовать и гонить бывшимъ новгородскимъ сотникомъ Кутневскимъ, также и мѣщанами тамошними". Во главѣ враждебной Л—му партіи стояли, кромѣ Данилы Кутневскаго, протопопъ Аѳанасій Заруцкій, Парѳенъ Пикулицкій (или Пекальницкій, какъ его называютъ иногда въ документахъ), бывшій сотеннымъ писаремъ въ 1717 г., а потомъ, во время розыска надъ Л—мъ въ концѣ 1718 г., наказнымъ сотникомъ, Семенъ Юркевичъ, впослѣдствіи наказной войтъ, его братъ Григорій, Ященко, занимавшій одно время урядъ сотеннаго хорунжаго и нѣкоторые другіе значительные граждане Новгородъ-Сѣверска. Лисовскій явился на мѣсто назначенія своего въ мартѣ 1715 г. [2]), и уже въ томъ же году или въ началѣ слѣдующаго, по происками враговъ, ему пришлось оставить на время сотенную хоругвь и отправиться въ Глуховъ для розыска, который былъ порученъ генеральному бунчужному Лизогубу и канцеляристу Максимовичу. На этотъ разъ розыскъ кончился благополучно для Л—го, и, повидимому, только придалъ ему еще больше смѣлости, такъ какъ обнаружилъ полное безсилье гетманской власти. Пробывъ въ Глуховѣ недѣль 5—6, Л—й вернулся по прежнему на сотничество. Тогда, разсказываетъ Л—й, „новгородской сотни атамане, видя мою невинность, пріѣхали въ домъ мой всѣ и по своей добротѣ (или любви, по другому варіанту) написали они на имя Царского Величества челобитную, что въ невинность меня турбовано" [3]). Челобитная эта была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій! Мы, нижайшіе рабы Вашего Царского Величества, всѣ едностатне бьемъ челомъ, благодарствуючи за присланнаго намъ сотника Ѳедора Лисовскаго, за которымъ вносимъ до Вашего Царскаго Величества нашу рабскую прозбу, что его безвинно супостатъ его, бывшій сотникъ Кутневскій, мстячися на его сотника за

[1]) Св. 43, № 38.

[2]) Си. Лазаревскаго „Оп. Ст. Мал." 201.

[3]) Показаніе Л—го отъ 16 янв. 1719 г. противъ челобитной новг. обывателей. Св. 41, № 51. Тоже въ св. 42, № 7 и св. 43, № 61.

Библиотека "Руниверс"

урядъ той сотничества, согласясь съ протопопою, невинне его, сотника Л—го, турбуютъ; а онъ, протопопъ Заруцкій, з жаднымъ сотникомъ не турбуючися не обошелся, а теперь за согласіемъ Кутневскаго, отъ котораго з его сотництва всѣ бѣду терпѣли, безвинно его сотника нашего турбуетъ, за котораго и мы много страдаемъ, о чомъ просимъ милости, жебы впредь того не было, за что долженствуемъ за васъ Бога молити". Внизу подпись какого то Ивана Миколовича Стегайла з сынами и двадцати восьми атамановъ, вмѣсто имени которыхъ выставлены кресты [1]). Подобный документъ показываетъ, повидимому, что Лисовскій, несмотря на свою скверную репутацію и происки враговъ, успѣлъ, однако, довольно скоро заслужить расположеніе извѣстной части населенія новгородъ-сѣверской сотни, по крайней мѣрѣ, большинства подвѣдомственныхъ ему сельскихъ атамановъ. Но дѣло объясняется гораздо проще: Лисовскій, чтобы имѣть лишній шансъ въ борьбѣ со своими недоброжелателями, не задумался составить подложный актъ: онъ объявилъ сельскимъ атаманамъ, что слѣдуетъ написать челобитную на имя гетмана съ просьбой смѣстить новгородскаго атамана Ивана Андреевича Судіенка, съ которымъ Лисовскій съ самого начала не ладилъ. Атаманы не смѣли ослушаться сотническаго приказа, а можетъ быть и сами ничего не имѣли противъ смѣщенія Судіенка: поэтому они дали свои подписи, не поинтересовавшись даже узнать, подъ чѣмъ они подписываются; когда впослѣдствіи на розыскѣ ихъ допрашивали объ этомъ, они откровенно признались, что не помнятъ, подписывались-ли они „на голомъ паперѣ", или же на немъ было что-нибудь написано, не помнятъ „того ради, что рѣчь давняя"; но при этомъ атаманы рѣшительно и единодушно заявили, что „къ челобитной, просячи о сотникѣ Лисовскомъ, рукъ не прикладывали; также

[1]) Челобитная эта, а также предшествовавшая ей поѣздка Лисовскаго въ Глуховъ для розыска, относятся къ первымъ двумъ годамъ сотничества Л—го (по всей вѣроятности къ началу 1716 г.), такъ какъ, по словамъ Кутневскаго (Св. 43, № 58), челобитная составлена писаремъ Иваномъ Никитовичемъ Трусомъ, который, какъ видно изъ его жалобы на неуплату ему заслуженнаго жалованья (Св. 38, № 43), занималъ эту должность въ теченіи 1715 и 1716 годовъ.

Библиотека "Руниверс"

и о Данилѣ Кутневскомъ объ обидахъ и раззореніяхъ писать челобитенъ не велѣвали“ [1]). Такимъ образомъ, Лисовскій ловко обошелъ простодушныхъ сельскихъ атамановъ, и безъ особеннаго труда заручился документомъ, который, какъ онъ разсчитывалъ, можетъ ему со временемъ пригодиться. При первомъ-же представившемся случаѣ Л—й поспѣшилъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства о сочувствіи, которымъ онъ пользуется среди населенія своей сотни: въ бытность свою въ Кіевѣ онъ, по собственному признанію, словесно доложилъ о содержаніи атаманской челобитной губернатору кіевскому кн. Голицыну [2]).

Такой способъ заслужить народное расположеніе и популярность настолько понравился Л—му, что въ скоромъ времени онъ рѣшился прибѣгнуть къ нему вторично, только въ нѣсколько иной формѣ. Послѣ возвращенія Л—го изъ Глухова, гдѣ онъ одержалъ верхъ надъ своими противниками, борьба между нимъ и этими послѣдними возобновилась съ еще большей силой и ожесточеніемъ. Въ этой борьбѣ Лисовскій, надо думать, не оставался безъ союзниковъ. Трудно было-бы найти въ это время человѣка, который, занимая болѣе или менѣе выдающееся общественное положеніе и будучи облеченъ хотя-бы въ малой долѣ правомъ вязать и разрѣшать, не злоупотреблялъ-бы этимъ правомъ и не оставилъ-бы послѣ себя большаго или меньшаго количества людей обиженныхъ, ограбленныхъ или вообще такъ или иначе понесшихъ ущербъ отъ ихъ общественной дѣятельности. Ни Кутневскій, бывшій сотникъ новгородъ-сѣверскій, ни протопопъ Заруцкій не составляли, конечно, исключеній. Этимъ и воспользовался Л—ій: случилось, что новгородскіе мѣщане рѣшили съ общаго согласія подать гетману „суплику“ на протопопа Аѳанасія Заруцкаго; Л—ій и подсунулъ имъ „голый листъ паперу“ для подписей, говоря, что напишетъ потомъ на этомъ листѣ жалобу на протопопа. На такую уловку, пожалуй, и не поддались-бы видавшіе всякіе виды и уже искушенные новгородскіе мѣщане, которые смутно чувствовали, что пустое

[1]) Св. 43, № 61.
[2]) Св. 42, № 7.

Библиотека "Руниверс"

мѣсто оставлено Л—мъ „до написанія, знать, нѣякогось своего фортелю“ [1]): имъ слишкомъ хорошо была извѣстна „природная хитрость“ ихъ сотника. Но Л—ій, на этотъ разъ, не ограничился одной хитростью и употребилъ въ дѣло и насилье. „Природу имѣючи не погамованную, пишетъ Кутневскій въ одной изъ своихъ безчисленныхъ челобитныхъ [2]), до злонравной хитрости, якою-бы людемъ возмоглъ зашкодити, онъ же Лисовскій вымыслилъ новое злохитра своего изобрѣтеніе: положивши голый папиръ, понудилъ мѣщанъ, по единому призываючи, руки свои подписовати, якожъ многими оного побоями и необыкновеннымъ страхомъ и уставичнымъ драпижствомъ перестрашенные люди мусили на томъ голомъ папирѣ имена свои подписовати и недопытуючися, страха ради, причины, для чего-бы тотъ сооружалъ бланкветъ“. По ихъ собственному заявленію „многіе, видячи его (Л—го) самовластіе, же во многихъ людскихъ жалобахъ и ясневельможнаго добродѣя (гетмана) не слухаетъ, мусили волю его исполнити“.

Такимъ образомъ, въ рукахъ Л—го очутился листъ съ подписью наиболѣе именитыхъ новгородъ-сѣверскихъ гражданъ; суплика на протопопа была уже написана и подана гетману, и поэтому Л—й рѣшился воспользоваться этимъ листомъ для того, чтобы имѣть еще одно письменное доказательство народной любви и преданности. Вотъ что онъ написалъ на „голомъ паперѣ“: „Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій, мы, нижеподписавшіе граждане Новгородка-Сѣверскаго, по всемощной грамотѣ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества въ 1714 г. [3]) принялисмолю безно себѣ за сотника Ѳедора Лисовскаго, которому по нашей повинности достойное воздавали послушенство, а онъ къ намъ также взаемную воздавалъ любовь, лечь, *не знаемъ на чію уповаючи надежду*, бувшій сотникъ Данило Кутневскій въ скоромъ времени началъ на Лисовскаго гонити з протопопою новгородскимъ Заруцкимъ, и

[1]) Св. 43, № 58: Челобитная новгород-сѣв. мѣщанъ.

[2]) Св. 43, № 61: Пункты Кутневскаго противъ Л—го, пунктъ 7.

[3]) По свѣдѣніямъ А. М. Лазаревскаго (Оп. ст. Мал. 201), которыя вполнѣ подтверждаются многими указаніями бывшихъ у насъ подъ руками документовъ, Л—й явился въ Новг.-Сѣверскъ въ мартѣ 1715 г., такъ что въ данномъ случаѣ,

Библиотека "Руниверс"

не могучи своимъ неправеднымъ доношеніемъ одолѣти (ясный намекъ на кончившійся ничѣмъ розыскъ, о которомъ говорено было выше), подвигнетъ Кутневскій, высшею властью повелѣваючи, народъ и почнетъ приказовать, абы въ его на Л—го написанныхъ пунктахъ руки подписовали, на що мы всеконечно не соизволяли, лечь онъ Кутневскій, не знаемъ по чіеи власти, иншихъ туремнымъ вязеніемъ, иншихъ страхомъ и битемъ до того притягалъ, же хто ничего и не знаетъ, на томъ руки подписовали, и такъ, чрезъ два годы нами бунтуючи, въ великое ратушъ и гражданъ привелъ изнищеніе, що мы, со слезами терпячи, не могли до кого апелловати, поневажъ если хто гдѣ Лисовского споменетъ, албо до его придетъ, то такого, ово вязеннемъ, ово битемъ каралъ, що всѣ чинити мусили по волѣ Кутневского, и не хотячи. А теперь, когда намъ з него Лисовскаго невинность Богъ и Государь оправдивши по прежнему вручили власть (по возвращеніи Л—го изъ Глухова послѣ розыска), тогда мы, якъ и прежде, повинность нашу готови отдавати ему Лисовскому; а Кутневскій и теперь своего не перестаетъ коварства, хотячи воздвигнути бунты, принялъ къ себѣ прежнихъ союзниковъ (слѣдуютъ имена наиболѣе непріятныхъ Л—му людей); а кромѣ ихъ вси мы, граждане и сѣлскіе, бемъ челомъ Вашему Царскому Величеству и рабско просимъ, да повелитъ Державство Ваше отихъ бунтовщиковъ смирить, жебы народу въ градѣ не смущали и власти повиновалися, а мы, вдержавши такое милосердіе за всемощное державство царское Вашего Пресвѣтлого Величества готови вышняго Царя въ долготу дней престола благати". Затѣмъ слѣдуютъ подписи (числомъ 41), среди которыхъ имена наказнаго войта (Иванъ Доморка), бывшаго войта (Степанъ Андреевичъ Быковскій), сотниковъ отдѣльныхъ частей городскихъ (между прочимъ новобарканской) и цехмейстеровъ восьми ремесленныхъ цеховъ: кравецкаго, шевскаго, ризницкаго, котлярскаго, ткацкаго, шаповальнаго, камницкаго и олейницкаго [1]).

очевидно, имѣется въ виду указъ о назначеніи Л—го сотникомъ, который, вѣроятно, предшествовалъ нѣсколькими мѣсяцами его прибытію на мѣсто.

[1]) Весь эпизодъ съ супликой гетману на Заруцкаго и „голымъ листомъ",

Библиотека "Руниверс"

Судя по всему, дѣла Лисовскаго въ то время, когда онъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, были далеко не въ блестящемъ состояніи. Мы уже видѣли, что всѣ его попытки составить себѣ состояніе кончались неудачей и что въ концѣ своей дѣятельности въ Гадячѣ онъ оказывается, по выраженію Чарныша „весьма голымъ“, такъ что отъ него даже и не ждутъ возмѣщенія всѣхъ причиненныхъ имъ убытковъ, а только просятъ убрать поскорѣе изъ Гадяча этого „бодрого до чужихъ коней и воловъ“ протопопа. Поѣздка въ Москву и еще болѣе успѣхъ, которымъ эта поѣздка увѣнчалась, не могли, конечно, увеличить средствъ Л—го, такъ что явившись на сотничество, онъ не могъ даже пріобрѣсть себѣ въ собственность усадьбы, а поселился на общественный счетъ въ одномъ дворѣ, который скоро перешелъ въ другія руки, и новый собственникъ Ольшанскій сталъ выселять сотника изъ своего двора „не допуская ему тамъ больше мѣшкати“. Лисовскій обратился къ гетману, и тотъ, снесясь съ мѣстными властями, отдалъ ему въ мартѣ 1716 г. „въ спокойное и зуполное владѣніе“ дворъ Быстрицкаго, на рынкѣ, съ находящимися на немъ коморами [1]). Но доходы съ этого двора и коморъ припадлежали соборной церкви Успенія, и такимъ образомъ явился еще новый поводъ для столкновенія между Лисовскимъ и протопопомъ Аѳанасіемъ Заруцкимъ, тѣмъ болѣе, что сотникъ не ограничился отведеннымъ ему гетманскимъ универсаломъ дворомъ съ двумя коморами: воспользовавшись сосѣдствомъ съ доходными торговыми помѣщеніями на городскомъ рынкѣ, онъ скоро завладѣлъ и смежными со своимъ дворомъ коморами, а затѣмъ наложилъ руку и на другіе церковные доходы. Заруцкій вовсе не былъ

подписанным мѣщанами, произошелъ въ 1717 г., какъ видно изъ выраженія „и такъ *черезъ два годы* нами бунтуючи“ (припомнимъ, что прибылъ Л—й на сотничество въ началѣ 1715 г.), изъ подписей Ивана Доморки—наказного войта, и Степана Андреевича Быковскаго, *бывшаго* войта (онъ занималъ эту должность въ 1715 и 16 г.г. и затѣмъ вторично съ конца 1717 г. до розыска въ концѣ 1718 г.). Кромѣ того, въ своемъ показаніи Л—й ссылается на бывшаго въ то время писаремъ Кирила, а Кирило Леонтьевъ, какъ видно изъ одного документа, подписаннаго имъ, былъ сотеннымъ писаремъ именно въ 1717 г.

[1]) Св. 43, № 61.

Библиотека "Руниверс"

расположенъ отнестись снисходительно ко всѣмъ этимъ покушеніямъ сотника на церковное имущество. Уже въ августѣ 1716 г. онъ выхлопоталъ у гетмана новый универсалъ, которымъ подтверждается, что „вся грошовая прибыль съ мельницы пироговской (на р. Шосткѣ), с перевозу путивльскаго и мѣского, с коморъ, с двора брацкого скотного, торговаго, вагового и помѣрнаго“ должна идти на нужды соборной церкви; универсалъ заявляетъ, что въ настоящее время всѣ перечисленные выше доходы, „въ розные отъ закупщиковъ идутъ руки и невѣдомо куда тратятся; на будущее время для завѣдованія этими доходами протопопу поручается выбирать довѣренное лице, которое должно будетъ вести строгую отчетность, такъ чтобы „сотникъ и никто изъ урядниковъ и гражданъ тѣхъ церковныхъ приходовъ не запродавати и не закупать отнюдь не дерзалъ“ [1]). Но это было въ концѣ 1716 года, когда Лисовскій на опытѣ уже успѣлъ убѣдиться, что гетманская власть для него нисколько не опасна, и что онъ можетъ, ничѣмъ не рискуя, не обращать никакого вниманія на универсалы и „претительныя письма“ гетмана. Онъ такъ и сдѣлалъ, продолжая забирать въ свою пользу церковные доходы. Два года спустя, гетманъ издалъ новый указъ, которымъ удостовѣряетъ, что „тылко одинъ дворъ и въ немъ двѣ коморы для спряту его (Лисовскаго) домашняго, и то на время надалисмо“, а Л—й самовластно завладѣлъ также и окрестъ лежащими коморами (числомъ 24). „Такъ черезъ сей нашъ открытый листъ знову тые коморы до церкови святой приворочаемъ, поневажъ онъ, Лисовскій, противоборствуя всегда указамъ нашимъ, насилно оныя похитилъ“. Въ это время сооружалось каменное зданіе для собора въ виду чего, по распоряженію гетмана, часть доходовъ съ коморъ должна идти „на потребные для докончења зданія церкви тоей експенса“ (расходы). Все-же самовольно забранное Л—мъ у закупщиковъ (съемщиковъ торговыхъ помѣщеній) мимо указовъ гетманскихъ сначала его сотничества „повиненъ онъ будетъ выплатити, и до шкатулки церковной отдати муситъ“ [2]). Какъ

[1]) Св. 38, № 31.

[2]) Св. 41, № 56.

Библиотека "Руниверс"

показалъ впослѣдствіи розыскъ, Л—ій получилъ съ этихъ коморъ въ теченіи трехъ лѣтъ около двухсотъ рублей [1]), что составляло въ то время немалую сумму денегъ. Въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Заруцкаго Лисовскій не ограничивался тѣмъ, что захватывалъ церковные доходы, на которые протопопъ, можетъ быть, и самъ разсчитывалъ; онъ наносилъ своему врагу ущербъ, гдѣ только могъ, и не только самъ, но и черезъ посредство другихъ: такъ напр., онъ разрѣшилъ крестьянамъ сотницкаго села Голубовки рубить лѣсъ на сосѣдней землѣ Заруцкаго (между Знобой [2]) и Руднею); крестьяне, разумѣется, широко воспользовались позволеніемъ сотника, такъ что Заруцкій долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ гетмана, который и далъ ему универсалъ, подтверждающій его владѣніе и разрѣшающій протопопу всѣхъ самовольно въѣзжающихъ въ это владѣніе „грабить и не допускати чинити спустошеніе; до котораго грунту панъ сотникъ новгородскій и никто изъ урядниковъ тамошнихъ никакого не повиненъ имѣти вступленія подъ виною тысячи талярей [3])“.

Другимъ постояннымъ противникомъ и неутомимымъ врагомъ Л—го былъ его предшественникъ, Данило Кутневскій. Кутневскій могъ имѣть, конечно, много поводовъ къ враждѣ къ Л—му, но однимъ изъ главныхъ мотивовъ, безспорно, было его положеніе

---

[1]) Св. 43, № 61. При дѣлѣ приложены два реестра, перечисляющихъ, кто и на какихъ условіяхъ владѣлъ этими коморами; одинъ реестръ подписанъ Ильей Аѳанасьевымъ войтомъ со всѣми лавочниками, другой Назаромъ Степановымъ, кгиторомъ соборной церкви. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ то время было много ярмарокъ, во время которыхъ шла бойкая торговля въ рыночныхъ коморахъ. Поэтому при опредѣленіи арендной платы за комору получало рѣшающее значеніе, пріобрѣталъ-ли арендаторъ право торговли во время ярмарокъ, или нѣтъ; если-же пріобрѣталъ, то на какихъ условіяхъ: одна комора безъ ярмарокъ или съ одной ярмаркой стоила въ годъ 3 коны или отъ 4-хъ до 7 золотыхъ, съ правомъ торговать въ теченіи половины каждой ярмарки 4—10 золотыхъ, со всѣми ярмарками 5—8 коп. и 4—40 золотыхъ.

[2]) Село Знобь также принадлежало Заруцкому: оно было пожаловано ему гетманомъ, когда тотъ былъ въ Москвѣ „за труды въ составленіи конклузій въ нескончаемую хвалу и въ безсмертную славу Царскаго Величества“. Жалованная грамота была подтверждена Государемъ въ 1718 г. (Св. 40, № 4).

[3]) Св. 37, № 17.

Библиотека "Руниверс"

бывшаго сотника. Не говоря уже о томъ, что К—ій не могъ отнестись дружелюбно къ человѣку, занявшему урядъ, отъ котораго его только что отставили, и что онъ поэтому недоброжелательствовалъ Л—му, по выраженію послѣдняго, „мстячися за тое сотництво“, не говоря уже объ этомъ, такъ сказать, нравственномъ мотивѣ, бывшій сотникъ долженъ былъ постоянно сталкиваться со своимъ преемникомъ на почвѣ имущественныхъ отношеній. Обыкновенно сотникъ, кромѣ своего личнаго имущества, владѣлъ селами, поселенными его предшественниками „на корогву“ (какъ напр. Голубовка, поселенная Чернѣмъ) или вообще такъ или иначе присвоенныхъ извѣстному уряду; оставляя сотницкій урядъ, онъ передавалъ и владѣніе этими селами и угодіями своему преемнику; въ большинствѣ случаевъ это, конечно, случалось, когда сотникъ умиралъ или получалъ другое назначеніе. Но иногда, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, гетманъ закрѣплялъ то или иное владѣніе за сотникомъ и его потомствомъ; особенно часто должно было это случаться съ угодіями, въ устройствѣ или упорядоченіи которыхъ сотникъ принималъ личное дѣятельное участіе. Такъ случилось и съ Кутневскимъ: будучи сотникомъ новгородъ-сѣверскимъ онъ сдѣлалъ на Деснѣ езъ [1]) для ловли рыбы, для чего и воспользовался трудомъ козаковъ своей сотни; гетманъ далъ ему универсалъ на владѣніе этимъ езомъ; но Л—ій на томъ основаніи, что езъ сдѣланъ козаками и Кутневскій владѣлъ имъ въ качествѣ сотника, предъявилъ на езъ свои права. Повидимому, сначала противники пытались войти въ сдѣлку: Л—ій предлагалъ, чтобы его взяли въ половину, Кутневскій соглашался, чтобъ Лисовскаго „была-бъ праца, а сво-бъ Даниловы сѣти“. Но Л—ій ухитрился овладѣть универсаломъ и, уничтоживши его, не допустилъ Кутневскаго къ какому бы то нибыло участію во владѣніи езомъ [2]).

[1]) Езъ (галицкое язъ)—запруда, плотина; приспособленіе для ловли рыбы.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Кутневскій; Л—ій отрицаетъ фактъ уничтоженія универсала: онъ говоритъ, что никогда не видалъ его и даже не знаетъ, существуетъ ли подобный универсалъ (Св. 41, № 51, пунктъ 2).

Библиотека "Руниверс"

Этимъ вражда между бывшимъ и настоящимъ сотникомъ, конечно, не ограничилась. Л--ій, при первомъ представившемся случаѣ насолить Кутневскому, высѣкъ канчуками его челядника, придравшись къ тому, что тотъ рано утромъ („часу въ пятомъ ночи") стрѣлялъ изъ пистоли и выстрѣлами своими будто-бы зажегъ близъ лежавшее сѣно, отъ чего могъ случиться пожаръ. Въ другой разъ Л—ій, сидя въ гостяхъ у хорунжаго сотеннаго Тимоша Смердовскаго, увидѣлъ, что мимо двора ѣдетъ другой челядникъ Кутневскаго, Василій Шишъ, и, вспомнивъ, что онъ провинился когда-то, сдѣлавъ нападеніе во главѣ кривоносовскихъ мужиковъ (с. Кривоносовка принадлежало Кутневскому) на дворъ мѣстнаго атамана,—сотникъ побѣжалъ и собственноручно избилъ Шиша. Все это не могло, конечно, не возстановить Кутневскаго еще болѣе противъ новаго сотника. Дѣло дошло (со стороны Л—го) до угрозъ „забить до смерти" и до покушеній (со стороны К—го). Однажды противники встрѣтились въ домѣ новгородскаго жителя Никиты Ануфріева, который справлялъ „весилля". Л—ій явился, кажется, неприглашенный: по крайней мѣрѣ въ своемъ отвѣтѣ онъ старательно подчеркиваетъ то обстоятельство, что *былъ* приглашенъ, и именно зятемъ хозяина Григоріемъ Шепеличемъ. Началъ онъ съ того, что устроилъ скандалъ женѣ атамана за то, что она не хотѣла уступить мѣста сотничихѣ, и тутъ-же, при случаѣ, сталъ говорить „ругательныя слова и безчестить" жену Кутневскаго. Затѣмъ, сидя въ свѣтлицѣ, Л—ій поносилъ самого Кутневскаго „передъ людьми публикуючи, что онъ изъ Санктъ-Питербурха ушелъ" (вѣроятно, намекъ на какое-нибудь неудачное искательство Кутневскаго). Тутъ, какъ на зло, явилась мѣщанка Ермолиха и стала жаловаться сотнику, что „поставлены къ ней на квартиру нѣсколько человѣкъ великороссійскихъ людей, которые ей учинили утѣсненія". Л—ій „послалъ спросить тѣхъ великороссійскихъ людей: по какому указу они у той мѣщанки стали?" Оказалось, что ихъ поставилъ Кутневскій; это показалось Л—му „запротивно, что мимо него, сотника, онъ, Кутневскій, по квартирамъ великороссійскихъ людей разставляетъ и тѣмъ его, сотника, уничтожаетъ". Кутнев-

Библиотека "Руниверс"

скій, такъ разсказываетъ Л—ій, въ это время „сидѣлъ въ комнатѣ и, услыша, что я его за вышеписанное бранилъ", пошелъ комнатными дверьми и приказалъ людемъ своимъ понабивать пистолета и дождаться на улицѣ меня забить до смерти". Л—ій въ свою очередь послалъ челядника своего за саблей и, когда она была принесена, то вмѣстѣ съ другими челядниками задержалъ слугу Кутневскаго и сталъ его допрашивать; „и тотъ ничего мнѣ не сказалъ, говоритъ Л—ій, и я изъ свѣтлицы пошелъ въ комнаты"; вслѣдъ за этимъ „жена его Кутневскаго съ протопопицей (женой Заруцкаго) стали утекать", но почему—Л—ій не объясняетъ, отговариваясь невѣдѣніемъ. „Когда я, продолжаетъ свой разсказъ Л—ій, съ вышеозначеннаго веселля съ женою своею и съ другими многими, которые на томъ веселлѣ были, пошелъ домой и увидѣлъ на улицѣ ночною уже порой стоячего человѣка, котораго спросилъ, что онъ за человѣкъ; и оный человѣкъ отвѣтствовалъ, что пана Кутневскаго сторожъ, а поставилъ его панъ и приказалъ смотрѣть, которою дорогою онъ сотникъ пойдетъ, и велѣлъ о томъ себѣ дать вѣдомость; и я того человѣка взялъ и привелъ въ домъ свой, который при многихъ людехъ вышеозначеныя рѣчи, повторяя, сказывалъ; а того сторожа ни самъ я, ни челядь моя не бивали, и посторонніе люди меня бить его не унимали, а только я, напоя того человѣка горѣлкою и давъ ему два гроши денегъ, изъ двора своего отпустилъ; а на дворъ его Кутневскаго я находить никогда не хотѣлъ [1])".

Наконецъ, недоброжелатели Лисовскаго добились того, что надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Уже и прежде на Л—го поступало множество жалобъ гетману, и не разъ дѣло доходило до розыска; но, какъ мы уже сказали, гетманская власть въ этомъ случаѣ была безсильна: Л-й, въ сущности, не обращалъ никакого вниманія на гетмана и его репрессаліи и всегда благополучно отдѣлывался отъ гетманскихъ розысковъ,—онъ очень хорошо сознавалъ, что опирается на авторитетъ гораздо болѣе высокій, чѣмъ гетманъ, и только старался не упустить изъ подъ

[1]) Св. 41, № 51. Отвѣтъ Л—го на пункты Кутневскаго: пункты 1, 3, 4, 6, 7 и 8.

Библиотека "Руниверс"

своихъ ногъ той почвы, на которой онъ такъ прочно стоялъ; Л—й былъ раза два въ Кіевѣ и не упустилъ случая словесно доложить тамошнему губернатору кн. Голицыну о томъ, какъ сильно привязаны къ нему сельскіе атаманы новгородской сотни; онъ ѣздилъ на встрѣчу кн. Глѣбову, заботился о томъ, чтобы быть на хорошемъ счету у стольника Протасьева — министра резидента при Скоропадскомъ, настойчиво указывалъ въ своихъ челобитныхъ на то, что пожалованъ сначала на протопопію въ Гадячѣ, а потомъ на новгородское сотничество за вѣрность во время измѣны Мазепиной,—однимъ словомъ, пользовался всѣми путями и средствами для того, чтобы укрѣпить за собою репутацію надежнаго и удобнаго человѣка, и продолжалъ себѣ спокойно дѣйствовать въ томъ направленіи, которое усвоилъ задолго до назначенія въ Новгородъ-Сѣверскъ, и которое было, пожалуй, единственно удобнымъ и безопаснымъ въ то время. Но Л—ій уже перешелъ мѣру и дѣйствовалъ слишкомъ беззастѣнчиво, при этомъ онъ не воздержался и отъ такихъ поступковъ, которые сильно роняли его репутацію,—и на этотъ разъ дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ когда-бы то ни было раньше. Протасьевъ получилъ изъ Петербурга приказъ учинить розыскъ и для этой цѣли послалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ капитана бывшаго полка Еропкина, Ивана Филипповича Хрипунова. У Лисовскаго, которому указъ запрещалъ присутствовать при розыскѣ, отняли хоругвь—знакъ его сотницкаго достоинства, и его самого отправили въ Глуховъ, гдѣ съ него взяли подписку о невыѣздѣ. Вотъ этотъ любопытный документъ: „1718-го года сентября 27-го по указу Великаго Государя и по присланнымъ Царскаго Величества грамотамъ изъ Санктпитербурха изъ посолской канцеляріи велено по челобитью новгородскаго протопопа Афанасія Заруцкаго и знатнаго товарища Данилы Кутневскаго съ товарищи[1]) на сотника новгородскаго во многихъ его сотницкихъ къ нему протопопу и ко всей сотнѣ обидахъ столнику Ѳедору Ивановичу Протасьеву разыскивать, и нынѣ

[1]) Въ подачѣ челобитныхъ принимали участіе Парѳенъ Пекалицкій (Св. 43. № 61), а также „новгородскіе и сельскіе обыватели“ (Св. 42, № 29).

Библиотека "Руниверс"

онъ сотникъ Л—ій въ Глуховѣ явился; того ради собрать по немъ поручную запись, чтобъ ему сотнику до окончанія розыску изъ Глухова не ѣхать". Далѣе слѣдуетъ собственноручная „запись" Л—го: „По сему вышеписанному письму порукъ на мнѣ сотнику Ѳедору Лисовскому никого не будетъ, а я въ томъ подписуюся своею рукой, ежели я до вершенія вышеозначенныхъ дѣлъ, что изображено въ грамотахъ Царскаго Величества, изъ Глухова уѣду, и за то—бъ указалъ Царское Величество учинить мнѣ жестокое наказаніе и, покамѣсть я явлюся по прежнему въ Глуховѣ, указали-бъ держать жену мою за карауломъ. Ѳедоръ Лисовскій, рукою власною" [1]). Вопросъ о томъ, присутствовать-ли ему при розыскѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, или нѣтъ, былъ для Л—го очень важенъ; поэтому онъ и попробовалъ-было похлопотать о благопріятномъ для себя рѣшеніи этого вопроса; мотивировалъ онъ свою просьбу тѣмъ, что челобитчики безъ очной ставки съ нимъ, будто-бы „что захотятъ станутъ и неправду на меня говорить и писать" [2]). Но новгородъ-сѣверцы, хорошо зная нравъ своего сотника, не безъ основанія боялись этой очной ставки и поспѣшили подать отвѣтную челобитную, въ которой заявили, что Л—ій „ложно проситъ" и что „то онъ сдѣлалъ по своей природной хитрости, дабы своею бытностью народъ смущать страхомъ, яко уже и началъ не только на словахъ, но и на письменно дѣлать. А что насъ уличаетъ неправостью, и мы въ томъ, когда окончится розыскъ, будемъ просить о свидѣтельствѣ на тотъ розыскъ при немъ, Лисовскомъ, кромѣ капитана (Хрипунова) хочъ другими особами, и нынѣ, припадая къ императорскому престолу, всимъ городомъ со слезами покорне просимъ Вашего Царскаго Величества, да повелитъ Державство Ваше, подлугъ присланной своей премочнѣйшей монаршей грамотѣ, быть ему Л-му во время розыску въ иномъ городѣ. А отъ кого онъ увѣдомился, что будто мы неправду затѣваемъ и ложное свидѣтельство становымъ, о томъ его допросить, чтобы сказалъ опъ именно" [3]).

[1]) Св. 41, № 55.

[2]) Св. 43 № 61 и св. 46, № 81.

[3]) Св. 43, № 58 и 61. Челобитная подписана наказнымъ войтомъ Семеномъ

Библиотека "Руниверс"

Старанія Л—го, такимъ образомъ, не привели ни къ чему, и онъ долженъ былъ оставаться въ Глуховѣ все время, пока длился розыскъ. Впрочемъ за это время ему пришлось побывать въ Новгородъ-Сѣверскѣ, но не надолго и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя не позволяли ему „своей бытностью народъ смущать страхомъ“: Л—й былъ вызванъ изъ Глухова для допроса по спеціальному розыску полковника Ергольскаго. Еще раньше, вскорѣ послѣ шведской войны, полковникъ кіевскаго гарнизона Григорій Ергольскій былъ отправленъ въ стародубскій полкъ по дѣлу о раскольникахъ, которые, явившись сюда въ концѣ прошлаго вѣка (первое ихъ поселеніе относится къ 1669 г.), образовали въ Сѣверщинѣ цѣлыя слободы [1]). Затѣмъ въ 1714 и 15 г.г. Ергольскій былъ посланъ „въ малороссійскіе города для сыску и выводу бѣглыхъ драгунъ и солдатъ и прочихъ великороссійскаго народу людей на прежнія жилища“ [2]). Лисовскій, Кутневскій и другіе урядники и державцы новгородской сотни должны были дать подписку, обязывавшую ихъ „великороссійской породы бѣглыхъ людей являть и впредь не принимать подъ жестокимъ штрафомъ и подъ смертною казнью“ [3]). Всѣ захваченные бѣглые великороссійскіе люди были высланы и поселены на прежнихъ мѣстахъ жительства. Но вскорѣ многіе изъ нихъ снова вернулись въ Малороссію, и Л—ій не устоялъ противъ искушенія принять ихъ въ свою сотню, взявши, конечно, съ нихъ за это „искупъ деньгами, хлѣбомъ, медомъ, горѣлкою“. Одному изъ нихъ онъ позволилъ жить въ селѣ Кутневскаго Кривоносовкѣ, взявши за это „денежный скупъ“ [4]); Кутневскій, какъ и слѣдовало ожидать, воспользовался этимъ для того, чтобы подставить ногу своему заклятому врагу и представилъ великороссійскаго человѣка въ Новгородъ-Сѣверскъ для допроса. Въ другомъ случаѣ шесть великорусскихъ семей, выселенныя Ер-

---

Юркевичемъ, Василемъ Ивановичемъ, атаманомъ новг., и 26-ю другими значительнѣйшими гражданами.

[1]) Лазаревскій, Опис. Старой Малор., стр. 440—465.

[2]) Лазар., 446 и 458.

[3]) Св. 43, № 61 и св. 41, № 51

[4]) Св. 41, № 51, пунктъ 9.

Библиотека "Руниверс"

гольскимъ изъ с. Ромашкова, вернулись туда снова, и когда мѣстный атаманъ, „боячися указу монаршего“, не принялъ ихъ, то бѣглецы отправились въ Новгородъ-Сѣверскъ и тамъ за двѣ куфы (бочки) горѣлки получили отъ Л—го „позволительное писаніе“, которымъ имъ разрѣшалось вольно жить въ с. Ромашковѣ, а атаману и мѣстнымъ властямъ предписывалось не вмѣшиваться въ это дѣло.

Въ указѣ о розыскѣ Протасьеву предписывалось принимать всѣ жалобы, челобитныя и пункты на Лисовскаго отъ новгородскихъ козаковъ и посполитыхъ обывателей [1]). Парѳенъ Пикулицкій, назначенный наказнымъ сотникомъ на время розыска, по словамъ Л—го, „разсылалъ отъ себя по всей сотнѣ письма, уневиняя тѣмъ, что уже я (т. е. Л—ій) сотникомъ не буду, чтобъ на меня пріѣзжали всѣ бить челомъ“ [2]). Новгородъ-сѣверцы вздохнули свободно: „аще и многіе неудобьпоносные, пишутъ они въ своей челобитной, черезъ полчварталѣтнюю (отъ марта 1715 г. до сентября 1718 г.) Лисовскаго на сотничествѣ власть побои, забойство, мучительство, грабительство, поруганіе и невинне безчестье видѣли на многихъ насъ дѣйствіемъ бываемая, однакъ до сего времени мусили страха ради его безчеловѣчнаго, терпѣніемъ в(ы)носити, того ради, что иные хочи и держали (дерзали) во своихъ тяжкихъ обидахъ бить челомъ ясневельможному и по своему челобитью привозили до него претителные писма и универсалы, но онъ, чиня себе самовластникомъ, тые гетманскіе указы вси уничтожывалъ, честь гетманскую изпражняючи, и горшую бѣду за тое еще дѣлалъ“ [3]). „А теперь, заявляютъ они въ другой челобитной, по злодышащой той бурѣ тишайшее Вашего Царскаго Величества намъ явилося милосердіе, подающее свободу всѣмъ на его невозбранно бить челомъ“ [4]). И ободренные этимъ милосердіемъ царскимъ, а еще болѣе увѣренностью, что они ужъ навсегда освобождены отъ Л—го, нов-

---

[1]) Св. 43 № 58 и № 61.

[2]) Св. 41, № 51.

[3]) Св. 43, № 61. Просьба новгородцевъ не позволять Л—му присутствовать при розыскѣ.

[4]) Св. 43, № 58.

Библиотека "Руниверс"

городъ-сѣверцы понесли Хрипунову свои „жалостливыя и плачливыя скарги“, обвиняющія сотника во всевозможныхъ преступленіяхъ [1]). „Державнѣйшій Царь, Государь Всемистивѣйшій, такъ начинается большая часть этихъ челобитныхъ, написаныхъ на имя Императора; я нижеподписанный бью челомъ на Ѳедора Лисовскаго, который, ставши у насъ сотникомъ, якъ онымъ многимъ людемъ чинилъ обиды, грабителства, забойства, такъ и на менѣ бѣдномъ тые-жъ свои поступки выказалъ, ибо здоровье мнѣ умаливши немало, убожества моего позабиралъ, въ конецъ меня разоривши“; или: „панъ Лисовскій, сотникъ новгородскій, якъ звыклъ былъ свою жестокость противно всѣхъ оказывати, такъ и на убогомъ дому моемъ тое-жъ свое явилъ немилосердіе“. Сотняне жалуются на „великіе свои утески“, на „неудобноносныя тяжести и озлобленія, которыя дѣлалъ Л—ій на убогомъ дворѣ“ того или другого изъ нихъ, на „нестерпимую кривду“; обвиняютъ своего сотника въ „прохирствѣ“ и „ненасытномъ драпижствѣ“, въ томъ, что онъ „своей злохитрой обманой“ разорилъ ихъ; объявляютъ, что у нихъ „напередъ сего такова мучительства и пытокъ батогами не бывало и нынѣ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ нѣтъ“. Содержаніе этихъ челобитныхъ представляетъ собой длинный списокъ проступковъ и преступленій, которыя Л—ій успѣлъ совершить въ $3^1/_2$ года своего сотничества. Всѣмъ классамъ и сословіямъ новгородъ-сѣверской сотни досталось отъ его управленія: попы и державцы—помѣщики, урядники и богатые торговцы, козаки, ремесленники и мѣщане, женщины и даже дѣти—всѣ они одинаково жалуются на своего сотника, безцеремонность котораго въ притѣсненіи своихъ подчиненныхъ казалась невѣроятной даже въ ту эпоху ничѣмъ не сдерживаемаго насилія и своеволья старшины, которая въ погонѣ за наживой не останавливалась даже передъ азартной игрой въ измѣну и вѣрность, ловко пользуясь различными теченіями и тенденціями своего времени. Эта безцеремонность

[1]) Эти жалобы и челобитныя составляютъ толстую тетрадь (Св. 43, № 58), озаглавленную: „Розыскъ о наглыхъ поступкахъ новгородскаго сотника Ѳ. Лисовскаго по челобитью всѣхъ новгородскихъ обывателей“.

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ объясняется тѣмъ нѣсколько исключительнымъ положеніемъ, въ которомъ Лисовскій находился въ качествѣ сотника.

Обыкновенно сотникъ, положеніе котораго, въ общемъ, было самостоятельнымъ и независимымъ, все таки находился подъ двойнымъ контролемъ: подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, съ которымъ, между прочимъ, считались и при назначеніи сотника на урядъ, и подъ контролемъ высшей администраціи: непосредственнымъ начальникомъ сотника былъ полковникъ, высшей инстанціей являлся гетманъ и генеральный судъ, съ которымъ урядникамъ часто приходилось имѣть дѣло и съ которымъ они, впрочемъ, умѣли ладить. Лисовскій былъ изъятъ изъ подъ обѣихъ формъ контроля: онъ былъ назначенъ сотникомъ по царскому указу, и не могъ быть смѣщенъ иначе, какъ по такому же указу. Это было, конечно, исключеніемъ, но исключеніемъ характернымъ, вполнѣ въ духѣ того времени. Такимъ образомъ Л—ій могъ не обращать никакого вниманія ни на общественное мнѣніе, которое было уже скандализовано его дѣятельностью въ качествѣ гадяцкаго протопопа и еще болѣе его внезапнымъ превращеніемъ изъ проворовавшагося попа въ сотника и которое имѣло достаточно поводовъ возмущаться его поведеніемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, ни на гетмана и генеральный судъ, который былъ безсиленъ противъ несмѣняемаго сотника.

Положеніе сотника, какъ мы уже сказали, было довольно самостоятельнымъ и независимымъ. Онъ соединялъ въ своемъ лицѣ власть военную, административную и судебную: какъ козаки въ мирное время превращались въ простыхъ обывателей, занимавшихся земледѣліемъ и промыслами, такъ и ихъ командиръ становился начальникомъ края, въ которомъ они жили. Кромѣ того сотникъ имѣлъ обширную судебную компетенцію, которая распространялась на все населеніе. Фактически сотникъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своей сотнѣ, какъ полковникъ въ полку и гетманъ во всей Украйнѣ. Его дѣйствія были нѣсколько стѣснены городскимъ и ремесленнымъ самоуправленіемъ и мѣстными представителями церкви, но городской магистратъ, съ которымъ обыкновенно урядники вели постоянную борьбу, былъ

Библиотека "Руниверс"

слишкомъ слабымъ противникомъ для такой крупной силы, какой являлся сотникъ въ сотенномъ городѣ и полковникъ въ полковомъ, и поэтому магистратъ, за очень рѣдкими исключеніями, всегда проигрывалъ въ этой борьбѣ. Во всякомъ случаѣ, Л—ій, который ставилъ ни во что гетмана и генеральную старшину, который „чинилъ себя самовластникомъ“, не могъ встрѣтить серьезнаго препятствія въ комъ бы то ни было у себя дома въ Новгородкѣ, и, какъ мы увидимъ сейчасъ, онъ никѣмъ и ничѣмъ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ.

С. Моравскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ [1]).

II.

Письменная почта и таможни.

До Румянцева только лишь въ Кіевѣ существовало правильно устроенное почтовое учрежденіе, во главѣ котораго въ началѣ второй полов. XVIII в., въ качествѣ директора, былъ маіоръ Скоропадскій; возилась исключительно казенная корреспонденція въ Москву, Петербургъ, Глуховъ и по направленію къ Царьграду, особыми нарочными, составлявшими при кіевской губернской канцеляріи такъ называемую рейтерскую команду. Для перевозки оффиціальныхъ бумагъ въ предѣлахъ гетманщины, при каждой полковой и сотенной канцеляріи находились всегда нарочные изъ козаковъ по очереди, подъ названіемъ „асаульцовъ“ или „стойчиковъ“ [2]), что составляло довольно тягостную натуральную повинность для осѣдлыхъ козаковъ, „отъдаляя онихъ отъ домовства“, и въ то же время не вполнѣ обезпечивало своевременную доставку пакетовъ.

Румянцевъ на первыхъ же порахъ, по прибытіи своемъ въ Малороссію, озаботился устройствомъ правильнаго почтоваго сообщенія, безъ котораго немыслимо было бы приводить въ исполненіе предначертанія Императрицы Екатерины II объ ассимиляціи гетманщины съ прочими частями имперіи, по невозможности быстро сноситься со столицей по различнымъ воз-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., № 3.

[2]) Шафонскій. Топограф. описаніе черниг. намѣстнич., стр. 123, 161.

Библиотека "Руниверс"

никавшимъ вопросамъ, при маломъ количествѣ рейтеровъ, и опубликовывать то или иное разрѣшеніе этихъ вопросовъ чрезъ полковыя канцеляріи.

Пользуясь разрѣшеніемъ Императрицы „о всемъ томъ, что можетъ служить къ народному облегченію и внутренней коммерціи, всѣ мѣри полезние изискивая, новими установленіями способствовать“ и находя практиковавшійся способъ пересылки корреспонденціи крайне неудобнымъ, Румянцевъ издалъ 7 іюня 1765 года указъ отъ имени малороссійской коллегіи, которымъ учреждалась во всей Малороссіи письменная почта для частныхъ и казенныхъ надобностей. Копіи съ указа были разосланы во всѣ полковыя канцеляріи, за подписью члена коллегіи, генеральнаго хоружаго Даніила Петровича Апостола, Іосифа Туманскаго и войсковаго канцеляриста Семена Магденка, съ приложеніемъ къ нимъ по одному экземпляру устава вновь учреждаемой почты, въ силу котораго избраніе лицъ на должности почтмейстеровъ и почталіоновъ предоставлялось полковымъ канцеляріямъ.

Чтобы новое дѣло не затормозилось на первыхъ порахъ по недостатку средствъ, Румянцевъ имѣлъ въ виду помѣстить почтовыя конторы въ частныхъ домахъ, принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, которыя въ то же время могутъ быть назначены на должности почтмейстеровъ; оттого то онъ и предоставилъ право назначенія почтмейстеровъ и почталіоновъ полковымъ канцеляріямъ, какъ лучше знающимъ мѣстныхъ обывателей.

Во всякой почтовой конторѣ должно было быть по почтмейстеру изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, по назначенію полковыхъ канцелярій, при чемъ предлагалось послѣднимъ руководствоваться при назначеніи тѣмъ, чтобы это были люди надежные, скромные, вѣжливые, умѣли чисто писать и хорошо считать, а также, чтобы почтовыя конторы могли безопасно помѣщаться въ ихъ домахъ. Почталіоновъ на каждый почтовый перегонъ требовалось по два и чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ по двѣ лошади; въ почталіоны предлагалось выбирать людей трезвыхъ, скромныхъ, поворотливыхъ, изъ подсосѣдковъ, не торгующихъ мѣщанъ и посполитыхъ, преимущественно изъ того же села, гдѣ помѣщается почтовая контора.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ новые почтовые урядники вполнѣ замѣняли прежнихъ нарочныхъ козаковъ, то естественно, что и полковники, и сотники должны были распустить по домамъ „стойчиковъ“, оставивъ лишь самое ограниченное число ихъ при себѣ, на случай чего либо экстреннаго.

Несмотря на назначеніе почтовыхъ служащихъ полковыми канцеляріями, они всецѣло подчинялись въ служебномъ отношеніи почтъ-директору, который имѣлъ право взыскивать съ нихъ и отставлять отъ службы. Чтобы пріохотить къ почтовой службѣ лучшихъ людей, Румянцевъ приказывалъ освобождать почтовыхъ урядниковъ отъ всякихъ податей и повинностей, но, чтобы отъ этого не было ущерба казнѣ, онъ предлагалъ назначать „маломощнихъ, а отънюдь не изъ виборнихъ или первихъ въ окладахъ платежемъ“.

Вознагражденіе почтовыхъ урядниковъ производилось двояко—въ видѣ платы за нанимаемыя подъ почтовыя конторы квартиры и за содержаніе лошадей и, кромѣ того, давалось жалованье. Необходимыя суммы ассигновались изъ почтовыхъ сборовъ, которые поступали въ распоряженіе скарбовой канцеляріи.

Почтовыя пошлины взимались съ вѣса и по числу верстъ. За единицу вѣса брался одинъ золотникъ, а за единицу разстоянія 50 верстъ: за 1 золотникъ на разстояніи менѣе 50 верстъ, и свыше—до 75-ти верстъ, почтовая пошлина взималась въ размѣрѣ $^1/_4$ коп., за каждый слѣдующій золотникъ прибавлялось по $^1/_4$ коп. и за каждыя слѣдующія 50 верстъ прибавлялось тоже по $^1/_4$ коп., такъ что пересылка, напримѣръ, одного пуда на разстояніи 500 верстъ стоила 19 р. 20 к.

Почтой можно было отправлять корреспонденцію и посылки не тяжеле десяти пудовъ.

Лица, замѣченныя въ перевозкѣ писемъ и посылокъ помимо почты, подвергались штрафу въ размѣрѣ десяти рублей.

Въ почтовомъ уставѣ, составленномъ Румянцевымъ, были строго опредѣлены обязанности почтмейстеровъ.

По принесеніи присяги на должность, почтмейстеръ обязанъ былъ неотлучно находиться при конторѣ, не уѣзжая никуда даже на сутки безъ особаго всякій разъ разрѣшенія, дол-

Библиотека "Руниверс"

женъ былъ лично самъ вѣдать отправку и пріемъ почты, ни на кого не сдаваясь, подъ штрафомъ въ десять рублей, и взимать съ частныхъ лицъ слѣдуемыя въ казну почтовыя пошлины. Чтобы ему не мѣшали внимательно относиться къ отправкѣ корреспонденціи, онъ долженъ былъ принимать письма лишь до трехъ часовъ дня, а чтобы его не безпокоили при пріемѣ, онъ долженъ былъ „зделать, где видавать и принимать писма, особое окно, для того, чтобъ никто, особливо простой народъ в контору не входилъ и ему в делахъ не дѣлалъ помѣшателства".

Что касается до почталіоновъ, то они должны были быть готовы за полчаса до прибытія почты, чтобы не задерживать дальнѣйшей отправки, надѣвать почтовые мундиры, имѣть при себѣ рожки, въ которые и трубить, при въѣздѣ въ города и деревни, а также „пред ущелинами, плотинами и мостами, дабы всякой слиша почте не мешалъ в дороги или на мосту, но оставлялъ ей свободной проездъ". Въ случаѣ, еслибы почта была ограблена, ближайшіе къ мѣсту происшествія обыватели должны были оказать содѣйствіе къ розысканію злодѣевъ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности; а еслибы почталіонъ заболѣлъ въ дорогѣ или пала у него лошадь, то первый узнавшій это долженъ былъ озаботиться бережной доставкой почты къ мѣсту назначенія.

Письменную почту въ Малороссіи при Румянцевѣ возили по слѣдующимъ трактамъ туда и обратно: изъ Глухова — въ Кіевъ, Полтаву, Стародубъ, Черниговъ и Переяславъ, изъ Кіева — въ Стародубъ и Полтаву, изъ Полтавы въ Черниговъ, изъ Ромна въ Лубны. При этомъ корреспонденція развозилась и во всѣ попутные и близъ лежащіе города и мѣстечки: въ Кролевецъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Конотопъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Борзну, Прилуки, Пирятинъ, Переяславъ, Роменъ, Лубны, Гадячъ, Миргородъ, Опошню и проч. По всѣмъ этимъ трактамъ почта возилась туда и обратно по два раза въ недѣлю.

Всѣхъ почтовыхъ конторъ въ Малороссіи, а слѣдовательно, и почтмейстеровъ, было первоначально пятнадцать: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Глуховѣ, Кролевцѣ, Нѣжинѣ, Конотопѣ, Козельцѣ, Стародубѣ, Переяславѣ, Полтавѣ, Ромнѣ, Лубнахъ, Прилукѣ,

Библиотека "Руниверс"

Гадячѣ и Опошнѣ; всѣхъ же почталіоновъ въ Малороссіи было 165 человѣкъ и они имѣли для почтовой гоньбы каждый по двѣ лошади, всего 330 лошадей. Такъ какъ, согласно почтовому уставу 1765 г., почтмейстеры и почталіоны опредѣлялись на службу по выбору полковыхъ канцелярій изъ мѣстныхъ обывателей, то, по своей принадлежности къ тому или другому полку, почтмейстеры распредѣлялись такъ: отъ нѣжинскаго полка было 4 почтмейстера—въ Глуховѣ, Кролевцѣ, Нѣжинѣ и Конотопѣ, отъ кіевскаго, лубенскаго и гадяцкаго полковъ, по два—въ Кіевѣ и Козельцѣ, въ Ромнѣ и Лубнахъ, въ Гадячѣ и Опошнѣ, отъ стародубскаго, черниговскаго, переяславскаго и полтавскаго по одному въ полковыхъ городахъ, и отъ миргородскаго полка одинъ въ Прилукѣ. Что касается почталіоновъ, то они распредѣлялись по полкамъ слѣдующимъ образомъ: отъ нѣжинскаго 38, по 4—въ Глуховѣ, Нѣжинѣ и м. Олишевкѣ, по 3—въ Кролевцѣ и Конотопѣ, и по два—въ м. Батуринѣ, Борзнѣ, Воронежѣ, Мринѣ, сс. Тулиголовѣ, Алтыновкѣ, Комаровкѣ, Ярославкѣ, Мутипѣ и Райгородкѣ; отъ кіевскаго 16, по три—въ Кіевѣ и Козельцѣ, и по два—въ м. Носовкѣ, сс. Козарахъ, Семиполкахъ, Броварахъ и Чемерѣ; отъ стародубскаго 17, по два—въ м. Ропскѣ, Горскѣ, Гринскѣ, сс. Каменкѣ, Корсуновѣ, Кистрѣ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ и три въ Стародубѣ; отъ черниговскаго полка 16, четыре въ Черниговѣ и по два—въ м. Городнѣ, Седневѣ, Сосницѣ, Менѣ, Березнѣ и въ с. Брусиловѣ; отъ переяславскаго 13, три въ Переяславѣ и по два—въ м. Яготинѣ, Баришполѣ, сс. Любарцахъ, Капустинцахъ и Княжичахъ; отъ полтавскаго 4, по два—въ Полтавѣ и с. Стасовцѣ; отъ лубенскаго 23, четыре въ Лубнахъ, три въ Ромнѣ и по два—въ м. Яблоновѣ, Куринькѣ, Глинскѣ, Лохвицѣ, сс. Чернухахъ, Бербеницѣ, Брисяхъ и Окопѣ; отъ миргородскаго 18, четыре въ Прилукѣ и по два—въ м. Монастырищѣ, Иваницѣ, Журавкѣ, сс. Голюнкѣ, Ярошовкѣ, Яблуновѣ и Хмѣловѣ; отъ гадяцкаго 14, по три—въ Гадячѣ и Опошнѣ и по два въ м. Зиньковѣ, Боркахъ, Ковалевкѣ и с. Липовой Долинѣ.

Эти свѣдѣнія о распредѣленіи почталіоновъ по полкамъ и по мѣстожительству имѣютъ большое значеніе въ томъ отноше-

Библиотека "Руниверс"

ніи, что точнѣе опредѣляютъ направленія почтоваго сообщенія. Въ этомъ распредѣленіи замѣчается нѣкоторая странность—почталіоны въ поселеніяхъ прилуцкаго полка всѣ уроженцы миргородскаго полка, слѣдовательно, Румянцевъ не предоставилъ прилуцкой полковой канцеляріи права выбора и назначенія почтовыхъ урядниковъ, вѣроятно, почему либо ей не довѣряя.

Въ приложеніи къ „Топографическому описанію черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго помѣщена карта намѣстничества, составленная въ 1786 г., съ обозначеніемъ почтовыхъ трактовъ. Въ § 60 текста находимъ „росписаніе почтовыхъ дорогъ, по черниговскому намѣстничеству лежащихъ, съ показаніемъ почтовыхъ становъ, числа отъ стана до стана и до губернскаго города верстъ, и въ которыхъ мѣстахъ находятся почтовыя конторы“; послѣднихъ, сравнительно съ 1765 г. въ 1786 г. было больше.

Для скорѣйшаго приведенія новаго дѣла въ порядокъ, Румянцевъ назначилъ почтъ-директоромъ на всю Малороссію маіора Скоропадскаго. Канцеляріи должны были увѣдомить Скоропадскаго о назначеніи почтмейстеровъ и почталіоновъ, съ приложеніемъ ихъ поименныхъ списковъ, и тогда вновь устроенныя почтовыя конторы могли открыть свои дѣйствія.

Несмотря на строгій порядокъ, введенный Румянцевымъ въ почтовомъ дѣлѣ, на первыхъ же порахъ бывали злоупотребленія, вслѣдствіе чего, по его представленію, указомъ сената отъ 19 сентября 1765 г., было повелѣно „за подступную (умышленную) утайку партикулярныхъ (частныхъ) писемъ взыскивать штрафу за каждый золотникъ по рублю безъ всякаго упущенія“. Но, несмотря на взысканія, злоупотребленія продолжались, при чемъ иногда ихъ причиной бывало простое любопытство по отношенію къ содержанію не только частной, но даже казенной корреспонденціи, и притомъ даже со стороны такихъ лицъ, какъ самъ малороссійскій почтъ-директоръ, которымъ былъ послѣ Скоропадскаго Лаврентій Яковлевичъ Селецкій. Въ 1779 г. Румянцевъ сдѣлалъ Селецкому слѣдующее замѣчаніе:

Библиотека "Руниверс"

„Господину надворному совѣтнику и почтъ-директору, Селецкому.

Читалъ я не безъ удивленія рапортъ вашъ, отъ 19-го числа минувшаго февраля подъ № 43, и въ ономъ видѣлъ вашъ и почтмейстера прилуцкаго, Прокоповича, поступки обоихъ званіямъ вашимъ весьма неприличными и паче дѣйствіемъ непозволеного любопитства, нежели наблюденія описаного вами тутъ указа[1]). Тотъ указъ выполнять надлежащимъ образомъ слѣдуетъ при подачѣ на почту писемъ отправляющимъ почтмейстерамъ, чтобы наблюдено было государственное о почтахъ узаконеніе и дабы дѣлающіе злоупотребленія обличены и наказаны были, а почта жъ въ свое извѣстно-положенное время отправляема и всѣ писма, а колми паче указы по надписямъ, кому надлежитъ, безъ задержанія вѣрно доходили и непозволенное, особливо въ государственныхъ дѣлахъ, любопытство было-бъ пресѣчено. Вы имѣете по сему свой, изыскавъ отъ прилуцкаго почтмейстера, отвѣтъ ко мнѣ представить въ томъ, для чего коснулись указъ распечатать и, распечатавъ оной, при надписѣ, а также писмо, ко мнѣ адресованное, не доставили, потому что государственныя дѣла не могутъ быть удержаны. Вамъ неналежно знать, кто что къ людямъ въ отправленіи пишетъ, такъ какъ ко мнѣ могутъ быть письма, не о партикулярныхъ и весьма важныхъ дѣлахъ писанные. А прилуцкій почтмейстеръ съ чего таково сомнѣніе взялъ, и какъ дѣло указное, то для чего не по надписи съ примѣчаниемъ своего сомнѣнія, по къ вамъ отправилъ, и слѣдовательно, въ производствѣ дѣла учинилъ остановку, при отвѣтѣ должномъ вы пояснить должны, а также, въ первое ли таково сомнѣніе на почтахъ вѣдомства вашего найдено и какіе въ томъ взяты были мѣры. За полученіемъ сего моего ордера, имѣете, на основаніи онаго, всѣмъ почтмейстерамъ подтвердить, чтобъ на таковыя сомнѣнія, при отправленіи писемъ, дѣлали они свои примѣчанія и въ тѣ мѣста, откуда таково прислано будетъ, немедленно отзывались, дабы при нихъ таковые пакеты распечатываемы и въ подобныхъ

[1]) Указъ Румянцева, 16 октября 1767 г.

Библиотека "Руниверс"

злоупотребленіяхъ обличенные, по силѣ указа, штрафованы, а всякіе письма, паче-жъ публичные дѣла, какъ выше сказано, въ свое время отправляемы и безъ задержанія по надписямъ отъдаваемы были. Глуховъ, 15 марта 1779 г. Графъ Румянцевъ".

Составленный Румянцевымъ для малороссійскихъ почтъ уставъ сохранялъ силу до времени учрежденія намѣстничествъ; онъ былъ подтвержденъ Высочайшимъ рескриптомъ на имя Румянцева, отъ 26 октября 1781 г.: „Учрежденная вами въ 1765 году, по благоугодности Нашей, почта, для пересылки всякаго рода писемъ, долженствуетъ остаться на прежнемъ основаніи до будущаго о почтахъ Нашего установленія, распорядя оную по настоящему состоянію дорогъ и устроенію губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Но что принадлежитъ до почтъ и дорогъ для проѣзда между губерніями и уѣздными городами, содержаніе оныхъ есть дѣло общественное; мы токмо желаемъ, чтобъ тутъ со стороны вашей и всѣхъ прочихъ мѣстъ и особъ, вамъ подчиненныхъ, къ коимъ попеченіе о сей части относится, при наблюденіи прямой пользы, нужды и исправности, отвращены всякія злоупотребленія и народная тягость" [1]).

Настоящая резолюція Императрицы послѣдовала въ отвѣтъ на донесеніе Румянцева отъ 24 августа 1781 г., помѣченное с. Черешеньки, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Въ Малой Россіи имѣются двѣ почты. Одна, для пересылки всякого рода писемъ въ Малороссіи и комуникаціи съ околичными губерніями, съ опредѣленными почтмейстерами и почталіонами, въ 1765 году мною учрежденная; другая, для возки курьеровъ и иныхъ переѣзжающихъ по введенному за бывшихъ гетмановъ обыкновенію; держатся онѣ отъ малороссійскаго скарба по главному московскому тракту отъ Глухова до Кіева въ 14 станціяхъ, на каждой по 12 лошадей, на глуховской же по 17, а на батуринской по 15, по контрактамъ

[1]) Шафонскій, l. c. p. 132.

Библиотека "Руниверс"

съ рядчиками, но издревле при станціяхъ никогда почтовыхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ, кромѣ для почтарей избъ. А какъ въ ново-учрежденныхъ губерніяхъ при иныхъ благоустроеніяхъ сдѣланы дороги по положенію и установлены почты, почтовые дома, съ опредѣленнымъ отъ обывателей, или инаковымъ образомъ, содержаніемъ, равно и въ Малой Россіи, за учрежденіемъ намѣстничествъ, по положенію оныхъ все то устроено быть должно, то и о семъ буду ожидать Высочайшаго повелѣнія, тѣмъ паче, что всякіе новые сборы и наряды пресѣчены".

По настоящей выдержкѣ изъ донесенія Румянцева мы знакомимся съ устройствомъ при немъ въ Малороссіи почтъ для проѣзжающихъ. Завѣдываніе этими почтами было поручено сотеннымъ правленіямъ.

Въ 1782 г., въ виду полной реорганизаціи административнаго строя Малороссіи, и въ почтовомъ дѣлѣ произошли реформы: былъ учрежденъ малороссійскій почтамтъ, которому и было поручено завѣдываніе почтами и назначеніе почтовыхъ служащихъ и который подлежалъ вѣдѣнію почтоваго департамента [1]). Почтовыя пошлины, собираемыя въ кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ намѣстничествахъ, были причислены къ общимъ почтовымъ доходамъ, изъ которыхъ и производилась уже уплата жалованья почтъ-директорамъ, почтмейстерамъ и почтальонамъ, а также всѣ необходимые расходы по содержанію почтъ [2]).

Указомъ 26 октября 1781 г. были отложены еще до будущаго времени реформа таможеннаго дѣла и генеральное межеваніе; но дальнѣйшій ходъ историческихъ событій сдѣлалъ почти излишней реформу таможеннаго дѣла въ Малороссіи. Въ своей всеподданѣйшей запискѣ Румянцевъ писалъ о таможняхъ слѣдующее:

---

[1]) П. С. З. № 15316.

[2]) П. С. З. №№ 15119, 15420.

Библиотека "Руниверс"

„Изъ таможень, въ Малой Россіи находящихся, входятъ въ губерніи: кіевскую—васильковская, съ ея заставами—межигорскою, переяславскою, секиринскою и стайковскою, и сорокошицкая, а вѣдѣнія сей послѣдней застава каменская одна, въ черниговскую. А какъ отъ 16 числа минувшаго февраля при всенижайшемъ моемъ представленіи Вашему Императорскому Величеству объясненія о примѣченномъ съ 1770 года въ сборахъ васильковской таможни умаленіи донесено, колико смотръ таможнямъ по предположенію Вашего Иимператорскаго Величества необходимо потребный долженъ быть и весьма полезнымъ для того, что по стеченію многихъ обстоятельствъ и по тому генеральному заключенію, что таможни и пошлинный сборъ должны по уваженіямъ къ своимъ фабрикамъ, торговли и удобности къ вывозу своихъ и ввозу надобныхъ иностранныхъ товаровъ, учреждаемы и въ нихъ служители не по знатности чиновъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ лучшихъ качествъ, отъ коихъ тутъ все и зависитъ, опредѣляемы быть. Многія изъ настоящихъ таможень не въ сходственномъ находятся положеніи, то, я за тѣмъ и за сдѣланнымъ уже отъ статского совѣтника Даля таможнямъ осмотромъ и что и строенія ихъ уже обветшали, буду ожидать всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества рѣшенія“.

Краткія свѣдѣнія о числѣ служащихъ въ малороссійскихъ таможняхъ чиновниковъ, цольнеровъ, мы имѣемъ въ запискѣ А. И. Чепы о таможняхъ, помѣщенной нами въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1890 годъ.

Съ расширеніемъ границъ Россіи малороссійскія таможни становились все менѣе нужны, и правительству приходилось заботиться объ устройствѣ таможенъ по раздвинувшимся границамъ, что мы и видимъ въ сенатскихъ указахъ [1]) отъ 5 февраля 1776 г. о дѣйствіи новаго тарифа во вновь учрежденныхъ таможняхъ: портовой при Азовскомъ морѣ и двухъ пограничныхъ-никитинской и миргородской, а отъ 26 мая того-же года объ учрежденіи въ новороссійской и азовской губерніяхъ портовыхъ

[1]) П. С. З, №№ 14431, 14478.

Библиотека "Руниверс"

и пограничныхъ таможенъ и заставъ по приложенному къ указу штату; малороссійскія же таможни были прежде всего переданы въ 1780 году въ вѣдѣніе генералъ губернатора, чтобы онъ могъ распорядиться ими по своему усмотрѣнію [1]). Слѣдствіемъ послѣдняго указа было ближайшее ознакомленіе Румянцева съ состояніемъ малороссійскихъ таможенъ чрезъ посредство ревизіи ихъ, произведенной статскимъ совѣтникомъ Далемъ, и въ результатѣ вышеприведенное нами донесеніе Императрицѣ о неудовлетворительности ихъ состоянія. Въ Высочайшемъ рескриптѣ Румянцеву, разрѣшавшемъ нѣкоторые, поставленные Румянцевымъ въ его всеподданнѣйшей запискѣ, вопросы, реформа томоженнаго дѣла въ Малороссіи откладывалась до будущаго времени и это будущее само указало, что таможни въ Малороссіи были излишни съ тѣхъ поръ, какъ она стала вполнѣ внутренней провинціей имперіи, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ 26 мая 1782 года высочайшій указъ [2]) сенату объ уничтоженіи таможенъ и заставъ, имѣющихся на границахъ малороссійскихъ губерній съ бѣлорусскими, о свободной торговлѣ между этими губерніями и объ учрежденіи таможенъ и заставъ на границѣ имперіи. Въ слѣдующемъ 1783-мъ году состоялся указъ [3]) Румянцеву объ оставленіи одной лишь васильковской таможни въ кіевскомъ намѣстничествѣ, съ общимъ всѣмъ остальнымъ таможнямъ имперіи тарифомъ.

Что касается генеральнаго межеванія, то, несмотря на то, что Императрица сознавала его настоятельную необходимость, оно не было осуществлено не только въ ея царствованіе, но и ни въ одно изъ послѣдующихъ до знаменательной эпохи реформъ въ царствованіе императора Александра II, согласно Его указу отъ 27 января 1858 года [4]).

Н. В. Стороженко.

---

[1]) П. С. З. № 15042.

[2]) П. С. З. № 15407.

[3]) П. С. З. № 15878.

[4]) Ханенко. Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. Черниговъ. 1870. Стр. 114—121.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

X.

Волынь.—Тадеушъ Валевскій—Викентій Тышкевичъ.—Съѣзды и приготовленія.—Извѣстіе о ноябрьскомъ движеніи.—Контракты въ Кіевѣ.—Генералъ Кайсаровъ.—Братья Тышкевичи.

На выборы въ Житомиръ не пріѣхалъ ни Тадеушъ Валевскій, ни одинъ изъ его явныхъ подначальныхъ; не было даже купца Лаговскаго, который не привыкъ пропускать такія торжества безъ того, что не привезти на нихъ своихъ товаровъ: борзыхъ, обезьянъ и горчицу. Всѣ выѣхали со своимъ начальникомъ въ Галицію, а оттуда въ Карлсбадъ. Члены семейства Піотровскихъ, которое на Волыни покровительствовало Тадеушу Валевскому, подобно тому какъ въ Подоліи Еловицкіе покровительствовали Викентію Тышкевичу, утверждали, что это былъ очень искусный маневръ съ цѣлью укрыться отъ взоровъ властей и вмѣстѣ съ тѣмъ войти въ соглашеніе съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, котораго можно было найти только заграницей. Піотровскіе, которые по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ были сторонниками наслѣдственной монархіи, считали роды князей Чарторыйскихъ и Сангушковъ за роды, имѣющіе, по устраненіи саксонской династіи, право на польскую корону. Однако, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, эти Піотровскіе отличались однимъ, такъ сказать спеціально польскимъ, недостат-

[1] См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 8.

Библиотека "Руниверс"

комъ, который, быть можетъ, принесъ болѣе всего зла польскому дѣлу,—необузданной страстью командовать всѣми, водить всѣхъ за носъ, соединеннымъ съ отсутствіемъ рѣшимости стать самимъ во главѣ дѣла изъ боязни и тѣни отвѣтственности. Благодаря ихъ усиліямъ былъ не выбранъ, а скорѣе намѣченъ Тадеушъ Валевскій, человѣкъ въ высшей степени легкомысленный и безразсудный, лишенный всякаго національнаго чувства, даже не знавшій, что такое была Польша, необразованный, не выдававшійся заслугами среди дворянства, человѣкъ, единственное достоинство котораго заключалось въ томъ, что онъ былъ мужемъ Анны Карвицкой, хорошей патріотки и умной женщины, принесшей ему въ приданое запасъ венгерскаго изъ погреба въ Мизочѣ, подобнаго которому не было ни въ Польшѣ, ни въ Венгріи. Піотровскіе боялись двухъ кандидатовъ на это мѣсто: кн. Романа Сангушка, котораго желали всѣ волынскіе помѣщики, и кн. Михаила Радзивилла, подлужанскаго и бердичевскаго, который принялъ бы на себя начальство, если бы оно было ему предложено Кн. Романъ Сангушко былъ храбрымъ офицеромъ русской гвардіи, слылъ за человѣка съ твердымъ характеромъ, носилъ имя Романа Сангушка, подвиги котораго воспѣвалъ Шадура и другіе поэты украинской школы. Михаилъ Радзивиллъ служилъ при Наполеонѣ полковникомъ въ польскомъ войскѣ, былъ женатъ на Ворцель, семейство которой имѣло большое значеніе среди помѣщиковъ, и считался хорошимъ администраторомъ.

Упомянутый выше недостатокъ польскаго общества—соперничество, доходило до того, что даже близкіе родственники Чайковскихъ и Гленбоцкихъ неохотно видѣли маршалкомъ Яна Канта Гленбоцкаго, а особенно въ описываемое время, потому что онъ былъ человѣкомъ съ сильной волей, выдавшимся благодаря своимъ заслугамъ и въ средѣ помѣщиковъ, и въ русской арміи, гдѣ онъ отличился мужествомъ и способностями, потому что онъ былъ человѣкомъ образованнымъ, получившимъ въ виленскомъ университетѣ дипломъ на степень магистра правъ и администраціи, потому что имѣлъ обыкновеніе входить во все самъ, ни на кого не полагаясь, и втеченіе шестилѣт-

Библиотека "Руниверс"

няго предводительства показалъ, что никому не позволитъ вмѣшиваться въ свои распоряженія. За это то и хотѣли смѣстить его съ предводительства.

Житомирскій повѣтъ состоялъ тогда изъ двухъ частей: Полѣсья на лѣвомъ берегу Тетерева, которое издавна, еще съ тѣхъ поръ, когда повѣты житомирскій и овручскій входили въ составъ кіевскаго воеводства, принадлежало къ этому повѣту, и Украины, на правомъ берегу Тетерева, только незадолго предъ тѣмъ присоединенной къ волынской губерніи, а нынѣ опять принадлежащей къ кіевской и составляющей бердичевскій уѣздъ. Полѣшуки и украинцы были постоянно между собой въ распряхъ, носившихъ политическій характеръ. Первые были демократами, потому что между ними было мало крупныхъ землевладѣльцевъ, украинцевъ же называли аристократами, потому что среди нихъ было много людей богатыхъ и образованныхъ. Гленбоцкіе давали тонъ на Полѣсьѣ, такъ какъ были тамъ богаче другихъ, на Украинѣ же первенствовали генералъ Корженевскій и Северинъ Залесскій, а подъ ихъ верховенствомъ Піотровскіе распоряжались этою частью повѣта.

Подъ предлогомъ удовлетворенія желаній обѣихъ частей повѣта, было предложено выставить на должность предводителя трехъ кандидатовъ: Яна Канта Гленбоцкаго, чтобы удовлетворить полѣшуковъ, меня, чтобы сдѣлать пріятное генералу Корженевскому и Северину Залесскому, моему предполагаемому тестю, и наконецъ Барошевскаго, человѣка добраго, но не пользовавшагося значеніемъ въ обществѣ и необразованнаго. Изъ 220 голосовъ мой дядя Кантъ Гленбоцкій получилъ 64 отрицательныхъ, а я всего только пять, и такимъ образомъ я оказался избраннымъ въ предводители. Я не хотѣлъ принимать этой должности, такъ какъ любилъ и уважалъ Канта Гленбоцкаго, и сослался на свое камеръ-юнкерство, противъ чего нельзя было ничего возразить. Гленбоцкій остался предводителемъ, предупредивъ, что черезъ годъ откажется отъ должности, а я, получивъ отпускъ въ Петербургѣ, вступлю, какъ кандидатъ, въ исправленіе его обязанностей. Смущеніе было большое, но дѣло уладилось. Я разсказываю объ этомъ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

единственно для того, чтобы показать, какъ недостатокъ общественнаго сознанія у поляковъ вредилъ дѣлу и какъ, вслѣдствіе этого, людямъ самостоятельнымъ и достойнымъ преграждали возможность служить обществу и во главѣ управленія ставили людей негодныхъ, а боязнь отвѣтственности умножала число трусовъ и интригановъ, вредившихъ всякому дѣлу, за которое брались.

Во время этихъ выборовъ мы получили извѣстіе о ноябрьскихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

Въ то время какъ Тадеушъ Валевскій почти не подавалъ признаковъ своего существованія, его ближайшіе сторонники—Піотровскіе, Карлъ Буржинскій, Михаилъ и Мартынъ Краевскіе и Игнатій Стемпковскій, который на послѣднихъ выборахъ попалъ въ заславскіе предводители дворянства, объѣзжали всю Волынь, болѣе присматриваясь къ средствамъ жителей, возбуждая патріотизмъ и готовность къ возстанію, нежели устраивая политическую организацію. Викентій Тышкевичъ гораздо добросовѣстнѣе и разумнѣе выполнялъ свои обязанности: онъ пригласилъ къ себѣ на съѣздъ въ Очеретяную болѣе выдающихся помѣщиковъ изъ Подоліи и Украины; здѣсь былъ установленъ правильный денежный сборъ, не помню, по дукату или по два съ души, въ каждомъ повѣтѣ назначенъ повѣтовый начальникъ, на обязанности котораго лежало вычисленіе вооруженныхъ силъ, какія каждый повѣтъ долженъ былъ выставить въ поле и т. п.

Предъ этимъ съѣздомъ Іосифъ и Германъ Потоцкіе, которые были съ нами въ очень близкихъ отношеніяхъ и жили въ Бѣлиловкѣ, въ тогдашнемъ махновскомъ уѣздѣ, потребовали посылки делегатовъ отъ насъ, потому что на Волыни никто объ этомъ съѣздѣ и не подозрѣвалъ. Тогда, вмѣстѣ съ Потоцкими, поѣхали Карлъ Ружицкій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій. Возвратясь, они разсказывали, что на этотъ съѣздъ пріѣхалъ генералъ Козловскій-сынъ изъ Зозова, который такъ отличился въ персидскую войну подъ Эриванью, командуя русской кавалеріей, а потомъ въ 1827—28 гг. въ азіатской Турціи. Оставивъ военную службу, онъ служилъ теперь предводителемъ дворянства. Безъ обиняковъ онъ сказалъ, что

Библиотека "Руниверс"

примкнетъ къ возстанію, но только съ условіемъ, чтобы ему было поручено командованіе войскомъ съ неограниченною властью; далѣе онъ говорилъ, что для него важно не количество силъ, какое могутъ выставить мѣстные жители, а только полное послушаніе, что, начавши съ отрядомъ даже въ сотню всадниковъ, онъ увѣренъ, что скоро будетъ располагать нѣсколькими тысячами отборнаго войска; догадывались, что онъ разсчитываетъ на военныя поселенія на Украинѣ, гдѣ у него было много старинныхъ товарищей и пріятелей.

Козловскій былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, съ неистощимымъ запасомъ энергіи, закаленный въ трудахъ, благодаря военной службѣ и постоянной охотѣ, онъ считался однимъ изъ лучшихъ генераловъ, какіе только были между поляками. Все говорило за выборъ его въ вожди возстанія. Только политическій смыслъ поляковъ воспротивился этому.

Первый Викентій Тышкевичъ высказался противъ него:

Мнѣніе Викентія Тышкевича одобрили, предложеніе генерала Козловскаго было отвергнуто съ негодованіемъ, котораго не съумѣли даже прикрыть любезностью, и Козловскій уѣхалъ, заявляя, что не желаетъ имѣть никакого отношенія къ возстанію.

На съѣздѣ было постановлено оставить гражданскую и военную власть за Викентіемъ Тышкевичемъ, а старому Еловицкому и тремъ его сыновьямъ поручено разыскиваніе главнокомандующаго, чѣмъ они и занялись.

Сборъ денегъ шелъ въ Подоліи и на Украинѣ очень успѣшно.

На всѣ приготовленія смотрѣли сквозь пальцы, и на Украинѣ, и въ Подоліи готовились серьезно и старательно.

Мы, въ бердичевскомъ повѣтѣ, вручили командованіе Карлу Ружицкому, считавшемуся лучшимъ офицеромъ во 2-мъ уланскомъ полку. Онъ вступилъ въ военную службу въ 1809 г.,

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ генераломъ Дверницкимъ; взятый въ плѣнъ подъ Миромъ, онъ провелъ богатые событіями годы на югѣ Россіи въ качествѣ военноплѣннаго; по возвращеніи польскаго войска изъ Франціи, когда оно было вновь организовано, Ружицкій вступилъ въ него въ чинѣ подпоручика; вышелъ онъ въ отставку въ чинѣ капитана, но и находясь въ отставкѣ, онъ поддерживалъ въ себѣ военный духъ и имѣлъ высокое понятіе о военномъ искусствѣ, много читалъ по своей спеціальности и постоянно изучалъ дѣянія великихъ полководцевъ. Онъ былъ прекраснымъ кавалеристомъ, можетъ быть, лучшимъ въ польскомъ войскѣ, потому что, когда въ Варшаву пріѣхалъ какой то англійскій принцъ посмотрѣть знаменитую кавалерію Цесаревича Константина Павловича, то выбранъ былъ взводъ изъ 2-го уланскаго полка и Ружицкій былъ вызванъ для командованія этимъ взводомъ изъ Бердичева, гдѣ проживалъ въ качествѣ ремонтера. На Саксонской площади этотъ взводъ показалъ такія чудеса кавалерійскаго искусства, что англичанинъ былъ совершенно пораженъ; за это Ружицкій получилъ чинъ поручика и коня изъ конюшни Цесаревича. Послѣдствія показали насколько онъ былъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ. Кружокъ, который выбралъ его въ начальники, составлялъ какъ бы одну семью; все это были товарищи по школѣ, вмѣстѣ охотившіеся и веселившіеся дома, и смѣло могу сказать, что это была отборная молодежь, какъ по рожденію, такъ и по образованію и по свѣтскому воспитанію.

Такъ мы устроились у себя, но только Тадеушъ Валевскій не хотѣлъ ничего знать о Ружицкомъ, а Ружицкій не заискивалъ у Валевскаго.

Игнатій Стемковскій, глава тамплiеровъ, когда его спросили о Валевскомъ, отвѣчалъ:

— Онъ не виноватъ ни душей, ни тѣломъ; политика не про него писана; дѣлайте какъ знаете и какъ можете и, если Богъ поможетъ, то все пойдетъ хорошо.

Это былъ очень характерный взглядъ, который тогда выражался этими государственными людьми.

Библиотека "Руниверс"

Были вѣсти изъ Варшавы, но столь извращенныя, что трудно было доискаться въ нихъ истины. Такъ напримѣръ, слухъ, который циркулировалъ тогда у насъ и о которомъ я не находилъ впослѣдствіи въ писаніяхъ эмигрантовъ ничего ясно и опредѣленно сказаннаго, заключался въ томъ, что будто Замойскіе объявили Цесаревича Константина лишеннымъ польской короны, которую предполагалось возложить на его голову, и намѣревались предложить ее одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, какъ члену ультра-католической семьи, и что вся эта комбинація была устроена австрійскимъ консуломъ въ Варшавѣ, женатымъ на полькѣ, при помощи графовъ Малаховскаго и Владислава Замойскаго, бывшаго адъютанта Цесаревича. Этотъ слухъ привезъ Верещинскій, директоръ бердичевскаго и одесскаго отдѣленій варшавскаго заемнаго банка. Этотъ Верещинскій, бывшій горячимъ сторонникомъ Адама Чарторыйскаго и Ягеллоновъ, находившійся въ родствѣ почти со всѣми уроженцами юго-западнаго края, окружавшими князя Адама, былъ очень смущенъ этимъ слухомъ и утверждалъ, что польское дѣло погибло въ самомъ зародышѣ. Тогда мы въ первый разъ услышали отъ него эти слова. Что же потомъ было въ Парижѣ? Замойскимъ захотѣлось уподобиться орлеанистамъ: „Если королемъ не будетъ Цесаревичъ Константинъ или князь Адамъ—то горе Польшѣ! Нѣмцы насъ онѣмечатъ, какъ всегда онѣмечивали; лучше бы мы не рвались какъ львы, для того, чтобы погибнуть какъ мухи; лучше бы мы оставались въ мирѣ съ Россіей, можетъ быть, мы и дошли бы до чего нибудь хорошаго". Такъ говорилъ человѣкъ, который бросилъ все—мѣсто, положеніе и пошелъ драться. Я хорошо запомнилъ эти слова и, признаюсь, былъ тогда того же мнѣнія.

Первымъ неутѣшительнымъ слухомъ, который разносилъ по краю молодой Мошковскій, былъ отвѣтъ, данный диктаторомъ Хлопицкимъ уроженцамъ Литвы и Руси, напомнившимъ ему, что и тамъ есть поляки:

— Для литвиновъ и русиновъ у меня нѣтъ ничего.

Такъ говорилъ кумиръ Варшавы и польскаго войска, такъ говорилъ полякъ, родившійся на Руси, у котораго были тамъ

Библиотека "Руниверс"

и родное гнѣздо и могилы предковъ. Послѣ этого извѣстія, которое, какъ всякая дурная вѣсть, съ быстротой молніи разнеслось по краю, многіе, какъ говорится, опустили руки и стали равнодушно относиться къ приготовленіямъ къ возстанію, говоря, что это какая то варшавская драка, а не польское дѣло.

Такъ мы дождались кіевскихъ контрактовъ; Рождество, Новый годъ и Крещеніе прошли очень спокойно, безъ всякихъ арестовъ и преслѣдованій, не было даже замѣтно, чтобы въ Кіевѣ, Бердичевѣ или Житомирѣ стягивались войска. Двигались, правда, войска съ Дуная, изъ Молдавіи и Валахіи, но такими малыми отрядами, что на нихъ трудно было обратить особенное вниманіе.

Между русскими офицерами, особенно низшими, господствовало полное невѣдѣніе о происшествіяхъ въ Варшавѣ. Въ день Рождества проходилъ черезъ Гальчинецъ пѣхотный батальонъ, слѣдовавшій съ Дуная. Въ числѣ прочихъ гостей въ Гальчинцѣ были два брата Гродзинскихъ, Казимиръ и Михаилъ, служившіе въ русской арміи. Мы пригласили обѣдать командовавшаго батальономъ маіора съ его офицерами. Это были очень почтенные, но вовсе не свѣтскіе люди, особенно маіоръ, принадлежавшій къ многочисленному тогда разряду такъ называемыхъ бурбоновъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, онъ началъ намъ разсказывать по секрету, но при всѣхъ и громко, что они идутъ подъ Варшаву, потому что тамъ случились нѣкоторыя происшествія. Въ какомъ то трактирѣ за городомъ польскіе офицеры играли на билліардѣ съ русскими, они стали говорить другъ другу колкости, вышла ссора и наконецъ дѣло дошло до драки, а такъ какъ польскіе офицеры были хорошіе фехтовальщики, то и поколотили русскихъ офицеровъ и выгнали ихъ изъ трактира, и хорошо сдѣлали, добавилъ маіоръ, понижая голосъ и озираясь на всѣ стороны, потому что это были все нѣмцы. Дѣло дошло до Цесаревича и онъ принялъ сторону поляковъ, но въ Петербургѣ нѣмцы заступились за нѣмцевъ. Цесаревичъ, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался и уѣхалъ изъ Варшавы, взявъ съ собой и гвардію. Поляки остались одни, не знаютъ что дѣлать, и вотъ де насъ

Библиотека "Руниверс"

посылаютъ туда, чтобы они не сдѣлали какой нибудь глупости. Я привожу этотъ разсказъ слово въ слово.

Между крестьянами тоже шли разговоры о варшавскихъ событіяхъ. Однако невѣрны разсказы, исходившіе изъ нѣкоторыхъ католическихъ монастырей, о томъ, что будто бы православные священники и правительственные агенты разжигали ненависть крестьянъ къ панамъ и подготовляли новую коліивщину. Подобной агитаціи среди крестьянъ не было. Отношенія между крестьянами и панами были всегда одинаковы. Большая часть пановъ такъ же грабила и угнетала крестьянъ послѣ варшавскихъ событій, какъ и передъ ними, немного было такихъ, которые стали смотрѣть на крестьянъ не такъ пренебрежительно, и еще меньше такихъ, которые стали сближаться съ ними. Да и всякое сближеніе не было бы принято за чистую монету. Вообще крестьяне, хотя и были нерасположены къ панамъ, но не составляли противъ нихъ заговоровъ, а только мечтали о чемъ то лучшемъ, но откуда должно было прійти это лучшее, о томъ они не могли ничего сказать, а только все повторяли: „Будетъ лучше, потому что теперь очень худо. Милосердый Богъ умилостивится и надъ нами“.

Правительство, безъ сомнѣнія, не хотѣло никакихъ безпорядковъ въ краѣ. Скорѣе можно допустить, что русское правительство не поняло истиннаго значенія варшавскихъ волненій, чего не было бы, если бы оно обратило вниманіе на то, какіе люди стояли во главѣ движенія.

У насъ приготовленія шли дѣятельно: вездѣ скупали лошадей, приготовляли амуницію, оружіе, даже обучали дворовыхъ и „засцянковую“ шляхту; крестьяне и священники видѣли это и однако не было доносовъ, такъ какъ не было разслѣдованій. Паны, какъ и всегда, не довѣряли крестьянамъ и думали: пусть только придетъ польское войско, зададимъ мы этимъ проклятымъ хамамъ, а поповъ и на сѣмена не оставимъ. Что касается до крестьянъ, то они думали, можетъ быть, наоборотъ.

Вездѣ у пановъ, которые стыдились дурно обходиться съ людьми, а особенно съ прислугой, не стѣснялись вести при

Библиотека "Руниверс"

нихъ разговоры политическаго характера,—доказательство того, что тогда не было ни доносчиковъ, ни шпіоновъ.

Кіевскіе контракты прошли безъ всякихъ демонстрацій со стороны дворянъ; со стороны правительсва не было замѣтно ни мѣръ предосторожности, ни знаковъ недовѣрія къ дворянству. Губернаторъ Катериничъ, состоявшій въ знакомствѣ и пріятельствѣ почти со всѣми помѣщиками, весьма любезно принималъ ихъ у себя, говорилъ о варшавскихъ происшествіяхъ, показывалъ газеты, которыя онъ получалъ, сожалѣлъ о несчастныхъ жертвахъ, которыя должны были быть, но утверждалъ, что волненія эти скоро прекратятся, говоря, что ни войско не показываетъ большой энергіи, ни народъ не хочетъ добровольно принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, и сожалѣлъ поляковъ.

Фельдмаршалъ Сакенъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не могъ принимать такого дѣятельнаго участія какъ прежде, ни въ политикѣ, ни въ военныхъ дѣлахъ. По внѣшности власть принадлежала фельдмаршалу, но настоящимъ дѣятелемъ былъ генералъ Кайсаровъ; онъ приводилъ въ движеніе всѣ пружины и заправлялъ всей машиной и такъ какъ онъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и рыцарски благородный, то военная власть не давала себя чувствовать жителямъ и даже оказывала сильное вліяніе на дѣйствія власти гражданской. Впрочемъ, Кайсаровъ не былъ такимъ оптимистомъ, какъ губернаторъ Катериничъ; его безпокоило появленіе на сценѣ диктатора Хлопицкаго,—онъ зналъ всю ограниченность государственныхъ способностей этого генерала, и ея то больше всего и опасался. Генриху Тышкевичу, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ говорилъ, что Хлопицкій—одинъ изъ идоловъ, созданныхъ воображеніемъ поляковъ; разсказы о его воинской доблести, переходя изъ устъ въ уста, отъ Испаніи до Польши, сдѣлали его какимъ то богатыремъ, котораго никто не трогалъ, который никому не былъ помѣхой и слава его не была ни оспариваема, ни умаляема; въ войскѣ разсказываютъ столько чудесъ о его подвигахъ, что одно его имя можетъ возбудить одушевленіе, котораго, какъ говорятъ, теперь

Библиотека "Руниверс"

недостаетъ. Онъ не возьметъ, или скорѣе не съумѣетъ крѣпко взять въ свои руки власть, ибо слухи объ его талантахъ или вѣрнѣе твердости далеко происходятъ его дѣйствительныя способности. Его гордость и тщеславіе такъ возбуждены, что онъ теперь будетъ бояться каждаго смѣлаго шага, который могъ бы поколебать хорошее о немъ мнѣніе, на его взглядъ, вполнѣ заслуженное. Онъ будетъ колебаться, сердиться, мучиться, и ни на что не рѣшится, между тѣмъ другіе овладѣютъ кормиломъ правленія, а возбужденное мало по малу войско и даже народъ, помимо заправилъ, доведутъ дѣло до войны, гибельной для обоихъ народовъ. Такъ думалъ о положеніи дѣлъ Кайсаровъ и, надо сознаться, думалъ трезвѣе всѣхъ; эти свои мысли онъ изложилъ брату Викентія Тышкевича, о роли котораго въ готовящемся возстаніи трудно допустить, чтобы онъ не зналъ.

Генрихъ Тышкевичъ, въ то время кіевскій губернскій предводитель дворянства, вполнѣ раздѣлялъ взгляды брата. Онъ, безъ сомнѣнія, отличался большими способностями и политическими и военными, чѣмъ Викентій; онъ служилъ въ военной службѣ, принималъ дѣятельное участіе въ послѣднихъ войнахъ Наполеона I и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ польскаго войска; онъ зналъ многихъ знаменитыхъ въ политическомъ мірѣ людей, бывалъ при дворѣ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Дрезденѣ, что должно было повліять на его развитіе. Всего этого не доставало Викентію, имѣвшему несчастье въ молодости убить свою мать, выстрѣливъ изъ пистолета въ призракъ, который явился ему ночью и которымъ, къ несчастью, оказалась его мать, имѣвшая страсть пугать другихъ. Этотъ случай произвелъ такое сильное впечатлѣніе на молодого человѣка, что онъ почти совершенно удалился отъ свѣта, провелъ молодые годы, терзаясь укорами совѣсти и только гораздо позднѣе возвратился къ обществу, гдѣ многаго не могъ понять, такъ какъ годы его были уже не тѣ. Послѣ развода Михаила Маржчинскаго, онъ женился на его женѣ, родной сестрѣ жены его брата Генриха.

Пріятелямъ Викентій Тышкевичъ говорилъ, что принялъ начальствованіе временно и тотчасъ передастъ его въ руки брата Генриха, какъ только возстаніе будетъ провозглашено

Библиотека "Руниверс"

открыто, что теперь такое провозглашеніе повредило бы дѣлу, такъ какъ Генрихъ Тышкевичъ, будучи предводителемъ дворянства и имѣя вліяніе у правительства, могъ и прикрывать приготовленія и успокоить подозрѣнія правительства, если бы таковыя возникли, что онъ обошелся такъ не тактично и даже невѣжливо съ генераломъ Козловскимъ только съ цѣлью доставить начальствованіе своему брату. Эти слова разнеслись во время контрактовъ между помѣщиками трехъ губерній.

Іосифъ Залесскій принялъ начальство надъ кіевскимъ уѣздомъ и городомъ Кіевомъ и агитировалъ среди кіевскихъ мѣщанъ, разсчитывая на ихъ поддержку. Онъ завелъ также, съ дозволенія коменданта кіевской крѣпости, сношенія съ Голеевскимъ, отбывавшимъ въ этой крѣпости наказаніе. Послѣ одного изъ разговоровъ съ заключеннымъ, Залесскій пришелъ обрадованный и сообщилъ подъ секретомъ нѣсколькимъ лицамъ, что „крѣпость можетъ быть нашей“. Эта тайна тотчасъ стала извѣстной между помѣщиками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Н. И. Костомарова. Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ нами отъ Н. И. Костомарова съ вопросами о тѣхъ или другихъ частностяхъ по исторіи Малороссіи, помѣщаемъ здѣсь одно, показывающее, какъ сѣтовалъ историкъ на недостатокъ источниковъ для изученія «семейной и домашней жизни» въ старой Малороссіи.

А. Лазаревскій.

«Многоуважаемый А. М. Сердечно Васъ благодарю за обязательное сообщеніе замѣчаній о Мазепѣ и за доброе обѣщаніе доставить мнѣ письменныя свѣдѣнія. Вотъ уже мѣсяцъ сижу я въ Москвѣ и работаю въ обоихъ архивахъ—министерства иностр. дѣлъ и министерства юстиціи, надъ источниками для исторіи Малороссіи эпохи Самойловича и Мазепы, и всечасно чувствую вообще недостаточность оффиціальныхъ источниковъ тамъ, гдѣ нужно знать не факты и явленія, но причины ихъ, исходящія изъ духовной жизни и ея развитія. Съ какого рода источниками имѣю я дѣло? Съ донесеніями гетмановъ, посланцевъ ихъ, московскихъ чиновныхъ людей, ѣздившихъ по разнымъ дѣламъ въ Малороссію, съ распросными рѣчами выходцевъ и полоненниковъ и письмами..... (?), считались умѣстными по ихъ полученіи откуда бы то ни было доставлять въ приказъ! И только. Откровенности бываетъ тутъ немного, а часто и ложь умышленная либо по малознанію. Семейная и домашняя жизнь ускользаетъ: вотъ почему даже до сихъ поръ я не зналъ кто такая была жена Мазепы и узналъ только отъ Васъ. Сдѣлайте милость исполните Ваше обѣщаніе: пришлите свѣдѣнія о г-жѣ Мазепѣ, да и о тѣхъ продѣлкахъ, которыя онъ дѣлалъ еще до своего гетманства при Самойловичѣ. Не замедлите доставить эти свѣдѣнія и обяжите меня вѣчною признательностію.

Глубоко и проч. Н. Костомаровъ.

Библиотека "Руниверс"

Ваши статьи въ Русскомъ Архивѣ о малороссійскихъ фамиліяхъ я читалъ съ жадностію. Безспорно..... и никто не имѣлъ подъ рукою такого богатства матеріаловъ для исторіи и особенно ея прошедшаго внутренняго быта какъ Вы! А именно внутренняя жизнь Малороссіи очень темна: я, напримѣръ, гораздо яснѣе представляю себѣ особенности стараго великорусскаго быта, чѣмъ малороссійскаго. О Великороссіи сохранилось много описаній иностранныхъ путешественниковъ, много и домашняго писанія, а о Малороссіи скудно было и того и другого. Конечно, извѣстно намъ, что бытъ интеллигентнаго общества былъ польскій въ главныхъ чертахъ, но въ подробностяхъ разнился отъ него, а еще болѣе въ духѣ. Спрошу я Васъ, не можете ли на основаніи извѣстныхъ Вамъ свѣдѣній сообразить: 1) Въ одномъ актѣ м. юст. 1675 значится въ числѣ корсунскихъ мѣщанъ, передавшихъ къ царю Степанко, пасынокъ гетмана Богдана Хмельницкаго, посыланный прежде отъ Дорошенка къ польскому королю? Какая изъ трехъ женъ Хмельницкаго была вдова съ дѣтьми отъ ея перваго мужа? 2) Въ Лѣтописи занятій Арх. Коммиссіи есть сообщеніе гр. Владислава Пляттера, что Мазепа родился въ 1629 году. Есть ли основанія вѣрить этому извѣстію? [1]).

Москва. Сентября 23 (1877 г.). Гостин. Лоскутная. № 30.

Червонорусскія вирши XVIII в. Послѣ смерти уніатскаго священника Левицкаго въ Боднаровѣ калушскаго повѣта въ Галиціи, послѣдовавшей въ 1890 году, осталось въ числѣ другихъ бумагъ и рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ нѣсколько тетрадокъ и разрозненныхъ лоскутковъ старыхъ рукописей XVII или XVIII вѣка, писанныхъ разными почерками и, очевидно, въ разное время. Эти рукописные отрывки содержатъ нѣкоторыя популярныя въ то время сочиненія въ стихахъ и прозѣ, духовнаго, обыкновенно апокрифическаго, содер-

---

[1]) На послѣдній вопросъ мы отвѣчали, сколько помнимъ, незнаніемъ, потому что не знали тогда напечатанной въ „Bibliotek'ѣ Warszawsk." (1855 г., I, 331—345) статьи неизвѣстнаго автора—„Mazepa. Noty historyczne", заключающей въ себѣ замѣчательно обстоятельный сводъ едва ли не *всего* печатнаго матеріала о происхожденіи и молодости Мазепы. Въ этихъ замѣткахъ годомъ рожденія Мазепы указанъ 1629-й, на основаніи свидѣтельства іезуита Вирвича (1717—1793) въ его „Uwag'ахъ nad historją odmian zaszłych w państwie Rossyjsskiem, przez Lacomb'a napisaną". Нѣтъ сомнѣнія, что гр. Плятеръ свое сообщеніе основалъ на указанной статьѣ.—*А. Л.*

Библиотека "Руниверс"

жанія. Въ цѣлости сохранилось только одно «Слово о бражнику», напечатанное Костомаровымъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы», хотя здѣсь текстъ представляетъ нѣкоторыя любопытныя разночтенія. Менѣе интереса представляютъ другія прозаическія статьи, какъ напр. «Вопросы святыхъ отецъ» (безъ конца). Разрозненные лоскутки, писанные скорописью въ половинѣ XVIII вѣка, какъ свидѣтельствуетъ записка на поляхъ, представляютъ фрагменты какого то болѣе обширнаго сборника пѣсенъ и виршей духовнаго и мірскаго содержанія. Нѣкоторыхъ изъ этихъ виршей нельзя прочесть, потому что чернила совершенно выцвѣли, другія сохранились только въ отрывкахъ, иныя же представляютъ интересные варіанты пѣсенъ духовныхъ, вошедшихъ впослѣдствіи (1790 г.) въ изданіе почаевскаго «Богогласника» и могутъ служить матеріаломъ при возстановленіи хронологіи этихъ виршей. Но есть на этихъ лоскуткахъ нѣкоторыя цѣльныя произведенія, не попавшія до сихъ поръ въ печать. Изъ нихъ мы печатаемъ здѣсь три: двѣ небольшія пѣсенки мірскаго содержанія, составленныя, очевидно, въ подражаніе пѣснямъ народнымъ, хотя не народныя, а третью виршу о Саулѣ и Давидѣ, заслуживающую нѣкотораго вниманія не только по языку, почти совершенно народному, но и какъ попытка самостоятельной, хотя и не очень глубоко задуманной обработки библейскаго сюжета. Интересно, что того же сюжета коснулся и Т. Шевченко въ своей поэмѣ «Саулъ», хотя понялъ и обработалъ его несравненно глубже и оригинальнѣе.

Миронъ.

I.

Бѣднажъ моя голова
У лихого мужа,
Тугажъ менѣ готова,
Тай у сердцю нужа.
Нѣ мнѣ погуляти,
Нѣ пожартовати,
А нѣ ся втѣшити,
Нѣ поговорити
Мнѣ зъ людьми не даетъ.
Нѣтъ мнѣ утѣхи,
Коли мужъ лихій
Тилко на печи
Лежитъ ворчачи,
А всежъ мене лаетъ:
«Богдась трясцю съѣла!
Тихо бись сидѣла!
Тебѣ ся регоче,
А мнѣ ся не хоче.
Ой кадукъ же твою ма,
Чемъ не маешъ сорома.
Тилко бисти реготала
И з пячими розмовляла».
Я молода, ти старий,
Диви, яка красна!

Библиотека "Руниверс"

Меже нами нема згоди,
Ахъ, доля нещасна.
Лѣпше на пущи бити,
Якъ зъ нелюбомъ жити;
Съ человѣкомъ лихимъ,
Якъ зъ медведемъ дикимъ
Терпѣти.

II.

Щаслива фортуно, гдежес ся подѣла,
Якъ мнѣ во паненствѣ вѣрне ес служила.
А теперъ въ малженствѣ послужи мнѣ мало,
Даби мое сердце больше южъ не вило.
Да колибже знала свою лиху долю,
Не терпѣла би я тяжкую неволю.
А всеж то справуе не любовъ того пана,
Же я молодая якъ рожа завила.

III.

Пѣснь о Савлѣ цари (и) Давиду.

Во великом смутку Савелъ зостаетъ,
Жадной потѣхи не маетъ.
Заграй, заграй, Давиде,
Нехай отъ Савла отиде,
Которій го поривaетъ,
Супокою му не даетъ,
Мучитель, куситель пекельній,
Окрутній мордерца душевній.
Так ся тамъ Давидъ вымовляетъ,
Же простіи барзо гусла маетъ:
На нихъ грати Савлови,
Велможному королеви,
Простій пастухъ не умѣетъ,
Не знаючи, що ся дѣетъ,
Же му панъ кажетъ грати,
На палацу пред собою стояти.
Встидливій стоитъ передъ паномъ,
Же его честуетъ вина збаномъ,
З рукъ не смѣетъ збана брати,
Анѣ царского вина пити.
Беручи му рука дрижитъ,

Библиотека "Руниверс"

А предъ Савломъ сам ся хилитъ,
Же его мѣзерного честуетъ,
Велможній монарха пріймуетъ.
«Самъ тя кроль, Давиде, благаетъ,
Дари ти за тое дати маетъ,
Бись на гуслахъ ему заграл,
Меліодію вдячне видал,
Бо ся онъ смутній радуетъ,
Гди твои гусла учуетъ».
«Якъ же я маю играти
И предъ Савломъ смѣле стояти,
Простій пастухъ неубраній,
Въ граню добре не учоній?
Будут ся зъ мене смѣяти,
З убогого наругати
Савлеве, кролеве богатѣ,
Слуги тамъ въ злотоглавѣ прибранѣ.
У Савла сут розмаитіи
Арфи и гусли злотомъ литіи,
И тимпани милій,
Всякому барзо вдячніи.
Мои гусла липовіи,
Не такъ лоскливіи.
Крол ними, простими, взгордуетъ,
Гди голосъ ихъ почуетъ.
На щожъ ти мнѣ пастухови
Розказуешъ грати Давидови,
Бим грал на гуслах цареви,
Вельможному королеви,
Которому завше граютъ,
Нѣкгди арфи не престаютъ.
И ити тамъ не смѣю,
Бо такъ грати якъ они невмѣю.
Нѣгде мене з дому не давано,
Бим ся на гуслах грати училъ.
Тилко в полю ягнята
Албо въ лѣсѣ козенята
На траву добру игнати
И добре ихъ напасати,

Библиотека "Руниверс"

То мнѣ мати, дитяти, казала,
И того мя пилно навчала.
Скоковъ кролевскихъ не умѣю,
Анѣ ихъ грати не смѣю,
Бо то в полю ягнята
Або в лѣсѣ козенята
Пасучи, собѣ співаю
И на гуслах вигираваю,
Под сосною та липою сидячи,
Во зеленой дубровѣ гудячи.
Научителя не маю,
Тилко що в лѣсѣ чуваю
Співаючи вдячніе
По деревахъ соловѣе.
Отъ нихъ ся тилко поучаю,
На ихъ нуту въ гусли граю,
Ихъ тономъ и торомъ [1]) идучи,
Под дубом учуся сидячи».
«Еднакъ его миле всѣ слухаютъ
И гранямъ его утѣшаютъ,
Которій Савлови играетъ
И отъ него отганяетъ
Дявола проклятаго,
Мучителя окрутнаго
Играням, брисканям лоскливим
И тономъ своих гусл меліодийним.
Чему бѣсъ отъ гуслій утѣкаетъ?
Бо в нихъ параклита знати чуетъ.
Добрее Савлю пригадалъ,
Жес Давида з гусльми призвалъ!
Бо би иншій не отгналъ,
Бис все злото роздалъ
И иніе дорогіе клейноти,
Перла. Будешъ долголѣтне мешкати.
Слухавъ Савелъ гусловъ в палацахъ земних,
И ми будемъ въ небесних

[1]) Путемъ.

Библиотека "Руниверс"

Зъ Давидом ся утѣшати
И на вѣки веселити.
О що просим Тебе, Боже,
Бо нѣхто того не може
Вчинити, тилко Ти прагнучим.
106. Тебѣ хвалу заносимъ. Аминь.

Одинъ изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. Въ числѣ предметовъ стариннаго козацкаго быта, попадавшихся собирателямъ, очень цѣнятся роскошные шелковые, шалевые и литые пояса, иногда превосходнаго достоинства. Встрѣчаясь изрѣдка въ старинныхъ домахъ вмѣстѣ съ другими предметами одежды, какъ наслѣдіе предковъ, такіе пояса попадаются и въ церквахъ, куда завѣщались или владѣльцами ихъ, или ихъ родственниками и въ былое время шли на священническое облаченіе. Обыкновенно они очень длинны и достоинство ихъ матеріала таково, что успѣшно можетъ бороться съ временемъ. Ихъ цвѣтъ, рисунокъ ткани и т. п. самые разнообразные, какъ разнообразны были мѣста ихъ нахожденія и производства.

Азіатскій востокъ и старая Польша считали поясъ необходимою принадлежностью костюма и въ производствѣ ихъ достигли высокаго совершенства. Наши козацкіе пояса и были большею частью иноземнаго происхожденія, какъ и большинство предметовъ роскоши стариннаго фабричнаго производства, для выдѣлки которыхъ и условія жизни козацкой эпохи и народныя наклонности представляли мало данныхъ. Пояса дешевые и повседневные были несомнѣнно мѣстнаго производства. Но они не сохранились, уцѣлѣли же только такіе, которые были особенно прочны по превосходной выдѣлкѣ и особенно береглись вслѣдствіе большой своей стоимости.

Въ Польшѣ, гдѣ поясъ былъ во всеобщемъ употребленіи, ношеніе его подчинялось всевозможнымъ особеннымъ условіямъ: были пояса зимніе и лѣтніе; на праздники или свадьбы надѣвались свѣтлые, золотистые, щегольскіе пояса, на погребенья и всякія печальныя церемоніи—черные или темные, отвѣчающіе цвѣтамъ одежды. Это разнообразіе появилось впрочемъ только съ конца XV вѣка, съ появленіемъ въ обиходѣ матерчатыхъ поясовъ, замѣнившихъ болѣе старые металлическіе и ременные. Несомнѣнно, что, подобно другимъ

Библиотека "Руниверс"

польскимъ модамъ, это разнообразіе поясовъ отразилось и въ козацкомъ обиходѣ старой южной Руси.

Восточные пояса, шерстяные, шелковые и затканные серебромъ и золотомъ, были турецкаго, персидскаго и китайскаго производства. Самыми рѣдкими и цѣнными были шерстяные китайскіе пояса. При всей густотѣ и плотности, они выдѣланы были изъ такой тонкой матеріи, что такой поясъ, хотя почти въ аршинъ шириною, можно было продѣть сквозь перстень. Служилъ онъ для самаго роскошнаго костюма и не украшенъ былъ ничѣмъ, кромѣ прекрасныхъ цвѣтовъ на концахъ. Самъ онъ былъ или бѣлый, или зеленый, или оранжевый, или ярко красный. Турецкіе и персидскіе пояса были самые разнообразные: и длиннѣе, и короче, и двойные, и одинарные, и шелковые, и затканные серебромъ и золотомъ. Одинарный турецкій поясъ стоилъ 4 польскихъ дуката, стамбульскій—12, персидскій 16 дукатовъ и выше, иногда до 60 дукатовъ. Кромѣ этихъ были и несравненно болѣе дорогіе пояса, цѣнностью до 500 дукатовъ, длиною въ 6 и шириною въ 3 локтя, плотные, какъ французское сукно, и прочные, какъ пергаментъ. Были они тканы изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ и украшены различными шелковыми цвѣтами.

Въ XVIII вѣкѣ возникла въ Польшѣ знаменитая фабрика слуцкихъ поясовъ, пріобрѣтшихъ громадную извѣстность и въ южной Руси. Издѣлія ея, чрезвычайно высоко цѣнимыя, встрѣчаются у собирателей предметовъ южнорусской старины. Эти издѣлія, собственно говоря, чисто польскаго производства и если имѣютъ право фигурировать въ южнорусскихъ коллекціяхъ, то потому лишь, что фигурировали когда то въ гардеробахъ лицъ изъ козацтва и войсковой старшины.

Слуцкая фабрика литыхъ поясовъ (съ отдѣленіемъ производства ковровъ на манеръ персидскихъ) основана была около 1750 года княземъ Іеронимомъ Радзивиломъ. Первые семь лѣтъ управляла фабрикою княжеская администрація. Потомъ директоромъ ея былъ знаменитый Янъ Мажарскій и впослѣдствіи сынъ его Леонъ.

Янъ Мажарскій, служа въ польскомъ войскѣ въ концѣ XVII вѣка при Собѣсскомъ простымъ солдатомъ, во время войны съ турками былъ взятъ въ плѣнъ. Его отправили на дальній востокъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ принужденъ былъ работать на персидскихъ ковровыхъ фабрикахъ. По возвращеніи на родину, онъ отправленъ былъ вновь въ Турцію Іеронимомъ Радзивиломъ, любителемъ изящныхъ ремеслъ, для основательнаго изученія дѣла. Потомъ открыта была въ Слуцкѣ

Библиотека "Руниверс"

фабрика поясовъ и ковровъ подъ управленіемъ Мажарскаго. Эту фабрику впослѣдствіи Мажарскій и сынъ его взяли въ аренду и просуществовала она до конца XVIII вѣка.

Богатствомъ и красотой слуцкіе пояса ничѣмъ не уступали восточнымъ. Стоили они тогда отъ 5 до 50 дукатовъ, а теперь цѣнятся любителями по 500 и 1000 рублей. На краяхъ ихъ бываетъ вытканно: «Me fecit Sluciae» или «Factus est Sluciae» или только F. S., а иногда подписи директоровъ фабрики—Мажарскихъ, Яна и Леона.

Въ старой Польшѣ были и другія, менѣе извѣстныя фабрики роскошныхъ поясовъ: въ Несвижѣ, также Радзивила, Шанявскихъ, княгини Любомирской, Огинскихъ, Сапѣги. Изъ второстепенныхъ болѣе извѣстна фабрика армянина Пасхалиса Якубовича. Марка его—красная хоругвка (гербъ Пасхалиса) или подпись его «Paschalis» или P. J. Существовала еще фабрика нѣкоего Салимонда въ Кобылкѣ, перешедшая впослѣдствіи также къ Пасхалису. На поясахъ сдѣланныхъ тамъ вытканно бываетъ «Кобылка». Работы Пасхалиса высоко цѣнятся теперь. Пояса всѣхъ этихъ фабрикъ могутъ попадаться собирателю предметовъ стараго южнорусскаго обихода, такъ какъ рынкомъ ихъ, во время ихъ производства, была Южная Русь.

Крещенскія скачки въ екатеринославской губ. Не могу сказать положительно—повсемѣстно ли въ Малороссіи, или же только на пепелищѣ бывшихъ запорожскихъ вольностей, въ екатеринославской губ., въ день Крещенія, 6-го января, ведутся и по сей день въ обычаѣ крестьянскія конскія скачки. «На Хрещення кистку зъ кинської головы знайды, зануздай и та на *Ордань* побижить», говоритъ мѣстная поговорка. И дѣйствительно, въ день Крещенія, особенно по приходскимъ селамъ, гдѣ въ этотъ день совершается крестный ходъ на рѣку, пока не закончится процессія, въ крестьянскихъ загородахъ и станяхъ—не остается ни единаго конскаго живота. Все, что можно запречь, взять подъ верхъ, или просто обротать уздечкой, обязательно должно побывать въ этотъ день на *Ордани*. Что можно запречь, запрягается въ брички, сани и санчата, а то и просто въ повозку, куда усаживается вся наличная дѣтвора хозяина, а если остается мѣсто, то забираются и сосѣдскія ребятишки; чѣмъ полнѣе нагружена подвода подобною кладью, тѣмъ праздникъ считается веселѣй, удач-

Библиотека "Руниверс"

нѣе, «бо такъ годытся». Возницею на такую подводу садится кто нибудь изъ подростковъ, а то и взрослый и экипажъ мчится, не обращая вниманія на рытвины и ухабы, во весь духъ прямо на церковную площадь. Здѣсь, заставивъ дѣтей перекреститься на церковь, возница придаетъ своимъ конямъ еще большую прыть и мчится на рѣку, гдѣ уже приготовлена крестообразная ополонь, въ головѣ которой стоитъ ледяной владимірской формы крестъ. Крестъ этотъ окрашенъ въ ярко-малиновый цвѣтъ очень незатѣйливымъ деревенскимъ средствомъ—онъ облитъ бураковымъ квасомъ. Приведя своихъ невзыскательныхъ пассажировъ видомъ ярко-малиноваго креста въ восторгъ, возница выѣзжаетъ на сельскій выгонъ, гдѣ и сосредоточена вся суть праздника. По выгону онъ ѣдетъ уже тихо, оглядывая многочисленныя группы вершниковъ, живописно разсѣянныхъ по всему его протяженію. Здѣсь на лицо вся нарубота прихода. Сухопарыя и стройныя степныя лошаденки подъ нею уже потны и отъ нихъ валитъ довольно замѣтный паръ, хотя и не такой грандіозный, какъ поется въ одной колядкѣ:

Чорна хмара
Та коныкы вкрыла,
Ой то жъ не хмара—
То зъ коней пара.

Молодежь, собравшись сюда спозаранку, успѣла уже сдѣлать не одну перегонку, пускаясь «наввыпередкы» съ сосѣдними парнями, а паче съ цыганами. Послѣднихъ здѣсь немало,—это самый безпокойный элементъ сборища. Между ними немало и сѣдыхъ стариковъ, и малолѣтокъ, едва держащихся на лошадяхъ. Все это сборище на выгонѣ гудитъ, какъ ярмарочная толпа, но крику и ругательствъ, присущихъ ярмаркѣ, не слышно; все ведется чинно и истово; участники, видимо, понимаютъ значеніе дня и, за исключеніемъ безолаберныхъ цыганъ, сдерживаютъ себя. Вотъ скачутъ во весь духъ два всадника; это состязаются въ быстротѣ своихъ коней извѣстный табунщикъ и цыганъ. Ихъ примѣромъ увлекается стоявшая доселѣ спокойно кучка молодежи и пускается за состязающимися въ догонку. По пути къ нимъ примыкаютъ отдѣльные и группами всадники, далѣе еще и еще и въ концѣ концевъ вы далеко, уже на концѣ выгона, видите несущуюся во весь опоръ безпорядочную въ нѣсколько десятковъ всадниковъ толпу, живо напоминающую старый козацкій загонъ. Проскакавъ такъ версты двѣ—три и растерявъ по пути въ отсталыхъ добрую часть спутниковъ, отрядъ останавливается и послѣ недолгихъ спо-

Библиотека "Руниверс"

ровъ и перекоровъ шагомъ возвращается на старое мѣсто. Не обходится при этомъ и безъ комическихъ случаевъ паденія съ лошади, а нерѣдко и безъ несчастій, особенно въ безснѣжныя зимы, когда снѣгъ не замететъ овражковыхъ норокъ, густо покрывающихъ наши степные сельскіе выгоны. Случается, что лошадь попадаетъ ногою въ такую норку и ломаетъ себѣ ногу; случается, что и слетѣвшій съ лошади всадникъ ударится объ замерзшую землю такъ, что его на рукахъ сносятъ домой, но такое сравнительно рѣдкое приключеніе не мѣшаетъ пострадавшему явиться и на слѣдущій годъ на крещенское ристалище. Особенно красивыми эти скачки выходятъ при церквахъ съ большимъ приходомъ, съ приписанными къ нему деревеньками и хуторами. Нужно сказать, что каждая такая деревенька, или хуторъ придерживаются въ одеждѣ особенной своей моды. Въ одной, напр., всѣ парубки носятъ сивыя шапки и зеленые пояса по чернымъ чумаркамъ или крытымъ кожушанкамъ, въ другой черныя шапки при красныхъ поясахъ по синимъ или сѣрымъ чумаркамъ и т. п. И вотъ, въ слободѣ съ такимъ большимъ приходомъ въ день Крещенья можно любоваться какъ бы форменными небольшими конными отрядами, представляемыми молодежью разныхъ хуторовъ. Все это живо воскрешаетъ въ памяти картину старыхъ козацкихъ отрядовъ.

Но вотъ съ церковной колокольни раздается веселый трезвонъ это двинулся изъ церкви крестный ходъ на *Ордань*. На вагонѣ все затихаетъ, принимаетъ нѣкоторый порядокъ, головы вершниковъ обнажаются и груди осѣняются крестнымъ знаменіемъ. Затѣмъ вершники направляются къ рѣкѣ, гдѣ еще съ ранняго утра, дружными усиліями съѣхавшейся молодежи, вырублена узкая, десятка въ два саженей длиною, ополонь, лежащая какъ разъ противъ крестообразной ополони, гдѣ совершается водоосвященіе. Здѣсь всѣ спѣшиваются и выстраиваются въ нѣсколько рядовъ по линіи ополони, держа лошадей въ поводу. При первомъ погруженіи креста въ воду, стоящіе въ первомъ ряду пропускаютъ своихъ лошадей къ водопою и, напоивши, уступаютъ мѣсто слѣдующимъ. При этомъ же, на противоположномъ берегу, гдѣ совершается обрядъ, раздаются частые выстрѣлы, претендующіе на залпъ. Это мѣстные стрѣльцы изъ своихъ разнокалиберныхъ ружей бьютъ чорта, который, выгнанный изъ рѣки силою погруженнаго въ нее креста, ищетъ спасенія въ пространствѣ. Стоящая сзади стрѣльцовъ толпа подростковъ въ это же самое время выпускаетъ массу хранившихся до сей поры у нея за пазухой голубей, преобразующихъ собою Святаго Духа. Голубей выпускается множество,

Библиотека "Руниверс"

(все равно привыкшая птица возвратится домой) и исключительно бѣлыхъ. Все это взятое вмѣстѣ: торжественный обрядъ, трескъ выстрѣловъ, храпъ и ржанье поимыхъ у ополони лошадей, густая толпа народа, снѣжно-бѣлые, какъ бы серебряные, уносящіеся въ небо голуби производятъ на неизбалованнаго въ эстетическомъ отношеніи селянина, особенно на его ребятишекъ—неотразимое впечатлѣніе. Долго они будутъ вспоминать веселый крещенскій день.

Ив. Манжура.

Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала.

Въ заштатномъ городѣ Коропѣ, черниг. губ., при Покровской церкви, въ XVIII ст. существовала «школа», служившая въ одно и то же время училищемъ для приходящихъ дѣтей прихожанъ и жилищемъ для церковныхъ клириковъ. Разсказываютъ, что однажды на рождественскихъ «святкахъ», школьники, подъ предводительствомъ клириковъ, ходили колядовать по приходу. Во всѣхъ домахъ они были честно принимаемы и щедро награждаемы, только въ домѣ нѣкоего «злонравнаго» Трыгубія ихъ худо приняли и не дали ни гроша денегъ, ни куска сала или колбасы. Оскорбленные этимъ, колядники побили Трыгубію окна, а Трыгубій въ ту же ночь ворвался въ школу, разогналъ клириковъ и жестоко избилъ самого «дидаскала». Послѣдній будто бы подалъ на обидчика нижеслѣдующую жалобу.

«Въ глуховскую сотенную канцелярію слезно-рыдающее и покорное мое доношеніе. Повнегда убо злокозненный и богоненавистный врагъ и супостатъ нашъ, нарицаемый Трыгубій, пришедшу на западъ солнцу и бывшей глубокой нощи, нападе на домъ Божій—школу, тогда вся наша о Христѣ братія, клирицы, аки овцы отъ волка разъярена, разсыпашася. Единъ отъ нихъ, именемъ Парѳентій, иже есть великій богословецъ, умѣетъ бо псалтырь и часословецъ, ятся бѣгу, глаголя со слезами: стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладаетъ мною всякая каналія. Другій взлѣзе на превыспренняя своя, сирѣчь на горище [1]), якоже св. мученицы Адріанъ и Наталія, егда уходиша отъ мучителя Нерона. Третій влѣзе въ пещь грубную, въ ней же невредимъ пребысть, якоже тріе отроцы Седрахъ, Мисахъ и Авденаго въ пещи огненнѣй. Азъ же, видя таковое храма Божія разореніе и школы посрамленіе, ревнуя поревновахъ и пріяхъ

[1]) Чердакъ.

Библиотека "Руниверс"

отъ нещи мечъ, иже есть нарицаемый кочерга, и устремихся на него, богопротивнаго Трыгубія, якоже Давидъ на Голіаѳа. Но онъ, треокаянный, не устрашися ничесоже и простре на мя скверніи и нечестивіи свои руцѣ, пріятъ мя за возлобіе, терзающе сѣмо и овамо, дондеже утрудися, и пріятъ отъ рукъ моихъ мечъ, не токмо со дѣла на мнѣ беззаконіе веліе, но и лядвія моя наполнишася поруганія, и повержe мя подъ сѣдалище старицъ, спрѣчь подъ лаву [1]), и исшедъ вонъ, дивися бывшему. Утру же сущу, стекошася ко мнѣ вси ученицы мои, и видяще мя уничижена и кровію зѣло обагрена, вельми сѣтоваша, и принесше алавастръ мура, продающагося въ корчемницѣ, мало мя тѣмъ исцѣлиша, ядохъ бо и пихъ и укрѣпихся.— Сего ради, о всемилостивѣйшая госпоже сотенная глуховская канцелярія, ваше высокоблагородіе! изъ глубины души взываю, молюся и милъ ся дѣю къ вамъ, яко плоть моя измѣнися и кости моя сокрушишася, и азъ аки сѣно изсохъ: оного богопротивнаго Трыгубія покорнѣйше прошу предать въ мои руцѣ, да воспріемлетъ онъ отъ мене воздаяніе по нечестивомъ дѣломъ его.

О семъ проситъ усерднѣйшій богомолецъ и рабъ Божій Ѳреусъ, школы коронской покровской дидаскалій».

Курьезный этотъ документъ, вмѣстѣ съ легендой, записанъ мною нынѣшнимъ лѣтомъ въ лубенскомъ у. полт. губ., гдѣ онъ еще въ недавніе годы ходилъ по рукамъ во множествѣ списковъ и гдѣ весьма многіе съ дѣтства знаютъ его наизустъ. Меня увѣряли, что подлинникъ его находился въ дѣлахъ лубенской полковой канцеляріи, остатки которыхъ хранились еще въ 1840—50-хъ годахъ въ лубенскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, даже называли имя мѣстнаго землевладѣльца, въ томъ судѣ нѣкогда служившаго, у котораго будто бы и теперь долженъ находиться этотъ подлинникъ. Но мнѣ кажется, что такого подлинника никогда не существовало и что самое это прошеніе должно быть признано памятникомъ не юридическимъ, а чисто литературнымъ. Не говоримъ уже о нѣкоторыхъ историческихъ несообразностяхъ (такихъ, наприм., какъ то, что драка произошла въ г. Коронѣ, а жалоба пишется въ сотенную канцелярію другого города, Глухова; не обозначено ни имя, ни званіе отвѣтчика; документъ, поданный въ глуховскую сотенную канцелярію, хранится почему-то въ дѣлахъ лубенской полковой канцеляріи, и т. под.), но самый стиль документа, явно искусственный, намѣренно витіеватый цер-

[1]) Длинная скамья, стоящая вдоль стѣны въ малороссійскихъ избахъ.

Библиотека "Руниверс"

ковно-славянскій языкъ и вообще видимо сквозящее намѣреніе автора разсмѣшить, позабавить, а вовсе не разжалобить—не оставляютъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ какого-то остроумца, вѣроятно, конца XVIII в., когда въ особенности любили забавляться литературнымъ воспроизведеніемъ отжившаго уже въ то время типа стариннаго малороссійскаго «бакаляра» или «дидаскала». Удивительна, однако, литературная живучесть этого давно исчезнувшаго типа: въ малорусскихъ водевиляхъ появленіе на сценѣ стариннаго «дяка» еще и теперь вызываетъ добродушный смѣхъ въ публикѣ, а «слезно-рыдающее доношеніе» коропскаго дидаскала до нынѣ заучивается наизустъ.

О. Л.

Сѣчевая школа. Въ одномъ изъ дѣлъ кіевской губернской канцеляріи, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, намъ встрѣтилось интересное указаніе на существованіе сѣчевой школы. Документъ, заключающій въ себѣ указаніе на этотъ фактъ, не даетъ сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній о школѣ и даже не опредѣляетъ, гдѣ именно она находилась, но важенъ тѣмъ, что во 1-хъ, несомнѣннымъ образомъ констатируетъ неизвѣстный до сихъ поръ фактъ существованія школы, а во 2-хъ, до нѣкоторой степени рисуетъ устройство ея, отношеніе къ ней сѣчевой старшины, взаимныя отношенія между школьниками и уставникомъ и, наконецъ, наивную, но симпатичную личность уставника іеромонаха Леонида.

Вотъ самый документъ:

«Высокоблагородному и высокопочтенному господину пограничному доктору Владимеру Ивановичу Ломану отъ уставника сечевой школы иеромонаха Леонида

Известие.

По присланному ко мне отъ вашего высокоблагородія требованію объявляю: прошлого октября мѣсяца в школе сечевой школники три человѣка—Никифоръ Друшлякъ, Василь Жолтий, Вакула Зинратъ—болевъ горячками сильными и говорили они, что бешихи, то есть рожи, изъ нихъ дней по пяти, шести и семи разными дни померли и я ихъ исповедовалъ и приобщалъ Таинамъ Святымъ и погребъ школниками, и о томъ донесъ я того жъ октября 17 дня господину кошевому атаману и старшине; и понеже в школе оной немалолюдно

Библиотека "Руниверс"

и собираемые дети с разныхъ местъ в одному дворе все в куче пребываютъ и начали были болеть на лихоратки и поносы, дабы на свежей воздухъ ихъ вывесть, по совету господина кошевого, выехалъ я былъ из своими школниками в лугу на свежую воду и находился до ноебря прошедшаго последнихъ чиселъ, где ис той моей команды пять школниковъ—Романъ Черномазъ, Романъ Клочко, Павло Джереловый, Лукьянъ Логушкинъ, Степанъ Ирклѣевски—не вдругъ, но порознь на горячку жъ, поносъ да и бешиху и лихорадку побалевшие дней по пяти и по семи, померли и погребены мною сысповедью и приобщениемъ Таинъ Святыхъ, прочиежъ от болезни выздоровели и в школу я с ними возвратился и болныхъ никого понинѣ, кроме одного малчика, отъ опуху ноги болящего, которого вашему высокоблагородию и господамъ лекарямъ в осмотръ было представлено, не имѣется и все здаровы, и которые школники тѣхъ мертвыхъ хоронили живы и не болезновали, а что показано судиею войсковымъ, якобы онъ видилъ на двоихъ школникахъ опасные знаки, то я о томъ незнаю и будучи неискуснымъ тому признать не могу, а слыхалъ отъ болевшихъ яко бешихи были, о чемъ я по совѣсти иерейской вашему высокоблагородию сообщаю.

Сечевой школы уставникъ Леонидъ».

Документъ не датированъ, но время его составленія опредѣляется слѣдующею ссылкою въ находящемся въ томъ же дѣлѣ «реестрѣ умершимъ в сече и около оной в розглашеніе сумнителства 1760 году»: «школниковъ сечевыхъ з горячки, поносовъ и бешихи в октебре и ноябре мѣсяцахъ, лежа по 5, 6 и 7 дней, померло 8 человекъ, о которыхъ по имени и о болезняхъ и сообщение дано».

В. Щербина.

Просьба объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в.

Въ 1751 году отъ 6 ноября миргородскій полковникъ Ѳедоръ Остроградскій писалъ графу Разумовскому:

«Полку миргородскаго нѣкоторые старшины и многіе обыватели приносятъ жалобу, тако же и отъ сотенныхъ правленій присланными оношеніями въ полк. мирг. канцелярію представляется, о чинимыхъ народу священниками приходскими и прочими духовными чинами немалыхъ здирствахъ взятіемъ отъ нихъ за вѣнечные памяти, за обвѣнчаніе, за погребеніе и сорокоусты по вымогателству денегъ, и

Библиотека "Руниверс"

у нѣкоторыхъ имущества; а ежели кто требуемыхъ священниками денегъ по нищетѣ своей уплатить не можетъ, таковые за обвѣнчаніе съ женами своими принуждени остаться въ поповской службѣ чрезъ годъ, отъ чего народъ приходитъ въ раззореніе, иные жъ и законнаго брака лишаются. Хотя жъ предъ симъ отъ полк. мирг. канц. къ е. п. архіеп. митрополиту кіевскому минувшаго 752 году генваря 30 дня писано съ требованіемъ разсмотрѣнія, но по тому ничего въ отвѣтъ не получено. А показанные попы, не видя себѣ въ томъ никакого воспященія, не токмо не унимаются отъ своихъ поступокъ, но еще наивящше здирства чинятъ; а старшина, по жалобамъ къ нимъ отъ народа, хотя и посылаютъ къ попамъ съ прошеніемъ о невзиманіи излишнего, но на тое получаютъ отвѣтъ такой: «старшина де намъ не укажчики, имъ въ наши дѣла и мѣшатись не подлежитъ и мы ихъ въ томъ не послушаемъ». Съ таковыхъ слѣдствъ мы приняли смѣлость о вышеписанномъ вашей ясневельможности представить и нижайше просимъ о прекращеніи вышеписанныхъ поповскихъ непорядковъ и чрезъ то слѣдуемаго народу немалаго отягощенія и о объявленіи въ народное извѣстіе, по коликому числу денегъ за какое именно дѣло священническое давать (кромѣ доброхотнаго подаянія) надлежитъ, чтобы народъ могъ точно о томъ знать и безспорно надлежащое давать, а священники надто вымогать, къ ихъ народному отягощенію и раззоренію, не смѣли,—куда надлежитъ отъ в. я. писать, и что по сему опредѣлено будетъ, имѣемъ ожидать высокоповелительной в. я. резолюціи».

А. А.

Разсказъ о «турбаевской катастрофѣ». Изъ замѣтки *Стараго Прилучанина* (№ 6 «Кіевск. Ст.») видно, что событіе, описанное г-жею Ефименко по документальнымъ даннымъ, долго помнилось окрестными жителями. Переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, разсказъ о немъ искажался въ подробностяхъ, дополнялся поэтическимъ вымысломъ. Такимъ именно характеромъ отличается разсказъ г-жи Бакунинной *Село Турбаи*, помѣщенный въ *Москвитянинѣ* 1851 г. (№ 2) и описывающій ту же катастрофу, какъ «старинное малороссійское преданіе». Фамиліи помѣщиковъ въ разсказѣ нѣтъ; ихъ два брата: Андрей и Юрій. Жена перваго Маруся, живущая очень счастливо съ мужемъ, сватаетъ Юрію свою «милую подругу, умную, хорошенькую Ганнусю». Но Юрія любитъ крестьянка

Библиотека "Руниверс"

Катря. Она то главнымъ образомъ и подстрекаетъ (повидимому изъ ревности) козаковъ противъ помѣщиковъ, увѣряя ихъ, что тѣ ждутъ только «бумаги», чтобы расправиться съ зазнавшимися холопами, «заковать ихъ въ желѣзо и завесть Богъ знаетъ куда». О самой тяжбѣ изъ словъ Андрея мы узнаемъ, что онъ «радъ бы бросить эти гадкія дѣла, да покойный батюшка еще въ послѣднюю болѣзнь просилъ продолжать непремѣнно дѣло съ козаками, которые живутъ у насъ въ селѣ, и не уступать этимъ сорванцамъ. Они съ батюшкой до такой вражды дошли по этой тяжбѣ, что ужъ не земли, а ненависть заставляла ихъ судиться; онъ даже начиналъ ихъ бояться». Узнавши отъ Катри о «бумагѣ», козаки на сходкѣ долго «стояли и толковали, и рѣчи ихъ все становились сердитѣе и грознѣе.... Всю ночь мелькали огни въ панскомъ дворѣ, и было что то страшное, зловѣщее въ этихъ перебѣгающихъ огняхъ. Всю ночь слышался тамъ шумъ, но въ немъ сливались стоны съ какимъ то ужасающимъ враждебнымъ говоромъ». Помѣщики погибли героями, защищались до послѣдней возможности, въ особенности Юрій. Утромъ того же дня пріѣхала въ Турбаи съ отцомъ Ганнуся, и имъ первымъ пришлось увидѣть разоренный домъ и убитыхъ хозяевъ. Катря въ позднемъ раскаяніи и горѣ оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Дорого стоило козакамъ ихъ самоуправство. «Много и много скованныхъ увели изъ села въ безвозвратный путь. Церковь упразднена, и она и домъ разрушились. Даже самое названіе *село Турбаи* перемѣнено. Теперь тутъ деревня Скорбная».—«Я разсказала, заканчиваетъ г-жа Бакунина, то, что мнѣ показалось яснымъ *изъ несовсѣмъ яснаго для меня малороссійскаго разсказа* стараго козака, въ хатѣ котораго мы останавливались въ этой деревнѣ. Послѣ мнѣ совсѣмъ иначе разсказывали это ужасное событіе». Но другаго разсказа, къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ.—Во всемъ разсказѣ полная симпатія къ пострадавшей сторонѣ. Преданіе ввело романическую подробность: любовь и ревность крестьянки, но недостаточно ясно мотивировало подстрекательство ею козаковъ. Фактами, согласными съ документами, являются: продолжительность тяжбы о землѣ, убійство трехъ человѣкъ (по документамъ двухъ братьевъ и сестры), рѣшеніе козаковъ на самосудъ только въ виду крайнихъ обстоятельствъ, сознаніе ими полной правоты своихъ притязаній и безсилія предъ судомъ съ пустыми руками, когда ихъ соперники свою правоту «золотомъ и серебромъ доказали»; наконецъ, и по преданію, событіе совершилось лѣтнею порою.

Арк. Л-нко.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

1) Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVI-й. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна. 1889 г. (CXLII+704).

2) Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVII й. Акты гродненскаго земскаго суда. Вильна. 1890. (LXXIII+559).

3) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи виленскаго учебнаго округа. Томъ XI-й. Вильна. 1890. (XL+372).

Передъ нами три тома матеріаловъ, изданныхъ виленской археографической коммиссіей и управленіемъ виленскаго учебнаго округа. Такъ какъ они соединяются между собой единствомъ мѣста изданія, близостью по времени выхода въ свѣтъ, отчасти однородностью содержанія и общностью редакціонныхъ пріемовъ, то мы и разсмотримъ ихъ вмѣстѣ.

Изъ всѣхъ томовъ актовъ, изданныхъ до сихъ поръ виленской коммиссіей первый изъ разсматриваемыхъ (XVI) едва ли не самый большій по объему, не самый интересный по сюжету и едва ли не самый важный по содержанію входящихъ въ него документовъ, не отличающихся, правда, новизной, но однако весьма необходимыхъ для каждаго и ученаго, и администратора, а между тѣмъ разбросанныхъ въ изданіяхъ, трудно доступныхъ по своей библіографической рѣдкости. Матеріалъ этого тома относится, какъ сказано вообще въ заглавіи книги, «къ исторіи церковной уніи въ Россіи», но, говоря точнѣе, онъ относится къ исторіи возсоединенія уніатовъ съ православной церковью въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія. Настоящій томъ вышелъ подъ редакціей и съ изслѣдованіемъ г. предсѣдателя виленской археографической коммиссіи Ю. Ѳ. Крачков-

Библиотека "Руниверс"

скаго. Собранный матеріалъ распредѣленъ изслѣдователемъ по содержанію на слѣдующіе восемь отдѣловъ:

1) Правительственныя распоряженія; сюда вошли Высочайшіе указы, опредѣленія сената и другія постановленія, извлеченные изъ полнаго собранія законовъ и изъ свода постановленій по министерству народнаго просвѣщенія; они обнимаютъ время съ 1772 по 1839 г.; всѣхъ документовъ 113.

2) Папскія буллы, бреве, индульгенціи, декреты и посланія въ 83 документахъ отъ 1595 — 1839 г. Г. редакторъ заимствовалъ для этого отдѣла матеріалъ изъ соч.: «Die neuste Zustande der katolischen Kirche beides ritus» и изъ старопечатной книги, изданной въ Почаевѣ въ 1767 году: «Bulla et braviae summorum pontificum».

3) Распоряженія и разъясненія могилевской римско-католической духовной консисторіи по дѣлу о переходѣ и совращеніи уніатовъ въ латинство въ 1803—1828 г. Двадцать восемь документовъ этого отдѣла взяты изъ собранія актовъ, хранящихся въ отдѣленіи рукописей виленской публичной библіотеки.

4) Переписка между Стефаномъ Левинскимъ, митр. Іасономъ Смогоржевскимъ, Ѳеодосіемъ Ростоцкимъ и друг. съ 1780 по 1787 годъ (№№ 217—220) перепечатана изъ соч. Die neustu Zustande и проч., изъ Сборника рус. историч. общ. и даже изъ Холмскаго календаря. Кромѣ писемъ въ этотъ отдѣлъ входятъ рескрипты Государыни послу въ Варшавѣ, посланія папы къ Государынѣ. Всѣ письма, адресованныя къ тому или другому лицу, помѣщаются подъ отдѣльнымъ нумеромъ.

5) Жалобы, проекты, объясненія, представленія, записки по дѣлу объ уніи, начиная съ 1747 г. и по 1824 г., обнимаютъ №№ 221—233, которые извлечены изъ соч. Harasewicza: «Annales Ecclesiae Ruthenae» (Львовъ. 1862 г.), изъ брошюры 1779 г., приписываемой луцкому оффиціалу Ѳеодосію Бродовичу подъ заглавіемъ «Uwagi polityczne», изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, изъ отдѣленія рукописей виленской публичной библіотеки и изъ архивовъ уніатскихъ митрополитовъ при святѣйшемъ синодѣ, министерства народн. просвѣщенія и изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря.

6) Окружныя посланія и переписка нѣкоторыхъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, орденскихъ властей и другихъ лицъ съ 1775 по 1833 г. въ 38 документахъ (№№ 234 — 272), заимствованныхъ изъ отдѣла рукописей виленской публичной библіотеки, изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря, а

Библиотека "Руниверс"

также изъ брошюры 1785 г., хранящейся въ вилен. публичной библіотекѣ.

7) Мѣры къ освобожденію уніи отъ преобладанія въ ней базиліанъ и къ очищенію уніатскихъ обрядовъ отъ латинскихъ нововведеній (№ 273 по № 286), начиная съ 1818 по 1834 г.; документы этого отдѣла заимствованы изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря, изъ записокъ Іосифа Семашка и архива св. синода.

8) Установленіе празднованія памяти возсоединенія уніатовъ съ православной церковью, начиная съ 1840 по 1889 г., сюда вошло лишь 7 документовъ (№ 287—293).

Наконецъ, въ приложеніи помѣщены три документа, опущенные, видно, при печатаніи актовъ и относящіеся къ 4-му отдѣлу. Изъ приведеннаго обозрѣнія содержанія матеріаловъ легко убѣдиться, что они составляютъ систематическій и строгій выборъ изъ массы документовъ наиболѣе важнѣйшаго матеріала, разъясняющаго исторію возвращенія уніатовъ въ православіе и указывающаго тѣ подготовительныя мѣры, которыя принимались для этой цѣли русскимъ правительствомъ. На основаніи этого богатаго матеріала редакторомъ настоящаго тома г. Крачковскимъ написано прекрасное, обстоятельное изслѣдованіе на ту же тему подъ скромнымъ заглавіемъ «предисловія», въ которомъ подробно изложенъ послѣдній періодъ исторіи уніи, начиная съ 1772 г., и отношеній къ ней Рима и Россіи [1]). Собраніе такого рода матеріала при каждой работѣ по исторіи западной Россіи является необходимымъ подспорьемъ, освобождая изслѣдователя отъ необходимости самому производить разысканія во множествѣ различныхъ изданій. Но распредѣленіе матеріала на отдѣлы намъ кажется не только излишнимъ, но прямо неудобнымъ и затруднительнымъ при разысканіи того или другаго акта, потому что матеріалъ самъ по себѣ уже имѣетъ однородное содержаніе, а дѣленіе его еще по второстепеннымъ признакамъ замедляетъ ознакомленіе съ историческимъ ходомъ дѣла возсоединенія. Изданіе этого тома совпало съ празднованіемъ въ 1889 году 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ и, такимъ образомъ, дало возможность безъ особеннаго труда изучить событіе по первоисточникамъ, понять важность торжества и

[1]) При этомъ наибольшее вниманіе онъ оказываетъ базиліанскому ордену и его послѣдней судьбѣ, тогда какъ труды дѣятелей текущаго столѣтія возсоединенія очерчены слабо и заслуга ихъ не вырѣзывается ярко на темномъ фонѣ рисуемой авторомъ картины борьбы съ происками латинянъ и приверженныхъ къ нимъ базиліанъ.

Библиотека "Руниверс"

подвинуть русское общество вообще, а мѣстныхъ дѣятелей въ частности, къ окончанію дѣла, начатаго 50 лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ еще не завершеннаго вполнѣ. Въ виду этого, значеніе изданія нисколько не уменьшается съ теченіемъ времени, но пріобрѣтаетъ напротивъ практическое значеніе.

Тому же вопросу (т. е. вопросу о борьбѣ православія съ уніей) посвященъ и томъ XI-й «Археографическаго сборника», издаваемаго на средства управленія виленскаго учебнаго округа, благодаря просвѣщенному сочувствію и поддержкѣ г. попечителя округа Н. А. Сергіевскаго. Настоящій томъ «Сборника» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первый вошли документы бывшаго Брестскаго Симеоновскаго монастыря. На основаніи этихъ документовъ редакторъ тома О. В. Щербицкій въ предисловіи къ нимъ старается представить судьбу этого монастыря. Первое актовое указаніе на его существованіе относится къ 1546 году, хотя существуетъ мнѣніе о возникновеніи его еще въ началѣ XV вѣка; основателями монастыря были паны Солтаны, фундаторскія и колляторскіе права которыхъ переходятъ наслѣдственно въ другія семьи: Лешнинскихъ, Дорогостайскихъ, Подберезскихъ, Сапѣгъ, Харлинскихъ, Красинскихъ и Выговскихъ. Въ началѣ XVII в. церковь находилась въ рукахъ уніатовъ, а въ 1632 г. возвращена была православнымъ; принадлежавшія ему земли были захвачены частью магистратомъ, частью католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ; въ нескончаемыхъ тяжбахъ съ тѣми и другими монастырь и провелъ почти два вѣка.

Второй отдѣлъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ документы и дѣла изъ архива литовской духовной консисторіи по преимуществу второй половины XVIII и первой половины XIX в; они изображаютъ тѣ способы, къ которымъ прибѣгали католики и уніаты, чтобы подавить православіе и ополячить русскую народность, изображаютъ внѣшнее и внутреннее состояніе монастырей въ то время, когда они находились въ вѣдѣніи переяславскихъ и минскихъ епископовъ, указываютъ попытки и мѣры, какія принимало русское правительство по присоединеніи края къ возстановленію православія, характеризуютъ дѣятельность судебныхъ и административныхъ учрежденій, переполненныхъ польскими чиновниками, и ихъ роль, особенно въ дѣлахъ, касающихся православнаго духовенства, и рисуютъ положеніе коренныхъ русскихъ жителей въ г. Якобштадтѣ, тѣснимыхъ горстью пришлыхъ нѣмцевъ; наконецъ, мы находимъ въ этомъ томѣ нѣсколько важныхъ и интересныхъ документовъ, относящихся къ исторіи учрежденнаго на

Библиотека "Руниверс"

сеймѣ 1790 г. православнаго западно-русскаго «правительствующаго синода» или такъ называемой «найвысшей консисторіи», съ цѣлью отдѣлить западно-русское православіе отъ восточнаго, а затѣмъ этимъ же путемъ подавить его.

Всѣхъ актовъ въ настоящемъ томѣ 176; каждому изъ нихъ предшествуетъ, кромѣ краткаго заголовка, болѣе подробное изложеніе содержанія.

Но если два разобранные тома даютъ матеріалъ исключительно для церковной исторіи, за то XVII-й томъ «Актовъ виленской коммиссіи» полонъ актовъ самаго разнороднаго содержанія, благодаря тому, что виленская археографическая коммиссія нашла возможнымъ издать цѣликомъ древнѣйшія книги виленскаго центральнаго архива, каковыми оказались книги городенскаго земскаго суда за 1539, 1540 и 1541—42 годы, изъ другихъ же книгъ болѣе поздняго (1555 и слѣд. годы) времени извлечены лишь наиболѣе интересные акты. Мысль издать цѣликомъ древнѣйшія актовыя книги того періода, когда первый писанный законъ не отмѣнялъ еще мѣстнаго обычнаго права, нельзя не признать весьма полезной и разумной. Правда, что при изданіи книгъ цѣликомъ, входитъ много однороднаго, не имѣющаго уже цѣны, матеріала, но это неудобство не получаетъ большаго значенія въ виду трудности дѣлать строго научный выборъ только нужнѣйшихъ актовъ. Издатели совершенно правы, сравнивая акты съ лѣтописью; дѣйствительно, это самая обстоятельная бытовая лѣтопись, въ которой мы можемъ наблюдать послѣдовательное измѣненіе формъ частной и общественной жизни. Здѣсь мы находимъ самое живое выраженіе устройства суда и судопроизводства, можемъ наблюдать близко управленіе общее и мѣстное, можемъ видѣть, какъ измѣняется семейный бытъ, личное и общинное владѣніе и пользованіе землею, взаимныя отношенія сословій и ихъ частныя права и экономическое положеніе, ихъ взгляды политическіе, религіозные и нравственные. Разсмотрѣніе актовъ настоящаго тома во всей ихъ подробности, съ цѣлью опредѣленія важности отдѣльныхъ группъ, требуетъ слишкомъ много времени и мѣста и потому не можетъ быть содержаніемъ рецензіи; мы ограничиваемся лишь указаніемъ на новый высокой цѣны и достоинства матеріалъ, который получаютъ люди науки для своихъ работъ; въ виду этого настоящій томъ мы считаемъ гораздо цѣннѣе двухъ предшествующихъ, разсмотрѣнныхъ выше. По обычаю, актамъ предшествуетъ небольшое предисловіе (авторъ настоящаго г. Снитко), въ которомъ издаваемый матеріалъ

Библиотека "Руниверс"

не изслѣдуется, а лишь старательно систематизируется и болѣе или менѣе подробно обозрѣвается, что значительно облегчаетъ ознакомленіе съ издаваемыми актами, но не исключаетъ необходимости ихъ изученія; изучать или, по крайней мѣрѣ, внимательно прочитывать самые акты необходимо также и потому, что прибавленныя къ нимъ описи или слишкомъ общи, — не указываютъ ни одной особенности акта,—или прямо невѣрны (напр. акты № 1, 20, 472 и друг.).

Къ этому тому приложены снимки почерковъ, какими писаны печатаемыя книги; но если эти почерки на пространствѣ всей книги хотя немного измѣняются, то образчики и этихъ варіантовъ было бы весьма желательно видѣть.

Ко всѣмъ разсмотрѣннымъ томамъ въ концѣ приложены обстоятельные личные и географическіе указатели, а къ послѣднему еще и предметный.

Изъ изложеннаго выше мы видимъ, что виленская археографическая коммиссія, при содѣйствіи управленія учебнаго округа, работая, какъ говорится не покладая рукъ, издала въ два послѣдніе года три огромныхъ тома, но въ нихъ большее вниманіе оказываетъ вопросамъ церковнымъ, и лишь изрѣдка печатаетъ томы, подобные XVII-му. Желательно поэтому само собою, чтобы акты, изображающіе и другія стороны жизни сѣверо-западнаго края, также находили себѣ мѣсто въ изданіяхъ коммиссіи и могли быть разрабатываемы наукой.

И. Каманинъ.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1891.

Книга г. Скабичевскаго является довольно цѣннымъ вкладомъ въ русскую критическую литературу. Представляя сжатый очеркъ новѣйшей русской литературы, начиная со «школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ» и оканчивая представителями современной русской литературы, книга эта несомнѣнно интересна для всякаго образованнаго человѣка, а для спеціалиста можетъ послужить полезною справочною книгою. Имя автора, пользующагося заслуженною извѣстностью одного изъ наиболѣе выдающихся современныхъ критиковъ, можетъ служить гарантіею добросовѣстнаго исполненія избранной имъ, далеко не легкой, задачи.

Не считая умѣстнымъ въ спеціальномъ изданіи касаться общаго содержанія труда г. Скабичевскаго, его достоинствъ и недостатковъ.

Библиотека "Руниверс"

мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями относительно тѣхъ явленій умственной жизни южной Россіи, о которыхъ упоминается въ разсматриваемой книгѣ.

При чтеніи книги Скабичевскаго, естественно читатель наталкивается постоянно на фактъ участія южно-русскихъ писателей въ развитіи общерусской литературы. Почти во всякомъ отдѣлѣ книги [1]) наряду съ писателями великоруссами встрѣчаются и малороссы, и притомъ не только, какъ подражатели уже установившимся направленіямъ, но и въ качествѣ иниціаторовъ новаго, нарождающагося направленія. Таковы, напр., Марко Вовчокъ (о «народныхъ оповиданнях» которой г. Скабичевскій далъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкій отзывъ) въ шестидесятыхъ годахъ, Новодворскій (А. Осиповичъ)—въ восьмидесятыхъ. Между новѣйшими беллетристами также встрѣчается немало уроженцевъ южной Россіи, южно-русское происхожденіе которыхъ отражается какъ на содержаніи ихъ произведеній, такъ и на ихъ литературной формѣ. Таковы—В. Г. Короленко, «писатель, котораго, по словамъ г. Скабичевскаго, смѣло можно поставить во главѣ современныхъ беллетристовъ какъ по силѣ таланта, такъ и по богатству художественнаго матеріала, по широтѣ сферы наблюдательности, наконецъ, по самому міросозерцанію, обнаруживающему человѣка, вполнѣ стоящаго на уровнѣ своего вѣка по образованію» (стр. 409); С. Я. Надсонъ и В. М. Гаршинъ, о которыхъ г. Скабичевскій говоритъ: «обѣ эти личности являются двумя существами, совершенно тожественными, словно сливаются въ одинъ и тотъ же лучезарный поэтическій образъ, дѣлая великую честь тому поколѣнію, среди котораго они явились» (стр. 517); сюда же можно причислить И. Н. Потапенка, Г. А. Мачтета и многихъ другихъ писателей 70—90 годовъ. Приведенные факты могутъ служить доказательствомъ того, что южная Россія и въ настоящее время принимаетъ дѣятельное участіе въ умственной жизни русскаго общества и продолжаетъ вносить свои оригинальныя особенности въ развитіе

[1]) За исключеніемъ отд. II (школа беллетристовъ 40 годовъ) и VII (драма и комедія). Но къ предмету перваго изъ названныхъ отдѣловъ имѣетъ близкое отношеніе дѣятельность Гоголя, значеніе котораго г. Скабичевскій, по нашему мнѣнію, напрасно умаляетъ, хотя и вѣрно указываетъ въ ней отсутствіе яснаго міросозерцанія; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, современной критикѣ, кажется, слѣдовало бы возвратиться къ основнымъ положеніямъ Бѣлинскаго. Что же касается драматической поэзіи, то и въ великорусской поэзіи авторъ указываетъ одного только великаго писателя Островскаго.

Библиотека "Руниверс"

общерусской литературы. Г. Скабичевскій впрочемъ мало касается этихъ особенностей, но изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его книги видно, что онѣ не остались для него совершенно незамѣченными.

Такъ, напримѣръ, на стр. 258—260 мы встрѣчаемъ такое сопоставленіе Рѣшетникова съ Левитовымъ (изъ біографическихъ очерковъ видно, что Р. родился въ пермской губерніи, а Л. «былъ родомъ тамбовецъ»):

„Рѣшетниковъ является передъ нами типомъ сѣвернаго писателя: холодный, сдержанный, лаконичный, онъ не скупится на внѣшнія детали изображаемой дѣйствительности, порою совершенно тонетъ въ нихъ, забывая о сути дѣла, но въ то же время идеально объективенъ.... Слогъ его сухъ и сжатъ....

Левитовъ, наоборотъ, представляетъ собою типъ южнаго беллетриста по яркости колорита во всѣхъ его изображеніяхъ, по преобладанію живой, пламенной, прихотливой фантазіи, по страстности, лиричности и крайней субъективности. Слогъ его своею музыкальностью, пѣвучестью, принимающею въ лирическихъ и патетическихъ мѣстахъ почти стихотворные размѣры, напоминаетъ слогъ Гоголя.... Подобно тому, какъ Гоголь, пріѣхавши изъ Малороссіи, во время первыхъ лѣтъ своего скитальчества по Петербургу и труднаго пробиванія дороги, въ грусти по родинѣ писалъ свои *Вечера на хуторѣ*, такъ и Левитовъ первыя свои произведенія посвятилъ изображенію жизни родного края, о которомъ вспоминалъ въ шенкурской глуши, и результатомъ этихъ воспоминаній были *Степные очерки*“.

О томъ, насколько примѣнима эта характеристика южнаго писателя къ Левитову и насколько вѣрно сопоставленіе его съ Гоголемъ, предоставляемъ судить читателямъ; для насъ-же важно въ данномъ случаѣ то, что г. Скабичевскій нашелъ нужнымъ мимоходомъ сдѣлать характеристику сѣвернаго и южнаго писателей, а между тѣмъ вопросъ о южнорусской литературѣ 19-го вѣка, какъ о явленіи, имѣющемъ свои характерныя черты, почти обойденъ молчаніемъ въ его книгѣ, кромѣ одной главы (XXVI-й), гдѣ г. Скабичевскій касается малорусской литературы въ лицѣ Шевченка, этого «гиганта южно-русской поэзіи», по его выраженію (стр. 475). Изложивъ его біографію, авторъ даетъ слѣдующій отзывъ о его сочиненіяхъ:

„Главное отличіе Ш. не только отъ Некрасова, съ его дворянскою хандрою, но и отъ Кольцова и прочихъ великорусскихъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, заключается въ томъ, что это единственный русскій писатель въ нынѣшнемъ столѣтіи, сохранившій живую и непосредственную связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ, связь какъ по своему міросозерцанію, идеаламъ, такъ и по характеру и формамъ своей поэзіи. Въ поэзіи Ш. вы и слѣда не найдете ни той оторванности отъ народа, которая составляетъ печальный удѣлъ всѣхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, ни той рефлективной раздвоенности, которою страдали всѣ современники Ш. Изучая поэзію его, вы имѣете возможность съ поразительною наглядностью прослѣдить великій и таинственный актъ перехода народно-собиратель-

Библиотека "Руниверс"

наго творчества въ личное. И характеръ лирическаго одушевленія, этой тихой, надрывающей сердце грусти, проникающей всю поэзію Ш., и образы, и мотивы остаются вполнѣ народными, такими же, какіе вы найдете въ любой малороссійской думѣ. Въ то же время сюжеты большинства поэмъ не выдуманы, а взяты всецѣло изъ народныхъ легендъ и преданій. Личность писателя словно какъ-бы исчезаетъ въ этомъ морѣ чисто-народной поэзіи; онъ ничего не создаетъ своего, что составляло-бы рѣзкую индивидуальную особенность его. Но въ тоже время отнюдь не является рабскимъ подражателемъ народной поэзіи: все что онъ черпалъ изъ нея онъ переработывалъ, возводя въ перлъ художественнаго созданія безъискусственно-младенческій лепетъ народа и освѣщая зрѣлымъ сознаніемъ передовыхъ идей своего вѣка темные инстинкты народныхъ стремленій, симпатій и антипатій. Самый языкъ его произведеній не даромъ поражаетъ всѣхъ знакомящихся съ его поэзіею своею простотою и общедоступностію не только для кровныхъ малороссовъ, но и для людей совершенно незнакомыхъ съ южно-русскимъ нарѣчіемъ: читать Ш. имъ не въ примѣръ легче, чѣмъ всѣхъ прочихъ малороссійскихъ писателей. Это происходитъ отъ того, что послѣдніе писали и пишутъ на языкѣ искусственномъ, исполненномъ полонизмовъ и всякаго рода новыхъ словъ и выраженій, созданныхъ въ интеллигентныхъ слояхъ малороссійскаго общества. Для простого неученаго хохла этотъ вычурный языкъ такъ же мало понятенъ, какъ и для великоросса. Между тѣмъ Ш. писалъ на томъ живомъ языкѣ, на какомъ говоритъ и поетъ самъ народъ въ Украинѣ; народъ же украинскій говоритъ вовсе не на томъ тарабарскомъ малороссійскомъ нарѣчіи, на какомъ пишутъ его бары; великоруссъ безъ малѣйшаго труда понимаетъ рѣчь хохла слово въ слово, за исключеніемъ развѣ что нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, которыя вы можете встрѣтить въ любой деревнѣ въ Великороссіи и въ Малороссіи. Такимъ образомъ, поэзія Ш. является общимъ достояніемъ всего русскаго народа; произведенія его нѣтъ надобности переводить на нашъ литературный языкъ: ими могутъ въ равной степени наслаждаться и малороссы, и великороссы, и образованные, и неграмотные люди“ (478—9).

Соглашаясь въ общемъ съ приведенною оцѣнкою поэзіи Ш., мы не можемъ не указать на нѣкоторыя странности во второй половинѣ приведенной нами цитаты. Называя Шевченка гигантомъ южно-русской поэзіи, г. Скабичевскій въ то же время какъ-бы отрицаетъ самое существованіе этой поэзіи—съ одной стороны отрицательнымъ путемъ, не упомянувъ въ своей книгѣ, какъ мы уже сказали, ни объ одномъ южно-русскомъ писателѣ, писавшемъ на малороссійскомъ языкѣ, съ другой—положительнымъ, иронизируя надъ барами, пишущими на тарабарскомъ нарѣчіи. Конечно, въ книгѣ, посвященной общерусской литературѣ, можно было совсѣмъ не упоминать о литературѣ малорусской; но разъ г. Скабичевскій нашелъ нужнымъ заговорить о гигантѣ южно-русской поэзіи, необходимо было коснуться и менѣе значительныхъ ея представителей (какъ сдѣлалъ это онъ относительно писателей общерусскихъ). Если же г. Скабичевскій дѣйствительно не признаетъ существованія южно-русской ли-

Библиотека "Руниверс"

тературы, то какое значеніе можетъ имѣть приведенный эпитетъ относительно Шевченка? Не менѣе страннымъ представляется намъ мнѣніе, что языкъ Шевченка можетъ быть вполнѣ понятенъ великоруссу. Лучшимъ опроверженіемъ этого можетъ служить примѣръ самого г. Скабичевскаго, который въ своихъ, очень немногочисленныхъ цитатахъ изъ Шевченка сдѣлалъ двѣ довольно важныя ошибки: «Данта старего» (полонизмъ) и «Якъ-*бо* (вм. якъ-*бы*) то ты, Богдане» (стр. 480), а въ перечисленіи сочиненій Костомарова помѣстилъ драму Савва *Шалый* вм. хорошо извѣстнаго намъ южноруссамъ *Савы Чалого* (стр. 367 и, вторично, въ указателѣ, стр XI).

В. Щербина.

Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Волынская губернія. Спб. 1888. Изданіе Императорской археологической коммиссіи.

Настоящій литографированный выпускъ «Сборника» представляетъ собою сводъ свѣдѣній, доставленныхъ волостными правленіями волынской губ. центральному статистическому комитету, въ отвѣтъ на вопросы, списокъ которыхъ составленъ проф. Д. Я. Самоквасовымъ, сдѣлавшимъ и самый сводъ. Цѣль разбираемаго труда выясняется въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: «Такой сборникъ облегчилъ бы дальнѣйшее изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей лицамъ, приступающимъ къ ихъ изученію, и сохранилъ бы для исторіи память о городищахъ и курганахъ, существующихъ нынѣ, но долженствующихъ скоро исчезнуть подъ плугами пахарей и вслѣдствіе раскопокъ при проведеніи дорогъ, при возведеніи построекъ, кладоискателями, добывающими глину, камни и пр.». «Съ другой стороны сказанный сборникъ могъ бы послужить основнымъ матеріаломъ для географической карты городищъ и кургановъ, сохранившихся въ предѣлахъ Россіи».

Просматривая «Сборникъ», мы убѣдились, что онъ заключаетъ достаточное количество матеріала, весьма полезнаго для руководства археологамъ-практикамъ при выборѣ ими пунктовъ для раскопокъ. Въ немъ зарегистровано 158 городищъ и болѣе 5760 кургановъ, съ указаніемъ ихъ мѣстоположенія, формы, съ описаніемъ поверхности, съ обозначеніемъ размѣровъ и, наконецъ, съ сообщеніемъ преданій о курганѣ и городищѣ, если таковыя имѣются. Хотя на такія преданія археологу можно полагаться далеко не всегда, но и пренебрегать ими вовсе тоже нельзя. Къ слову сказать, не лишнее будетъ

Библиотека "Руниверс"

заглянуть въ «Сборникъ» и этнографамъ. Они найдутъ въ немъ и интересныя названія кургановъ, какъ напр. Велетнева могила, курганъ Бонякъ и проч., и любопытныя преданія. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ курганѣ близъ м. Берестечка погребены 500 дѣвицъ, взятыхъ въ плѣнъ татарами и лишившихъ себя жизни. Въ курганѣ при с. Мервѣ, въ урочищѣ Маруха погребена княгиня проньская Маруха. На большомъ курганѣ, называемомъ «церковищемъ», близъ с. Топорищъ и урочища «Теремцы» стояла нѣкогда церковь, которая будто бы вошла въ землю. Около деревни Городца есть двѣ земляныя насыпи, называемыя «городками»; по преданію, на одномъ изъ нихъ стоялъ городъ, который былъ разрушенъ въ княженіе св. Ольги. Два городища бл. м. Искорости, въ одномъ изъ которыхъ, по преданію, стоялъ древній городъ Коростень, а на мѣстѣ другаго, называемаго «замчищемъ», стоялъ замокъ князя Малка. Любопытно до нѣкоторой степени указаніе объ уніатѣ Трыпольскомъ, фундаторѣ церкви въ с. Милостивѣ, 200 лѣтъ нетлѣнно почивающемъ въ подземельѣ безъ помощи бальзамированія.

Что же касается того, чтобы разсматриваемый «Сборникъ» послужилъ основнымъ матеріаломъ при составленіи карты городищъ и кургановъ, то мы полагаемъ, что онъ можетъ служить полезнымъ пособіемъ въ этомъ настоятельной важности дѣлѣ, хотя составитель карты, конечно, вынужденъ будетъ подвергнуть тщательной провѣркѣ свѣдѣнія, доставленныя волостными правленіями.

Во всякомъ случаѣ, очень желательно, чтобы свѣдѣнія, собранныя статистическимъ комитетомъ по другимъ губерніямъ, дождались поскорѣе сводовъ, подобныхъ настоящему, и чтобы «Сборникъ» получилъ больше распространенія.

В. Я.

Лисовскій А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава. 1890.

Эта небольшая брошюра состоитъ: во первыхъ, изъ теоретическихъ соображеній объ условіяхъ происхожденія думъ, ихъ основномъ характерѣ, различіи съ пѣснями и пр., во 2-хъ, изъ опыта классификаціи ихъ и разбора. Брошюра эта любопытна, какъ выраженіе провинціальной мысли, вмѣсто зеленаго стола обратившейся къ вопросу изъ области теоріи и исторіи словесности; она обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ анализу и логическую стройность мысли. Ничего новаго въ этой книжкѣ нѣтъ, и напр. общій теоретическій во-

Библиотека "Руниверс"

просъ о различіи между думою и пѣснею и объ условіяхъ образованія и развитія первой обставленъ совершенно ненужными и излишними подробностями и развитъ съ расплывчатостью, иной разъ переходящею въ досадное многословіе и болтливость, которыя, впрочемъ, легко объясняются самимъ свойствомъ разсматриваемаго предмета, дѣйствительно увлекательнаго до-нельзя. Какъ на образецъ такого излишняго многословія о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ и вошедшихъ даже въ учебники теоріи словесности, можно указать на 2-ю главу, по преимуществу разсматривающую отличія думы отъ пѣсни. Кромѣ того, въ шестой (послѣдней) главѣ опять таки много повтореній сказаннаго уже выше.

Вторая половина книжки, занятая довольно подробнымъ анализомъ думъ, болѣе полезна, такъ какъ вводитъ читателя, такъ сказать, въ самый процессъ образованія, развитія и роста думы; жаль, что въ ней рядомъ съ нѣсколько излишними, отчасти схоластическаго свойства, подробностями, относящимися къ вопросу о той или иной классификаціи думъ, отсутствуетъ разборъ думъ со стороны языка, его образности и художественности: то, что приведено въ книжкѣ изъ этой области, очень кратко... А между тѣмъ это—далеко не послѣднее дѣло, особенно при разсмотрѣніи такихъ роскошныхъ думъ, какова, напр., дума о Самойлѣ Кошкѣ. Что касается внѣшней стороны изложенія, то должно признать, что оно отличается и стройностью, и довольно хорошимъ, живымъ языкомъ, иногда, впрочемъ, впадающимъ въ излишнюю цвѣтистость. Иной разъ встрѣчаются неправильныя слова и выраженія (напр. исподволь—21 стр., судорга—17 стр.), но они почти не нарушаютъ общаго впечатлѣнія извѣстной правильности и живости языка въ книжкѣ.

А. Степовичъ.

А. И. Маркевичъ. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки. 784 стр.+ XC. Одесса 1890 Ц. 1 р. 50 к.

Этотъ обширный и довольно обстоятельный трудъ особенно любопытенъ въ первой своей части (1—148 стр.), гдѣ разсказана поучительная исторія трехлѣтнихъ мытарствъ вопроса о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ и сообщено много выписокъ изъ безконечной переписки по сему предмету (съ 10 іюня 1862, когда это преобразованіе было окончательно рѣшено въ своихъ основаніяхъ,

Библиотека "Руниверс"

до 1 мая 1865, когда, наконецъ, произошло давно ожиданное событіе). Для исторіи русскаго просвѣщенія «записка» г. Маркевича представитъ вообще довольно много данныхъ; нѣкоторыя же несовершенства ея достаточно объясняются краткостью времени, послужившаго къ ея составленію. Во всякомъ случаѣ обращаемъ вниманіе любителей отечественнаго просвѣщенія на эту книгу, освѣщающую и разъясняющую тѣ довольно обычныя условія, при которыхъ у насъ въ большинствѣ происходитъ открытіе учебныхъ заведеній, не только высшихъ и среднихъ, но даже и низшихъ (срв., напр. нашу замѣтку, посвященную книжкѣ г. Полницкаго, въ «Кіевской Старинѣ» 1891 г. книга 2). Книга, кстати, стоитъ весьма недорого, какъ и подобаетъ, впрочемъ, такого рода изданіямъ. Она снабжена академическими списками, составляющими необходимое дополненіе къ исторіи каѳедръ и разныхъ учебновспомогательныхъ учрежденій, занимающей срединную и, конечно, самую цѣнную часть книги.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы гг. составители книгъ, подобныхъ разсматриваемой, больше и глубже останавливались на внутренней жизни учащихся, этого важнѣйшаго элемента всякаго учебнаго заведенія, элемента, для котораго собственно и существуютъ всѣ учебныя заведенія съ ихъ многочисленнымъ и дорого стоющимъ составомъ преподавателей, служащихъ и пр. А то обыкновенно бываетъ такъ, что намъ преподносятъ, какъ и въ данномъ случаѣ, въ очень обширномъ изложеніи внѣшнюю исторію учебнаго заведенія, изъ которой не вынесешь никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ жилось учащимся въ разныя времена существованія заведенія, какія господствующія настроенія замѣчались въ молодежи, что ее волновало, какая судьба постигла болѣе выдающихся ея представителей и т. д. и т. д. Правда, такую исторію заведеній писать труднѣе, чѣмъ внѣшнюю, уже по одной крайней трудности собиранія матеріала, но тѣмъ болѣе была бы заслуга составителей, еслибы они, сколь возможно внимательнѣе, останавливались на указанной нами внутренней жизни заведеній и слѣдили за строемъ, складомъ міровоззрѣнія учащихся, ходомъ ихъ умственнаго развитія, какъ извѣстно совершавшагося въ прежнее время главнымъ образомъ въ разнаго рода кружкахъ, матеріальной стороною ихъ жизни и пр. и пр.

А. С—чъ.

Библиотека "Руниверс"

«Епархіальныя Вѣдомости» южно русскихъ губерній въ 1890 г. (Волынскія, Воронежскія, Донскія, Кишиневскія, Курскія, Минскія, Подольскія, Полтавскія, Таврическія, Херсонскія и Черниговскія).

«Епархіальныя Вѣдомости», будучи оффиціальнымъ органомъ мѣстнаго духовенства, помѣщаютъ нерѣдко на своихъ столбцахъ матеріалы и изслѣдованія не узко-сословнаго, а общаго интереса. Среди рѣчей, поученій, описаній юбилейныхъ торжествъ, посѣщеній архипастырей, въ «Епарх. Вѣд.» можно встрѣтить и статистико-географическія описанія поселеній, и археологическія замѣтки, и замѣтки этнографическія, и изслѣдованія по исторіи края. Но только статьи обще-научнаго интереса составляютъ не обязательную черту епарх. изданій, а скорѣе случайности, зависящія отъ многихъ условій: и воззрѣній епархіальной власти, и направленія и энергіи редакціи, и присутствія въ составѣ духовенства отдѣльныхъ лицъ съ литературно-научными стремленіями и т. д. Отсюда—нѣкоторыя «Епархіальныя Вѣдомости» въ теченіи истекшаго года не напечатали ни одной статьи общаго, а не узко-сословнаго интереса (Черниговскія и отчасти Херсонскія Вѣд.), другія одну только половину года имѣли этого типа статьи (Таврическія Вѣд.), въ третьихъ статьи съ обще-научнымъ содержаніемъ принадлежатъ исключительно одному-двумъ лицамъ (Бессарабскія и Таврическія), тогда какъ напротивъ встрѣчаются и такія изданія епархіальныя, которыя за разсматриваемое время помѣстили на своихъ столбцахъ сравнительно много серьезнаго и интереснаго матеріала. Въ этомъ отношеніи выдѣляются «Епархіальныя Вѣдомости» Волынскія, Воронежскія, Курскія, и особенно Подольскія. Объясненіе обилія матеріаловъ на страницахъ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» чрезвычайно интересно. Извѣстно, что въ подольской епархіи болѣе 25 лѣтъ функціонируетъ «Епархіальный историко-статистическій комитетъ», едва ли не единственное въ южной Россіи ученое общество этого типа, или, по крайней мѣрѣ, единственное по своей замѣтной научной дѣятельности. Кромѣ изданія нѣсколькихъ томовъ своихъ трудовъ, подольскій епархіальный статистическій комитетъ за періодъ своего существованія напечаталъ не мало матеріаловъ и статей на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Благодаря тому же ученому обществу, наплывъ статей, какъ и въ другіе годы, и въ истекшемъ году въ Епарх. Вѣд. былъ сравнительно значителенъ, такъ что Подольскія Вѣд. выходятъ не два раза въ мѣсяцъ, какъ другія епархіальныя изданія, а еженедѣльно. Хотя въ юго-зап. губер-

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ духовенство, можетъ быть, сравнительно богаче образованными представителями чѣмъ, въ другихъ губерніяхъ, но во всякомъ случаѣ, въ любой епархіи, въ кругу представителей учебнаго міра, и частію городскихъ священниковъ, духовенство имѣетъ настолько постоянный и достаточный контингентъ интеллигентныхъ представителей не только съ среднимъ, но и съ высшимъ академическимъ образованіемъ, что могло бы сгруппировать епархіальный историко-статистическій комитетъ для изученія и разработки мѣстныхъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, которыми богаты всѣ мѣстности юга Россіи. Всему помѣха, кажется, инертность нашего духовенства.

Благодаря отмѣченной выше особенности «Епарх. Вѣд.», именно, что содержаніе ихъ обусловливается въ большинствѣ случаевъ чисто случайными обстоятельствами, какъ присутствіе среди духовенства въ данный моментъ двухъ-трехъ лицъ съ иниціативой и литературно-научными стремленіями, трудно опредѣлить, такъ сказать, *обще-годовое* направленіе южно-русскихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ 1890 г. Единственный сюжетъ, который такъ или иначе затрогивался почти всѣми епархіальными изданіями—это расколъ на югѣ Россіи, и главнымъ образомъ штундизмъ: кромѣ рѣчей, замѣтокъ о собесѣдованіяхъ съ религіозными отщепенцами, о фактахъ возврата къ православію и обратно,—этому вопросу въ «Епарх. Вѣд.» посвящены спеціальныя статьи. Расколъ среди южнорусскаго населенія, составляющій заботу дня для духовенства,—явленіе весьма характерное. Какихъ-нибудь 200 лѣтъ назадъ среди южнорусскаго населенія не только не существовало вопроса о сектантствѣ въ православіи, но южнорусскій народъ на свой страхъ велъ самостоятельно борьбу въ видѣ козачества и братствъ со всякими попытками къ отпаденію отъ православія, къ чему имѣлъ тенденціи не только высшій правящій классъ, но и духовенство. Теперь же роли измѣнились; южнорусское населеніе въ самомъ православіи создало секты: штунду, шалопутство и пр., чрезвычайно склонно къ отпаденію отъ православія, а на защиту послѣдняго, на борьбу съ сектантствомъ выступаютъ высшіе классы и духовенство. Очевидно, произошло серьезное видоизмѣненіе въ воззрѣніяхъ южно-русскаго населенія. Къ сожалѣнію, органы мѣстнаго духовенства—«Епархіальныя Вѣдомости» не ставятъ вопроса прямо о причинахъ замѣчаемой въ послѣднее время склонности южноруссовъ къ религіозному отщепенству, а трактуютъ о вліяніи постороннихъ элементовъ на развитіе вѣроотступничества, совершенно игнорируя, что

Библиотека "Руниверс"

въ XVI—XVII вѣкахъ южноруссы видѣли и имѣли соблазновъ къ вѣроотступничеству гораздо болѣе, чѣмъ въ наше время, и однако тогда южно-русская масса выступала борцомъ за православіе.

Изъ работъ, посвященныхъ расколу и сектантству, въ 1890 г. въ «Епарх. Вѣд.» помѣщены были слѣдующія: М. Бѣлова «Расколъ въ воронежской епархіи» при епископѣ Тихонѣ I («Ворон. Еп. Вѣд. №№ 3, 46—7), П. Оболенскаго, «Вѣроисповѣданіе русскихъ сектантовъ раціоналистовъ (духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ) (ib. №№ 1, 5, 6, 9, 10 и 12); свящ. П. Петрова «Къ вопросу о борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ» – записки сельскаго пастыря» (ib. № 9); «Штундисты балтскаго уѣзда» (Под. Еп. Вѣд. № 13—14); Авксентія Стадницкаго, «Состояніе раскола и сектантства въ Бессарабіи за 1889 г.» (Кишиневск. Еп. Вѣд. № 14—16) и др.

Изъ данныхъ «Епарх. Вѣд.» за 1890 г. очевидно, что ростъ среди южно-русскаго населенія сектантства, и главнымъ образомъ раціоналистическихъ формъ его, отмѣченъ на всѣхъ пунктахъ южно-русской территоріи и по всей странѣ духовенствомъ объявлена ему борьба. Понятно, что и вызванныя этой борьбой статьи о сектантахъ посвящены по преимуществу двумъ темамъ: догматикѣ и обрядностямъ сектъ съ констатированіемъ слабыхъ пунктовъ сектантства (какъ раздоры, дробленія, внутреннія несогласія вожаковъ) и выясненію средствъ борьбы съ сектантствомъ. Между прочимъ въ «Замѣткахъ сельскаго пастыря» (Воронежск. Еп. Вѣд.» № 9) авторъ трактуетъ о непродуктивности борьбы съ расколомъ путемъ посылки миссіонеровъ и о «преимуществахъ постояннаго воздѣйствія на раскольниковъ мѣстнаго духовенства», которое въ видахъ успѣшности борьбы должно быть снабжено старопечатными и полемическими противъ раскола книгами. Гораздо интереснѣе ставятъ вопросъ о средствахъ борьбы съ сектантствомъ «Полт. Епарх. Вѣд.» —путемъ возрожденія среди южно-русскаго населенія церковныхъ братствъ, особенно живо функціонировавшихъ въ южной Россіи въ XVI—XVII вѣкахъ. Братствамъ въ «Полт. Еп. Вѣд.» посвящены двѣ статьи: Дмитревскаго «Русскія православныя братства» (№ 8), и Нарицова «Православныя церковныя братства въ Россіи» (№ 11). Хотя эти работы и ничего не даютъ новаго о братствахъ, что бы уже не трактовалось въ печати, но онѣ оживляютъ и популяризуютъ данныя изъ исторіи южно-русскихъ братствъ, какъ средства борьбы съ вѣроотступничествомъ на почвѣ народной. Остальныя статьи «Епархіальныхъ Вѣдомостей» можно разбить на слѣдующіе отдѣлы: а) біографіи южно-русскихъ историче-

Библиотека "Руниверс"

скихъ дѣятелей изъ среды духовенства, б) описаніе поселеній, мѣстъ и церквей, в) изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ исторической и современной жизни южноруссовъ и г) мелкія замѣтки.

Къ первому отдѣлу относятся слѣдующія статьи: «Святой Макарій, митрополитъ кіевскій» Перепечина («Минск. Епарх. Вѣд.» № 6); «Святый преподобный мученикъ Макарій, архимандритъ овручскій» («Полт. Вѣд». № 7), «Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій» (ib., № 2, 3, 4), «Іоанникій Голятовскій, богословскій полемистъ XVII ст.» («Волынск. Вѣд.» № 25 и 26), «Лаврентій Зизаній Тустановскій и его сочиненіе большой катехизисъ», Ѳ. Ильинскаго (ib. № 3—5, 15—18), «Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій» («Подольск. Еп. Вѣд.» № 34), «Амфилохій, епископъ хотинскій», Авксентія Стадницкаго («Кишиневск. Еп. Вѣд.» № 21) и того же автора—о дѣятельности митрополита Гавріила по управленію молдаво-валахскимъ экзархатомъ (1808—1812) (ib. № 10 и 12).

Большинство біографій носитъ характеръ сжатыхъ набросковъ, болѣе же обстоятельно разработаны историческія данныя объ Іоасафѣ Кроковскомъ, этомъ послѣднемъ избранномъ, а не назначенномъ митрополитѣ кіевскомъ, видномъ дѣятелѣ кіево-могилянской коллегіи въ качествѣ сначала «профессора, а потомъ и ректора ея, при которомъ построена была теперешняя Богоявленская церковь Братскаго монастыря и зданіе, извѣстное теперь подъ названіемъ стараго академическаго корпуса. При Кроковскомъ же, какъ архимандритѣ Кіево-Печерской лавры устроена была на средства Мазепы теперешняя печерская ограда съ башнями по угламъ. Но особенный интересъ очерку о Кроковскомъ придаютъ живо сгруппированныя авторомъ данныя изъ бытовой жизни XVII—XVIII вѣковъ, объ обычаѣ, существовавшемъ еще въ полной силѣ въ началѣ XVIII ст.—выборѣ себѣ священниковъ и причта изъ числа вольныхъ претендентовъ разныхъ классовъ и образованія (поповичей, дьячковъ, крестьянъ, мѣщанъ, козаковъ) и о заключеніи контрактовъ съ ними, такъ какъ въ это время южнорусское духовенство не было еще замкнутымъ сословіемъ, въ средѣ котораго частое явленіе составляли такъ называемые «дикіе попы»—священники безъ прихода, которые покупали себѣ санъ въ Молдавіи или Турціи «на вакансъ или про запасъ», бѣжавшіе изъ Польши, «иные съ избитымъ тѣломъ, со скудными клочками волосъ на головѣ и далеко неполною бородою».

Не меньшій интересъ представляетъ статья «Волынск. Епарх. Вѣд.» о Лаврентіи Зизаніѣ, напечатанная въ семи №№ и составлен-

Библиотека "Руниверс"

ная на основаніи Актовъ зап. и юго-зап. Россіи, археограф. экспедиціи и многихъ другихъ сырыхъ матеріаловъ.

Во второй отдѣлъ, кромѣ замѣтокъ *объ отдѣльныхъ поселеніяхъ* (свѣдѣнія о мѣстечкѣ Бѣликахъ и его предмѣстѣ Бояркѣ кобелякскаго у., полт. губ., свящ. Романовскаго («Полт. Еп. Вѣд.» № 5), село Крапивницы винниц. у., («Под. Еп. Вѣд.» № 44) и село Клебань брацлавскаго у. *С. Л.* («Подольск. Еп. Вѣд.» № 52); о *мѣстностяхъ*: «Замѣтки о залучскихъ пещерахъ» Н. Л. («Под. Еп. Вѣд.» № 38), «Холковскія пещеры» свящ. Тимофѣева («Курск. Еп. Вѣд.» № 48), и *церквахъ* «Свѣдѣнія о бахчисарайской Успенской церкви, устроенной въ каменной скалѣ («Тавр. Еп. Вѣд.» № 2 и 5), «Панагія или Успенскій скитъ» (ib. № 6),—входятъ статьи съ систематическимъ изложеніемъ данныхъ о поселеніяхъ и церквахъ цѣлыхъ епархій, какъ-то: село Кань-Колодезь (историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ, Н. Никитина) («Ворон. Еп. Вѣд.» № 1, 2, 5, 8); «Историческія замѣтки о гор. Суджѣ и его уѣздѣ» («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 5, 7, 34); «Древнія православныя церкви въ Подоліи» («Под. Еп. Вѣд.» №№ 11, 17, 37—40 и 42). «Краткое описаніе станицъ области войска донскаго» («Донск. Еп. Вѣд.» №№ 4, 5—9, 16—20) и «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи («Волынск. Еп. Вѣд.» №№ 3—9, 11—36 .

Почти всѣ статьи этой категоріи, какъ говорятъ уже заглавія, не только интересны, но и важны въ смыслѣ обнародованія и систематизаціи матеріаловъ для историко-географическаго изученія южной Россіи, особенно статьи Воронежскихъ, Курскихъ и Донскихъ Вѣдомостей; но положительный вкладъ въ науку составляетъ обширная работа Волынск. Епарх. Вѣд. О капитальности послѣдней работы можно заключить уже изъ того, что хотя «Историко статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи» напечатано почти во всѣхъ 36 годовыхъ номерахъ, но это только сравнительно небольшая часть труда: въ 1890 г. описано только 264 поселенія, тогда какъ въ предшествовавшіе годы было описано уже 779 поселеній, и работа еще далеко не закончена.

Правда, что большинству поселеній въ «Волынск. Вѣд.» даются сжатыя описанія, интересныя указаніемъ годовъ постройки церквей и годовъ, съ которыхъ при церквахъ имѣются метрическія книги, эти единственные источники для исторической статистики, но эти описанія сопровождаются важными подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ приводятся историческія справки изъ подлинныхъ докумен-

Библиотека "Руниверс"

товъ и матеріаловъ, почему самыя примѣчанія занимаютъ обыкновенно больше мѣста, чѣмъ текстъ описаній. Но кромѣ того чрезвычайно большой фактическій матеріалъ подобранъ въ волынскихъ описаніяхъ по нѣкоторымъ поселеніямъ, игравшимъ сколько-нибудь важную роль въ исторической судьбѣ края, напримѣръ историческое описаніе г. Кременца занимаетъ восемь номеровъ Вѣдомостей; не менѣе обширно составлено описаніе с. Бѣлокриницы, м. Малый Вишневецъ, при которыхъ въ текстѣ приведены подробныя родословныя владѣльцевъ этихъ поселеній, князей Зборовскихъ и Вишневецкихъ.

По своему содержанію къ группѣ указанныхъ статей должны быть отнесены слѣдующія еще работы: «Матеріалы для исторіи курской епархіи» («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 13—15, 17, 20—26, 28, 29, 32—33, 37 и 39), «Матеріалы по исторіи подольской епархіи», св. Якубовича (№ 41), Матеріалы для исторіи кишиневской семинаріи», А. С. (Киш. Еп. Вѣд. № 19) и «Историческія записки объ открытіи елисаветградскаго духовнаго училища» («Херсонск. Вѣд.» № 10, 11, 19—24), «Матеріалы для исторіи воронежской епархіи» (1800—1810) («Ворон. Вѣд.» № 6, 7—9). Но по интересу эти статьи не сравнимы съ первыми: это въ большинствѣ односторонній въ смыслѣ узкосословномъ, подборъ матеріаловъ административно-церковнаго характера, хотя матеріалъ нерѣдко представляется въ большихъ подробностяхъ,—напр. статья «Курск. Вѣд.» въ 17-ти №№ заключаетъ въ себѣ часть матеріала относительно Рыльскаго монастыря, куда входятъ данныя по такимъ рубрикамъ: игумены монастыря, архимандриты, настоятели и благотворительность монастыря, примѣчательныя событія, архивъ и хозяйственные документы, библіотека, утварь и зданія.

Вторая категорія статей «Епархіальныхъ Вѣдом.» является очевидно въ большинствѣ случаевъ извлеченіями изъ церковныхъ лѣтописей, которыя съ нѣкотораго времени ведутся при каждой церкви и потому представляютъ сырой матеріалъ.

Совершенно иного характера статьи, отнесенныя нами къ третьей категоріи—въ рубрику изслѣдованій,—это:

а) Статья *Н. Сенаторскаго* о епархіи въ Бѣлгородѣ («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 22, 23, 26, 44, 45—50); б) свящ. И. Л. «Историческія свѣдѣнія о Каменцѣ Подольскомъ и его православныхъ церквахъ въ связи съ гражданскою и церковною жизнью Подоліи» («Подольск. Еп. Вѣд.» №№ 9 и 10); в) *Щеглова* «О монастырскихъ имѣніяхъ въ Бессарабіи, принадлежащихъ заграничнымъ восточнымъ монастырямъ Кишин. Вѣд. №№ 5, 6, 7).

Библиотека "Руниверс"

Важность этихъ работъ та, что онѣ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, представляютъ самостоятельную разработку вопросовъ или по сырымъ матеріаламъ, или хотя по источникамъ второй руки, но съ особеннымъ освѣщеніемъ вопросовъ.

Болѣе другихъ интересна статья Сенаторскго о епархіи въ Бѣлгородѣ, какъ уже видно изъ заглавія отдѣльныхъ частей, на которыя она разбита: 1) обстоятельства, вліявшія на открытіе епархіи въ Бѣлгородѣ; 2) открытіе епархіи въ Бѣлгородѣ; 3) предѣлы бѣлгородско-курской епархіи и 4) перенесеніе архіерейской каѳедры изъ Бѣлгорода въ губ. городъ Курскъ. Кромѣ послѣдней, четвертой, части, которая представляетъ интересъ по исторіи церкви или точнѣе по исторіи церковной администраціи, три первыя части интересны для исторіи колонизаціи края, тѣмъ болѣе, что онѣ скомпанованы на основаніи довольно многочисленныхъ источниковъ, и нерѣдко провинціальныхъ изданій, какъ напр. «Матеріалы для историко-стат. описанія екат. епархіи» («Екат. Еп. Вѣдом.» 1876 г.); «Матеріалы для исторіи курской епархіи и пр., а чаще на основаніи сырыхъ матеріаловъ—«Собранія госуд. грамотъ и договоровъ», «Полн. собр. законовъ», «Указовъ Св. Синода» и т. д.

Живой интересъ представляетъ и статья «Киш. Вѣд.», въ которой, главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній «Сборника бессарабскаго земства» за 1875 г. № 23, обстоятельно и на исторической почвѣ представлена связь молдаво-валахскихъ монастырей съ монастырями греческими восточными, эксплуатація греческимъ духовенствомъ, временно поддерживаемымъ князьями фанаріотами, управлявшими періодически молдаво-валахскимъ княжествомъ въ XVII в.; борьба противъ наплыва греческаго духовенства и его господства въ XVII в.; усиленіе греческаго вліянія въ XVIII ст. и полное владѣніе грековъ монастырскимъ имуществомъ, и наконецъ удаленіе греческаго духовенства въ первой четверти XIX ст.

Къ типу изслѣдованій могутъ быть еще отнесены слѣдующія статьи:

Ив. Шиповича «Рожецкій или Микулинскій монастырь» (Под. Еп. Вѣд. № 26- 28), свящ. Алекс. Некропоса «Скиѳскіе памятники въ таврич. степяхъ» («Таврич. Еп. Вѣд.» №№ 11—12).

Послѣдняя статья напечатана въ «Еп. Вѣд.» по случаю открытія памятника импер. Екатеринѣ II, и состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагаются, главнымъ образомъ по Геродоту, свѣдѣнія о скиѳахъ, во второй, наиболѣе интересной, помѣщается подробное и

Библиотека "Руниверс"

обстоятельное описаніе двухъ могилъ, ихъ раскопокъ и найденныхъ въ нихъ археологическихъ предметовъ—это «могила Агусь и Чертомликовая большая могила».

Аналогичнаго археолого-этнографическаго характера и статья Шиповича о Микулинскомъ монастырѣ. Составлена она на основаніи достаточнаго количества серьезныхъ русскихъ и польскихъ источниковъ; эта работа интересна не полнотою матеріала о монастырѣ, а тѣми географическими и историко-этнографическими данными, какія она даетъ объ окружающихъ поселеніяхъ.

Въ обитателяхъ с. Микулинецъ авторъ даетъ прекрасный примѣръ, достаточно полно обрисовывающій южно-русскія поселенія XVI—XVII в.в., когда только болота, лѣса, камыши и острова спасали населеніе, отъ смерти и плѣна. Интересно, что Микулинское поселеніе, исключительно по причинѣ своего положенія среди болотъ и лѣса, въ смутный періодъ южнорусской исторіи никогда не было уничтожаемо, какъ это не разъ случалось съ сосѣдними, менѣе благопріятно обставленными поселеніями.

Не менѣе интереса представляетъ для историко-этнографа и небольшая замѣтка «Подольск. Епарх. Вѣд.» о празднованіи въ Каменецъ-Подольскѣ «отпуста 29 іюня». «Замѣчательно,—говоритъ авторъ замѣтки,—что на этотъ отпустъ, именуемый «Иванець», собирается весьма много молдаванъ, какъ нигдѣ въ Подоліи, такъ что въ массѣ народа, бывающаго въ тотъ день въ церкви и на базарѣ, преобладаютъ молдаване, и это придаетъ отпусту немаловажное историко-этнографическое значеніе. «Отпустъ» при Предтеченской церкви начался не въ прошломъ столѣтіи, когда въ Каменцѣ господствовала унія (1699 г.), а раньше. Съ увѣренностью можно сказать, что этотъ церковно-народный обычай создался раньше XVIII в., при болѣе близкомъ свободномъ взаимодѣйствіи правой и лѣвой стороны Днѣпра, когда еще все коренное населеніе Подоліи—малороссы, были православными» (893 стр.).

Можно еще указать на слѣдующія статьи Епарх. Вѣд., общеинтересность которыхъ видна изъ самыхъ заглавій: «Къ вопросу о почитаніи дней воскресныхъ и праздничныхъ въ Бессарабіи», историческій очеркъ, свящ. Сазонта Лабатинскаго («Кишиневск. Еп. Вѣд.» № 22), «Ставленныя грамоты уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ въ Брацлавщинѣ» («Под. Еп. Вѣд.» № 32), Ст. Длисскаго, «Предѣлы подольск. епархіи въ 1773 г.» (Ib. № 31); «Новыя свѣдѣнія по исторіи Подоліи и новыя данныя о судьбѣ великой княгини литовской

Библиотека "Руниверс"

Елены (Ib. № 2)—это собственно библіографическая замѣтка съ извлеченіемъ содержанія, имѣющаго отношеніе, къ исторіи нынѣшней подольской губ., изъ вышедшихъ въ 1888 г. во Львовѣ «Monumenta Poloniae historica. T. V.»

Наконецъ, въ «Подольск. Епарх. Вѣд.» помѣщено не безъинтересное описаніе: «Освященіе памятника надъ костями человѣческими, вынесенными изъ пещеръ залучскихъ» («Под. Еп. Вѣд.» № 78). Извѣстно, что «залучскія пещеры» были обслѣдованы проф. Антоновичемъ и матеріалы по нимъ вошли въ рефератъ его, читанный въ Одессѣ на археологическомъ съѣздѣ «О скальныхъ пещерахъ по берегу Днѣстра въ подольск. губ.» Въ этихъ пещерахъ оказалась масса костей человѣческихъ, и хотя наука не опредѣлила, какому населенію принадлежатъ эти кости, но епархіальное начальство распорядилось предать ихъ христіанскому погребенію, что и было совершено съ большою торжественностью, съ участіемъ епископа.

Иродіонъ Житецкій.

Ал. С. Фаминцынъ: Гусли, русскій народный инструментъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Историческій очеркъ. Спб. 1890 г. ц. 2 р.

Эти книги величайшаго интереса. Въ продажу поступило всего 225 экз. ея, но, намъ кажется, этого количества будетъ недостаточно въ виду несомнѣннаго спроса, который непремѣнно возникнетъ, какъ только читающее общество ближе ознакомится съ содержаніемъ этого прекраснаго очерка. Настоящая наша замѣтка, не имѣющая притязанія на значеніе критической оцѣнки, именно и имѣетъ цѣлью привлечь вниманіе нашихъ читателей къ названной книгѣ. Въ ней собраны положительно всѣ имѣющіяся въ наличности историческія и чрезвычайно многочисленныя этнографическія указанія, какія только можно было добыть изъ печатныхъ и устныхъ источниковъ, особенно народныхъ пѣсенъ разныхъ славянскихъ племенъ (великоруссовъ и малоруссовъ, сербовъ и хорватовъ, чехо-моравянъ и словаковъ и пр.) о занимавшемъ автора музыкальномъ орудіи: его употребленіи, устройствѣ и пр.; приведены снимки со всѣхъ изображеній этого орудія и сродныхъ ему (напр. такъ называем. псалтири), какія только можно было собрать изъ древнихъ рукописей, фресокъ и пр. Наконецъ, въ приложеніи помѣщены чрезвычайно любопытныя нотныя выборки

Библиотека "Руниверс"

изъ стариннаго сочиненія «Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей Ѳ. Кушенова-Дмитревскаго (1808 г.), гдѣ между разными плясками, аріями (напр. изъ тогдашней оперы «Русалка». «Приди о князь ты мой драгой!») находятся нѣсколько и духовныхъ пьесъ, напр. столь любимая въ сельскомъ духовенствѣ пѣснь: «О всепѣтая мати». Вообще по прочтеніи книги у читателя остается самое полное представленіе о гусляхъ, этомъ подлинно народномъ русскомъ музыкальномъ орудіи, уже почти изчезнувшемъ изъ современной жизни, но въ теченіе многихъ вѣковъ служившимъ превосходнымъ источникомъ духовныхъ наслажденій для нашихъ предковъ, утѣшителемъ въ ихъ скорбяхъ.

Сравнительный методъ, употребленный не однажды авторомъ, и при томъ съ успѣхомъ, прекрасно помогъ выясненію вопроса о сущности гуслей, ихъ первоначальномъ и послѣдующемъ устройствѣ, строѣ и пр.; чудскія и отчасти литовскія племена, издавна подвергавшіяся вліянію русской культуры, особенно привлечены были къ сравненію (чудь даже усвоила себѣ русско-славянское наименованіе «гѫсли», преобразивъ его, согласно звукословнымъ законамъ своего языка, въ *кантеле*, *каннель* и литовское *канклесъ*). Можно только пожалѣть, что составитель книги, повидимому, не особенно хлопоталъ о собраніи свѣдѣній касательно существованія описываемаго имъ орудія, т. е. гуслей, въ южной Руси и даже не знаетъ или не нашелъ никакихъ указаній о томъ, что и здѣсь доселѣ еще встрѣчаются кое гдѣ по глухимъ уголкамъ у стариковъ священниковъ старинныя гусли, которыя, конечно, уже умрутъ со смертію своихъ владѣльцевъ, но для изслѣдователя нашей народной жизни представляютъ и долго еще будутъ представлять величайшій интересъ. Винить, впрочемъ, г. Фаминцына довольно мудрено, такъ какъ, конечно, на мѣстныхъ дѣятеляхъ науки лежала и лежитъ обязанность озаботиться собираніемъ и описаніемъ всѣхъ данныхъ о современныхъ и прежнихъ гусляхъ въ южной Руси и пріобрѣтеніемъ для мѣстныхъ музеевъ уцѣлѣвшихъ доселѣ, вѣроятно, уже въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, мѣстныхъ южнорусскихъ экземпляровъ этого музыкальнаго орудія.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующій довольно вѣроятный, по нашему мнѣнію, выводъ, къ какому пришелъ изслѣдователь относительно происхожденія и устройства древне-славянскихъ и древне русскихъ гуслей, на которыхъ древне-русскій баянъ вкладывалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, а онѣ уже сами князьямъ славу рокотали: «первобытнѣйшая форма гуслей съ относительно малымъ чи-

Библиотека "Руниверс"

сломъ струнъ, вѣроятно, заимствована славянами изъ Византіи [1]). У славянъ заимствовали ее финны западные, отъ которыхъ, въ свою очередь, переняли ее литовцы и латыши. Наиболѣе первобытный видъ представляютъ, вѣроятно, пятиструнныя гусли. (Мы думаемъ, впрочемъ, что, судя по «Слову о Полку Игоревѣ, въ древней Руси уже были извѣстны и болѣе сложныя гусли, по крайней мѣрѣ, десятиструнныя: Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху).. Нынѣ гусли въ рукахъ русскаго народа представляютъ весьма рѣдкое, исключительное явленіе и, судя по гуслямъ Трофима Ананьева, находящимся теперь въ музейномъ собраніи петербургской консерваторіи, свой болѣе усовершенствованный видъ (напр., многострунность) могли заимствовать въ свою очередь отъ эстовъ.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 7—8.—Русская Мысль 7—8.—Сѣверный Вѣстникъ 7—8.—Русская Старина 7—8.—Русскій Архивъ 7—8.—Историческій Вѣстникъ 7—8.—Русскій Вѣстникъ 7—8. Русское Обозрѣніе 7—8.—Наблюдатель 7—8.

Вѣстникъ Европы VII. А. В—нъ. «Новѣйшая русская литература». — Подробный разборъ вышедшей недавно — «Исторіи новѣйшей русской литературы» Скабичевскаго, въ которой между прочимъ разбираются и произведенія Т. Г. Шевченко (стр. 344—345).

— **VIII.** Александры Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба (гл. I—VIII). Историческій очеркъ возникновенія и роста дворянства въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго и закрѣпощенія крестьянъ (стр. 515—569).

---

[1]) Въ примѣчаніи г. Фаминцынъ говоритъ, что между сокровищами, выкопанными Шлиманомъ изъ открытыхъ имъ развалинъ Трои, находится два предмета, принимаемые Шлиманомъ за обломки музыкальныхъ инструментовъ, называемыхъ имъ лирами... Еслибы объясненіе Шлимана оправдалось, то мы имѣли бы доказательство тому, что типъ орудій, подобный разсматриваемому нами типу гуслей — кантеле, канклесъ—извѣстенъ былъ уже въ древнія времена въ Малой Азіи, куда онъ проникъ, какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ г. Фаминцынымъ, изъ древней Ассиро-Вавилоніи вмѣстѣ съ разными другими предметами образованности, и изъ Малой Азіи уже перешелъ и въ Европу.

Библиотека "Руниверс"

Русская Мысль VII. Въ библіографическомъ отдѣлѣ — очень краткая рецензія на «Вольности запорожскихъ козаковъ» Эварницкаго (стр. 314).

— **VIII.** Вс. Миллера.—Экскурсы въ область русскаго эпоса (продолженіе). Черты сходства былины объ Ильѣ Муромцѣ съ былинами иранскаго эпоса (стр. 88—122).

Сѣверный Вѣстникъ VIII. Н. Астыревъ. Одинъ изъ вопросовъ дня (начало). Данныя къ выясненію вопроса о поземельныхъ и сервитутныхъ отношеніяхъ между частными владѣльцами и крестьянами въ юго-западномъ краѣ (стр. 225—248).

Русская Старина VII. Н. А. Бѣлозерская.—В. Т. Нарѣжный—продолженіе біографіи (стр. 1—23).

Записки Ѳ. И. Іордана.—Автобіографія. Очень краткія замѣчанія о Н. В. Гоголѣ, съ которымъ авторъ былъ одновременно въ Римѣ въ 1836 и 1837 г. (стр. 33, 55 и 58).

— **VIII.** Бѣлозерская. Окончаніе біографіи и разбора произведеній В. Т. Нарѣжнаго (стр. 209—238).

Записки Іордана. Разсказъ о чтеніи Гоголемъ «Ревизора» въ Римѣ съ благотворительной цѣлью (стр. 247—249).

Семеновъ, П. Г. Рѣдкинъ. Некрологъ этого извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, малоросса по происхожденію, родившагося и получившаго первоначальное воспитаніе въ г. Ромнахъ, полтав. губ. (стр. 311—326).

Въ замѣткахъ: Письмо Григорія Сковороды къ Черткову (стр. 403).

Русскій Архивъ VII. Въ приложеніи: «Записки Ф. Ф. Вигеля» — авторъ продолжаетъ свои дѣтскія воспоминанія о жизни въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и о видныхъ представителяхъ кіевскаго общества того времени (стр. 49—97).

— **VII.** Въ приложеніи: Записки Вигеля (продолженіе). Описаніе жизни и нравовъ богатой дворянской семьи кн. Голицына, въ домѣ котораго (недалеко отъ Кіева) авторъ прожилъ цѣлый 1799 годъ (стр. 115—142).

Историческій Вѣстникъ VII. Воспоминанія С. В. Скалонъ. Продолженіе дѣтскихъ воспоминаній о жизни въ Малороссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія (стр. 50—64).

Въ отдѣлѣ: —Заграничныя историческія новости—Краткій отзывъ о переведенномъ Гартъ-Девисомъ на англійскій языкъ «Ревизорѣ» съ біографіей Гоголя (стр. 214—215).

Въ отдѣлѣ Смѣсь—замѣтка по поводу 25-ти лѣтія каменецъ-подольской публичной библіотеки, исполнившагося 1 января 1891 г. (стр. 234—235).

— **VIII.** И. Любарскій. Воспоминанія о харьковскомъ университетѣ 1850—

Библиотека "Руниверс"

1855 гг.—Воспоминанія автора о жизни студентовъ и о профессорахъ университета первой половины шестидесятыхъ годовъ (стр. 373—393).

Въ отдѣлѣ: Критика и библіографія—краткая рецензія на «Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Часть седьмая, т. II» (стр. 490—491).

Въ отдѣлѣ Смѣси: замѣтка объ археологической находкѣ бронзоваго періода г. Эварницкаго въ екатеринославской губ., александровскаго уѣзда, въ д. Богодарѣ (стр. 522).

Русскій Вѣстникъ VII. Въ отдѣлѣ: «Изъ жизни и печати» — выдержки изъ отчета г. попечителя кіевскаго учебнаго округа за 1890 г. о состояніи церковно-приходскихъ школъ, чешскихъ и нѣмецкихъ училищъ въ юго-западномъ краѣ (стр. 369—375).

Опечатки

въ статьѣ: „И. О. Тимковскій“ въ августовской книжкѣ:

Стран.	225,	стр.	12	сверху,	напечатано:	„министерст*ву*	надо: „министр*у*“
„	235	„	13	снизу	„	„*по*ала“	„ „*на*пала“
„	236	„	2	сверху	„	„*лишившаяся*	„ „*лишиться*

Дозволено ценз. Кіевъ, 11-го сентября 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIV, 1891 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

		стр.
I.	Іосифъ Шумлянскій, послѣдній православный епископъ львовскій, и его «Метрика». (Окончаніе). **Мирона**	1—21
II.	Путешествіе Императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. **Г. В. Есипова**	22—52, 237—253, 407—426
III.	Азовцы. **П. П. Короленко**	53—74, 171—194
IV.	Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. (Письмо въ редакцію) **Д. К. М.**	75—84
V.	Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ паша) 85—96, 195—211	466—477
VI.	Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в. **Я. Н. Шульгина**	97—118
VII.	Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. **Н. В. Шугурова**	212—236, 375—406
VIII.	Публичная библіотека въ Житомірѣ. (По поводу ея 25-ти лѣтія **В. Ѳ. Боцяновскаго**	452—283
IX.	Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в. (Документъ 1743 г.) **А. Л.**	284—289
X.	Полтавщина въ XVII вѣкѣ. **Ал. М. Лазаревскаго**	357—374
XI.	Ѳедоръ Лисовскій, 1709—1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.). **С. П. Моравскаго**	427—454

Библиотека "Руниверс"

СТР.

XII. Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. **Н. В. Стороженка** . . . . . 455—465

XIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Дѣятельность кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782 г.). **А. А. Андріевскаго.** Кіевскій вооруженный мѣщанскій корпусъ въ 1790 году. **А. А. Андріевскаго.** Судьба кіевскихъ водяныхъ мельницъ. **А. А. Андріевскаго.** Переселеніе запорожцевъ на Тамань. **П. А. Иванова.** Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. **Н. В. Стороженка.** Къ исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ. **Н. В.** Разсказъ о Шелудивомъ Бунякѣ. **Р. Л. Н.** Архивная справка о моровой язвѣ въ Кіевѣ 1770—71 гг. **Ал. Андріевскаго.** Къ объясненію малорусскихъ гаданій. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова.** Преданіе о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго у.). Сообщ. **И. Ѳ. Б—сній.** Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьев. Разумовскаго между сыновьями. **А. Л.** Къ повѣрьямъ о «богатыряхъ». **И. М—ра.** Письмо Н. И. Костомарова. **А. Л.** Червонорусскія вирши XVIII в. **Мирона.** Одинъ изъ предметовъ старинnаго малороссійскаго щегольства Крещенскія скачки въ екатеринославской губ. **Ив. Мажура.** Слезнорыдающее прошеніе малороссійскаго дидаскала. **О. Л.** Сѣчевая школа. **В. Щербины.** Просьба объ установленіи таксы на требы въ половинѣ XVIII в. **А. А.** Разсказъ о «турбаевской катастрофѣ» **Арк. Л—нко.** . . 119—151, 299—326, 478—494

XIV. Библіографія. Н. В. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Историческій очеркъ. Т. I. **Н. В.** Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ рѣки Ингула (1790—1890). **С. Е.** Dr. Antoni J. Opowiadania historyczne, serya siódma. **М. Г.** Dr. L. Finkel. Okopy swiętej Trójcy, dwa epizody z dziejów Polski. **М. Г.** Hammards. Reise durch Oberschleisien zur russisch—kaiserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rümanzow-Sadunaiskoy.—Er-

Библиотека "Руниверс"

стр.

ster Band **С. Е.** Обозрѣніе журналовъ. Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества, т. 3-й. **И. М. Каманина.** К. Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи. 2-е изданіе. **П. Г.** Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элемент. курсъ. **П. Г.** Каталогъ военно-учебнаго архива главнаго штаба. **А. Л.** „Славянскія извѣстія“ о „заграничной Руси“. **Ир. Ж—каго.** Отвѣтъ моему рецензенту. **А. Леонтьева.** Акты издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVI-й. 2) Акты, издаваемые виленской археографическою коммиссіею. Т. XVII. 3) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси. Т. XI. **И. М. Каманина.** Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). М. А. Скабичевскаго. **В. Щербины.** Сборникъ топографическ. свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи **В. Я.** Лисовскій А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. **А. І. Степовича.** А. И. Марковичъ. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. **А. І. Степовича.** «Епархіальныя Вѣдомости» южно-русскихъ губерній въ 1890 г. **И. А. Житецкаго.** А. С. Фаминцынъ. Гусли. **А. І. Степовича.** Обозрѣніе журналовъ. 152—170, 327—356, 495—520

Приложенія: 1) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.
2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

Библиотека "Руниверс"

велено сотникови сторожемъ глинскимъ послать везде. Въ роменской сотнѣ указъ данъ Івану Евстафѣевичу да Михаилу Петрову медъ продавать. До зборщиковъ константиновскихъ писалемъ о привозѣ сюда меду. Отецъ Пасецкій, намѣстникъ красногорскій, и отецъ Фома Збрискій были и обѣдали. Зъ Глухова подводи повернулись 3, на которихъ припроважено кухви горѣлки, зъ Тулиголовъ взятой, мѣрою у полдесяти посатки, да тютюну папушъ 2000. 1000 папушъ тютюну послалемъ до обозу зъ листомъ, къ Юску и Гаврилу писаннимъ, жебы взяли оній зъ собою. Зъ Глухова писма привезени и отъ господара, и отъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй пріехалъ. Подводчикамъ тамъ казалемъ еще по 5 алт. дать. До пѣратинского писалемъ о присилкѣ сюда писара Петрановского. Писаръ полковій Савѣцкій отехалъ до Луговиковъ отсюду, которому и листовъ два, для пересилки въ Лубнѣ, далемъ, еденъ до Ісаи Івановича, о лѣкарствахъ зъ рецептомъ, а другій до Стефана Стефанова, зборщика, въ которомъ и тотъ листъ включенъ, жеби онъ тіе лѣкарства, отобравши и заплативши, прислалъ. Указъ Івану Остапенку и Михаилу Петрову черезъ Яновского данъ, жеби вѣдерко меду, подлого, середного и лутшого, зважившн, дали о томъ знать мнѣ, сколко заважитъ пудъ.

11. Послали въ Глуховъ доношеніе въ коллекгію о меду зборномъ, якъ оного продавать, тако жъ и о імбарахъ для хлѣбного збору, а послалъ черезъ козака атаманъ роменскій. До п. Андрѣя отвѣтъ, до господара два листи: еденъ о господарскихъ інтересахъ, а другій зъ напомненіемъ за.....(?) противъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй зъ Сумъ пріехалъ. П. атаманъ роменскій, зъ Калнѣцкимъ ездившій до обозу, розискивать о побитю учинившомся, повернулся и писмо отъ старости коровин. привезлъ благодарное, что сатисфакцѣя учинена и онъ доволенъ.

12. Неделя. Тютюну присланного зъ Глухова возъ послалемъ до обозу, на низъ идучого, которій въ кулики 4 зложили, а показалось папушъ 950, а не 1000. Авдиторъ Зубовъ отъ князя Галѣцина, зъ Ахтирки, пріехалъ осведомится о дракгунахъ болнихъ и умершихъ. Коваля сторожа послали до обозу, а писала панѣ до

Библиотека "Руниверс"

Юска, жеби чужихъ возковъ, подъ именемъ родителскимъ, не провадилъ и въ судно не бралъ бы, а я до Гаврила, жебы 2000 тютюну взялъ зъ собою, а 800 безъ 50 отдалъ би В..... . (?). Да ему жъ послалемъ еще на дорогу грошей рублей 3. Писалемъ до Юска, жебы хорта, отъ Зарудного дарованного, а взятого зъ собою, завернулъ. П. Павлова лохвицкая пріехала въ Роменъ, и зъ Кролевця госпожа Домянова.

13. Сторожъ чигириндубровскій зъ писмомъ отъ тамошней старшини пріехалъ роспечатаннимъ, которое було въ рукахъ писара Савѣцкого. Да онъ же привезлъ грошей козакамъ, обрѣтаючимся при Сулаке, зъ домовъ ихъ 307 зол., якіе онъ же и повезлъ до табору, о чомъ до наказ. сот. ром. писалемъ. Онъ же отъ атамана чигир. привезлъ моихъ позиченнихъ ему 6 рублей. Справи чолобитчиковъ судились и многіе. Бутурлимови кафанъ стар.. ...(?) далемъ. Коваль сторожъ повернулся и хортовъ двохъ привелъ отъ Юска конюшого, взявшого онихъ. Орановскій поехалъ, которому и наказъ далемъ въ пунктахъ 10. Сотникъ чорнускій обѣдалъ у насъ etc.

14. Леско сторожъ зъ Хорола и Сорочинецъ повернулся зъ отвѣтнимъ писмомъ обозного миргород., въ которомъ отвѣтуетъ готового себе бити до занесенія справи о злодюгахъ въ коллекгію. Жолязо посланъ въ Глуховъ, въ коллекгію, зъ доношеніемъ, чтобъ велено розискать о козакахъ нововписнихъ въ маетностяхъ родителскихъ и чтобъ велено по прежнему зъ курѣнской греблѣ приходъ брать розмѣровій до двора родителского. Чорнускій сотникъ отехалъ домой и пѣратинскій, которому объ отцу Фомѣ предлагалемъ. Хведчунъ явился знову, что не пропускаютъ товару моего.

15. Въ пасѣку свою на Плавинище ездилемъ, где пчоли было 39, и зъ тоей 2 подлихъ. Отецъ Іоанъ, началникъ пустинки Мутинской, пріехалъ. Петровскій явился по розиску, въ Вовковцяхъ учинившомся. Отцу Збрискому инстанцѣялніе объ немъ, къ архіерею кіевскому, писма послалемъ. Романъ молодикъ пріехалъ и привезлъ купленного собою меду кухву повную, а въ ней, по его сказцѣ, вѣдерокъ мѣри сенецкой 14, и особливо вѣдерко едно патоки. До Луки отправили черезъ засулцовъ кухву горѣлки, въ якую 4 вѣ-

Библиотека "Руниверс"

дерки води досипали и полъ кухви соли. У шинку своемъ былемъ, где видѣлемъ новихъ не оббитихъ палубовъ своихъ 3, 1 палубъ старій оббитій, возъ воловий цѣлий, другий цѣлий же, новий, конній, и третего снасть, опрочъ колѣсъ и драбинъ. По отправѣ Гаврила молодика, осталось воловъ моихъ на Куцупѣевщинѣ 14, которіе и мастю въ Ромнѣ переписали.

16. До обозного миргородского знову, черезъ сторожа глинского, писалемъ, склоняя его до злагодного помѣркованя. П. Федору Билиму и Василю Дяченку указъ далемъ править дѣла полковіе по моемъ отездѣ, до которихъ въ присидящихъ придани Петро Верещака и писаръ пѣратинскій. Черезъ старостиху Сухоносовскую писалемъ до Орановского о присилцѣ тютюну, 2500 пашушъ, въ Роменъ. Сотникъ наказ. ром. Савуско повернулся и привезлъ реестра козаковъ.

17. Роману, молодику, казалемъ отправить въ Глуховъ коней 3, у хуторъ, кухву тую, купленную, меду, въ якой вѣдерокъ 14. по его словамъ, а ваги сороковихъ пудовъ 25 безъ 8 фунтовъ; такъ же 10 барановъ до пана Андрѣя, а на насѣнне 12 четвериковъ пшеницѣ, а жеби сіе запроважено было до Каменя, а зъ Каменя, чтобъ Ігнатъ отослалъ въ Глуховъ, писалемъ къ нему. Виехалемъ въ Ахтирку рано, а по виездѣ моемъ, пожаръ въ Ромнѣ учинившись, спалилъ дворовъ не малое число за мѣстомъ и въ мѣстѣ, где и отца намѣстника дворъ зовсѣмъ згорѣлъ. Перевюзшись черезъ Псіолъ у манастира гадяцкого, ночовалемъ якъ би у полъ-милѣ.

18. Поехавши оттуду, переехалемъ Веприкъ и обѣдалемъ, якъ би отъ него верстъ у 3, куда и Мартинъ молодикъ пріехалъ зъ Ромна зъ бутилми (?) водки, до князя данними. Поехавши оттоль, пріехалемъ до манастира ахтирского и противъ оного, на низу, ночовалемъ. Зъ обѣда черезъ почтара писалемъ до Билима и другихъ, чтобъ зслѣдовали, кого недостаетъ въ походѣ нинѣшнемъ и зъ якой сотнѣ, и о томъ бы заразъ писали до сотниковъ, о висилцѣ.

19. Неделя. Пріехалемъ рано въ Ахтирку и сталемъ за городомъ, въ левадѣ п. Василя, брегадирского зятя. Бувъ въ князя Михайла Михайловича Голѣцина, которий мене милостиво принялъ

Библиотека "Руниверс"

и, по службѣ Божой, обѣдалемъ у оного и до подпитку трактованъ былемъ; оттоль пошовши, бувъ у суддѣ Матвѣя Боярского. Принесени писма зъ Ромна, еденъ отъ старшини о пожежѣ и зъ Глухова отъ п. Андрея, о господаревихъ поступкахъ. Присилалъ до мене князь, жебы до завтройшого дня позабавился, а онъ поехалъ поліовать, где и ночовалъ. Марковскій отъ полковника стародубовского присланъ до князя о зведенню мекленбурцовъ, которий у мене и ночовалъ.

20. Былемъ у секретаря княжого Василія Григор. Бѣрулева и у сотника Боярского, у которого о Копилу розговорувалемъ. Обѣдали у мене Бѣрулевъ и конюшій княжій. Сторожъ глинскій повернулся зъ листомъ ответнимъ отъ миргородского обозного, въ которомъ обявляетъ о волахъ моихъ и коняхъ, что оніе до розиску и вершенія дѣла, не отданни мнѣ будутъ. Черезъ Марковского писалемъ до п. Андрѣя, въ Глуховъ, и листъ до Левенца включилемъ въ его листъ, писанний о въ турму посаженнихъ моихъ людяхъ. У вечеру бувъ у Полянского, оберъ-криксъ-комиссара.

21. Рано пріѣхалъ Хведчунъ зъ Копиломъ и явились мнѣ у моего становиска, а Копилови являтись ли до полковника ахтирского, или вернутись, ответу жадного не чинилемъ, и поехавши въ городъ, до князя, зъ дороги послалемъ Івана Ющенка, отказуючи ему, жебы онъ у мене не бувалъ, але якъ собѣ хочетъ, такъ бы и чинилъ. У князя по службѣ божой былемъ, где кушалемъ и, по кушанню, отклонилемся. Заехалемъ до полковника ахтирского Алексѣя Лесевицкого, где архидіякона бѣлогородского, архиерея Тихорского засталемъ, и когда съ хати съ полковникомъ, випроважавшимъ мене, вийшлисмо, въ тотъ часъ на дворѣ полковничомъ, и овихъ Хведчуна и Копила увидѣлемъ. Писалемъ до архиерея бѣлогородского и листъ отцу архидіякону, черезъ сторожа пѣратинского, отослалемъ.

22. До себе Хведчуна призвалемъ и, увѣдомившись зъ его словесного донесения, что зъ девяти воловъ моихъ, осталось 7, и то зъ прикупленними отъ его, а тютюну папушъ 2300, якие купилъ, продавши рибу мою вялую и солсную, имъ же въ Черкаскомъ куп-

Библиотека "Руниверс"

ленную Далемъ ему еще грошей червонихъ два и такъ его отправилемъ. Атютантъ княжий Петръ Григоріевичъ Василковъ писмо мнѣ княжое далъ о солдатахъ болнихъ, оставленнихъ въ шпиталѣ роменскомъ, жеби о нихъ потимъ, когда чили оздоровѣютъ, чили тожъ умрутъ, увѣдомилъ его сіятелство. Виехалемъ зъ Ахтирки передъ вечеромъ, а ночевалемъ якби миль у двѣ, на той сторонѣ Комишовъ. Едучи, нагналемъ двохъ козаковъ пѣратинской сотнѣ села Перервинецъ, зъ табору домой ворочаючихся, которихъ когда спиталемъ для чого вернени, подали мнѣ отпускное писмо Савви Мокіенка, атамана чер. данное имъ. Атаманъ николаевскій [1]), посланний до табору зъ Ромна отъ Билима и Дяченка, споткалъ мене на дорозѣ и подалъ писмо къ мнѣ писанное отъ ихъ, въ якомъ виражаютъ о томъ, что о недосталномъ числѣ товариства писали они жъ до старшинъ, чтобъ висилали вслѣдъ за таборомъ, а до наказного послали репорти отъ сотниковъ, ко мнѣ присланніе, въ якихъ виражено, сколько товариства и хто по именни випроважени въ походъ; зъ тимъ теди ихъ писмомъ и зъ репортами, велѣлемъ ему атаману ехать, наздоганяючи полкъ лубенскій, обрѣтаючійся около Харкова.

22. Зъ ночлега отправилемъ рано сторожа пѣратинского Божка, въ Ахтирку, до князя зъ писмомъ, питаючись, если безопасно позволить ити въ Кримъ купеческимъ людямъ, и давать ли имъ подорожніе, о чомъ до атютанта и до Бѣрулова писалемъ. Поехавши оттоль, обѣдалемъ переѣхавши Веприкъ къ Гадячу, якби у полъмилѣ, а ночовалемъ въ Андріевцѣ, позно пріехавши туда.

23. Въ Андрѣевцѣ службы божой слухалемъ; поехавши оттуду, пріехалемъ въ Луку на обѣдъ и засталемъ родителку и свою (жену?) и многихъ гостей, въ попа отца Федора, где и подпіяхомъ. Братъ п. Андрѣй до Девейзбаха посиланъ былъ въ Андріяшовку зъ писмомъ объ Андрѣевцѣ и привезлъ склонний отвѣтъ отъ его до родителки. Панъ Григорій (Журавка) швакгеръ преставился.

24. Сказали Адаму въ Кримъ готоватись. Отцу протопопѣ лохвицкому Имшенецкому двѣ писмѣ далемъ, sub volanti sigillo на-

---

[1]) Село Николаевка, роменскаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

писаннихъ до архіерея, едно отъ родителки, о отцу Филиппу, а другое отъ мене объ отцу ігумену мгарскомъ Pogалскомъ, инстанціялніе. Сотникъ лохвицкій поехалъ въ Глуховъ. Бабакъ лохвицкій бувъ и говорилъ многая объ обозномъ. Родителка зъ женою моею отехала на Короваи.

25. Братъ п. Андрѣй отехалъ зъ Луки въ Роменъ и оттоль въ Суми, и хорта завелъ Мазана. Алексѣецъ пріехалъ и конѣ лошаки чернѣговскіе зъ собою привелъ. Подполковникъ полку Інгермоландского Редкинъ, идучи въ лагеръ до Гавронецъ, бувъ по службѣ у мене и, напившись водки, отехалъ. Писма привезени ко мнѣ зъ Ромна родителскіе, зъ крѣпости писанніе, о Несторовичу, посланномъ въ Москву оттуду.

26. Неделя. Комисари полковіе Вишневскій и Григорій были у мене и по обѣдѣ отехали. Сотникъ глинскій наказ. Василій пріехалъ. Гудименко зъ писмами родителскими до родителки отправленъ. Мартинъ молодикъ, посиланній отсюду за хортомъ, повернулся зъ онимъ и зъ виномъ стоянцемъ (?) и бутилками двома. Алексѣецъ отправленъ въ Кривую Руду, изъ листами до Милорадовича о степу Коломійченка и до атамана лубенского о найму людей до футора. Онъ же тихъ чернѣговскихъ взялъ лошаковъ, зъ которихъ едного злегчати, а другого оставити на дрикганти казалемъ. Зъ Чигиринъ-Дуброви писано ко мнѣ о забитомъ человѣку отъ дракгуна.

27. Цисъ, наказній сотникъ лохвицкій, пріехалъ, которому тое, что подбивалъ людей на насъ, виговорувалемъ, а писаръ лохвицкій на себе и сказку далъ, что онъ писалъ суплики зъ повелѣнія ихъ. Тому Цисеви велѣлемъ розисковать тутъ, у Луцѣ, зъ Михайломъ ревизоромъ о натягненномъ на старосту убійствѣ отъ мужиковъ и о злодѣйствѣ Далилоя (?) и другихъ у здешнихъ же селянъ. Сторожъ лохвицкій Ничипоренко скаржился на Лукаша, зборщика лохвицкого, что кухву гор. взялъ у его и нещадно его билъ.

28. Желязо повернулся зъ Глухова зъ нѣщимъ. Хоружій Бутурлимъ пріехалъ. По розиску показался: староста не виноватъ, а Далилой пороченъ. Мужики лучанскіе и два зъ козаковъ стутники (?)

Библиотека "Руниверс"

наказани. Мартинъ молодикъ посланъ въ Роменъ для виправи возковъ въ Кримъ; ему жъ дано грошей рублей 5 и болшъ у шинку велено у взяти. До Волжина посилалемъ листъ о заводѣ хорольскомъ.

29. П. Андріяшъ пріѣхалъ ко мнѣ. Цисъ отправленъ въ Лохвицю. Романъ молодикъ пріѣхалъ и зъ шинку лубен. привезлъ 5 рублей. Получилемъ указъ зъ енер. канцеллярiи за подписомъ колежскимъ о даванию подводъ безъ прогоновъ князю Трубецкому и при ему обрѣтаючимся инженѣру и гедиозистамъ, мѣючимъ осмотрувать дороги подле Днѣпра. При томъ же указѣ и листъ правителей зъ требованiемъ вѣдомости отъ мене: жиди и другiе посторонніе купци сукна и матерiи гуртомъ ли или въ раздробъ торгуютъ, по якомъ опредѣленію?

30. Получилемъ листъ отъ п. Павловой о подданихъ ея, не хотячихъ слушать, такъ же и о Андрiенку, винномъ ей же, до которой и отвѣтовалемъ, а о подданихъ писалемъ до Бутурлима, жеби, туда зехавши, смирилъ, а о Андрiенку до Цися, жеби до отдання долгу его принудилъ. До Билима и Дяченка писалемъ въ Роменъ о продажѣ меду зборного. Укази отъ себе въ полкъ, противъ принесенныхъ указовъ, писалемъ. Черезъ Москалця, жителя роменского, послалемъ грошей рублей 5 Мартину, взявши у Романа для виправи у Кримъ. Отъ Івана Остапенка о меду, якъ его продавать, доношеніе.

1. Май. Укази мои, попысанніе противъ указовъ 29 числа принесенныхъ, послалемъ въ сотнѣ козаками лучанскими. Василь Дейнека, бувши тутъ, далъ карту за рукою о поступкахъ Кальнѣцкого, и зъ тимъ отехалъ, что мѣлъ дать грошей рублей 30 мнѣ, якихъ будто 134 зол. виненъ Кальнѣцкому, а не 50 рублей. Андріяшъ отехалъ. Далилою и другому, здешнимъ козакамъ, наказалемъ ехать шукать своихъ синовъ, въ злодѣйствѣ показавшихся, а если не зищутъ, то жебы сами платились за ихъ проступство. До Бутурлима писалемъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ степу Федора Коломиченкового и козакомъ лучанскимъ листъ посланъ.

2. Лѣкарство—плявки принималемъ. Листъ зъ канцел. енер. присланъ о уменшенню компанѣйцевъ у селахъ Троцкой. Другій

Библиотека "Руниверс"

листъ, оттуду жъ, о присилцѣ сторожовъ двохъ въ Глуховъ на мѣсяцъ, для отвозки, куда потреба укажетъ, зъ оной канцеллярiи писемъ. Бутурлимъ и Григорашъ, посиланнiе въ Чернухи ради постановленя атамана, писали ко мнѣ, доносячи, что за завзятестiю сотника невозможно было Янковского, которого и многiе хотѣли, учредить. Сотникъ чорнускiй за тимъ же, жебы ему не быть, прiездилъ сюда.

3. Неделя. Сотникъ чорнускiй отехалъ отсюду зъ тимъ, чтобъ одержатись зъ атаманствомъ до повороту род. Заборовскiй прiехалъ просить на веселнiй свой актъ. Романъ молодикъ посланъ въ Роменъ на перемѣну Мартина; черезъ его жъ писалемъ листъ и въ ономъ iнформацiю о покупкахъ до Адама. Бутурлимъ, хоружiй пол., повернулся зъ Чернухъ.

4. Прапорщикъ Волжинъ зъ Романовичемъ, повернувшись зъ Городища, были тутъ у мене въ Луцѣ. Заборовскiй отехалъ. Черезъ сторожа лохвицкого Ничипоренка послалемъ въ Глуховъ до правителей отвѣтъ о полученныхъ указахъ и объ отставцѣ сторожовъ. До Кошелiова такъ же писалемъ, просячи себѣ наставленiя о продажѣ меду. Такъ же до п. Андрѣя и до Остапа, о господарскихъ поведенiяхъ. Зъ Чигиринъ-Дуброви прислано осятровъ два. По старосту, войта и атамана присланъ указъ ехать имъ въ Глуховъ (лучанскихъ).

5. Указъ данъ Бутурлиму ехать въ Токарѣ, и тамъ атамана Боженка скинуть, а прежнего поставить. Атаманови лучанскому казалемъ ехать едному въ Глуховъ, противъ жалоби Петренка отвѣтствовать, за которимъ и писмо до правителей писалемъ и до роменской старшини писалемъ о томъ же, чтобъ писмо дали. До той же старшины писалемъ о продажѣ меду, отвѣтуючи на доношенiе Остапенка, и о болнихъ дракгунахъ. До чигиринъ-дубровской старшины объ отвозѣ меду въ Лубнѣ писалемъ, а о прiемѣ онаго до лубенской. До пѣратинского наказного писалемъ о присилцѣ въ Луку двохъ злодѣевъ, подездившихъ подъ футоръ п. асаулиной. До Цися о зятеви, что онъ не бивалъ ли въ Сѣчѣ, писалемъ. Виехалемъ зъ Луки передъ вечеромъ, а прiехалемъ позно на ночь въ Сухоносовку.

Библиотека "Руниверс"

6. Писалемъ зъ Сухоносовки до старости короваювского, чтобъ онъ до винницѣ моей зъ ярмарку пѣратинекого купилъ кадокъ три и протчіе посуди. Сотникъ чорнускій пріехалъ и презентовалъ атамана наказ. чорнуского. Онъ же сотникъ подарилъ пару кадей. У пасѣцѣ былемъ и видѣлемъ пчоли цѣлой 91 улей. Поехавши зъ Сухоносовки по обѣдѣ, пріѣхалемъ на ночь въ Юсковцѣ.

7. Зъ Юсковецъ поехавши, пріехалемъ къ перевозу оржицкому и тамъ обѣдалемъ; оттоль поехавши, приехалемъ ноччю у футоръ свой криворудскій. Коронацѣя императрици была.

8. Четвертака, вороного лошака, родител. дарованного, проучували, и рижострокатого. Чигириндубровскій атаманъ бувъ и двохъ коропов привезлъ свѣжихъ. Два укази зъ коллекгіи получилемъ: 1, о присилцѣ для свѣдителства въ оную коллекгію, въ интереснихъ дѣлехъ, Михайла Кривого пѣратинского, а 2, отвѣтній о меду, чтобъ по прежнему указу продавать оной. Чобилу (?) приблуду Кузка лукомскій припроводилъ зъ собою. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и на писмѣ далъ вѣденіе о виправленнихъ возахъ моихъ у Кримъ трохъ, на которихъ тютюну лутшого каменей 20 и 5 фунтовъ, подлѣйшого 51 камень; папушъ зась всѣхъ числомъ 3460, а такъ ваги всего тютюну: каменей 71 и 5 фунтовъ. Горѣлки кухва простой, заправлюваной носаткою оковитой, а въ ней ваги 32 каменѣ, а кухва особливе положена въ трохъ каменяхъ; и масла кухва, а въ ней ваги самого масла 28 каменей, а кухва 3 каменѣ. На тую жъ дорогу Адамови дано грошей 20 таляръ. У Василя Дейнеки Мартинъ, по указу моему, отобравши 30 рублей, зъ тихъ то грошей 20 талеръ далъ Адамови, а 30 талеръ ко мнѣ сюда привезлъ; особливе привезлъ червонихъ два, отобравши отъ Романа Молодика, а зъ тихъ 10 рублей, даннихъ ему Мартинови, стратилъ на дорогу кримскую, купуючи дещо, особливе задатку двомъ далъ гайдаямъ 10 зол., а третему гривню, и еще для того жъ задатку Романови рубля оставивши; стратилъ всего 32 зол. и 7 шаг., а въ его осталось 17 зол. и 3 шаг. Бѣлого дрикганта позичилемъ Андріяту, якого молодикъ его и взялъ зъ собою.

Библиотека "Руниверс"

9. Слизкоухъ, за безчестіе мое, покаранъ кіемъ. Атаманъ горошинскій подалъ супплѣку на горошинцовъ, именно: Івана Ілляшенка за многіе безчестія ему чинячіеся, по якой оніе зисканни, и Уласа ктитора, ухилившогося отъ походу, за тое положили и вдарили 4 раза, а потомъ отпросили старшина. Указъ посланъ черезъ сторожа лубенского Кабанниченка до Юска Василченка, жебы Михайла Кривого зъ Пѣратина въ Глуховъ, до коллекгіи, запровадилъ. Данъ указъ сотникови наказ. лукомскому о продажѣ меду и о репортѣ, другій—о вспоможенню въ форпостахъ по 50 человѣка, 3, о утвержденіи атамана и войта въ Горошинѣ, чтобъ впредъ не скидано. До роменской старшини писалемъ о писмѣ князя Голѣцина, о пропуску въ Кримъ. Ездилемъ оглядать концовъ, около футора моего починеннихъ по могилахъ, а отъ футора Григор. Горошка по рудку. Въ криворудскомъ футорѣ показалось, по картѣ Орановского, статку всего: дригантовъ 7, семій бѣлій, Андріяшу позиченъ, кобилъ зъ лошатами 24, яловихъ и жеребнихъ 44, коней ижджалихъ 6, неижджалихъ, пятаковъ 5, четвертак. 5, и третяковъ—17, стрижаковъ—17, лошатъ—24, стрижокъ—12, итого 161. Товару: коровъ дойнихъ 44, яловихъ—31, бугаевъ—5, воловъ рабочихъ—20, четвертаковъ—13, третяковъ—21, добляковъ—12, назимковъ—12, третякъ—22, назимокъ—13, телятъ—бичковъ—18, теличокъ—18, итого 229.

10. Неделя. Поѣхавши рано зъ криворудского футора, обѣдалисмо противъ Мойсѣевки, гдѣ ляхъ, шинкаръ горошинскій, за арештъ взятъ и посланъ въ Лубнѣ. Іляшенку и другимъ козакамъ двомъ простилемъ, а они передомъ карту дали за подписомъ писара лукомского, уступаючи степу до футора моего по концѣ. У футорѣ криворудскомъ взялисмо молодихъ коней четвертаковъ 3, 1 гнѣдій лисой, 2 вороній бѣлоногій, 3 вороній, а оставилисмо тамъ ижджалихъ 3, для отпасу. Еще жъ взялисмо вороного лошака, род. дарованного, молодого и ижджалого вороного, бѣлоногого. Оставленни тамъ конѣ: 1, гнѣдій четверній, 2, рижій шинкар., 3, кобила сухоносовская. Еще жъ браку оставилисмо тамъ коней 7, зъ которихъ 5 велѣлемъ гнать въ Роменъ, зъ овцами. Получилемъ указовъ

Библиотека "Руниверс"

2 зъ канцеляріи: 1, объ обученіи людей дѣлать фашини, 2, о даванню свѣдителствъ зъ городовъ посадскимъ, а отъ помѣщиковъ крестьянамъ—взглядомъ подрадовъ. Тамъ же и 3 указъ объ описѣ, коя . . . . (?) зъ коллегіи въ сенатъ, и отъ правителей о денги на церковъ печерскую. Особливо 2 указа зъ коллегіи получилемъ: 1, о подрадѣ вина, а 2, о дѣлахъ, которіе тайности подлежатъ. Въ Лубнѣ пріехалемъ при заходѣ слонца, где засталемъ у родителки полковникову миргородскую, которая долго сидѣла въ ночъ и вечерала.

11. По службѣ божой у Ісаии Ивановича, аптекара, былисмо, и тамъ кагве напившись, до панеи Ивановой, а оттоль до аптеки пошлисмо, оставивши п. Корнѣя болного; въ аптецѣ долго замедлѣли, где водкою почтувано. Потомъ до п. Троцкой зайшлисмо, а оттоль поехали въ Александровку на обѣдъ. Тамъ отецъ Петро лукомскій явился, прося управи зъ своихъ злочинцовъ, покравшихъ у его гроши. Кодинця старого синъ [1]) подалъ супплеку о покраденнихъ волахъ его.

12. Писма получилемъ зъ Глухова отъ швакгра п. Андрѣя и господара о рознихъ поведеніяхъ господарскихъ, особливо о саду и о 9 кухвахъ гор., въ Тулигол. обрѣтаючихся. Между тими писмами, писма отъ п. Несторовича получилемъ, зъ которихъ въ едномъ пишетъ о своемъ въ Москву апр. 4 прибитіи, где надѣется милости монаршой и на послвшихъ, и на себе. Писма послалемъ 2: 1, до сотника наказ. лукомского, о межѣ учиненню зъ горошинцями, 2, до Орановского, о томъ же, и объ осторожности при футорахъ, взглядомъ пожежи отъ хоролціовъ. Отправилемъ въ Глуховъ сторожа чорнуского до Яснополского, швакгра и господара. Въ монастиръ лубенскій пріехалемъ и тамъ служби божой слухалемъ. Тамъ же получилемъ писмо отъ Еропкина Александра, пріѣхавшого въ Лубнѣ, которій проситъ о колеса задніе, къ которому и отписалемъ. Занковскому—о присилцѣ осятровъ двохъ и упомненюся у п. Ивановой о коновцѣ, предлагалемъ. Атамана лубенского, за побитте писара

[1]) Повидимому, говорится о Мартынѣ Кодинцѣ, бывшемъ въ 1728 г. лукомскимъ сотникомъ.

Библиотека "Руниверс"

тамошнего, наказовалемъ. Ему жъ говорилемъ о присилцѣ допросу, надъ ляхомъ учинившомся. До Тишокъ пріехалемъ на обѣдъ, где родителка у столу говорила о дарованнихъ отъ себе намъ 50 бранкахъ овцахъ зъ ягнятами тилкомажъ и 5-ма баранами, и объ обѣщанной четвернѣ коней. Зъ Тишковъ писалемъ до Занковского о намѣренной отъ хорольціовъ пожежи хутора и до атамана лубенского черезъ Сухомузкого, о присилцѣ сказки ляха. Сотникъ лубенскій, ворочаючій въ домъ зъ Бубнувъ, бувъ тамъ же и видѣлся зъ нами. Листъ получилемъ отъ Романа молодика зъ Ромна, въ якомъ виражаетъ о виправѣ кримской, что моихъ возовъ вийшло 3, на которихъ тютюну каменей 70, масла каменей 27, горѣлки кухва, ваги каменей 30. Поехавши зъ Тишковъ, пріехалисмо въ Луку на ночъ.

13. Конь гнѣдій, цыганъ, на которомъ Василь молодикъ ехалъ, здохъ. Черезъ Федка бѣлополовского послалемъ до Романа грошей на покупки въ ярмарку нѣкоторихъ рѣчій, червонихъ 4 московскихъ и рубліовиковъ 5. Отъ лукомской старшини получилемъ писмо о томъ, что меду покупать тамъ нихто зъ тамошнихъ жителей не обыскуется. До лукомской старшини писалемъ, жеби медъ дослали увесь у Лубнѣ, а до лубенской, жеби оній приняли и старались спродать. До лубенского атамана о сказцѣ ляха, жебы была прислана зъ упомненнемъ, писалемъ. До овдоколского старости писалемъ о присилцѣ куховъ 20 олѣи, посудку дворового въ Глуховъ и о покупцѣ кошолъ паръ 30 для парубковъ, у ярмарку стародубовскомъ. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Глухова и привезлъ указъ отъ правителей, въ которомъ предложено, же по доношенію Корицкого показалось въ походѣ настоящомъ самихъ господарей полку лубенского зъ сотень 502, наемнихъ 73, а недосталнихъ 25, и чтобъ недосталнихъ заразъ висилать, а о наемнихъ слѣдованіе будетъ и отвѣтствовать предлагаетъ. Отписали правителѣ ко мнѣ конечне, требуючи присилки товаришей значковихъ.

14. Вознесеніе. Послалемъ лучанскими козаками въ Глинскъ, а въ Лохвицю писаремъ лохвицкимъ Терентіевимъ, укази, во всѣ сотнѣ попысанніе, о висилцѣ недосталного товариства въ походъ, и

Библиотека "Руниверс"

объ отвѣтствіи, въ якой сотнѣ наймити вислани и чего ради? До Григорія, комиссара пол., черезъ того жъ писара, писалемъ о присилкѣ ко мнѣ смѣти роздачѣ грошевой на церковъ печерскую, обложенной на полкъ. Указъ зъ коллекгіи присланъ о показаніи списку компутовъ Волжину по челобытью нѣкоторихъ вовковчанъ. Тогда жъ принесена інструкцѣя, солдату Баеву данная, чтобъ я и срѣбранскій сотникъ явились въ Глуховъ, въ коллекгію, для свѣдителства въ дѣлѣ князя Четвертенского. Передъ вечеромъ поехавши зъ Луки, пріехалемъ на ночъ въ Токарѣ. До старости короваювского писалемъ, жеби кадки куплени, конѣ прислани въ Луку и постриженa би вовна, и зложена до указу моего зъ овецъ дарованнихъ мнѣ 50 зъ ягнятами, тилкомажъ бранками.

15. Семенъ Слюзенко пріехалъ зъ Москви и явился въ Токарахъ и отдалъ писмо отъ Несторовича, зъ Москви писанное, въ которомъ обявляетъ, что милостивый его імператорского величества указъ состоялся перемѣнить корпусъ, въ крѣпости ст. Креста обрѣтаючійся, другимъ толикожъ численнимъ, тоесть десятотысящнимъ корпусомъ, къ которому коммендиромъ главнимъ опредѣленъ Михайло Милорадовичъ, полковникъ гадяцкій, и велено имъ стати тамъ въ іюл. мѣсяцѣ, у крѣпости святаго Креста. Въ Токарахъ устроилемъ атаманомъ прежнего Бѣличенка, а Петра Богданенка велѣлемъ взять и припровадить въ Роменъ, за противность. Кобилъ моихъ судейскихъ 2 у артополотского футора, гнѣдихъ, зъ которихъ една зъ лошакомъ гнѣдимъ, по сказцѣ старости токаровского. Пріехалемъ въ Андрѣевку о полудни. До обозного въ Лохвицю писалемъ, чтобъ старался медъ зборній по указу продавать. У Куцупѣевщинѣ былемъ, где оставилемъ коней молод. 4, а старѣйшихъ 16. Ляхъ Матяшевскій зъ Лубенъ присланъ.

16. Солдатъ зъ інструкцѣею явился ехать мнѣ въ Глуховъ, которій посля кричалъ. Лубенскій сторожъ въ Глуховъ посланъ зъ листами многими; 1, въ коллекгію, что я свѣдитэлства въ дѣлѣ князя Четвертенского не имѣю и нелзя ехать за дѣлами; 2, до правителей, о ляху Матяшевскомъ; 3, о вѣденіи зборовъ на церковъ печерскую; 4, до Кошелева и 5, до Сухарева, о солдату

Библиотека "Руниверс"

кричавшомъ; 6 и 7, до п Андрѣя, о присилцѣ грошей, и до господара, о поведеніяхъ. Зъ нимъ же и хлопецъ Цапъ отправленъ. Получилемъ листъ отвѣтній отъ п. обозного, что онъ боленъ, имѣетъ въ Лубнѣ на розискъ ехать, и потому меду продавать не можетъ, до которого отписалемъ, на першій мой зсилаючись листъ. До Седнева отправилемъ зъ отвѣтомъ, что нелзя бить на веселля. Юско Василченко зъ Михайломъ Кривимъ пѣратинскимъ поехалъ въ Глуховъ. У Волжина былемъ и у лазнѣ.

17. Недоля. Волжинъ и аптекаръ Гейтеръ обѣдали; по обѣдѣ Нелидовъ приходилъ. Чаю фунтъ купилемъ. Вори черкаси убили здешняго жителя за Проціовкою [1]), Павлюка, 2 человѣка, 2 жуник и собака чорній.

18. Родителка вина венгерского 2 бочки купила за 100 рубл. на воскъ (?) Теперъ сторожъ лубенскій и Цапъ, а не 16 числа, отправлени. Укази імпер. велич. опублѣковалемъ и послалемъ въ сотнѣ: 1, о подрадѣ вина, 2, о несудимихъ подозрителнихъ въ коллегіяхъ. Были на Монастирищѣ.

19. Укази о меду въ сотнѣ лохвицкую, пѣрат., чернус. и город. Особливо указъ опублѣкованъ о неписаніи тайнихъ дѣлъ въ писмахъ. Лучанскій староста пріехалъ и привелъ кобылу, приведенную къ нему зъ Пѣратина, а коня, заносатѣвшого, въ Луцѣ оставилъ лѣчити.

20. Глинскій житель Горулювичъ зъ дякомъ николскимъ Малишевичомъ до помѣркованія пріишли и карту мнѣ на себе дали доносителную. Литвинко машталѣръ пригналъ зъ Кривой Руди овецъ 40, 7 коней и 3 корови зъ телятами да вовни рунъ 600. Черезъ его жъ прислалъ Орановскій писмо, отъ горошинціовъ данное мнѣ, въ которомъ уступуютъ степу до футора моего Криворудского на сей сторонѣ рѣчки Кривухи,—по концѣ, а на той—поки хотя. О меду другіе укази послани въ сотнѣ роменскую, глинскую, смѣловскую и сенецкую.

[1]) Село около г. Ромна.

Библиотека "Руниверс"

21. Именини сестри и жени моей праздновали. По обѣдѣ, принесена вѣсть зъ Курознова отъ Рубцевой, что Семенъ Рубецъ, новоустроенній суддя полку стародубовского, умеръ мая 4. Того жъ числа 9, померъ и п. Демянъ Якубовичъ журавскій.

22. Повернулся Юско Василченко зъ Глухова и далъ вѣдать, что Михайло Кривой отданъ за караулъ въ коллекгіи. До Сухомузкого посланъ указъ—суди ярмарковіе въ Лубняхъ отправляти. Госпожа Михайлова воронѣжская и протчіе гости воронѣжскіе и кролевецкіе поехали зъ Ромна. Въ Глуховъ послано 40 овецъ и 3 корови и 5 кобилъ до футора; зъ тихъ велено вилучить овецъ 5, а корову 1, до пустинки Мутинской. Еще жъ послано вовни ярочой рунъ 200, кухву пшена и муки всякой, опрочъ житной, по кухвѣ; а назадъ кобилокъ молодихъ 2 послано черезъ Литвинка машталѣра въ футоръ Криворудскій. Яковъ позичилъ родителскихъ грошей, на ратушѣ положенних, 100 зол. Якову далемъ облѣкгъ отъ купца гданского, на 70 р. данной, и дзигарикъ, и листъ до Костенецкихъ, и листъ другій до аптекара гданского, о информаціи лѣкарствамъ писанной, а все тое Костенецкимъ, жебы отдалъ Яковъ, предложилемъ ему; еще жъ и реестръ на покупки тимъ же Костенецкимъ. И пасѣцѣ своей былемъ, где пчоли показалось 34, а 5 пропало.

23. Указъ зъ войсковой канцеляріи принесенъ о томъ, чтобъ хто похочетъ подрадится поставить муки житной и крупъ у Изюми, где магазейни устроенни, явился. Сотникъ городискій пріехалъ. Отъ обозного писмо получилъ, въ якомъ себе нехотячого принятись до продажи меду признаетъ. Отъ лукомского сотника писмо зъ горошинскимъ писмомъ, о уступленню степу до футора моего, принесенно и писмо хоролского сотника о футорѣ родителскомъ, жебы его знести. Вахмистръ полку Інгермонландского пріехалъ зъ указомъ коллежскимъ о видачѣ раціоновъ штапъ, оберъ и унтеръ офѣцерамъ нѣкоторимъ того жъ полку, за каналъ. Селецкій поехалъ въ Глуховъ зъ челобитними въ коллекгію и зъ нимъ войтъ лучанскій на отвѣтъ по челобиттю Петренченка.

Библиотека "Руниверс"

24. Неделя. Сошествіе ст. Духа. Указъ зъ вой. енер. канц. о висилцѣ 176 подводъ зъ полку въ Гадячъ, для отвозу оттуду провіянту въ Ахтирку, ландъмилицѣи. Указъ о подрадѣ муки въ Узюмъ и проч. опублѣкованъ. Сотникъ лохвицкій пріехалъ зъ Глухова etc. На Засуллю ночовали. Указъ колежскій о доправкѣ 20 рублей на сотничцѣ сенецкой присланъ.

25. Гайдученка и Івана Солодушенка виправили до пана. Поехалисмо на обѣдъ въ Вовковцѣ до обозной, ради веселля, совершившогося синови ея зъ дочерю панѣ Войцеховичевой Седневской. [1]) Кубочокъ срѣбній отъ Іванихи Корнѣс: дарованъ имъ. На ночъ пріехалисмо въ Роменъ и на Засуллю ночовали. Сторожъ повернулся зъ Глухова.

26. Укази о висланню подводъ зъ полку, по указу, въ Гадячъ послани черезъ Івана Гузенчишиного зятя, въ сотнѣ. Черезъ Котлубая указъ посланъ до сенецкой сотнички о видачѣ 20 руб. Григорій комисаръ пол. пріехалъ и отправленъ знову въ Лохвицю, чтобъ ехалъ въ Гавронцѣ, за раціонами, требуемими отъ інгермоландскихъ офѣцеровъ, и сказки отъ нихъ ему взять. Данило Кириловъ, войтъ бывший, отехалъ, которому жеби бить по прежнему войтомъ писалемъ до сотника лохвицкого. Отецъ Александеръ кролевецкій пріехалъ. Фузѣй 2 зробили слюсари. Брату моему п. Андрѣю Богъ даровалъ сина Іоанна.

27. До пана судіи прилуцкого отписалемъ о требованіяхъ его двохъ и писма: одно, до сотника наказного пѣратинского, о поздѣ его въ Перервинцѣ, за степъ, а другое, до сотниковой пѣратинской о зогнаню статку ея зъ перервинского стену. До Григорія Остапенка, комисара пол., отписалемъ и писма до Шереметева и Редкина, тако жъ и інструкцѣю ему въ 5 пунктахъ послалемъ, въ дѣлехъ до полку стягаючихся. До Андріяша писалемъ о томъ, чтобъ далъ вѣдать, если посилать по вино волосское. Чернѣговскіе чили седневскіе гостѣ поехали зъ Ромна. Жена моя отехала въ

[1]) Говорится о женитьбѣ бунч. тов. Ѳедора Ивановича Тимченка-Заборовскаго на дочери умершаго седневскаго сотника Петра Войцеховича Ѳедосьѣ. См. Сулимовск. Арх., XXI № 267.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одежд, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Библиотека "Руниверс"